

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

СИСТЕМОГЕНЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игра
Учение
Труд

В четырёх томах

Москва
2017

СИСТЕМОГЕНЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игра. Учение. Труд

Том III

**А. В. КАРПОВ
Е. В. КАРПОВА**

СИСТЕМОГЕНЕЗ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Структурно-функциональная организация
и генетическая динамика**

Москва
2017

УДК 159.9
ББК 88
С40

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Российской академии образования

Рецензенты:

А. Л. Журавлев – доктор психологических наук, профессор, академик РАН и РАО

Ю. П. Зинченко – доктор психологических наук, профессор, академик РАО

С. Б. Малых – доктор психологических наук, профессор, академик РАО

Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд : монография : в 4 т. —
С40 М. : Изд. дом РАО; Ярославль : ЯрГУ, 2017.

**Т. III: Системогенез игровой деятельности : структурно-функциональная
организация и генетическая динамика** / А. В. Карпов, Е. В. Карпова. – 686 с.
ISBN 978-5-8397-1105-1

В этом томе монографии представлены материалы, направленные на раскрытие основных закономерностей структурной организации, функциональной динамики, а также генезиса игровой деятельности. Тем самым в нем по отношению к ее исследованию реализованы три базовых гносеологических плана – структурный, функциональный и генетический.

Вскрыты и проинтерпретированы основные генетические закономерности формирования и развития базовых компонентов общей структуры игровой деятельности, а также определен и объяснен общий тип ее формирования и развития в онтогенезе. Выявлена и охарактеризована глубокая качественная специфика формирования основных компонентов игровой деятельности по отношению к двум другим основным типам деятельности – учебной и трудовой.

Сформулированы новые представления об основных принципах и закономерностях функциональной организации игровой деятельности. Выявлена и проинтерпретирована специфика функциональной роли в организации игры и игровой деятельности всех описанных в настоящее время классов психических процессов – когнитивных, эмоциональных, мотивационных, интегральных, метакогнитивных и др.

Впервые системогенетический подход реализован по отношению к исследованию формирования и развития игровой деятельности. Выявлены и раскрыты не описанные до сих пор принципы системогенеза, а также новые сферы, уровни и проявления его действия. Обоснована необходимость понимания процесса генезиса деятельности в качестве еще более сложного типа развития – как процесса метасистемогенеза. Данный тип, сохраняя в себе основные системогенетические принципы, характеризуется и новыми – специфичными только для него принципами и закономерностями, подробно охарактеризованными в книге.

Книга адресована психологам и педагогам, а также представителям смежных областей, в которых исследуется проблема игровой деятельности.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ),
№ проекта 16-18-10030;*

Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № проекта 16-06-00210

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-8397-1105-1 (т. III)
ISBN 978-5-8397-1102-0

© А. В. Карпов, Е. В. Карпова, 2017

© ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2017

© Издательский дом Российской академии
образования (РАО), 2017

Глава 1. СТРУКТУРНЫЙ ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ГЕНЕЗИСА

1.1. Специфика структурного плана исследования игровой деятельности и ее генезиса

Представленные в предыдущем томе материалы позволили реализовать по отношению к «феномену детской игры» первый основной гносеологический план исследования, предписываемого «алгоритмом системного исследования», – метасистемный (онтологический). Он, соответственно, является и первым этапом реализации базирующейся на нем комплексной стратегии исследования. Теперь на основе полученных при его осуществлении результатов необходимо перейти к следующему основному гносеологическому плану исследования, предписываемому данной стратегией, – *структурному*. В наиболее общем виде он направлен на объяснение механизмов и закономерностей уже не внешних – «*экстрасистемных*» взаимодействий, а внутренних – «*интрасистемных*» механизмов и закономерностей, лежащих в основе собственной организации деятельности.

При реализации данного гносеологического плана – и в целом, и по отношению к исследованию игровой деятельности, в особенности, необходимо учитывать ряд значимых методологических обстоятельств, а также особенностей самого этого плана. В свою очередь, они достаточно отчетливо подразделяются на две группы. Первая – это *общие* особенности; они связаны с атрибутивными характеристиками структурного исследования любой системы как такового. Вторая – это *специфические* особенности; они обусловлены качественным своеобразием изучаемой системы в каждом конкретном случае, – в частности, своеобразием игровой деятельности.

Так, к особенностям первой группы необходимо отнести следующие черты данного исследовательского плана. Прежде

всего, именно структурный план (аспект) исследования, фактически, любого предмета выступает не только как один из ключевых, но и во многом как *определяющий* для его раскрытия в целом. Дело в том, что он во многом тождественен решению, пожалуй, основного гносеологического вопроса – вопроса о *содержании* и составе, а также о принципах *организации* изучаемого предмета; решению вопросов о том, «из чего он состоит» и «как он организован». Немаловажно и то, что этот ключевой аспект исследования обычно характеризуется и наибольшим объемом конкретных задач и процедур, которые необходимо осуществить для его реализации. Следовательно, его осуществление является и одной из наиболее *трудоемких* в исследовательском отношении задач. Наконец, следует учитывать, что данный этап – именно в его общем виде включает в себя несколько основных и во многом достаточно специфических по отношению друг к другу *подэтапов*. Напомним, что они уже были зафиксированы в главе 2 первого тома и состоят в следующем.

Во-первых, определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной *цели* как критерия ее дифференциации от среды. Во-вторых, выделение системы из «среды» в качестве *относительно самостоятельной* на основе определенного критерия, в качестве которого выступает цель как системообразующий фактор. В-третьих, установление *компонентного состава* системы на основе «критерия *взаимосодейственности*» (П. К. Анохин [10]), согласно которому в качестве компонентов системы рассматривается все то, что в той или иной мере содействует достижению ее цели. Наконец, в-четвертых, – это и *собственно структурное* изучение системы, то есть определение совокупности связей между компонентами, установленными на предыдущем этапе. Подчеркнем также, что именно два последних подэтапа (связанные, соответственно, с определением состава – *содержания* изучаемого предмета, а также с установлением закономерностей его собственно *структурной* организации), являются основными.

Все указанные выше обстоятельства и особенно – дифференцированность и внутренняя гетерогенность структурного плана обуславливают то, что именно он, как правило, не только

наиболее сложен и трудоемок, но и в наибольшей степени воплощает в себе трудности исследования, которые обусловлены спецификой изучаемого предмета.

Вторая группа особенностей данного плана исследования (специфических) обусловлена конкретным содержанием той или иной системы, которая и подвергается раскрытию с его позиций в каждом конкретном случае. По отношению к предмету данного исследования (игровой деятельности) эта группа достаточно отчетливо и вполне естественным образом также подразделяется на две подгруппы. Данная дифференциация непосредственно обусловлена спецификой того общего методологического подхода, который принят нами в качестве основы для изучения «феномена детской игры». Суть данного подхода, как уже подчеркивалось выше, состоит в том, что игра рассматривается именно как *игровая деятельность*, то есть с позиций ее трактовки – пусть как и предельно специфического и своеобразного (даже уникального), но все же *одного из* основных типов деятельности [115]. Вместе с тем, такой подход вовсе не означает игнорирования традиционных подходов к исследованию данного феномена, в которых явный приоритет отдается его раскрытию, прежде всего, как *игровой деятельности* (то есть – «просто» как игры).

Следовательно, первая подгруппа специфических особенностей реализации структурного плана по отношению к исследованию игровой деятельности объективно сопряжена с его принадлежностью к одному из типов деятельности, то есть имеет сказать *деятельностную* обусловленность. Вторая же подгруппа специфических особенностей имеет уже преимущественно *«игровую»* обусловленность, то есть вытекает из психологической специфики самой детской игры¹.

---

¹ Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что, в действительности, существует еще одна группа особенностей структурного плана исследования игровой деятельности, обусловленная тем, что в ней достаточно отчетливо воплощены базовые особенности организации качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Данная категория будет подробнее рассмотрена в параграфе 1.3.9. данного тома.

Так, к деятельностно-обусловленным особенностям структурного изучения необходимо, в первую очередь, отнести следующие его черты. Во-первых, как известно, принципиальные трудности структурного изучения деятельности обусловлены чрезвычайно высокой степенью гетерогенности как самой категории деятельности в целом, так и ее конкретных видов, типов, классов и пр. Именно качественная гетерогенность деятельности, ее полиморфизм и полиструктурность являются объективными и, пожалуй, основными причинами тех принципиальных трудностей, которые возникают при реализации структурного плана ее исследования. Эти трудности велики и множественны – они столь же разнообразны и гетерогенны, сколь многообразен и полиструктурен сам «феномен деятельности».

Во-вторых, необходимо учитывать, что общая логика развития и основные особенности современного состояния проблемы деятельности в целом и ее структурного анализа, в особенности, привели к становлению *двух* основных макроподходов [118]. С одной стороны, это – структурно-уровневая парадигма разработки психологической теории деятельности, в которой акцент делается на раскрытии закономерностей ее уровневой, то есть иерархической организации. С другой стороны, – это структурно-морфологическая парадигма, в которой основное внимание уделяется уже не иерархической («вертикальной», субординационной), а «горизонтальной» организации структуры деятельности. Именно в них сложились и получили развитие основные подходы к разработке психологической теории деятельности, определяющие ее современный облик. В связи с этим, они, разумеется, не только должны быть учтены, но и выступить в качестве исходных для решения задач, связанных с дальнейшим изучением особенностей структурной организации и игровой деятельности.

В-третьих, при решении проблемы структурной организации игровой деятельности и ее генезиса следует учитывать и еще одну, пожалуй, наиболее известную и традиционную трудность, а в то же время – негласную и неявную, но, фактически, императивную исследовательскую установку. Она заклю-

чается в том, что психологический анализ деятельности, направленный на определение особенностей ее структурной организации, предполагает необходимость обращения к еще одной задаче. Она носит не только исходный, но и во многом – определяющий, фундаментальный характер, поскольку от нее зависит развитие общих представлений о структурной организации деятельности. Эта задача обозначается в теории как проблема выделения *единиц* анализа деятельности. Ее смысл состоит в том, чтобы обоснованно определить те базовые компоненты и образования – «ячейки» деятельности, из которых она, собственно говоря, и «строится» – структурируется.

Данная проблема имеет давнюю и богатую историю развития; она характеризуется целым рядом вариантов и подходов к ее решению. Эти варианты были достаточно подробно рассмотрены нами, например, в работе [118]. В конечном итоге, ее принципиальный смысл связан еще и с тем, что она эксплицирует по отношению к исследованию структурной организации деятельности еще более общую и принципиальную теоретическую проблему. Ей является классическая проблема соотношения «целого и частей» в познании предмета исследования (в данном случае – деятельности); проблема соотношения *системы* и ее *компонентов*, а также взаимодетерминационных связей между ними. Она, собственно говоря, вообще является одной из основных во всей методологии системности. Кроме того, именно она, как известно, составляет «сердцевину» и еще более общей методологии – методологии *качественного анализа*. Она в значительной степени является основой для методологии системности (что, однако, в настоящее время, к сожалению, нередко упускается из виду)². С этих позиций становится совершенно понятным постоянное и устойчивое внимание, уделяемое в методологически-ориентированных исследованиях, поиску базовых «ячеек» – инвариантных «единиц» тех или иных предметов психологического анализа. Это такие – относительно наиболее «дробные»

---

² Данный вопрос станет предметом специального анализа в главе 1 четвертого тома.

сущности, которые воплощают в себе основные атрибутивные характеристики всего анализируемого целого. И именно общий ее характер обуславливает то, что она может иметь очевидное значение и для анализа одного из основных типов деятельности – игровой. Кроме того, постановка проблемы «единиц анализа» по отношению именно к данному типу деятельности, не исключено, может иметь и достаточно явную специфику, что обусловлено столь же явным своеобразием самого этого типа.

Наконец, в-четвертых, необходимо учитывать и еще одно – значимое в контексте рассматриваемой проблемы обстоятельство. По отношению к структурному анализу систем в целом и деятельности, в особенности (в том числе – и игровой), весьма остро ставится важная и очень сложная проблема соотношения двух основных принципов структурной организации – *иерархического* и *гетерархического*. Действительно, острота данной проблемы связана с тем, что эти принципы являются не просто «различными», но и, фактически, во многом противоположенными и даже – *антагонистическими*. С точки зрения традиционно сложившихся представлений вообще «не видно», как они могут быть согласованы (так сказать – «примирены»). Причем, истинный масштаб сложности данной задачи определяется именно тем, что эти два принципа являются не просто противоположными, но и, по существу, «взаимного отрицающими» друг друга. В связи с этим, структурный анализ деятельности, в том числе – и игровой должен предполагать установление «механизмов согласования» двух базовых принципов этой организации – иерархического и гетерархического.

Наряду с отмеченными выше – *общедеятельностными* особенностями структурного исследования, разумеется, существуют и такие его особенности, которые детерминированы *специфическими* особенностями именно игровой деятельности, психологическим своеобразием самого «феномена детской игры». К основным из них, на наш взгляд, необходимо отнести следующие особенности.

Во-первых, это, пожалуй, наиболее характерная и «сквозная» особенность, которая является, фактически, конкретизацией по отношению к игровой деятельности в первой из отмеченных выше – общих черт структурного анализа деятельности. Речь,

разумеется, идет о чрезвычайной *гетерогенности* самого предмета изучения – деятельности. Причем, по отношению к одному из ее основных типов (то есть к игровой), эта гетерогенность носит *принципиальный* характер и имеет очень глубокий смысл. Она раскрывается не только и не столько как феномен, как эмпирически существующая данность, как психологическая реальность и пр., а в существенно новом свете. Дело в том, что сама гетерогенность эксплицируется в качестве одного из обязательных условий и даже в известной мере – одного из *механизмов* генезиса как самой игры, так и психики в целом (детальное раскрытие и обоснование данного тезиса будет представлено ниже). Пока же напомним, что одной из важных граней самой гетерогенности по отношению к игровой деятельности является ее *двуединный* характер. С одной стороны, это то, что выше было обозначено нами как «*горизонтальная*» гетерогенность. Под ней понимается огромное разнообразие и большая множественность различных видов, форм, типов и пр. игры в пределах одного и того же онтогенетического периода развития ребенка³. Причем, мера этой гетерогенности возрастает по мере самого онтогенетического развития. С другой стороны, это то, что было обозначено как «*вертикальная* гетерогенность». Под ней понимаются глубочайшие и, фактически, также беспрецедентные по своему масштабы и «последствиям» для развития психики и личности ребенка трансформации, которым подвергаются все аспекты организации и содержания детских игр именно на разных этапах онтогенеза.

Во-вторых, необходимо отметить и еще одну особенность, которая тесно связана с предыдущей чертой и является, фак-

---

³ В этом плане необходимо отметить, что неопределенность и «размытость» содержательных границ предмета психологии игровой деятельности (и вообще – понятия «игра» в психологии), по-видимому, существенно выше, нежели это имеет место по отношению к двум другим основным типам деятельности. Если по отношению к ним основная проблема состоит в дифференциации их *видов*, то в отношении игровой деятельности проблема заключается и в дифференциации, и осмыслении даже ее как *типа*; вообще – того, что можно, а что нельзя считать ей. Напомним также, что данный вопрос уже был частично рассмотрен в параграфе 1.1.2. второго тома.

тически, ее «логическим следствием»; она заключается в следующем. В аспекте своей структурной организации детская игра является предельно динамичным – изменяющимся предметом исследования, она принципиально «нестационарна», а потому – и весьма «неоформленна» в плане ее структурных характеристик. У нее нет и, по-видимому, не может и даже не должно быть какой-либо общей и унитарной, то есть стабильной и инвариантной структуры (как это имеет место для двух других основных типов деятельности – учебной и особенно трудовой). Более того, истинный масштаб и реальная значимость этой особенности еще выше. Действительно, на том интервале онтогенеза, на котором она является ведущим типом деятельности, имеет место не только и не просто формирование и развитие игровой деятельности (и, соответственно, – ее структуры), а именно *возникновение* самой деятельности как специфической формы активности, и игровой деятельности, в частности. Другими словами, имеет место то, что обозначается понятием их «фактического *складывания*». Игровая деятельность – это, наряду со всеми иными ее особенностями, еще и та форма активности, в которой происходит возникновение самого «феномена деятельности». Данное обстоятельство представляется наиболее принципиальным, поскольку оно ставит под вопрос само наличие какой-либо инвариантной структуры у игровой деятельности и, следовательно, провоцирует известную в гносеологии ситуацию «исчезновения предмета» исследования (являющейся, в действительности, иллюзорной).

Высокая степень сложности констатированной ситуации, а также ее принципиальный характер позволяют (и даже – заставляют) предположить, что выход из нее, по-видимому, не может быть найден при реализации только традиционных подходов к реализации структурного анализа. Он, вероятно, требует достаточно радикальных трансформаций методологии структурного анализа как такового. Действительно, если у игровой деятельности в целом нет инвариантной *структуры*, а есть принципиально разные – вариативные *структуры*, то что именно следует тогда рассматривать в качестве предмета самого структурного анализа? В целях решения этого, действительно, сложного и, на пер-

вый взгляд, «тупикового» вопроса можно сформулировать предположение, носящее пока, по необходимости, гипотетический характер. По-видимому, в основе структурной организации детской игры и, главное, – в основе динамики трансформаций этой структуры в ходе онтогенеза лежит некоторая *латентная субструктура* (или – «протоструктура»), которая имеет стабильный и инвариантный характер, а потому может и должна выступить в качестве базового предмета самого структурного анализа. Она обеспечивает не структурную организацию игровой деятельности *непосредственно* (и тем более отдельных ее форм), а лежит в основе того, что обеспечивает ее собственно психическую *регуляцию*. Другими словами, это – структура не самой игры, а того, что выступает в качестве комплексного механизма ее психологического обеспечения. Верификация данного предположения также должна составить одно из основных направлений структурного исследования игровой деятельности, что и будет осуществлено ниже.

В-третьих, очень важные грани качественного своеобразие игровой деятельности в целом и ее структурной организации, в частности (и, соответственно, особенности ее структурного анализа) обусловлены и тем, что обычно обозначается понятием «основных психологических особенностей» – ее атрибутов. К ним чаще всего относят две следующие и во многом определяющие черты [32, 57, 64, 72, 77, 78]. Первая и наиболее яркая из них заключается в том, что игра выполняется ради самой себя. Она – именно сама по себе является «самоценной и самодостаточной»; выступает как самопричиняемая и уже самим своим фактом – самим процессом реализации приносит мотивационное удовлетворение и обеспечивает эмоциональную отдачу. Она, точнее сам процесс ее реализации обладает самоценностью, собственным значением и непосредственно порождает позитивные эмоции, а также субъективное удовлетворение. Вторая основная особенность игровой деятельности (второй ее атрибут) заключается в том, что по отношению к ней получение какого-либо «общественно значимого», продуктивного результата не только не является обязательным, но и вообще – результат как таковой

отходит на второй план. Он – и в этом заключается его глубокая психологическая специфичность по отношению к игровой деятельности, – как правило, не предназначен для последующего «внешнего использования». Он не ориентирован «вовне» – на его реализацию для каких-либо иных, внешних по отношению к нему целей (в том числе – и личностно значимых), а носит своего рода «внутренний» характер.

Подчеркнем также, что обычно этими двумя атрибутами специфика игровой деятельности не только описывается, но сами они рассматриваются как *исчерпывающие* эту специфику. Более того, они обычно используются и в качестве *достаточных* демаркационных признаков (критериев) дифференциации игровой деятельности от двух иных основных типов деятельности – учебной и трудовой. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что, в действительности, это не совсем правильно, а два указанных признака (и, соответственно, два традиционно выделяемых атрибута) не являются исчерпывающими. В связи с этим, возникает важная и очень общая проблема достаточности (точнее – недостаточности) традиционно выделяемых – специфических особенностей игровой деятельности, а также критериев ее дифференциации от других основных типов деятельности. Данная проблема также должна составить предмет самостоятельного рассмотрения, что и будет реализовано ниже.

Еще одна группа особенностей структурного плана исследования игровой деятельности включает положения, связанные уже не с особенностями структурного плана исследования *в целом*, а с теми его *специфическими* особенностями, которые он обретает по отношению к качественно своеобразному классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, как показал анализ, проведенный в параграфе 2.1.2. второго тома, в организации и деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, воплощен *принцип метасистемности*. Она поэтому принадлежит к качественно своеобразному классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Системы данного класса носят существенно более сложный характер, а их специфические особенности являются, к тому же, изученными в гораздо

меньшей степени, нежели общие особенности, присущие всем иным классам систем. Вместе с тем, именно они, как показано в этом параграфе, являются не только необходимыми, но и наиболее значимыми для раскрытия специфических особенностей организации любой из систем, принадлежащих к данному классу. Наиболее важной и, по существу, – атрибутивной их особенностью является то, что в *их собственном содержании* оказывается функционально представленной та более широкая и общая целостность (метасистема), в которую они сами онтологически включены. Разумеется, это «представительство», «включенность» само по себе носит очень сложный характер, о чем также уже шла речь выше. Оно является подчеркнуто *функциональным* по своей природе (а не «морфологическим», не субстанциональным) и представлено в феномене мультиплицирования «целого в части». При этом следует подчеркнуть, что такое мультиплицирование ставит гораздо больше вопросов, которые еще предстоит решить, нежели дает готовых ответов на них. Однако, сам факт этого «встраивания» имеет место, а его осознание и реализация в исследовании может содействовать раскрытию закономерностей структурной организации деятельности.

Все рассмотренные выше особенности реализации структурного плана исследования игровой деятельности должны быть обязательно учтены при его осуществлении. Более того, они должны составить основу его реализации. Именно этой установки мы и будем придерживаться в ходе дальнейшего рассмотрения детской игры как в плане ее структурной организации, так и в плане ее генезиса. Наконец, в ходе этого рассмотрения необходимо, конечно, учитывать и те особенности современного состояния проблемы детской игры, которые присущи ей в настоящее время и которые были подробно проанализированы в параграфе 1.2. второго тома [123, 124, 130, 131, 155, 160, 162, 211]. Напомним, что главными среди них являются осязаемое доминирование эмпирико-феноменологических исследований и, соответственно, полученных результатов, а также сохраняющееся преобладание описательных схем и процедур исследования над собственно объяснительными, теоретическими. Феноменологизм

и фактологичность, эмпиризм и констатационность всё еще явно преобладают над интерпретационным – объяснительным характером изучения генезиса игровой деятельности. В результате этого проблема детской игры в целом разрабатывается, в основном, с позиций аналитического подхода, а методология системности еще не реализована по отношению к ней сколько-нибудь полно и развернуто. Вся эта проблема в целом находится преимущественно на аналитической стадии своей разработки и, по существу, на претеоретической фазе своего развития. Это имеет глубокие и множественные «последствия»; в частности, базовые закономерности и механизмы генезиса детской игры остаются пока раскрытыми явно в недостаточной степени.

В связи с этим, становится очевидным и тот доминирующий «вектор», который может обеспечить ощутимый прогресс в разработке данной проблемы. Он требует первоочередного изучения тех ее аспектов, которые связаны с переходом от эмпирико-феноменологической ориентации исследований, к объяснительной, собственно теоретической ориентации. В еще более общем плане он требует преобразования доминирующей парадигмы разработки данной проблемы – трансформации аналитического подхода к ее исследованию в системный. Лишь на основе этого возможно раскрытие и объяснение базовых, определяющих закономерностей и механизмов игровой деятельности и ее развития в онтогенезе. Понятно также, что данный переход объективно требует и существенного смещения исследовательских акцентов – с психолого-педагогического на общепсихологический. Это означает, в частности, что в рамках данной проблемы в первую очередь должны быть раскрыты те аспекты, которые до настоящего времени, хотя и осознаются как важные и интересные, но остаются все же на «втором плане» исследований. Напомним, что основными среди них являются следующие аспекты данной проблемы (они были рассмотрены также в параграфе 2.3. второго тома).

Во-первых, генезис игровой деятельности должен быть рассмотрен как развитие, хотя и предельно своеобразного, специфического и даже – уникального типа *деятельности*, но все же именно *одного из* ее типов. Другими словами, это рассмотрение

должно быть осуществлено в контексте *общих* закономерностей генезиса деятельности как таковой, раскрытых в общей психологии. Иначе говоря, проблема генезиса игры должна быть поставлена и рассмотрена именно как проблема игровой *деятельности*, то есть с позиций общих представлений, сложившихся и получивших распространение в генетическом направлении психологии деятельности в целом.

Во-вторых, игровая деятельность должна быть рассмотрена и раскрыта не только так сказать «сама по себе» (хотя это, разумеется, и составляет основную задачу исследований), но и в более широком и общем, а следовательно, и адекватном контексте. Он связан с логикой смены *трех ведущих* видов деятельности – игровой, учебной и трудовой, а также с их общим эволюционным развитием и взаимопреимственностью. Игровая деятельность и ее развитие должны быть рассмотрены не только в плане собственных – аутохтонных закономерностей *ее* становления, но и в качестве объективно необходимого этапа и, не исключено, уровня эволюции основных форм активности. Она должна быть понята, на наш взгляд, в качестве своеобразной «протоформы» («преддеятельности») по отношению к учебной и особенно – к трудовой деятельности.

В-третьих, с целью более конструктивной реализации сформулированных выше направлений необходима, разумеется, опора не только на традиции, сложившиеся в детской, педагогической и возрастной психологии, а также полученные в них результаты. Совершенно необходима и максимально полная ассимиляция тех данных, которыми располагает современная *психология деятельности* в целом, а также и ее генетическое направление, в особенности.

В силу этого, есть основания полагать, что по отношению к разработке проблемы детской игры в целом, равно как и по отношению к ее структурному аспекту достаточно конструктивным будет подход, который предполагает ее анализ именно как одного из основных (хотя и очень специфических) типов деятельности [155]. Он направлен, прежде всего, на раскрытие закономерностей, хотя и очень значимого, но все же лишь одного аспекта общей проблемы генезиса детской игры – собственно *деятельностного*, специфически *регулятивного*. Естественно, мы отда-

ем полный отчет в том, что в ходе многомерного и комплексного процесса генезиса форм и типов игры имеют место и иные «линии» генетического развития. Они связаны, в частности, с когнитивным и эмоциональным, личностным и социальным развитием, а также и с иными направлениями развитием. Более того, как мы уже отмечали выше, каждый из них не только сопоставим по своей значимости с собственно деятельностным (регулятивным) аспектом, но и может превосходить его в этом плане. Таким может считаться, например, общее *когнитивное* развитие, которое, с одной стороны, атрибутивно присуще генезису личности в игре; с другой стороны, оно же составляет основу и для всего личностного развития ребенка. Поэтому реализованный ниже деятельностный, регулятивный подход к проблеме генезиса детской игры должен рассматриваться как *дополняющий* (но, конечно, «не заменяющий») все иные подходы к данной проблеме. Вместе с тем, разумеется, при его реализации – именно в силу того, что он сам по себе является достаточно общим, будет возникать необходимость рассмотрения и иных – «выходящих» за его рамки вопросов. Более того, как будет показано ниже, данный подход не только «приводит» к их *постановке*, но и нередко выступает в качестве основы и комплексного средства, позволяющего предложить варианты их *решения*.

Данный подход является, на наш взгляд, достаточно обоснованным и перспективным еще и потому, что он вполне естественным образом отвечает ряду основных тенденций развития и психологической теории деятельности в целом, и генетического направления данной теории, в особенности. Он соответствует также и основным тенденциям развития исследований в области психологии игровой деятельности. Наконец, необходимо подчеркнуть, что его реализация потребует, естественно, неоднократного обращения к общим вопросам и положениям общепсихологической теории деятельности. В еще более общем плане сущность и основная идея предлагаемого здесь подхода заключается в том, что проблема развития детской игры не только может, но и должна быть поставлена и рассмотрена с позиций концепции *системогенеза деятельности*. Развитие игры именно как игровой *деятельно-*

сти, то есть как одного из основных видов деятельности, должно быть эксплицировано в качестве *частного* случая *общих* закономерностей генезиса деятельности. Эвристический потенциал концепции системогенеза может и должен быть поэтому реализован по отношению и к раскрытию закономерностей самой игровой деятельности. Лишь на этой основе могут открыться возможности и для синтеза концепции системогенеза и психологии игры в целом. В свою очередь, и сама проблема развития игровой деятельности обретает в этом случае общую и достаточно обоснованную методолого-теоретическую базу – в виде концепции системогенеза.

1.2. Психологическая архитектоника игровой деятельности как основа ее системогенеза

Итак, каким же образом могут быть реализованы основные положения концепции системогенеза деятельности, уже примененные в исследованиях генезиса трудовой и учебной деятельности, по отношению к проблеме генезиса *игровой* деятельности в целом и ее структурной организации, в частности? Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение данного вопроса, рассмотрим некоторые положения, способствующие этому. Предварительно, однако, представляется целесообразным подчеркнуть наибольшую значимость для рассмотрения этого вопроса двух следующих – ключевых положений данной концепции. Оба они уже были предметом достаточно детализированного анализа в параграфе 2.2. второго тома; в силу этого, не дублируя их содержание, напомним лишь их общий смысл.

Во-первых, это положение, согласно которому в основе психической регуляции деятельности лежит инвариантная структура базовых функциональных блоков, синтезированных в целостность. Она обозначается понятием *психологической системы деятельности* (ПСД), а ее состав и структура, равно как и генезис по отношению к учебной и трудовой деятельности, были подробно проанализированы в первом томе. Она образована такими «единицами» – *функциональными блоками*, которые *объективно*

необходимы для реализации любой деятельности независимо от различий в видах, типах, классах, формах и т. д. «Выпадение» – деструкция любого из них объективно ведет к распаду деятельности, к невозможности ее осуществления в целом. Такими функциональными блоками являются блоки целей деятельности, мотивации деятельности, информационной основы деятельности, принятия решения, планирования и прогнозирования, программирования, профессионально-важных качеств, исполнительской части деятельности, контроля и коррекции. Важно подчеркнуть также, что именно ПСД является тем «пространством» – своего рода субстратом, на основе которого разворачивается вся совокупность системогенетических закономерностей. Собственно говоря, *системогенез* деятельности, согласно данному подходу, – это и есть становление и генезис психологической *системы* деятельности.

Во-вторых, это положение, согласно которому «ядром» и своеобразной сердцевинкой всей концепции системогенеза выступает раскрытие и характеристика в нем базовых закономерностей генезиса – *принципов* системогенеза. Понятия «системогенез» и «принципы системогенеза» вообще являются во многом взаимопологаемыми. Не только по своему существу, но даже этимологически данное понятие занимает именно ключевое, определяющее место в данной концепции. Дело в том, что, как же отмечалось выше, сам термин «*principium*» имеет в качестве своего исходного значение «основной», «основа».

В контексте основных задач данной работы представляется необходимым также подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Оно непосредственно вытекает из двух рассмотренных выше – главных положений концепции системогенеза и является, фактически, «производным» от их сочетания. Действительно, базовыми функциональными «единицами» и своеобразной точкой отсчета для разворачивания всей совокупности системогенетических закономерностей являются именно *функциональные блоки*, зафиксированные в понятии ПСД. Они образуют в своей совокупности «пространство» для их разворачивания, а все основные принципы системогенеза соотносятся именно с их *совокупной* генетической динамикой. Кроме того, они же являются и средством эксплика-

ции еще одной плоскости развертывания этих закономерностей – уже не «межблоковой», а так сказать «внутриблоковой». Как было показано в первом томе, системогенетические закономерности существуют и обнаруживаются также и *внутри* каждого из блоков. Таким образом, за точку отсчета и в этом случае также берется понятие функционального блока (а, соответственно, и та реальность, которая им описывается).

При всей конструктивности охарактеризованного выше – традиционно сложившегося к настоящему времени подхода, необходимо обратить внимание и на такую его особенность, которая свидетельствует о возможности его дальнейшего развития и углубления. В самом деле, как было показано в 2.2.2. второго тома, любой из дифференцированных в концепции системогенеза функциональных блоков ПСД (и как онтологически представленная реальность, и как гносеологический конструкт) – это, прежде всего, некоторое *результативное* образование. Это – определенный «продукт и эффект» закономерно развертывающегося функционирования. Отсюда, кстати говоря, происходит и обозначение самих блоков как *функциональных*. Кроме того, они дифференцируются также по функциональному *критерию*, поскольку в основу их выделения положена определенная инвариантная совокупность базовых *деятельностных функций*, которые и обеспечивают регуляцию деятельности. Иными словами, именно эти деятельностные функции и, соответственно, – тот «полезный *результат*», на обеспечении которого и направлена каждая из них, и рассматриваются в качестве критерия их выделения, равно как и критерия их дифференциации друг от друга. По существу, в таком подходе достаточно отчетливо представлен один из двух основных уровней исследования, зафиксированных в гносеологии, – *результативный*. Он, однако, является, как правило, не только уровнем «проникновения в сущность» явления, но и *этапом* развития тех или иных представлений. «За» ним, то есть *после* него познание объективно переходит на иной, более глубокий уровень – *процессуальный*. Эта логика особенно отчетливо проявляется именно в плане эволюции концепции системогенеза.

Действительно, согласно такой логике – и это очень важно подчеркнуть именно в контексте задач данной работы – вполне естественным образом формулируются два исследовательских вопроса. Во-первых, какими собственно *процессуальными* средствами обеспечиваются те *результативные* эффекты функционирования системы деятельности, которые и зафиксированы в понятии «блока» этой деятельности? Что именно – какие собственно психологические механизмы обеспечивают функционирование самих этих блоков? Во-вторых, возникает еще более принципиальный вопрос о том, на основе чего и в силу каких причин, под влиянием каких детерминант складываются сами функциональные блоки, синтезированные в психологическую систему деятельности? В концепции системогенеза полагается, что совокупность блоков в целом и каждый из них, в частности, – это «уже состоявшаяся» реальность; это – некоторая данность, которую можно и нужно изучать. Однако, вопросы о том, *что* порождает эту реальность, *как* и *почему* возникают сами эти блоки и в том составе, в каком это дифференцировано в понятии ПСД, пока остаются, фактически, не раскрытыми. Соответственно, они должны теперь выступить в качестве предмета приоритетного рассмотрения, что и будет осуществлено ниже.

Другими словами, для того, чтобы системогенез деятельности (в его современном понимании) в целом, а также его принципы, в частности, оказались возможными, необходимы *уже* относительно сформированные функциональные блоки. Вместе с тем, повторяем, совершенно обоснованной и, более того, – необходимой представляется постановка новых вопросов, связанных с выяснением того, *что* же именно лежит в основе «складывания» – формирования самих этих блоков? *Что* обеспечивает онтологическую базу для всего последующего системогенеза? Почему ПСД формируется именно в таком (а не в каком-либо ином) составе и структуре⁴? Все эти и иные – аналогичные им вопросы

---

⁴ Вместе с тем, нельзя, конечно, и упрощать реальность, поскольку и в учебной, и в трудовой деятельности также имеет место возникновение качественно новых образований. Дело в том, что *сравнительные* масштабы качественных

остаются пока без должного ответа в концепции системогенеза, что, впрочем, совершенно закономерно. Дело в том, что их адекватное решение не может быть, вероятно, найдено при изучении ни учебной, ни тем более трудовой деятельности, поскольку в них исследователь имеет дело с *уже* в значительной мере сформированными блоками. Ответ на них может быть найден поэтому лишь при условии обращения к изучению более ранних генетических форм и этапов становления регуляции деятельности, то есть при условии обращения к *игровой* деятельности.

В связи с этим, необходимо сформулировать, а в дальнейшем обязательно учитывать и еще одно – так сказать «установочное» для последующего анализа положение; оно состоит в следующем. В ходе рассмотрения закономерностей системогенеза трудовой и учебной деятельности (см. первый том) постоянно подчеркивалось, что *общее* содержание данного процесса включает две основных и дополняющих друг друга «составляющие». Во-первых, это закономерности собственно *динамического* плана, связанные с особенностями и детерминантами самого хода генетического формирования и развития той или иной системы. Эти закономерности, собственно говоря, и фиксируются в одном из главных понятий концепции системогенеза – в понятии системогенетических *принципов*. Во-вторых, наряду с этой «линией» генетического развития, необходимо дифференцировать и еще один аспект общего содержания системогенеза. Он связан, преимущественно, с самим *возникновением* – появлением и лишь затем и «на основе этого» развитием тех или иных сущностей, в том числе, и функциональных блоков. Для обозначения данного аспекта генезиса нередко употребляется термин «первоначальное складывание» (или «фактическое складывание» [10]) тех или иных «составляющих» системы – как морфологических, так и функциональных. Пора, на наш взгляд, четко

трансформаций психики, причем – трансформаций, имеющих нередко, радикальный характер на этапе доминирования игровой формы активности, с одной стороны, и на этапах доминирования, соответственно, учебной и трудовой деятельности, с другой, является существенно разными.

и предельно ясно понять, что, в отличие от учебной и трудовой деятельности, где психика, в основном, именно *развивается*, в игровой деятельности она, фактически, именно «первоначально *складывается*»⁵. Понятно, что именно это и является наиболее специфичным для игровой деятельности, тогда как для двух других ее основных типов (учебной и особенно трудовой) большее значение имеет анализ принципов системогенеза, что и было учтено в ходе их рассмотрения в первом томе.

Далее, очень показательно, что все сформулированные выше вопросы созвучны тем основным проблемам и тенденциям, с которыми сопряжено развитие психологической теории деятельности на современном этапе. Действительно, как было показано нами в параграфе 1.3. второго тома, а также в работах [97, 118], подавляющее большинство существующих в настоящее время методологических подходов к разработке данной теории достаточно отчетливо группируются в две основные *парадигмы* – *структурно-уровневую* и *структурно-морфологическую*. Основной идеей первой является трактовка деятельности как иерархически организованной полиструктурной системы, включающей ряд соподчиненных и качественно специфических *уровней*, а наиболее полную и последовательную реализацию она нашла в теории деятельности А. Н. Леонтьева [109]. Сущность второй состоит в том, что психологическая архитектоника деятельности раскрывается через понятие *инвариантной структуры основных компонентов* деятельности – через ее психологическую систему [243]. Вместе с тем, выше было показано также, что в настоящее время все более очевидной становится их недостаточность для решения целого ряда теоретических задач, связанных, в том числе, и с установления закономерностей *генезиса* деятельно-

---

⁵ Вместе с тем, и в этом плане также недопустимо схематизировать реальность, поскольку и в учебной, и в трудовой деятельности также имеет место возникновение качественно новых образований. Дело в том, что *сравнительные* масштабы качественных трансформаций психики, причем – трансформаций, имеющих нередко, радикальный характер, на этапе доминирования игровой формы активности, с одной стороны, и на этапах доминирования, соответственно, учебной и трудовой деятельности, с другой, является существенно разными.

сти. Наконец, было установлено, что наиболее перспективным направлением выхода из создавшейся ситуации является необходимость перехода к новой парадигме разработки теории деятельности – функционально-динамической [118]. С ее позиций оказалось возможным установить и проинтерпретировать особый, качественно специфический класс процессов психической регуляции деятельности, обозначенных понятием *интегральных процессов*. На этой основе была разработана достаточно развернутая концепция, в которой раскрыты основные особенности данного класса; она была подробно рассмотрена в параграфе 2.2.2. второго тома.

Одним из основных ее положений является обоснование тезиса о принципиальном *изоморфизме* состава данного класса процессуальных образований и морфологического состава ПСД, представленного в совокупности ее основных функциональных блоков. С этих позиций получает свое принципиальное решение ключевой вопрос психологической теории деятельности. Это вопрос о том, *что же именно обеспечивает функционирование, а также формирование самих блоков системы деятельности? Что является объективной – онтологической основой для их «кристаллизации»* в качестве некоторых итоговых, результативных эффектов и образований? Согласно данному решению, в основе формирования функциональных блоков как раз и лежит генезис системы *интегральных процессов* регуляции деятельности и поведения. Он, в свою очередь, неразрывно связан с генезисом процессуально-психологического содержания *регулятивной подсистемы* психики в целом. Выражаясь метафорически, можно сказать, что «судьба» блоков заключается в том, чтобы вначале быть интегральными процессами. В основе генезиса ПСД в целом и ее блоков, в частности, лежит генезис системы интегральных процессов психической регуляции.

Итак, можно констатировать, что существует достаточно явное и очень закономерное подобие, доходящее до степени изоморфизма, между совокупностью функциональных блоков ПСД и совокупностью интегральных процессов психической регуляции деятельности (которые, в свою очередь, и образуют регу-

лятивный инвариант)⁶. В силу этого, раскрытие особенностей формирования функциональных блоков, фактически, невозможно «изолировать» от рассмотрения аналогичного формирования самих интегральных процессов, лежащих в основе формирования самих функциональных блоков. Это – практически «две стороны одной медали»; два аспекта единого генезиса регулятивной подсистемы психики. Первый фиксирует, преимущественно, *результативный* аспект данного генезиса – «кристаллизацию» этого генезиса в определенных функциональных новообразованиях, в качестве которых и выступают функциональные блоки ПСД. Второй фиксирует собственно *процессуальный* аспект этого же генезиса, связанный со становлением и развитием собственно операционных средств регуляции деятельности. В силу этого, не только не только совершенно неконструктивно, но и, фактически, невозможно «аналитически изолировать» эти два аспекта друг от друга. Напротив, их необходимо рассматривать как взаимодополняющие друг друга. В свою очередь, это означает, что, рассмотрение формирования так сказать *морфологических* «единиц»

---

⁶ Вместе с тем, в данной связи необходимо напомнить об одном – существенном обстоятельстве, которое уже было зафиксировано в параграфе 2.2.2. второго тома и которое состоит в следующем. Вся совокупность функциональных блоков ПСД дифференцируется на две группы. В первую входят такие из них, которые непосредственно и очень естественным образом соответствуют тому или иному интегральному процессу и, фактически, выступают как их прямое «результативное проявление» (например, блоки целеобразования или принятия решения). Однако действительная сложность организации деятельности состоит в том, что она включает еще одну – вторую группу. Их природа такова, что и они тоже, хотя и более *опосредствовано*, связаны с собственно процессуальным аспектом ее организации. Так, в основе мотивационного обеспечения деятельности (то есть в основе блока мотивации) лежат, в том числе, и качественно специфические, именно *процессуальные* образования – мотивационные процессы (которые, к сожалению, значительно хуже раскрыты в настоящее время, нежели иные типы процессов). В основе многих и притом, наиболее значимых, базовых ПВК, в роли которых, как известно, выступают общие и специальные способности личности, также лежат основные психические функции и формирующиеся на их основе психические процессы. Поэтому целый ряд ПВК выступает, фактически, *результативным* аспектом и итоговым проявлением определенного *процессуального* содержания психики.

психической регуляции деятельности – функциональных блоков, обязательно и объективно сопряжено с необходимостью рассмотрения и формирования ее *процессуальных* «составляющих» – основных интегральных процессов. Сама ПСД есть объективный и естественный результат общей эволюции регулятивной подсистемы психики. Генезис же регулятивных (интегральных) процессов – это и есть фаза общего генезиса регуляции деятельности и поведения, «подготавливающая» те закономерности, которые установлены в концепции системогенеза деятельности по отношению к двум другим основным ее типам и которые составляют его содержание. Следовательно, сама эта концепция, а также общие представления о системогенезе должны быть обязательно дополнены представлениями о закономерностях генезиса собственно регулятивных (интегральных) процессов. Тем самым и основная плоскость исследования системогенетических закономерностей смещается в собственно процессуальную сферу – в область изучения генезиса *процессуально-психологического* содержания регуляции деятельности и подведения.

Конструктивность такой трансформации проявляется в том, что она позволяет сделать целый ряд заключений относительно рассматриваемых в данной работе проблем. Во-первых, становится совершенно очевидным, что формирование и развитие основных интегральных (регулятивных) процессов начинается и разворачивается *долго* до того, как оформляются сами функциональные блоки системы деятельности – и учебной, и тем более, трудовой. Ни о каких блоках этих типов деятельности просто не приходится говорить на тех стадиях онтогенеза, когда *еще* нет самих этих типов. Вместе с тем, все указанные регулятивные процессы – пусть и представленные пока в неразвитой и даже элементарной форме – *уже* существуют и на этих стадиях. Блоки *потому* и возникают, что сами регулятивные (интегральные) процессы уже в определенной мере сформированы.

Во-вторых (просто – в силу аргументов формального характера) всё это развитие, предшествующее формированию блоков как таковому и сопряженному именно с генезисом системы интегральных – регулятивных процессов, осуществляется на том

интервале онтогенеза, который также *предшествует* учебной и трудовой деятельности. Это интервал, где ведущим (и, по существу, единственным) видом деятельности является *игровая* именно деятельность. Следовательно, специфика генезиса *игровой* деятельности заключается, прежде всего, в том, что это – такой генезис, который в значительной мере *подготавливает* и обеспечивает последующий системогенез и учебной и трудовой деятельности. Он может быть обозначен рабочим термином «*прото-системогенез*».

В-третьих, именно класс интегральных процессов регуляции является тем необходимым звеном, которое позволяет «навести мосты» между генетически относительно зрелыми формами регуляции и ранними этапами ее становления. Действительно, как показано в концепции интегральных процессов регуляции деятельности и поведения, одной из важнейших особенностей их системы является то, что в своей совокупности они образуют определенный и вполне закономерный *хронологический инвариант*, обеспечивающий реализацию целостного цикла регуляции любого деятельностного и поведенческого акта⁷.

Кроме того, очень важно подчеркнуть, что образующая его система интегральных процессов является именно *инвариантной*, то есть носит устойчивый характер и объективно прису-

---

⁷ Данный инвариант был подробно проанализирован нами в целом ряде предыдущих работ (см., например. [94, 101]), а его общий состав, напомним, образован следующей *хронологически* упорядоченной, то есть подвергнутой *темпоральной* организации, «цепочкой» процессов. Целеобразование → антиципирование будущих результатов → принятие решения о способах и средствах деятельности → прогнозирование возможных изменений условий деятельности, своих действий, их результатов → планирование деятельности (включающее ряд возможных сценариев, вариантов ее развертывания) → программирование деятельности (предполагающее уже выбор какого-либо одного варианта действий, его временную организацию) → собственно исполнение → контроль (текущий и заключительный) исполнения → самоконтроль (также текущий и результативный) → коррекция посредством сличения реально полученных результатов с идеальной целью и антиципированными результатами). Кроме того, он является замкнутым, то есть построенным «кольцеобразно» – на основе принципа обратной связи, а потому обеспечивает саморегулируемость и целедостигающий характер поведенческих и деятельностных актов.

ща любому поведенческому или деятельностному акту. Вместе с тем, степень полноты и развернутости процессов, входящих в него, в каждом конкретном случае может быть очень разной; она, следовательно, является принципиально *вариативной*. Это зависит не только от ситуативных факторов, но и от той онтогенетической стадии развития личности, на которой она представлена. Более того, именно в ходе онтогенеза и, в особенности, на относительно ранних его этапах, характеризующихся выраженным доминированием игровой формы активности, происходит не только его наиболее интенсивное формирование и развитие, но и его *фактическое складывание*.

Действительно, на этих ранних стадиях онтогенеза о данном инварианте практически еще невозможно говорить как о некоторой развернутой регулятивной системе. Он представлен в неразвитом виде, аппроксимируясь в пределе (на самых ранних онтогенетических стадиях), фактически, до уровня «рефлекторного кольца». Он редуцируется до так сказать «входа», представленного в виде тех или иных побудительных стимулов как детерминирующих – «причиняющих» факторов, и «выхода». Последний представлен в качестве того или иного результата как итогового эффекта исполнения. Он включает элементарные *контрольные* и *коррекционные* операции за его результатами («получилось – не получилось»). Несмотря на свою «элементарность», континуум, образованный ими, является принципиально целостным. Он «замкнут» – организован во времени именно как целостность. Он, однако, в дальнейшем усложняется по типу дифференциации этого исходно целостного образования и начинает включать в себя уже не два, а большее число опосредствующих звеньев, то есть дополнительных регулятивных процессов. Так, позже он трансформируется и переходит на стадию «первичных» и «вторичных круговых реакций». Вместе с тем, повторяем, уже и в этих – так сказать исходных и относительно примитивных формах он уже обладает ключевым для любой регуляции свойством – замкнутостью, «кольцеобразностью». Иными словами, он воплощает в себе фундаментальный принцип *обратной связи*. Затем он все более дифференцируется и усложняется, принимает

различные по степени сложности формы и проходит тем самым закономерные стадии своего развития. Наиболее характерно то, что весь его генезис происходит именно в русле развития и становления игровой деятельности.

В-четвертых, как было показано нами в работе [118], формирование системы интегральных процессов характеризуется основными закономерностями, которые зафиксированы в понятии принципов системогенеза⁸. Другими словами, генезис системы интегральных процессов – это также одно из проявлений и конкретных форм системогенеза. Так, в частности, показано что для развития всей совокупности интегральных процессов характерен один из важнейших и наиболее показательных принципов системогенеза – *принцип гетерохронности* [97]. Одни – в основном, относительно более простые (подчеркнем, конечно, лишь относительно) процессы формируются раньше, нежели другие, – относительно более сложные процессы. К первым можно отнести, в частности, элементарные формы целеобразования, антиципирования ожидаемых («потребных» в терминологии Н. А. Бернштейна) результатов, а также простейшие формы контроля и самоконтроля. Ко вторым относятся, прежде всего, процессы принятия решения, коррекции, планирования.

Кроме того, было показано, что для подавляющего большинства интегральных процессов характерны онтогенетические периоды их наиболее интенсивного формирования – своего рода «сензитивные периоды» [118]. Это, однако, является прямым проявлением и, фактически, – следствием того, что по отношению к формированию интегральных процессов действует еще один фундаментальный принцип системогенеза – *принцип неравномерности*. Так, например, процессы субъективного выбора (принятия решения) в течение достаточно длительного времени развиваются очень медленно, находясь, фактически, в латентном

---

⁸ Подчеркнем также, что данный вопрос в дальнейшем еще будет подвергнут дополнительному анализу при реализации следующего гносеологического плана исследования игровой деятельности – функционального; он составит предмет рассмотрения в главе 2 данного тома.

состоянии. Однако, затем, как правило, следует период резкой интенсификации этого формирования, связанный в целом с тем возрастным периодом, который сопряжен с ростом самостоятельности, со стремлением к автономизации и самодетерминации, к личностной независимости. Это возраст, на котором возникает и обретает рельефность известный феномен, обобщенно обозначаемый выражением «я сам».

Далее, формированию всей совокупности интегральных процессов присущ и еще один важнейший системогенетический принцип – принцип *нарастающей дифференциации* [114]. Действительно, как отмечалось выше, в своей совокупности они образуют *целостный*, хронологически организованный континуум, построенный по «кольцеобразному» принципу. Эта совокупность образована (и складывается в онтогенезе), однако, не путем «аддитивного наращивания» – так сказать «прибавки» тех или иных процессов, а существенно иначе. В элементарных и относительно неразвитых случаях (на ранних этапах онтогенеза) данный континуум включает, фактически, лишь два «звена». Это – так сказать «вход» и «выход»: элементарное побуждение (как аналог *цели*) и непосредственное действие, включая столь же элементарные *контрольные* и *коррекционные* операции за его результатами («получилось – не получилось»). Несмотря на свою «элементарность», уже этот континуум является целостным – замкнутым и организованным во времени именно как целостность. Он, однако, в дальнейшем усложняется по типу дифференциации исходно целостного образования и начинает включать в себя уже не два, а большее число опосредствующих звеньев (регулятивных процессов).

Действие данного принципа объективно сопряжено, далее, и с еще одним системогенетическим принципом – принципом *прогрессирующей интеграции*. Действительно, возрастание степени дифференцированности «регулятивного инварианта» объективно и настоятельно требует специальных средств упорядочивания, организации, координации «составляющих» этого инварианта, то есть самих интегральных процессов. Они обязательно должны быть интегрированы – не только в содержательном

плане, но и даже в плане простой хронологической – темпальной упорядоченности. Они должны быть упорядочены – так сказать «выстроены» вдоль оси времени. Тем самым можно говорить о специфической – *временной*, то есть *темпоральной интеграции* как таком ее типе, который не только дополняет традиционную – субстанциональную (содержательную) интеграцию, но и в значительной степени предшествует ей. Данный тип наиболее характерен именно для прото-системогенеза.

Итак, исходный тезис, согласно которому формирование совокупности интегральных процессов в значительной степени *предшествует* складыванию и развитию психологической системы учебной (и, тем более, трудовой) деятельности и совпадает в хронологическом отношении с периодом доминирования именно игровой деятельности, должен быть дополнен еще одним важным и общим положением. Это формирование, действительно, разворачивается на базе всех основных принципов системогенеза. Вместе с тем, оно разворачивается не в «пространстве» *функциональных блоков*, а в существенно иной плоскости – в плоскости системы *интегральных процессов*. В конечном счете, именно она является реальной – онтологически представленной *процессуально-психологической базой*, на которой и «благодаря которой» затем окажется возможным сам системогенез деятельности – и учебной, и трудовой. Следовательно, по отношению к классу интегральных процессов также имеет место системогенез, но специфический, который наиболее точно может быть охарактеризован понятием *прото-системогенеза*. Именно он и является наиболее релевантным генезису игровой деятельности.

Обращение к особенностям развития класса интегральных процессов, позволяет констатировать, однако, генетические закономерности и еще более общего порядка. Действительно, с одной стороны, как мы уже отмечали, формирование совокупности интегральных процессов означает, по существу, становление и развитие одной из основных *подсистем* психики – *регулятивной*. Именно интегральные процессы, являясь атрибутивно регулятивными, выступают ее «процессуальным ядром». Собственно говоря, именно поэтому их формирование и обеспечивает воз-

возможность развития сложных по своей архитектонике и комплексных по составу средств – прежде всего, самой психологической системы деятельности. В связи с этим, суть прото-системогенеза состоит, прежде всего, в первоначальном «складывании» и развитии самой *регулятивной подсистемы психики*. Оно в значительной степени синхронизировано по времени с онтогенетическим периодом доминирования игры как формы активности и во многом, фактически, совпадает с ним.

Наряду с этим, представляется важным учитывать и еще одну основную (помимо свойства регулятивности) атрибутивную характеристику интегральных процессов. Она состоит в их составном и *синтетическом* характере, а также в *интегративном* принципе (и, соответственно, – типе) организации. Как показано в концепции интегральных процессов, каждый из них базируется практически на всей совокупности основных когнитивных и иных психических процессов – эмоциональных, мотивационных и волевых [101]. Разумеется, мера развернутости и полноты их представленности в интегральных процессах может существенно варьировать зависимости от многих факторов, прежде всего – ситуативных и деятельностных. Отсюда, однако, с необходимостью следует, что само формирование интегральных процессов означает (причем, совершенно объективно) и развитие, совершенствование *интегративных механизмов* психики как таковых, повышение ее собственно интегративного потенциала. Через интегральные процессы и «в них» психика в целом повышает уровень своей собственной системной организованности и целостности. Это также осуществляется наиболее интенсивными темпами на том интервале онтогенеза интервале, на котором ведущим типом активности является игровая деятельность, и составляет одну из важнейших сторон прото-системогенеза.

Наконец, необходимо отметить еще одну важную и специфическую психологическую особенность интегральных процессов. Это – двойственность, точнее, *двуединство* их психологического статуса: они являются и процессами, и действиями одновременно. В самом деле, как следует из проведенного выше анализа, они, с одной стороны, обладают собственно *процессу-*

альным статусом. Однако, с другой стороны, они практически всегда строятся и организуются по типу целенаправленного действия. Это зафиксировано, например, в синонимичности выражений типа «процесс контроля» и «контрольные действия»; «процесс принятия решения» и «действия по принятию решения» и т. д. Другими словами, операционный состав этих процессов обусловлен, прежде всего, структурой и функциональной организацией действия. Следовательно, они одновременно являются и процессами, и действиями, а их адекватнее и полное описание предполагает использование принципа *дополнительности* их понимания и как процессов и как действий. Тем самым потенциал процессуальности «работает» на развитие собственно операционных, то есть действенных и деятельностных механизмов. В свою очередь, и формирующиеся структуры действенной, а затем – деятельностной организации мультиплицируются в организации процессуальных «составляющих» психики, повышая их потенциальные возможности. В конечном счете, это является конкретизацией и очень важным проявлением одного из наиболее общих принципов – принципа единства психики и деятельности. Причем, – таким проявлением, которое имеет не абстрактный и потому не вполне конструктивный характер, а которое раскрывает *конкретные* механизмы его действия.

Таким образом, резюмируя представленные выше материалы, можно сделать следующее промежуточное заключение. Концепция системогенеза в том ее виде, в котором она представлена в настоящее время, рассматривает и раскрывает особенности генезиса двух из трех основных типов деятельности – трудовой и учебной. До сих пор она, однако, не включает в свой концептуальный состав третий из этих видов – игровую деятельность. Кроме того, в этой концепции господствует так сказать «блочный подход», суть которого заключается в том, что «пространством» для развертывания системогенетических закономерностей в целом и принципов системогенеза, в частности, является совокупность основных функциональных блоков, интегрированных в ПСД. Вместе с тем, при попытках включения в концепцию системогенеза игровой деятельности становится необходимой

трансформация указанного подхода – его преобразование в функционально-динамический, собственно процессуальный подход. Суть последнего заключается в признании того, что сами функциональные блоки, являясь *результативными*, интегративными образованиями и эффектами, объективно должны базироваться на средствах собственно *процессуального* обеспечения.

Кроме того, и в генетическом плане они также являются аналогичными – интегративными, регулятивными образованиями, *функционированию* которых объективно должен предшествовать процесс их *формирования*. В связи с этим, выше была осуществлена конкретизация этого подхода до рассмотрения генезиса системы специфического класса процессов – интегральных процессов регуляции деятельности и поведения. Именно их генезис составляют суть того периода развития регулятивной подсистемы психики, который совпадает с периодом доминирования игровой деятельности. Это, однако, – период так сказать «доблочного» формирования регулятивных средств поведенческой активности. Он не сопряжен непосредственно с формированием самой ПСД (ни учебной, ни трудовой), но характеризуется, однако, всеми основными системогенетическими закономерностями. Поэтому он наиболее адекватно может быть охарактеризован как прото-системогенез. Именно этот тип генезиса и составляет, на наш взгляд, одну из важнейших граней развития игровой деятельности. Он раскрывает не только его общий смысл, но и функциональное предназначение для становления последующих, более сложных типов деятельности – учебной и трудовой.

В связи с этим, необходимо, однако, возвратиться к тому – общему предположению, которое было сформулировано выше и направлено на объяснение специфики структурной организации игровой деятельности в целом и ее генезиса, в особенности. Напомним, что это предположение, согласно которому в основе структурной организации игровой деятельности в целом – именно как особого качественно специфического типа, равно как и в основе генетических трансформаций этой структуры, лежит своего рода *латентная протоструктура*. Все представленные выше материалы, собственно говоря, и дают комплексное под-

тверждение данного предположения, поскольку они эксплицируют именно такую – конкретную по содержанию, но очень общую по сфере действия протоструктуру. В ее качестве выступает система интегральных процессов регуляции деятельности, структурированная в определенный регулятивный инвариант этих процессов, который и лежит в основе любого типа и вида деятельностной активности. Именно этот инвариант и составляет психологическую основу генезиса различных типов и форм деятельностной активности. Он выступает базовой, хотя и латентной, структурой (точнее – протоструктурой), лежащей в основе всех закономерностей и механизмов генетических трансформаций деятельности, в том числе и игровой. На том онтогенетическом этапе, на котором ведущим типом активности является игровая деятельность, формируется не столько психологическая система деятельности, а *психологическая система регуляции* в целом. Не только формированию и развитию, но и фактическому складыванию – возникновению здесь подлечит сама *регулятивная подсистема* психики в целом, поскольку регулятивный инвариант, включающий в себя совокупность интегральных процессов, как раз и составляет психологическое «ядро» и основное содержание именно этой подсистемы.

Все рассмотренные выше особенности структурно-генетического плана являются специфичными именно по отношению к генезису игровой деятельности и значимыми для его понимания. Вместе с тем, они, конечно, еще не исчерпывают собой всего своеобразия этого генезиса, образуя лишь одну из его граней. Более того, их выявление и теоретическая экспликация, предлагая варианты решения тех или иных вопросов, порождает новые вопросы, которые также требуют решения. Прежде всего, возникает вполне закономерный вопрос о том, *что* же именно выступает комплексным средством и своего рода – системной детерминантой развития самих интегральных процессов? Благодаря чему и за счет чего они претерпевают закономерно организованное и эффективно осуществляющееся формирование? За счет чего они приобретают, в конечном итоге, тот вид, в котором и оказываются представленными в структуре самой

ПСД? Представлены же они в ней, как подробно показано выше, в виде очень мощных и действенных, комплексных операционных средств организации деятельности. Почему и за счет чего относительно простейшие и относительно неразвитые регуляторы, специфичные игровой деятельности, трансформируются в сложные по архитектонике регулятивные средства и схемы – прежде всего, в те, которые и составляют содержание ПСД?

Разумеется, все эти, а также иные – аналогичные им по содержанию вопросы предельно сложны и в целом их еще предстоит решить. Вместе с тем, уже сейчас необходимо предпринимать попытки такого решения, поскольку без них ощутимое продвижение в плане развития концепции системогенеза по отношению к игровой деятельности вряд ли возможно. Отдавая полный отчет в сложности указанных вопросов и в возможности их пока лишь частичного решения, мы, тем не менее, считаем возможным сформулировать ряд положений, способствующие этому. В свою очередь, такая формулировка предполагает необходимость обращения к достаточно общим проблемам и вопросам.

Прежде всего, в данной связи необходимо обратиться к базовым положениям психологической теории деятельности, а также к тем новым результатам, которые получены в ней в настоящее время⁹. Причем, такая необходимость по отношению к сформулированным выше вопросам является вполне очевидной. В целях ее реализации следует, однако, предварительно сформулировать некоторые *общие* положения, необходимые для рассмотрения собственно *генетических* вопросов. И только затем будет представлен вариант решения самих этих – генетических вопросов. Так, в наиболее общем плане суть развитого здесь подхода заключается в попытке реализации по отношению к генезису игровой деятельности концепции системогенеза. Согласно ему, этот генезис является очень важным и специфическим,

---

⁹ Напомним, что аналогичная необходимость была констатирована и в ходе проведенного выше рассмотрения общей логики развития теории деятельности. Она позволила эксплицировать детерминанты и закономерности трансформации структурно-морфологической парадигмы разработки теории деятельности в функционально-динамическую парадигму.

но все же *частным* случаем действия *общих* системогенетических принципов и закономерностей. В свою очередь, обращение к концепции системогенеза *деятельности* и рассмотрение на ее основе генезиса игровой *деятельности* объективно требует первоочередной опоры на те представления, которые сложились к настоящему времени в психологической теории деятельности относительно ее состава, структуры и функционально-динамической организации, то есть ее психологической архитектоники. Подчеркнем также, что среди всех этих аспектов данной теории объективно главным является, согласно принятым в методологии научного познания императивам, именно структурный аспект. Дело в том, что именно он сопряжен с решением *главного* гносеологического вопроса, возникающего при изучении, фактически, любого предмета. Это – вопрос о его содержании (морфологии) и структуре (организации).

Действительно, все рассмотренные в данном параграфе (а также в параграфе 2.2.2. второго тома) материалы были направлены на характеристику того, *что* и *как* формируется в ходе системогенеза игровой деятельности. С одной стороны, это интегральные процессы как основа для последующего формирования на их базе функциональных блоков системы деятельности. С другой стороны, это механизм функционального включения («встраивания») метасистемы совместной деятельности в индивидуальную деятельность ребенка. Вместе с тем, пока специально не рассматривались вопросы, связанные с тем, *почему* и *зачем* развертываются все эти процессы. Вместе с тем, очевидно, что именно они являются, как минимум, не менее существенными, поскольку сопряжены с внутренними, наиболее глубинными детерминантами системогенеза игровой деятельности. Они связаны с источниками его, так сказать, «самодвижения» и саморазвития. Соответственно, их раскрытие предполагает рассмотрение системогенеза игровой деятельности уже не «сверху» – со стороны метасистемы (совместной деятельности), а «из глубины», то есть на основе *собственной* психологической специфики самой игровой деятельности и ее основных атрибутов. Другими словами, основная плоскость анализа игровой

деятельности должна быть несколько смещена и перенесена с ее рассмотрения как игровой *деятельности* на ее анализ именно как *игровой* деятельности.

Предпринимая попытку такого анализа, необходимо подчеркнуть следующее. В психологических исследованиях сложилась традиция, согласно которой своего рода «общим местом» стало указание на наличие у игровой деятельности двух наиболее специфических, атрибутивно присущих ей особенностей [211, 228, 230, 238, 239 и др.]. Они не только раскрывают ее психологическое своеобразие, но и вообще лежат в основе дифференциации этого типа деятельности именно как одного из трех основных типов. Фактически, они прочерчивают «демаркационную линию» между игровой деятельностью, с одной стороны, и учебной и трудовой деятельностью, с другой. Обе они хорошо известны и подробно охарактеризованы; в связи с этим достаточно лишь указать на их смысл.

Первая и наиболее яркая из них заключается в том, что игра выполняется ради самой себя. Она, как мы уже отмечали выше, – именно сама по себе является своего рода *самопричиняемой* и уже самим своим фактом, самим процессом реализации принесит мотивационное удовлетворение и обеспечивает эмоциональную отдачу. Вторая основная особенность игровой деятельности заключается в том, что по отношению к ней получение какого-либо «общественно значимого», продуктивного результата не только не является обязательным, но и вообще – результат как таковой отходит на второй план. Он, как правило, не предназначен для последующего «внешнего использования» и не ориентирован «вовне» – на его использование для каких-либо иных, внешних по отношению к ней целей (в том числе – и лично значимых). Он, напротив, носит так сказать «внутренний» характер¹⁰.

---

¹⁰ Констатируя это, мы, вместе с тем, отдаем полный отчет в том, что в реальности ситуация является более сложной и противоречивой. Дело в том, что результат, фактически, любой игровой деятельности, имея *субъективно* характер «внутреннего», точнее – внутренне-ориентированного, *объективно* все же выходит за ее собственные границы. Дело в том, что через его получение,

В связи с этими двумя наиболее специфическими особенностями игровой деятельности и возникает ключевой вопрос о том, каким образом они влияют на системогенез игровой деятельности? Каким образом именно эти особенности, возможно, обуславливают возникновение у него специфических черт и характеристик, отличных от системогенеза иных основных типов деятельности (учебной и трудовой). На наш взгляд, ответ на данный вопрос можно дать в том случае, если вновь обратиться к одному из базовых понятий концепции системогенеза – к понятию ПСД. Вместе с тем, использование данного понятия должно теперь носить уже не характер своего рода «макроанализа», направленного на выявление *общего* типа и смысла системогенеза игровой деятельности. Оно должна носить характер «микроанализа», то есть быть направленным на выявление специфики *содержания каждого* из входящих в эту систему функциональных блоков.

Действительно, как уже отмечалось выше, ПСД включает в себя инвариантную совокупность основных функциональных блоков¹¹. Они интегрированы в целостную структуру, которая и лежит в основе психологического обеспечения деятельности. Эта структура отражает общие особенности строения деятельности, а также специфику ее содержания в каждом конкретном случае. Кроме того, ее генезис – это и есть системогенез как таковой. Вместе с тем, необходимо, на наш взгляд, сделать следующее – достаточно важное с точки зрения рассматриваемых задач уточнение. Как было показано выше, на относительно ранних этапах онтогенетического развития, на которых основным типом активности является игровая деятельность, следует констатировать специфическую ситуацию. На них ни общая архитектура ПСД, ни ее основные функциональные блоки еще не предста-

---

а также через активность, связанную с ним, личность и развивается, и совершенствуется, а сам ребенок может менять характер и содержание межличностных отношений (как с взрослыми, так и со сверстниками).

¹¹ Это, как неоднократно отмечалось выше, – блоки целей деятельности, ее мотивов, информационной основы деятельности, принятия решения, программирования, профессионально-важных качеств, исполнения, контроля и коррекции ее результатов.

влены в их оформленном и тем более – зрелом виде (как это имеет место на более поздних стадиях онтогенеза). Эта архитектоника, равно как и все содержание входящих в нее психологических «составляющих» (то есть каждого из блоков), еще только *складывается*, формируется. В этом, собственно говоря, и состоит главная особенность всего данного возрастного периода. Поэтому по отношению к нему сам термин «функциональный блок» не может быть использован с той же степенью непосредственности и адекватности, с какой он применим по отношению к иным – более зрелым возрастным периодам. На них ведущими типами становятся последовательно – вначале учебная, а затем трудовая деятельность. На более ранних стадиях онтогенеза речь может идти лишь о некоторых образованиях – формирующихся и оформляющихся, находящихся так сказать в процессе «кристаллизации», которые впоследствии и трансформируются в функциональные блоки ПСД. Это – еще не сами блоки в непосредственном и строгом смысле данного понятия, а образования, предшествующие и подготавливающие собой их становление самих, – их протоформы, так сказать *«прото-блоки»*. Они, следовательно, и должны составить предмет основного рассмотрения при анализе генетических особенностей и закономерностей формирования игровой деятельности.

1.3. Закономерности генезиса основных психологических «составляющих» игровой деятельности

Учитывая сформулированные выше положения теоретико-методологического плана, перейдем к попытке решения вопросов, связанных с содержанием и ведущими детерминантами формирования отдельных «составляющих», которые лежат в основе психической регуляции игровой деятельности. При этом, однако, сразу же возникает вполне естественный вопрос – вопрос о *последовательности* такого анализа. С позиций концепции

системогенеза – в наиболее общем виде данный вопрос решается следующим образом: первыми «по порядку» должны выступать *мотивационная* и *целевая* «составляющие» деятельности¹². Кроме того, вначале, согласно данному подходу, подлежит рассмотрению именно мотивационная «составляющая» деятельности, а после нее следует перейти к анализу функционального блока цели деятельности (и, соответственно, процессов целеобразования). В целом данный методологический императив необходимо, на наш взгляд, сохранить и по отношению к анализу генезиса игровой деятельности, но с одной модификацией – поменять указанные аспекты местами и начать анализ не с мотивационного, а с целевого аспекта¹³.

1.3.1. Особенности формирования целеобразования в игровой деятельности

В свете сказанного, очень показательно также (а в плане решаемых здесь задач – и доказательно), что по отношению к игровой деятельности содержание этих двух «протоблоков» обладает не только глубокой, но очень характерной и – это главное – *общей* по смыслу спецификой. Действительно, при раскрытии конкретных особенностей и закономерностей формирования указанных психологических «составляющих» данной деятельности сразу же – очень явно, непосредственно и в весьма демонстративной форме эксплицируется следующее определяющее, на наш взгляд, обстоятельство. В ходе предшествующего изложения мы уже достаточно подробно останавливались на одном из важнейших положений психологии детской игры, состоящем в наличии у нее двух основных атрибутов¹⁴. Первый из них состоит в том, что

---

¹² Как известно, первый уровень (и, соответственно, – этап) общей процедуры психологического анализа деятельности, разработанной в концепции системогенеза, направлен именно на это и, более того, терминологически обозначается именно как *мотивационно-целевой* уровень [252].

¹³ Оправданность такого шага будет ясна из представленного ниже анализа.

¹⁴ Напомним также, что именно они обычно рассматриваются и в качестве ее «*differencia específica*», то есть в качестве «демаркационных признаков»

по отношению к игре и сам ее *процесс*, а не только результат, обладает позитивной эмоциональной окрашенностью. Он сам по себе приносит удовольствие и удовлетворение, детерминанты и механизмы чего были подробно рассмотрены выше. Второй атрибут состоит в том, что по отношению к игре получение какого-либо внешнего и уж тем более – общественно значимого результата (а нередко – и результата вообще), как известно, не является *обязательным*. В силу этого, процесс игры обладает самоценностью и самодостаточностью; он как таковой интересен и привлекателен, характеризуется «положительной валентностью». Процесс уже сам по себе «захватывает» личность ребенка и «охватывает» всю его активность. Другими словами, игра выполняется сплошь и рядом не ради получения какого-либо результата, не ради достижения какой-либо цели, а ради нее самой, точнее – ради процесса ее осуществления, который, как известно, обладает, к тому же, и вполне состоятельным и самодостаточным мотивационным потенциалом. Игра «интересна», прежде всего, процессом, а не результатом¹⁵. Вместе с тем, наиболее важно то, что именно эти два базовых атрибута игровой деятельности очень полно и, фактически, исчерпывающим образом проявляются именно в специфике формирования этих базовых «составляющих» игровой деятельности.

Именно эти атрибутивные особенности игровой деятельности как раз и находят свое проявление в закономерностях процесса *целеобразования*, в особенностях самого функционального блока (точнее говоря, – по отношению к игровой деятельности – *протоблока*) *цели* в ней. Главные из них состоят, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, приоритет процесса по отношению к результату может иметь место лишь в том случае (причем, совершен-

---

(критериев) ее дифференциации от двух других основных типов деятельности – учебной и трудовой.

¹⁵ Вместе с тем, нельзя, конечно, и упрощать реальность, полагая данное положение всеобщим. Известно, например, что достаточно нередко в игровой деятельности получение результата также рассматривается как субъективно очень желательное, выступает в качестве вполне самостоятельной цели.

но объективно), когда второй не только не имеет «довлеющего», но и просто – доминирующего положения по отношению к процессу. В свою очередь, это возможно лишь в том случае, если сам результат и, соответственно, – цель, связанная с необходимостью его осознания и реализации, не будет так сказать «абсолютно обязательной». Как раз наоборот, она вполне может и «не быть достигнута» (или же достигнута с существенными модификациями, изменениями, трансформациями и пр.). «Необязательность» получения результата, а соответственно, и «нестрогость» формулируемых целей – очень характерная и, более того, во многом определяющая черта именно игровой деятельности. Именно это во многом вообще и отличает ее от учебной и трудовой деятельности.

Во-вторых, *процесс* только там и только тогда выходит на первый план и становится мотивационно более привлекательным, нежели получение результата, когда его реализация достаточно *проста*, а потому и субъективно *комфортна*. Это обстоятельство находит свое феноменологическое проявление по отношению к игровой деятельности в ее интересности и привлекательности, увлекательности и «захватывающем характере» и пр. Однако это обстоятельство также объективно возможно лишь в том случае, когда сама цель, на достижение которой направлен процесс, будет также достаточно простой – и объективно и субъективно. Следовательно, второй очень специфической особенностью цели игровой деятельности (наряду с *необязательностью* ее достижения), является и ее подчеркнутая *несложность*.

В-третьих, можно, как показывают многочисленные исследования игровой деятельности (и просто – эмпирические данные и феноменологические наблюдения), для игры очень характерно то, что ребенок может легко и просто *изменять* «свои намерения» по ходу ее осуществления. Причины для этого могут быть самые разные – от трудностей достижения изначально поставленных целей до спонтанного изменения настроения. Следовательно, высокая и, по-видимому, принципиальная *лабильность* – изменчивость и динамичность цели также является характерной и очень специфической ее особенностью именно по отношению к игровой деятельности.

Констатируя это, необходимо, конечно, принимать во внимание, что степень выраженности трех указанных особенностей является очень разной на различных возрастных интервалах. Общей тенденцией при этом является последовательная редукция всех трех особенностей и приведение целей к более «обязательному» виду, а также обретение ими большей сложности и повышение меры ее стабильности. Собственно говоря, это и составляет содержание трех основных «векторов» последовательного формирования и усложнения целей в ходе онтогенеза. Вместе с тем, они, являясь, действительно, одними из основных, дополняются и другими «линиями» генетического развития процесса целеобразования. В принципе они достаточно хорошо известны и зафиксированы в соответствующей литературе [2, 13, 54, 61, 69, 72].

Так, показано, что в ходе генезиса и усложнения форм и видов игры происходит постепенный, хотя и достаточно медленный, переход от практически исключительно краткосрочных и даже – сиюминутных, ситуативных целей к целям с все более возрастающим «временным лагом» до их достижения. Это – переход к такой организации активности, в которой преобладают среднесрочные цели, а также к появлению возможностей формирования относительно и дальнесрочных целей. Наряду с этим, еще одним направлением генезиса процесса целеобразования является дифференциация общей цели на подцели и формирование умения соподчинять их друг другу. Еще одним направлением, которое также зафиксировано в литературе, является формирование способности к пониманию и следованию целям, задаваемым в разной форме – вначале в образной, а затем – в вербальной [11]. Наконец, можно отметить и происходящую при этом дифференциацию цели на ее «составляющие». Так, постепенно формируется способность к различению того, *что* нужно достичь (это, как известно, «цель-задача»), и *насколько* хорошо это надо сделать (это, в свою очередь, «цель-уровень достижений»). Существуют и иные направления генетического совершенствования процесса целеобразования и, соответственно, – повышения меры развитости и дифференцированности целей игровой деятельности. Это, например, повышение степени понимания и осознания цели;

изменение и также возрастание способности к ее принятию в качестве желаемой (а не только «задаваемой» извне взрослым) и др.

Все указанные особенности и закономерности формирования процесса целеобразования, безусловно, очень важны и специфичны по отношению к игровой деятельности. Вместе с тем, «за ними» необходимо, на наш взгляд, видеть гораздо более существенную и глубинную причину – более имплицитную закономерность генезиса данного процесса. На нее, к сожалению, обычно не обращается должного внимания, хотя именно она является *определяющей* для понимания сути генезиса и этого процесса, и всей игровой деятельности. Кроме того, она является и наиболее так сказать «системно-специфической», то есть в наибольшей мере воплощает в себе генезис игровой деятельности именно как процесс ее *системогенеза*. Суть данной закономерности состоит в следующем.

Как известно, одним из основных положений системной методологии является тезис, согласно которому именно цель выступает в качестве *системообразующего* фактора формирования и функционирования любой системы [10]. Однако именно это означает, что формирование и последующее совершенствование цели, фактически, во многом просто эквивалентно формированию и развитию всей системы – именно как *целостности*¹⁶. Далее, это же означает, что существует прямая и непосредственная связь (более того, – зависимость) между качественными параметрами целей и степенью развитости систем как таковых. Чем более сформирована цель (то есть чем более она содержательна и инвариантна, дифференцирована и «обязательна» и пр.), тем совершеннее и сама «формирующаяся под нее» система. Фактически, сама степень ее организации есть прямая функция от степени совершенства цели. В связи с этим, можно сказать и так: достигаемый системой уровень организации, степень обретения ей статуса

---

¹⁶ Данное обстоятельство нашло свое отражение и в естественном языке, поскольку существует глубинное этимологическое родство понятий «цель» и «целостность»; оно, конечно, отнюдь не является случайным, а напротив, свидетельствует об их взаимополагаемости.

системно-организованного образования определяется именно характером тех целей, которые имеют место в каждом конкретном случае. Поэтому формирование процесса целеобразования в значительной мере – это и есть процесс формирования всей системы.

Вместе с тем, существует и так сказать «встречное движение»: цель может эффективно реализовывать свои интегративные, то есть системообразующие функции лишь в том случае, если в самой формирующейся «под нее» системе (целостности) существуют достаточные условия и средства для такой интеграции и организации [147, 227]. Не приходится, однако, подробно обосновывать, что именно эти возможности как раз и характеризуются принципиальной ограниченностью на ранних (впрочем, – не только ранних) этапах онтогенетического развития ребенка. В результате этого «двуединого» процесса складывается следующая – по существу, императивная картина. В игровой деятельности у цели (и у целеобразования как процесса, лежащего в основе ее формирования), объективно представлены такие принципиальные – атрибутивные характеристики, которые еще *не позволяют* ей реализовывать свои основные, то есть *системообразующие* функции. В результате этого по отношению к игровой деятельности вообще, по-видимому, не вполне корректно употреблять термин «психологическая *система* игровой деятельности» (в отличие от психологической системы трудовой и учебной деятельности). Цель игровой деятельности такова, что она еще не в состоянии полностью обеспечить формирование какой-либо завершенной и оформленной системы. Напротив, она, как правило, такова, что в состоянии обеспечить лишь то или иное *приближение* к этому. В результате цель игровой деятельности обеспечивает не формирование целостной и завершенной ее структуры (и тем более – системы), а лежит в основе лишь той или иной – достигаемой на каждом возрастном этапе и постоянно возрастающей структурности и системности ее организации. В конечном итоге, именно это и приводит к следующей ситуации: по отношению к игровой деятельности корректнее считать, что формируется не какая-либо ее «жесткая» структура и тем более – не ее психологическая *система*. В ней

складывается (и даже – *закладывается*), а впоследствии и развивается сама *структурность*, а затем – и *системность* как форма организации ее психической регуляции.

Итак, исходя из сказанного, можно констатировать две группы тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных особенностей целеобразования на разных этапах онтогенетического развития. С одной стороны, на достаточно продолжительном интервале этого развития – а именно на том, на котором игровая деятельность выступает ее ведущим типом, базовые средства и механизмы собственно психологического плана, обеспечивающие реализацию данного процесса, еще недостаточно сформированы. Это обстоятельство не допускает осуществление данного процесса в его развернутом и полноценном виде. Соответственно, оно не позволяет действительно и эффективно реализовывать его основные – интегративные, организационные функции по отношению к иным процессам и структурным образованиям психики. Другими словами, сама онтология психического еще не сформирована в той степени, которая допускала бы реализацию данного процесса в его развернутом и совершенном виде. Однако, с другой стороны (причем, именно *поэтому же*, то есть в силу еще недостаточной сформированности), сам этот процесс также не допускает реализации им его главной, хотя и имплицитной – *системно-деятельностной* функции. Ее суть, как уже отмечалось, заключается в том, что в нем и «через него» реализуется основная роль самой цели – роль системообразующего фактора деятельности, поведения и вообще – любой организованной формы активности.

При этом, однако, необходимо особо отметить следующее – принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что недостаточную степень сформированности целей игровой деятельности (и, соответственно, – самого процесса целеобразования), констатированную выше, нельзя считать *только* негативным фактором. Как раз наоборот, именно в этом, на наш взгляд, заложен достаточно глубокий смысл, состоящий в следующем.

Во-первых, если бы такой недостаточности не было, а процесс целеобразования выполнял бы свои системообразующие функции действительно и эффективно, «мощно и совершенно» уже

на относительно ранних этапах онтогенеза, на которых еще только формируется и вообще – складывается и психика, и деятельность, то это выступало бы попросту тормозом для развития как такового. Сама суть психического и личностного развития как процесса глубоких и *качественных трансформаций* состоит в том, что на этапе доминирования игровой деятельности аналогичным – глубоким и качественным трансформациям подвергается сама структурная организация базовых компонентов психики и ее организации в целом. Здесь не просто складывается какая-либо структурная организация, обеспечивающая ту или иную цель, а формируется и развивается, совершенствуется и эволюционирует сама *структурность* как принцип и механизм организации психики. Развиваются и совершенствуются *общие* основы – принципы и формы этой организации, а не какая-либо *одна* – предзаданная и обеспечиваемая «жесткой» целью структура. Следовательно, развитость процесса целеобразования выступала бы тормозом или даже ингибитором развития и психики, и деятельности, а также их структурных механизмов.

Во-вторых, еще одним немаловажным обстоятельством, связанным с принципиально недостаточным уровнем сформированности процесса целеобразования, является то, что именно благодаря этому, отдельные «составляющие» психики и деятельности получают относительно большую функциональную *автономию*. Действительно, при наличии развитого процесса целеобразования, то есть при наличии «жесткой» цели все компоненты системы, как известно, переводятся в режим *взаимодействия* в плане ее достижения. При этом они утрачивают многие «степени свободы» – многие потенциально присущие им стороны и потенции; становятся так сказать «зачтенными под конкретную цель». Это не только является существенным *преимуществом* самой системной формы организации, но и вообще выступает одним из главных механизмов системобразования. Однако, истинная диалектика и противоречивость системной формы организации такова, что *это же* обстоятельство является и *тормозом* для развития и совершенствования *отдельных* компонентов, на основе которых и структурируется

система¹⁷. Понято, что данное обстоятельство – «системная блокада» развития отдельных компонентов психики и деятельности является особенно негативным именно на относительно ранних онтогенетических этапах развития. Это как раз те этапы, на которых и доминирует игровая деятельность. Однако, столь же понятно и то, что именно несформированность процесса целеобразования «оберегает» формирование психики и деятельности от данного негативного обстоятельства. Прежде чем, и «для того, чтобы» те или иные системы оказались впоследствии возможно более совершенными и эффективными, должны быть сформированы объективные – онтологически предпосылки. Такого рода предпосылками и является, прежде всего, сформированность и относительно развитость отдельных компонентов – «составляющих», которые и являются основой самих систем. Вместе с тем, для их формирования необходимы «режимы» их относительно *свободного*, автономного функционирования, открывающие наибольшие возможности именно для их развития «самих по себе» – в относительной независимости от какой-либо системы.

Итак, можно вдеть, что «в лице» формирующегося и по необходимости несовершенного процесса целеобразования, а также во всей совокупности особенностей целей игровой деятельности проявляется следующее – фундаментальное обстоятельство. По отношению к этой деятельности нельзя говорить о том, что в ходе ее генезиса осуществляется формирование какой-либо инвариантной и стабильной структуры (даже – относительной, приближенной и т. д.). Сама суть развертывающихся при этом процессов состоит в том, что формируется не структура, а *структурность*; складывается и эволюционирует не какая-либо определенная система,

---

¹⁷ Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что в этом – важнейшем обстоятельстве проявляется одна из наиболее глубинных и принципиальных особенностей системной формы организации как таковой. Это – представленная в единстве диалектическая противоречивость приоритетов *целостности*, с одной стороны, и «интересов» *отдельных* компонентов, из которых оно синтезируется, с другой. К ней – и в ее общем виде, и в плане того, каким образом она обуславливает базовые закономерности генетического плана, мы еще возвратимся в ходе последующего анализа в параграфе 3.4. данного тома.

а сама *системность*. Другими словами, имеет место формирование структурности как *принципа* организации; складывание и эволюционирование системности как *общей формы* организации – и психики, и деятельности, равно как и тех *механизмов* (главным образом, разумеется, интегративного типа), которые ее обеспечивают. Прежде чем реализация механизмов и закономерностей структурного и далее – системного плана окажется действенной и, вообще, возможной, они сами должны быть сформированы. Именно это и имеет место в форме формирования и развития процесса целеобразования. В связи с этим, несколько иное и в целом – более широкое значение обретает и само понятие системогенеза. Оно раскрывается не только как понятие, обозначающее специфический тип генезиса, присущий формированию и развитию системных образований, то есть не только как понятие, фиксирующее генезис *систем*, но и как понятие, обозначающее *генезис системности*. В этом своем значении системогенез есть не что иное, как возникновение и становление, формирование и развитие системности как формы организации, как наиболее фундаментального и обобщенного комплекса механизмов организации, лежащих в основе структурно-функциональной организации психики и деятельности. В этом значении понятие системогенеза преодолевает свою «приуроченность» к формированию не только тех или иных конкретных систем, но и систем как таковых в целом. Оно становится концептуальным средством для фиксации возникновения и развития самой *системности* как того, что и лежит в основе организации систем любого типа, в том числе – и систем собственно психологического плана.

В связи с этим, следует, далее, особо акцентировать внимание на совершенно особой и, фактически, фундаментальной роли самого процесса целеобразования в организации и психики, и деятельности. Дело в том, что он, как уже отмечалось, вступает, конкретизацией на уровне психического системной формы организации как таковой. Целеобразование и цель являются, по существу, конкретизацией – «воплощением» и в психике, и в деятельности системности как принципа и как совокупности механизмов организации. Следовательно, «овла-

девая» целеобразованием, субъект овладевает и самой этой формой. Через процесс целеобразования и, следовательно, через сам «феномен цели» в психику и деятельность «приникает» системность как форма, как механизм и как принцип ее организации. Данное обстоятельство имеет не только фундаментальное, но и очень общее значение. Оно находит свои многочисленные проявления, в силу чего к нему мы еще неоднократно будем обращаться в ходе последующего рассмотрения. Так, в частности, именно с ним сопряжено становление и развитие *произвольности*, а также повышение степени *осознанности* контроля за поведением, равно как и возрастание степени *активности* субъекта за его регуляцией. В наиболее общем плане формирование и развитие процесса целеобразования обеспечивает совершенствование *базового принципа*, на основе которого строится все поведение, деятельность и активность в целом. Феноменологически это проявляется в том, что по мере развития и совершенствования данного процесса имеет место переход от так называемого «*реактивного*» принципа организации поведения к «*проактивному*» принципу. В свою очередь, в основе самой этой феноменологически представленной картины лежит еще более фундаментальная трансформация: переход от *каузальной* – причинной детерминации поведения и деятельности к принципу *целевой* детерминации; переход от детерминации по типу «почему?» к детерминации по типу «зачем?»

Итак, в свете вышеизложенного становится еще более очевидной та – поистине огромная и недооцененная пока в должной мере роль, которую играет процесс целеобразования (и, соответственно, «феномен цели») в организации психики, деятельности и активности в целом, а также в эволюции и развитии их качественно различных, сменяющих друг друга в онтогенезе форм. Фактически, – это «канал проникновения» в психику и деятельность системности как формы, как механизма и принципа организации. Формирование процессов целеобразования – это и есть формирование структурности, а затем – и системности психики и деятельности. Причем, как следует из проведенного анализа, большое и «незаменимое» значение имеет не только воздействие на орга-

низацию психики и деятельности уже *сформированных* процессов целеобразования. Не меньшую роль играют и те – еще *недостаточно* сформированные уровни и не вполне совершенные его формы, в которых он представлен на ранних онтогенетических этапах (то есть на онтогенетических этапах, соотносящихся с доминированием игровой деятельности). Тем самым и роль данного процесса раскрывается в новом – еще более полном виде, в новом свете и в его дополнительных – очень важных функциях.

Вместе с тем, «сквозь призму» всех этих особенностей процесса целеобразования и закономерностей его формирования с еще большей глубиной раскрывается и истинное значение другого психического процесса – процесса *представления*. По отношению к нему в психологической литературе, а также в общей структуре проблемы психических процессов, к сожалению, сложилась достаточно негативная традиция. Ее суть заключается в том, что именно он является, пожалуй, наименее изученным и, главное, – наименее «удостоенным вниманием». Он обычно рассматривается как относительно наименее значимый, как наиболее понятный – и по содержанию, и по функциям, а нередко вообще не рассматривается как обладающий ярким качественным своеобразием. Так, например, в ряде случаев он редуцируется, например, до функциональных проявлений другого процесса – воображения. В связи с представленными выше материалами оценка данного процесса должна быть, однако, совершенно иной. Дело в том, что именно он и – это главное – именно на этапе раннего онтогенеза как раз и является той реальной, то есть – *процессуально-психологической основой*, на базе которой становится вообще возможным целеобразование как таковое. Хорошо известно, что специфика так называемых «детских целей», то есть тех целей, которые ребенок и формулирует, а затем – реализует в своей игре, как раз состоит в том, что они носят *образный*, преимущественно наглядный характер. Но именно это и означает, что их формирование, а затем – функциональное развертывание базируется, прежде всего, на средствах и механизмах, заложенных в процессуальном содержании *представления*. Тем самым, однако, и сам этот процесс раскры-

вадается в его истинном – принципиальном смысле: он выступает как конкретное по содержанию, но очень общее по сфере действия *операционное* средство, благодаря которому психика (и деятельность) обретают системность организации. Представление – этот процесс, посредством которого и «через который» в психику и деятельность «проникает» системность как таковая. Кроме того, представление – это и процесс, благодаря которому оказывается возможной реализация целью ее основной функции. Это – функция *системообразования* в организации и отдельных «внешних» – деятельностных (и поведенческих) актов, и «внутренних» – собственно психических процессов.

Итак, резюмируя изложенное, подчеркнем наиболее *общий* смысл тех генетических трансформаций, которые связаны с формированием процесса целеобразования. Именно через эти закономерности и, соответственно, – через «еще несовершенство» целей как раз и эксплицируется та атрибутивная особенность игровой деятельности, которая является одной из двух ее основных особенностей. Это, напомним, приоритет процесса игры над ее результатом. Отсутствие «жесткой» результативной детерминации, необязательность получения строго фиксированного и заданного результата, в свою очередь, является объективной основой тех особенностей, которые обретает процесс целеобразования, а также сама цель в игровой деятельности. Их главный смысл состоит в том, что они еще не позволяют цели реализовывать свои основные функции – функции системообразующего фактора. В результате этого и о самой «системе игровой деятельности» нельзя говорить как о таковой – в ее строгом смысле. Она – «еще не-система», а лишь *приближение* к ней. Суть формирования и развития игровой деятельности состоит поэтому в том, что в ней формируется не структура, а *структурность*, не система, а *системность*. И именно это имеет огромный смысл. В игровой деятельности формируется не какая-либо – пусть и развитая, совершенная, но *конкретная* структура, а структурность как *общая* форма организации, которая может быть транспонирована на многие психические и деятельностные образования. В этом, собственно говоря, и заключен наиболее

глубинный смысл разветвляющихся генетических трансформаций. Выше они были констатированы по отношению к одному из процессов регуляции игровой деятельности – процессу целеобразования. Однако, они же, как будет показано далее, характерны и для иных процессов, а также для многих иных психологических «составляющих» этой деятельности.

Далее, подчеркнем еще одно – достаточно существенное, на наш взгляд, обстоятельство. Оно, будучи характерным для генезиса процесса целеобразования, является, как станет ясно из последующего изложения, *общим* и для иных – также основных «составляющих» игровой деятельности, а его суть состоит в следующем. Отсутствие «ориентации на результат» и, соответственно, ярко выраженное доминирование процессуальной стороны (ее самодостаточность, самооценность и пр.) – это атрибутивный признак, базовый критерий выделения игровой деятельности как таковой. В конечном итоге, он объективно и сопряжен с особенностями процесса целеобразования и характеристиками целей игровой деятельности, которые были рассмотрены выше. Вместе с тем, его – несмотря на очевидную значимость и, безусловно, определяющее значение, – все же нельзя рассматривать как *абсолютный*. Дело в том, что в определенном смысле и игровая деятельность также имеет не только вполне определенный, но и чрезвычайно значимый результат. Им, как известно, является освоение ребенком общественного опыта, в том числе и, прежде всего, – социально-выработанных знаний и повышение меры его социализации. Другое дело, что сам этот результат, точнее необходимость его получения, как правило, не осознается самим играющим. Эта необходимость и, соответственно, сам результат носят так сказать «надындивидуальный, а потому – объективный, а не субъективный характер. В этом плане характер данного результата близок по смыслу аналогичному параметру учебной деятельности (что в принципе хорошо известно и служит для обоснования глубочайшей общности учебной и игровой деятельности).

Вместе с тем, нельзя не видеть и другого, не менее существенного обстоятельства. Развитие игровой деятельности именно в направлении *преодоления* этой важнейшей психологической

особенности (и даже – *трансформации в обратную*) является одним из магистральных «векторов» ее общего развития. Это, как известно, основное направление ее трансформации сначала в учебную, а затем – и в трудовую деятельность. Действительно, не будучи изначально и исходно ориентированной «на результат», игровая деятельность, тем не менее, в процессе своего генезиса постепенно обретает иную структуру и иные возможности. Они уже вполне *достаточны* для получения и таких результатов, которые выходят за пределы генетической исходной функции игровой деятельности – освоения общественного опыта. Игровая деятельность – именно «технологически» (операционно) на достаточно продвинутых этапах своего развития становится вполне достаточной для того, чтобы приводить к получению таких результатов, которые носят вполне объективный, «вещный», а потому – осязаемый и *отчуждаемый* от самого субъекта характер.

Наконец, необходимо отметить и еще одну – важную с точки зрения генетических трансформаций черту формирования процесса целеобразования и, соответственно, – последовательно сменяющих друг друга и усложняющихся целей. Она состоит в том, что сам «приоритет процесса над результатом», а также необходимость получения последнего и возможность переформулировки и изменения соответствующих целей является, фактически, обратной стороной специфических особенностей самих целей в игровой деятельности. Это – их необязательность, лабильность и *простота*. Вместе с тем, обратим внимание на то, что именно благодаря этим свойствам цели игровой деятельности обретают еще одну, так сказать, интегральную особенность – еще одно, фактически, «незаменимое» для ребенка свойство. Это – свойство легкости и простоты их достижения, их *реализуемости*.

В свою очередь, обеспечение возможности этого, а также сама по себе *достижимость* целей обеспечивает чувство субъективного комфорта и вообще – многие иные позитивные эмоциональные переживания. Тем самым, однако, именно через это и обеспечивается важнейший и фундаментальный результат – игра самоподкрепляет и *самодетерминирует* себя. Сам процесс ее реализации оказывается стимулом для ее же последующего

развертывания, для повторения вновь и вновь. Через свойства «простоты» и высокой реализуемости цели обретают характеристики *квазипотребности* (см. подробнее об этом ниже), а процесс игры выступает как относительно самостоятельный и очень сильный стимул к тому, чтобы повторять его еще и еще. Игра выступает по отношению к самой себе своего рода *автофункцией*, когда она уже просто самим фактом своего существования оказывается стимулом для ее же повторения вновь и вновь. Тем самым и деятельностная активность (в форме игровой деятельности) обретает свойство самовоспроизводимости, самостимулируемости. Игровая деятельность организована таким образом, что в самом ее содержании в целом и в ее мотивационном потенциале, в особенности, заложены необходимые и достаточные средства для того, чтобы она повторялась, воспроизводилась вновь и вновь. Однако именно это и является, как известно, важнейшим условием и объективным – обобщающим условием для того, чтобы «в» деятельности и «через» нее формировались и развивались многие иные психически образования. Их так сказать «тренинг» становится объективно возможным лишь при условии повторяемости тех деятельностных форм, в которые они включены. Однако, именно такая «повторяемость» и заложена в самой природе детской игры.

Таким образом, можно видеть, что в данном пункте анализ приводит к необходимости экспликации одной из важнейших и очень своеобразных свойств игры, которая еще не раз проявит себя и в дальнейшем – при рассмотрении иных ее психологических «составляющих». Она заключается в том, что все ее развитие в целом – весь ее генезис обретает такие атрибутивные черты, которые заставляют охарактеризовать его как *авто-системогенез*. Это – такой тип генезиса, в самом содержании которого заложены мощнейшие детерминанты его собственного «самодвижения»; детерминанты поддержания и усиления степени его представленности – так сказать «внутренний источник его самодвижения» и, более того, самоусиления. Процесс генезиса игровой деятельности выступает тем самым в двуединстве его модусов. С одной стороны, он раскрывается именно как

содержанием этого генезиса. Однако, с другой стороны, он же является и очень мощной *его же* собственной детерминантой – стимулом для самого себя. Одновременно именно в этом пункте анализа он с логической необходимостью подводит к раскрытию особенностей генезиса другого функционального блока (точнее – «протоблока»), который связан с *мотивационным* обеспечением игровой деятельности. В силу этого теперь его и необходимо сделать предметом специального рассмотрения.

1.3.2. Закономерности генезиса мотивационного обеспечения игровой деятельности

По отношению к этой – также одной из важнейших «составляющих игровой деятельности складывается картина, которая является во многом принципиально сходной с той, которая была установлена выше по отношению к целобразованию. Вместе с тем, конечно, мотивационная «составляющая», равно как и ее генезис имеют и определенную – причем, достаточно выраженную специфику. При анализе данной «составляющей» необходимо учитывать также и положение общего порядка, состоящее в следующем. Известно, что именно те особенности и закономерности, которые выявляются при раскрытии этой важнейшей составляющей деятельности любого типа (в том числе, разумеется, и игровой) *наиболее* характерны для определения личностного содержания и смысла всей деятельности¹⁸. Они же имеют определяющее значение для раскрытия многих иных ее особенностей и закономерностей. Наконец, принципиально и то, что именно «мотивационные особенности» игровой деятельности коренятся в основных – атрибутивных чертах самой этой деятельности, определяющих ее суть и психологическую специфику. Причем, они характеризуется своего рода «двуединым» смыслом. С одной стороны, именно по отношению к этой

---

¹⁸ Как отмечал в данной связи С. Л. Рубинштейн, «Специфика психологического изучения деятельности связана, прежде всего, с раскрытием ее мотивационной стороны» [203].

«составляющей» ее роль и функции, а также ее место в генезисе игры и смысл ее влияния на игру являются относительно наиболее очевидными и уже хорошо раскрытыми. Однако, с другой стороны, при более глубоком анализе эта «простота» (в действительности, – лишь кажущаяся, иллюзорная) исчезает, а специфика данной «составляющей» как компонента игровой деятельности раскрывается новыми гранями и в целом существенно обогащается и усложняется.

Действительно, одним из основных положений психологии детской игры, равно как и одной из ярчайших особенностей самой игровой деятельности (ее атрибутом) является наличие у нее собственного *мотивационного* потенциала: она приносит удовольствие и удовлетворение самим *процессом* ее осуществления. Кроме того, эта же особенность является, как уже не раз отмечалось выше, своего рода «демаркационной линией» – одним из двух основных и наиболее традиционных критериев для дифференциации самой игровой деятельности от двух других основных типов деятельности (учебной и трудовой). Так, при ее изучении стало уже своего рода общим местом указание на наличие у игровой деятельности следующей, наиболее специфической и также атрибутивно присущей ей особенности. Она не только раскрывает ее психологическое своеобразие, но и лежит в основе выделения данного типа деятельности именно как одного из трех основных типов. Эта особенность состоит в том, что игра выполняется *ради самой себя*. Игра является так сказать «самопричиняемой» и уже самим своим фактом – самим процессом реализации приносит мотивационное удовлетворение, обеспечивает эмоциональную отдачу. Она, а, точнее, процесс ее реализации обладает поэтому *самоценностью*, собственным значением и *непосредственно* порождает позитивные эмоции, а также субъективное удовлетворение.

Наличие у игровой деятельности *собственного* мотивационного потенциала равнозначно тому, что ее мотивы лежат «внутри» нее самой; она *самодетерминирует* себя. «На языке» теории мотивации это означает, что функциональный блок

мотивации игровой деятельности образован, в основном (а во многих случаях – и практически полностью), той категорией мотивационных образований, которые обозначаются понятием «внутренних мотивов». Мотивация игровой деятельности – это, прежде всего, внутренняя – *интринсивная* мотивация¹⁹. При этом, однако, следует обязательно учитывать важнейшую и, по существу, атрибутивную особенность самой внутренней мотивации как таковой. Она принципиально отличает ее от иных типов мотивации и, прежде всего, – от внешней, «результативной» (экстринсивной). Как известно, внутренняя мотивация базируется не на *гомеостатическом* принципе, как иные типы мотивации, а на ином – *гетеростатическом*. В основе гомеостатического принципа лежит механизм *редукции* мотива и (или) потребности после их удовлетворения [145, 150, 153, 175, 176]. В основе же гетеростатического принципа, напротив, лежит механизм *усиления* мотива после его удовлетворения. Система отнюдь не приходит к равновесию (то есть гомеостазу) после «устранения возмущений», связанных с возникновением у нее дефицита в чем-либо, который и переживается как потребность, как мотив. Напротив, она проявляет активность, направленную на их усиление. Феноменологически это находит свои проявления в известных фактах, суть которых сводится к тому, что, например, познавательный или иной интерес к чему-либо после его удовлетворения может не только не ослабевать, но и наоборот, как правило, усиливается. Удовольствие, получаемое от игры, не только не приводит к редукции игровых мотивов, но и стимулирует их и т. д. Все это выступает следствием того, что внутренняя мотивация обладает свойством *открытости*; в силу этого, она «труднонасыщаема». Через нее и *в ней* находят свое проявление и обнаруживают свое конкретное действие механизмы самодетерминации активности в целом и игровой активности, в особенности. Именно приоритет в игровой деятельности внутренней мотивации является решаю-

---

¹⁹ Понятия интринсивной и экстринсивной мотивации были введены, как известно, Э. Деси и Р. Райаном; они во многом сходны по смыслу с дифференциацией мотивации на внутреннюю и внешнюю [295, 296].

щим условием самодетерминации – как атрибутивно присущего этой деятельности свойства. Особо подчеркнем, что такая специфика вытекает из самой психологической природы – из *сути* игровой деятельности. Точнее, – она сама обуславливает эту природу, детерминируя важнейшие атрибуты игровой деятельности.

Рассмотренные выше особенности мотивационной «составляющей» игровой деятельности в принципе не только хорошо известны, но и составляют самую ее суть. Дело, однако, заключается в том, что за «феноменологическим фасадом» этих особенностей необходимо видеть не только их более глубокий смысл и механизмы, лежащие в их основе. Наряду с этим, следует зафиксировать и то, как они определяют собой *общий* тип системогенеза этой деятельности, то есть как они эксплицируют его в качестве *автосистемогенеза*. Напомним, что аналогичное заключение уже было сделано выше по отношению к другой важнейшей «составляющей» игровой деятельности – процессам целеобразования, равно как и самой цели, а также к закономерностям их формирования.

Вместе с тем, при дальнейшем углублении психологического анализа игровой деятельности в аспекте ее мотивационной «составляющей» вскрываются и некоторые новые особенности и закономерности, дополняющие собой традиционно дифференцируемые. Все они в целом эксплицируют существенно большую сложность и многомерность, нежели это полагается традиционно. Действительно, базовая и исходная «мотивационная картина» игровой деятельности и игры как таковой определяется, согласно традиционным представлениям, *удовольствием* от самого ее *процесса*; эмоционально-позитивным состоянием, сопряженным с самим ее процессом. Более того, оно возникает просто в силу представленности самого этого процесса как такового.

В конечном итоге, все это, как известно, имеет еще более глубокие «корни» и сопряжено с известными и очень мощными тенденциями, заложенным в фундаментальном свойстве, присутствующем практически любой функциональной системе организма. В наиболее общем виде – это просто тенденция к самому функционированию как таковому; к реализации того функциональ-

ного потенциала, который заложен в них. Кроме того, как было показано еще в ранних работах Р. Вудвортса и В. Уайта, в самом функционировании организмов (и его «органов», в том числе – и психики) заложены мощные динамические тенденции: само функционирование как таковое сопряжено с позитивным эмоциональным состоянием (по [295]). Более того, оно, точнее – *потребность* в нем, переживается именно как потребность. Тем самым оно выступает в качестве наиболее глубинного основания и так сказать «генетического корня» для многих тенденций, иных динамических, то есть мотивационных установок и побуждений. Здоровый организм обладает мощнейшей динамической тенденцией к функционированию как таковому. Кстати говоря, сами Р. Вудвортс и В. Уайт именно в этом видели генетические причины, а также – объяснение возникновения сути самой *внутренней* мотивации. Неслучайно поэтому, что именно к этим исследованиям и восходит само понятие *внутренней* мотивации. Это, в конечном итоге, и лежит в основе той атрибутивной особенности игры, согласно которой сам *процесс* ее реализации выступает не просто сильным, но и ведущим, определяющим динамическим фактором, то есть, по существу, ее базовым мотивом. Естественно, что при этом нельзя и упрощать ситуацию, считая, что данная категория мотивов является единственной. Возможны, конечно, и иные – в особенности относительно простые побудительные и динамические факторы, инициирующие игру и выступающие по отношению к ней в функции мотивов. Дело в другом – в том, что именно процессуальные мотивы являются и базовыми, и основными, и наиболее конгруэнтными природе детской игры.

Наряду с этим, важно, на наш взгляд, учитывать и еще одну особенность детской игры, выявленную при анализе формирования процесса целеобразования. Она состоит в том, что и в игровой деятельности (равно как и в иных основных типах деятельности) сама цель, точнее – необходимость и желательность ее достижения также часто выступает в роли достаточно сильного мотивационного фактора. Она эксплицируется в *функции* относительно самостоятельного мотивационного фактора, обретая характер

своего рода *квазипотребности*. Тем самым, уже не только процесс, но и тесно сопряженная с ним его цель, стремление к ней также выступает достаточно сильным мотивационным фактором. Общее содержание мотивации игровой деятельности не сводится к мотивации по типу «почему?» (то есть к относительно более простым – *побудительным* мотивационным механизмам и факторам). Она включает также и мотивацию по типу «зачем»? Однако, это – уже не *каузальная* детерминация, а детерминация *целевая*. В соответствии с ней поведение организуется не на основе принципа *реактивности*, а на основе принципа *проактивности*. Не видеть всего этого и сводить всю мотивационную «составляющую» игровой деятельности только к чисто процессуальной (и, соответственно, каузальной) мотивации – значит ограничивать, схематизировать, обеднять и «уплощать» ее реальную сложность. И, наоборот, учет этого обстоятельства позволяет в значительно более полном виде раскрыть истинное содержание «мотивационного базиса» игровой деятельности. В нем, наряду с собственно процессуальными мотивами, обнаруживаются еще и собственно результативные, то есть «целеобусловленные» мотивационные факторы.

Однако в таком случае сама мотивационная база игровой деятельности не только существенно обогащается, но и обретает еще более сильный мотивационный потенциал. Он поэтому становится вполне достаточным для осуществления игр самого разного типа, вида, уровня – в широком диапазоне их содержания и генетических вариаций. В общем виде складывается ситуация, при которой игровая деятельность детерминируется *и* процессом ее реализации, *и* результатом, с которым она объективно сопряжена. Он, как уже отмечалось выше, репрезентируется в форме цели как *квазипотребности*. Все это и объясняет то – важнейшее обстоятельство, согласно которому очень часто (или даже «как правило») для игры просто не нужны – «психологически избыточные» какие-либо иные мотивационные факторы, кроме нее самой. Мотивация обеспечивается просто ее процессом, а также ее целью как квазипотребностью. Это – неоспоримая реальность детской игры; она многократно охарактеризована в соответствующей литературе.

Вместе с тем, это, действительно, важнейшее положение, фиксирующее базовый атрибут детской игры, все же обычно несколько переоценивается, точнее – *абсолютизируется*. Оно рассматривается именно как атрибут, то есть свойство, обязательно присущее всем проявлениям детской игры. По-видимому, это не совсем так, а реальность детской игры богаче и содержательнее. Действительно, будучи изначально и генетически исходно побуждаема именно указанными типами мотивационных факторов, игра с *необходимостью* (то есть совершенно объективно – в том числе и «независимо» от намерений самого играющего) приводит к тем или иным результатам. Это может быть и победа в каком-либо игровом соревновании; и похвала со стороны «значимого взрослого» за то, что «ты хорошо играл»; и одобрение со стороны сверстников, и мн. др. [184, 199, 204, 211, 234, 238] Причем, очень часто достижение данного результата, разумеется, переживается ребенком как субъективно приятное. Оно репрезентируется эмоционально как позитивно окрашенное состояние, как нечто «хорошее» и, более того, *выгодное* для себя (это, правда наблюдается лишь на относительно продвинутых стадиях онтогенеза).

Тем самым, однако, уже само по себе *осознание* этого приводит к трансформации психологической структуры деятельности, имеющей, на наш взгляд, фундаментальный характер и состоящей в следующем. Ребенок начинает понимать (хотя, конечно, вначале – лишь *чувствовать*), что удовольствие и удовлетворение от игры может быть сопряжено и с теми результатами, к которым она приводит. Он, например, видит, что «победа в игре» способствует улучшению отношения к нему со стороны взрослых, в силу чего возникают элементы мотивации «социального одобрения». Он, далее, видит, что это же способствует улучшению его отношений с другими детьми. Он, наконец, видит («чувствует»), что это же способствует, говоря «взрослым языком», укреплению его статуса в детской группе и мн. др. В силу этого, и возникает явление фундаментальной значимости: оказывается, что мотивация детской игры может содержаться – быть «заложеной» не только *внутри* нее самой (то есть носить характер внутренней мотивации), но и быть локализованной *вне* ее. То доста-

точно устойчивое, но явно упрощенное представление, согласно которому мотивация детской игры – это исключительно *внутренняя* мотивация, оказывается, в действительности, неверным. И для игровой деятельности также может быть присуща и *внешняя* мотивация.

Однако в таком случае трудно не видеть следующего – важного обстоятельства. Формирование мотивационной «составляющей» деятельности как таковой начинает дифференцироваться и от самого ее процесса, и от ее результата. Точнее, – это формирование начинает «выходить» за пределы данной деятельности как в ее процессуальном, так и в ее результативном аспекте. Возникает хорошо известный и фундаментальный по своей значимости «феномен расхождения» между тем, «для чего» и тем, «почему» реализуется та или иная игровая деятельность. Генетически исходное «почему» (состоящее в удовольствии от процесса деятельности и достижении цели как квазипотребности) дополняется генетически вторичным «зачем» – удовольствием и удовлетворением от реализации *иных* потребностей, но уже не в самой деятельности *непосредственно*, а *через* нее. Совершенно закономерно поэтому, что посредством такого дополнения достигается огромное расширение и обогащение мотивационной «составляющей» игровой деятельности в целом. Более того, как мы уже отмечали, при этом, собственно говоря, и возникает сам мотивационный «протоблок». Он включает в себя уже не только собственно *деятельностную* мотивацию, взятую в ее и процессуальной и в результативной форме, но и мотивы многих *иных* категорий. Другими словами, именно посредством этого общая мотивация игровой деятельности «выходит» за пределы самой этой деятельности, а в ее содержание включаются иные – очень многообразные категории мотивационных факторов, в том числе и собственно личностного плана. Несколько схематизируя, можно сказать, что в этих генетических трансформациях и формируется сама мотивация игровой деятельности; складывается тот функциональный «протоблок», который затем составит основу содержания аналогичного блока психологической системы и учебной, и трудовой деятельности.

Кроме того, можно видеть, что сама сущность отмеченных генетических трансформаций заключается в том, что в ходе системогенеза игры мотивация не только и не просто «формируется и развивается», а именно *складывается*. Она именно возникает в качестве относительно самостоятельной психологической «составляющей» психологической структуры деятельности. Вследствие этого возникает и сам феномен мотивации деятельности как принципиально *опосредствованного* типа детерминации. Основой его возникновения – так сказать механизмом его порождения как раз и является становление уже в структуре игровой деятельности не только *внутренней*, но и *внешней* мотивации. Представление, точнее – «миф» о том, что внутренняя мотивация не только наиболее *специфична* игровой деятельности, но что именно она *исчерпывает* всю эту мотивацию, должно быть радикально преодолено. Необходимо не только четко осознать, но и реализовать в исследовательской практике положение, согласно которому внутренняя мотивация – это лишь генетически исходный, хотя, конечно, и наиболее характерный для игры тип мотивации. В действительности же, ее *общее* мотивационное содержание намного богаче, поскольку в него постепенно включаются и мотивационные факторы внешнего плана.

В связи с данным заключением можно вновь констатировать ту закономерность, которая уже была проанализирована выше, – в ходе анализа формирования процесса целеобразования (и которая, в действительности, носит очень общий и достаточно важный характер). С одной стороны, действительно, атрибутивная сопряженность игровой деятельности с *внутренней* мотивацией – это не только ее ярчайшая, но и атрибутивная особенность. Кроме того, она же является и еще одним «демаркационным признаком» – критерием ее дифференциации от двух других основных типов деятельности (учебной и трудовой). Вместе с тем, игровой деятельности присуща и столь атрибутивная для нее тенденция к *преодолению* этой особенности в ходе ее собственного развития и совершенствования. Точнее, весь генезис игровой деятельности обладает направленностью на ее оstepененное *устранение*. Именно это и вступает еще одним магистральным «вектором» общего

системогенеза игровой деятельности. Она «устроена» таким образом, что и в этом ее базовом атрибуте также заложены внутренние потенции для его же собственного «отрицания» – для его редукции и, более того, для его трансформации в противоположный.

При этом следует, конечно, понимать, что именно это является не только чрезвычайно полезным, но и, фактически, необходимым «средством подготовки» к реализации других основных типов деятельности (учебной и трудовой). Причем, очень характерно, что такое средство формируется уже внутри генезиса самой игровой деятельности. Возникновение и становление в рамках игровой деятельности категории *внешней* мотивации вообще должно быть понято с этой точки зрения как объективно необходимое условие для возникновения двух иных основных типов деятельности. Подчеркнем также, что именно это – порождение категории внешних мотивов (и внешней мотивации в целом) является, хотя и первым, но именно *решающим* шагом для дальнейших многочисленных и многообразных трансформаций самой мотивационной «составляющей» деятельности. Оно, в частности, является основным и объективным фактором для последующего перехода от организации деятельности и поведения по типу «мотивации влечения» к организации по типу «мотивации долженствования» (точнее – для дополнения им). Это, в свою очередь, является столь же объективным условием для перехода от преимущественно *мотивационной* детерминации поведения и деятельности к преимущественно *стимульной* детерминации. Именно последняя, как известно, зачастую является и более действенной, и распространенной существенно шире, нежели первая.

Далее, в связи с этим возникают объективные предпосылки для формирования средств и *механизмов сопряжения* в рамках общей мотивационной сферы личности двух базовых мотивационных подсистем – подсистем *внешней* и *внутренней* мотивации. Важнейший нюанс этого состоит в том, что в игровой деятельности не только порождается сама внешняя мотивация, но – именно вследствие этого – возникает и необходимость ее согласования с генетически исходной – внутренней мотивацией. В результате этого уже в рамках игровой деятельности складывается фунда-

ментальная по своей значимости общая и принципиальная структура мотивации деятельности как таковой, образованная противоречивым синтезом двух – указанных выше мотивационных подсистем (подсистем внешней и внутренней мотивации). Наконец, это же является и объективной основой для дальнейшего эволюционного усложнения самой мотивационной «составляющей» деятельности в целом. В частности, именно на этой основе в дальнейшем становится возможным развертывание процессов и механизмов *иерархизации* мотивационной сферы, приводящих к организации мотивов по типу *соподчиненности*. В свете сказанного генетический «корень» всего этого как раз и заложен в развитии мотивационной «составляющей» уже в «недрах» игровой деятельности; он состоит в дополнении *внутренней* мотивации ее осуществления *внешней* мотивацией.

В дальнейшем специфически игровая мотивация, как было показано нами в работе [125], очень существенным образом влияет на формирование того, что обычно обозначается понятием *внеучебной* мотивации и рассматривается в качестве одной из мотивационных подсистем личности, но уже на этапе реализации ей собственно *учебной* деятельности. Более того, исследования показывают, что (вопреки традиционной точке зрения) внеучебная мотивация оказывает значимое *фасилитирующее*, то есть позитивное влияние на общий уровень собственно учебной мотивации [125]. Очень важно и то, что внеучебные мотивы, существенную часть из которых как раз и составляют мотивы игрового типа, достаточно часто выступают и в функции *терминальных* мотивационных факторов по отношению к собственно учебным мотивам – как *инструментальным* [124, 125]. Тем самым они являются объективным средством трансформации одного типа ведущей деятельности (игровой) в другую – в учебную. В этой связи совершенно закономерно, что очень конструктивную роль в данном процессе играют *дидактические игры*, поскольку именно они как раз и позволяют сохранить в учебной деятельности мотивационный потенциал собственно игрового характера и содержания. Данная проблема была подробно рассмотрена нами в работах [119, 120, 124].

В завершении рассмотрения мотивационной «составляющей» игровой деятельности и ее генезиса отметим еще одно – логически вытекающее из проведенного анализа обстоятельство. Важным положением психологической теории деятельности в целом и системогенетической концепции, в частности, является тезис, согласно которому *все* психологическое содержание деятельности не сводится, так сказать, к «сумме содержаний» ее основных психологических «составляющих» [243, 244, 245, 246]. Так, например, все содержание деятельности не может быть редуцировано до содержания совокупности (пусть – и полной) ее основных функциональных блоков, представленных в архитектонике ПСД. Дело в том, что сама деятельность является подчеркнуто структурным, системно-организованным образованием. Следовательно, очень важные грани ее общего содержания соотносятся не с *отдельными* «составляющими» и не с их аддитивной *совокупностью* (то есть рядоположенной суммой), а с их *организацией*. Это означает, в свою очередь, что такое содержание «локализуется» не только «внутри» функциональных блоков, но и *между* ними – в тех закономерных связях и отношениях, которые существуют между ними. Классической и наиболее показательной иллюстрацией этого являются, как известно, функциональные связи двух, уже рассмотренных психологических «составляющих» деятельности (представленных в концепции системогенеза в качестве ее функциональных блоков) – целеобразования и мотивации. Именно в их соотношении – так сказать «на стыке» этих «составляющих» генерируется не просто «важное», но во многом *определяющее* деятельностное образование – *личностный смысл* деятельности [137]²⁰. Возникновение и самого личностного смысла

---

²⁰ Аналогичную мысль высказывал и Б. Ф. Ломов, формулируя представления о «векторе «мотив-цель» и его определяющей роли во всей организации деятельности и ее психической регуляции. Он указывал в этой связи: «Вектор «мотив-цель» является высшим регулятором деятельности; он определяющим образом организует и включенные в нее психические процессы. Именно этот «вектор» выступает в роли детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов

как такового, и дифференциация различных смыслов возможна, однако, лишь в том случае и при том условии, что сами мотивы будут представлены в *дифференцированном* виде; если они являются множественными и различными. Действительно, в генетически исходном и простейшем случае, когда игра побуждается исключительно внутренними мотивами (процессуальными мотивами и целью как квазипотребностью), по существу, *вся* мотивация сводится к ним, а индивидуальных, то есть именно *субъектно-обусловленных*, различий в мотивационном обеспечении деятельности попросту быть не может. В этих случаях игра имеет не *личностный* смысл, а просто *смысл* – он един и понятен, заключаясь в том, что сам ее процесс, а точнее получаемое от него удовольствие – это и есть, собственно говоря, этот смысл.

Однако, в том случае, если мотивационное обеспечение выходит за пределы внутренней мотивации и включает в себя совокупность мотивационных факторов внешнего плана (причем, что крайне важно, – факторов множественных, а потому и принципиально *различных*) складывается совершенно иная ситуация. Дело в том, что вследствие этого возникают объективные условия и для различий в том, что значит игра для ребенка, то есть, фактически, для обретения ей того или иного личностного смысла²¹. Тем самым можно видеть, что дополнение внутренних мотивов внешними мотивами приводит к множественности и принципиальной дифференцированности, а значит – и *диверсифицированности* мотивационных факторов. Однако, именно такая диверсифицированность, в свою очередь, является объективным условием и для возникновения фундаментального психологического образования деятельности – личностного смысла. Очень важно, на наш взгляд, что это происходит уже в рамках игровой деятель-

---

ее преобразования в мышлении. Он определяет, в конце концов, и динамику психических состояний» [141].

²¹ Например, как мы уже отмечали, ребенок сначала чувствует, а потом и понимает, что удовольствие от игры он получает не только «просто играя», но и от того, что достигаемый (точнее – «получающийся») при этом результат может вызвать похвалу со стороны взрослого, одобрение других детей и пр.

ности, составляя тем самым одну из важнейших предпосылок для дальнейшего генезиса форм и типов деятельности в целом и перехода к учебной, а затем и к трудовой деятельности, в особенности.

Наконец, отметим, что возникновение этого психического новообразования (личностного смысла) имеет и еще одну очень важную сторону. Дело в том, что он, наряду, разумеется, со всеми иными своими гранями, имеет и так сказать собственно «мотивационный аспект». Известно, что он часто выступает не только и не просто «одним из» мотивационных факторов деятельности и поведения, а *наиболее* сильным и даже – определяющим среди них. Естественно, его детерминирующая роль является наиболее выраженной и сильной впоследствии – на так сказать «недетских» стадиях онтогенетического развития личности. Однако, не менее важно и то, что первоначально *это же* имеет место и, более того, возникает – *складывается* именно «в недрах» игровой деятельности. Тем самым, во-первых, существенно расширяется и обогащается ее мотивационное содержание; во-вторых, закладываются основы того мотивационного механизма, которые станут ведущим и определяющим для мотивационного обеспечения иных типов деятельности – учебной и трудовой. Это – мотивационная детерминация деятельности именно ее *смысловыми* факторами и, в первую очередь, *личностным смыслом* как *интегральным* мотивационным регулятором деятельности; как ее «верховным» детерминирующим фактором.

В данном пункте анализа мы с необходимостью вынуждены «вторгаться» в такую – чрезвычайно важную и сложную сферу, которая связана со смысловой организацией и регуляцией деятельности как высшим уровнем ее мотивационного обеспечения. Безусловно, данная проблема выходит далеко за пределы данного рассмотрения. Вместе с тем, очень важно констатировать и то, что именно в структуре и в содержании игровой деятельности *первоначально* возникает («складывается») все то, что и входит в сферу исследования данной проблемы. Именно в ней *порождается* сам «феномен личностного смысла» и, сле-

довательно, закладываются основы для смысловой регуляции как высшего уровня мотивационного обеспечения последующих типов деятельности в целом – и учебной, и трудовой.

Наконец, подчеркнем, что и в этой закономерности вновь проявляется уже не раз констатированная выше – общая особенность генезиса детской игры в целом; она состоит в следующем. Суть данного генезиса состоит не только и не просто в том, что в нем многие важнейшие психические образования «формируются и развиваются», а в том, что они именно *возникают* – «первоначально складываются». Выше данная закономерность обнаружила себя «в лице» возникновения *внешней* мотивации, а также *личностного смысла* как таких новообразований, которые принципиально отсутствуют на относительно более ранних онтогенетических стадиях. Генезис психики и деятельности в тот период онтогенеза, где ведущим типом деятельности является игра, – это не *только* развитие (пусть даже и сопровождающееся очень глубокими, качественные трансформациями). Дело в том, что это *еще* и перманентное возникновение принципиально *нового*, а уже потом его развитие. В противном случае игра как форма активности, в которой и происходит так называемое «первоначальное», «фактическое складывание» психики просто не могла бы обеспечивать его. Сама же психика не могла бы пройти именно в таком «складывании» беспрецедентный и во многом еще непонятый, даже – загадочный по сути и глубине трансформаций путь. По существу, это – путь от «еще не-человеческой» психики до психики человеческой. К этому – очень важному и, более того, быть может, самому принципиальному вопросу мы возвратимся ходе последующего анализа.

Итак, выше были рассмотрены генетические особенности формирования и развития (а также «первоначального складывания») двух важнейших – базовых психологических «составляющих» игровой деятельности – процесса целеобразования и ее мотивации. Являясь, действительно, основополагающими, они, однако, не исчерпывают собой всего содержания этой деятельности. Наряду с ними, в ее содержании представлены, разумеется, и многие иные ее психологические «составляющие», к раскры-

тию которых теперь и необходимо перейти. При этом необходимо не только попытаться выявить специфические особенности и закономерности их генезиса, но и определить, насколько по отношению к ним соблюдаются уже обнаруженные – специфические для детской игры особенности генетического плана.

1.3.3. Формирование и развитие информационной основы игровой деятельности

Так, еще одной очень важной психологической «составляющей» любой деятельности является, разумеется, ее *информационная основа*. Под ней – в наиболее общем виде понимается вся совокупность информационных признаков, а также иных форм и способов содержательного обеспечения деятельности [251, 252]. Она связана, однако, не только с процессами и результатами восприятия и переработки *информации*, но также и с отражением и учетом всей совокупности нормативных регуляторов деятельности в целом, представленных в форме *знаний*. Информационная основа как объективно необходимая «составляющая» любой деятельности также подвергается в игровой деятельности как одному из ее основных типов закономерной спецификации. По отношению к ней, равно как и к особенностям ее генезиса в ходе развития игровой деятельности, можно констатировать целый ряд особенностей и закономерностей, являющихся, действительно, общими с рассмотренными выше. Вместе с тем, наряду с ними, по отношению к ее генезису необходимо отметить и целый ряд иных – уже более специфических только для нее особенностей и закономерностей. Основные направления и формы такой спецификации состоят, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, очень характерной особенностью игровой деятельности выступает не столько ее «подстраивание» под *объективную* реальность, сколько создание *искусственной* реальности, конструирование так называемой «среды понарошку». Оно предполагает опору на систему искусственных правил и метафор, на «сконструированные» и нередко – достаточно причудливые

условия, а также информационные признаки и иные регуляторы подобного рода. Принципом формирования данной «составляющей» игровой деятельности является «принцип удовольствия и интереса» (и, соответственно, – простоты), а не «принцип реальности» (и потому – сложности).

Во-вторых, еще одной – причем, самой очевидной среди всех иных является то, что именно эта «составляющая» наиболее значима в плане решения основной задачи всей игровой деятельности (точнее – «сверхзадачи»). Данная задача носит, как известно, «надындивидуальный» характер и заключается в том, что в ходе онтогенетического развития игровой деятельности происходит, прежде всего, освоение общественного опыта, а в еще более общем плане – и социализация всей личности в целом. Именно это и является наиболее «глубинным смыслом» всей игровой деятельности, и ее, повторяем, «сверхзадачей», а также ее основным предназначением. Однако именно это и предполагает, в первую очередь, освоение системы *знаний*, в которых закреплён, зафиксирован общественный опыт и которые составляют базу для социализации личности. Тем самым, анализ генетических особенностей формирования информационной основы игровой деятельности с объективной необходимостью требует обращения к фундаментальному и беспрецедентно сложному феномену – к «*феномену знаний*»²². До сих пор, несмотря на огромные усилия исследователей, наши «знания о знаниях» все еще очень неполны. Они не вскрывают истинной глубины и реальных механизмов формирования и функционирования «систем знаний». Вместе с тем, и достижения в данной области также неоспоримы, а сам этот феномен вообще является центральным предметом изучения в когнитивной психологии и в когитологии в целом [5, 28, 35, 50, 51, 56, 126, 156, 187, 189, 233, 240].

---

²² Используя в данном контексте словосочетание «феномен знаний» мы не преследуем никаких иных целей, кроме тех, которые состоят в обозначении – фиксации их в качестве *предмета* рассмотрения, то есть в качестве того, на что и направлен проводимый анализ.

В связи с этим, совершенно понятно также, что в данном пункте анализа со всей остротой и во всем ее истинном масштабе встает огромная по объему и значимости проблема *когнитивного развития* в целом [208, 278, 280, 286]. Она, безусловно, выходит далеко за пределы основных задач данной работы и является самостоятельным предметом изучения в целом ряде направлений и школ. Вместе с тем, это вовсе не освобождает от необходимости обращения к данной проблеме при анализе детской игры в целом, а также от определения *специфики* «феномена знаний» и его генезиса в ходе ее развития (пусть даже лишь в основных чертах и наиболее принципиальных особенностях). На наш взгляд, в этом отношении могут быть сформулированы следующие положения.

Так, известно, что освоение знаний и когнитивное развитие в целом может осуществляться (и реально осуществляется) двумя принципиально разными, хотя и тесно связанными, путями, способами – на двух уровнях. Первый – это *осознаваемо* контролируемое, произвольно регулируемое «приобретение» знаний, которое обычно соотносится, прежде всего, с учебной деятельностью. Второй – это преимущественно *неосознаваемое*, произвольное освоение знаний, которое обычно носит «параллельный» по отношению к каким-либо иным поведенческим и жизненным ситуациям характер [126, 164]. Оно во многом сходно с так называемым «латентным научением», с «фоновым восприятием информации» и т. д. Такое освоение реализуется без постановки самостоятельной цели к приобретению каких-либо знаний, к усвоению новой информации и, следовательно, без активации специальных мотивационных факторов, направленных на это.

Далее, важно иметь в виду и то обстоятельство, согласно которому по своей эффективности второй путь отнюдь не всегда является менее действенным – так сказать «второсортным». Как раз напротив, в очень многих ситуациях и особенно – на ранних этапах онтогенетического развития он нередко оказывается более конструктивным. Огромная часть знаний – причем, очень важных и даже «незаменимых» усваивается именно посредством данного «контура» – без осознанной постановки цели

к их усвоению, как бы «параллельно». Типичной и наиболее показательной иллюстрацией этого, как известно, является усвоение ребенком естественного языка [144]. Он, а также необходимость его освоения, на соответствующих стадиях онтогенеза репрезентируется отнюдь не как цель, а как способ, необходимый для организации иных – многочисленных поведенческих проявлений ребенка в самых разнообразных ситуациях. Это же характерно, впрочем, и для многих иных знаний, осваиваемых на ранних этапах онтогенеза.

Вместе с тем, совершенно понятно, что наиболее значимыми среди этих ситуаций (причем, как правило, личностно значимыми), а к тому же и «наиболее интересными» и значит – обладающими наибольшим мотивационным потенциалом являются именно игровые ситуации, игра как таковая. Следовательно, второй из отмеченных «контуров» освоения знаний как раз и вплетен, прежде всего, в игровую деятельность. В ней и «через нее» осуществляется и наиболее интенсивное, и наиболее естественное освоение этих знаний. Суть дела заключается еще и в том, что, прежде чем возникнет возможность осознаваемого, произвольного контролируемого приобретения знаний, должны быть обязательно обеспечена так сказать их «критическая масса». Она является «критической» в том смысле, что выступает *достаточной* для возникновения важнейшего новообразования психики – сознания, то есть для появления самого рефлексивного, произвольного контроля за приобретением знаний. Эта «критическая масса», однако, должна быть сформирована *вне* и *помимо* средств и механизмов самого произвольного контроля, поскольку генетически (хронологически) предшествует ему и поэтому сама по себе не требует и не может требовать этих средств. Но именно это возможно лишь в том случае, если они будут «скапливаться» и аккумулироваться в такой форме активности, в которой *принципиально* возможно «параллельное» – неорганизованное и во многом как бы «автоматическое», а зачастую – просто *спонтанное* приобретение знаний. Разумеется, такой формой и является игра, что делает ее объективно *незаменимой* в формировании «систем знаний», в интернализации знаний как таковых.

В-третьих, неотъемлемой и очень характерной особенностью информационной основы игры является и то, что многие ее виды (или даже – подавляющее большинство) предполагают наличие совокупности *правил*. Особо следует акцентировать внимание на том, что само по себе наличие правил – не просто важная, но и, по существу, *атрибутивная* черта большинства видов, типов и форм игр. Сами же правила должны поэтому пониматься в качестве обязательного компонента информационной основы игровой деятельности. Они должны войти в нее на правах не менее важного «содержательного регулятора», нежели сама информация. Точнее, было бы считать так: правила – это также информация, но специфического типа – не *декларативного*, а *процедурального*²³. В данном контексте, как можно видеть из сказанного, анализ вплотную подводит к общепсихологическому (и общенаучному) «феномену правил», выступающими в качестве регуляторов поведения, деятельности, общения. Причем – в его общем виде он распространяется, разумеется, не только на игру, но и на многие иные формы активности личности, сферы ее бытия в социуме. При этом, к сожалению, следует констатировать, что данному феномену «очень не повезло» ни в историческом, ни в содержательном, ни в теоретическом, ни в любом ином плане. Он явно обойден вниманием, а усилия, направленные на его исследование, совершенно непропорциональны его истинной значимости и реальной роли в организации поведения и деятельности²⁴. Безусловно также, что – именно в силу его масштаба, анализ данного феномена выходит далеко за пределы данной работы. Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на тот его смысл, который непосредственно сопряжен с ее основной темой – с анализом особенностей и закономерностей генезиса игровой деятельности. В этом плане могут быть высказаны следующие соображения.

---

²³ К этому – одному из основных и во многом определяющих положений мы еще возвратимся в ходе последующего анализа.

²⁴ Данный феномен подробно рассмотрен нами в работе [94].

Как бы ни трактовать данный феномен и как бы ни оценивать его роль в игровой активности и социальной жизни, никуда не уйти от того простого, но важного обстоятельства, что первоначально он *возникает* – складывается и развивается именно в игровой деятельности, в игре [265]. Более того, как уже отмечалось, подавляющее большинство игр – это именно «игры по правилам». Тем самым данный феномен, оказывается очень органично и естественно «вплетенным» в самую *суть* детской игры, а также в процесс ее генезиса (а одновременно – и генезиса «в ней» и «через нее» психики и личности ребенка). Он, по существу, является одним из ее атрибутов. На наш взгляд, наиболее важной в плане выяснения того, как и посредством каких конкретных механизмов происходит освоение системы правил, является необходимость решения следующей – во многом ключевой проблемы. Ее можно зафиксировать в форме следующего противоречия.

Известно, что весьма часто правила как таковые носят достаточно сложный, условный, а отчасти – искусственный и потому не вполне понимаемый ребенком характер. Правила – это то, что вначале должно быть понято и лишь потом – осознано и применено. Более того, они – именно по отношению к игре нередко носят и *символический* характер. «Равнодействующей» всех этих особенностей является то, что они не только напрямую и непосредственно связаны с содержанием игровых ситуаций, но и «накладываются» на них *извне*, привносятся в них как то, что должно соблюдаться. Однако в этом случае и возникает вопрос – как же это возможно? Особую остроту он принимает по отношению к относительно наиболее ранним стадиям онтогенетического развития. На этих стадиях ни условность, ни символизм, ни искусственность правил вообще не могут быть поняты и усвоены, в силу объективной несформированности собственно психологических механизмов и средств. Вместе с тем, проведенные к настоящему времени исследования показывают, что, в действительности, в структуре психики и в содержании ее онтогенетического развития представлен такой механизм, который во многом обеспечивает решение указанных выше

задач (хотя, конечно, и не является единственным средством их решения). Это – механизм, получивший обозначение термином «гиперподражания» (*over-imitation*) (по [339]). Он заключается в том, что ребенок склонен подражать всей представленной объективно и воспринимаемой им кажущейся целенаправленной последовательности действий взрослого, включая *ненужные*, лишние действия. Причем, очень характерно то, что лишние действия, которые взрослый совершает пробуя движениями, неуверенно, не ожидая от них определенного результата, ребенок не повторяет²⁵.

Кроме того, в плане решения вопроса о средствах и механизмах, лежащих в основе усвоения правил, необходимо привлечь и данные относительно одного из наиболее известных и показательных феноменов, имеющих место в игровой деятельности относительно ее правил. Он заключается в том, что, как показали еще классические работы Д. Б. Эльконина, ребенок в игре получает удовольствие от того, что он просто *соблюдает* правила. Он испытывает удовольствие от осознания (или, точнее, – от чувства), что он «следует им», что ему это «удается делать». Однако, дело даже не столько в этом, сколько в том, что возникающая эмоционально позитивная окраска порождает своего рода «положительную валентность» и у самих правил. Возникают сильные динамические, то есть собственно мотивационные тенденции к повторному следованию правилам, к повторению «переживания успеха еще и еще». Тем самым, вновь приходится констатировать уже не раз отмеченную и, дей-

---

²⁵ Обычно на эту – «вторую часть» феномена гиперподражания обращается меньшее внимание, нежели на его первую часть, то есть на его основное содержание. Вместе с тем, она представляется еще более интригующей, а в чем-то – и загадочной и, по крайней мере, совершенно непонятной с точки зрения современных представлений. Действительно, согласно данному феномену, оказывается, что ребенок уже в этом – очень раннем возрасте *каким-то* – пока абсолютно непонятным, но очень действенным способом оказывается в состоянии распознать, что является, а что нет *действительным*, а не *имитируемым* социальным опытом. И лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы высказать гипотезу, согласно которой, не исключено, существует некоторый аналог или даже прототип *врожденной сензитивности* к социальному опыту как таковому.

ствительно, очень общую особенность детской игры – ее самоподдерживающий характер. Она выступает своего рода «стимулом для самой себя». Ее генезис вновь эксплицируется поэтому именно как *автосистемогенез*.

Далее, важно учитывать и то, что по своему *типу* правила (точнее – их содержание) принадлежат не к *декларативным*, а именно к *процедуральным* знаниям. Это – знания не по типу «что», а знания по типу «как»²⁶. В собственно психологическом плане особенно важно то, что, будучи процедуральными, эти знания лежат не в основе «понимания и постижения», то есть не в основе *когниции* (что, напротив, свойственно декларативным знаниям), а непосредственно в основе организации поведения – его *регуляции*. На их базе именно *непосредственно* организуются поведенческие, деятельностные и коммуникативные акты; строится и поведение, и деятельность как таковые. Они, следовательно, лежат в основе не когнитивной, а регулятивной подсистемы психики.

Тем самым, однако, данное понятие вновь подводит к постановке двух очень важных и достаточно общих психологических проблем. С одной стороны, это проблема, связанная с раскрытием закономерностей организации и состава – содержания *регулятивной подсистемы* психики как таковой. С другой стороны, это проблема перехода, точнее – трансформации декларативных знаний в процедуральные, а еще точнее – *дополнения* вторыми первыми. Суть обеих этих проблем заключается в том, чтобы выявить, где и как, почему и за счет чего обеспечивается этот переход – трансформация декларативных знаний в процедуральные? На наш взгляд, важную роль в решении данной проблемы как раз и выполняет понятие правил, а также закономерности их освоения в игровой деятельности. Дело в том, что сами правила – это и есть такие образования, которые атрибутивно *двойственны*: они

---

²⁶ Понятно, что в данной связи мы обращаемся к очень общей и, по существу, фундаментальной проблеме дифференциации типов знаний (и репрезентаций), равно как и типов регуляции как таковых. Она является одной из основных и в современной когнитивной психологии, и в когнитологии, и в ряде разделов гносеологии. Вместе с тем, несмотря на свою значимость и на широту исследований по ней, она до сих пор, фактически, *никак* не воспринята психологией детской игры.

органично соединяют и, фактически, синтезируют в себе декларативные знания с процедуральными. Следовательно, именно в правилах и «*через них*» достигается «сплав» этих типов знаний; осуществляется дополнение декларативных знаний процедуральными. В конечном итоге это позволяет синтезировать когнитивные и регулятивные средства и механизмы. На этой основе, по-видимому, во многом вообще формируются средства и механизмы, лежащие в основе регулятивной подсистемы психики в целом.

Констатируя это, важно, однако, иметь в виду и явную специфичность содержания совокупности правил в игровой деятельности. Действительно, было бы совершенно неправомерным считать, что по отношению к этой деятельности (ее видам и типам, формам и уровням и пр.) существует какая-либо «жесткая и незыблемая» система правил, с которой сталкивается ребенок и которую он должен обязательно выполнять. И лишь тогда «все будет в норме», «все будет нормально» (то есть согласно *нормам* – правилам); «все будет *правильно*» (то есть опять-таки – с соблюдением *правил*). Это характерно, скорее, для учебной и в еще большей степени – для трудовой деятельности. Для игровой же деятельности ситуация выглядит существенно иначе. Сама суть игры с ее «невсамделешность», «игрушечностью» и пр. в том и состоит, что правила, во-первых, в значительной мере *создаются* самим играющим. Во-вторых, они вполне *изменяемы* по ходу игры. В-третьих, зачастую их соблюдение просто является *не обязательным*. Нетрудно видеть, что все эти, повторяем, – глубоко специфические особенности правил в детской игре существенно *облегчают* их применение и повышают степень реализуемости самой игры в целом. Кроме того, именно поэтому же они повышают и шансы на успех и, соответственно, – на возникновение вследствие этого положительных эмоций, а в целом и на развитие состояние эмоционального комфорта.

Таким образом, можно видеть, что специфика системы правил именно по отношению к игровой деятельности такова, что они складываются в таком виде, который очень существенно *упрощает* реализацию игровой деятельности. В то же время (а значительной мере – именно *поэтому*) складывающаяся специ-

фическая для игровой деятельности система правил делает саму эту деятельность одновременно и субъективно привлекательнее, и интереснее, а к тому же и более реализуемой, «легкой». Тем самым можно видеть, что и данная особенность вскрывает принадлежности генезиса детской игры к тому его типу, который был обозначен выше как *автосистемогенез*. Главная специфическая особенность правил в игровой деятельности такова, что они, упрощают ее; делают *тем самым* ее и более реализуемой, а потому – приятной и эмоционально комфортной. Получаемое чувство удовольствия от этого выступает новым, дополнительным стимулом, новым *мотивационным* фактором для того, чтобы повторять игру «вновь и вновь». Игра – через специфичность ее правил самостимулирует себя, а ее генезис выступает поэтому как автосистемогенез.

Далее, следует подчеркнуть, что еще одна специфическая особенность правил в детской игре заключается в том, что они нередко, причем, – в своей значительной части носят *символический* характер. Тем самым, однако, вольно или невольно, но совершенно *объективно* в структуру и содержание игры включается и еще один базовый механизм формирования систем знаний и психики в целом. Это механизм *символизации*, а точнее – еще более общий механизм *означивания* и, наконец, – через него предельно общий механизм *опосредствования*. Именно в игре способы получения информации, а также содержание знаний *только* от *естественных* носителей дополняются и способами получения данных от *искусственных* носителей – от знаков, символов и пр., замещающих и опосредствующих естественные носители. Причем, известно, что эта – символически-знаковая природа детской игры настолько выражена, что составляет, фактически, один из ее *атрибутов*. Подчеркнем также, что, в отличие от многих иных особенностей и закономерностей, данный атрибут детской игры исследован относительно наиболее полно, что в значительной степени освобождает нас от необходимости его дальнейшего детального рассмотрения (в частности, он подробно проанализирован в [268]).

В-четвертых, необходимо отметить и еще одну особенность информационной основы игровой деятельности, а также ее фор-

мирования в ходе генезиса видов и форм детской игры. На нее обычно не обращается специального внимания, хотя она, на наш взгляд, также является достаточно существенной в плане разработки не только проблемы детской игры, но и в плане генетической психологии и психологии деятельности в целом. Как уже отмечалось выше, одними из характерных особенностей детской игры являются ее упрощенность и схематизированность, символизм и искусственность, «невсамделешность» и изменяемость и пр. Однако, – в свете проведенного выше анализа – у нее обнаруживается дополнительная группа особенностей. Дело в том, что все указанные характеристики информационной основы распространяются не на всю нее, являются не абсолютными, а *относительными*. Они относительны к определенной «точке отсчета», в качестве которой и являются правила; поясним сказанное.

Информационная основа «отражается» и осмысливается, репрезентируется и трансформируется именно в соответствии с правилами (то есть с тем, «как надо играть» и «что для этого надо делать или не делать») и «под них». Одновременно это же означает, что уже в игровой деятельности формируется некоторый аналог общепсихологического свойства *оперативности отражения* и действия, который будет также необходим впоследствии для эффективной организации иных типов деятельности – учебной и особенно трудовой. Конечно, речь при этом может идти лишь об определенном «прототипе», об *аналоге* данного свойства. Однако нельзя игнорировать и то, что само это свойство – пусть еще и в элементарном виде, но уже складывается в игровой деятельности. В этом, на наш взгляд, состоит одна из граней генезиса информационной основы игровой деятельности. Причем, характерно и то, что она является общей и для иных типов деятельности. Специфика же заключается лишь в том, что в игровой деятельности она представлена в исходной и относительно еще неразвитой форме.

В связи со сказанным, следует подчеркнуть, что свойство оперативности – это отнюдь не единственное общепсихологическое свойство, которое обретают сенсорно-перцептивные процессы в ходе освоения различных форм и типов игровой

деятельности. Безусловно, в этом процессе осуществляется формирование – становление и развитие и всех иных общепсихологических свойств восприятия (то есть его атрибутов). К их числу относятся, как известно, свойства активности, предметности, целостности, константности и др. Одновременно, наряду с ними, формируются и «регулятивно-специфические» особенности восприятия. К ним, прежде всего, относится его «деенаправленный» характер, а также свойство «пристрастности» отражения. Под свойством «деенаправленности» восприятия понимается такая организация перцептивного процесса, при которой он характеризуется ярко выраженной «прагматичностью», а критерии селекции воспринимаемой информации определяются «потребностями» организации последующих действий в тех или иных ситуациях. Свойство «пристрастности» отражения состоит в субъективной «деформации» восприятия под влиянием совокупности личностных и иных субъективных факторов (например, мотивационного, эмоционального и иных планов). В этом отношении известен, например тезис (впрочем, чрезмерно категоричный), согласно которому субъект не столько «отражает» ситуацию, сколько «порождает» ее; что он «взаимодействует не с ситуацией», а со своим представлением о ней²⁷.

Безусловно, все эти свойства получают свое развитие и в дальнейшем; они находят максимально полную реализацию в рамках более развитых и сложных типов деятельности – учебной и трудовой. Однако нельзя не учитывать и того, что они первоначально складываются и развиваются именно в игровой деятельности. Они уже представлены в ней, хотя, разумеется, еще в неразвитом виде, но уже – в их качественной определенности и деятельностной специфичности. Их общий смысл состоит в том, что они, как известно, выступают одними из конкретных по содержанию, но общих по смыслу средств *оптимизации*

---

²⁷ Здесь вполне уместно привести известное выражение В. Шекспира: «Вещи ни плохи, ни хороши сами по себе. Таковыми их делает наше представление о них». В другом переводе этот фрагмент звучит так: «Нет ничего, что было б иль хорошим иль плохим, но делает его сознание таковым» [254].

информационного обеспечения психической регуляции по отношению к деятельностной активности любого типа. Данное положение означает, однако, что они же – причем, совершенно объективно, должны быть поняты и как средства *облегчения* деятельности. Они обуславливают и снижение степени субъективной напряженности, равно как и повышают меру субъективного комфорта.

В этой связи, однако, нельзя вновь не отметить и тот – наиболее общий смысл, который присущ всем психологическим «составляющим» детской игры, а также специфике их формирования. Он как раз и заключается в том, чтобы *упростить*, снизить сложность деятельности, повысить ее реализуемость, увеличить шансы на получение желаемого результата, а следовательно, – и *удовольствия* от нее. Нетрудно видеть, что все эти тенденции *впервые возникают* и оформляются именно в игровой деятельности, а затем – получает свое дальнейшее развитие в иных типах деятельности. Фактически, это означает, что вместе с формированием информационной основы деятельности закладываются, а затем и *вместе* с тем развиваются и совершенствуются также и *механизмы* ее оптимизации. Они, в частности, представлены в форме тех свойств информационной основы игровой деятельности, которые были рассмотрены выше – оперативности отражения, «деенаправленности» и «пристрастности».

В данной связи необходимо напомнить, что одним из основных положений системогенетической концепции является тезис, согласно которому общее содержание деятельности не может быть сведено к «сумме содержаний» составляющих ее функциональных блоков, точнее – к их аддитивной совокупности. Существенная часть этого содержания локализуется «на стыке» блоков, то есть является продуктом их взаимодействия, что было продемонстрировано выше на материале взаимодействия блоков целей деятельности и ее мотивации. Вместе с тем, известно, что аналогичная ситуация складывается и во взаимодействии двух других функциональных блоков – мотивационного и информационного. Известно также, что результатом – «продуктом» это-

го взаимодействия является целый ряд специфических, точнее *деятельностно-специфических* особенностей, которые приобретает информационная основа. В их качестве как раз и выступают, прежде всего, те свойства и особенности, которые были рассмотрены выше – оперативность, «деенаправленность» и «пристрастность». Тем самым вновь подтверждается и одно из основных и наиболее общих положений, сформулированных выше. Оно состоит в том, что в ходе генезиса игровой деятельности формируется не только то содержание, которое соотносится с каждой из основных психологических «составляющих» деятельности в *отдельности*, но и то, которое является функцией от *взаимодействия* этих «составляющих». Одновременно это является и *прямым* доказательством, а также очень явным «индикатором», пожалуй, еще более существенного обстоятельства. Оно состоит в том, что *общая* совокупность блоков (точнее – «протоблоков») уже на той стадии онтогенеза, на которой ведущей является игровая деятельность, формируется не как их рядоположенная – аддитивная совокупность, а как целостная структура, то есть как системное образование. Поэтому их формирование представляет собой именно тот качественно специфический и наиболее характерный именно для образований такого рода тип развития, который зафиксирован в понятии *системогенеза*.

1.3.4. Закономерности генезиса процессов принятия решения в игровой деятельности

При обращении к еще одной важнейшей функциональной «составляющей» игровой деятельности – к процессам *принятия решения* можно констатировать аналогичную по смыслу картину. Она характеризуется двумя основными особенностями.

Во-первых, поскольку игровая деятельность – это, прежде всего, именно *игра*, а не *реальность*, то есть своего рода «активность понарошку», то из процессов принятия решения (ПР), фактически, исключается *главная*, критически значимая и в наи-

большей степени затрудняющая их особенность²⁸. Это, разумеется, феномен принятия на себя *ответственности* за выбор, за результаты принимаемого решения. Действительно, типичнейшей особенностью детской игры – ее именно атрибутивной чертой является ситуация, при которой «ничего страшного» не происходит даже в случае самого неверного решения. Решения в игровой деятельности обладают практически полной *обратимостью* – «отменяемостью». Складывается ситуация, при которой принятие решения, с одной стороны, существует, а с другой, – не совсем. Точнее, оно, конечно, существует, но также – «понарошку».

Во-вторых, анализ содержания этой «составляющей» игровой деятельности показывает, что из всех компонентов, традиционно дифференцируемых в теории принятия решения, в игровой деятельности присутствуют относительно наиболее простые, неразвитые и несовершенные компоненты²⁹. Так, среди правил доминируют репродуктивные правила – как относительно более простые (а не детерминистские или эвристические как относительно более сложные). Среди критериев – субъективные, а не объективные критерии. Среди информационных признаков преобладают относительно простые в плане восприятия и использования, но одновременно и наименее содержательные, наименее «информационно-емкие» признаки и т. д. При этом следует учитывать важнейшую особенность, согласно которой параметры

---

²⁸ Вообще говоря, в данной связи следует указать на одну – очень специфическую и достаточно глубокую особенность семантики русского языка, состоящую в следующем. Само понятие «игра», наряду с его иными значениями в целом и основным из них, состоящем в обозначении особого типа активности, имеет и еще один – очень важный, но обычно оставляемый без внимания и без специального анализа смысловой оттенок. Он состоит в обозначении им чего-либо *оппозиционного* или даже противоположенного *реальности*. В этом смысле игра – это нечто «не настоящее», искусственное, имитирующееся и отсутствующее «на самом деле», а не *реальное* – не «настоящее».

²⁹ Напомним, что вся совокупность этих – базовых компонентов процессов принятия решения обозначается в теории решений понятием инвариантной структуры выбора и включает в себя следующие компоненты: правила, критерии, информацию, способы (стратегии), альтернативы, гипотезы, а также цель принятия решения.

«совершенства» и «простоты» указанных компонентов выбора находятся в *обратных* отношениях. Другими словами, чем они проще, тем они менее совершенны и эффективны, и наоборот. Все это, с одной стороны, вполне естественно, поскольку на относительно неразвитых стадиях формирования системы деятельности содержание данного блока и не может быть развернутым и сложным. Однако, с другой стороны – и это главное, нельзя не видеть и того, что подобная спецификация опять-таки содействует радикальному *упрощению*, повышению субъективной легкости процессов принятия решения. Они не характеризуются субъективно-негативными чертами, производными от «грозящей опасности» за неудачный выбор и с ответственностью в целом. На первый план выходят его субъективно привлекательные моменты, связанные с ощущением *свободы* выбора.

Кроме того, важно учитывать, что именно процессы ПР характеризуются и относительно *наибольшей сложностью* среди всех тех процессов, которые входят в состав класса *интегральных процессов* регуляции деятельности и поведения³⁰. Они обладают, пожалуй, максимальной степенью интегративности и, следовательно, требуют достаточно высокого уровня сформированности средств и механизмов психической интеграции. В силу этого, именно они формируются на относительно более поздних онтогенетических стадиях, нежели иные интегральные процессы.

Все эти особенности формирования процессов ПР, действительно, в наибольшей мере специфицируют их в игровой деятельности. Вместе с тем, несмотря на их значимость, они все же не исчерпывают собой *всей* совокупности особенностей и закономерностей такого рода. Наряду с ними, существуют и иные – также значимые в плане генезиса процессов ПР особенности; отметим основные из них.

Так, прежде всего, при рассмотрении проблемы генезиса процессов ПР в ходе развития форм и видов игровой деятельности в ее наиболее *общем* плане нельзя, по нашему мнению,

---

³⁰ Напомним, что они были подробно рассмотрены в параграфе 2.2.2. второго тома.

не учитывать аналогичную по статусу, то есть также очень *общую* ее особенность. Эта особенность, будучи очень общей по отношению именно к этим процессам в целом, в то же время, является и наиболее специфичной именно для нее, поскольку «выделяет» ее из ряда иных «составляющих» деятельности. Данная особенность состоит в том, что именно процессы ПР (то есть, фактически, процессы субъективного выбора) характеризуются высочайшей – поистине беспрецедентной *гетерогенностью* и *вариативностью*. Они не только включают в себя огромное число различных видов и типов, классов и форм, но и характеризуются их столь же принципиальной изменчивостью – их «подстраиваемостью» под динамично меняющиеся ситуационные и иные факторы как внешнего, так и внутреннего планов. Причем, эта их гетерогенность и, соответственно, – множественность носит *принципиальный* характер, поскольку лишь благодаря им, процессы ПР могут эффективно реализовывать свои функции по отношению к аналогичным по степени разнообразия и разнородности поведенческим и ситуациям. Более того, важной чертой этой гетерогенности является и то, что сама она также является внутренне гетерогенной – *множественной*, то есть прослеживается одновременно по *нескольким* и также очень разным основаниям, в нескольких основных планах [94, 95, 100]. Наконец, важно и то, что *степень* различий процессов ПР также очень велика, а отдельные их типы являются подчас либо кардинально различными, либо вообще трудносопоставимыми. В связи с этим, как известно, возникает и один из наиболее острых в теоретическом плане вопросов – вопрос о том, является ли процесс ПР *унитарным* и единым по своим базовым механизмам? Или же «принятие решения» – это *собирательный* термин для обозначения качественно различных процессов?

Данное обстоятельство, разумеется, создает принципиальные трудности в плане генетического изучения процессов ПР. Их сущность состоит в том, что в ходе онтогенетического развития в целом и развития игровой деятельности, в частности, происходит «параллельное» формирование и совершенствование *целого* ряда разновидностей этих процессов. Процессы ПР складываются

ся и развиваются так сказать «широким фронтом», что создает существенные гносеологические трудности, имея, вместе с тем, большое адаптационное значение для самой развивающейся личности. При этом, разумеется, различия в генетических особенностях формирования и развития отдельных видов и типов процессов ПР являются столь же выраженными и отчетливыми, сколь различными являются и сами эти виды и типы. В силу этого, и сам генезис процессов ПР затруднительно рассматривать как формирование и развитие некоторого *унитарного* образования, обладающего едиными и инвариантными особенностями и закономерностями. Сказанное, однако, не означает, что – на фоне этого, действительно, большого разнообразия и высокой гетерогенности (причем, повторяем, гетерогенности принципиальной) – все же не могут быть зафиксированы некоторые *общие* особенности и закономерности, присущие им в целом. Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение данного вопроса, отметим те из них, которые являются, во-первых, наиболее существенными в плане общего решения рассматриваемой проблемы и, во-вторых, те, которые в наибольшей мере подкреплены эмпирическими фактами и теоретическими обобщениями объяснительного плана.

Так, прежде всего, в некотором несоответствии с традиционным положением, согласно которому «процессы ПР пронизывают всю деятельность, включены во все ее уровни и компоненты», их генетическое изучение, напротив, обнаруживает и фиксирует их с существенно меньшей мерой рельефности, очевидности и выраженности, чем многие иные «составляющие» деятельности. Действительно, – казалось бы, именно в силу безусловной *значимости* этих процессов и *широты* их представленности в деятельности и поведении, вполне логично было бы ожидать, что и их формирование в ходе генезиса игровой деятельности будет столь же эксплицированными. Оно должно, согласно этим представлениям, так сказать «лежать на поверхности» развития всей деятельности. В действительности, однако, дело обстоит во многом противоположным образом. Генетическое изучение с достаточно большим трудом, причем, – лишь на относительно

продвинутых стадиях онтогенеза обнаруживает и фиксирует эти процессы в их сколько-нибудь развернутом и психологически богатым виде. Конечно, это не означает, что процессы ПР в целом не развиваются и не эволюционируют, начиная уже с достаточно ранних фаз генезиса игровой деятельности. Однако суть дела состоит в том, что на этих фазах складываются и формируются лишь наиболее простые – так сказать «технические», операционные виды этих процессов, играющие сугубо вспомогательную роль в организации деятельностных и поведенческих актов.

Вместе с тем, данное обстоятельство имеет более глубокие причины и детерминанты собственно психологического плана. Дело в том, что, как известно из психологической теории решений, эти процессы в целом обладают для субъекта определенной и весьма сильной «отрицательной валентностью». Они очень часто выступают как субъективно нежелательные и, соответственно, порождают стремление к уходу от них как от таковых. В свою очередь, эта «отрицательная валентность» обусловлена следующими основными причинами. Во-первых, тем, что эти процессы, как правило, объективно достаточно сложны и субъективно трудны в плане их реализации, а потому – нежелательны. Во-вторых, тем, что они непосредственно сопряжены с отчетливой рискованностью, ответственностью и потенциально «опасными последствиями». Естественно, что все это наиболее выражено на других, более поздних – «взрослых» онтогенетических стадиях. Однако, зачатки этих свойств, без сомнения, имеют место и на иных – более ранних онтогенетических стадиях. В том числе они имеют место и на той стадии, на которой эти процессы лишь возникают – складываются и первоначально формируются. Этой стадией как раз и выступает тот период онтогенеза, на котором ведущим типом активности является игровая деятельность. Показательно также, что в силу наличия этих особенностей, уже само включение этих процессов в деятельность объективно усложняет ее и снижает ее субъективную привлекательность, а также степень ее реализуемости. И напротив, их не включение в деятельность способствует обратному – повышению эмоциональной привлекательности, созданию субъективного комфорта

и т. д. Однако, как мы неоднократно подчеркивали выше, именно состояние субъективного комфорта как раз и является атрибутивно присущей игровой деятельности особенностью. Следовательно, *сама природа* этой деятельности «сопротивляется» включению в нее, прежде всего, процессов ПР – как «противоречащих ее духу».

Констатируя это, нельзя, однако, не видеть и другого – столь же существенного обстоятельства. Интересно и то, что оно во многом является не просто противоречащим рассмотренной особенности, но и *противоположным* ей. Вместе с тем, ее нельзя игнорировать и «закрывать на нее глаза» – и на сам факт ее наличия, и на то, что она, действительно, очень трудно совместима с только что рассмотренной чертой игровой деятельности. Однако именно их сочетание – синтез в игровой деятельности двух «противоположных начал», двух противоречащих друг другу характеристик является объективным следствием и индикатором ее реальной сложности и атрибутивной противоречивости. Одновременно, лишь осознание этой противоречивости может дать не симплифицированное, а действительное – многоплановое и полное ее описание. В самом деле, одной из наиболее характерных особенностей очень многих видов игр и вообще – атрибутивной чертой игры как таковой является ее объективная сопряженность с категорией *неопределенности* и с феноменом *риска*³¹. Хорошо известно, что очень многие виды и типы, формы и организационные процедур игр таковы, что они либо *включают* эти феномены как свои обязательные компоненты, либо даже *специально* направлены на то, чтобы создать – смоделировать их и, соответственно, поставить самого играющего в ситуации неопределенности и риска. Можно приводить огромное число иллюстраций этого – начиная от элементарных так называемых «шансовых

---

³¹ В этом плане очень показательны, что в ряде случаев понятие «принятия решения» и «игра» используются в качестве *синонимичных*. Одна из наиболее известных иллюстраций этого – фундаментальный труд Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, равно как и сформулированная в нем концепция принятия решения «Теория игр и экономическое поведение» [169], в которых понятия «игра» и «принятие решения» вообще используются во многом просто как синонимичные.

игр» и заканчивая известными «азартными играми». Понятие «игра», с одной стороны, а также понятия «неопределенность» и «риск», с другой, во многом вообще *взаимопологаемы*; они *атрибутивно* взаимосвязаны и взаимодействуют друг друга.

Вместе с тем, их атрибутивная связь, существуя в общем и принципиальном плане, не только уже обнаруживается, но и, фактически, *начинает* складываться как таковая именно на относительно ранних онтогенетических фазах. И, прежде всего, она, конечно, формируется в ходе развития собственно игровой деятельности. Именно эта деятельность (и, прежде всего, именно в качестве *игровой*) объективно и атрибутивно включает в свое содержание элементы неопределенности и риска. Достаточно указать в этой связи на существование целого семейства игр, в которых данные параметры либо выполняют *доминирующие* функции, либо вообще *специально* направлены на их создание, моделирование.

Наряду с этим, необходимо отметить также, что они же моделируются не только так сказать в «автономном» виде, а включаются и в более широкий поведенческий контекст, имеют более общее – деятельностное и личностное «обрамление». Ситуации ПР моделируются и создаются как «составляющие» более общих ситуаций *сопоставительности* – конфликта, соперничества, конкуренции, «победы – поражения». Дело в том, что позитивный выход из ситуаций такого рода требует, наряду, естественно, с другими характеристиками субъекта, обязательно и способности к «правильному выбору», «умения принимать решения», готовности рисковать и т. п. Более того, эти ситуации зачастую требуют именно этого *в первую очередь*.

Таким образом, можно видеть, что именно игровая деятельность – как никакая другая буквально «насыщена» ситуациями ПР, пронизана ими. Тем самым, однако, создаются благоприятные условия и объективные предпосылки для того, чтобы обеспечить аналогичное, то есть также широкое и разнообразное «поле» для отработки, для своего рода «тренинга» этих процессов. При этом необходимо учитывать и еще одну – уже рассмотренную выше и очень характерную особенность игровой деятельности,

имеющей место «в звене ПР». Это – фактически полное отсутствие *ответственности* за его результаты (либо ее кардинальная редукция). В игре решения принимаются «понарошку» – они отменяемы, могут «не считаться» и пр. Однако, тем самым именно в игровой деятельности складывается уникальное сочетание ее характеристик: широкая и, более того, атрибутивная представленность ситуаций ПР (и, следовательно, неопределенности, рискованности), а также фактическое отсутствие «последствий» за неправильные решения. Можно видеть, что именно это сочетание является не только очень благоприятным, но и, по существу, *наилучшим* из возможных для «тренинга» процессов ПР. Именно оно позволяет создавать все условия не только для *многократных* попыток их реализации, но и для их *корректировки*, а также для принятия новых – исправленных решений и в результате для их формирования и развития. Принимая неправильные или неудачные решения, ребенок, с одной стороны, действительно получает негативный опыт. Хорошо известно, что именно такой – *негативный* характер получаемого опыта, как правило, является более сильным и действенным фактором обучения и формирования и деятельности в целом, и процессов ПР, в особенности, нежели позитивный опыт. Однако, важно и то, что неудачный – негативный опыт не является в игровой деятельности ни фатальным, ни угрожающим, поскольку сами ситуации, в которых они вырабатываются, не характеризуются феноменом ответственности и, соответственно, опасными негативными последствиями³².

С рассмотренной особенностью тесно связано и то, что в игровой деятельности существенно видоизменяются те психологические характеристики процессов ПР, которые фиксируются в теории решений как деятельностьно-специфические. Речь идет о таких свойствах этих процессов, как свойства *деятельностной*

---

³² Данная – очень важная и, по существу, атрибутивная именно для игровой деятельности особенность процессов выбора получила теоретическое осмысление и практическое использование и в педагогике. В частности, она является основной в известной психолого-педагогической концепции «социального закаливания» (М. И. Рожков), а также в разработанных на ее основе воспитательных и дидактических средствах.

обратимости и *компенсируемости*. В игровой деятельности они не только максимально выражены, но и, фактически, достигают предельной выраженности. Эта деятельность своим статусом делает практически все ситуации и процессы ПР в них *полностью* обратимыми и субъективно компенсируемыми. Причем, очень характерно, что это вполне осознается (точнее, – пока еще только «чувствуется») и самим играющим ребенком, что опять-таки повышает реализуемость деятельность, а также эмоционально позитивный тон ее осуществления.

Далее, необходимо отметить и следующую – также очень общую и важную особенность игровой деятельности, имеющую непосредственное отношение к генезису процессов ПР и специфицирующую его. Известно, что одним из фундаментальных феноменов, зафиксированных в психологии детской игры, является очень выраженная субъективная тенденция (фактически, – потребность) в *многократном* повторении одних и тех же игр, одних и тех же ситуаций и пр.³³. Естественно, что данный феномен имеет целый ряд аспектов и следствий генетического плана. Однако среди них существует и такой, который непосредственно сопряжен именно с генезисом этих процессов. Дело в том, что многократное повторение, казалось бы, одного и того же, в действительности, является проявлением известного феномена «повторения без повторений» (Н. А. Бернштейн). Каждое повторение содержит элементы новизны, а ребенок обладает достаточно развитой способностью к фиксации тех результатов, которые получены при каждом из них и к их сравнению. Тем самым, однако, создаются объективные условия для возникновения фундаментального феномена (и механизма), являющегося базовым для процессов ПР и состоящего в следующем. Различные повторения и получаемые в них результаты выступают в форме *альтернатив* для того, чтобы впоследствии действовать согласно тому или иному из них. Фактически, при этом создается некото-

---

³³ Это одно из проявлений, а точнее – «регулятивный аналог» еще более общего феномена «радости узнавания», носящего, преимущественно, *когнитивный* характер [78].

рое «поле» (точнее – множество) альтернатив, на основе которого и реализуются процессы ПР. Однако, именно это обстоятельство является не только объективной, но и *основной*, – фактически, атрибутивной особенностью любого процесса ПР. Точнее говоря, оно порождает и *необходимость* в нем, и его качественную определенность. Таким образом, можно заключить, что рассматриваемый феномен многократной повторяемости (равно как и очень сильной субъективной тенденции к нему) является одним из конкретных по содержанию, но общих по смыслу механизмов возникновения и развития процессов ПР в целом.

Анализируя генетические особенности процессов ПР, нельзя, далее, специально не отметить и еще одну – важную и очень специфическую их черту. Она опять-таки сопряжена с базовым и, по существу, атрибутивным свойством процессов ПР в целом, которая зафиксирована в психологической теории решений. Кроме того, эта же черта же имеет наиболее непосредственное отношение именно к «деятельностному измерению» данных процессов и состоит в следующем. Известно, что процессы ПР имеют не только *наибольшее*, но зачастую и *определяющее* значение в плане обеспечения результативных параметров любой деятельности; они не просто «важны» для нее, а «критически значимы». Процессы принятия *решения* уже не только в *семантическом*, но даже в *этимологическом* плане выполняют «*решающую*» роль в их обеспечении. Ничто другое в деятельности не влияет так сильно и непосредственно либо на ее успех, либо на ее неудачу. В связи с этим, в деятельности должны быть «предусмотрены» аналогичные по мощности средства компенсации негативных последствий неправильных или неудачных решений. Однако, по-видимому, *то же* самое должно иметь место не только на уровне «зрелой» деятельности, но и на уровне (точнее – на этапе) ее складывания, развития. *Формирующиеся* процессы ПР не должны приводить не только так сказать к фатальным, но и просто – к каким-либо травмирующим последствиям. При этом, средства обеспечения этого должны быть «равномощными» силе отмеченных выше – то есть также относительно *наибольших* «последствий» процессов ПР. Показательно, однако, что имен-

но это не просто очень характерно для игровой деятельности, но и составляет один из ее *атрибутов* (быть может, вообще важнейший). Игровая деятельность – это именно *игра*, а не *реальность*; она «игрушечна», а не действительна; это – активность «понарошку», а не «на самом деле» и т. д. Тем самым, указанный – основной и базовый атрибут, фактически, *полностью* купирует аналогичную, то есть также *определяющую* роль неправильных или неудачных решений по отношению к их «последствиям» для личности. Это – как раз тот случай, когда «средства борьбы» являются равномошными самому «предмету борьбы», а потому – адекватны ему и достаточны для купирования возникающих вследствие него негативных последствий.

Далее, полученные нами в работе [115] данные генетического плана позволяют отметить и еще две особенности формирования процессов ПР в ходе развития игровой деятельности. Они в целом вполне созвучны тем закономерностям, которые были установлены на материале изучения профессиональной деятельности, но, наряду с этим, имеют и выраженную специфику. Она состоит в том, что в ходе развития форм игровой деятельности эти закономерности, равно как и феномены, в которых они проявляются, представлены еще в начальном и относительно неразвитом («зачаточном») виде. Тем не менее, они *уже представлены* и составляют важные грани общего процесса генезиса процессов ПР.

Во-первых, в ходе психологического анализа профессиональной деятельности было установлено явление, получившее обозначение *элиминативного поведения*; его сущность состоит в следующем. При психологическом анализе практически всех видов профессионально деятельности с высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой необходимости в принятии решений. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как показали исследования, нарастающая со стажем тенденция к исключению, к элиминации из структуры деятельности процессов ПР и к их замене другими средствами организации деятельности [70, 75, 77]. Уже эмпириче-

ски можно видеть, что субъект считает принятие решения одним из наиболее нежелательных средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны. Процессы выбора обладают, как уже отмечалось выше, своеобразной «отрицательной валентностью» – в связи с интимно присущим им риском, ответственностью и потенциально опасными последствиями. В результате этого, он, прежде чем принять решение как таковое, субъект принимает дополнительное решение – решение так сказать второго порядка, то есть «решение о решении»: идти ему на принятие решения как таковое, или попытаться уйти от него. Эта тенденция – своего рода элиминативное (то есть направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) поведение в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности), она глубоко и органично связана именно с этими процессами. Дело в том, что она, во-первых, ими же и порождена; во-вторых, она оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, поскольку, реализуя его субъект решает идти ему на выбор или попытаться уйти от него.

Данный феномен был подвергнут нами специальному анализу в работах [90, 91, 92], в которых он рассмотрен именно в контексте целостной деятельности. Такое рассмотрение со всей отчетливостью эксплицировало тот факт, что в сложившейся к настоящему времени – традиционной теории решений это явление не обнаруживается и не анализируется. Это вполне закономерно, поскольку в данной теории процессы ПР исследуются, как правило, вне структуры деятельности, то есть аналитически. Такой подход не может обнаружить указанное явление в силу своей исходной ориентации. Было бы вместе с тем неправомерно утверждать, что явления, частично сходные с элиминативным поведением, вообще не рассматривались в психологических работах.

Например, отмечаются такие средства ухода от необходимости в принятии решения, как избегание ситуаций ответственных решений; максимальная оттяжка решений во времени; подмена самостоятельного решения неадекватным поиском алгоритма («заалгоритмированность» деятельности); тенденция к переложению решений на других лиц [2, 30, 60, 67, 107, 108, 193] и др. Следует, однако, подчеркнуть, что, во-первых, все эти явления рассматриваются вне связи с психологической теорией решений, вообще вне связи с изучением процессов принятия решения. Во-вторых, перечень и разнообразие этих явлений, отмеченные в литературе, нельзя считать полными. В-третьих, они не объединены в качественно однородную группу, поскольку за их разнообразием не распознано сходство их функциональной направленности, все они не систематизированы и не классифицированы. Однако есть основания считать, что эти явления в такой же мере должны быть предметом изучения в теории решений, как и в теории деятельности. Они выступают своеобразным опосредующим звеном между структурой деятельности и процессами выбора в ней.

Конкретные средства элиминативного поведения, как показано в [118], должны быть подразделены на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые. К адекватным средствам элиминации, в частности, относятся: сбор заведомо избыточной информации в целях подготовки к возможным ситуациям выбора; использование стратегий и способов деятельности, минимизирующих количество потенциальных ситуаций выбора; формирование представления о ситуации решения в схематизированном виде за счет ее упрощения и абстрагирования от ряда ее параметров; выход из ситуаций посредством обращения к «информации по запросу»; предвидение возникновения ситуаций решения и упреждающее переструктурирование нормативного способа деятельности в целях их предотвращения; адекватное отсрочивание решения с целью сбора дополнительной информации. К неадекватным средствам элиминации следует отнести: неосознанное «незамечание» ситуаций, являющихся объективно неопределенными и требующими реализации процессов принятия решения (например, вследствие несфор-

мированности способов получения профессионально важной информации или же по причине действия «психологических защит»); неадекватное затягивание решений; избегание ситуаций решения путем выбора неэффективной стратегии деятельности; переложение решений на других лиц; действие по неадекватному данной ситуации алгоритму взамен выработки самостоятельного решения; отказ от решения и пассивное ожидание «саморазрешения» ситуации принятие. В плане анализа неадекватных средств элиминации были введены также понятия «парциальных» и «замещающих» решений [114]. «Парциальное» решение характеризуется тем, что в его результате происходит не полное, а частичное разрешение исходной проблемы. Под «замещающим» решением понимается такое, в котором акт выбора, хотя и имеет место, но соотносится не с существом объективной проблемы, а с ее второстепенными, неглавными аспектами. Кроме того, существуют также и ситуативно-зависимые средства элиминации. Их эффективность (и вообще – адекватность) определяется содержанием и спецификой актуально складывающейся, то есть конкретной деятельностной ситуации. Они поэтому (в аспекте их влияния на деятельность) являются не абсолютными – оценочными, а относительными: точнее, деятельностно-относительными.

Очень характерно, далее, и то, что данное явление (либо его аналоги) фиксируются не только по отношению к трудовой деятельности, но также и при изучении учебной и игровой деятельности. Действительно, психологический анализ игровой деятельности показывает, что ребенок, реализуя ее и попадая в ситуации неопределенности, риска (о чем речь уже шла выше) – нередко просто в силу, что называется, «врожденных особенностей» – проявляет субъективную тенденцию ухода от них. Наиболее радикальный и феноменологически ясный, но одновременно и самый частый, типичный вариант этого – просто прекращение игры при возникновении такого рода ситуаций. Более того, это не просто «наиболее радикальный», но и специфичный только игровой деятельности вариант, поскольку ни в учебной, ни в трудовой деятельности он объек-

тивно невозможен, так как равнозначен их деструкции в целом, что нормативно является совершенно недопустимым. В игре же «всё можно», что и составляет одну из граней – быть может, вообще важнейшую – ее качественной специфичности по отношению к двум другим основным типам деятельности. Следовательно, именно данная деятельность открывает не просто большие, но и, фактически, неограниченные и даже беспрецедентные возможности для действия «феномена элиминации» – как фундаментального по значимости и общепсихологического, по сути.

Во-вторых, в ходе психологического анализа профессиональной деятельности установлен еще один достаточно общий и важный результат, состоящий в следующем [101]. Ни деятельность в целом, ни процессы принятия решения в ней, как правило, отнюдь не строятся по типу нахождения какого-либо *нового* варианта – нового способа их организации в тех или иных ситуациях. Более того, они и *не должны* всегда строиться таким образом. Иными словами, это не должно всегда (или даже – в большинстве случаев) осуществляться по типу *производства новых* вариантов решений выхода из тех или иных деятельностных ситуаций (или ситуаций неопределенности). Эта организация обычно строится не только принципиально иначе, но даже противоположным образом. Субъект просто *распознает* – идентифицирует в актуально возникающей ситуации ту или иную, уже встречавшуюся ранее ситуацию; затем относит ее к какому-либо знакомому ему типу. И, наконец, на основе всего этого он *репродуцирует* – актуализирует тот вариант поведения (или организации деятельности), который уже представлен в его прошлом профессиональном или личностном опыте как релевантный данному типу.

Иными словами, подавляющее большинство ситуаций, связанных с организацией деятельности, разрешается именно на основе принципа *репродуктивности*, а не принципа продуктивности. Более того, оно не только «разрешается» – осуществляется на основе данного принципа, но и *должно* базироваться именно на его основе. Последнее объясняется достаточно просто. Любое «производство», то есть любой *новый* – именно

спродуцированный вариант выхода из деятельностных ситуаций объективно сопряжен с известным риском (уже просто потому, что он новый, а следовательно, еще не апробированный). Однако, именно это – рискованность как раз и является наиболее негативным и нежелательным элементом организации практически всех видов реальной профессиональной деятельности. Вся ее организация и, прежде всего, нормативная регламентация обычно направлены именно на то, чтобы, по возможности, максимально исключить из нее данный элемент. В силу этого, по отношению к деятельности в целом и к процессам принятия решения в ней, в особенности, именно репродуктивность как базовый принцип ее организации является не только более важным и «позитивным», но и, фактически, императивным. Сама суть процедурной организации деятельности как раз и направлена обычно на то, чтобы максимально регламентировать, стандартизировать, а желательно – и алгоритмизировать ее. Для подавляющего большинства «экологически валидных» случаев, то есть для «мира деятельности» в целом, именно репродуктивность – это безусловное благо. Это – чрезвычайно позитивный момент и фактор в ее организации, носящий, повторяем, по существу, императивный характер. И напротив, для столь же подавляющего числа реальных случаев продуктивность мягко говоря «не приветствуется», а нередко – просто *запрещается* и, соответственно, наказывается.

Вместе с тем, в силу целого ряда причин, в психологии деятельности (впрочем, не только в ней, но и в иных сферах исследований – например, в психологии мышления) данный феномен приобрел, в основном, «негативную» семантическую окраску. Он вообще оппозиционируется противоположному по отношению к нему феномену – продуктивности, который, наоборот, рассматривается как безусловно позитивный во всех отношениях. Согласно этой трактовке, «репродуктивный» – значит рутинный и повторяющийся; «старый», «неинтересный» и даже – косный, стереотипный и пр. И напротив, «продуктивный» – значит новый и оригинальный, конструктивный и результативный и пр. Конечно, во всем этом есть доля истины – но только лишь доля.

По отношению именно к деятельности и, прежде всего, к профессиональной, существенно большее значение имеют иные стороны и характеристики самого феномена репродуктивности³⁴.

Вместе с тем, не следует, конечно, упрощать реальную ситуацию, поскольку она, в действительности – именно в плане соотношения репродуктивного и продуктивного принципов организации деятельности является еще более сложной неоднозначной. Дело в том, что в любом отдельно взятом случае, то есть при возникающей в каждый конкретный момент времени ситуации она, характеризуясь сходством или даже подобием с уже содержащимися репрезентациями профессионального опыта, все же включает тот или иной элемент «новизны», отличаясь от «уже бывших» ситуаций. Поэтому и репродукция реагирования на нее должна быть не механической, а *адаптивной*. Она должна строиться не по типу автоматизированных реакций (операций), а по типу осознаваемых актов – ответов на нее. Реагирование на ситуации должно базироваться не на актуализации *навыков*, то есть не по типу операций как *автоматизированных* компонентов деятельности, которые как раз и ассоциируются в психологии деятельности с феноменом репродуктивности, а принципиально иначе. Оно должно строиться с обязательной опорой на системы *знаний*, то есть по принципу актуализации именно знаний и построения на их основе соответствующего, то есть именно *осознаваемого* способа ответа.

Наряду с этим, важно, конечно, учитывать и ту крайне значимую роль, которую играет в организации деятельности известный «принцип экономии». Ему подчиняются многие аспекты деятельности, равно как и вся она в целом. В наиболее общем виде он, как известно, предполагает последовательную и развертывающуюся по нескольким направлениям минимизацию субъектных «затрат» на нее. Однако именно принцип репродуктивности является, безусловно, наиболее «выигрышным», то есть более «экономичным» и в этом отношении. Кроме того, нельзя

---

³⁴ Это, разумеется, не относится к таким специфическим типам деятельности, как творческие и «свободные» ее типы.

забывать, что именно принцип репродуктивности лежит в основе формирования и профессионального опыта субъекта в целом. Он является основой расширения всего «репертуара» деятельностных средств, арсенала способов и стратегий организации деятельности.

С этих позиций становится очевидным также, что именно *ситуация* – и как объективная реальность, и как понятие, явно недооцененное пока теорией деятельности, должна быть понята и в качестве комплексной «единицы» формирования субъектно-деятельностного опыта. Это – способ и форма расширения не только «деятельностного арсенала» операционных средств (что, однако, уже само по себе очень значимо), но и средство расширения профессионального опыта субъекта. «В» ситуациях и «через» них, а также чрез их трансформацию в статус репродуктивных («уже бывших», «знакомых»), происходит «кристаллизация» и аккумуляция профессионально-деятельностного опыта субъекта. Особо выражено и значимо это именно по отношению к наиболее важным деятельностным ситуациям, которые обычно и соотносятся с ситуациями выработки решений. Кроме того, с этих позиций становится не только очевидной необходимость синтеза теории решений с очень общей *парадигмой ситуационизма*, но и выявляются совершенно конкретные пути и средства такого синтеза [199].

Вместе с тем, анализ и игровой деятельности показывает, что данное явление (точнее – его первоначальные и еще неразвитые варианты и проявления) также складывается в ходе развития игровой деятельности. Тот «опыт репродуктивности», который так характерен для трудовой деятельности, складывается и в игровой деятельности, хотя, конечно, и в меньшем масштабе. Дело, однако, заключается в самом *принципе* – в самом факте того, что это – пусть еще и зачаточной форме, но уже имеет место и в ней. Становлению данного феномена во многом способствует и уже рассмотренная тенденция (напомним, – очень мощная) многократного воспроизведения, повторения одних и тех же игр – так называемых «любимых» игр, одних и тех же игровых ситуаций. Собственно говоря, это и есть объективная база для

формирования репродуктивности как таковой³⁵. В данной связи нельзя забывать, однако, и о том, что очень многие игры, а соответственно, и возникающие в них ситуации не просто принципиально подобны тем «жизненным», реальным ситуациям, которые возникнут впоследствии. Дело еще и в том, что они зачастую *специально* и моделируются «подобно» такого рода ситуациям³⁶. В силу этого, тот «репродуктивный опыт», который формируется в ходе генезиса игровой деятельности, впоследствии транспонируется и на иные – в том числе деятельностные, а не только поведенческие ситуации.

Подводя итоги рассмотрения некоторых генетических особенностей формирования процессов ПР в ходе развития игровой деятельности, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, разумеется, общий спектр такого рода особенностей и закономерностей не исчерпывается только теми, которые были рассмотрены выше. Он столь же широк, сколь богато и многогранно содержание самих процессов ПР. Мы рассмотрели лишь некоторые, но в то же время, наиболее показательные и специфичные именно для игровой деятельности особенности генезиса ПР. Одновременно они же наиболее полно эксплицируют и *общие* закономерности такого рода. Во-вторых, следует учитывать, что, к сожалению, именно генетическое направление является, пожалуй, наименее разработанным в современной психологической теории решений. Это обстоятельство не может не накладывать ограничений на результаты генетического аспекта исследования этих процессов в игровой деятельности. По существу, данная работа является одной из первых и очень немногих, в которых эта проблема *вообще ставится* как самостоятельная. В-третьих, своего рода «равнодействующей – общим «вектором» всех рассмотренных закономерностей являются принципиально те

---

³⁵ В действительности, роль данного феномена еще более велика, поскольку, как будет показано ниже, именно он сопряжен с одним из наиболее общих механизмов формирования деятельности – с механизмом *автоматизации*.

³⁶ В этой связи уместно вновь вспомнить о принципиально имитационном, «воспроизводящем» характере многих детских игр и «игр как феномена» в целом, а также известное выражение С. Л. Рубинштейна: «Игра – дитя труда» [202].

же самые генетические тенденции, которые были установлены по отношению к уже рассмотренным «составляющим». Первая из них состоит в том, что процессы ПР в ходе генезиса игровой деятельности «поворачиваются» такими своими сторонами и эксплицируются такими гранями своей качественной определенности, которые объективно *упрощают* и субъективно *облегчают* их реализацию, а тем самым – повышают меру их *реализуемости*. Вторая из этих тенденций состоит в том, что – именно в силу этого – резко повышаются так сказать «шансы на успех» как самих процессов ПР, так и всей игровой деятельности в целом. Тем самым они «окрашиваются» в эмоционально-позитивные тона; обеспечивается ощущение субъективного комфорта и пр. Обе эти особенности вновь эксплицируют общий тип системогенеза игровой деятельности – его развертывание как *автосистемогенеза*.

1.3.5. Специфика генезиса процессов прогнозирования, планирования и программирования в игровой деятельности

Продолжая структурный анализ игровой деятельности и закономерностей формирования ее основных психологических «составляющих», необходимо, далее, обратиться к еще одной группе процессов ее регуляции. При этом необходимо специально подчеркнуть, что речь идет именно о *группе* процессов, то есть о таких процессах, которые обладают принципиальным *родством*, сходством (естественно, не «в целом», а лишь в определенном, хотя и очень важном отношении). Вместе с тем, традиционно они рассматриваются как отдельные, а не как принадлежащие к одной группе. В нее входят процессы *прогнозирования, планирования и программирования* [4, 22, 28, 38, 58, 129]. Отметим также, что в общей архитектонике ПСД в целом и в ее «хронологической развертке», в особенности, они обычно непосредственно следуют за процессами ПР, а в структуре регулятивного инварианта локализованы во временном отношении также после них.

Обращаясь к их рассмотрению, представляется целесообразным указать на два обстоятельства «установочного» плана.

Во-первых, процессы данной группы, равно как и рассмотренный в предыдущем параграфе процесс ПР, являются очень слабо изученными именно в аспекте их *генетических* особенностей и закономерностей. Одним из немногих исследований в этом плане являются работы Е. А. Сергиенко, направленные на изучение процессов *антиципации* как базовой «составляющей» организации активности в раннем онтогенезе [207]. В еще меньшей степени они изучены в контексте проблематики игровой деятельности в целом и ее генезиса, в особенности. Причем, здесь также есть одно исключение: это работы, направленные на изучение процессов *планирования* в игровой деятельности, в которых получены достаточно интересные данные [208]. Во-вторых, не менее важно и то, что все процессы этой группы, исследуются не только, в основном, «по отдельности», но и вне связи с другим важнейшим регулятивным процессом – с *целобразованием*. Вместе с тем, как будет показано ниже, между ним и процессами данной группы не только объективно существует атрибутивная взаимосвязь, но именно она во многом и лежит в основе структурной организации любой деятельности, в том числе, игровой. Содержание этой связи будет эксплицировано ниже. Пока же отметим, что она практически никак не учитывается в проводимых в настоящее время исследованиях, в особенности, повторяем, генетических и уж тем более – относящихся к изучению игровой деятельности. Однако, именно установление сути и содержания данной – очень глубокой связи как раз и может в наибольшей степени способствовать раскрытию закономерностей организации и генезиса деятельности – в том числе, и игровой. Остановимся на данном вопросе более подробно.

В ходе анализа закономерностей формирования процесса целобразования (равно как и при экспликации его общей роли и значения в организации любой деятельности) мы особо подчеркивали, что он является, фактически, конкретизацией по отношению к деятельности базового принципа системной организации как таковой – принципа *целевой детерминации*. Цель является, как известно, системообразующим фактором, а само целобразование, в силу этого, – это и есть так сказать «системность

в действии»³⁷. Это – системность как таковая, но представленная на уровне психического и реализованная в его организации. В силу этого, ни системное изучение деятельности, ни реализация системного подхода как такового, строго говоря, вообще невозможны без специального рассмотрения данного процесса. И наоборот, его изучение и объяснение – это и есть во многом *фактическая*, то есть *содержательная* реализация системного подхода как такового. Кроме того, следует учитывать, что при рассмотрении генезиса процесса целеобразования в ходе развития игровой деятельности, проведенного в параграфе 1.3.1. данного тома, уже был установлен ряд конкретных закономерностей его детерминирующего воздействия на ее организацию. Их также необходимо учитывать в ходе дальнейшего анализа. Вместе с тем, его нельзя пока считать полным, постольку вне его сферы остаются иные закономерности, связанные с ролью данного процесса в организации деятельности, а также с его взаимодействиями с рассматриваемой в данном разделе группой процессов.

Наиболее принципиальная из них заключается, на наш взгляд, в следующем. В самом *общем* плане цель действительно, выступает системообразующим фактором по отношению к организации любой системы, в том числе – и системы деятельности. Механизмы и средства реализации этой системообразующей функции достаточно полно раскрыты в общей теории систем, а также в методологии системного подхода. Вместе с тем, пока недостаточно эксплицированными остаются собственно психологические, то есть существенно более конкретные, но одновременно – и более *содержательные* аспекты реализации целью этой – системообразующей функции. Они связаны с выяснением того, каким образом и посредством каких средств и механизмов, то есть *процессов* она реализует данную функцию.

---

³⁷ В этом плане вновь следует констатировать глубокое – причем, не только семантическое, но даже и этимологическое сходство понятий *цели* и *целостности*. За этим сходством необходимо видеть обстоятельство принципиальной важности: *цель* – это и есть то, что обеспечивает *целостность*, то есть основной атрибут системности.

Безусловно, что и эта – даже существенно более конкретизированная задача также является достаточно общей и очень сложной. Вместе с тем, она все же в большей мере допускает возможности операционализации и решения. Суть ее возможного решения, на наш взгляд, заключается в следующем. По-видимому, те процессы, которые входят в рассматриваемую группу, не только *гносеологически* (то есть в аспекте обнаруживаемых в ходе их анализа особенностей), но и сущностно – *онтологически* теснейшим образом связаны с процессом целеобразования. Более того, они и содержательно, и функционально являются его так сказать «продолжением» и конкретизацией – по крайней мере, в отношении построения деятельности; поясним сказанное.

Действительно, если рассматривать собственно «деятельностное измерение» данных процессов, то возникает следующая – по существу, императивная ситуация. В результате реализации процесса целеобразования формируется «идеальный образ будущего результата», представленный в виде его ментальной репрезентации. Она и выступает базовым регулятором и организатором деятельности, то есть, фактически, системообразующим фактором по отношению к ее дальнейшей процессуальной «развертке». И, разумеется, первая функциональная задача, непосредственно возникающая при этом, состоит в анализе «общей ситуации» деятельности. Причем, сама ситуация должна быть взята не только в ее *статике* (то есть в аспекте информационной основы деятельности), но и в аспекте *динамики* – в плане ее наиболее *вероятных* изменений. Это – своеобразная «аксиома» психологической теории деятельности, которая, естественно, должна быть обязательно учтена и в ходе проводимого здесь анализа. В частности, ее учет с высокой степенью очевидности и даже с необходимостью вскрывает следующее – несложное, но важное обстоятельство. Процесс целеобразования не только предполагает следующий за ним процесс (прогнозирование), но и, фактически, «переливается» – переходит в него. Далее столь же ограничен и естественен переход самого процесса прогнозирования в другой процесс данной группы – планирование. Оно, как известно, как раз и требует «анализа ситуации», прежде

всего не только в ее статике, но и в ее динамике, то есть с учетом «прогнозной оценки». Фаза планирования и процесс планирования – это следующий в хронологическом отношении этап общей организации деятельности. Напомним, однако, что «исходным» пунктом такой организации выступает процесс целеобразования, а «верховным» психологическим регулятором – цель, взятая в статусе системообразующего фактора. Следовательно, процессы целеобразования, прогнозирования и планирования эксплицируются с этой точки зрения, прежде всего, именно как *этапы* реализации общесистемного принципа целевой детерминации, как *фазы* воплощения общей закономерности системной формы организации. Кроме того, они являются, по-видимому, не просто «фазами», но и *уровнями* полноты и конкретности воплощения данного принципа, равно как и закономерностей системного типа, в организацию деятельности.

Наконец, столь же естественным образом процесс планирования «переливается» в еще один процесс данной группы – в программирование³⁸. Будучи тесно сопряженным с процессом планирования (и содержательно, и хронологически, и функционально), программирование имеет, однако, одно чрезвычайно важное отличие от него. В результате планирования определяется общая структура организации системы действий, образующих деятельность или тот или иной ее фрагмент. Она имеет (или, по крайней мере, *должна* иметь) структурно-уровневую, то есть *многомерную* организацию. В свою очередь, именно эта многомерность является объективным условием для *вариативности* реализации общего плана. Она лежит в основе так сказать принци-

---

³⁸ В этой связи необходимо отметить и такую особенность процесса программирования, на которую обычно не обращается должного внимания и которая эксплицируется именно через его связь с процессом целеобразования. Обычно по отношению к программированию употребляется словосочетание «программирование того-то и того-то». Это означает, что не может быть так сказать «абстрактного программирования»: оно всегда осуществляется «для чего-либо», для какой-либо цели, задачи. Оно всегда (равно как и любая иная «составляющая» системы деятельности) носит целеобусловленный характер. Поэтому любое программирование – это еще и «программирование *для* чего-либо».

пиальной «разносценарности» осуществления деятельности в зависимости от динамично изменяющихся условий ее реализации. Процесс же программирования, в отличие от этого, предполагает еще и обязательное *временное* упорядочивание действий, их хронологическую организацию – «выстраивание» и «вытягивание» всей их совокупности в *одномерную* последовательность. Программа – в структурном смысле, в отличие от плана, принципиально инвариантна, «моносценарна»³⁹. «Полисценарность» программы – это типичный случай «противоречия в терминах». Однако, тем самым, продолжается и, по существу, завершается развертывание «общей логики» системной организации деятельности, начало которой было положено процессом целеобразования и базовой функцией цели как системообразующего фактора. Деятельность достигает завершающей – терминальной фазы (и уровня) организации, на которой все ее главные компоненты – действия оказываются полностью упорядоченными – «выстроенными» вдоль «оси времени», а тем самым организованными *однозначным* образом. Поэтому и процесс программирования выступает как еще один – четвертый этап, а одновременно – и уровень развертывания *общесистемных* механизмов и закономерностей.

В связи с изложенным выше, напомним тезис, который уже был сформулирован нами по отношению к процессу целеобразования в параграфе 1.3.1. Это – положение, согласно которому суть данного процесса (и в общем виде, и по отношению к деятельности) состоит в том, что это он является, фактически, «системностью в действии». В форме целеобразования по отношению к деятельности конкретизируются общесистемные принципы и закономерности; она сама вообще во многом и обретает посредством этого системную форму организации как таковую. Однако то же самое можно утверждать и по отношению к рассматри-

---

³⁹ Отметим, что при этом также возникает один из традиционно дискутируемых вопросов – вопрос о сходстве и различиях самих процессов планирования и программирования; о критериях их дифференциации друг от друга, равно как и об их качественной определенности.

ваемой группе процессов. Это – также «системность в действии», но уже не только в *общем* плане, а в плане *конкретных процессуальных средств*. Причем, эти средства являются собственно психологическими, поскольку они представлены в форме специфически регулятивных, интегральных процессов *психической регуляции*. С этих позиций четыре указанных выше базовых интегральных процесса раскрываются в их онтологически ведущем статусе и в объективно главной функции – регулятивной. Они эксплицируются в качестве четырех фаз, а еще точнее – четырех *уровней* системной организации, четырех уровней воплощенности системных принципов и закономерностей в организации деятельности.

Безусловно, мы отдаем отчет в том, что все сформулированные выше положения носят, в основном, общепсихологический и общедейятельностный характер; они относятся, прежде всего, к области психологии трудовой деятельности, то есть к зрелым формам деятельности, а не к игровому ее типу. Вместе с тем, *именно это*, то есть их, действительно, *общий* характер предписывает настоятельную необходимость учета и раскрытия их же, но уже не только «в общем плане», но и конкретно – по отношению к *одному* из типов деятельности (игровой). Кроме того, этот же их – *общий*, а потому определяющий по своей значимости характер требует раскрытия не только *содержания* этих закономерностей, но и выявления специфики их *формирования*. Понято, однако, что оно исходно представлено именно в игровой деятельности, где и закладываются базовые закономерности тех феноменов, которые отчетливо эксплицируются в иных – более зрелых типах деятельности.

В данной связи, к сожалению, вновь приходится констатировать уже отмечавшуюся – явно недостаточную степень разработанности психологических представлений о генетических аспектах этих процессов и в целом, и в плане их генезиса в игровой деятельности, в особенности. Конечно, уже на современном уровне развития этих представлений можно (и, по-видимому, нужно) строить те или иные предположения относительно присущих им особенностей и закономерностей. Более того, ряд

из них либо уже установлен, либо может быть спрогнозирован с высокой вероятностью априорно. Так, например, совершенно ясно, что одной из «магистральных» линий развития *прогнозирования* в детской игре выступает явление, обозначаемое как «расширение горизонта прогнозирования». Оно состоит в увеличении его «дальности», то есть в возрастании того, что обозначается иногда понятием «временного лага прогнозирования» [158]. Далее, по отношению к процессу *планирования* одной из основных закономерностей, по-видимому, является переход от практически полностью *линейных* схем организации действий к их вариативным, а значит – нелинейным, то есть *иерархически* организованным формам. Наконец, по отношению к процессу *программирования* одной из важных закономерностей является, в частности, повышение толерантности – устойчивости программ по отношению к изменениям внешних и внутренних условий их реализации.

Вместе с тем, наряду со всеми этими, а также иными, действительно, важными *конкретными* закономерностями, существенно более важно (а в контексте задач генетического анализа – и *принципиально* значимо) определить *общий смысл* происходящих генетических трансформаций процессов данной группы. Он заключается, прежде всего, в том, что формирование их совокупности (точнее, организованной структуры) – это и есть общая по своему значению и масштабу, но конкретная по содержанию форма реализации принципов и закономерностей системности в организации деятельности. На уровне «зрелой» деятельности эта организация представлена в виде рассмотренной выше *четырёхуровневой* структуры. В ней процессы целеобразования, прогнозирования, планирования и программирования и выступают содержанием, соответственно, каждого из этих уровней. Однако на стадиях «еще формирующейся» деятельности эта структура также еще только формируется; она складывается и даже – *закладывается*. Именно это и является наиболее специфичным для игровой формы ее организации. Тем самым вновь необходимо констатировать, что формирование и развитие игровой деятельности – это генезис не столько *системы*, сколько самой

системности – как общей формы организации, базирующейся на совокупности присущих ей специфических принципов. Причем, речь идет не об «абстрактных» принципах и закономерностях системной организации, а об их онтологической воплощенности в конкретных – собственно психических средствах. Ими как раз и являются четыре рассмотренных выше интегральных процесса психической регуляции деятельности и поведения (целеобразование, прогнозирование, планирование, программирование).

Наконец, в контексте рассмотрения генетических аспектов формирования данной группы процессов (особенно, двух последних) необходимо напомнить о специфическом механизме, который уже был частично рассмотрен и который имеет непосредственное отношение также к их формированию. Дело в том, что эти процессы – быть может, как никакие иные, максимально органично и непосредственно сопряжены с понятием *правил* – как регуляторов и ориентиров, а зачастую – и императивов организации деятельности. Действительно, планирование – это обязательно «следование правилам». «Построение цепи» своих действий (то есть программы) также объективно требует следования определенным правилам. В силу этого, можно считать, что и планирование, и программирование не только *атрибутивно* сопряжены с правилами, но и, фактически, являются их конкретизацией по отношению к организации деятельности. В этой связи, однако, необходимо учитывать, что по отношению к игровой деятельности установлена одна из очень значимых и важных закономерностей, связанных с «феноменом правил». Данная закономерность обозначается как «удовольствие от соблюдения правил» [268]; она была подробно рассмотрен выше – см. параграф 1.3.4. данного тома. Его суть состоит в том, что ребенок, играя, получает удовольствие и удовлетворение и от самого *факта* следования правилам, и – в еще большей степени – от того, что это ему *удается* делать.

Кроме того, должен быть учтен и еще один, также рассмотренный выше феномен – феномен латентного научения. Если ранее он был проанализирован по отношению лишь к одной «составляющей» деятельности (к ее информационной основе), то здесь он может и должен быть обобщен на всю деятельность –

в том числе, и на процессы планирования и программирования. Согласно данному феномену, очень часто усвоение, а затем – реализации правил в ходе осуществления этих процессов происходит без их развернутого понимания (и, соответственно, осознания) и даже – без попытки этого. Такое усвоение осуществляется именно на основе указанного механизма, что имеет многочисленные и, в основном, позитивные последствия.

В заключение рассмотрения генетических аспектов данной группы процессов обратим внимание на еще два принципиальных обстоятельства. Во-первых, своего рода «итоговым эффектом» всех рассмотренных выше особенностей и закономерностей является то, что качественной трансформации подвергается наиболее *общий принцип* организации поведения (и деятельности) ребенка. Если «до» их формирования оно строилось, преимущественно, по *реактивному* принципу, то «после» (и на основе) их формирования оно разворачивается уже, в основном, не базе принципа *проактивности*. Исходно присущая ребенку активность во все большей степени трансформируется из реактивной в проактивную. Это, в свою очередь, приводит к целому ряду очень значимых психологических «последствий»; они не только существенны, но и множественны. Главными из них, разумеется, являются формирование *произвольности* поведения (и деятельности), меры *осознаваемости* контроля за ним, резко возрастающая мера *общей активности* и др. Собственно говоря, ребенок и становится *субъектом* своего поведения и деятельности лишь при условии и на основе трансформации принципа реактивности в принцип проактивности. Проактивность и субъектность – это «две стороны одной медали», два взаимопологающих аспекта организации деятельности – вначале, разумеется, игровой. Наиболее характерно то, что эта фундаментальная по своим последствиям трансформация как раз и осуществляется в рамках игровой деятельности и, более того, составляет одну из ее атрибутивных характеристик⁴⁰.

---

⁴⁰ Напомним, что феноменологическим эквивалентом всех указанных трансформаций и их итоговым эффектом выступает явление, обозначаемое иногда в психолого-педагогических исследованиях как феномен «я сам».

Во-вторых, в итоге формирования рассматриваемой группы процессов игровая деятельность обретает все большую организованность; она все более полно структурируется по типу иерархической организации. Вместе с тем, обратим особое внимание и на то обстоятельство, которое обычно «ускользает» от фиксации и анализа, хотя, в действительности, является принципиально важным. Оно состоит в том, что формирующаяся при этом структура и организация являются не совсем обычными. Это – так сказать «другая структура» и «другая организация». Дело в том, что формирование процессов прогнозирования, планирования и программирования приводит к становлению, прежде всего, *временной*, хронологической – *темпоральной* (а не структурно-содержательной, то есть не *субстанциональной*). Тем самым в данном пункте анализа со всей остротой и с логической необходимостью возникает проблема исследования особого типа системности – *временной*, *темпоральной*, а также того, как она воплощена в организации деятельности и по каким закономерностям она формируется в ходе генезиса игровой деятельности. Данный аспект станет предметом самостоятельного рассмотрения в параграфах 2.2.–2.7. данного тома.

1.3.6. Формирование и развитие индивидуальных качеств в игровой деятельности

В ходе проведенного анализа был рассмотрен целый ряд важнейших «составляющих», лежащих в основе психической регуляции игровой деятельности и ее генезиса. Вместе с тем, его пока нельзя считать завершенным, поскольку в него пока еще не вовлечены две важнейшие «составляющие» такого рода. Во-первых, это функциональный блок (точнее, – «протоблок», поскольку речь идет об игровой деятельности), синтезирующий в себе совокупность *индивидуальных качеств*, лежащих в основе ее реализации⁴¹. Во-вторых, это и та «составляющая», которая обозна-

---

⁴¹ По отношению к психологической системе *трудовой* деятельности он конкретизируется в понятии функционального блока профессионально-важных

чается понятием *исполнительской части деятельности* (ИЧД) [251, 252]. Их и необходимо сделать теперь предметом самостоятельного рассмотрения.

Так, по отношению к первому из них наиболее значение имеют следующие основные особенности и закономерности, в том числе – и генетического плана. Прежде всего, по отношению к нему необходимо констатировать наиболее *общий* факт, состоящий в том, что он в целом, равно как и его генезис, также подвергаются закономерным спецификациям в игровой деятельности. Вместе с тем, эти спецификации носят несколько иной характер по сравнению со всеми иными – описанными выше «составляющими» деятельности. Действительно, по отношению к учебной и особенно – к трудовой деятельности типичной является ситуация, при которой именно деятельность определяет – «селектирует» индивидуальные качества, являющиеся необходимыми для ее успешного осуществления. Она, далее, содействует и их приоритетному развитию, и компенсации негативных среди них (так называемых «профессионально-негативных качеств» – ПНК). Все это, как известно, лежит в основе формирования самого блока профессионально-важных качеств. Метафорически выражаясь, «*деятельность выбирает* релевантные ей качества» (но никак не наоборот). По отношению же к игровой деятельности все выглядит существенно иначе и даже противоположным образом. Действительно, для самой сути и природы детской игры максимально характерно именно то, что сам ребенок стихийно выбирает, преимущественно, те игры, которые более близки ему. Но это же означает, что он выбирает такие игры, которые в наибольшей степени созвучны его индивидуальным качествам и особенностям, способностям и интересам. Иными словами, здесь уже не «*деятельность селектирует качества*», а «*качества селектируют деятельность*» (игровую), то есть определяют выбор того или иного вида игровой деятельности, равно как и формы ее реализации. Понятно, что спецификация такого

качеств (ПВК), а по отношению к системе *учебной* деятельности – в понятии блока учебно-важных качеств (УВК) [172].

рода в решающей степени и обуславливает тот – феноменологически представленный субъективный комфорт, эмоциональную привлекательность и легкость осуществления игровой деятельности в целом, которые так характерны для нее.

Конечно, в связи со сделанными заключениями можно сформулировать возражение, согласно которому аналогичные процессы и закономерности имеют место не только в игровой, но и в трудовой деятельности. Собственно говоря, весь спектр этих особенностей и закономерностей составляет сферу изучения в психологии профотбора и профориентации. Субъект *и* трудовой деятельности выбирает («селектирует») тот или иной вид деятельности также в соответствии со своими индивидуальными качествами. Все это, разумеется, совершенно справедливо, Дело, однако, заключается в другом. Во-первых, сама – констатированная общность этого феномена по отношению к двум во многом «полярным» типам деятельности (игровой и трудовой) свидетельствует о его, действительно, общем и фундаментальном характере. Во-вторых, наиболее принципиально и значимо то, что степень его *выраженности* по отношению к игровой деятельности «практически не имеет границ». Он вообще принципиально ничем не ограничен, поскольку одним из основных атрибутов самой игры как раз и является *свобода* и ее выбора, и ее осуществления. Причем, необходимо дифференцировать эти два аспекта – свободу самого выбора игры и аналогичный, то есть также свободный характер ее осуществления. Последнее связано с тем, что ребенок не только может выбирать «наиболее подходящие» под его индивидуальные качества игры, но и модифицировать, изменять их также «под них» («чтобы лучше получилось», «чтобы было интереснее» и т. д.).

Далее, с этой особенностью тесно сопряжена и следующая – также очень характерная для игровой деятельности и ее генезиса закономерность. Она имеет два уровня обобщенности своего действия: максимально *обобщенный* и более *конкретный* – так сказать «операционный». Выше уже отмечалось, что одним из недостатков современной психологической теории деятельности, равно как и психологии детской игры, является явно

недостаточная и, прежде всего, чрезмерно абстрактная, а потому и не вполне конструктивная реализация одного из основных методологических принципов – принципа «единства психики и деятельности». Причем, степень этой «недостаточности» такова, что он вообще нередко отторгается как квазиобъяснительный, как не обладающий эвристическим потенциалом и т. д. В действительности, напротив, он имеет очень глубокий, но явно не полностью эксплицированный смысл. Одной из главных причин этого, на наш взгляд, выступает именно то, что он реализован в основном (или даже – исключительно) по отношению лишь к двум из трех основным типам деятельности – к трудовой и в меньшей мере – к учебной деятельности.

Вместе с тем, он пока практически полностью «не востребован» психологией детской игры и слабо реализован по отношению к игровой деятельности. Это тем более парадоксально и даже – не вполне естественно, что именно на тех стадиях онтогенеза, на которых взаимодействия детерминационные отношения «психики и деятельности» *наиболее* выражены и очевидны (то есть на тех стадиях, где ведущим типом деятельности является игра), данный принцип как раз и реализован в *наименьшей* мере. При этом необходимо различать два основных – хорошо, впрочем, известных варианта трактовки самого термина «развитие». Они сложились исторически и закрепились традиционно по отношению именно к формированию деятельности, равно как и по отношению к обучению в целом⁴². Во втором из этих вариантов развитие предполагает качественные трансформации самого

---

⁴² Как правило, эти варианты принято соотносить с подходами к трактовке смысла и содержания формирования деятельности и процесса обучения, сформулированными, соответственно, А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном. Согласно первому подходу, формирование той или иной деятельности, процесс обучения как таковой – это *присвоение* и *усвоение* внешне представленного содержания (знаний, предписаний, способов, средств, «орудий» и мн. др.) [139]. Данный подход хорошо соответствует и общей «парадигме интериоризации» – так называемому «переходу внешнего во внутреннее». Согласно второму подходу, формирование той или иной деятельности и любой процесс обучения в целом предполагает также и развитие самого *субъекта* деятельности – в том числе (и прежде всего) его индивидуальных качеств [203].

субъекта, что проявляется, прежде всего, в развитии именно его индивидуальных качеств. В итоге этого происходит и развитие его субъектного потенциала в целом.

Синтезируя два рассмотренных положения, можно, далее, констатировать следующую – также важную, на наш взгляд, закономерность генетического плана. Она наиболее специфична именно игровой деятельности, точнее – своеобразию формирования и развития индивидуальных качеств «в ней» и «через нее». Однако для того чтобы ее адекватно и корректно эксплицировать, необходимо сделать небольшой экскурс в общую теорию систем. В ней показано, что существуют два основных, но принципиально различных пути – две «стратегии» развития систем как таковых. Во-первых, это относительно *равномерное* повышение потенциала всех ее компонентов; одновременный и пропорциональный рост потенциала каждого из них и всей их совокупности в целом. При этом именно такому – равномерному возрастанию потенциала подвержены именно *все* компоненты системы. Иными словами развиваются и те из них, которые уже имеют исходно относительно наиболее высокий его уровень (это – так называемые «сильные» звенья системы); и те, которые характеризуются относительно низким исходным уровнем (ее «слабые» звенья). Во-вторых, существует и такой путь развития, при котором общий «генетический ресурс развития» системы концентрируется не на всех, а лишь на *части* ее компонентов. Причем, это те из них, которые уже обладают относительно наиболее высоким уровнем развития. Таким образом, это – своего рода стратегия «усиления и без того сильного». Одновременно те компоненты, которые характеризуются исходно относительно низким уровнем развития, не становятся «предметом распространения» на них общего «ресурса развития». В связи с этим, однако, и возникает вопрос, который – в его общем виде – достаточно хорошо осознан в теории систем и получил свое решение в ней: какой из этих путей более эффективен? В наиболее общем и принципиальном виде решение данного вопроса заключается в том, что именно второй путь является наиболее эффективным, продуктивным, и перспективным, причем, – во многих отношениях.

Вместе с тем, трудно не видеть того, что именно эта картина «общесистемного генезиса» практически полностью воспроизводится в закономерностях генезиса детской игры в целом и в развитии в ней индивидуальных качеств, в особенности. Выбирая ту или иную игру «под себя», то есть под свои *уже наиболее* выраженные и развитые – свойственные ему индивидуальные качества, ребенок объективно «выбирает» и вполне конкретный вариант развития этих качеств, а именно, второй из указанных выше. Он начинает «тренировать» то, что у него и без этого *уже наиболее* развито, наиболее характерно для него. И напротив, те игры, которые «не конгруэнтны» его индивидуальным качествам, либо не выбираются им, либо даже активно отвергаются и отторгаются. Это – одна из самых очевидных и непосредственных реальностей «мира детских игр». Тем самым, однако, можно сделать достаточно общий и весьма значимый вывод, согласно которому в генезисе детской игры в целом и в процессе развития в нем индивидуальных качеств (причем, совершенно объективно), в особенности, воплощена одна из основных общесистемных закономерностей, охарактеризованная выше.

Вместе с тем, как бы ни была важна и какой бы общей ни являлась данная закономерность, *реальность* – практика детских игр не так однозначна и «проста». К сожалению (а, быть может, и к счастью), «мир детских игр» богаче и противоречивее. И главное здесь даже не в том, что далеко не всегда ребенок полностью свободен в выборе им игр (в чем прослеживается аналогия с трудовой деятельностью). Он живет во вполне конкретном социальном окружении, «погружен» в свой микросоциум, который императивно предписывает ему – «диктует» очень многое, в том числе, и то, во *что*, *как* и с *кем* играть. В результате он, конечно, во многом поддается этому давлению и зачастую играет не в то, во что хотел бы, а в то, «во что заставляют», «во что принято», «за что не будут ругать» и пр. Однако и в этом также необходимо видеть не только негативный, но и позитивный смысл. Дело в том, что, играя в «неподходящие» для него игры, ребенок *вынужден* развивать те индивидуальные качества, которые представлены у него

в дефицитарном виде. Поэтому, сама необходимость игры в них, фактически, реализует по отношению к генезису всей совокупности индивидуальных качеств *компенсаторные* функции. Конечно, при этом возникают и существенны издержки, связанные, прежде всего, с неудачами в осуществлении «неподходящих» игр. Однако и в этом также заключен определенный смысл: ребенок получает *негативный* опыт (а нередко – и опыт психотравмирующий), что выполняет важную функцию *социального закаливания*.

Еще одной важной особенностью генезиса детской игры в аспекте рассматриваемой здесь «составляющей» (индивидуальных качеств) является следующая закономерность. Однако прежде чем охарактеризовать ее, необходимо сделать небольшой экскурс в область изучения индивидуальных качеств как таковую и обратиться к исходному (и «исконному») значению категории качеств в целом и индивидуальных качеств в *особенности*. Действительно, в общей и прикладной психологии существует очень общая и, по существу, фундаментальная закономерность, связанная с категорией индивидуальных качеств. Она лежит и в основе дифференциации индивидуальных качеств в целом, и в основе их структурной организации в определенный функциональный блок – блок ПВК, и даже в основе самого понятия «качества» (и личностного, и профессионально-важного). Дело в том, что сущность и вообще – атрибутивная природа понятия *качества* заключается в том, что в нем фиксируется такая реальность, такое «измерение» бытия систем, которое воплощает в себе основные характеристики ее *качественной определенности*. Качества – это и есть основной, хотя и «частичный», парциальный «носитель» именно качественной определенности системы. Одновременно, в *понятии* качеств (в том числе и качеств личности, личностных качеств, которые могут выступать и в функции профессионально-важных) фиксируется, как известно, основная «*единица*» качественной определенности системы. Качества и их совокупность (точнее – система) – это и есть «главное в системе». Показательно, что наиболее общее – философское определение категории качества как раз и заключается именно в этом: «качество есть

то, благодаря чему нечто является тем, чем оно является» [49]. В этой связи абсолютно закономерно, что именно данная категория как раз и лежит *в основе* наиболее общей методологии научного познания – методологии *качественного анализа*⁴³. Следовательно, понятие качеств личности во многом и является важнейшим средством конкретизации по отношению к психологическому познанию этой – наиболее общей методологии.

Данное обстоятельство, однако, к сожалению, практически никак не эксплицировано в настоящее время. Представляется парадоксальным тот факт, что ни общая психология («в лице» категории личностных качеств), ни психодиагностика до сих пор, фактически, «не контактируют» с методологией качественного анализа. Между ними не только не достигнут концептуальный синтез, но они вообще характеризуются явным «разрывом». Существующие подходы к интерпретации личностных качеств, как известно, очень разнообразны (это, в частности, – так называемая «теория черт», диспозиционный подход и др.). Однако ни один из них не базируется на *главной* и, по существу, атрибутивной характеристике качеств. Эта характеристика раскрывается с позиций методологии качественного анализа и состоит в том, что любое из них с необходимостью выступает именно парциальным – частичным и, более того, как бы «единичным» носителем ее качественной определенности.

Вместе с тем, в данной связи нельзя упускать из виду то – известное и основополагающее для системной методологии положение, согласно которому именно такого рода парциальные – локальные «носители» качественной определенности системы как раз и соотносятся с ее базовыми «единицами», то есть с ее основными *компонентами*. В теории систем показано, что именно компоненты – это та относительно наиболее простая «составляющая» системы, которая, однако, *еще* «несет на себе» основные

---

⁴³ Данная методология рассматривается и как более *общая*, нежели методология самого системного подхода, а он, в свою очередь, является ее конкретной разновидностью [132]. Данный вопрос станет предметом подробного анализа в главе 1 четвертого тома.

характеристики ее качественной определенности. Они являются «носителями» этой определенности (в отличие от *элементов*, из которых они сами состоят, но которые *уже* утрачивают эту определенность). Следовательно, любое из личностных качеств с этих позиций должно быть проинтерпретировано как именно *компонент* личности – в прямом и непосредственном смысле данного понятия.

В связи с этой – объективно необходимой, на наш взгляд, трактовкой категории качества (в том числе и личностных качеств) возникает, конечно, целый спектр вопросов еще более глубокого порядка. Все они обусловлены тем, что в этом случае на понятие личностных качеств должен быть транспонирован тот концептуальный аппарат и те основные теоретические вопросы, который являются определяющими для методологии качественного анализа. В частности, это вопрос о соотношении так называемых «первичных» и «вторичных» качеств, имеющий, к тому же, и очень давние философские традиции. Это и вопрос о природе и соотношении «качеств-свойств» и «онтологических качеств». Далее, это и вопрос о закономерностях синтеза разнородных (разноуровневых) качеств, то есть вопрос об иерархии качеств – о так называемой «пирамиде свойств». При этом, разумеется, возникает и острый вопрос о проявлении в качествах-свойствах субстанциональных характеристик самого их «носителя». Наконец, это и вопрос о том, какие основные категории качеств, в действительности, существуют и как они взаимосвязаны между собой. Напомним в этой связи, что обычно дифференцируются три основные категории качеств – материальные, функциональные и системные⁴⁴. Кроме того, особый тип качеств – профессионально-важные качества (то есть отдельные ПВК) должны быть поняты как «деятельностное измерение» тех или иных качеств личности. Последние – через обретение ими статуса ПВК – выступают по отношению к деятельности и в функции *способностей* [245].

---

⁴⁴ Данный вопрос станет предметом специального рассмотрения в главе 2 четвертого тома.

Таким образом, именно категория качества в целом и его «психологическая конкретизация» – понятие индивидуальных качеств является базовой единицей, основным – онтологическим носителем качественной определенности всего целого, всей системы, в том числе и системы личности. Индивидуальные качества – это и есть основной носитель самой сущности личности, в том числе, и личности *развивающейся*. Зафиксировав это, напомним, однако, что базовым атрибутом игровой деятельности – ее важнейшей психологической особенностью является получение удовольствия от нее самой. Именно в этих целях ребенок, в частности, и выбирает те виды игровой деятельности, в которых он «силен», которые соответствуют его индивидуальным качествам. Однако именно это же означает, что само удовольствие и удовлетворение он получает в том числе (или даже – прежде всего) именно от того, что в процесс игры вовлекаются его индивидуальные качества. Позитивную эмоциональную окраску имеет сам процесс их функционирования, а также то, что оно приводит к результату (как *приятному*). Тем самым, можно видеть, что «удовольствие и удовлетворение», порожаемое процессом игры (и обычно связываемое только с ним), в действительности, но на более глубинном уровне, – это и проявление удовольствия от вовлечения в деятельность «самого главного» в личности (ее сущностных – базовых компонентов) – индивидуальных качеств. На этот чрезвычайно важный момент, к сожалению, обычно не обращается должного внимания, а в исследованиях, как правило, фиксируется удовольствие от эмоциональных, рациональных и иных *оценок* ребенком процесса игры.

Однако, на наш взгляд, еще более существенно то, что вне – независимо и помимо каких-либо оценок вообще, то есть совершенно *объективно* процессуальные мотивы, связанные с игрой, порождены тем, что в ней реализуются *сущностные* силы ребенка – его индивидуальные качества. В связи с этим, можно сказать так. «Удовольствие от игры» связано не столько с самим содержанием ее процесса; это, по-видимому, лишь феноменологическое проявление более скрытых факторов. Сами же эти факторы состоят в том, что процесс игры есть форма и способ реализации

наиболее важного, что есть в личности, – ее *сущностных* черт, то есть индивидуальных качеств. В этом вновь, проявляется не только новая, но и очень имплицитная грань принадлежности генезиса игры к типу *автосистемогенеза*.

Наконец, анализируемая проблема имеет, далее, еще один – также важный аспект. Его фиксация и попытка интерпретации также способствуют, на наш взгляд, более полному уяснению специфики детской игры и ее генетических особенностей. Так, известно, что одним из основных положений психологии детской игры, равно как и психологии деятельности в целом, является тезис об условности и *относительности* дифференциации тех или иных индивидуальных качеств. Данный тезис – и это также хорошо известно – наиболее актуален именно при изучении реальной деятельности, в особенности, трудовой. Дело в том, что в реальности ни одна деятельность, ни какой-либо относительно существенный ее фрагмент никогда не реализуются с опорой лишь на какое-либо *одно* качество [192]. Детерминация поведенческой и деятельностной активности всегда носит множественный и, более того, *структурный* характер. Это означает, что активность регулируется на основе подсистем («симптомокомплексов») воедино организованной – целостной структуры индивидуальных качеств. По-видимому, аналогичная ситуация, хотя, конечно, с меньшей степенью рельефности, характерна и для игровой деятельности, точнее – для выбора ребенком тех или иных игр «под себя». Осуществляя это, он (конечно, совершенно неосознанно, но именно поэтому – объективно) ориентируется не на какое-либо одно качество, а на несколько качеств – на свой так сказать «психологический портрет», то есть на структуру индивидуальных качеств в целом. Таким образом, можно видеть, что уже на той фазе онтогенеза, на которой основным типом деятельности является игра, закладываются основы закономерности, которая станет впоследствии одной из главных для психологического обеспечения трудовой деятельности. Она состоит в том, что это обеспечение строится по типу *структурной*, а не аналитической детерминации деятельности со стороны индивидуальных качеств.

Итак, обобщая материалы, направленные на раскрытие специфики структуры и генезиса еще одной важнейшей «составляющей» игровой деятельности – индивидуальных качеств, можно сделать следующий вывод. В аспекте и этой базовой, а в известном смысле – и важнейшей «составляющей» эксплицируется все та же фундаментальная закономерность: принадлежность генезиса игровой деятельности к тому типу развития, который был обозначен как *автосистемогенез*.

1.3.7. Генезис исполнительской части игровой деятельности

При обращении к содержанию следующей основополагающей психологической «составляющей» игровой деятельности – к блоку ее *исполнительских действий* также выявляются закономерные спецификации. Прежде всего, в этом плане необходимо учитывать тот фундаментальный факт, согласно которому одной из *основных* черт игровой деятельности (особенно на ранних этапах онтогенеза) является ее по преимуществу *спонтанный* и достаточно *свободный* характер. Она допускает достаточно широкие возможности «отклонений и уклонений» от правил и предписаний организации действий. Кроме того, она характеризуется и фактическим отсутствием строгой и жесткой (а тем более – многоуровневой, то есть иерархической) структуры исполнительских действий. Это означает, что для процессов, операций и действий исполнительского типа в игровой деятельности характерна слабая степень структурной организации. И уж тем более для нее не характерна жесткая *иерархическая* соподчиненность. Напротив, они организованы на основе относительно наиболее простого типа структурирования – на основе «*линейной* структуры». Такая структура предполагает реализацию деятельности по типу развертывания одномерного континуума – в виде «цепочки» действий. Она может достаточно легко трансформироваться, поскольку является достаточно лабильной

и свободной⁴⁵. В ее основе, как правило, не лежит какой-либо четкий план (и вообще – план как таковой), регламентирующий более сложную структурную организацию и предполагающий соподчиненность действий а, следовательно, и установление иерархических связей между ними. Известно, однако, что именно линейная структура характеризуется значительно большей *легкостью* реализации, меньшими субъективными затратами, а потому и большей привлекательностью. Аналогичные по смыслу спецификации, как было показано выше (а также в специально посвященной данному вопросу работе [115]), имеют место и по отношению ко всем иным функциональным «составляющим» деятельности (в частности, по отношению к программированию, планированию и контролю).

Итак, на основе сказанного можно сделать следующее заключение. Мы преднамеренно начали рассмотрение исполнительской части деятельности и особенностей ее формирования в ходе развития игровой деятельности с того аспекта, который в наибольшей мере воплощает в себе одну из базовых черт этого генезиса. Кроме того, очень значимо и то, является *общим* для всех уже рассмотренных «составляющих» данной деятельности. Такой особенностью является своего рода «самоподкрепляющий», «самостимулирующий» характер игровой деятельности. Он, в свою очередь, обусловлен двумя базовыми и наиболее характерными ее особенностями.

Во-первых, – субъективной легкостью ее осуществления, простотой реализации и, соответственно, очень высокими «шан-

---

⁴⁵ Естественно, мы отдаем отчет в том, что, формулируя эти положения, по необходимости приходится несколько схематизировать и упрощать реальную ситуацию, связанную с многообразием проявлений игровой деятельности. Понятно, что в целом ряде случаев и по отношению к ряду форм и типов игр их организации не является столь простой, а напротив, вплотную приближается к сложным иерархическим схемам организации. Дело в другом: именно те характеристики игры, которые рассмотрены выше, наиболее специфичны их относительно более простым, а значит – и более ранним фазам онтогенетического развития. Однако именно на них и происходит наиболее интенсивное, так сказать «первоначальное складывание» основных психологических «составляющих» деятельности – ее «протоблоков».

сами на успех», то есть на получение результата. Это уже само по себе обладает «положительно валентностью» и делает игровую деятельность очень субъективно привлекательной.

Во-вторых, – явным доминированием в ней именно процессуальной, то есть *внутренней* мотивации, которая, в отличие от внешней мотивации, подчиняется не гомеостатическому, а гетеростатическому принципу. Она, соответственно, не редуцируется, а напротив, усиливается при ее удовлетворении. Именно в силу этого игра и выступает «стимулом самой себя», мотиватором собственного осуществления – и в плане ситуационной динамики, и в плане надситуационного генезиса. Все это и обуславливает принадлежность генезиса игровой деятельности к тому типу, который был обозначен выше термином *автосистемогенеза* и повторяем, является *общим* для данного функционального «протоблока» и всех иных – уже рассмотренных «составляющих» игровой деятельности.

Вместе с тем, только этим содержание и специфика генезиса данной психологической «составляющей», конечно, не только не исчерпывается, но она имеет и еще более имплицитные особенности. Причем, они носят не просто «очень важный», а, по существу, принципиальный и *определяющий* характер по отношению к генезису и игровой деятельности как *типа*, и к генезису деятельности в целом – как специфической формы активности субъекта. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, подчеркнем, что они являются столь же *принципиальными* и определяющими, сколь они и *понятны* в плане их осмысления. Вместе с тем, такая «понятность» становится очевидной *лишь* после того, как они оказываются эксплицированными. В любом случае, однако, представляется не вполне естественным, что они до сих пор не были эксплицированы в явном виде ни в психологической теории деятельности в целом, ни в концепции системогенеза, в частности.

Первая из них состоит в том, что по отношению к игровой деятельности то, что обозначается как ее «исполнительская часть», в генетическом плане имеет не просто так сказать «иную локализацию» в ее общей психологической архитектонике,

а локализацию прямо *противоположную* той, которая характерна для двух других – основных типов деятельности – учебной и трудовой. При этом правда, следует подчеркнуть, что речь идет, конечно, не о *конкретном* развертывании игровой деятельности в каждом отдельном случае, не о ее *ситуационном* аспекте, а об аспекте именно *генетическом*. Действительно, по отношению и к учебной, и к трудовой деятельности исполнительская часть деятельности локализуется в завершении «деятельностного цикла» – ей «венчается» и заканчивается хронологическое развертывание любой психологической системы деятельности (и учебной, и трудовой). Игровая же деятельность, напротив, тем и специфична, что она часто может вообще практически полностью *сводиться* только к «совокупности исполнительских действий». Тем самым, она может, фактически, *исчерпываться* содержанием «исполнительской части» (что имеет место в наименее развитых, примитивных ее видах и формах). В иных – более развитых формах все ее содержание деятельности также *возникает* как средство осуществление данной «составляющей» – «для него» и «после него». Причем, оно возникает, а затем оказывается представленным лишь в той мере, в какой это необходимо для действий как таковых, то есть для реализации собственно исполнительской части деятельности. Другими словами, исполнительская часть игровой деятельности – это либо ее *полное* содержание, либо «генетический корень» и *исходный* момент для формирования всех иных ее психологических «составляющих». Несколько схематизируя данную закономерность, можно сказать, что по отношению к игровой деятельности ее исполнительская часть – это не ее «конец», то есть не завершение деятельностного цикла, а ее «начало» (прежде всего, повторяем, в генетическом плане).

Более того, все собственно психологическое содержание деятельности, все феномены и характеристики, закономерности и механизмы, лежащие в основе ее регуляции, *непосредственно* соотносятся, прежде всего, именно с этим функциональным «протоблоком» ПСД. Вся она непосредственным образом *формируется* для того, чтобы обеспечить реализацию исходно

и первично представленной совокупности действий, которые, в свою очередь, и составляют «исполнительскую часть». По отношению к функциональному генезису и учебной, и трудовой деятельности вся их архитектоника, все их психологическое содержание *предшествует* и «подготавливает» осуществление их исполнительской части. По отношению же к игровой деятельности эта архитектоника складывается и вообще – возникает и формируется как «*ответное средство*» реализации ее исполнительской части. Вся игровая деятельность – все ее собственно психологическое содержание «вытекает» из ее исполнительской части, является продуктом и результатом – «ответом» на запросы, связанные с реализацией этой ее части. Одновременно здесь же заложены детерминанты того, что обозначается как «деятельностная» и «действенная» природа генезиса всей психической регуляции. В самом деле, вся эта регуляция возникает именно как *средство* организации и осуществления исполнительской части. Она, в свою очередь, исходно и представлена как совокупность *действий* (а в простейшем случае – и как «отдельное действие»). Тем самым действия выступают самой непосредственной и «ближайшей» комплексной детерминантой генезиса всего содержания и структуры психической регуляции как таковой. При этом следует особо подчеркнуть, что наиболее простые виды игр вообще могут практически *полностью* сводиться к действиям, к активности как таковой, а то – и к элементарным двигательным проявлениям ребенка. Здесь еще ни о какой – даже лишь относительно развитой «психологической архитектонике» регуляции, ни тем более о какой-либо «психологической системе деятельности», конечно, еще попросту не приходится говорить. Точнее, можно было бы сказать и так: вся эта архитектоника как раз и сводится к исполнительской части деятельности, то есть к действиям, к их совокупности, а сама – так сказать «внутренняя» картина их обеспечения является еще не сформированной.

Таким образом, можно видеть, что специфика исполнительской части деятельности по отношению к игре состоит в том, что она носит не только «завершающий и венчающий» характер (как для двух других основных типов деятельности) и не толь-

ко «технический», собственно операционный – то есть именно исполнительский характер, а состоит совсем в ином. Ее общий характер является *принципиальными* иным, а функциональная и генетическая роль – *определяющей*. Дело в том, что, по существу, *вся* игровая деятельность – и в аспекте ее объективного содержания, и в аспекте ее собственно психологического содержания (архитектоники) является *продуктом* и результатом генезиса именно этой «составляющей». То, что традиционно обозначается как «исполнительская часть деятельности» и главным содержанием чего выступают, прежде всего, *действия*, является «генетическим корнем» для *всей* игровой деятельности. Она «не завершается» этой «составляющей», а «начинается» с нее – прежде всего, именно в генетическом аспекте. Причем, данное положение справедливо, по всей вероятности, не только в собственно генетическом плане, но даже и в собственно *функциональном* плане – в аспекте «ситуационного развертывания» игровой деятельности. Действительно, хорошо известно, что одной из наиболее очевидных особенностей детской игры является то, что ребенок очень часто просто «не задумывается», как ему организовывать свое игровое поведение, а «просто играет». Он тем самым *непосредственно* – так сказать «сразу же», без каких-либо «промежуточных звеньев» и «подготовительных процедур» реализует те или иные игровые действия, то есть собственно «исполнение».

Сказанное, конечно, не означает, что такая «просто игра» не имеет своих закономерностей и механизмов, которые, разумеется, *объективно предшествуют* самому исполнению и лежат в его основе. Дело в другом: организация и контроль за психической регуляцией исполнения не становятся здесь предметом специального и уже тем более – развернутого и осознаваемого, то есть произвольного контроля. Он выступает при этом лишь как определенный «психофизиологический (а нередко – и как собственно физиологический) фон» – как нечто *объективно* существующее, но *субъективно* не репрезентированное. И лишь в дальнейшем – по мере усложнения самих игр, их типов, форм, классов и пр. происходит постепенное «наращивание» – складывание и раз-

витие всего того, что и обозначается понятием психологической архитектуры регуляции деятельности. В результате и само «игровое поведение» становится все более сложным – опосредствованным, осознанным, произвольным, а иногда и утонченным.

В данной связи необходимо отметить также очевидную *противоположность* логики (и хронологии) *ситуационного* и *генетического* развертывания игровой деятельности. Так, в ситуационном (а следовательно, – и в функциональном) плане, то есть в плане конкретной реализации в каждом отдельном случае, ее развертывание осуществляется, естественно, по направлению к исполнительской части деятельности. Сама же эта часть является именно «последней» в плане общей реализации деятельностного цикла – *завершающей* его. Однако в генетическом плане все обстоит противоположным образом: исполнительская часть деятельности и ее отдельные «составляющие» (действия) являются *исходными* и базовыми. На их основе складывается – формируется и развивается вся ее психологическая архитектура.

Отсюда следует, далее, что по отношению к психологическому анализу игровой деятельности не вполне корректен прямой перенос тех представлений, которые сложились в самой системогенетической концепции относительно общей архитектуры деятельности. Они, как уже неоднократно отмечалось выше, зафиксированы в базовом конструкте данной концепции – в понятии ПСД. Дело в том, что для игровой деятельности такой системы может еще попросту не существовать, а вся «архитектура» этой деятельности может *сводиться* к тому, что и обозначается как исполнительская часть деятельности. И лишь затем – повторяем, по мере развития игровой деятельности архитектура ее психического обеспечения во все большей мере *приближается* к такому ее виду, который и зафиксирован в понятии психологической системы деятельности. Собственно говоря, именно это «последовательное приближение» и составляет внутреннее содержание системогенеза игровой деятельности.

В данной связи с необходимостью формулируется вывод, аналогичный тому уже сделанному выше – при рассмотрении практически всех иных «составляющих» игровой деятельности

и состоящий в следующем. Суть и специфика ее генезиса состоит не столько в том, что это системогенез в *прямом* и непосредственном смысле (то есть генезис *системы*), сколько в том, что это генезис *системности*. Его содержанием является не становление и развитие, не формирование и совершенствование какой-либо *определенной* именно инвариантной по составу, содержанию и структуре системы. Его *действительным* содержанием и вообще – основным смыслом и так сказать «миссией и предназначением» развертывающихся при этом генетических трансформаций является формирование самой системности как общего *принципа* и как наиболее универсальной *формы* организации психической регуляции всех последующих типов деятельности, а также их основных психологических «составляющих».

Далее, не менее принципиальным является, на наш взгляд, и еще одно обстоятельство, состоящее в следующем. Выше было показано, что прямым и непосредственным «генетически корнем» игровой деятельности, ее комплексной функциональной детерминантой является ее исполнительская часть. Однако, если теперь учесть, что и сама игровая деятельность также является «генетическим корнем», но уже для всех *последующих* видов и типов, классов и форм деятельности, то необходимо заключить следующее. Исполнительская часть именно игровой деятельности является одновременно и той «протоформой» – той исходной структурой, на основе которой и «для которой» формируются все иные – усложняющиеся по ходу онтогенеза типы деятельности. Именно на этой основе происходит «первоначальное складывание» той общей и инвариантной структуры, которая станет в дальнейшем универсальным регулятором *всех* типов и форм деятельностной активности. В этом плане мы вновь, но уже на более высоком уровне обобщенности, приходим к выводу, который в более частном виде уже был сделан выше. В *ситуационном* аспекте – в плане актуального развертывания исполнительская часть деятельности является *завершающим* и «венчающим» любой деятельностный цикл фрагментом. Однако в *генетическом* аспекте именно исполнительская часть является, напротив, первичным и исходным, то есть инициационным фрагментом

формирования деятельности – вначале игровой, а затем и «на основе нее» всех иных основных типов.

Продолжая анализ исполнительской части игровой деятельности, необходимо обратиться к еще одной – также принципиальной и определяющей ее характеристике. Она, с одной стороны, является *общей* для всех основных типов деятельности, а с другой, обретает в игровой деятельности очевидную *специфичность* и заключается в следующем. Как известно, и в психологии в целом, и в психологической теории деятельности, в частности, существует понятие *основных свойств* деятельности (ее базовых атрибутов). К ним обычно относят такие свойства деятельности, как произвольность, активность, предметность, осознаваемость, адаптивность и др. Вместе с тем, среди них, как правило, «не находится места» еще одному – поистине «бесценному» и для деятельности, и для деятеля свойству (точнее – атрибуту). Более того, именно он во многом и является *определяющим* для возникновения самого вида homo sapiens; он лежит в основе классического определения данного вида, является одним из главных его дифференцирующих признаков от всех иных живых существ. Общеизвестно, что в качестве такого признака выступает присущая лишь человеку способность к *изготовлению орудий «труда»* (мы ставим это слово в кавычки, поскольку употребление здесь данного термина по понятным причинам носит условный и нестрогий характер). В дальнейшем – в ходе антропо- и социогенеза на базе этой способности, которая, в свою очередь, претерпевает многочисленные и очень глубокие качественные трансформации, собственно говоря, и возникает один из базовых компонентов любой деятельности – то, что обозначается как *средства* труда. Это означает, что еще одним базовым атрибутом трудовой деятельности является ее *орудийность* – *инструментальность*. Причем, именно он является не только и не просто «одним из» такого рода атрибутов, но и во многом *определяющим* и уж во всяком случае – генетически исходным.

Вместе с тем, данному атрибуту уделяется совсем не то внимание, которое он объективно заслуживает. Нередко он вообще не учитывается при психологическом изучении деятельности

ни в методологическом, ни в теоретическом, ни в любом ином плане. Кроме того, он не входит в содержание большинства существующих определений самого *понятия деятельности*. И наоборот, осознание объективной важности данного атрибута ставит целый ряд фундаментальных по своей значимости вопросов, которые, разумеется, выходят далеко за пределы данной работы⁴⁶. Однако среди этих вопросов есть и такой, который имеет самое непосредственное отношение к раскрытию природы детской игры в целом и той ее «составляющей», которая обозначается понятием «исполнительской части», в особенности. Дело в том, что в этом типе деятельности существует *прямой аналог* того, что в трудовой деятельности выступает в качестве средств, орудий ее осуществления. Причем, – это не просто их «аналог», но по существу, *прототип* и своего рода «предшественник». Речь, разумеется, идет об *игрушках*, точнее – о «феномене игрушки» в его полном объеме и истинном значении [31, 79, 80, 184, 212, 213, 236, 242]. И хотя, безусловно, данный феномен является предметом изучения в ряде работ, он в целом и его роль в генезисе игры и личности, в особенности, пока раскрыты еще явно недостаточно. Кроме того, обращаясь к нему, мы вполне отдаем отчет и в том, что данный вопрос является крайне многоплановым и сложным; он требует самостоятельного и скрупулезного анализа. В силу этого, ни в коем случае не претендуя на его сколько-нибудь полное раскрытие, обратим внимание лишь на некоторые – наиболее существенные с точки зрения рассматриваемых здесь вопросов его особенности.

Во-первых, лишь через учет данного феномена и лишь на его основе *общая* структура игровой деятельности эксплицирует свое подобие и даже известную инвариантность по отношению ко всем остальным типам деятельности. Она обретает тот классический вид, который отражен в известной «формуле»

---

⁴⁶ В частности, в данной связи возникает прямая аналогия (являющаяся, однако, большим, чем просто аналогия) данного атрибута деятельности с общей – также инструментальной природой психики, с инструментальностью как таковой.

деятельности («субъект – средства – объект»). Правда, средний член данной «формулы» в игровой деятельности весьма специфичен – им являются не «средства труда», а игрушка как «средство игры». Вместе с тем, крайне важно то, что уже на стадии игровой деятельности складывается та принципиальная и наиболее общая архитектоника – структура деятельности, которая зафиксирована в указанной «формуле» и которая будет, развиваясь и совершенствуясь, воссоздаваться далее и во всех иных ее типах.

Во-вторых, – опять-таки в наиболее общем плане по отношению к игровой деятельности игрушка выполняет принципиально ту же самую *функцию*, которую реализуют орудия труда в собственно профессиональной деятельности. Известно, что наиболее важная функция всех «орудий труда» – это *усиление* возможностей субъекта в плане преобразования действительности, в плане воздействия на нее с целью получения требуемого результата (продукта труда). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и игрушка выполняет, по существу, ту же основную функцию. При этом, правда, следует исходить из психологической природы самой игровой деятельности – из ее глубокой специфичности и основного «предназначения». Им является, как известно, то, что игровая деятельность, в конечном счете, направлена на *освоение* общественного опыта и социально выработанных знаний, на социализацию личности и формирование психики в целом. Иными словами, ее результат – это не подчеркнуто *внешний* и так сказать «вещно оформленный» продукт (*объективный*), а *внутреннее* преобразование самого *субъекта*, развитие его психологических характеристик и содержания субъективного опыта. В связи с этим, становится совершенно очевидным и понятным, даже – естественным, что игрушка как раз и выступает «помощником» в реализации этой функции. Она раскрывается, прежде всего, в функции «орудия» – средства освоения общественного опыта, знаний, социализации личности и формирования психики в целом. Она именно *увеличивает и усиливает* возможности по «присвоению» общественно выработанного опыта и представленной в социуме системы знаний.

В-третьих, еще одной важной закономерностью «феномена игрушки» является, что он в значительной степени «разделяет судьбу» игры как таковой; поясним сказанное. Ранее мы уже отмечали, что одной из главных особенностей детских игр является их так сказать «имитационный» характер. Они воссоздают и повторяют в себе реальную, практическую деятельность и реальные жизненные ситуации. Отсюда следует, в частности, что «мир детских игр» историчен и динамичен; он развивается вслед за развитием самого социума, а также тех «общественных практик» и видов деятельности, которые порождаются этим развитием. Однако отсюда же с необходимостью следует, что сам «феномен игрушки» также обретает аналогичный характер – он динамичен, историчен и «имитационен» по своей природе. И лишь благодаря этому сам «феномен игрушки» оказывается действенным средством выполнения им основной – указанной выше функции на качественно разных этапах развития самого социума. Причем, если говорить о самом последнем времени и о наиболее специфических и актуальных для современности изменениях и качественных трансформациях данного феномена, то приходится констатировать, что «масштаб» этих трансформаций именно в настоящее время поистине беспрецедентен. В частности, возникли и получили широкое распространение совершенно новые типы «игрушек» – прежде всего, разумеется, компьютерные игры. Они, в свою очередь, являются «адекватным ответом» на возникновение новой реальности – виртуальной. Это реакция «мира игр» на возникновение новых сред и даже нового «измерения» социальной жизни – так называемого «е-измерения»⁴⁷.

В-четвертых, именно в «феномене игрушки» с наибольшей полнотой и очевидностью проявляется одна из наиболее общих и принципиальных особенностей всего генезиса игровой деятельности в целом – его принадлежность к *автосистемогенезу*.

---

⁴⁷ Как известно, это понятие символизирует важнейшую роль в современном обществе таких информационных средств и образований, как, например, *e-mail*, *e-library* и т. п.

Действительно, трудно спорить с тем, что очень часто «самое интересное» и привлекательное для ребенка в игре – это именно игрушка. «Орудование» с ней, даже – «возня», да и просто – само *обладание* ей выступает мощнейшим фактором «удовольствия и удовлетворения», источником сильнейших позитивных эмоций, а в ряде случаев – и гордости (а потому – также эмоционально позитивного «заряда»). И наоборот, «не обладание» игрушкой очень часто выступает для ребенка «маленькой трагедией», что очень хорошо знакомо практически всем родителям. В связи с этим, совершенно очевидно, что, пожалуй, ничто другое не обладает столь сильным «самоподкрепляющим» и «самостимулирующим» фактором игровой деятельности, как игрушка. Если есть «любимая игрушка», то играть хочется все больше и больше – до тех пор, пока не появится новая, но тоже «любимая» игрушка. Тем самым, однако, отсюда со всей очевидностью вытекает вывод, согласно которому игрушка является не только и не просто «орудием труда» ребенка, то есть «инструментальным средством» игровой деятельности, но и мощнейшим фактором, обуславливающим *автосистемогенетическую* природу развития самой этой деятельности. Причем, выражено это настолько явно, что зачастую возникает проблема, связанная с тем, чтобы заставить ребенка *прекратить* игру. Наиболее распространенным, хотя, быть может, и не самым лучшим средством сделать это является, как известно, просто лишение ребенка игрушки. Причем, данная функция – функция «самоподкрепления» и «самостимуляции» может иметь существенно разные «последствия», в том числе и в зависимости от характера самих «игрушек». Так, разумеется, в подавляющем большинстве случаев и по отношению к большинству их типов и видов она имеет подчеркнуто позитивный характер. Однако в ряде случаев она может обретать такие формы и такую степень выраженности, которая является уже крайне нежелательной, вредной и ведет к патологическим последствиям. Речь при этом идет, прежде всего, о различных проявлениях «компьютерной игромании». Здесь «автофункция» игры подчеркнуто гипертрофируется и, повторяем, нередко приводит к патологическим последствиям.

В-пятых, другой особенностью «феномена игрушки» является то, что он, фактически, очень полно и непосредственно «воплощает» в себе одну из основных и наиболее специфических психологических черт детской игры в целом. Она является поэтому *общей* для него и для игры как таковой и состоит в следующем. Как было показано выше, важной и, по существу, атрибутивной особенностью детской игры является включение в нее разнообразных средств, направленных на повышение степени ее *реализуемости*. Как правило, это достигается за счет ее упрощения. Вместе с тем, трудно не видеть того, что и сам «феномен игрушки» обладает принципиально тем же – важнейшим свойством: в качестве игрушек может, как известно, выступать практически *все, что угодно*. Более того, существует и известный «феномен замещения» игрушек, состоящий в том, что «заместителями» реальных игрушек также могут выступать самые *разные сущности* [213]. Вместе с тем, разумеется, в любом случае игрушки должны сохранять подобие, а еще лучше – *инвариантность* их использования с теми функциями, которые выполняет *символизируемый* ей реальный предмет в действительности. Лишь при этом условии игрушка может эффективно реализовывать роль «орудия» освоения общественного опыта, социальных знаний, социализации личности в целом. Кроме того, необходимо учитывать, что игрушки «изобретаются» и включаются ребенком в игру, как правило, очень *легко*, что также является *одним* из проявлений указанного выше общего атрибута игры как таковой. Причем, такое «изобретение» (или использование «заместителя» игрушки) уже само по себе переживается как эмоционально позитивное. Тем самым оно также выполняет мотивационные функции по отношению к процессу игры.

В-шестых, очень важным является еще один аспект общего «феномена игрушки», непосредственно связанный с предыдущим. Как только что было отмечено, в ходе игры ребенок может либо *использовать* те или иные игрушки, либо сам их *изготавливать*, а часто – придумывать. И в этом обнаруживается еще более глубинное подобие роли и функций орудий труда (в *филогенезе* вида *homo sapiens*) и «феномена игрушки», но уже

в онтогенезе личности. Оно заключается в том, что *главным* отличительным признаком человека является не способность к *использованию* тех или иных средств труда, а способность именно к их *изготовлению*. Однако то же самое можно констатировать и по отношению к игровой деятельности: ребенок может не только использовать те или иные игрушки, но и сам их *изготавливать*». Более того (и это также очень хорошо знакомо любому человеку, в том числе, и исследователю из его *собственного* прошлого «игрового опыта»), ребенок – даже на достаточно ранних стадиях онтогенетического развития может, хотя, конечно, и в элементарном виде, конструировать саму *среду* игры – игровые ситуации. Это – известные «ситуации понарошку». Здесь в функции игрушки, то есть, по существу, в функции организатора игры выступает не только некоторая «вещь», но и общая ситуация – ситуация игры. Она, как правило, является искусственно созданной – вымышленной, но именно тем и интересной, привлекательной а следовательно, – побуждающей играть. Очевидно также, что создание таких вымышленных ситуаций *самим* ребенком выступает мощным мотивационным фактором для реализации игры. Итак, анализ «феномена игрушки» и в этом аспекте вновь приводит к необходимости вывода, который уже был сделан выше. Данный феномен также – причем, в очень существенной степени и в самом непосредственном виде обуславливает собой обретение генезисом игры особого и очень специфического характера – характера *автосистемогенеза*. Игра – через игрушку и ее «мотивационный заряд», а также через создание ситуаций игры – и «самостимулирует», и «самодетерминирует» себя.

В-седьмых, еще одной – также очень важной и в принципе достаточно хорошо известной эмпирически и осмысленной теоретически является следующая особенность детской игры, также обусловленная инструментальной функцией «феномена игрушки». Сами игрушки, как известно, могут либо в большей, либо в меньшей степени воспроизводить – имитировать реальность. Диапазон этих различий очень велик – от практически полного подобия до весьма отдаленного и приблизительного сходства, носящего, скорее, условный и *символический* характер. Именно

последний случай, однако, и представляется наиболее значимым; он характеризуется наиболее существенными «психологическими последствиями». Дело в том (и это, вероятно, представляется достаточно очевидным и не требует особого обоснования), что именно *на основе этого* складывается сам феномен *символизации* как таковой. Возникает и развивается способность к оперированию *символами*, а на этой основе – конституируется символическая природа отражения и понимания мира в целом. В еще более общем плане это же во многом лежит и в основе одной из наиболее фундаментальных средств организации психики – ее атрибутивно *знаковой* природы и одной из ее основных функций – функции *означивания*. Формируется знаковая природа психики как таковая, а на этой основе – и способность оперировать со знаниями⁴⁸. Кроме того, на основе этого и, по-видимому, *за счет этого* складывается и формируется еще более важная сторона психики и ее высшего уровня – сознания, связанная с формированием «феномена опосредствования» в целом и *знакового опосредствования*, в особенности. В результате этого становится возможными уже не только материальные формы взаимодействия «человека с миром», но и собственно *информационное* взаимодействие с ним.

Итак, резюмируя вышеизложенное относительно специфики содержания и особенностей генезиса исполнительской части игровой деятельности, можно констатировать, что и в плане этой «составляющей» деятельности находит свое очень полное

---

⁴⁸ В данной связи обратим внимание на то – вполне очевидное, но обычно не анализирующее обстоятельство, согласно которому понятия «знаний» и «знака» имеют прямое и очень полное родство – причем, разумеется, не только семантическое, но даже *этимологическое*; более того, они являются просто однокоренными. Причем, интересно и то, что само слово «знания» происходит от древнерусского слова «знать», что в нем являлось просто иным способом произношения и написания слова «найти» [55]. «Знайти», следовательно, – это то же самое, что и «найти»; «знайти» и «узнать» – это, фактически, одно и то же. Знания, таким образом, это нечто «найденное» – сначала открытое, а затем и приобретенное. Однако, аналогичная ситуация должна быть констатирована и по отношению к «знаку». Это – средство фиксации «найденного» («найденного»); *означить* – это распознать нечто как *знание*.

и демонстративное проявление базовая характеристика генезиса всей данной деятельности – ее принадлежность к *автосистемогенезу*. Кроме того, так сказать «сквозь призму» этой – базовой особенности эксплицируется и целый ряд новых особенностей как самой игровой деятельности, так и ее генезиса.

1.3.8. Специфика генезиса контрольно-коррекционных процессов в игровой деятельности

Завершая реализацию структурного плана исследования игровой деятельности и ее генезиса, необходимо обратиться к рассмотрению еще одной, также очень значимой ее психологической «составляющей» – к тем регулятивным процессам, которые выполняют в ней контрольные и коррекционные функции. При этом представляется необходимым предварительно напомнить о следующем – важном теоретическом положении концепции системогенеза. Оно состоит в том, что *общее* содержание деятельности, зафиксированное в ее базовом теоретическом конструкте – в ПСД, складывается из двух «источников». Во-первых, оно имеет так сказать «внутриблочное» происхождение, то есть обусловлено тем содержанием, которое «локализовано» внутри каждого из ее функциональных блоков *в отдельности*. Во-вторых, очень значимое содержание локализуется и так сказать «между» блоками, то есть формируется как закономерное следствие тех *взаимодействий*, которые в реальности существуют между блоками⁴⁹.

Именно с этих позиций и необходимо рассмотреть ту – важную «составляющую» деятельности, в том числе, и игровой, которая синтезирует в себе всю совокупность контрольных и коррек-

---

⁴⁹ Как мы уже отмечали выше, одним из наиболее демонстративных и важных примеров этого – формирование важнейшей психологической «составляющей» деятельности (причем, любого типа) – *личностного смысла*. Он, как известно, является именно функцией от *соотношения* мотивации и цели деятельности.

ционных процессов⁵⁰. Эта «составляющая» настолько выражена и значима, что в ряде случаев она вообще эксплицируется как отдельный функциональный блок (контрольно-коррекционный). Вместе с тем, ее, на наш взгляд, все же более правильно трактовать не в таком качестве, а как *производную от взаимодействия* двух иных – уже являющихся, безусловно, самостоятельными функциональных блоков. Действительно, та специфическая группа процессов, которые реализуют комплекс однородных функций – *сличения, контроля и коррекции*, являются производными от взаимодействия двух основных функциональных блоков деятельности – ее исполнительской части и целеобразования⁵¹. Все эти процессы локализуются именно «между ними»; являются продуктами их многообразных связей и вообще – обретают смысл и содержание именно как производные от них. Фундаментальная значимость этих процессов определяется не только тем, что они абсолютно необходимы для любой деятельности. Дело еще и в том, что благодаря им, в психологической архитектонике деятельности находит свое воплощение один из *главных* принципов системной формы организации как таковой – принцип *обратной связи* [9, 23, 136, 157]. Более того, лишь благодаря этому, психологическая архитектоника деятельности обретает тот «кольцеобразный» характер, который атрибутивно присущ любой сложноорганизованной, высокоадаптивной системе в целом и который лежит в основе, фактически, любого поведенческого и деятельностного акта. Наконец, благодаря этому, деятельность обретает, наряду со свойством целенаправленности, еще и свойство *целедостигаемости*, что, в свою очередь, обеспечивается новым – дополнительным и также очень важным принципом ее организации – принципом *итеративности*. Вместе с тем

---

⁵⁰ Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что именно она обладает в игровой деятельности, пожалуй, наибольшей спецификой.

⁵¹ При этом следует напомнить, что одной из важнейших особенностей целеобразования является формирование представления о параметрах будущего («требуемого») результата. Она заключается в создании «модели потребного будущего» (по Н. А. Бернштейну), являющейся «носителем» тех эталонов, с которыми производится сличение полученных результатов [22].

он сам непосредственно базируется на еще более общем принципе обратной связи и, соответственно, обратносвязевой регуляции. Все это – неоспоримая реальность; однако, эта реальность характеризует, прежде всего, именно *сформированную*, уже развитую и совершенную деятельность.

Однако, на тех онтогенетических фазах развития, когда об этом еще нельзя говорить, то есть когда деятельность еще только *формируется*, когда еще только складывается «аппарат и архитектоника» ее психической регуляции, ситуация выглядит существенно иначе, а ее суть заключается в следующем. Так, при анализе формирования процесса целеобразования в ходе развития игровой деятельности мы уже отмечали, что важнейшей и специфичнейшей особенностью данного процесса на этапе доминирования данной деятельности является его аморфность и нестрогость целей, «необязательность» их достижения, легкая изменяемость (лабильность), а зачастую – и просто ее *отсутствие* в сколько-нибудь явном виде. Причем, данные особенности недопустимо оценивать лишь с негативных позиций – как свидетельства «несовершенства» и «недостатков» игровой деятельности. В действительности все обстоит наоборот. Тем не менее, видимая и очевидная, на первый взгляд, «бесцельность» детской игры – особенно на ранних этапах онтогенеза, на самом деле, обладает глубоким смыслом и очень целесообразна. Дело в том, что лишь при наличии этих свойств (при «нескованности» игровой активности ребенка рамками жестких целей) отдельные «составляющие» психической регуляции обладают большей *функциональной автономией* и, соответственно, развиваются, формируются и совершенствуются в более благоприятном режиме. И наоборот, наличие «жестких» целей обуславливает перевод всех «составляющих» психической регуляции в режим *содействия* в плане ее достижения, а тем самым приводит к редукации многих их «степеней свободы», присущих им потенциально. Это, в свою очередь приводит к блокаде многих – возможных их функциональных проявлений и потенциалов. Поэтому «бесцельность» большого числа детских игр, в действительности, очень целесообразна.

Вместе с тем, если это так – если детские игры обладают тем характером, который указан выше, то объективно складывается следующая ситуация. Совокупность *контрольных эталонов* – критериев, по которым может быть оценена степень достижения (или не достижения) целей за счет совокупности средств, входящих в исполнительскую часть деятельности, также является либо очень нечеткой, либо ее вообще нет в явном виде. Однако, совершенно понятно, что в таком случае очень затруднительно говорить о сколько-нибудь развернутых и представленных процессах контроля и коррекции. В еще более общем плане это же означает, что в данном случае не вполне возможен и сам – базовый и фундаментальный принцип обратносвязевой регуляции; весьма затруднителен замкнутый – «кольцеобразный» характер организации поведенческих и деятельностных циклов. Основополагающий характер данного обстоятельства связан еще и с тем, что указанный принцип является общим и атрибутивно необходимым для системной формы организации как таковой в целом и для организации ПСД, в частности. Однако если их *еще нет*, то и о системной форме организации также говорить также весьма затруднительно.

Таким образом, можно видеть, что и в данном пункте анализ с необходимостью вновь приводит к выводу, который уже не раз был сделан выше при рассмотрении многих иных психологических «составляющих» игровой деятельности и носит поэтому *общий* характер. Специфика игровой деятельности и в плане контрольно-коррекционных процессов состоит в том, что в ходе ее развития формируется не какая-либо *система* этой деятельности, а пока еще только складывается сама *системность* как та организационная форма и тот механизм, которые впоследствии станут основой для формирования «истинных» систем – и учебной, и трудовой деятельности. Констатируя это, обратим внимание и на еще одну – связанную с отмеченной выше и также общую особенность генезиса игровой деятельности. Отсутствие у игровой деятельности системности организации в ее развитом виде выступает в двояком проявлении. С одной стороны, эта ее – ярчайшая особенность обуславливает существование

многих иных – в том числе, эмпирически и феноменологически представленных особенностей. Однако, с другой стороны, *последовательное устранение* именно данной особенности – это и есть один из главных «векторов», одно из магистральных направлений ее развития. Тем самым, однако, вновь эксплицируется очень общая особенность детской игры и ее генезиса. Она состоит в том, что практически все ее базовые психологические атрибуты характеризуются принципиальной двойственностью. Они, во-первых, являются ее специфическими особенностями, выступая одновременно «демаркационными признаками» – критериями ее дифференциации от иных основных типов деятельности. Однако, во-вторых, их последовательное редуцирование является и главным направлением развертывания генезиса этого типа деятельности⁵².

1.3.9. Общие особенности генезиса игровой деятельности

В заключение анализа особенностей и закономерностей генезиса основных структурных «составляющих» игровой деятельности представляется необходимым остановиться на еще одном аспекте данной проблемы. Он непосредственно связан с констатированной в завершении предыдущего раздела особенностью генезиса этой деятельности, имеющей очень общий характер. Так, выше мы уже неоднократно отмечали (и иллюстрировали это конкретными материалами) следующее – основополагающее для системогенетической концепции положение. *Общее* содержание деятельности локализуется не только «внутри» функциональных блоков психологической системы деятельности, но и «между» ними – во взаимодействии блоков, выступая его закономерным продуктом. Соответственно, диф-

---

⁵² Данная закономерность, в силу ее высокой значимости как для экспликации качественной определенности «феномена детской игры» в целом, так и для раскрытия особенностей его генезиса, в частности, станет предметом специального – более углубленного анализа в главе 2 четвертого тома.

ференцируются два основных направления развертывания самого системогенеза – формирование функциональных блоков и формирование связей между ними, то есть развитие собственно структуры деятельности. Вместе с тем, на основе проведенного анализа эти два направления не только могут, но и, на наш взгляд, обязательно должны быть дополнены еще одним. Дело в том, что «параллельно» им и, более того, – на их основе развертывается важнейший процесс *становления атрибутов системной формы* организации как таковой. Действительно, как можно было видеть из проведенного выше анализа, в ходе генезиса игровой деятельности имеют место, как минимум, следующие важнейшие процессы, эксплицирующие именно возникновение – становление, а затем и на основе этого – развитие данной формы.

Во-первых, формирование и развитие процесса целеобразования является, по существу, психологическим эквивалентом не просто «важного», но и вообще – *главного* принципа системной формы организации. Согласно ему, любая система формируется как «ответ» на наличие какой-либо цели, а последняя вступает в качестве системообразующего фактора по отношению к ней. На основе этого развертывается и главной принцип системной формы организации – принцип *целевой детерминации*.

Во-вторых, последовательное усложнение исполнительской части деятельности и, в особенности, дополнение линейной структуры организации действиями элементами их *иерархической* организации является «индикатором и предиктором» того, что происходит складывание и развитие еще одного базового атрибута данной формы – принципа *иерархичности, структурно-уровневой* организации.

В-третьих, воплощенность в игровой деятельности – пусть еще и в относительно элементарном виде – принципов обратной связи, регуляции, итеративности и «кольцеобразности» является непосредственной реализацией совокупности базовых и основополагающих механизмов системной формы организации, также базирующегося на «феномене обратной связи», –

механизмов *саморегуляции*⁵³. Все это вновь заставляет сделать вывод, являющийся, в действительности, одним из наиболее общих при анализе детской игры и ее генезиса. Формирование и развитие данного типа деятельности – это не только системогенез в его «классическом» понимании, то есть не формирование какой-либо унитарной и инвариантной – так сказать уже «предзаданной» *системы*. Это еще и формирование самой *системности* как комплексного средства и как формы организации, которая в дальнейшем обеспечит полноценное формирование «истинных» систем – психологических систем учебной и трудовой деятельности.

Далее, обобщая всю совокупность представленных в 1.3.1. – 1.3.8. материалов, можно заключить, что одной из важнейших и очень специфических особенностей системогенеза именно игровой деятельности, обусловленной ее психологическим своеобразием, является закономерная трансформация *содержания* всех основных функциональных блоков (точнее – ее «протоблоков») системы деятельности. По отношению к ним формируется такое содержание, которое, во-первых, способствует повышению *реализуемости*, осуществимости деятельности в целом – в основном, за счет ее объективного упрощения и субъективного облегчения. Во-вторых, это такое содержание, которое усиливает субъективную привлекательность, эмоционально-мотивационную окраску деятельности и поэтому *самодетерминирует*, самостимулирует ее выполнение. Игровая деятельность в целом и ее функциональные «протоблоки», в частности, формируются таким образом, чтобы выполнять по отношению к себе самим самостимулирующую, *самодетерминирующую* роль. Деятельность и ее компоненты формируются и развиваются в рамках ее игрового типа не для «внешнего использования», а для своей

---

⁵³ В основе механизмов саморегуляции, в свою очередь, лежит, по-видимому, еще более глубокий механизм. Это – способность системы делать саму же себя объектом своих собственных регулирующих и организующих воздействий, что, в свою очередь, предполагает наличие некоторого аналога своеобразной «сензитивности» системы к своему же собственному содержанию, к оценке его состояния, а также возможность его изменения.

собственной реализации. Формирование деятельности включает тем самым мощный механизм *саморазвития* – прежде всего, через селекцию такого содержания каждого функционального «протоблока», которое повышает степень ее реализуемости, с одной стороны, и привлекательности, с другой.

Все рассмотренные особенности объективно сопряжены с еще одной основной психологической особенностью игровой деятельности, которая также определяющим образом влияет на специфику ее системогенеза. Она, как отмечалось выше, заключается в глубоком своеобразии *результативной* стороны этой деятельности. У нее, как правило, отсутствует результат, предназначенный для «внешнего использования», а зачастую и для использования, для его реализации вообще. Помимо всех иных аспектов такой природы ее результативной стороны, подробно описанной в психологической литературе, она имеет, на наш взгляд, еще один важный смысловой оттенок. Дело в том, что минимизация значимости *результата*, необязательность его получения и тем более – использования имеет своим объективным следствием и своей «оборотной стороной» максимизацию *процессуальной* стороны деятельности. Несколько заостряя ситуацию, можно сказать так: целью игровой деятельности является не получение результата, а самоподдержание ее процесса. Это, впрочем, – известная ситуация, описываемая выражениями типа «деятельность (игровая) выполняется ради нее самой». Однако если попытаться заглянуть за «феноменологический фасад» этой ситуации, то обнаруживается, что в ее основе опять-таки лежит механизм самодетерминации, самости-муляции игровой деятельности. Через него она детерминирует, стимулирует и, в конечном счете, развивает сама себя. Ее целью выступает не достижение результата, а поддержание процесса собственного функционирования. Точнее было бы сказать, что именно это и является самым ее результатом (хотя, конечно, и не единственным). Но в таком случае возникает закономерный вопрос – зачем и для чего складывается такая ситуация? Ответ на него, однако, достаточно очевиден: для того, чтобы посредством приоритетного развертывания процессуальной стороны

складывались и формировались, развивались и эволюционировали все новые и все более совершенные и «мощные» собственно регулятивные схемы деятельности и операционные средства психики. Именно они и станут объективно необходимыми для последующих – более сложных типов деятельности (учебной и трудовой). Поэтому главным результатом игровой деятельности является формирование ее самой как объективного условия для генезиса *иных* типов деятельности. В соответствии с этим, содержание и смысл каждого ее функционального «протоблока» подчиняется принципам самодетерминации, самостимуляции и саморазвития, обеспечивающим такое формирование.

В силу этого, специфика системогенеза игровой деятельности заключается еще и в том, что это своего рода *авто-системогенез*, то есть «самоподдерживающийся» системогенез. Целью и смыслом системогенеза игровой деятельности (как своего рода протоформы по отношению к учебной и трудовой деятельности) является отнюдь не то, что он направлен на формирование какой-либо конкретной деятельности. Его «сверхцель» и общий смысл состоят в том, что он является *само*направленным, а в его структуре доминируют механизмы самодетерминации и самостимуляции. По-видимому, в этом проявляется и достаточно общая закономерность развития в целом, состоящая в следующем. Системы (по крайней мере – определенных типов), прежде чем окажутся в состоянии реализовать некоторые *внешне*-ориентированные – продуктивные функции, на ранних этапах своего генезиса имеют иную «сверхцель». В ее качестве выступает для «ранних фаз системогенеза» формирование *самих себя*, то есть достижение своего рода некоторого «*внутреннего* результата». Отсюда с необходимостью следует, что, фактически, *любой* системогенез в целом (именно как качественно специфический тип развития) на его ранних стадиях *должен* носить характер авто-системогенеза; это – одна из его *объективных* особенностей. Однако, именно это, как свидетельствуют все представленные выше материалы, и реализуется в игровой деятельности (точнее – *через* нее), составляя суть и специфику ее системогенеза. Можно сказать, по-видимому, и более катего-

рично: именно *поэтому* и именно *затем* игровая деятельность и *существует* как таковая. В этом – ее главное предназначение в общем генезисе типов и форм деятельностной активности личности, равно как и в генезисе самой личности и психики в целом; это – ее так сказать главная «миссия»⁵⁴.

Отметим также, что у механизмов самодетерминации и самостимуляции деятельности, обуславливающих ее формирование по типу авто-системогенеза, существуют очень общие и достаточно глубинные причины. Как известно, даже с сугубо физиологической точки зрения функционирование организма и любого его органа – активность как таковая обладает своего рода «положительной валентностью». Оно сопровождается позитивными эмоциями и потому – самоподдерживает себя. Именно это (естественно, – через ряд переходных уровней и генетических ступеней) проявляется и в самостимулирующем характере генезиса деятельности, в развитии игровой деятельности по типу авто-системогенеза.

* * *

Итак, выше была предпринята попытка раскрытия некоторых психологических особенностей и закономерностей развития игровой деятельности. При этом в качестве теоретико-методологической основы была реализована концепция системогенеза деятельности, примененная ранее к трудовой и учебной деятельности, но не востребованная пока психологией игровой

---

⁵⁴ В связи с этим, конечно, возникает и еще более общий, а в чем-то и не совсем «обычный и привычный» даже в плане его постановки вопрос. Действительно, за счет чего в ходе фило- и онтогенеза сформировалась такая разновидность деятельности, каковой и выступает игровая деятельность? Не достаточно ли было в целях аккумуляции социального опыта, в целях индивидуального развития, «научения и обучения» только учебной деятельности (в самых разных ее проявлениях и смыслах), которая, собственно говоря, не только прямо и непосредственно предназначена именно для этого, но и, фактически, его и составляет? В свете представленных выше материалов становится понятным, однако, почему это происходит – почему объективно невозможно «обходиться» без игры, «проскакивать» ее в ходе онтогенетического развития.

деятельности. Наиболее общий итог такого рассмотрения состоит в следующем. С одной стороны, установлено, что системогенез игровой деятельности характеризуется целым рядом особенностей и закономерностей, являющихся *общими* с генезисом иных основных типов деятельности. Однако, а с другой стороны, показано, что он обретает и явную *специфику*, обусловленную глубоким психологическим своеобразием самой игровой деятельности. Главными чертами этой специфики является то, что системогенез игровой деятельности характеризуется так сказать «триадой атрибутов»: он разветвляется как *прото-*, *мета-* и *авто-*системогенез. Указанные атрибутивные характеристики ее системогенеза и определяют его общее содержание. Взятые именно в своей совокупности, они в достаточно полной степени характеризуют специфику генезиса игровой деятельности.

Кроме того, на основе представленных материалов можно сделать еще два заключения итогового характера. Во-первых, как можно видеть, действительно, концепция системогенеза оказалась конструктивным теоретико-методологическим средством для раскрытия некоторых дополнительных особенностей и закономерностей генезиса игровой деятельности. Во-вторых, имеет место и «встречное движение». Включение в концептуальный состав системогенетического направления результатов исследования игровой деятельности позволило установить некоторые новые закономерности системогенетического плана, а тем самым содействовало развитию этого направления в целом.

Завершая анализ проблемы детской игры и ее генезиса в одном из важнейших гносеологических планов – структурном, подчеркнем следующее обстоятельство. Как можно видеть из представленных выше материалов, все они были рассмотрены в соответствии, прежде всего, с одним из двух основных подходов к психологическому анализу деятельности, обозначаемом как *структурно-морфологическая* парадигма. Она как раз и предполагает проведение этого анализа в аспекте основных психологических «составляющих» деятельности, то есть в плане ее так сказать «горизонтального среза».

Вместе с тем, наряду с ней, не только существует, но и является еще более традиционной, иная – *структурно-уровневая* парадигма психологического изучения деятельности. Она ставит «во главу угла» иерархическое, «вертикальное», то есть структурно-уровневое строение деятельности. Соответственно, первоочередное внимание в ней уделяется анализу основных уровней и их взаимодействий. В генетическом плане это означает, что формирование и развитие системы деятельности эксплицируется как становление и совершенствование ее *уровневой* структуры. Оно как раз и включает в себя, во-первых, становление основных *уровней* системы деятельности и, во-вторых, развитие так называемых *межуровневых* переходов, то есть средств и механизмов взаимодействия уровней. Кроме того, за «точку отсчета» в данной парадигме в целом и при анализе структурно-уровневой организации, в частности, берется совершенно определенная базовая «единица» деятельности. В ее качестве в подавляющем большинстве случаев, как известно, рассматривается *действие*. Очень показательно в данной связи и то, что логика уже осуществленного анализа с позиций структурно-морфологической парадигмы *привела* в качестве одного из своих итогов также к данной «единице». Действительно, *заключительная* «составляющая» игровой деятельности, подвергнутая анализу, – исполнительская часть деятельности как раз и имеет в качестве своих компонентов именно «отдельные *действия*».

Тем самым, можно видеть, что и логика проводимого здесь анализа, и методологические императивы изучения деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, приводят к необходимости дополнения структурно-морфологического анализа структурно-уровневым. Кроме того, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Дело не только в том, что возникает необходимость указанного *перехода*, а еще и в том, что *именно поэтому* возникает и необходимость *синтеза* указанных парадигм. Одновременно еще более существенным является и то, что такой синтез создает необходимые и достаточные предпосылки для перехода к реализации следующего основного

гносеологического плана изучения детской игры и ее генезиса – *функционального*. К нему мы и перейдем в следующей главе данного тома.

Наконец, конкретизируя сформулированное выше заключение, необходимо особо подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Оно, с одной стороны, также носит итоговый характер по отношению к представленным выше материалам, а с другой, – указывает на «ближайшие перспективы» его продолжения и углубления, в том числе и в собственно функциональном плане. Оно состоит в том, что реализованные основные гносеологические планы (метасистемный и структурный) вскрывают, наряду с иными аспектами генезиса игровой деятельности, еще две его *наиболее общие* особенности. Генезис игровой деятельности, и соответственно, – ее психической регуляции, это, во-первых, *метасистемогенез*, а во-вторых, *автосистемогенез*. Однако это же означает, что в общей структуре генезиса игровой деятельности оказываются представленными два *базовых механизма* генезиса деятельности в целом. Первый – это так сказать механизм «сверху-вниз», заключающийся в том, что формирование и развитие игровой деятельности осуществляется посредством «встраивания» в нее принципов и механизмов, содержания и закономерностей той метасистемы, в которую она объективно – онтологически включена, то есть в метасистему совместной деятельности ребенка и взрослого. В результате этого формируется один из основных *структурных уровней* организации деятельности – метадеятельностный (данный процесс был подробно рассмотрен в параграфе 2.3.2. второго тома). Второй – это своего рода противоположный механизм – механизм «снизу-вверх», обусловленный «автосистемогенетическим» характером формирования и развития игровой деятельности. Действительно, истинная суть и глубинное предназначение того, что этот генезис носит характер «самостимулирующего» и «самоподдерживающего» (то есть характер именно автосистемогенеза) состоит в том, что игра, игровая деятельность имеет устойчивую и выраженную тенденцию *итеративности* – повторению «вновь и вновь», тенденцию субъекта к «самотренингу».

Однако именно это и создает наиболее благоприятные возможности для действия общепсихологического механизма *автоматизации*, суть которого заключается в переносе психической регуляции тех или иных компонентов деятельности (прежде всего, разумеется, действий) на неосознаваемый уровень. В результате этого формируется еще один важнейший *структурный уровень* общей – иерархической организации деятельности, который традиционно рассматривается как низший, базовый, – уровень *операций*. Тем самым, можно видеть, что две *основные* особенности генезиса игровой деятельности непосредственно эксплицируют два – также *основных* механизма формирования собственно уровневой структуры деятельности (механизмы «сверху-вниз» и «снизу-вверх»). Таким образом, можно видеть, что собственная логика развертывания структурно-морфологической парадигмы, действительно, привела к необходимости обращения к иной, дополняющей ее парадигме – структурно-уровневой. Более того, она не просто «привела» к ней, но в достаточно существенной степени содействовала ее развитию.

Глава 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ГЕНЕЗИСА

2.1. Постановка проблемы исследования

2.1.1. Общая характеристика функционального плана исследования

В главе 2 второго тома и в предыдущей главе этого тома по отношению к исследованию игровой деятельности и ее генезиса были реализованы два из пяти основных гносеологических планов исследования, предписываемых комплексной стратегией, принятой в данной работе, – метасистемный и структурный. Полученные в итоге их реализации результаты создают необходимые условия для перехода к следующему базовому гносеологическому плану – *функциональному*. Он, являясь не только одним из основных, но и во многом – определяющим, характеризуется целым рядом особенностей, учет которых необходим для его корректной и, по возможности, наиболее конструктивной реализации. Все эти особенности характеризуются известным в методологии научного познания сочетанием «общего и специфического». Так, с одной стороны, они, действительно, носят *общий* – «предметно-неспецифический» характер, то есть являются атрибутивно присущими данному плану как таковому. Однако, с другой стороны, они, как правило, «окрашиваются» и в *специфические* тона, обусловленные качественным своеобразием того предмета, который подвергается функциональному рассмотрению в каждом конкретном случае. В силу этого, возникает необходимость в предварительной экспликации этих особенностей данного гносеологического плана⁵⁵.

---

⁵⁵ Детальный анализ этих особенностей, равно как и функционального плана исследования в целом, представлен, например, в наших работах [114, 118].

Так, прежде всего, он, локализуется непосредственно вслед за структурным этапом и в значительной мере базируется на его результатах. Если структурный план (этап) «алгоритма системного исследования» трактуется обычно как базовый и *определяющий*, поскольку он направлен на решение «критически значимого» для любой системы вопроса – вопроса о ее *субстанциональной* основе (о содержании, «материале», а также о механизмах ее структурирования и интеграции в целостность), то функциональный аспект имеет иную специфику. Она состоит в том, что именно он является не только максимально *общим*, но и предельно *многоплановым*, гетерогенным, а само понятие «функционирования» характеризуется выраженной полисемичностью. Функциональные закономерности фиксируют в своем общем и исходном значении, по существу, всю совокупность *диахронических* особенностей того или иного явления или процесса – объекта изучения. Все это создает, конечно, очень большие трудности и для его реализации, и для его методологической рефлексии. Вместе с тем, очевидная гетерогенность и многоплановость функционального изучения не должны заслонять собой того обстоятельства, что при его реализации существуют определенные – *основные* направления.

Во-первых, любой его частный «подаспект», так или иначе, связан с «бытием системы во *времени*» – с ее «временной разверткой», с ее *темпоральной* организацией. Он тем самым онтологически включает «ось времени» в организацию систем, а гносеологически – предписывает дать объяснение формам и модусам такого включения. Как будет показано далее, именно этот наиболее обобщенный – «временной срез» функциональной организации является очень важным для дифференциации систем «классического» типа и систем со «встроенным» метасистемным уровнем (к которым, как показано в параграфе 2.1.2. второго тома, в свою очередь, принадлежит деятельность в целом и игровая деятельность, в частности).

Во-вторых, функциональный план включает направление, связанное с выявлением и интерпретацией состава, содержания и специфики системы тех закономерностей, по которым функци-

онирует объект исследования, то есть его собственно *функциональных закономерностей*. Они и лежат в основе функциональной организации систем в целом. В свою очередь, их установление создает необходимые условия для решения еще одной задачи, также входящей в содержание данного плана исследования. Она состоит в раскрытии закономерностей, связанных с *процессуальной* организацией систем, то есть с их своего рода «временной структурой». При этом следует подчеркнуть, что именно данная задача наиболее важна и специфична по отношению к предметам психологического исследования. Действительно, в наиболее *общем* и определяющем смысле данный гносеологический план как раз и направлен на то, чтобы выявить и объяснить основные закономерности особой категории закономерностей – *закономерности функционального* типа. Вместе с тем, необходимо учитывать, что закономерности данного типа обретают по отношению к *психическим* образованиям свое более специфицированное и конкретизированное проявление: они представлены, прежде всего, как закономерности *процессуальной* организации этих образований.

В-третьих, данный гносеологический план исследования предполагает необходимость выявления тех *функций*, которые реализует предмет исследования в контексте какой-либо более общей целостности, являющейся по отношению к нему самому метасистемой. Вообще говоря, именно этот аспект исследования – изучение *функций*, реализуемых предметом исследования в отношении каких-либо иных сущностей, является и наиболее традиционным, и наиболее представленным по отношению к большинству объектов психологического исследования⁵⁶.

В-четвертых, на наш взгляд, не только можно, но и объективно необходимо дифференцировать еще один – также основной аспект общего функционального изучения. Он направлен

---

⁵⁶ Одной из наиболее показательных иллюстраций этого является, например, *психология сознания*, в рамках которой функциональный аспект ее разработки традиционно соотносится, прежде всего, именно с исследованием тех *функций*, которые реализует сознание в структуре психики, но не с тем, как именно оно само организовано в собственно функциональном плане (см. подробнее об этом ниже).

на выявление и интерпретацию тех «результативных эффектов», к которым приводит само функционирование – *функциональных новообразований*. В них «кристаллизуются» закономерности и содержательные особенности самого процесса функционирования; иногда для их обозначения используется понятие так называемых «функциональных органов» системы⁵⁷.

Понятно, что указанные – основные направления реализации общего функционального исследования тесно взаимосвязаны между собой; они в значительной степени «перекрываются» друг с другом и выделяются, прежде всего, в исследовательских целях. Поскольку эти направления являются основными, то именно они и будут взяты нами в качестве ориентиров для проводимого ниже анализа.

Наконец, следует обязательно учитывать, что именно функциональный план изучения в известном смысле является более сложным в гносеологическом отношении, нежели структурный план⁵⁸. Действительно, последний связан с решением базового и исходного, а в чем-то даже «архетипического» для любого познания (не только научного, но и житейского – «обыденного» познания) вопроса. Это – вопрос о том, *«из чего состоит и как устроен»* предмет исследования. Функциональный же план направлен на решение вопроса о том, как, по каким закономерностям и на основе каких *механизмов* он «работает» – функционирует. Понятно, однако, что решение именно этого вопроса является не только наиболее важным в плане раскрытия природы, фактически, любого предмета исследования, но и объективно наиболее *сложным* в гносеологическом плане. Таким образом, можно видеть, что функциональный план изучения синтезирует в себе две основополагающие гносеологические характеристики – ярко

---

⁵⁷ В этой связи нельзя, конечно, не вспомнить об известном положении, входящем в «золотой фонд» методологии системности. Согласно ему, система как «органическое целое» создает в процессе своего функционирования необходимые ей для обеспечения этого функционирования органы [152].

⁵⁸ При этом необходимо, конечно, подчеркнуть что эта «большая сложность» функционального плана по отношению к структурному является лишь относительной и прослеживается в лишь в определенных аспектах.

выраженную гетерогенность содержания и столь же явную сложность, что делает его реализацию также весьма трудной задачей.

Все эти – объективные и *общие* особенности реализации функционального плана изучения дополняются и «усугубляются» по отношению к проблеме *деятельности* рядом дополнительных особенностей. Они также являются достаточно общими и обусловлены своеобразием и высокой степенью сложности этой проблемы, а также сложившимися в процессе ее развития особенностями традиционного характера. Эти особенности выступают одновременно и источником главных трудностей ее дальнейшей разработки; основные из них заключаются, на наш взгляд, в следующем⁵⁹.

Во-первых, следует, конечно, иметь в виду, что функциональный план проблемы деятельности – и в историческом, и в содержательном аспекте разработан в относительно меньшей степени, нежели структурный. До сих пор сам термин «психологический анализ деятельности» во многом синонимичен именно ее *структурной* декомпозиции, а не *функциональной* дифференциации. Представления о последней, предполагающие определение общих и инвариантных «единиц» собственно *функционального* характера, то есть таких «единиц», которые имеют специфически функциональную природу, разработаны достаточно слабо. Данное обстоятельство, конечно, не может не накладывать ограничений на степень разработанности проблемы функциональной организации деятельности, а также на возможности и перспективы ее дальнейшего исследования в этом отношении. Причем, на наш взгляд, такого рода исследования должны осуществляться не только и не столько «в общем плане», сколько на основе того общеметодологического подхода, который был сформулирован и реализован по отношению к проблеме деятельности в данной работе – на основе метасистемного подхода. В свою очередь,

---

⁵⁹ Подчеркнем, что эти особенности будут эксплицированы по отношению к проблеме деятельности *в целом*; вместе с тем, именно потому, что они характеризуют ее в целом, то есть являются *общими*, их учет необходим и в каждом *конкретном* случае – в том числе, и по отношению к исследованию игровой деятельности.

это означает, что и сам этот подход должен быть подвергнут конкретизации по отношению к такому важному и во многом определяющему аспекту общей организации деятельности, каковым выступает ее собственно функциональный план.

Во-вторых, следует учитывать, что по отношению к функциональному плану разработки проблемы деятельности сложилась и еще одна – очень характерная, а одновременно и устойчивая и широко представленная традиция, состоящая в следующем. Как правило, основное внимание при его реализации уделяется не *общим* особенностям функциональной организации деятельности, а ее, хотя и важным, но все же относительно более *частным* особенностям и закономерностям. Так, достаточно подробно и детально исследованы основные «составляющие» ПСД – ее *функциональные* блоки (их содержание и состав, структурная организация и функциональные закономерности). Наряду с этим, аналогичному, то есть также детализированному изучению подвергнуты и такие специфически деятельностные – хотя также очень важные, но все же относительно частные образования, которые формируются в ней и являются *функциональными* средствами ее реализации. Это, прежде всего, оперативные образы (Д. А. Ошанин) [179], «функциональные стереотипии» (Д. Куль) [321], «ситуационные заготовки», «функциональные обобщения» (см. обзор этих исследований в [101]) и др. Очень характерными являются и исследования, направленные на раскрытие и интерпретацию отдельных *функциональных связей* между теми или иными частными (локальными, парциальными) компонентами деятельности. Широко представлены также исследования, направленные на установление и *функциональных зависимостей* между уровнем развития тех или иных профессионально-важных качеств и результативными параметрами и процессуальными характеристиками деятельности. Наконец, традиционным является изучение базовых *функций*, реализуемых самой деятельностью в целостном контексте бытия личности (в частности, в плане ее социализации, «жизненного пути», самоактуализации и др.). Вместе с тем, наиболее *общие* аспекты функциональной организации деятельности, связанные, с выяв-

лением и интерпретацией ее основных *принципов*, с определением ее общего *типа* и ее диахроническими – *темпоральными* закономерностями, раскрыты в гораздо меньшей степени.

В-третьих, как следствие всех этих особенностей, по отношению к разработке проблемы функциональной организации деятельности до сих пор продолжает доминировать своего рода «*аспектный*» подход, состоящий в явном преобладании исследования частных закономерностей над общими. В результате такого доминирования по отношению к данной проблеме сложилась следующая – очень характерная для нее и показательная ситуация. К настоящему времени раскрытым и проинтерпретированным является достаточно большое количество относительно *частных* закономерностей функциональной организации деятельности. Причем, сами эти закономерности очень гетерогенны и установлены в разных планах, по отношению к различным «измерением» деятельности. К тому же их общий объем также достаточно велик. Вместе с тем, в существенно меньшей степени раскрыты закономерности *общего* плана, связанные с установлением принципов и особенностей функциональной организации деятельности в целом.

В свою очередь, это является достаточно надежным «индикатором» того, что по отношению функциональному плану исследования деятельности имеет место ситуация, которая очень типична для собственно *аналитического* подхода к разработке той или иной проблемы. Именно он продолжает доминировать по отношению к проблеме функциональной организации деятельности⁶⁰. Отсюда вытекают и наиболее принципиальные трудности разработки данной, и основные направления ее дальнейшего изучения. Главным из них как раз и является необходимость трансформации констатированного выше аналитического подхода в более совершенный подход – собственно *системный*. В свою очередь, она предполагает необходимость уделить первостепенное внимание уже не относительно более частным, а именно обобщенным закономерностям функциональной организации деятельности.

---

⁶⁰ Напомним, что данный вопрос был подробно рассмотрен в параграфе 1.1.4. второго тома.

Итак, обобщая сказанное, можно выделить четыре основных направления, четыре главных аспекта реализации общего функционального плана исследования. Во-первых, это раскрытие наиболее общих особенностей, связанных с «бытием предмета исследования во времени» – с его «временной разверткой», то есть с его *темпоральной* организацией. Во-вторых, это выявление и объяснение основных закономерностей особой категории – *закономерностей* собственно *функционального* типа. В-третьих, это раскрытие и объяснение тех *функций*, которые реализует предмет исследования в составе какой-либо более общей и онтологически представленной, объективно существующей целостности, выступающей в качестве метасистемы по отношению к нему. В-четвертых, это исследование тех *новообразований*, которые формируются и развиваются как объективное следствие и своего рода результативное выражение процесса функционирования.

В контексте основных задач данной работы очень показательным то, что три из указанных выше аспектов функционального исследования являются в настоящее время достаточно разработанными по отношению к психологии детской игры. Более того, именно они являются и наиболее традиционными для данной области психологических исследований. Действительно, одна из наиболее традиционных тем данной области – это изучение тех *функций*, которые выполняет игровая деятельность в психическом и личностном развитии ребенка [1, 66, 77, 165, 176, 211, 212]. Другим, также очень широко представленным направлением, является исследование *новообразований*, формирующихся в игре, а также интерпретация закономерностей, которыми они характеризуются [31, 46, 57, 72, 161]. Наконец, не менее представлены и исследования, направленные на выявление и объяснение очень многочисленных и разноплановых *закономерностей*, которыми характеризуются различные стороны организации игровой деятельности [222, 228, 230 и др.].

Вместе с тем, наряду с отмеченными – достаточно традиционными аспектами функционального плана, существует и еще один, являющийся, по нашему мнению, наиболее значимым, хотя

и более имплицитным. Его суть состоит в следующем. Как уже отмечалось, до сих пор в психологической теории деятельности, к сожалению, в существенно меньшей степени остаются раскрытыми *общие* закономерности ее функциональной по сравнению с частными. Категория функционирования в целом – в ее базовых и атрибутивных характеристиках, в ее главных и определяющих модусах все еще остается явно недостаточно эксплицированной по отношению к ее организации. Эта категория пока выступает, скорее, некоторым «подразумеваемым концептуальным фоном», общим контекстом. Иными словами, в данном отношении все еще продолжает доминировать своего рода функционально-аналитический подход. Он, однако, согласно общей логике развития научного познания, рано или поздно, но обязательно, должен быть трансформирован в иной, более совершенный подход. С позиций последнего по отношению к функциональной организации деятельности необходимо реализовать именно те главные и наиболее общие – определяющие характеристики категории функционирования и понятия функциональной организации, которые им атрибутивно присущи. Их необходимо попытаться реализовать по отношению к деятельности именно в *главных* и наиболее принципиальных чертах и модусах. Необходимо так сказать «взять главное» в них и соотнести его с проблемой функциональной организации деятельности.

В связи с этим, однако, возникает не менее принципиальный вопрос о том, *что* же именно является этим «главным» в самой категории функционирования? В чем заложены базовые и определяющие модусы функциональной организации как таковой? В наиболее общем плане ответ на него, тем не менее, вполне очевиден и состоит в следующем. В своем *максимально обобщенном* виде функциональная организация (и, соответственно, ее закономерности) соотносятся с «бытием во *времени*», с собственно *временной организацией* объекта. Она характеризует то, как именно он организован во времени; как он представлен не в его статическом модусе, а в его *динамическом*, точнее – в диахроническом модусе. По существу (подчеркиваем, именно в *максимально* общем плане), понятие функционирования кон-

кретизирует по отношению к объекту *катеорию времени*: функционирование – это и есть бытие объекта в его собственно временном «измерении». Функционирование есть конкретизация временной организации – того, как представлен объект во временном «измерении»; как он «бытийствует», «живет» – развертывается во времени.

Очевидно, однако, что и у самой *временной организации* также существуют множественные и, по-видимому, достаточно сложные закономерности. Они, вероятно, дифференцируются на закономерности *общего* плана, присущие временной организации как таковой, а также на более *специфические* закономерности, обусловленные качественным своеобразием тех или иных конкретных систем, подлежащих такой организации. В связи с этим, по отношению к рассматриваемым здесь вопросам необходимо привлечь сформулированные нами в работах [114, 118] представления о *временной системности*, а также о существовании специфического класса систем – собственно *темпорального* (а не субстанционального) типа. Следовательно, одним из основных и наиболее общих планов функционального анализа деятельности должна стать реализация по отношению к ней наиболее общего смысла понятия функционирования – как «бытия во времени». Это означает, что к ее изучению должны быть привлечены понятия временной системности и временных (темпоральных) систем. На наш взгляд, по отношению к функциональной организации деятельности может быть сформулирована общая гипотеза, согласно которой она принадлежит к таким образованиям, в которых воплощены основные принципы временной системности. Она, в силу этого, возможно, принадлежит к классу временных систем; выступает системой также и *темпорального* (а не только субстанционального) типа.

Еще один основной модус категории функционирования носит несколько менее общий характер, чем предыдущий, но все же является также очень обобщенным. Им, как известно, является конкретизация категории функционирования до понятия *процесса*, взятого в его строгом и непосредственном смысле – именно как *временной организации* явления, как его «упорядоченного

во времени» развертывания⁶¹. Функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория *функционирования* и понятие *процесса*, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены. В этом плане со всей определенностью необходимо подчеркнуть следующее важнейшее обстоятельство. Дело в том, что взаимополагаемость общей категории функционирования и понятия процесса, по существу, является фундаментальной, *прежде всего*, именно для психологии. Она проявляется в ряде *основных* модусов психического, основными из которых являются следующие.

Во-первых, пожалуй, одно из наиболее важных психологических понятий – понятие *психических процессов*, по существу, непосредственно базируется на общем понятии *процесса*. На нем же естественным образом основана и аналогичная по значимости, то есть также *главная* дифференциация содержания психики – ее дифференциация на классы и виды именно психических *процессов*.

Во-вторых, все это, в конечном счете, связано с тем, что «психическое существует лишь в форме *процесса*»; что «процесс – это и есть способ существования психического» [114]⁶². Другими словами, в одной из *основных* психологических категорий –

---

⁶¹ В этом плане необходимо, конечно, отметить, что понятие процесса также характеризуется очень высокой степенью полисемичности и многозначности смысловых оттенков – степенью, вполне сопоставимой с той, которая характерна и для понятия функционирования. Процессом может обозначаться и совершенно неупорядоченное, неструктурированное на фазы и этапы, по существу – хаотическое, но развертывающееся во времени явление (это своего рода «широкое» значение данного понятия). Однако процессом может обозначаться и структурированное – организованное и упорядоченное протекание явления во времени (это более «узкое», но одновременно и более строгое его значение).

⁶² Представления о процессуальности как атрибутивной форме существования психического имеют, как известно, глубочайшие – и исторические и гносеологические корни. Эта традиция особенно характерна для отечественных исследований. Она восходит своими истоками к взглядам И. М. Сеченова, отмечавшего, что «мысль о психическом как о процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» (по [114]).

в категории психических процессов воплощена главная черта и аналогичный, то есть также – *основной* атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная *онтология* психического. Следовательно, и сам этот, повторяем, – базовый атрибут функциональной организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. По отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме деятельности, в частности, это означает, что изучение функциональной организации является, фактически, во многом эквивалентным раскрытию закономерностей собственно *процессуальной* организации.

В-третьих, не менее важно и показательно, что именно в психологии понятие процесса органичным и естественным образом сопряжено с понятием психических *функций*. Действительно, сами психические процессы, как известно, чаще всего вообще выделяются – дифференцируются как относительно самостоятельные на основе *критерия* их *соответствия* с теми или иными психическими функциями⁶³. В качестве последних (по определению) выступают, однако, те или иные частные, «парциальные» проявления общей функциональной организации психики в целом.

Таким образом, второй главный модус реализации категории функционирования предполагает рассмотрение собственно *процессуальной* организации. По отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме деятельности, в частности, он предполагает обращение к *процессуально-психологическому* плану изучения. В свою очередь, это требует реализации по отношению к ним всего потенциала, который заложен в понятии

---

⁶³ В этом плане уместно еще раз напомнить известную мысль М. С. Роговина, отмечавшего, что «создававшаяся веками система знаний в области психических процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить тот или иной из них с психическими функциями» [196].

психических процессов, а также использование того материала, которым располагает соответствующее направление психологических исследований. Функциональный анализ деятельности может претендовать на достаточную полноту и глубину лишь в том случае, если он, действительно, будет базироваться на категории *психических процессов*, то есть будет процессуально-психологическим. Данное положение, являясь, с одной стороны, общим по отношению к функциональной организации деятельности в целом, с другой, имеет непосредственное отношение и к исследованию одного из ее основных типов – игровой деятельности. Более того, по отношению к ней он приобретает дополнительное звучание и особую остроту, поскольку, именно в этом типе деятельности функциональные закономерности процессуально-психологической регуляции (равно как и вся она в целом) не только *развиваются*, но и «складываются» – *возникают* в их специфическом содержании.

2.1.2. Специфика функционального исследования систем со «встроенным» метасистемным уровнем

В свою очередь, для того, чтобы полнее раскрыть эти закономерности, необходимо вновь обратиться к еще более общим представлениям, сформулированным нами относительно специфики организации особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем, рассмотренного в параграфе 2.1.1. второго тома. Напомним, что наиболее характерной отличительной особенностью этих систем является уникально присущая им способность к *функциональному* включению в их собственный состав и содержание той метасистемы, в которую они сами *онтологически* включены. В результате такого «встраивания» в их собственной структуре формируется особый уровень организации – метасистемный. Он представляет собой продукт и результат мультиплицирования метасистемы в самой системе. В результате этого вся функциональная организация таких систем приобретает очень выраженную специфику. Эта специфика такова, что по отношению к самой *сути*

функциональной организации психики (как системы со «встроенным» метасистемным уровнем), складывается следующая – фактически, императивная ситуация.

Как было отмечено при характеристике *общих* особенностей структурного плана исследования (см. предыдущую главу данного тома), его *объективно* главным аспектом является установление *компонентного состава* изучаемой системы. В известном смысле это вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, «архетипический», связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», «что собой представляет» – в аспекте его *содержания* объект познания. Известно также, что в методологии системности представлен такой вариант решения данного вопроса, который явно доминирует по отношению ко всем остальным⁶⁴. Мы имеем в виду подход, который был предложен П. К. Анохиным и получил широкое распространение и признание в системных исследованиях [9, 10]. В нем сформулирован определенный и достаточно строгий *критерий* для определения компонентного состава той или иной системы; это – так называемый «критерий *взаимосодейственности*». Его смысл состоит в том, что в качестве компонентов системы рассматривается любая сущность (предмет, явление, процесс, феномен, механизм и пр.), которая так или иначе, прямо или косвенно *содействует* достижению общей цели системы, по отношению к которой стоит задача определения ее компонентного состава. Всё, что «работает» на достижение цели и *функционально* способствует этому, рассматривается как совокупность компонентов системы. Далее – на последующих этапах становления и развития системы цель выполняете также и функцию перевода компонентов в специфический режим – режим их взаимодействия ее достижению, при котором каждый компонент проявляет себя лишь в том аспекте и в той мере, которые помогают достижению цели.

---

⁶⁴ Подчеркнем, что здесь речь идет, разумеется, не о конкретных способах – не о «технологии» определения компонентного состава, а о *методологии* разработки таких способов и технологий.

Таким образом, цель как критерий селекции компонентного состава и как *системообразующий фактор* является определяющей для становления главного в системе – ее содержания (а также – для его определения при исследовании системы). Это положение, повторяем, является одним из своеобразных постулатов системного подхода в его «классическом» варианте. Вместе с тем, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем оно представлено в существенно иной форме, а в целях ее экспликации необходимо сделать небольшой экскурс так сказать «эволюционно-генетического» характера.

Так, общеизвестно, что в филогенетическом аспекте существуют две принципиально разные и даже в известном смысле противоположные линии эволюции форм организации психики – *инстинктивная* и *рефлекторная*. В самом общем виде суть их различий состоит в следующем. Инстинктивная психика базируется на совокупности врожденных паттернов целесообразного реагирования на вполне определенные раздражители и фиксированные ситуации. Иначе говоря, такая психика может быть представлена как совокупность готовых систем целенаправленного реагирования и приспособления к ограниченному набору видо-специфических средовых стимулов. Эти системы, действительно, формируются так сказать «под цель», а она, в свою очередь, является для них системообразующим фактором.

Совершенно иной принцип лежит в основе второй – рефлекторной линии, «ветви» филогенеза психики. Это – по существу *ситуационный* принцип, поскольку системы реагирования не «предзадаются», а формируются и, добавим (что не менее важно), – переформируются, трансформируются в ходе онтогенеза. У психики, построенной на рефлекторно-ситуационном принципе, нет, и не может быть жестких, предзаданных форм реагирования на ограниченный набор раздражителей – целей. Следовательно, по своему содержанию, по набору своих компонентов они не могут детерминироваться совокупностью такого рода целей. У психики, сформировавшейся в итоге эволюции по «рефлекторной линии», существует не цель

(или – цели), а *метацель*: адаптироваться, «выжить», а для этого строить свое функционирование, повторяем, по подчеркнuto *ситуационному* принципу.

Данный принцип сопряжен, в свою очередь, с двумя важнейшими особенностями. Во-первых, множество ситуаций, которые могут возникать и реально возникают, является *принципиально неограниченным* и практически необозримым. Во-вторых, преодоление любой их такого рода ситуаций должно носить все же *целенаправленный* характер, поскольку лишь при этом условии оно может быть эффективным, адаптивным. Оба этих условия, будучи синтезированными друг с другом, означают следующее. В каждом *отдельно* взятом, *конкретном* случае поведенческой и деятельностной активности цель, действительно, выполняет роль системообразующего фактора, а формирующиеся и функционирующие под ее детерминационным влиянием системы такой активности, действительно, складываются на основе критерия взаимосодейственности, о котором речь шла выше. Однако на более обобщенном уровне – уровне механизмов регуляции этой активности, уровне психики в целом дело обстоит существенно иначе. Для него характерно не наличие какой-либо конкретной цели (как системообразующего фактора этой системы), а *принципиальное отсутствие* такой цели, но при соблюдении одного – важнейшего условия. Оно состоит в том, что априорная непредзаданность какой-либо цели (или, точнее, – совокупности целей) не только не означает «нецеленаправленности» функционирования, но наоборот, – содержит предпосылки для придания данному свойству новых – более совершенных форм. В психику как систему «заложен» не набор целей, а метацель, которая – в наиболее общем виде состоит в организации адаптивного поведения, а *для этого* в формировании конкретных целей, соответствующих той или иной ситуации. Иными словами, это означает, что «обратной стороной» и эффективным следствием такой организации является *возникновение способности к целеобразованию* как таковой. Именно эта способность является, как известно, одной из наиболее характерных и специфических особенностей психики.

Итак, принципиальная неопределенность и огромная сложность «внешней среды» приводит к необходимости ситуационного принципа как единственно возможного и эффективного адаптационного средства. Он, в свою очередь, характеризуется столь же принципиальной множественностью форм и способов «реагирования» на практически необозримое множество ситуаций. Единственно возможным средством обеспечения этого является не кумулятивное увеличение поведенческих систем с заданной целью, а формирование нового свойства – способности к целеобразованию как таковому и далее – к *ситуационному генезису* систем «под конкретную», но всякий раз отличную цель, под *сформированную* цель.

Все это поводит к тому, что на уровне психики в целом наиболее эффективным средством ее организации в аспекте *компонентного состава* является обеспечение заведомой *избыточности* этих компонентов, избыточность ее содержания в целом. Неопределенность среды и неопределенность возникающих ситуаций объективно требует для эффективной адаптации к ним избыточности содержания самой психики и, соответственно, – «репертуара» возможных способов преодоления ситуаций. Отсюда следует, что собственное содержание – компонентный состав психики как относительно самостоятельной системы должен складываться не по принципу «ограничения» (он состоит в том, что цель как системообразующий фактор *селектирует* и организует компоненты), а по иному принципу. Это – так сказать принцип «*безграничения*» или – принцип «потенциальной неограниченности»: чем более содержательным, богатым, гетерогенным будет являться компонентный состав психики, тем в большей степени она будет соответствовать единственно возможному для принципиальной неопределенности среды принципу – ситуационному. Более того, лишь на основе этого становится возможной не просто целенаправленность поведения, а сама способность, обеспечивающая это свойство – способность к формированию целей, способность к целеобразованию.

Итак, по отношению к функциональной организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем складывается сле-

дующая ситуация. С одной стороны, как было показано выше, компонентный состав метасистемного уровня, а, следовательно, – и всей системы формируется не по принципу «ограничения и отграничения» от среды, а по противоположному принципу «включения ее в себя». Он – компонентный состав является в этом случае принципиально неограниченным – «открытым»: чем более неограниченным он будет, тем эффективнее будет и вся система. В результате этого он по своим объемным, количественным характеристикам предстает практически всегда как очень большой и даже – фактически, необозримый. К тому же, он находится в состоянии постоянного обогащения, изменения, достройки и т. д.

Однако, с другой стороны, любая система (включая, разумеется, и системы со «встроенным» метасистемным уровнем) обладает *конечностью, предельностью* собственных возможностей – ресурсных, временных, энергетических, информационных и пр. [23, 26, 131, 209, 224, 227, 290]. По отношению к психике как к системе совокупность такого рода ограничений (они обозначаются понятием «предельных характеристик психики») хорошо известна и достаточно изучена⁶⁵. Подчеркнем, что обе указанные особенности – это *объективно* присущие психике черты; они должны быть как-то согласованы, «примирены», что, казалось бы, абсолютно невозможно в связи с их очевидной антагонистичностью. Другими словами, возникает объективная необходимость в таком механизме функциональной организации системы, который снимал бы противоречие между принципиальной неограниченностью ее компонентного состава и столь же принципиальной ограниченностью ее функциональных ресурсов.

Поскольку в качестве «единиц» компонентного состава представлены, в основном, «информационные сущности» – знания, ментальные репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. Возникает необхо-

---

⁶⁵ Эти – объективно присущие психике ограничения иногда даже служат основой для обобщенных концептуальных построений, например, для «теории ограниченной рациональности» Г. Саймона [329].

димось такой формы и механизма функциональной организации знаний, информации, опыта – такой их «упаковки», которая учитывала бы два указанных выше антагонистических обстоятельства. Она должна быть *одновременно* и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере – субъективно). В настоящее время очень трудно ответить на вопрос о том, что представляют собой такие системы *в целом*, каковы их основные типы и пр. Однако по отношению к *психике* как системе со «встроенным» метасистемным уровнем существования и смысл такой формы очевиден и достаточно изучен в психологии.

Действительно, для нее атрибутивно характерна такая форма, такой способ организации (и, соответственно, – бытия) их компонентного состава, который предполагает принципиальную двойственность существования самих компонентов. Для понимания этой двойственности, точнее – двух взаимобратимых модусов существования компонентов, как уже отмечалось, могут быть применены различные оппозиционные «пары» понятий. Это, прежде всего, понятия «актуального – потенциального», «реального – виртуального», «эксплицитного – имплицитного». Это означает, что в любом случае – в любом «акте бытия» системы со «встроенным» метасистемным уровнем (в аспекте своего компонентного состава) не сводятся лишь к тем компонентам, которые актуально, то есть реально, эксплицитно вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что «остаётся за кадром», образует контекст и фон, что представлено в потенциальной, имплицитной, виртуальной форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем, на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы.

Другими словами, с этой точки зрения системы со «встроенным» метасистемным уровнем раскрываются как системы, которые могут существовать лишь при наличии и взаимодействии двух модусов их компонентов, их содержания в целом – актуального и потенциального; они предстают как системы с эксплицитным и имплицитным, реальным и виртуальным содержанием одновременно.

Вместе с тем, в целях обеспечения этого необходим соответствующий механизм, который представлен по отношению к психике как вся совокупность *мнемических* процессов и механизмов. Иными словами, системы со «встроенным» метасистемным уровнем – это обязательно «системы с памятью». Сам феномен памяти (в широком смысле) раскрывается с этих позиций как *необходимое следствие* функциональной организации компонентного состава такого рода систем. Однако, как свидетельствуют многочисленные и очень глубокие психологические исследования, феномен субъективного времени интимно связан именно с мнемическими процессами. Он атрибутивно связан с памятью как не только процессом, но и как фундаментальной способностью психики⁶⁶. И здесь мы вплотную подходим к очень обширной и крайне значимой проблеме – к проблеме психологии времени, к проблеме субъективного времени (или – в традиционной формулировке – к проблеме «отражения времени»). Естественно, что она выходит далеко за пределы задач данной работы.

В связи с изложенным, нельзя не отметить, однако, и то следствие, которое непосредственно вытекает для разработки данной проблемы из результатов проведенного анализа. Именно системы со «встроенным» метасистемным уровнем, в силу своих атрибутивных особенностей, содержат предпосылки для возникновения их собственного, «внутреннего времени»⁶⁷. На уровне психического оно представлено как субъективное время. Благодаря этому, становится возможной существенно более успешная адаптация к параметру времени как таковому, а частично – и управление им. Если все иные системы, кроме систем со «встроенным» метасистемным уровнем, «*функционируют* во времени», то сами они, наряду с этим, еще и *порождают* свое собственное время.

---

⁶⁶ В этом отношении следует, прежде всего, отметить фундаментальные труды по данной проблеме П. Жане, А. Бергсона, Ж.-М. Гюйо, Э. Гуссерля, Дж. Уитроу, М.С. Роговина и др. [19, 53, 65, 195, 229].

⁶⁷ Определяющую роль в этом играет *главная* особенность функциональной организации их компонентного состава – двойственность существования компонентов и в актуальной, и в потенциальной формах, а также обратимость этих форм.

Оно, однако, в конечном итоге, является средством репрезентации «объективного времени», способом «включения временной координаты» реальности в организацию психики и регуляцию поведения.

Данный вывод содержит необходимые предпосылки для решения тех вопросов, которые связаны со вторым из сформулированных выше аспектов функционального исследования систем – с выявлением закономерностей их собственно *процессуальной* организации. Действительно, с позиций этого вывода становится понятным, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую (если не сказать – уникальную) способность. Это – способность *распределять* свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Проще говоря, возникновение феномена (и механизма) «субъективного времени» и, соответственно, – возникновения способности не только «приспособления» ко времени, но и способности использовать время как основу для структурирования своего функционирования означает то, что система оказывается в состоянии управлять процессами собственного бытия. Сам *процесс* как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят и как своего рода *временная система* – как продукт «временной упорядоченности» различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

С этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной – точнее, *субстанциональной* системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – *временной, темпоральной* (диахронической) *системностью*, эксплицирую-

щей системность организации самого процесса *функционирования*. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. И это функционирование является источником *новой категории* системных качеств – временных, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса. Понятно, что данный вывод требует дополнительного обоснования; вместе с тем, по отношению, например, к процессам принятия решения, планирования, самоконтроля он непосредственно вытекает и из эмпирических наблюдений и из экспериментальных результатов, вскрывающих несводимость целостного процесса их развертывания к аддитивной совокупности его этапов [92, 103, 114, 118]⁶⁸.

Таким образом, системы со «встроенным» метасистемным уровнем оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизмов и средств своей функциональной, процессуальной организации не только субстанциональную, но и временную – *темпоральную системность*. Вместе с тем, данный тип системности до настоящего времени изучен чрезвычайно слабо – совершенно несопоставимо с тем, насколько изучена субстанциональная системность. Однако, как непосредственно следует из проведенного выше анализа, без ее детального изу-

---

⁶⁸ В данной связи следует еще раз подчеркнуть следующее – очень показательное, а одновременно и доказательное в плане обоснования этих положений обстоятельство гнесеологического плана, связанное с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см. работы [91, 92]); причем эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [94], интегральные процессы психической регуляции деятельности [101], а впоследствии – и деятельность в целом [118], а также сознание [114]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [27].

чения невозможно адекватное понимание специфики указанных систем. Следовательно, одним из важнейших направлений дальнейшего развития самого системного подхода в направлении его трансформации в метасистемный подход как раз и должна выступить категория временной – *темпоральной* системности, раскрытие ее специфических – новых по отношению к субстанциональной системности – особенностей. Суть этих особенностей и закономерностей состоит в том, что они выступают собственно *временными, темпоральными* (диахроническими) закономерностями. Они не только лежат в основе «бытия систем во времени», но и в значительной степени конституируют собственное время такого рода систем. На основе этого системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую способность. Это – способность *распределять* свой функциональный ресурс «вдоль оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Они оказываются в состоянии создавать *временные резервы* своего функционирования и соответствующим образом распределять в пределах этих резервов свой функциональный ресурс. Сам *процесс* – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода *временная система* – как продукт «временной упорядоченности» различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Тем самым системы со «встроенным» метасистемным уровнем оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизма своего функциональной, процессуальной организации не только структурно-содержательную (синхроническую) – субстанциональную системность, но и *временную – темпоральную* (диахроническую) системность.

Взаимосвязь и атрибутивная взаимополагаемость этих двух закономерностей заключается еще и в том, что они, фактически, выступают как две грани одного и того же – наиболее общего принципа функциональной организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, взаимобратимый перевод между формами существования этих систем, составляющий суть их функционирования, объективно предполагает

необходимость временной организации такого перевода, то есть «наложения» на него собственно временной организации в целом и временной системности, в частности.

Таким образом, в свете изложенного представляется очевидным, что у самой *временной организации* также существуют определенные – достаточно сложные и множественные закономерности. Само же функционирование обретает черты *временной системности*, выступает как специфически системное образование. В связи с этим, в работах [91, 114] нами было сформулировано и предположение о существовании специфического класса систем – собственно *темпорального* (а не субстанционального) типа.

Итак, одним из основных и наиболее общих планов функционального анализа деятельности должна стать реализация по отношению к ней наиболее общего смысла понятия функционирования – как «бытия во времени». Это означает, что по отношению к ее изучению, в том числе – и функциональному, и генетическому должны быть привлечены понятия временной (темпоральной) системности, что и будет предпринято в ходе дальнейшего анализа. Однако, предварительно, необходимо, на наш взгляд, остановиться еще на одном положении, учет которого необходим для углубления сформулированных выше представлений о темпоральной системности, а также о системах временного типа. В этих целях представляется полезным вновь обратиться к использованному выше приему «эволюционно-генетического экскурса». Для этого необходимо, прежде всего, зафиксировать достаточно общее положение методологического плана, состоящее в следующем⁶⁹. Мера эффективности адаптации организма к среде и в общем виде данного процесса, и в его частных проявлениях (адаптации личности к социальному окружению, субъекта к деятельности и т. д.)

---

⁶⁹ При этом мы хотели бы намеренно «заострить» следующую его черту. На первый взгляд, оно носит даже *чересчур общий* характер; однако, в действительности, как будет показано далее, лишь на его основе оказывается возможной экспликация тех закономерностей, которыми характеризуется временная организация деятельности.

определяется, как известно, двумя основными факторами. Первый – это *успешность* (результативность, качество и пр.) *решения* постоянно возникающих общеадаптационных задач. Второй – это *степень сложности* самих задач, к постановке, а только затем – к решению которых оказывается способным тот или иной индивид – «субъект адаптации». Общий уровень адаптированности организма к среде определяется не только успешностью решения задач, но и степенью их сложности (а соответственно, – и уровнем качественных показателей тех результатов, которые оказывается возможным достичь посредством их решения). Все это настолько очевидно, что, казалось бы, «не достойно» самостоятельного внимания, если бы не одно обстоятельство. Оно, однако, обычно не становится предметом самостоятельной методологической рефлексии, особенно – в психологии деятельности и состоит в следующем.

Действительно, как можно видеть из вышеизложенного, общая возможность – способность к постановке, а затем и к решению все более сложных общеадаптационных задач (как средства достижения высокого уровня самой адаптированности) имеет очень важные следствия для развития форм внешней активности в целом и деятельности, в особенности. Однако решение сложных задач (в отличие от простых), а также достижение при этом, действительно, значимых результатов по совершенно понятным и объективным причинам не может быть осуществлено по принципу, так сказать, «разового» одномоментного взаимодействия со средой. Оно не может быть осуществлено в форме «единичного» – локального и симультанного приспособительного взаимодействия с ней и (или) воздействия на нее. Напротив, это может быть достигнуто лишь за счет *не-однократного*, а обычно – *многократного* использования функциональных ресурсов организма в его взаимодействии со средой, «с задачей», то есть на основе целого ряда актов взаимодействия с ними. Вместе с тем, именно вследствие этого объективно и возникает важнейшая задача, связанная с организацией такого – дифференцированного и включающего целый ряд актов взаимодействия. Объективно порождается также и принципи-

ально новый, фундаментальный по своей значимости феномен – феномен *опосредствованности*. Он состоит в том, что отдельные акты – своего рода «кванты» взаимодействия (в том числе и действия) могут и не быть прямо – *непосредственно* связанными с конечным результатом. Напротив, они могут быть направлены на обеспечение какого-либо *другого* «кванта» (реакции, акта, действия) и лишь за счет этого, то есть опосредствованно, «работать» и на конечный результат. Однако, именно в этом случае, то есть при возникновении самого феномена опосредствования, как раз и возникает *объективная* необходимость в организации – прежде всего, временной, отдельных «квантов» взаимодействия, их упорядочивания вдоль «оси времени».

С этих позиций становится понятным, каким образом системы приобретают совершенно новую и специфическую способность: это способность *распределять* свой функциональный ресурс «вдоль оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Другими словами, возникновение феномена (и механизма) «субъективного времени» – это прямое и необходимое условие становления способности не только «приспособления» ко времени, но и способности использовать время как основу для организации своего функционирования. Система оказывается в состоянии создавать *временные резервы* своего функционирования и соответствующим образом распределять в пределах этих резервов свой функциональный ресурс. Сам *процесс* – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода *временная система*, как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей⁷⁰. Чем более эффективно органи-

---

⁷⁰ Подчеркнем еще раз, что при этом необходимо учитывать следующее терминологическое уточнение. Само понятие «процесс», ваяется, как уже отмечалось выше, чрезвычайно широким, многоаспектным и может использоваться в различных смыслах, планах, контекстах и пр. Так, процессы могут носить и характер «хорошей организации», и быть не организованными – стихийными. Они могут быть симультанными и сукцессивными, эксплицитными или имплицитными и мн. др. В данном контексте (равно как и по ходу дальнейшего

зована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность. Любой процесс, рассмотренный и проинтерпретированный как система в непосредственном смысле этого понятия, обладает, как и всякая иная система, соответствующими и наиболее важными для нее системными качествами. Они «не выводимы» ни из каждого отдельно взятого этапа процесса, ни из их аддитивной совокупности (в данном случае – из линейной последовательности). В любом процессе обнаруживаются качества, особенности, характеризующие его именно как целостность, придающие ему организованность и выступающие в качестве его общих регуляторов. Тем самым системы со «встроенным» метасистемным уровнем оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизма своего функциональной, процессуальной организации не только субстанциональную (так сказать – синхроническую), но и *темпоральную* (диахроническую, временную) системность. И хотя до настоящего времени данный тип системности, а также имеющие при этом место временные системные качества изучены чрезвычайно слабо, без их детального раскрытия невозможно адекватное понимание и раскрытие специфики указанного класса систем. Разумеется, при обращении к данному типу системности возникает множество сложных и достаточно новых в теоретическом отношении вопросов. Главный из них – это, конечно, вопрос о том, каков *механизм порождения и функционирования* данного типа системных качеств, а также каковы закономерности их взаимодействия со всеми иными – уже известными типами системных качеств. Столь же важным представляется и выяснение того, каким образом субъект обретает способность не только к их распознаванию, но и к их активному использованию в качестве операционных средств организации и регуляции своего поведения.

Таким образом, можно видеть, что необходимость в собственно временной организации обусловлена общей, объектив-

---

изложения) это понятие будет использоваться нами, преимущественно, в его строгом, хотя, возможно, и несколько зауженном значении – именно как *организованное функционирование*.

ной логикой развития и совершенствования форм и способов решения общеадаптационных задач. С наибольшей отчетливостью и очевидностью она представлена, естественно, по отношению к максимально сложной и развернутой форме активности субъекта, то есть к деятельности. Выражаясь метафорически, можно сказать, что «психика оказывается поставленной перед необходимостью» формирования средств, которые позволили бы обеспечить ее приспособление к параметру времени, к временной организации – как среды в целом, так и взаимодействия с ней. Чем более сложными и организованными будут эти средства, тем выше достигаемый за счет них общий уровень адаптированности. Собственно говоря, именно эта «логика усложнения» форм опосредствования и, следовательно, форм временной организации взаимодействия со средой и является одним из главных факторов возникновения деятельностной формы активности как таковой.

При этом необходимо учитывать, что деятельность в ее процессуальном аспекте как раз и характеризуется этой – очень важной и, по существу, атрибутивной чертой ее собственно функциональной организации. Общая цель деятельности, как правило (или даже практически всегда) – именно в силу того, что является *общей*, в принципе не допускает своей полной реализации посредством какого-либо одного, отдельно взятого, «единичного» акта взаимодействия субъекта и объекта. Деятельность потому и дифференцируется на «части» – действия (а затем и интегрируется из них), что ее общая цель – по определению предполагает множественность целого ряда так сказать «квантов» взаимодействия субъекта и объекта, каждый из которых вносит свой «парциальный» вклад в ее достижение, а кумуляция этих вкладов и делает возможным достижение самой цели.

Другими словами, невозможность непосредственного достижения общей цели деятельности в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени (так сказать симультанного ее достижения) разумеется, отнюдь не означает невозможности такого достижения вообще. Это становится возможным, благодаря *механизму сукцессирования взаимодействия* – дифференциации

его на «временные кванты», в каждом из которых реализуется какая-либо часть этого потенциала, но синтез, то есть кумуляция которых, как раз и обеспечивает уже не парциальную, а интегральную его реализацию. Другими словами, в каждом конкретном – парциальном «акте деятельности» (действии), то есть в каждый отдельно взятый момент, в ней достигается лишь какой-либо достаточно частный фрагмент общей цели. Кстати говоря, это отражено в широко используемом в теории деятельности понятии *подцели*.

Вместе с тем, сама суть деятельности как раз и заключается в том, что она, выступая актуально – в каждый конкретный, отдельно взятый момент времени в форме действия, *в целом* представлена как организованная последовательность этих «парциальных актов». Они непосредственно сменяют друг друга и являются предпосылками, основаниями друг для друга. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – «парциальных» результатов. Точнее, оно и *является* такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят, и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования. Это означает, что она должна быть распределена – так сказать «растянутой» вдоль «оси времени». Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии, однако, эффективной организации отдельных временных «квантов» – действий.

Подводя промежуточные итоги проведенному выше анализу, подчеркнем следующее обстоятельство. С одной стороны, он, действительно, был направлен на рассмотрение вопросов достаточно общего плана, выходящих по своему содержанию

за пределы тех проблем, которые являются непосредственным предметом анализа в данной работе. Однако, с другой стороны, лишь базируясь на его результатах, можно, на наш взгляд, дать конструктивное решение вопросов, связанных с выявлением базовых закономерностей функциональной организации игровой деятельности в целом и ее временной организации, в особенности.

2.2. Архитектоника временной системности

Переходя к рассмотрению данной задачи, необходимо предварительно зафиксировать ряд положений теоретико-методологического характера. Прежде всего, как можно видеть из результатов проведенного выше анализа, сам по себе тезис о существовании систем специфического типа – временных, темпоральных является достаточно обоснованным в теоретическом плане. Кроме того, он не только вполне закономерен с точки зрения общей логики развития системных представлений, но и, фактически, является их естественным расширением и углублением. Вместе с тем, вполне естественно и то, что он приводит к постановке целого ряда новых и еще более сложных теоретических проблем, в том числе – и принципиального плана. Их общий смысл заключается в следующем. Может ли быть вообще распространен сам «феномен системности» и системная форма организации на столь *кардинально* отличающуюся от традиционных – *материальных*, точнее – субстанциональных систем сущность, каковой выступает *время*? Если нет, то почему, а, если да, то как именно? В чем заключается природа и, возможно, очень выраженная специфичность систем временного, темпорального типов? Существуют ли, и, если да, то какие именно общие и специфические особенности систем двух принципиально разных типов – субстанциональных и темпоральных? Как специфицируются по отношению ко вторым наиболее важные категории закономерностей системной организации – структурные, функциональные и генетические? Каким образом, в частности, реализуются во временных системах базовые прин-

ципы структурной организации систем в целом – иерархический и гетерархический принципы? Как эксплицируется по отношению к временным системам еще одна базовая «пара» категорий – категорий целого и части? Как представлен «феномен целостности» по отношению к ним и что следует рассматривать в качестве эквивалента понятию «часть» для этих систем?

Спектр этих и подобных им по смыслу и значимости вопросов очень широк, а их анализ *в целом*, разумеется, выходит далеко за пределы данной работы⁷¹. Вместе с тем, среди них представлен и такой, который характеризуется объективно наибольшей значимостью. Кроме того, он является и исходным – «первичным» в гносеологическом плане, поскольку многие иные вопросы, связанные с природой и организацией временных систем в целом и деятельности, в частности, в значительной мере производны от него. Это, разумеется, вопрос об «организации *самой* временной организации», то есть о том, как она сама построена и может ли быть по отношению к ней реализовано понятие структуры как таковое?

Предпринимая попытку рассмотрения данного вопроса, приходится, к сожалению, учитывать два обстоятельства принципиального плана, затрудняющих его изучение. Прежде всего, это, конечно, крайне слабая степень его изученности; фактически, – отсутствие специального внимания к нему и, соответственно, чрезвычайно малый объем конкретных данных и тем более эмпирических результатов. Кроме того, при обращении к нему приходится по необходимости иметь дело не только так сказать с практически «полностью неизвестным», но и вторгаться в область достаточно необычных – даже по самой постановке

---

⁷¹ Более того, они носят максимально общий и, казалось бы, не вполне соответствующий основным задачам данной работы характер. Вместе с тем, это не совсем так, поскольку без предварительного решения их именно как *общих* (разумеется, лишь в определенном приближении), не только крайне затруднительно, но и вообще – практически невозможно конструктивное решение и любых более *частных* – специальных проблем, в том числе – и проблемы функциональной организации и генезиса собственно игровой деятельности. Данное положение будет конкретизировано ниже, пока же зафиксируем его как исходное.

проблем. Действительно, как вообще можно говорить о структуре такой «не-материальной» субстанции, как время? До сих пор, согласно устойчивой (и, добавим, – весьма консервативной) трактовке, понятие структуры достаточно жестко ассоциируется и даже так сказать «привязывается» к понятию именно *материального* носителя. Структурность и субстанциональность вообще во многом рассматриваются как взаимополагаемые понятия. В связи с этим, и возникает вопрос – как вообще можно говорить о какой-либо *временной структурности*, о «временной целостности»? В чем конкретно эта целостность проявляется, а главное, – чем она *является* и каковы ее эмпирико-феноменологические референты? Наконец, это наиболее общий и принципиальный вопрос о том, может ли быть *вообще* и, если да, то как *конкретно* эксплицировано само понятие организации по отношению к параметру времени, а понятие *структуры* – по отношению к подчеркнуто «аструктурным» (то есть не статическим, а динамическим, то есть процессуальным) сущностям – временным⁷²?

По нашему мнению, в целях их решения необходимо привлечь одно из наиболее важных положений методологического плана. Оно заключается в том, что системная форма организации как таковая характеризуется *общностью* ее базовых закономерностей, принципов и механизмов. Они, с одной стороны, *инвариантно* воспроизводятся во всех основных типах и классах систем, но с другой, – *специфицируются* в каждом из них. Важнейшей из такого рода инвариантных закономерностей является то, что организация систем в их главном и определяющем аспекте структурном базируется на основном принципе – *уровневом*. Она осуществляется на основе *общесистемного инварианта* ряда основных структурных уровней. Универсальность – очень высокая степень обобщенности данной законо-

---

⁷² Подчеркнем, что, в силу всех изложенных выше обстоятельств, представленный далее вариант решения указанных вопросов носит по необходимости *предварительный* и гипотетический характер; он не претендует ни на завершенность, ни на «единственность».

мерности (ее, фактически, всеобщий характер), в свою очередь, обусловлена тем, что она базируется на таком объективном критерии, который носит именно общесистемный характер. Он был подробно охарактеризован в параграфе 2.2.1. второго тома и обозначен нами как общесистемный *критерий-дискриминатор* уровней организации. Данный критерий имеет, как было показано там же, *«предметно-неспецифический»* – так сказать содержательно «нейтральный» характер; он не зависит от содержания конкретных систем.

Наряду с этим он является и *«типологически-неспецифическим»*. Это означает, что он адекватен не только какому-либо *одному* типу систем, или даже – нескольким типам, а *всем* типологическим проявлениям системной формы организации (конечно, тем, которые известны в настоящее время). Другими словами, он релевантен этой форме *как таковой* – в целом, а не только ее частным случаям, то есть отдельным типам и классам, видам и формам. Данное обстоятельство, в свою очередь, обусловлено его производностью от *атрибутивных* особенностей самой этой формы. Эти особенности – именно как атрибутивные сохраняются в *любых* вариантах данной формы. Следовательно, есть все основания предполагать, что он будет релевантен и такому – повторяем, предельно качественно специфическому классу систем, каковым выступают системы временного, собственно диахронического типа.

В наиболее общем виде данный критерий включает *пять* базовых значений и, соответственно, требует дифференциации в общем составе систем пяти базовых макроуровней. Они, а соответственно, – сами дифференцируемые на их основе уровни обозначаются понятиями *элементного, компонентного, субсистемного, общесистемного и метасистемного* уровней. Так, любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления,

процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [132]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально

включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена. Пять указанных уровней (элементный, компонентный, subsystemный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». В соответствии с содержанием данного критерия можно предложить вполне определенный и достаточно обоснованный, на наш взгляд, вариант решения вопроса о закономерностях структурной организации систем временного – темпорального типа.

Вместе с тем, прежде чем дать его характеристику и *для того*, чтобы она была более обоснованной и ясной, необходимо – хотя бы кратко – остановиться на еще одном, так сказать, «вспомогательном» вопросе. Он связан со сложившимися в настоящее время и не всегда позитивными традициями анализа структурного и, соответственно, приводит и к трудностям решения рассматриваемой здесь проблемы. Действительно, согласно традиционным представлениям, вопрос о структуре чего-либо – это, в конечном счете, и в наиболее простом виде всегда вопрос о том, как «целое» структурируется из «частей», как компоненты системы организованы в ней. Само по себе это утверждение, хотя и носит предельно общий характер, является, безусловно, верным. Негативным является лишь то, что и само оно в целом, а также понятия системы и компонентов, в частности, автоматически ассоциируются с анализом, проводимом лишь так сказать в «морфологической» – материализованной плоскости, то есть по отношению к тем или иным именно *субстанциональным* сущностям.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что *любая* сущность (а не только субстанциональная и – тем более морфологическая) в принципе также допускает свою декомпозицию – ее «расчле-

нение» на отдельные «составляющие». Это проявляется, в частности, и в отношении принципиальной декомпозиции – «квантификации» временного континуума, то есть в возможности декомпозиции на компоненты также и систем временного типа. Более того, не только в научном, но и в «обыденном» познании и в повседневной жизни сложился, а в естественном языке – закрепился целый ряд слов и понятий, в которых происходит такое «квантование», то есть закономерное структурирование временного континуума. Это, разумеется, все так называемые «единицы» измерения времени. Тем самым, казалось бы, исходная задача – задача поиска «структурной единицы» временных систем решается. Однако, это, к сожалению, – иллюзия, поскольку данное решение носит предельно – максимально возможный по степени обобщенности характер и, главное, оно *неспецифично* содержит в себе тех или иных конкретных временных систем.

В связи с этим, возникает необходимость поиска и установления своего рода «промежуточного» понятия. Оно, с одной стороны, должно обладать достаточно высокой степенью обобщенности и быть применимым по отношению к широкому классу временных систем. Однако, с другой стороны, оно должно допускать возможность его конкретизации – его так сказать свою «предметную наполняемость»: оно должно насыщаться специфическим для каждой конкретной системы предметным содержанием. И, безусловно, такое понятие, точнее – целый комплекс такого рода понятий, включающий ряд сходных в функциональном отношении терминов, не только дифференцируется с достаточно высокой степенью отчетливости, но и является общепризнанным для характеристики временного «измерения» систем. Главными из них являются, как известно, понятия этапов, стадий, фаз, интервалов и т. д. развертывания того или иного процесса. Это и есть средства «квантования» временного континуума в целом и временного развертывания процессов, в частности.

Вместе с тем, все эти понятия, будучи, разумеется, *необходимыми* для характеристики временной организации систем, все же являются еще *недостаточными* для этого. Дело в том, что сама

по себе временная организация, эксплицируемая через совокупность тех или иных этапов (через «этапность их развертывания»), фиксирует лишь конечный эффект, *результативное* проявление той или иной организации, в данном случае – временной. Однако, содержание этой организации – в ее собственно *процессуальном* выражении, а также в плане реализующих ее средств остается «скрытой». Вместе с тем, именно эта организация и лежит в основе эксплицированной – внешне представленной этапности и *проявляется* в ней. Она, однако, ей *не является*, а напротив, должна быть «через нее» обнаружена. Тем самым, все указанные понятия, а также временная организация, эксплицируемая через них, соотносится с *уровнем явления* – с феноменологическим уровнем, но не с *уровнем сущности*, на котором находятся причины – детерминанты временной организации как таковой. Следовательно, опора только на эти понятия не приводит к решению исходной задачи, хотя и способствуют ему. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в форме «последовательности этапов» представлена не только лишь *феноменологическая* картина временной организации того или иного процесса, но и его, фактически, *агрегативная* характеристика.

Действительно, отдельные этапы *сами по себе* (по определению) *рядоположены* друг другу во времени, а все их «временное множество» дает лишь агрегативное объединение – «сумму их содержаний», но не выявляет эффекты их организации. В силу этого, отдельные этапы (фазы, стадии) сами по себе не могут выступать в качестве «искомых единиц», позволяющих установить качественно различные уровни и формы временной организации, хотя, повторяем, и необходимы для этого. По нашему мнению, качественные – то есть глубокие и принципиальные различия в формах, а соответственно, и в закономерностях и механизмах временной организации (и, в конечном итоге, в структуре временной системности в целом) могут быть установлены лишь принципиально иным путем. Их надо искать не «внутри» той или иной «единицы», а именно в их *соотношениях*; в тех – возможно, принципиально различных вариантах этих отношений, которые и характеризуют временную

организацию, ее структуру и различия в ней. Истинная специфика «временных единиц» заключается в том, что они не могут быть соотнесены не только с «морфологическими» образованиями, но и вообще – ни с какими-либо явлениями, аспектами и пр., взятыми «в отдельности» друг от друга, вне соотношений между ними – «самими по себе». Причем, реальная сложность этих «единиц» заключается еще и в том, что *результативно* они могут принимать форму такого рода явлений – выступать как этапы, фазы. Однако, как мы уже отмечали, только этого недостаточно для экспликации истинного смысла и содержания каждой из них. Оно определяется не только, а зачастую даже и не столько самим их содержанием непосредственно, сколько тем, как именно они *соотносятся* со всеми иными этапами, как они «вплетены» в общую «временную сеть» (организацию) того или иного процесса.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующие представления относительно того, каким образом реализуется общесистемный критерий-дискриминатор уровней по отношению к временной организации систем и, соответственно, в их структурно-уровневой организации. По-видимому, качественно различные уровни, то есть, фактически, принципиально различные формы и способы временной организации определяются не специфичностью самих итоговых «единиц» такой организации – этапов, стадии и пр., а различиями тех *отношений*, которые складываются между ними. В конечном счете, сама временная организация, вообще – развертывание явления во времени (то есть процесс в строгом и непосредственном смысле данного понятия) и представляет собой совокупность, точнее – систему отношений между всеми распределенными во времени его частными проявлениями, так сказать – «парциальными актами его бытия». Поэтому и общий подход к определению критерия дифференциации временных систем на уровни их организации, а также его смысл и содержание в принципе не могут быть ни «морфологическими», ни субстанциональными, то есть направленным на выделение тех или иных «единиц» (и их соорганизацию). Такой критерий может быть лишь *принципиально релятивист-*

ским. Сами же уровни временной организации должны быть производными от качественных *различий в отношениях*, которые в принципе могут устанавливаться и существовать между «временными частями» того или иного процесса. Причем, речь идет о дифференциации временных систем именно на *уровни*, то есть на *принципиально, качественно* различные формы и способы организации. Следовательно, необходимо выявление и интерпретация аналогичных, то есть именно *качественных* – принципиальных различий между такими отношениями. Кроме того, если справедливо сформулированное выше положение об универсальном характере общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации, то различия в формах временных отношений и сами эти формы должны естественным образом соответствовать основным – базовым значениям данного критерия. Другими словами, та *качественная определенность*, которая зафиксирована в каждом из этих значений, должна соответствовать какому-либо конкретному – основному *уровню* временной организации систем. При такой формулировке исходная задача, заключающаяся в попытке раскрытия структурной, точнее – структурно-урвневой организации систем временного типа, становится уже более доступной для решения.

Действительно, с этих позиций открывается возможность для того, чтобы предложить конкретный по содержанию, хотя и общий по смыслу вариант решения данной проблемы. Она является не только базовой в плане раскрытия закономерностей временной организации, но и весьма общей по своему статусу. Дело в том, что она предполагает необходимость поиска и дифференциации, а также обоснования основных уровней организации временных систем, их структурно-урвневой организации *в целом*. Ключевым – «критически значимым» условием этого является необходимость реализации общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации и, соответственно, выделение таких форм временной организации, которые изоморфны его основным значениям. Качественная определенность каждой из этих форм должна, согласно данному подходу,

быть идентичной тому или иному – основному значению данного критерия (напомним, ими являются элементарное, компонентное, субсистемное, общесистемное и метасистемное значения)⁷³.

Переходя к решению данной задачи, представляется целесообразным начать дискриминацию уровней – как того и требует методология системного подхода в целом и структурно-уровневого подхода, в особенности, с попытки выявления уровня, который соотносится с *компонентным* значением данного критерия. Напомним, что оно сопряжено с такой «единицей» системы в целом, которая обладает двумя атрибутивными особенностями. С одной стороны, она характеризуется основными чертами ее качественной определенности и «несет на себе» эту определенность. С другой стороны, она является «мельчайшей», то есть относительно наиболее простой из всех возможных «единиц» такого рода. Любое дальнейшее ее «упрощение» – ее собственная декомпозиция ведет уже к деструкции качественной определенности.

Констатируя это, необходимо подчеркнуть, что именно такой качественной определенностью по отношению к параметру времени, безусловно, выступает сама *длительность*, «протяженность» как таковая. Вместе с тем, она объективно конституируется лишь в том случае, если у нее будут представлены те «границы» – те «события», которые фиксируют ее начало и завершение. В этом плане сама по себе длительность, а соответственно, и «протяженность» как безусловные и важнейшие референты времени, с необходимостью предполагают *десинхронизированность*, как минимум, двух каких-либо событий – их «временную *разнесенность*». Лишь при ее условии объективно возникает возможность самого феномена «протяженности» – *длительности* и, соответственно, возникновение качественной определенности временных систем как таковых.

Вместе с тем, такая «разнесенность» (десинхронизированность) должна быть представлена на этом – компонентном зна-

---

⁷³ Их характеристика была представлена выше – см. параграф 2.2.1. второго тома.

чении критерия-дискриминатора в относительно *простейшем* из всех возможных виде. Естественно, что именно таким видом десинхронизации являются отношения прямого, *непосредственного* следования двух каких-либо событий («В» *непосредственно* следует за «А»; «А» *непосредственно* предшествует «В»). В этом отношении, которое можно обозначить как «*отношение следования*» и сам параметр времени (как эквивалент протяженности, длительности), и степень сложности временной организации представлены, действительно, в простейшем из всех возможных виде. Вместе с тем, они здесь *уже* представлены, то есть уже имеет место качественная определенность времени как такового; возникает и простейшая форма собственно временной организации. Это дает все необходимые основания для того, чтобы рассматривать данную форму временной организации («отношение следования») в качестве базовой «единицы» временной организации в целом.

Далее, следует специально подчеркнуть и то, что данное отношение соответствует компонентному значению именно в силу *двух* основных причин, которые, в свою очередь, являются конкретизацией двух базовых особенностей самих компонентов как таковых, указанных выше. Во-первых, в «отношениях следования» *уже* представлена качественная определенность всей системы в целом. Действительно, именно эти отношения и дают «на выходе», то есть *порождают* простейшее, но и важнейшее проявление времени – длительность, протяженность, так сказать «длящность». Во-вторых, эти же «отношения следования» являются и *простейшими* из всех возможных форм временной организации – упорядочивания тех или иных событий («актов бытия» системы) вдоль «оси времени». Это означает, что в таких простейших отношениях *уже* представлен, хотя опять-таки и в «зачаточном» виде еще один базовый атрибут времени в целом и временной организации, в частности. Это – атрибут *последовательности*, который, однако, сопряжен и с иными временными атрибутами (однонаправленности времени, «временной необратимости» и др.). «Отношения следования поэтому и дают последовательность как таковую.

Далее, очень показательно, а в плане верификации предположения о дифференцированности временных систем на основе общесистемного критерия-дискриминатора – и доказательно, что именно это его базовое значение (компонентное) содержит необходимые предпосылки для дальнейшей дифференциации уровней. Более того, два так сказать «соседних» – ближайших к нему значения (и, соответственно, – уровня) *непосредственно* выводятся из него путем его закономерных трансформаций; поясним сказанное. Так, ближайшим к нему так сказать «снизу» является, как известно, *элементное* значение критерия-дискриминатора и, соответственно, – элементный уровень организации систем. Под элементами, напомним, понимаются такие образования, из которых формируются компоненты, но которые уже утрачивает качественную определенность «целого» – системы. Они тем самым, будучи онтологически – объективно необходимы для организации системы, не «несут на себе» ее качественной определенности. По отношению к временной организации, к временным системам в целом и – по отношению к субъективной репрезентации времени, в особенности, данное значение также имеет свои несомненные референты.

В самом деле, временная протяженность, длительность становится все менее представленной в том случае и в прямой зависимости от того, в какой редуцируются сами «отношения следования». Ее ощущение – субъективная репрезентация редуцируется прямо пропорционально тому, как «отношения следования», являющиеся результатом *десинхронизированности* двух событий, трансформируются в принципиально иной тип временных отношений – *синхронизируются* и предстают как «отношения синхронизированности». Синхронизированность двух элементарных событий, то есть их «временной синтез» ведет, фактически, к *деструкции* исходного компонента временной организации. Точнее говоря, она приводит к его трансформации в такую «единицу» временной организации, которая уже утрачивает ее качественную определенность (длительность, «протяженность», последовательность). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что синхронизированность («отношения

синхронии») является *объективно необходимой* для временной организации. Дело в том, что десинхронизированность как, действительно, объективное условие этой организации возникает лишь в том случае, если «уже есть то, что может быть десинхронизировано».

Подчеркнем также, что на феномены (и механизмы) синхронизации и десинхронизации распространяются и наиболее общие – принципиальные отношения, которые существуют между компонентами и элементами в целом и описаны в теории систем. Главными из них, как известно, являются отношения функциональной и генетической *обратимости* компонентов и элементов, согласно которым они не только могут трансформироваться – «взаимопереходить» друг в друга, но сами эти переходы во многом и определяют специфику межуровневых переходов в системах, их организацию в целом. В организации темпоральных систем такой переход между компонентами и элементами представлен в еще более явном виде, нежели по отношению к системам субстанционального типа. Он осуществляется посредством изменения меры выраженности «отношений следования», что и дает «на выходе» либо десинхронизацию (компонент временной системы), либо синхронизацию (элемент временной системы). В феномене синхронизированности (как *элементе* временной системы) происходит *деструкция* базового атрибута времени и временной организации. Однако это вовсе не означает, что элементы «не обязательны» для такой организации. Как раз напротив, они выступают *онтологической* базой для нее, поскольку сама десинхронизация обязательно «рождается» из чего-либо. Десинхронизация («отношения следования») как компонентное значение критерия-дискриминатора временных систем невозможна поэтому без и «вне» их предшествующей синхронизированности. Это положение, кстати говоря, очень хорошо согласуется с современной точкой зрения на природу *процессорной организации* как таковой, особенно явно представленной по отношению к психически процессам. Дело в том, что любой сложноорганизованный процесс (то есть, другими словами, – временная

система) строится в плане своего функционального генезиса не по типу *интеграции* какой-либо совокупности тех или иных этапов, которая *уже* дана до их организации. Как раз наоборот, он (в общем случае) строится по типу *дифференциации* исходной целостности лишь на те «части» – этапы, которые необходимы и *достаточны* для достижения цели процесса. Тем самым, исходная целостность, в которой доминируют, естественно, механизмы синхронизации, дифференцируется на временные «части», являющиеся следствием действия механизма десинхронизации.

Далее, столь же естественным и органичным, даже – необходимым является трансформация компонентного значения критерия-дискриминатора в ближайшее к нему по степени сложности значение, но уже так сказать «сверху», – *субсистемное*⁷⁴. По отношению к временной организации и временным системам в целом данное значение критерия-дискриминатора конкретизируется следующим образом. Те «отношения следования», которые составляют суть компонентного значения и являются относительно простейшими из возможных, могут, разумеется, усложняться – причем, совершенно естественным, необходимым и понятным образом. Они могут трансформироваться из «отношений *непосредственного* следования» в «отношения *опосредствованного* следования». В них, в отличие от предыдущих, какое-либо событие «В» уже не прямо – не *непосредственно* следует за событием «А», то есть локализуется на временной оси не *сразу* же за ним, а отделено от него какими-либо иными событиями. Такое «временное *опосредствование*» ведет, однако, к двум фундаментальным следствиям.

---

⁷⁴ Напомним, что суть данного значения и, соответственно, состоит в следующем. Данный уровень образован упорядоченной совокупностью отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональных органов» системы) и имеющих собственное достаточно сложное – собственно системное строение, так как все они формируются как продукты закономерной интеграции множества компонентов. Кроме того, он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы.

Во-первых, само по себе «опосредствование», означая разнесенность событий вдоль «оси времени», порождает еще один важнейший атрибут времени (как объективного, так и субъективного). Это – его *дискретный*, «интервальный» характер. События, связанные друг с другом, не прямо, а опосредствованно, то есть события, не переходящие одно в другое непосредственно, с *необходимостью* порождают возникновение *интервала* между ними, что и дает «на выходе» указанное свойство. Вместе с тем, такая «отсроченность» – разнесенность не является чем-то исключительным. Как раз наоборот, она выступает объективным следствием и «продуктом» естественного усложнения *содержания* того или иного процесса.

Во-вторых, пожалуй, еще более важным в плане раскрытия *содержания* временной организации является то, что события, которые «включаются» между изначально непосредственно следующими друг за другом событиями, не только не являются в *содержательном* плане не связанными с ними, но, напротив, как правило, зависят от них. Более того, они, как правило, порождены ими, а нередко служат и *средством* перехода от одних событий к другим⁷⁵. В силу этого, они оказываются атрибутивно связанными друг с другом – либо по структурному, либо по функциональному основанию. Тем самым, однако, достигается важный результат, придающий временной организации новые грани и обеспечивающий новые возможности и заключающийся в следующем. В *общей* временной организа-

---

⁷⁵ Классическим и наиболее явным примером этого является именно то, как организованы отдельные действия в структуре деятельности (к этому вопросу мы еще возвратимся ниже). Так, при усложнении условий деятельности возникает фундаментальный феномен, суть которого состоит в том, что исходная временная связь двух действий («А» и «В»), когда второе *непосредственно* следовало за первым («отношения следования») трансформируется в более сложную связь *опосредствованного* типа. Дело в том, что сам переход от «А» к «В», в силу изменения (усложнения) условий оказывается объективно возможным лишь тогда, когда *между* ними будут осуществлены дополнительные, вспомогательные действия. Причем, разумеется, все они должны быть сорганизованы друг с другом, образовывать комплексы – «цепочки», представляющие определенные комплексы действий – их подсистемы.

ции дифференцируются не только ее отдельные *компоненты* (и элементы) – этапы, стадии, события, но и определенные *функциональные ансамбли* этих компонентов. Образуются «цепочки» событий – их относительно «локальные временные комплексы», в пределах которых они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимопереходят друг в друга. Это обеспечивается за счет того, что в их основе как раз и лежат «отношения следования», хотя, разумеется, и опосредствованного. Тем самым, представленные в компонентном значении критерия-дискриминатора «отношения следования» трансформируются в «отношения опосредствования», что и дает в итоге феномен последовательности. Он, в свою очередь, образован многократно повторяющимися, но закономерно взаимосвязанными, «отношениями следования». Внутри общего состава временных систем дифференцируются такие их «части», которые уже в принципе не могут быть соотнесены с отдельными компонентами (то есть «отношения следования»), поскольку представлены их множество, причем – множеством, также подвергнутым организации. Тем самым, компоненты, фактически, синтезируются в комплексы, обладающие своей необходимой организацией и представляющие собой относительно целостные в функциональном плане образования. Они удовлетворяют поэтому всем основным параметрам именно *субсистемного* значения критерия-дискриминатора. Именно в них впервые со всей остротой встает задача временной организации – упорядочивания как такового. Феномен опосредствованности является объективной предпосылкой для подключения соответствующих – собственно «организационных средств». Именно он приводит к необходимости упорядочивания этой опосредствованности – в частности, «выстраивания» элементарных событий (например, действий) вдоль оси времени.

Таким образом, можно видеть, что закономерное и вполне естественное усложнение исходных компонентов («отношений следования») с необходимостью приводит к порождению *нового* типа временных отношений – «отношений опосредствования». Через них осуществляется становления «временных комплек-

сов», образованных последовательностями взаимосвязанных событий⁷⁶. Тем самым, однако, порождается необходимость в их временном структурировании, в их упорядочивании вдоль «оси времени», что и эквивалентно временной организации как таковой. Вместе с тем, эта организация направлена еще не на весь процесс в целом, то есть соотносится не с его *общей* организацией. Она по необходимости носит здесь еще *локальный* характер, так как направлена на упорядочивание лишь какой-либо части его временного содержания.

Далее, с позиций сформулированного подхода очень показательным и доказательным является то, что еще одно основное значение критерия-дискриминатора – собственно *системное* также очень органично и естественно воплощается в структурно-уровневой организации временных систем. С одной стороны, степень очевидности и мера полноты такого соответствия является также относительно наибольшей. С другой стороны, и сам характер этого соответствия подобен тому, которой существует по отношению ко всем иным типам систем (прежде всего, «классическим» – субстанциональным). Действительно, не только хорошо известно, но и вообще – является одной из «аксиом» системного подхода, что именно по отношению к организации систем *в целом*, (то есть на общесистемном уровне организации) ее ведущим и определяющим началом – *системообразующим фактором* выступает цель той или иной системы. Вместе с тем, трудно не видеть того обстоятельства, что именно *это же* характерно (и вообще – атрибутивно присуще) и собственно временной организации как таковой. Более того, по отношению к ней данное положение представлено с еще большей степенью

---

⁷⁶ В контексте данного вывода по-новому раскрывается известное понятие *терблига*. «Терблиг» – производное слово от фамилии авторов, предложившего его, супругов – Ф. и Л. Гилбрет (если читать его наоборот) [51]. Им обозначаются относительно самостоятельные, сорганизованные друг с другом комплексы отдельных действий (то есть их временные паттерны), направленные на решение тех или иных функциональных задач, которые, в свою очередь, определяются общими целями деятельности и ее содержанием, а также режимными условиями ее осуществления.

отчетливости, демонстративности и даже – очевидности. Это проявляется в двух основных планах, фиксирующих, соответственно, два основных механизма временной организации.

Во-первых, совершенно очевидно, что сложность тех «отношений следования», которые составляют содержание компонентного уровня временной организации, может претерпевать и иные – дополнительные по отношению к уже рассмотренным типы трансформации. В самом деле, отношения «прямого следования» («В» следует сразу же за «А») могут трансформироваться не только по типу внесения в них опосредствования как такового («В», следуя за «А», опосредствуется еще и включением между ними «С», «D» и др.). Дело в том, что такого рода временные связи (и непосредственного и опосредствованного типов) могут устанавливаться не только между *локальными* компонентами процесса – его так сказать «элементарными событиями», но и между каждым из них, с одной стороны, и *общей* целью всего процесса, с другой. Разумеется, все это может иметь место лишь в отношении тех процессов – тех временных сущностей, у которых, как минимум, есть такая цель.

Однако суть дела как раз и заключается в том, что о временных системах (в отличие от просто «развертывающихся во времени» явлений, то есть от «временных не-систем») можно говорить лишь в том случае, если они имеют такую цель. Само ее наличие является, как известно, *главным* критерием для дифференциации систем любого типа и класса, в том числе, разумеется, – и временных. В силу этого, именно наличие у какого-либо развертывающегося во времени явления цели (и, соответственно, его принадлежность к образованиям системного типа) – это, фактически, взаимополагаемые явления. Однако в таком случае появляются необходимые и *достаточные* основания для следующего – значимого в контексте рассматриваемых задач заключения. Еще один принципиально возможный и обладающей собственной качественной спецификой «тип сложности» отношений между временными «составляющими» – их прямые связи, но не *друг с другом*, а с конечной *целью*

(как системообразующим фактором) является основанием для дифференциации нового уровня сложности самой временной организации. По своему содержанию и смыслу он очень естественным и органичным образом соответствует *общесистемному* значению критерия-дискриминатора. Дело в том, что именно цель, а также ее организующая роль по отношению ко *всей* совокупности «составляющих» системы как раз и выступает системообразующим фактором.

Во-вторых, именно на этом уровне (и по отношению к этому типу сложности отношений «временных составляющих» систем) имеет место один из наиболее фундаментальных и «специфически временных» феноменов. Он вообще во многом лежит в основе их существования и обычно обозначается как феномен *временной обратимости*, точнее – *инверсии*, а его суть состоит в следующем. По отношению к ряду наиболее сложноорганизованных процессов может трансформироваться сам тип их детерминации – *каузальная* детерминация меняется на *целевую*. Это означает, что именно цель вступает не только как конечный *результат*, но и как основной комплекс *детерминант* развертывания и, соответственно, – организации всего *процесса*, то есть, фактически, всего содержания организации временных систем.

Следует специально подчеркнуть, что механизм «*временной инверсии*», позволяя реализовывать цели ее *системообразующие* функции, является атрибутивно временным по своей природе. Это еще раз демонстрирует важность данного типа системности как такового, а также его связь с иными атрибутами и типами системности – в частности, с субстанциональной. Фактически, это означает также, что ни одна система, поскольку она невозможна без наличия цели в качестве ее системообразующего фактора, не может быть реализована и без воплощения в ней собственно временной системности. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Цель является системообразующим фактором и по отношению к обеспечению субстанциональных систем, и по отношению к обеспечению временных – темпоральных систем. Поэтому и сам «феномен цели» как системообразующего фактора интегрирует два

основных типа системности⁷⁷. Таким образом, можно заключить, что еще одно базовое значение критерия-дискриминатора (общесистемное) также находит свое естественное и органичное, полное и, фактически, исчерпывающее воплощение в особенностях собственно временной организации систем.

Наконец, обращаясь к последнему значению общесистемного критерия-дискриминатора – *метасистемному*, можно констатировать следующую ситуацию⁷⁸. Все основные и наиболее специфические особенности данного значения с достаточно высокой степенью очевидности проявляются и в собственно временной организации. В качестве основного индикатора – эмпирического «референта» этого выступает следующая, хорошо известная и естественная с точки зрения общей организации систем закономерность. Согласно ей, те или иные «временные составляющие» системы (этапы и фазы, стадии и события и пр.) зависят не только, а зачастую – не столько от каких-либо других ее «составляющих» или даже – от ее общей цели, а от *внешних* по отношению к ней факторов и детерминант. Они, имея зачастую еще более сильный характер в плане временной организации систем, заложены, однако, не в них самих, а в содержании

---

⁷⁷ К данному – важному, на наш взгляд, обстоятельству, мы еще возвратимся в ходе последующего изложения (см. параграф 2.2. данного тома).

⁷⁸ Напомним, что сущность данного значения определяется следующими обстоятельствами. Любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; оно, как уже отмечалось выше, приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [132]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Однако, для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

того – более широко и общего временного контекста, в который они объективно включены. Данное обстоятельство представляется настолько очевидным сколь, и значимым, а соответственно, – имеющим многочисленные и хорошо известные эмпирические референты, что на нем, по-видимому, нет необходимости останавливаться более подробно⁷⁹. Причем, очень важно, что эти исходно «внешние» детерминанты и факторы не просто «оказывают влияние» на ту или иную систему. Они, как было показано в параграфе 2.1.1. второго тома, фактически, функционально *включаются*, «встраиваются» в ее собственное содержание⁸⁰. Временные системы, равно как и субстанциональные, также строятся по типу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это, собственно говоря, и достигается за счет вхождения в их собственное содержание исходно «внешних» по отношению к ним детерминант и факторов. Однако тем самым в их *собственном* составе и содержании оказывается воплощенным и еще одно основное значение критерия-дискриминатора – *метасистемное*.

Таким образом, можно видеть, что все пять основных значений общесистемного критерия-дискриминатора (метасистемное, системное, субсистемное, компонентное, элементное), действительно, очень полно, точно и органично – вообще совершенно *естественным* образом воплощены в закономерностях собственно временной организации систем. Они характеризуют принципиально – именно качественно различные типы сложности «отношений следования» их базовых «временных составляющих» и, соответственно, временной организации в целом. В результате этого в организации систем временного, *темпорального* типа реализуется то же самый – общесистемный инвариант базовых уровней систем как таковых, который лежит в основе общей организации систем и *субстанционального* типа.

---

⁷⁹ Фактически, любой сложноорганизованный процесс (то есть развертывание явления во времени) во многом и является таковым, то есть именно сложноорганизованным, что в нем всегда есть и то, чего в нем нет непосредственно.

⁸⁰ Кроме того, в параграфе 2.5.4. мы еще возвратимся к данному положению и покажем, как *конкретно* реализуется такое функциональное включение.

Он включает в себя пять основных макроуровней [101, 118]. На основании этого, можно сделать заключение, согласно которому не только субстанциональный, но и темпоральный – временной тип систем также построен на основе структурно-уровневого принципа и образует собой целостную иерархию ряда основных макроуровней. Вместе с тем, эти уровни образованы не субстанциональными – «морфологическими» и тем более – материальными «единицами». Они вообще образованы не «единицами» как таковыми, а *отношениями* между ними. Дифференциация уровней темпоральных систем возможна лишь при условии осознания и учета того, что в основе их организации лежит *релятивистский* принцип. Это – принцип изменения степени сложности *отношений* между ее «временными составляющими», а не принцип изменения степени сложности самих этих «составляющих». Подчеркнем также, что предложенный выше вариант решения проблемы структурно-уровневой организации систем темпорального типа носит (и должен носить, исходя из общей постановки задачи) именно *обобщающий*, а потому – и в известной мере *формальный* характер. Он, естественно, должен быть впоследствии *операционализирован* – наполнен конкретным содержанием. Это содержание, разумеется, непосредственно обусловлено психологической природой той системы, которая и является основным предметом данной работы – деятельности в целом и игровой деятельности, в особенности.

Итак, выше были рассмотрены некоторые достаточно общие вопросы, связанные с особенностями организации систем качественно специфического типа – временных, темпоральных. Основным итогом такого рассмотрения явилось обоснование положения, согласно которому, во-первых, в их общей структурной организации, действительно, реализован базовый и общий для системной формы организации как таковой принцип – *уровневый* (точнее, *структурно-уровневый*). Во-вторых, в их структурной организации реализована еще одна – очень важная системная закономерность: она воплощает в себе общесистемный критерий-дискриминатор основных макроуровней. Подчер-

кнем, наконец, что обращение к таким – действительно, очень общим и достаточно абстрактным вопросам не являлось ни основной задачей, ни тем более – самоцелью. Напротив, оно было продиктовано, прежде всего, общей логикой решению других – уже основных задач данной работы, связанных с раскрытием закономерностей генезиса деятельности⁸¹.

2.3. Деятельность как система темпорального типа

2.3.1. Темпоральная системность в структурно-функциональной организации деятельности

Действительно, для решения целого ряда исследовательских задач не только возможна, но и необходима экспликация базовой категории деятельности в том ее аспекте, который связан именно с *процессом* ее развертывания⁸². Естественно, организация этого процесса построена таким образом, что в его структуре, содержании и динамике воплощены, прежде всего, *содержательные* характеристики самих взаимодействующих «агентов» – то есть субъекта и объекта. Более того, эти характеристики являются онтологической – *субстанциональной* основой для организации данного процесса. Он от них не только в принципе не абстрагируем, а наоборот, строится на основе этих характеристик и воспроизводит их в себе. Вместе с тем, в свете проведенного в предыдущем параграфе анализа появляются все основания допустить, что он, по-видимому, имеет и определен-

---

⁸¹ Кроме того, необходимо еще раз отметить, что представленный выше вариант решения данной проблемы должен рассматриваться именно в качестве одного из возможных *вариантов*. Он не только не исключает иных способов, но и, по-видимому, может дополняться данными, полученными при их разработке.

⁸² Строго говоря, само понятие деятельности фиксирует, прежде всего (причем, наиболее непосредственным образом), именно *процессуальный*, временной аспект. Точнее она *в целом* и является самым этим взаимодействием (субъекта и объекта).

ную *собственную* «логику», обусловленную *общими* закономерностями временной – темпоральной организации как таковой. В связи с этим, собственно *процессуальный* аспект анализа деятельности как раз и требует выявления и интерпретации закономерностей ее временной, темпоральной организации (как одного из аспектов общей функциональной организации).

При этом необходимо учитывать, что деятельность в ее процессуальном аспекте характеризуется и еще одной – очень важной и, по существу, атрибутивной чертой ее собственно функциональной организации, состоящей в следующем. Она частично уже была рассмотрена выше (см. параграф 2.2. второго тома) и состоит в следующем. Общая цель деятельности, как правило (или даже практически всегда) – именно в силу того, что является *общей*, в принципе не допускает своей полной реализации посредством какого-либо одного, отдельно взятого, «единичного» акта взаимодействия субъекта и объекта. Деятельность потому и дифференцируется на «части» – действия, а затем интегрируется из них, что ее общая цель (по определению) предполагает множественность целого ряда так сказать «квантов» взаимодействия субъекта и объекта. Каждый из них вносит свой «парциальный» вклад в ее достижение, а кумуляция этих вкладов и делает возможным достижение самой цели.

Другими словами, невозможность непосредственного достижения общей цели деятельности в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени (так сказать симультанного ее достижения) разумеется, отнюдь не означает невозможности такого достижения вообще. Это становится возможным, как уже отмечалось выше, благодаря *механизму сукцессирования взаимодействия* – его дифференциации на «временные кванты». В каждом из них реализуется какая-либо часть этого потенциала, а синтез, то есть кумуляция как раз и обеспечивает уже не парциальную, а интегральную его реализацию. Другими словами, в каждом конкретном – парциальном «акте деятельности» (действии), то есть в каждый отдельно взятый момент, в ней достигается лишь какой-либо достаточно частный фрагмент общей цели (что и отражено в понятии *подцели*). Вместе с тем, сама суть

деятельности как раз и заключается в том, что она, выступая актуально – в каждый конкретный, отдельно взятый момент времени в форме действия, *в целом* представлена как организованная последовательность этих «парциальных актов». Они непосредственно сменяют друг друга и являются предпосылками, основаниями друг для друга.

Итак, можно видеть, что в каждом «акте деятельности» объективно может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть общего «потенциала субъекта. Вместе с тем, суть дела в том и состоит, через механизм множественности этих актов и, соответственно, их «парциальных» результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – «парциальных» результатов. Точнее, оно и *является* такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования. Это означает, что она должна быть распределена – так сказать «растянута вдоль оси времени». Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии, однако, эффективной соорганизации отдельных временных «квантов» – действий.

В этом пункте анализа необходимо обратить специальное внимание на еще одно – важное, на наш взгляд, обстоятельство. Дело в том, что само это сукцессированное и представленное в форме процесса взаимодействие, включающее целую «цепь актов деятельности» (действий), может быть либо менее, либо более эффективным. Эффективность же, в свою очередь, *реша-*

ющим образом зависит от того, насколько эта «цепь» – временная последовательность актов деятельности будет организована и, следовательно, насколько парциальные результаты этого взаимодействия обеспечат в своей совокупности их совместный, то есть кумулятивный эффект. Другими словами, эта последовательность должна быть представлена уже не просто как «поток», не как *сумма* отдельных «актов деятельности», а как их закономерно *организованная последовательность*, подчиненная общей логике и направленная на достижение единой цели. При этом – именно как таковая она *объективно* должна быть подвергнута организации – причем, по возможности, максимально эффективной. Однако, известно, что той формой, которая и может обеспечить такую – высокую эффективность организации, как раз и является организация собственно системного характера. Тем самым, деятельность с необходимостью эксплицируется, фактически, как *система*, но особого – уже не *субстанционального*, а собственно временного, то есть *темпорального* типа.

Далее, еще одна очень важная закономерность процессуальной организации деятельности, которая также эксплицирует ее принадлежность к системам темпорального типа, заключается в следующем. Как было показано выше, в ходе ее временного развертывания происходит *кумуляция* – накопление «парциальных» результатов, полученных на каждом ее этапе (акте), то есть посредством каждого действия. При этом, однако, следует подчеркнуть, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу «простого суммирования» (то есть *агрегации*) получаемых результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе – в процессе реализации последующих актов результаты, полученные на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, сколько могут «представать в новом свете», то есть подвергаются *качественным* трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса деятельности, одна из ее атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение «базы результатов» деятельности, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении выступает не как их *агрегация*, а как их *интеграция*. Она

предполагает не только количественное увеличение – расширение и обогащение этой «базы», но и ее *качественные* трансформации. Данную закономерность можно обозначить как принцип *трансформирующейся кумуляции*.

Наконец, необходимо отметить и еще одну – также достаточно общую закономерность функциональной организации процесса деятельности, также коренящуюся в базовых принципах системной организации как таковой. Каждый последующий этап общего процесса развертывания деятельности (каждое последующее действие) реализуется при обязательном условии опоры на те результаты, которые были получены на всех предыдущих этапах. Вместе с тем, развертывающаяся по ходу процесса деятельности кумуляция результатов характеризуется, как следует из предыдущей закономерности, принципиальной изменчивостью и вариативностью: она *другая* для каждого последующего этапа, чем для предыдущего. Однако именно эта принципиально трансформирующаяся в содержательном отношении база и является основанием, то есть, фактически, комплексной детерминантой для каждого последующего этапа, акта деятельности. Тем самым и весь ее процесс развертывается как временная система со сменными основаниями, то есть подчиняется *принципу сменной детерминации*. Более того, эти детерминанты, а также вся их совокупность отнюдь не выступают как нечто «уже данное», хотя и различное на каждом этапе. Дело заключается еще и в том, что они сами формируются, фактически, – *создаются* в процессе деятельности. В силу этого, сама деятельность раскрывается и как процесс *создания* (генерации) нового содержания – новых детерминант для ее же *собственного* функционального развертывания. Принцип сменной детерминации по отношению к деятельности, фактически, трансформируется в принцип *генерируемой детерминации*.

Итак, какой же – в свете отмеченных выше обстоятельств – может и должна быть интерпретация деятельности в ее собственно *процессуальном* плане? *Что* именно она представляет собой именно как *процесс* – в ее временном «измерении», в ее *диахронической*, то есть собственно темпоральной организации? Пре-

где всего, представляется очевидным, что она, как минимум, должна быть «просто» *организована* и в этом плане (а не только в плане более традиционных для психологии деятельности «составляющих» – субъекта и объекта). Столь же очевидно, что, чем выше будет степень такой – временной, то есть собственно процессуальной организации, тем выше и эффективность самой деятельности. Следовательно, можно констатировать наличие объективных оснований и факторов – общих детерминант для того, чтобы временная организация деятельности формировалась и развивалась в возможно более совершенном виде. Это, соответственно, предполагает формирование и реализацию все более эффективных средств такой организации. Отсюда, следует, что в ходе эволюции средств своей временной организации деятельность «не могла пройти мимо» той формы, которая является наиболее эффективной, то есть собственно системной формы организации. Как уже отмечалось выше, это означает, что для обеспечения возможно большей эффективности деятельности требуется ее, соответственно, возможно большая организованность. В свою очередь, это – в целом несложное, но крайне важное обстоятельство и обуславливает объективную необходимость в реализации соответствующей, то есть также наиболее эффективной форме (системной).

С этой точки зрения становится вполне очевидным, что сам процесс деятельности должен быть построен таким образом, чтобы воплотить в себе черты собственно системной формы организации. Однако подчеркнем еще раз, это системность особого, качественно глубоко специфического типа – не *субстанциональная*, а временная, *темпоральная*; она выступает наиболее эффективной формой собственно диахронической организации. Чем в большей степени она воплощается в организации деятельности, тем выше и ее общая организованность деятельности, и ее эффективность. Все это означает, что сама деятельность в целом должна быть понята как представитель особого класса системных образований – как *система временного типа*. Она реализует в своей организации не только *субстанциональную*, но и *темпоральную* системность как наиболее совершенную

форму диахронической организации. В этом отношении она «воспроизводит» в своей организации временную – темпоральную системность как таковую.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что именно по отношению к деятельности темпоральная системность представлена не только с максимальной отчетливостью и феноменологической очевидности. Она вообще составляет самую ее суть, ее содержание и выступает эмпирически данной и феноменологически представленной формой ее бытия. Именно темпоральная – собственно «процессуальная организация» деятельности составляет один из основных ее атрибутов, важнейшее условие и даже залог ее эффективности и вообще – реализуемости в целом. Необходимость в ней является и нормативным императивом, поскольку в содержание *нормативно-одобренного* способа деятельности как раз и включается, прежде всего, ее временная регламентация.

В свете всего вышеизложенного вполне закономерно, что в процессе организации деятельности (как частной, хотя и высшей формы собственно временной, функциональной организации в целом) получают свое естественное и многоплановое воплощение все основные особенности собственно системной организации⁸³. Причем, что также очень характерно и доказательно, в деятельности воплощены не только и даже не столько какие-либо *частные* – локальные особенности системной организации (хотя, разумеется, и они тоже), сколько именно наиболее *общие*, определяющие особенности и закономерности. Они являются наиболее характерными для этой формы как таковой и вообще – выступают, фактически, ее атрибутами. Рассмотрим их более подробно.

---

⁸³ Предпринимая, далее, попытку характеристики организации деятельности с точки зрения воплощенности в ней черт системной организации, необходимо подчеркнуть, что мы не претендуем ни на ее полноту, ни тем более на ее завершенность. Дело в том, что данная проблема находится, по существу, на самых начальных этапах своего изучения и, фактически, впервые ставится здесь в качестве самостоятельной. Дальнейшие исследования позволят, по-видимому, углубить и развить эту характеристику, что, в свою очередь, будет содействовать развитию психологии деятельности в целом.

Так, прежде всего, с очень высокой степенью очевидности обнаруживается, что временная – темпоральная организация деятельности (а, следовательно, и сама она в целом) в наиболее общем плане подчиняется *основной* закономерности системного типа – наличию определенного *системообразующего фактора*. Причем, в его качестве по отношению к *временной* организации деятельности выступает, фактически, то же самое деятельностное образование, что и для иных аспектов и планов ее организации. Действительно, в качестве такового, разумеется, должна быть понята *цель* деятельности. Более того, речь, по-видимому, должна идти о том, что она, являясь общим системообразующим фактором для всей деятельности, выступает таковой и по отношению к ее собственно временной организации. Она должна рассматриваться в модусе ее «организующего начала» и по отношению к данному типу организации – темпоральной. Тем самым, наличие у временной организации деятельности системообразующего фактора, а также сам его тип – содержание и специфичность той роли, которую он выполняет, является *решающим* аргументом в пользу наиболее обобщенного и притом *объективного* обоснования принадлежности деятельности к собственно системным образованиям. И для содержательной (субстанциональной), и для временной (темпоральной) организации деятельности системообразующие факторы не только существуют, но и являются, фактически, едиными – общими. В их качестве выступаете цель деятельности, взятая, однако, в двух ее разных, хотя и одинаково значимых – базовых функциональных проявлениях: в плане организации содержания и структуры деятельности, а также в плане ее временной, процессуальной организации.

Таким образом, цель определяет не только компонентный состав, содержание, структурную организацию деятельности и пр. Она определяет и ее основные характеристики, взятые так сказать в собственно временном «измерении». К этим характеристикам относятся, прежде всего, следующие особенности: определенная этапность ее осуществления; та или иная степень дифференцированности на «временные фрагменты» как своего рода компоненты функциональной динамики; последовательность и

соподчиненность фаз ее развертывания и мн. др. Следует подчеркнуть, что в психологии, а также в ряде других дисциплин и направлений (например, в «физиологии активности»), по отношению к цели как системообразующему фактору временной организации поведения установлен ряд важных закономерностей достаточно общего плана. Все они хорошо известны, в силу чего достаточно ограничиться указанием на их общий смысл.

Прежде всего, это, разумеется, специфическая форма существования цели (именно как системообразующего фактора деятельности) – форма *идеального* образа будущего результата⁸⁴. Именно идеальная природа цели позволяет ей реализовывать регулятивные и системообразующие функции по отношению ко всей деятельности и на всех временных этапах ее осуществления. Она позволяет ей быть тем ориентиром, который определяет и динамизирует весь ход ее осуществления, а также регулирует ее функциональную организацию. В частности, такой характер цели (как атрибута именно временной системности) лежит в основе ряда известных, фундаментальных феноменов имеющих непосредственное отношение и к организации деятельности, и более того, – вообще порождает их. Это, прежде всего, феномен «потребного будущего» (Н. А. Бернштейн [22]); явление оперативного образа (Д. А. Ошанин [179]), понятие «акцептора действия» (П. К. Анохин [9]), а также ряд иных – сходных с ними по природе явлений.

Наряду с этим, на наш взгляд, не менее значимо, что именно такой характер цели как системообразующего фактора временной организации деятельности, лежит в основе существенного расширения и углубления трактовки наиболее общего понятия – понятия процесса *детерминации* как такового (его факторов, типов и форм и др.). Дело в том, что в этом случае качественно меняется, трансформируется сам характер детерминации,

---

⁸⁴ Вообще говоря, именно это – идеальный характер цели деятельности, а также само ее наличие как общего регулятора деятельности нередко рассматривается в качестве *главного* отличительного признака деятельности как таковой (достаточно вспомнить в это связи известную характеристику деятельности, данную К. Марксом [152]).

ее общий принцип – с *каузального* на *телеологический*. Точнее говоря, – каузальная (то есть причинно-следственная) детерминация *дополняется* телеологической, то есть той, которая и характерна для целевой детерминации. Детерминация по типу «почему?» меняется на детерминацию по типу «зачем?», «для чего?» (точнее, повторяем, – дополняется ей). Тем самым, и временная организация, а соответственно, – и временная системность выступает уже как относительно более сложная, нежели системность собственно субстанциональная. В ней оказываются синтезированными два основных типа детерминации – каузальная и телеологическая, причинно-следственная и целевая. Рассмотренная выше особенность – наличие у временной организации деятельности совершенно определенного и очень общего системообразующего фактора является, на наш взгляд, наиболее значимой для всей этой организации. Она определяет собой многие иные – также значимые особенности воплощенности во временной динамике деятельности черт собственно системной организации.

Так, во временной организации деятельности с высокой степенью полноты и демонстративности проявляется еще одна – максимально обобщенная и специфичная для системной формы организации в целом особенность. Она, в свою очередь, непосредственно обусловлена рассмотренной выше ролью цели в качестве ее системообразующего фактора. Данная особенность сопряжена с теми – характерными и специфичными для системной формы организации отношениями, которые складываются в любой системе между ней в целом и ее отдельными «составляющими», то есть с отношениями «целого и его частей». Эта специфика заключается в том, что любая часть, любая локальная «составляющая» «целого» (системы) обладает двойственностью, точнее – *двуединством* природы и содержания. С одной стороны, она обладает собственной качественной *определенностью* – характеризуется теми особенностями, которые присущи ей, так сказать, «самой по себе». С другой стороны, она во взаимодействии с «целым» – включаясь в него и функционируя в нем, обретает дополнительные качественные характеристики, дополнительные качественные «измерения», что отражено

в понятии качественной *специфичности*. Тем самым возникает известный и фундаментальный для системной методологии феномен «удвоения качеств».

Вместе с тем, констатируя это, трудно не видеть и того, что данный феномен очень демонстративно проявляется именно во временной организации деятельности. Хорошо известно, что содержание ее основных «временных составляющих» (действий) в принципе нераскрываемо, а очень часто и «непонятно» само по себе – вне целостного деятельностного контекста, вне общей последовательности составляющих ее действий. Любое действие обретает смысл и насыщается конкретным содержанием лишь в контексте целостного – временного развертывания всей деятельности, в контексте ее общей темпоральной организации. Как известно, одним из фундаментальных атрибутов действия (и даже – «критически значимых», то есть определяющих признаков его дифференциации в структуре деятельности) является *несовпадение* его цели с целями всей деятельности, но одновременно – и *соподчиненность* им [139]. Тем самым, действие вообще порождается только как *соотносимое* с общей целью деятельности, но одновременно – и принципиально *не совпадающее* с ней. Отсюда становится совершенно понятным и даже необходимым известный феномен, заключающийся в том, что в любом действии всегда «есть и то, чего в нем нет непосредственно». Смысл действия, а в конечном итоге – и всё его содержание производны не только от его собственной организации, но и от его включенности в деятельность, в том числе и в ее собственно временную организацию.

Наряду с этим, по отношению к временной организации деятельности, воплощающей в себе черты собственно системной организации, необходимо констатировать еще более общую и известную особенность. Она рассматривается в качестве основного признака – так сказать «индикатора и предиктора» системности в целом. Данная особенность имеет своего рода «зеркальное» содержание по отношению к предыдущей особенности и заключается в следующем. С одной стороны, действительно, *включение* отдельных «составляющих» деятельности – ее ча-

стей (действий) в целое (деятельность) приводит к своеобразному «выходу» за пределы их собственного содержания. Это и обуславливает, собственно говоря, возникновение специфически-генеративных, порождающих эффектов. Однако, с другой стороны, аналогичное именно по своей генетически-порождающей природе явление имеет место, как известно, и при *синтезе* – организации самих «составляющих» в целостность. Формирующаяся целостность – система (в данном случае временного, темпорального типа) потому и является таковой, что у нее возникают новые – специфически *системные качества*. Это – те свойства, которых нет ни у ее отдельных «составляющих», ни у их аддитивной совокупности, то есть у их агрегативного множества. Генеративно-порождающие эффекты возникают уже не только по отношению к отдельным «составляющим» – действиям, но и к их синтезам. На уровне целостности эти эффекты и образуют качественную определенность самого целого, представленную в совокупности его базовых характеристик – системных качеств.

Именно данная закономерность является очень характерной для временной организации деятельности *в целом*; она соотносится именно с организацией ее «локальных» временных составляющих – действий. Деятельность обязательно (даже – по определению) имеет такой результат, а следовательно, и такое содержание, которое *в принципе* отсутствует у любого из ее «временных компонентов» – действий, а также у их «неорганизованной совокупности», то есть у «неупорядоченного во времени» их агрегативного множества. Более того, именно в целях получения такого результата сама деятельность как система действий и *конституируется*, порождается – обретает смысл именно как закономерно организованный *процесс*. Данная закономерность имеет место, однако, не только на уровне временной организации деятельности *в целом*, но и в более частном плане такой организации – в меньших «интервалах времени», нежели вся она.

Кроме того, сам функциональный генезис деятельности – ее организация, воплощающая в себе черты временной систем-

ности, характеризуется принципиальной *генеративностью*. Те или иные ее *временные компоненты* (действия) вначале *порождаются* – причем, именно в том виде, форме и содержании, какие необходимы с точки зрения достижения ее общих целей. И лишь затем они *используются*, то есть подвергаются «временному синтезу». Наиболее важным при этом является то, что сам процесс их порождения и, соответственно, те характеристики, которые они обретают в его результате, детерминирован условиями, задачами и требованиями последующего использования. Одной из наиболее очевидных иллюстраций этого является, например, организация действий по выработке и принятию решений [94]. Эти действия, как известно, организуются не только, а зачастую – не столько в соответствии с аргументами содержательного и тем более – «строго рационалистического» характера, сколько в соответствии с соображениями последующей *реализуемости* решения. Данная особенность является частным проявлением общей закономерности, состоящей в том, что деятельность не только постоянно порождает условия и детерминант своего же собственного развертывания, но генерирует при этом лишь то, что сама оказывается в состоянии реализовать.

2.3.2. Действие как структурная «единица» темпоральной организации деятельности

В плане общего обоснования категории темпоральной системности как формы организации деятельности очень показательным является, далее, еще одно обстоятельство общего плана. Анализ деятельности с позиций реализации в ней темпоральной системности – при условии, конечно, его достаточной глубины, с необходимостью приводит к постановке еще более общих – по существу, *методологических* вопросов и проблем. Так, с этих позиций с высокой степенью очевидности и остроты обнаруживается одна из принципиальных трудностей и даже – одно из фундаментальных противоречий всей современной психологической теории деятельности, заключающееся в следующем. С одной стороны, аксиоматичным в ней является положение,

согласно которому основным, базовым компонентом деятельности выступает *действие*. Оно трактуется при этом именно в качестве компонента деятельности, что, однако, – вольно или невольно, а чаще просто «следуя традиции» предполагает и его понимание в качестве именно *структурного*, подчеркнуто содержательного компонента, поскольку сами понятия компонента и структуры традиционно выступают воедино связанными, предполагающими друг друга.

Вместе с тем, как было показано выше, субстанциональная системность, воплощающаяся в структурной организации, – это, хотя и важный и, более того, по-видимому, основной тип системности, но все же не единственный ее тип. Наряду с ней, существует и темпоральная системность, являющаяся объективным следствием и высшей формой временной организации. Она, как, впрочем, и любая иная организация, предполагает наличие самого «организуемого», то есть соответствующих ей специфических компонентов. Однако, это уже собственно *временные компоненты*, то есть компоненты временной системы. С этих позиций трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что само понятие действия как наиболее традиционное и, по существу, «безоговорочно» принимаемое в качестве базового компонента деятельности исходно и первично не является ее субстанциональным компонентом, а выступает компонентом иной природы – *временным компонентом*.

В самом деле, любое действие дифференцируется в структуре деятельности по «критически значимому» признаку – наличию у него *осознаваемой* цели. Вместе с тем, не менее фундаментальной является и та закономерность, согласно которой именно осознаваемая, произвольная регуляция, сопряженная с достижением какой-либо цели, в силу своей «одноканальности», «однофокусности» (как базового принципа организации самого сознания), не может так сказать «запараллеливаться» с другими действиями. Она требует полной включенности в нее субъекта и, следовательно, предполагает необходимость выделения действия в общем «деятельностном континууме» именно в качестве *автономного* собственно временного *интервала*.

Любое действие, сопряженное с достижением осознаваемой цели, объективно предполагает его *временную автономизацию* – представленность именно в качестве этапа (или – микроэтапа) деятельности, в качестве ее так сказать «временного кванта».

С этих позиций становится еще более очевидной определенной и уже отмечавшаяся выше условность традиционно сложившихся представлений о действии как «единице», лежащей в основе *иерархической* организации *структуры* уровней. Эта структура (например, в концепции А. Н. Леонтьева) предполагает трактовку самого действия именно как структурного, а не как временного ее компонента, что и приводит к целому ряду принципиальных теоретических трудностей. В реальности же организация деятельности – это, прежде всего, *временная организация*. В связи с этим, возникает необходимость, во-первых, в распространении понятия структуры на временную (а не только на субстанциональную) организацию и, соответственно, – необходимость в понятии *временной структуры*. Во-вторых, становится необходимой и трактовка самого действия не только в качестве структурно-субстанционального, но и в качестве именно структурно-временного, то есть темпорального компонента деятельности. Действие – это не только, а быть может и не столько «морфологическая» (субстанциональная), сколько временная (темпоральная) «единица» деятельности.

Трактовка действия как «составляющей» деятельности (ее основного компонента, «единицы»), носящей уже не только структурно-субстанциональный, но и структурно-временной характер, позволяет, далее, выявить обстоятельство еще более имплицитного плана. В самом деле, согласно данной трактовке, действие выступает, с одной стороны, своего рода «временным квантом» деятельности, средством ее временной дифференциации (а на этой основе – и ее интеграции). Однако в еще более широком и принципиальном плане это же означает, что оно является и средством, обеспечивающим включение в организацию деятельности самого *параметра времени* как одной из базовых, фундаментальных «координат» объективной реальности. Оно выступает поэтому и важным средством того, что

традиционно обозначается как «приспособление к времени». С другой стороны, «в» действии и «через» него происходит, по-видимому, не только так сказать «приспособление» к параметру времени, но само оно является поэтому не только инструментальным образованием, а выполняет по отношению к данному параметру более важную функцию.

Дело в том, ключевым и «критически значимым» признаком дифференциации действия в структуре деятельности является наличие у него *осознаваемой* цели – причем, цели, не совпадающей с общей целью деятельности. Тем самым, на действие «автоматически» и совершенно объективно транспонируется само качество *осознаваемости*, *состояние* осознаваемого контроля – состояние сознания, взятое в его актуальном и конкретном бытии. В каждый отдельно взятый момент времени, соотносящийся с реализацией того или иного действия, осознаваемый контроль за ним, его осознаваемая репрезентация образует собой актуально переживаемое, осознаваемое содержание психики, всю *субъективную реальность* в ее актуальном проявлении. «Цепь» действий, точнее – их последовательность, а еще точнее – их временная организация, собственно говоря, и эквивалентна деятельности в целом. Однако, тем самым *эта же* «цепь» (последовательность – временная структура) предстает и как последовательность *состояний* *осознания*, то есть как его *собственная* – так сказать «внутренняя» динамика, которая, в свою очередь, во многом вообще и репрезентирует субъектность как таковую. Причем, сами действия, в силу также уже отмечавшейся «одноканальности», «однофокусности» сознания, строго говоря, не могут «запараллеливаться», а реализуются иным образом, то есть именно «одноканально» – согласно принципу *последовательности*.

Таким образом, можно видеть, что последовательность действий выступает и как последовательность *состояний* *сознания*. Это – последовательность, точнее, своего рода временная динамика состояний *самого субъекта*, само «бытие субъектности» в плане ее временного развертывания. При этом, однако, уже не «динамика субъективного мира» дробится на отдельные

«кванты» (действия), а наоборот, они сами как раз и *порождают* ее. Тем самым, действия, а также их организация выполняют генеративно-порождающие функции; они в известной мере *порождают субъективное время*, а не только выступают *средством* адаптации к нему.

Далее, именно временная *последовательность*, точнее – временная структура действий, составляет саму *суть* деятельности как таковой; обуславливает существование *процесса* деятельности проявление собственной временной организации. Тем самым эта организация в значительной степени транспонирует на себя и основные свойства параметра времени в целом. «Ось времени», с одной стороны, и временная структура деятельности, с другой, оказываются принципиально подобными; вторая, фактически, воспроизводит первую. К чертам такого принципиального подобия следует отнести атрибуты: одномерность, однонаправленность, непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальную квантифицируемость (дискретность), «длительность» (продолжительность, длительность) и др. Тем самым, «ось деятельности» оказывается, действительно, в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобна и даже *изоморфна* «оси времени»⁸⁵. Деятельность выступает и как *длительность*, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму деятельности, фактически, *является* ей. Деятельность эксплицируется и как средство *приспособления* к объективному времени, и как средство, *порождающее* субъективное время, а также – в определенной мере и как средство активного, субъективного контроля за ним.

Именно темпоральная – диахроническая организация действий в комплексы, точнее, в подсистемы (субсистемы по отношению ко всей деятельности), в целостные «временные паттерны» является, по-видимому, исходной и базовой. В связи с этим, можно сформулировать предположение еще более общего плана,

---

⁸⁵ Хотя, конечно, *в отличие* о полной необратимости времени, деятельность характеризуется свойством – пусть и неполной, но все же, обратимости – компенсации, корригируемости ее последствий.

согласно которому именно диахроническая организация «временных составляющих» деятельности выступает в качестве базовой и определяющей, а потому – и генетически первичной по отношению к ее субстанциональной организации. *Процесс* деятельности организует ее структуру, а не *структура* детерминирует процесс⁸⁶.

На основе проведенного выше анализа можно заключить, далее, что, по-видимому, именно различия в собственно темпоральной организации (и сама эта организация как таковая) выступает первичной по отношению общей – в том числе и структурной организации деятельности. Она является своего рода «активным началом» по отношению к особенностям и закономерностям собственно содержательной организации уровней. Тем самым, временная организация выступает, фактически, одним из основных *операционных средств* и, по-видимому, даже – *механизмом* собственно субстанциональной, то есть содержательной организации основных уровней деятельности. Сама же «временная иерархия» деятельности в этом плане, не исключено, должна быть проинтерпретирована в качестве первичной по отношению к субстанциональной, содержательной. Именно различия во временном масштабе уровней создают *объективно* необходимые (и также – разные) условия для насыщения их качественно различным содержанием⁸⁷. К этому принципиальному вопросу (к вопросу о соотношении двух иерархий – субстанциональной и темпоральной в организации деятельности) мы еще возвратимся в ходе последующего анализа.

---

⁸⁶ В этой связи вновь напрашивается аналогия данного вывода с известным положением теории управления: «функция определяет структуру» (Ч. Барнард [277]).

⁸⁷ Безусловно, мы отдаем полный отчет в том, что вопрос о «первичности – вторичности» двух типов системности по отношению к организации деятельности в целом и в ее иерархической организации, в частности, чрезвычайно сложен и не допускает, по-видимому, простых и однозначных решений. Есть основания полагать, что, в действительности, оба этих типа системности теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом и взаимно опосредствуют друг друга. Они, фактически, синхронизированы и синтезированы в ее общей иерархической организации.

2.3.3. Темпоральная системность в структурно-уровневой организации деятельности

Итак, на основе проведенного выше анализа можно становится вполне очевидным, что базовой «единицей» темпоральной организации деятельности является *действие* – причем, в его наиболее полном и непосредственном, так сказать «классическом» виде, во всех его основных атрибутах, подробно раскрытых в психологической теории деятельности. Вместе с тем, только этими атрибутами содержание действия, но в качестве «единицы» уже не субстанциональной, а *темпоральной* организации деятельности, не ограничивается. Дело в том, что в самой природе действия как «единицы» деятельности содержатся (правда, в имплицитном виде) все необходимые и достаточные условия для складывания и формирования на их основе различных по степени сложности *временных паттернов* – «цепочек», последовательностей, временных комплексов и т. д. действий. Причем эти паттерны, как показано нами в работе [118], характеризуются в целом глубокими и принципиальными, то есть именно *качественными* различиями. В силу этого, они не только могут, но и должны быть проинтерпретированы как проявления качественно разных *уровней* временной организации деятельности. Причем, сами эти уровни подчиняются наиболее общей закономерности их структурной организации – они синтезируются в целостную иерархию.

В данном пункте анализа мы, однако, вплотную подходим к необходимости формулировки и рассмотрения еще более общей и, по-видимому, наиболее принципиально проблемы. Это – проблема, связанная раскрытием закономерностей иерархической, структурно-уровневой организации деятельности как системы именно темпорального типа. Суть данной проблемы состоит в том, существует ли и, если да, то какая именно уровневая организация у деятельности именно как системы темпорального, а не только субстанционального типа?

При ее решении необходимо учитывать, в первую очередь, два принципиальных обстоятельства. Первое состоит в том, что

в этих целях следует базироваться на тех представлениях, которые были сформулированы нами в разделе относительно общих закономерностях и особенностях и *архитектонике темпоральной системности* в целом. Не дублируя, разумеется, их здесь, подчеркнем, однако, что именно они и будут использованы как основа для экспликации уровневой организации деятельности как темпоральной системы. Второе основное положение состоит в том, что решение данной задачи не должно строиться по типу поиска каких-либо «специфически-временных единиц», то есть особых – именно временных сущностей, которые автономны и тем более – рядоположены всем иным «составляющим» деятельности. Это – тупиковый, контрпродуктивный и, фактически, некорректный в методологическом плане путь. Как раз наоборот, все эти попытки должны осуществляться на основе осознания того важнейшего обстоятельства, что сами эти «единицы» не только производны от собственно *содержательных* «составляющих» деятельности, но и, фактически, являются одними из их собственных характеристик, одним из присущих им измерений).

Таким образом, «временные единиц» следует искать в самом содержании деятельности, в ее компонентном составе, взятом, однако, в специфическом – именно временном «измерении». Более того, есть все основания предполагать, что решение данной задачи должно быть обязательно сопряжено не с какой-либо частной, содержательной «составляющей» деятельности, а с ее объективно *главной* «единицей». В качестве именно такой – определяющей и трактуемой в теории деятельности в качестве основной ее единицы («ячейки») понимается, как известно, действие. На наш взгляд, именно действие является не только основным субстанциональным (так сказать «морфологическим») компонентом деятельности. Оно является и аналогичным по статусу, то есть также базовым, *временным ее компонентом*; выступает ее базовой собственно «временной единицей»⁸⁸. В це-

---

⁸⁸ Несколько предвосхищая дальнейший анализ, отметим, что именно этот статус – статус временной (а не содержательной) единицы является объективно *первичным*, исходным, а потому в известном смысле – и основным.

лях обоснования данного положения необходимо привлечь результаты анализа деятельности как системы темпорального типа, представленные, в частности, в работе [114].

Как известно, одним из основополагающих положений психологической теории деятельности является тезис, согласно которому базовым психологическим атрибутом действия является наличие у него *осознаваемой* цели. Причем, цель действия должна носить не только осознаваемый характер, но и обязательно *не совпадать* с общей целью деятельности. Вместе с тем, цели действий обладают и еще одним атрибутом, на который, однако, обращается существенно меньшее внимание, а сам он и поэтому явно недооценивается. Он состоит в том, что именно цели отдельных действий являются максимально конкретизированными – детализированными, «дробными». В силу этого они уже не могут далее дифференцироваться на цели иных порядков без того, чтобы не приводить к таким «единицам» деятельности, которые уже не обладают атрибутом осознаваемости. Именно поэтому в действии «пролегает граница» между осознаваемым и неосознаваемым уровнями регуляции деятельности. Цель действия *еще* осознается, тогда как их «субцели», то есть все, что «лежит под уровнем действия» (операции), *уже* не осознается. Более того, справедливость и универсальность этого обстоятельства, его определяющее для теории деятельности значение носят еще более явный и общий характер. Они связаны еще и с тем, что, фактически, сами действия как раз и дифференцируются в структуре деятельности по признаку наличия у них *осознаваемой* цели. Вместе с тем, констатируя это, нельзя не учитывать и еще одну – также очень общую и определяющую закономерность организации психики в целом и механизмов осознаваемой регуляции деятельности, в особенности⁸⁹.

Сознание как феномен, то есть как некоторое итоговое – результативное проявление целостного функционирования психики, равно как и рефлексия, выступающая его собственно про-

---

⁸⁹ В общем плане она была рассмотрена нами в работе [114], в силу чего здесь будет воспроизведен лишь ее общий смысл.

цессуальным средством, обладают, наряду, разумеется, с иными, очень разными особенностями одним – по существу, фундаментальным свойством. Это свойство, которое чаще всего обозначается как их «одноканальность», «однофокусность», а его суть состоит, как известно, в следующем. Осознание чего-либо *непосредственно* определяется той или иной – актуальной в каждый конкретный момент *времени* целью. Однако, само это «что-либо», то есть осознаваемое в каждый момент времени, не просто и не только подвергается автономизации. Оно не только выделению в относительно дискретном виде, но и, фактически, образует все содержание «осознаваемо психического» в *каждый конкретный* – так сказать, «текущий» момент времени. Оно тем самым образует «*психическое настоящее*» и дифференцирует от его «психического прошлого» и «психического будущего».

Следовательно, сам механизм осознания – через дифференциацию активности субъекта именно на действия с присущим им атрибутом цели *конституирует* «психическое настоящее» в каждый момент времени [117, 118]. Через «цепочки», точнее – последовательности таких осознаний (представленных в деятельности как соподчиненные действия) столь же объективно и естественно порождается и само субъективное время, конституируется «временная координата» деятельности. Деятельность поэтому подвергается «временной квантификации» – дифференциации на «единицы», в качестве которых и выступает именно через ее базовый компонент – действие. Затем и на основе этого она подвергается также и последующей интеграции. Само же действие, в силу этого, «удваивает» свой общепсихологический статус. Оно раскрывается уже не только в его традиционном («классическом») статусе основной *структурной* «ячейки» деятельности, но также и основной его *временной* единицы». И именно через такой синтез в *одном* «носителе», в одной и той же сущности – в действии «содержательного» (субстанционального) и «временного» (темпорального) аспектов этот синтез является, как можно видеть из вышеизложенного, и объективно необходимым, и вообще – единственно возможным. В силу этого, сама его констатация не только не является «уходом» от решения проблемы поиска

«временных единиц», но, напротив, – абсолютно необходимым условием такого решения. Временные единицы» целого (в данном случае деятельности) не могут иметь «внесодержательно-го», не связанного с «субстанцией», то есть с ней самой характера. Напротив, они должны быть *производны* от него, причем, не столько от тех или иных его «частных» аспектов, сколько от его базовых и основополагающих особенностей. Именно это и обнаруживается через связь «временных единиц» с базовым и определяющим структурным компонентом деятельности – действием.

Далее, очень показательно и то, что с позиций именно такого решения оказывается возможным предложить и решение еще одной – существенно более общей задачи. Она состоит в экспликации иных – качественно отличных от базовой временной «единицы» организации деятельности форм такой организации. Очень характерно и то, что эти – все более усложняющиеся формы и паттерны являются атрибутивно производными от самой базовой временной «единицы» и выступают как закономерные продукты ее качественных трансформаций. Действительно, как мы уже отмечали выше, базовая «единица» временной организации должна воплощать в себе (пусть пока и в неразвернутой форме) качественную определенность всего целого, которое и подвергается структурному анализу. Констатируя это, следует исходить из того, что именно такой качественной определенностью по отношению к параметру времени, безусловно, выступает, прежде всего, сама *длительность*, «протяженность» как таковая. Вместе с тем, она объективно конституируется лишь в том случае, если у нее будут представлены те «границы» – те «события», которые фиксируют ее начало и завершение. В этом плане сама по себе длительность, а соответственно, и «протяженность» как безусловные и важнейшие референты времени, с необходимостью предполагают *десинхронизированность*, как минимум, двух каких-либо событий – их «временную *разнесенность*». Лишь при ее условии объективно возникает возможность самого феномена «протяженности» – *длительности* и, соответственно, возникновение качественной определенности временных систем как таковых.

Вместе с тем, такая «разнесенность» (десинхронизированность) представлена по отношению к базовой временной «единице» в относительно *простейшем* из всех возможных виде. Естественно, что именно этим – максимально простейшим видом десинхронизации являются отношения *прямого*, непосредственного следования двух каких-либо событий («В» *непосредственно* следует за «А»; «А» *непосредственно* предшествует «В»). В данном отношении, которое было обозначено в разделе как «отношение следования» и сам параметр времени (как эквивалент протяженности, длительности), и степень сложности временной организации представлены в простейшем из всех возможных виде. Вместе с тем, они здесь *уже* представлены, то есть уже имеет место качественная определенность времени как такового; возникает и простейшая форма собственно временной организации. Это дает все необходимые основания для того, чтобы рассматривать данную форму временной организации («отношение следования») в качестве базовой «единицы» временной организации в целом⁹⁰.

Далее, очень показательным то, что именно эта базовая временная «единица» и соответствующий ей тип «отношений следования» содержат в себе необходимые предпосылки для экспликации качественно иных форм и уровней временной организации деятельности. Более того, две так сказать «соседних» – ближайших к ним формы (и, соответственно, – уровня) *непосредственно* выводятся из них посредством вполне закономерных трансформаций; поясним сказанное.

В самом деле, сама временная «протяженность», длительность становится все менее представленной в том случае и в прямой зависимости от того, в какой редуцируются указанные выше «отношения следования». Его ощущение – субъективная репрезентация редуцируется прямо пропорционально тому,

---

⁹⁰ Можно видеть, что в данном контексте возникает необходимость обращения к тем материалам, которые уже были рассмотрены в параграфе 2.2. данного тома и которые раскрывают особенности и закономерности архитектоники временной системности в целом.

как «отношения следования», являющиеся результатом *десинхронизированности* двух событий, трансформируются в принципиально иной тип временных отношений – *синхронизируются* и предстают как «отношения синхронизованности». Синхронизованность двух элементарных событий, то есть их «*временной синтез*» ведет, фактически, к *деструкции* исходного компонента временной организации. Точнее говоря, она приводит к его трансформации в такую «единицу» временной организации, которая, являясь необходимой для нее, уже утрачивает ее качественную определенность (длительность, «протяженность», последовательность). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что сама по себе синхронизованность («отношения синхронии») является *объективно необходимой* для временной организации. Дело в том, что десинхронизованность как, действительно, объективное условие этой организации возникает лишь в том случае, если «уже есть то, что может быть десинхронизовано».

В феномене синхронизованности, таким образом, происходит *деструкция* базового атрибута времени и временной организации. Вместе с тем, речь идет лишь о деструкции *субъективной* репрезентации данного атрибута. Однако это вовсе не означает, что сама временная синхронизация «не обязательна» для общей организации деятельности. Как раз напротив, она выступают *онтологической* базой для нее, поскольку сама десинхронизация обязательно «рождается» из чего-либо. Десинхронизация («отношения следования») как компонентное значение критерия-дискриминатора временных систем невозможна без и «вне» их предшествующей синхронизованности. Это положение, кстати говоря, очень хорошо согласуется с современной точкой зрения на природу процессорной организации как таковой, особенно явно представленной по отношению к психически процессам. Дело в том, что любой сложноорганизованный процесс (то есть, другими словами, – временная система) строится в плане своего функционального генезиса не по типу *интеграции* какой-либо совокупности тех или иных этапов, которая *уже* дана до их организации. Как раз наоборот, он (в общем случае) строится по типу *дифференциации* исходной

целостности лишь на те «части – этапы, которые необходимы и достаточны для достижения цели процесса. Тем самым, исходная целостность, в которой доминируют, естественно, механизмы синхронизации, дифференцируется на временные «части», которые и являются следствием действия механизма десинхронизации.

Далее, столь же естественным и органичным, даже – необходимым является и трансформация «отношений следования» (характерных для базовой временной «единицы») в качественно иной по степени сложности тип временных отношений. Его суть состоит в следующем. Дело в том, что сами «отношения следования», которые являются относительно простейшими из всех возможных, могут, разумеется, усложняться – причем, совершенно естественным, необходимым и понятным образом. Так, наиболее простым и естественным является простая кумуляция ряда частных (парциальных) «отношений следования», в результате чего возникают временные «цепочки», последовательности – временные паттерны, состоящие из целого комплекса базовых временных «единиц» – действий. Они образуют собой относительно самостоятельные и синтезированные по функциональному признаку, направленные, как правило, на решение тех или иных частных деятельностных задач «временные фрагменты» деятельности, образованные подсистемами действий, которые, в свою очередь, синтезированы в общую систему деятельности.

Другим – более сложным, но и более содержательным направлением трансформаций временной организации является следующее направление. «Отношения следования» могут трансформироваться из отношений *непосредственного* следования в отношения *опосредствованного* следования. В них, в отличие от предыдущих, какое-либо событие «В» уже не прямо – не *непосредственно* следует за событием «А», то есть локализуется на временной оси не *сразу* же за ним, а отделено от него какими-либо иными событиями. Такое «временное *опосредствование*» ведет, однако, к двум фундаментальным следствиям.

Во-первых, само по себе опосредствование, означая разнесенность событий вдоль «оси времени», порождает еще один

важнейший атрибут времени (как объективного, так и субъективного). Это – его *дискретный*, «*интервальный*» характер. Действительно, те события, которые связаны друг с другом не прямо, а опосредствованно, то есть не переходят прямо и непосредственно одно в другое, с *необходимостью* порождают возникновение *интервала* между ними, что и дает «на выходе» указанное свойство. Вместе с тем, такая «отсроченность» – разнесенность не является чем-то исключительным. Как раз наоборот, она выступает объективным следствием и «продуктом» естественного усложнения *содержания* того или иного процесса.

Во-вторых, пожалуй, еще более важным в плане раскрытия *содержания* временной организации является то, что события, которые «включаются» между изначально непосредственно следующими друг за другом событиями, не только не являются в *содержательном* плане не связанными с ними, но, напротив, как правило, зависят от них. Более того, они, как правило, порождены ими, а нередко служат и *средством* перехода от одних событий к другим⁹¹. В силу этого, все они оказываются атрибутивно связанными друг с другом. Эта связь может носить либо структурный, либо функциональный, либо какой-либо иной, но обязательно *содержательный* характер. Тем самым, однако, достигается важный результат, придающий временной организации новые грани и обеспечивающий новые возможности. В *общей* временной организации дифференцируются не только ее отдельные *компоненты* (и элементы) – этапы, стадии, события, но и определенные *функциональные ансамбли* этих компонентов.

---

⁹¹ Классическим и наиболее явным примером этого является именно то, как организованы отдельные действия в структуре деятельности. Так, при усложнении условий деятельности возникает фундаментальный феномен, суть которого состоит в том, что исходная временная связь действий «А» и «В», когда второе *непосредственно* следовало за первым («отношения следования») трансформируется в более сложную связь *опосредствованного* типа. Дело в том, что сам переход от «А» к «В», в силу изменения – усложнения условий оказывается объективно возможным лишь тогда, когда между ними будут осуществлены дополнительные, вспомогательные действия. Причем, разумеется, все они должны быть организованы друг с другом, образовывать комплексы – «цепочки», представляющие определенные комплексы действий – их подсистемы.

Образуются «цепочки» событий – их относительно «локальные временные комплексы», в пределах которых они тесным образом взаимосвязаны и взаимопереходят друг в друга. Это обеспечивается за счет того, что в их основе как раз и лежат «отношения следования», хотя, разумеется, и опосредствованного. Тем самым, «отношения следования» трансформируются в «отношения опосредствования», что и дает в итоге феномен последовательности. Он, в свою очередь, образован многократно повторяющимися, но закономерно взаимосвязанными, «отношениями следования». Внутри общего состава временных систем дифференцируются такие их «части», которые уже в принципе не могут быть соотнесены с отдельными компонентами (то есть «отношения следования»), поскольку представлены их множество, причем – множеством, также подвергнутым соорганизации. Тем самым, компоненты, фактически, синтезируются в комплексы, обладающие своей необходимой организацией и представляющие собой относительно целостные в функциональном плане образования. Именно в них впервые со всей остротой встает задача временной организации – упорядочивания как такового. Феномен опосредствованности является объективной предпосылкой для подключения соответствующих – собственно «организационных средств». Дело в том, что он приводит к необходимости упорядочивания этой опосредствованности – в частности, «выстраивания» элементарных событий (например, действий) вдоль оси времени.

Таким образом, можно видеть, что необходимое и естественное, хотя и относительно элементарное усложнение исходных «отношений следования» с необходимостью приводит к порождению *нового* типа временных отношений – «отношений опосредствования». Через них осуществляется становления «временных комплексов», образованных последовательностями взаимосвязанных событий. Тем самым, однако, возникает объективная необходимость в их временном структурировании, в их упорядочивании вдоль «оси времени», что и эквивалентно временной организации как таковой. Вместе с тем, эта организация направлена еще не на весь процесс в целом, то есть она соотно-

сится не с его *общей* организацией. Напротив, она по необходимости носит здесь еще *локальный* характер, так как направлена на упорядочивание лишь какой-либо части его временного содержания.

Далее, с позиций сформулированного подхода очень показательным и доказательным является возможность (и необходимость) дифференциации еще одной – качественно глубоко специфической формы, а одновременно – и уровня временной организации деятельности. Ее суть заключается в следующем. Одной из «аксиом» системного подхода является положение, согласно которому именно по отношению к организации систем *в целом*, ведущим и определяющим началом – *системообразующим фактором* выступает цель той или иной системы. Данное положение достаточно подробно и в различных аспектах уже неоднократно рассматривалось выше.

Вместе с тем, трудно не видеть того, повторяем – очень показательного и доказательного обстоятельства, что именно *это же* характерно (и вообще атрибутивно присуще) и собственно временной организации как таковой. Более того, по отношению к ней данное положение представлено с еще большей степенью отчетливости, демонстративности и даже – очевидности. Это проявляется в двух основных планах, фиксирующих, соответственно, два основных механизма временной организации.

Во-первых, совершенно очевидно, что сложность тех «отношений следования», которые составляют содержание компонентного уровня временной организации, может претерпевать и иные – дополнительные по отношению к уже рассмотренным, типы трансформации. В самом деле, отношения «прямого следования» («В» следует сразу же за «А») могут трансформироваться не только по типу внесения в них опосредствования как такового («В», следуя за «А», опосредствуется еще и включением между ними «С», «D» и др.). Дело в том, что такого рода временные связи (и непосредственного и опосредствованного типов) могут устанавливаться не только между *локальными* компонентами процесса – его так сказать «элементарными событиями», но и между каждым из них, с одной стороны, и *общей*

целью всего процесса, с другой. Разумеется, все это может иметь место лишь в отношении тех процессов – тех временных сущностей, у которых, как минимум, есть такая цель.

Однако суть дела как раз и заключается в том, что о временных системах (в отличие от просто «развертывающихся во времени» явлений, то есть «временных не-систем») можно говорить лишь в том случае, если они имеют такую цель. Само ее наличие как раз и является, как известно, главным критерием для дифференциации временных систем как таковых (впрочем, равно как и любых иных). Поэтому наличие у какого-либо развертывающегося во времени явления цели и, соответственно, – его принадлежность к образованиям системного типа (к временным системам) – это, фактически, взаимопологаемые явления. Но в таком случае появляются все необходимые и достаточные основания для следующего – значимого в контексте рассматриваемых задач заключения. Согласно ему, еще один принципиально возможный и обладающей собственной качественной спецификой «тип сложности» отношений между временными «составляющими» – это их связи, но не *друг с другом*, а с конечной *целью* (как системообразующим фактором). Это, в свою очередь, является основанием для дифференциации нового уровня сложности самой временной организации. По своему содержанию и смыслу он, как можно видеть, непосредственно и очень органично соответствует *общесистемному* уровню организации деятельности, в том числе – и временной.

Во-вторых, именно на этом уровне (и по отношению к этому типу сложности отношений «временных составляющих» систем) имеет место один из наиболее фундаментальных и «специфически временных» феноменов. Он вообще во многом лежит в основе возможности их существования как таковых и обычно обозначается как феномен *временной обратимости*, точнее – *инверсии*. Данный феномен уже рассматривался выше, а его суть, напомним, заключается в следующем. По отношению к ряду наиболее сложноорганизованных (то есть, системно построенных) процессов меняется сам тип, принцип их детерминации – каузальная на целевую. Это означает, что именно цель вступает

не только как конечный *результат*, но и как основной комплекс детерминант, причин развертывания и, соответственно, – организации всего *процесса*, то есть, фактически, всего содержания организации временных систем. Следует специально подчеркнуть, что механизм «временной инверсии», позволяя реализовывать цели ее *системообразующие функции*, является атрибутивно временным по своей природе. Это еще раз демонстрирует важность данного типа системности как такового, а также его связь с иными атрибутами и типами системности – в частности, с субстанциональной. Фактически, это означает, что ни одна система, поскольку она невозможна без наличия цели в качестве ее *системообразующего фактора*, не может быть реализована и без воплощенности в ней временной системности. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Цель является *системообразующим фактором* и по отношению к обеспечению субстанциональных систем, и по отношению к обеспечению временных, темпоральных систем. Данную форму временной организации можно условно обозначить как *темпорально-целевую интеграцию*. В связи с этим, важно подчеркнуть и то обстоятельство, которое уже было констатировано нами в ходе теоретического анализа общей архитектоники временной системности. Оно состоит в том, что «феномен цели» как *системообразующего фактора* синтезирует два основных типа системности – субстанциональную и темпоральную.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что проведенный в работе [118] анализ вскрыл необходимость дифференциации еще одной – качественно специфической формы временной организации деятельности. В наиболее общем плане она является непосредственным следствием рассмотренной в разделе метасистемной природы (и соответственно, – организации) деятельности. Действительно, анализ показывает, что все основные и наиболее специфические особенности данного принципа с достаточно высокой степенью очевидности проявляются и в собственно временной организации. В качестве основного индикатора – эмпирического «референта» этого выступает следующая, хорошо известная и естественная с точки зрения общей организации си-

стем закономерность. Согласно ей, те или иные «временные составляющие» системы (этапы, фазы, стадии акты, события и пр.) зависят не только, а зачастую – не столько от каких-либо других *собственных* ее «составляющих» или даже – от ее общей цели, а от *внешних* по отношению к ней факторов и детерминант. Эти факторы и детерминанты, имеют нередко (или даже, как правило) еще более сильный характер, чем внутренние. Они, однако, заложены в содержании того – более широко и общего контекста (точнее, метаконтекста), в том числе и временного, в который онтологически и объективно включена любая временная система. Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и в то же время – значимым, а соответственно, имеющим многочисленные и хорошо известные эмпирические референты, что на нем, по-видимому, нет необходимости останавливаться более подробно. Причем, очень важно, что эти исходно «внешние» детерминанты и факторы не просто «оказывают влияние» на ту или иную систему. Они, как было показано выше, фактически, функционально *включаются* – «встраиваются» в ее собственное содержание. Временные системы, равно как и субстанциональные, также конституируются по типу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это, собственно говоря, и достигается за счет вхождения в их собственное содержание исходно «внешних» по отношению к ним детерминант и факторов. Однако тем самым в их *собственном* составе и содержании оказывается воплощенным и еще одно основное значение критерия-дискриминатора – *метасистемное*.

Таким образом, подводя итоги анализу особенностей и закономерностей временной организации деятельности, можно сделать следующие заключения. Наиболее общим результатом этого анализа является обоснование положения, согласно которому, в деятельности, действительно, находят достаточно полное и развернутое воплощение средства и механизму не только субстанциональной, но и темпоральной системности. Причем, эти средства и механизмы, с одной стороны, базируются не общей – инвариантной и унитарной «единице» временной организации деятельности, в качестве которой выступает действие. С другой стороны,

они характеризуются глубокими и множественными – именно качественными различиями в содержании и степени сложности своей организации, а потому могут и должны быть проинтерпретированы как уровни временной организации деятельности. Кроме того, они однозначно и вполне естественным образом соотносятся с качественно различными типами общей временной организации.

Так, базовая временная «единица» (действие) непосредственно и органичным образом соответствует «отношения следования» (как элементарному носителю качественной определенности самого параметра времени). Эти отношения, означающие, наряду с прочими их особенностями, и то, что в них имеет место фундаментальный феномен десинхронизации, могут претерпевать, однако, трансформации в двух диаметрально противоположных направлениях. С одной стороны, они могут редуцироваться, что приводит к возникновению столь же фундаментального феномена синхронизованности. Он, в свою очередь, находит по отношению к деятельности свое непосредственное проявление и воплощение в психологических операциях. Они, как известно, тем и отличаются, что никак не вычленяются осознанно из структуры деятельности и потому не «занимают» никакого временного интервала в субъективном времени. С другой стороны, «отношения следования» могут трансформироваться по типу усложнения, что – в наиболее общем плане приводит к двум важнейшим следствиям. Первое состоит в том, что возникает еще одна новая форма временной организации, суть которой состоит в том, что эти отношения просто аккумулируются и в результате образуются «цепочки», последовательности – временные паттерны действий. Второе состоит в том, что «отношения следования» трансформируются в «отношения опосредствования», что также приводит к возникновению временных комплексов – паттернов действий, но имеющих уже не линейную, а иерархическую организацию.

Еще одна – быть может наиболее обобщенная и значимая форма временной организации обусловлена атрибутивными функциями цели как системообразующего фактора любой

системы – в том числе и темпорального типа. В результате возникает еще одна форма временной организации, которую можно обозначить как темпорально-целевую интеграцию. Наконец, во временной организации деятельности находит свое естественное воплощение и еще один из общих принципов структурной организации деятельности – принцип метасистемности. Выявленные формы временной организации характеризуют принципиально – именно *качественно* различные типы сложности «отношений следования» их базовых «временных составляющих» и, соответственно, временной организации как таковой. В результате этого в организации систем временного, *темпорального* типа реализуется тот же самый – основной принцип структурной организации, который лежит в основе организации систем и *субстанционального* типа (иерархический). Тем самым, можно сделать заключение, согласно которому не только субстанциональный, но и темпоральный тип систем также построен на основе структурно-уровневого принципа и образует собой целостную иерархию ряда основных макроуровней.

Вместе с тем, эти уровни образованы не субстанциональными («морфологическими») и тем более – материальными «единицами». Они вообще образованы не «единицами» как таковыми, а *отношениями* между ними. Дифференциация их на уровни возможна лишь при условии осознания и учета того, что в основе их организации лежит *релятивистский* принцип – принцип изменения степени сложности *отношений* между ее «временными составляющими», но не принцип изменения степени сложности самих этих «составляющих».

Проведенный выше анализ позволяет, однако, сформулировать заключение и более обобщенного характера. В самом деле, интерпретация именно действия в качестве основной и определяющей «временной составляющей» деятельности оказалась, как можно видеть, и вполне естественной, и достаточно конструктивной. Она привела в итоге к установлению и раскрытию целостной – согласованной и скоординированной иерархии основных уровней организации деятельности, но уже именно как

системы собственно темпорального типа. С этих позиций само действие интерпретируется как такая ее «единица», которая, обладая, с одной стороны, всеми основными характеристиками ее качественной определенности, с другой, является «мельчайшей» среди всех возможных. Именно через понятие действия (и, соответственно, через ту психическую реальность, которая в нем отражена) «временные составляющие» систем, которые были установлены посредством обобщающего и по необходимости формального анализа уровневой временной организации систем, находят свое адекватное воплощение. Они содержательно наполняются и предметно конкретизируются по отношению к одной из них – к деятельности. Действие поэтому является основной структурной «единицей» деятельности не только в ее субстанциональном – содержательном плане, но и основной «временной единицей». Тем самым, не только подтверждается, но в еще более глубоком плане раскрывается фундаментальный статус самого действия как «подлинной единицы» («ячейки», основного ее «кирпичика» и пр.) деятельности; этот статус раскрывается и новыми – так сказать темпоральными гранями. С еще большей очевидностью эксплицируется также и производность всей иерархической организации деятельности именно от этой «единицы» – производность уже не только в субстанциональном, но и в темпоральном – «временном измерении» этой организации.

Наряду с этим, в свете изложенного получает свое подтверждение и еще одно – сформулированное нами выше предположение. Согласно ему, в темпоральной организации деятельности в принципе некорректно искать какую-либо *специфически-временную* «единицу». Таких – «новых» и рядоположенных всем иным ее компонентам, автономных «единиц», носящих так сказать «чистый» (абстрагированный от содержания и «не отягощенный» им) характер, просто нет. «Вне-содержательных» временных «единиц» нет и не может быть точно так же, как не может быть «вневременных» содержательных «единиц». Кроме того, именно в этой – глубокой общности, доходящей до степени органичного синтеза, заключается

и принципиальная теоретическая сложность дифференциации временных и содержательных компонентов деятельности друг от друга. Это – очень большая трудность дифференциации двух ее системных модусов: *и как системы субстанционального типа, и как системы темпорального типа.*

Далее, не менее, а быть может, – и более показателен еще один результат, который вытекает из предложенного выше решения. Интерпретация действия в качестве основной «временной составляющей» деятельности (в качестве ее временного компонента) позволяет очень полно, точно, естественно и даже – исчерпывающим образом реализовать по отношению к ее собственно *временной* организации критерий-дискриминатор дифференциации уровней. Тем самым оказывается возможным обоснованно эксплицировать и ее общую иерархическую организацию как системы именно темпорального типа.

Данный результат имеет, в свою очередь, три значимых следствия теоретического плана. Во-первых, становится очевидным, что этот принцип не только может, но и должен быть распространен на качественно иной тип систем – на системы темпорального типа. Он является достаточно универсальным по отношению к различиям не только в *видах* систем, но и в их *типах*, классах, а не исключено, носит универсальный характер. Во-вторых, он позволяет выявить иерархическую организацию одной из наиболее значимых и наиболее сложных (не исключено – наиболее сложной) темпоральных систем – деятельности. В-третьих, факт полной воплощенности данного принципа во временной организации деятельности (как системе темпорального типа) следует рассматривать в качестве необходимого и достаточного основания верификации предположения о структурно-уровневом принципе ее организации.

Вполне закономерно, что реализация этого подхода привела к дифференциации таких уровней временной организации деятельности, которые обладают наиболее выраженными – четкими и несомненными проявлениями и референтами. Более того,

все они не только многократно зафиксированы эмпирически, но и закреплены теоретически в соответствующих конструктах и концептуальных положениях. В самом деле, как можно было видеть из проведенного выше анализа, он приводит, в конечном итоге, к следующему – наиболее общему результату. Все пять уровней темпоральной организации очень полно и точно соответствуют тем уровням (и, соответственно, – той психической *реальности*), которые дифференцируются по иным – традиционным, то есть содержательным основаниям. Действительно, та форма временной организации, при которой имеет место, фактически, субъективная редукция качественной определенности самого времени (обозначенная как «отношения синхронизации»), однозначно и естественным образом соответствует уровню психологических операций⁹².

Другая основная и качественно специфическая форма временной организации деятельности, обозначенная как «отношения следования» и характеризующаяся возникновением феномена десинхронизации, закономерно и совершенно естественным образом соответствует уровню действия. Еще одна – также глубоко (именно качественно) своеобразная форма временной организации, обозначенная как «отношения опосредствования» однозначно и органично, также естественным образом соответствует понятию функциональных комплексов действий. Они образуют целостные «паттерны» (подсистемы) внутри деятельности. Однако именно эти подсистемы соответствуют, как показано в целом ряде работ, еще одному – качественно специфическому уровню организации деятельности – инфрадеятельностному [89, 97, 98, 99, 107, 108, 112, 113]. Наиболее сложная форма временной организации, обозначенная как «темпорально-целевая интеграция», однозначно соответствует

---

⁹² Подчеркнем, что при рассмотрении соотношения субстанциональной и темпоральной организации деятельности мы руководствуемся теми представлениями о ее структурно-уровневой организации, которые были сформулированы в параграфе 2.2.1. второго тома и которые предполагают необходимость дифференциации *пяти* (а не трех, как это полагается традиционно) основных ее структурных уровней.

традиционно выделяемому уровню «отдельной», автономной деятельности». Наконец, метасистемная форма временной организации, которая также очень отчетливо эксплицируется в общей темпоральной организации деятельности, однозначно соответствует уровню аналогичной, то есть также метасистемной организации деятельности, но уже в собственно субстанциональном плане ее организации.

Данное положение, в свою очередь, позволяет с высокой степенью очевидности обнаружить обстоятельство наиболее принципиального плана. Оно состоит в существовании не просто «сходства» или даже «подобия», но, по существу, – *изоморфизма* субстанциональной и темпоральной иерархий деятельности. Более того, как показал проведенный анализ, по-видимому, именно различия в собственно темпоральной организации (и сама эта организация как таковая) выступает первичной. Она является своего рода «активным началом» по отношению к особенностям и закономерностям собственно содержательной организации уровней. Тем самым, временная организация выступает, фактически, одним из основных *операционных средств* и, по-видимому, даже – *механизмом* собственно субстанциональной, то есть содержательной организации основных уровней деятельности. Сама же «временная иерархия» деятельности в этом плане, не исключено, должна быть проинтерпретирована в качестве первичной по отношению к субстанциональной, содержательной. Именно различия во временном масштабе уровней создают *объективно* необходимые (и также – разные) условия для насыщения их качественно различным содержанием.

Причем, и в этом плане вновь приходится констатировать уже отмеченную и очень важную закономерность. Именно темпоральная – диахроническая организация действий в комплексы, точнее, в подсистемы (субсистемы по отношению ко всей деятельности), в целостные «временные паттерны» является исходной и базовой. Поэтому и диахроническая организация «временных составляющих» деятельности выступает в качестве базовой и определяющей по отношению к ее суб-

станциональной организации. *Процесс* деятельности организует ее структуру, а не *структура* детерминирует процесс.

Если доводить осуществляемый здесь анализ до его логического завершения, то можно, по-видимому, сделать и более категоричное заключение. Он показывает, что те представления, которые сложились к настоящему времени относительно структурно-уровневой организации деятельности в целом, неправомерно (или, по крайней мере – недостаточно) трактовать в том смысле, в каком это обычно делается. Сами уровни рассматриваются, согласно традиционным взглядам, в качестве образований, прежде всего, собственно *содержательного, субстанционального* плана (или даже – исключительно как таковые). В результате дифференцируются известные структурные уровни (уровни операций, действий и автономной деятельности). В действительности же, в этих «классических» представлениях зафиксированы различия, обусловленные не столько содержательным, сколько именно временным «измерением» деятельности. Поэтому иерархическая экспликация деятельности, представленная в них, это, фактически, ее экспликация в качестве именно временной системы, то есть системы темпорального типа. Само же действие как базовый компонент данной иерархии – это, прежде всего, именно «временная единица», в рамках которой и на основе которой обеспечиваются необходимые условия для обретения ей своих основных субстанциональных (содержательных) характеристик. Именно поэтому анализ общей проблемы структурно-уровневой организации деятельности как системы темпорального типа привел в итоге отнюдь не к обнаружению какой-либо «новой» иерархии – рядоположенной ее «содержательному измерению». В действительности, он привел принципиально к *той же* самой уровневой дифференциации, которая присуща деятельности и как системе субстанционального типа и которая закреплена в традиционно сложившихся представлениях.

Вместе с тем, суть дела как раз и заключается в том, что последняя должна быть обязательно реинтерпретирована. Она должна быть понята не в качестве иерархии только субстанци-

онального типа (и даже – не *столько* в этом качестве), сколько в статусе собственно *временной иерархии*. При такой интерпретации со всей отчетливостью вскрывается принципиальное *противоречие* между истинным, то есть *временным* характером данной иерархии (и ее основного компонента – действия) и сложившейся, очень устойчивой традицией их исследования атрибутивно субстанциональных психологических образований. В свою очередь, осознание данного противоречия позволяет в значительной мере преодолеть многие трудности и парадоксы, обнаруживающиеся в исследованиях как отдельных уровней деятельности, так и межуровневых взаимодействий.

Далее, с позиций развитых выше представлений открываются и возможности для формулировки положений, позволяющих непосредственно перейти к собственно генетическому аспекту деятельности (что и будет сделано в следующей главе). Действительно, ее интерпретация в качестве системы специфического – темпорального типа имеет, как минимум, три достаточно значимых теоретических следствия.

Во-первых, из нее вытекает, что генезис деятельности в целом и ее иерархической организации, в частности, включает в себя, конечно, не два «параллельно» реализующихся генезиса (соответственно, – ее субстанциональной и ее темпоральной иерархии). Он представляет собой становление *единой* иерархической организации, но включающей два взаимосвязанных аспекта – субстанциональный (содержательный) и темпоральный (временной). Кроме того, именно второй из них, как было показано выше, выступает объективной основой для формирования первой. Сама традиционно принятая иерархия уровней организации деятельности потому и формируется, что в рамках и «на основе» генезиса ее темпоральной структуры складывают объективные предпосылки и условия для нее⁹³. Другими словами, генезис системы деятельности

---

⁹³ Естественно, что при этом возникает и еще один – вполне естественный, но очень «неудобный» вопрос. Это – вопрос о том, какая из двух отмеченных выше генетических линий, в действительности, является первичной,

в его значительной и очень существенной части представляет собой ее генезис именно в качестве системы темпорального типа.

Во-вторых, как следует из результатов проведенного анализа, именно действие выступает базовым компонентом не только субстанциональной (содержательной) организации деятельности, но и ее временной – темпоральной организации. Оно – основной компонент *и* временной организации деятельности тоже. Следовательно, именно оно должно быть реализовано в качестве аналогичного, то есть также основного интерпретационного понятия при исследовании генезиса деятельности как системы темпорального типа.

Наконец, в-третьих, можно видеть, что анализ собственно временной – темпоральной организации деятельности своей собственной логикой привел к необходимости специального и еще более детализированного обращения к одной из двух основных парадигм разработки психологической теории деятельности – *структурно-уровневой*. И, если в предыдущем параграфе за основу анализа была взята иная из двух основных парадигм (структурно-морфологическая), то теперь – повторяем, особенно при переходе к генетическому плану исследования игровой деятельности – более детализированной реализации должна быть подвергнута и структурно-уровневая парадигма. Вся совокупность сформулированных выше положений создает необходимые основы и для рассмотрения собственно генетических аспектов деятельности в целом и игровой деятельности, в частности. К их анализу, следовательно, теперь и необходимо перейти.

а какая вторичной? Понятно, однако, и то, что «снять» данный вопрос можно не столько посредством попыток его решения, сколько осознанием некорректности самой его постановки. Дело в том, что обе указанные генетические линии не являются онтологически самостоятельными, а по необходимости выступают как гносеологические абстракции, фиксирующие различные стороны и «измерения» единого по своей сути процесса генезиса деятельности.

2.4. Генезис темпоральной организации деятельности

В предыдущем параграфе был охарактеризован возможный вариант решения ряда теоретико-методологических вопросов, связанных с реализацией функционального плана исследования деятельности в целом. Причем, эта характеристика была осуществлена в достаточно общем виде и в преднамеренно развернутой форме. Это, однако, является необходимым условием для дальнейшего анализа, направленного уже непосредственно на рассмотрение основного предмета данной работы – игровой деятельности и закономерностей ее генезиса. Вместе с тем, прежде чем перейти к нему, представляется целесообразным определить, исходя из результатов проведенного анализа, своего рода «стартовые позиции» дальнейшего рассмотрения данной проблемы.

Во-первых, этот анализ показал, что в целом функциональный план исследования (как еще один – третий основной гносеологический план изучения, предписываемый «алгоритмом системного исследования») реализован по отношению к «феномену игры» в достаточной степени. Этим он отличается от предыдущего – структурно плана, который остается до настоящего времени осуществленным по отношению к игровой деятельности все еще весьма слабо.

Во-вторых, анализ показал также, что функциональный план реализован в настоящее время по отношению к ее отношению к изучению неравномерно. Три из четырех основных аспектов данного плана разработаны достаточно хорошо, а один из них остается пока, фактически, не разработанным⁹⁴. Причем, наиболее характерно то, что им является как раз тот

---

⁹⁴ К этим – трем достаточно хорошо представленным по отношению к изучению «феномена игры» аспектам относятся: исследование функций детской игры; раскрытие психических новообразований, к которым он приводит; установление и интерпретация основных закономерностей, которые лежат в его основе.

аспект, который объективно выступает наиболее *общим* – *основным* и определяющим. Именно он в наибольшей степени обуславливает содержание всех иных аспектов изучения игровой деятельности. Им является раскрытие закономерностей временной – темпоральной организации игровой деятельности; выявление и интерпретация закономерностей ее «бытия во времени» – в собственно диахроническом плане, то есть как процесса.

В-третьих, пожалуй, наиболее общим итогом проведенного выше анализа теоретико-методологического плана явилось обоснование существования особого, качественно специфического класса систем – временных, *темпоральных*. В них, соответственно, реализуется второй основной тип системности – *темпоральная системность*. Она является столь же неотъемлемым атрибутом организации сложных и сверхсложных систем, какovým выступает первый – традиционно изучающийся тип системности – *субстанциональная*⁹⁵. Кроме того, было показано, что данный тип системности и, соответственно, класс систем, может характеризовать не только «субстанционально оформленные», объективированные сущности, но и также и сам процесс их *взаимодействия*.

Наконец, в-четвертых, анализ показал также, что одной из наиболее характерных и типичных, содержательно богатых и сложных систем такого рода как раз и выступает система деятельности. Она, действительно, с полным правом и самым *непосредственным* образом должна быть отнесена к данному классу систем – к темпоральным системам⁹⁶. Вместе с тем,

---

⁹⁵ При этом напомним также, что следует дифференцировать понятия «темпоральных систем» и «темпоральной системности».

⁹⁶ Вместе с тем, следует, конечно, учитывать, что, в действительности, ситуация является несколько более сложной. В деятельности реализуется, прежде всего, именно темпоральная *системность*, но сама она далеко не всегда с полным основанием может быть интерпретирована именно как темпоральная система – в ее полном и завершенном виде. Дело в том, что она – в особенности при недостаточном уровне освоенности еще не достигает такой степени организации, которая и позволяла бы говорить о ней как о таковой; она еще только «движется» к этому. Используя метафорическую фор-

при этом, конечно, следует иметь в виду, наибольшую степень воплощенности темпоральная системность получает, естественно, в наиболее развитых формах и типах самой деятельности – прежде всего, в трудовой, профессиональной.

Четыре этих вывода и являются, собственно говоря, основными результатами проведенного выше анализа. Вместе с тем, очень показательно, что даже их простое так сказать «объединение» с логической необходимостью приводит еще к одному заключению. Если в своем развитом и сформированном виде – в своем *результативном* проявлении деятельности, действительно, является системой темпорального типа, то и *процесс* ее развития – генезис должен включать в себя формирование собственно темпоральной системности. С точки зрения основных задач данной работы наиболее важно то, что данный процесс локализуется именно на том интервале онтогенеза интервале, на котором игровая деятельность и является *ведущим* типом. Следовательно, генезис данного типа деятельности также с необходимостью должен быть проинтерпретирован именно как генезис системы временного, темпорального типа. Естественно, что такая его характеристика вовсе «не отменяет» всех иных – содержательных сторон и особенностей, закономерностей и механизмов генетического плана, а именно *дополняет* их новыми и очень важными гранями, очень значимым параметром – собственно *временным*.

Итак, можно видеть, вся совокупность представленных выше результатов с необходимостью приводит к основному и итоговому заключению: системогенез игровой деятельности – это обязательно и генезис временной системы и временной системности. В еще более общем плане этот вывод

мулировку, можно сказать так: она «хочет» быть системой, но в *общем* случае «не может» быть ей. В силу этого, ни процесс ее генезиса, ни его результаты не могут быть представлены в таком же «гармоничном и организованном» – в так сказать системно-оформленном виде, в каком это характерно для «истинных систем». К этому – важному именно в плане генетического анализа обстоятельству мы еще возвратимся в ходе дальнейшего анализа.

означает необходимость включения в концептуальный строй и понятийный аппарат теории системогенеза (и психологии деятельности в целом) *категории времени* как таковой, а также сопряженных с ней многочисленных «временных понятий»⁹⁷. Естественно, что данное заключение носит достаточно общий характер; оно должно быть поэтому конкретизировано и наполнено психологическим содержанием. Однако именно оно задает необходимые и наиболее обоснованные, перспективные направления для дальнейшего раскрытия закономерностей системогенеза игровой деятельности.

Кроме того, очень характерно и то, что при ближайшем рассмотрении оказывается, что предпосылки и необходимые условия именно для такого «поворота анализа» проблемы генезиса детской игры содержатся в ее собственных атрибутивных особенностях и закономерностях, в ее основных психологических свойствах. Эти *атрибуты* уже не раз становились предметом нашего рассмотрения по ходу проведенного выше анализа. К ним, в частности, относится «необязательность» получения какого-либо значимого и продуктивного результата; удовольствие от самого процесса игры и, соответственно, мотивационная функция именно процесса игры, а не ее результата. Вместе с тем, именно эти – атрибутивные особенности игровой деятельности предстают в несколько новом, хотя и вполне естественном свете с точки зрения развитой выше интерпретации самой деятельности как системы временного, темпорального типа. Данное обстоятельство представляется наиболее принципиальным, в силу чего на нем необходимо остановиться более подробно. Действительно, психологический анализ игровой деятельности и «феномена игры» в целом приводит к необходимости дифференциации следующих ее основных особенностей.

---

⁹⁷ Вообще говоря, следует констатировать, что категория времени все еще явно недостаточно ассимилирована концепцией системогенеза (впрочем, как и многими иными психологическими направлениями – в том числе и достаточно общими). Соответственно, с необходимостью возникает задача компенсации данного «концептуального пробела», на что, в частности, и направлена данная работа.

Во-первых, она атрибутивно *процессуальна* и не связана «жестко» и необходимо с каким-либо результатом. Сам процесс ее осуществления имеет – по каким-то очень важным причинам не только самостоятельное, но и наибольшее значение.

Во-вторых, одновременно с этим в содержание и в структурно-функциональную организацию игры объективно – совершенно естественным и самым непосредственным образом входит процессуальность как таковая. Она, в свою очередь, базируется на «временной координате»: «без» и «вне» временной координаты *процессуальность* объективно невозможна. «Процессуальность» и «временное развертывание» того или иного явления – это, фактически, alter ego друг друга. Следовательно, уже сам по себе очень хорошо известный эмпирически приоритет процесса детской игры над ее «результатом» требует, однако, попытки заглянуть за его «феноменологический фасад», а для этого – обратиться именно к параметру времени. Более того, с этой точки зрения представляется не вполне естественным и даже труднообъяснимым, что до сих пор этого не было сделано. В данной связи возникает наиболее принципиальный вопрос о том, *что* именно с содержательной точки зрения «скрывается» за очевидной и предельно выраженной процессуальностью детской игры? В чем ее истинный и наиболее глубокий смысл?

В-третьих, еще одним неперенным и объективно необходимым следствием (и атрибутом) процессуальности как таковой является и столь же принципиальная *множественность* того содержания, которое и составляет, собственно говоря, сам процесс ее реализации – ее «временную развертку». Другими словами, процессуальность неотъемлемо связана с *гетерогенностью* того, что и подвержено процессуальной динамике; она предполагает множественность некоторых сущностей, организованных во времени. В данном случае ими выступают любые внешне (и внутренние) представленные компоненты игровой деятельности – начиная от простейших движений и даже реакций и заканчивая достаточно крупными комплексами действий. Процессуальность означает сменяемость, повторяемость, чередование,

а в целом – определенную их *последовательность*, а тем самым – объективно предполагает их множественность.

Данное обстоятельство является столь же очевидным и общим, сколь в малой степени оно обычно подвергается его осмыслению как таковое – именно в его общем виде (по причине его самоочевидности и, казалось бы, отсутствия в нем проблемности). Вместе с тем, в действительности, оно, повторяем, имеет наиболее принципиальное значение в этом его – наиболее *общем* виде. Действительно, именно множественность компонентов игровой активности, их многократная *повторяемость*, самоценность *процесса* их воспроизведения, его *итеративный* характер, вариативность меры «спонтанности – организованности» и пр. – все это, с одной стороны, создает все *необходимые* и достаточные условия для развертывания средств и механизмов темпоральной системности, а с другой, *объективно требует* этого. Метафорически выражаясь, можно сказать, что активность, характеризующаяся указанными особенностями, является так сказать «первичным бульоном», в котором и зарождается деятельность с присущими ей закономерностями и механизмами временной системности. Она – именно в силу множественности и гетерогенности ее состава и содержания, объективно требует внесения в него организации – прежде всего, временной упорядоченности. Феноменологически это и выражается в присущих ей свойствах временной организации [118].

Фактически, складывается ситуация, при которой уже самые элементарные и примитивные формы двигательной активности, образующие содержание игры уже на самых ранних онтогенетических этапах, составляют объективную основу для *возможности* «наложения» на них темпоральной системности. Вначале это достигается, разумеется, посредством преодоления ее практически полной спонтанности, а затем – посредством все более полной меры реализации в ней средств временной организации. Другими словами, «истоки» деятельности как системы темпорального типа коренятся именно в игре, в игровой деятельности – в том симптомокомплексе ее *процессуальных*

характеристик, которыми она уже исходно обладает. Все это очень ярко представлено именно по отношению к детской игре, а содержанием ее «множественности», носителем ее гетерогенности как раз и выступают *многообразные* двигательные акты, спонтанная активность ребенка, включающая множество самых разнообразных реакций и движений (см. подробнее ниже).

В-четвертых, важным и очень характерным именно для игровой деятельности – для *процесса* ее развертывания является и то, что он обладает *самоценностью*. Он выступает так сказать «автономным носителем» – самостоятельным источником положительных эмоций. Игра выполняется ради нее самой; процесс игры «самоценен» и эта его «самоценность», а значит – и «положительная валентность» является стимулом для его самоподкрепления. Он имеет тенденцию «повторяться вновь и вновь» – самостимулирует себя. Для его реализации не нужны какие-либо дополнительные стимулы и детерминанты, причины и «принуждающие обстоятельства». Игра организована таким образом, что изначально и исходно для реализации ее процесса «не нужна» стимулирующая функция результата и детерминирующая роль цели. Это, конечно, не означает, что они не могут возникнуть потом – на достаточно развитых и «продвинутых» фазах генезиса игровой деятельности. Важно другое: они не требуются *исходно* – на самых ранних фазах онтогенеза.

В-пятых, не менее характерно и то, что данное обстоятельство на разных уровнях организации игровой активности ребенка имеет целый ряд феноменологических «индикаторов» и теоретических следствий. Так, в частности, функционирование уже *само по себе*, взятое просто в его «физиологическом аспекте», выступает как эмоционально позитивно окрашенное. Физиологические функциональные системы, с одной стороны, «требуют» активности – «выхода» и реализации заложенного в них потенциала функционирования. Однако, с другой стороны, само это функционирование приводит к эмоционально положительному «отклику» и к эмоциональной разрядке, являясь одним из мощных факторов обеспечения «физиологического комфорта». В этом, кстати говоря, заложен «генетический корень» обще-

го свойства *самодетерминации* поведения, на что в свое время указывали еще Р. Вудвортс и В. Уайт. На собственно психологическом уровне, по существу, эта же – наиболее глубинная закономерность находит свое проявление и выражается в феномене внутренней мотивации, в ее гетеростатическом принципе. Он как раз и лежит в основе того, что сам процесс активности, связанной с удовлетворением мотива, выступает главным динамическим фактором, а тем самым – подкрепляет и усиливает себя.

В-шестых, принципиальная – атрибутивная процессуальность детской игры находит проявление и в иных, также очень общих и важных феноменах и закономерностях. Среди них можно, в частности, отметить «чувство радости» от простого *повторения* одних и тех же действий»; «радость узнавания» при возникновении одних и тех же – «уже бывших» ситуаций [48, 265]; феномен «любимой игры» [31], то есть, фактически, также повторение одного и того же и др. Тем самым процессуальность предстает и как *итеративность* – причем, итеративность принципиально множественная и далеко не всегда обладающая каким-либо видимым и очевидным смыслом, «полезностью». Игра не просто *процессуальна*, но и *итеративна*, а сама итеративность *множественна*. В этом отношении очень показательны те заключения, к которым приходили уже первые исследователи детской игры, подчеркивающие ее принципиально *повторяющийся* (то есть, фактически, итеративный характер). Однако в таком случае вновь возникает вопрос о смысле всех этих свойств, ряд из которых представляются, по крайней мере, на первый взгляд, «бесполезными».

В-седьмых, выраженная процессуальность, представленная как «чередa» – как последовательность двигательных актов, реакций, движений, действий и пр., имеет и еще одну важную грань. Она, по преимуществу, носит спонтанный и неорганизованный характер, хотя общее направление ее развития в онтогенезе как раз и заключается в «движении» к обретению все большей организованности и, следовательно, во все более полном устранении этого исходного свойства. Более того, уже в самых элементарных и «примитивных» проявлениях эта спонтанная

активность строится, как известно, по типу рефлекторного кольца, принимая впоследствии вид так называемых «первичных», а затем – «вторичных» циркулярных реакций. Наиболее важно при этом, что, будучи построена на их основе и выступая – даже этимологически «закольцованной», она приобретает замкнутый, а значит – и *целостный* характер. Она имеет «начало» (побуждение) и «конец» (тот или иной эффект), отношения между которыми, как известно, строятся на принципе *обратной связи*.

В результате совокупного действия всех указанных выше особенностей и закономерностей складывается следующая – общая ситуация. Она наиболее характерна для тех стадий онтогенеза, на которых ведущим, основным типом деятельности выступает игра. Уже на *самых* ранних стадиях онтогенеза в качестве *данности*, то есть объективной – физиологической реальности имеет место «просто» активность, функционирование как таковое. Оно «уже существует» и не нуждается в причинении со стороны чего-либо еще. Эта активность процессуальна еще и в том плане, что она по необходимости представляет собой *последовательность*, а значит – и определенную «временную развертку». Однако, она же процессуальна и в том смысле, что представляет собой последовательность некоторых «сущностей» – *множества* движений, двигательных актов, действий, реакций и пр. Наконец, эта процессуальность характеризуется еще и тем, что она – в своем *собственном* содержании содержит стимулы и детерминанты не только для своего «самоподдержания», но и для «самоусиления». Это такая процессуальность, которая «не нуждается» ни в чем другом; она самодостаточна, а значит – что также принципиально – *исходна*, в том числе и прежде всего, – *генетически*. Наконец, это и такая процессуальность, которая характеризуется чрезвычайно широкой вариативностью, огромным диапазоном вариаций степени «простоты – сложности», «дезорганизованности – организованности». Причем, эта вариативность имеет место, прежде всего, именно в отношении различий степени организованности отдельных движений, двигательных актов, действий и т. д. вдоль «оси времени», то есть в отношении собственно временной организации.

Все указанные особенности и закономерности вскрывают, на наш взгляд, следующее – наиболее принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что уже исходно – генетически первично и совершенно объективно сама двигательная активность, а затем и ее различные воплощения в игре представляет собой «классический материал» для того, чтобы реализовать по отношению к нему средства и механизмы временной, темпоральной системности.

Все последующее развитие игровой активности во многом как раз и состоит именно в придании ей черт темпоральной упорядоченности – временной организации и структуры, а в наиболее общем плане – атрибута темпоральной системности. Тем самым, системогенез игровой деятельности раскрывается как генезис *и* системы темпорального типа. Во избежание недоразумений подчеркнем, что при этом, вовсе «не отменяются» все иные – так сказать «не временные», а содержательные характеристики и особенности, закономерности и механизмы системогенеза. Как раз наоборот, они, разумеется, полностью *сохраняются*, но *дополняются* еще одним – временным «измерением».

Кроме того, сформулированное заключение приводит к постановке еще одного – также принципиального и, быть может, наиболее сложного вопроса. Причем, он является не просто объективно сложным, но и так сказать очень «хитрым». Не только его решение, но даже – и его постановка обладают известным в гносеологии свойством «ускользаемости» от анализа, что, кстати говоря, очень характерно для всех проблем, связанных с категорией времени в целом. Смысл данного вопроса состоит в следующем. С одной стороны, действительно, формирование и развитие деятельности, в том числе – и игровой, может и должно быть понято как формирование системы темпорального типа. Оно не только направлено на как придание ей все более выраженных черт временной системности, но во многом в этом и *состоит*. Однако, с другой стороны, данный процесс ни в каком отношении и ни в каком смысле не организован так, чтобы быть *специально* направленным на решение данной задачи. Ни субъект, ни социум и ни какая-либо иная

внешняя «инстанция» вообще не ставят задачу придать деятельности черты темпоральной системности, да и просто – временной упорядоченности. Все это происходит совершенно *объективно* и не представлено в качестве самостоятельной – автономной и «отдельной задачи». Процесс придания деятельности – вначале, разумеется, игровой черт темпоральной организации, а впоследствии и моментов системности (и в этом состоит отмеченная выше его «хитрость») вплетен в иные – *содержательные* процессы. Он вообще никак не репрезентируется и, соответственно, не осознается субъектом, а составляет латентную основу генезиса. Он представлен и субъективно, и объективно в совершенно иных – содержательных планах и аспектах; вплетен в решение иных – собственно поведенческих и деятельностных задач, репрезентируемых субъективно в их содержательных характеристиках.

Другими словами, временная структура, а затем – и темпоральная системность деятельности формируется не «сама по себе» и уж тем более не как «самоцель», а как *объективное следствие* формирования и развития иной – содержательной, то есть *субстанцииальной* структуры деятельности, как результат именно содержательных трансформаций, которые и составляют суть генезиса деятельности. По отношению к деятельности нет и не может быть так сказать ее «чистой» – временной структуры. У нее не может быть внесодержательной – «чисто темпоральной» системности (впрочем, точно так же, как у нее не может быть «вневременных» содержательных компонентов). Генезис субстанцииальной (содержательной) и темпоральной (временной) организации деятельности – это двуединый процесс, в чем и заключается его сложность, но чем и обеспечивается его эффективность. И лишь через взаимодействие этих «линий генезиса» общий процесс формирования деятельности (вначале игровой) может быть эксплицирован более полно и адекватно. Далее – в параграфе 2.6. данного тома мы подробнее остановимся на некоторых конкретных закономерностях такого формирования.

Итак, резюмируя результаты проведенного выше анализа, можно сделать следующее заключение. Логика реализации

основного аспекта общего – функционального плана исследования, связанного с организацией предмета изучения во времени, привела к необходимости дифференциации особого, качественно специфического типа системности – *темпоральной*, диахронической, собственно временной и соответствующего ей класса систем – *темпоральных*⁹⁸. Данный – наиболее общий вывод, однако, может и должен быть конкретизирован и детализирован. В результате этого на его основе могут быть сформулированы более частные положения, которые, с одной стороны, являются *итоговыми* для уже проведенного анализа, но с другой стороны, выступают и в роли *исходных* – предварительных и так сказать «установочных» для всего последующего рассмотрения. Кроме того, они могут содействовать и углублению уже рассмотренных результатов, раскрывающих специфику игровой деятельности в целом и ее генезиса, в частности.

Прежде всего, необходимо со всей определенностью дифференцировать близкие по смыслу, но в целом достаточно различные по содержанию понятия – понятия *темпоральных систем* и *темпоральной системности*. Первое из них фиксирует факт существования особого класса систем, атрибутивной характеристикой которых является, фактически, *полная* реализованность в них всех основных особенностей и закономерностей, феноменов и свойств системной формы организации как таковой. Во временных системах темпоральная системность находит свое именно *полное* воплощение, чем, собственно говоря, и достигается их основной атрибут – *целостность*. Вместе с тем, совершенно понятно, что *мера* полноты такой реализации может быть очень разной. Впрочем, точно так же обстоит дело и по отношению к субстанциональной системности, мера

---

⁹⁸ В данной связи необходимо отметить, что эта проблема уже была предметом нашего специального и достаточно развернутого анализа в целом ряде предыдущих работ [114, 118 и др.]. Это обстоятельство освобождает от необходимости еще раз подробно рассматривать данную проблему *в целом*; в ходе дальнейшего анализа мы будем опираться на те результаты, которые получены в указанных работах.

ее реализованности которой может быть очень разной (причем, данное обстоятельство не только не вызывает никаких возражений, но и считается, фактически, аксиоматичным). По отношению к темпоральной системности это означает следующее. Чем более полной будет мера ее реализованности, тем в большей степени то или иное развертывающееся во времени явление (скажем, тот или иной процесс) *приближается* по своей организации к статусу временной системы. В еще более общем плане аналогичная необходимость возникает и при дифференциации понятий временной *системности* и так называемой временной *формы*⁹⁹. Последнее является более общим, нежели понятие временной системности и фиксирует в себе, фактически, *любое* организованное – так сказать «оформленное» во времени явление. Эта форма может быть, в свою очередь, либо системной, либо внесистемной. Вместе с тем, есть основания полагать, что именно темпоральная системность является наиболее совершенной – наиболее «мощной» и богатой возможностями формой временной организации.

Далее, все сказанное в полной мере относится, разумеется, и к одной из наиболее сложных и типичных систем данного класса, каковой и является, по нашему мнению, система деятельности. При этом, однако, недопустимо упрощать и схематизировать реальность, утверждая, что деятельность «всегда и везде» является именно темпоральной системой. Как раз наоборот – это практически эксклюзивный случай, характерный для очень высоких уровней и степеней сформированности, развитости и совершенства освоенности деятельности. В подавляющем большинстве случаев деятельность, как мы уже подчеркивали выше, «еще не достигает» этой стадии совершенства своей организации. Она поэтому не является, как правило, темпоральной *системой*, а выступает таким процессом, в котором реализована темпоральная *системность*.

Кроме того, следует подчеркнуть, что все вышеизложенное в *особой* мере относится именно к игровой деятельности,

---

⁹⁹ Данное понятие было подробно рассмотрено в связи с психологической проблематикой Ю. К. Стрелковым [220].

поскольку она является (точнее, – считается), с одной стороны, относительно наиболее простым, а одновременно – и наименее совершенным типом деятельности. С другой стороны, именно в ней и «через нее» как раз и происходит не только развитие, но и «первоначальное складывание» всех атрибутов собственно деятельностной организации – в том числе, разумеется, и организации временной. Если в двух других основных типах деятельности (учебной и трудовой) темпоральная системность именно развивается и *совершенствуется*, то в игровой деятельности она, прежде всего, пока еще только складывается – *возникает*. В силу этого, и мера выраженности темпоральной системности в ней существенно, а не исключено, – и радикально меньше, нежели в иных основных типах деятельности. Однако это не упрощает, а наоборот, усложняет задачу анализа временной (темпоральной) организации игровой деятельности, поскольку здесь этой задачей выступает раскрытие особенностей и закономерностей не ее *совершенствования*, а ее, фактически, *возникновения*. Кроме того, существенным усложняющим обстоятельством является и то, что степень эксплицированности особенностей и закономерностей темпоральной системности в игровой деятельности является меньшей, а их выявление – соответственно, более сложной задачей.

Наконец, приходится учитывать и крайне слабую разработанность проблемы темпоральной системности, а в еще более общем плане – проблемы, которую можно обозначит как проблема «системность и время». Представляется удивительным и даже парадоксальным тот факт, что до настоящего времени ни системная методология, ни системный подход фактически никак не ассимилировали важнейшую общенаучную (и общепhilософскую) категорию времени. Однако еще большие сложности связаны даже не столько со слабой разработанностью данной проблемы, а со спецификой и даже – «необычностью» ее содержания. Вместе с тем, пора, наконец, со всей определенностью осознать (и рассматривать как императив исследовательской практики) очевидную необходимость реализации *всего арсенала* методологии системности по отношению не только к структур-

но-содержательному – *субстанциональному* аспекту объектов исследования, но и по отношению к их *темпоральной*, – прежде всего, к функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной – точнее, *субстанциональной* системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, *темпоральной* (диахронической) *системностью*, эксплицирующей системность организации самого процесса *функционирования*. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» – сформированном виде, но и в самом процессе функционирования – они процессуально системны. Это функционирование является источником *новой категории* системных качеств – *временных*, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса. Понятно, что данный вывод требует дополнительного обоснования. Вместе с тем, по отношению, к целому ряду важных «составляющих» психики и деятельности (в частности, по отношению к процессам принятия решения, планирования, самоконтроля) он уже обоснован собственно экспериментальными результатами, вскрывающих несводимость целостного процесса их развертывания к аддитивной совокупности его этапов [90, 94, 96 и др.].

В данной связи следует напомнить об уже отмечавшемся выше – очень показательном, а одновременно и доказательном в плане обоснования этих положений обстоятельстве гносеологического характера. Оно связано с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Дело в том, что представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см. работы [114, 118]); причем эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [89, 90, 91], интегральные процессы психической

регуляции деятельности [88, 101], а впоследствии – и деятельность в целом [118], а также сознания [114]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [27].

Кроме того, необходимо подчеркнуть также, что все эти представления были развиты на основе психологического анализа, прежде всего, наиболее развитого и сложного типа деятельности – трудовой, профессиональной. В ней, как уже отмечалось, все особенности и закономерности временной организации и темпоральной системности представлены в наиболее полном и развернутом виде. В силу этого, они не только могут, но и должны быть подвергнуты конкретизации и спецификации по отношению к своеобразию именно игровой деятельности.

Наконец, прежде чем непосредственно перейти к решению всех этих задач, необходимо остановиться на еще одном – важном, на наш взгляд, обстоятельстве принципиального плана. Оно, к тому же, имеет очень общий характер и состоит в следующем. Представляется совершенно очевидным (именно в наиболее общем плане), что – *онтологически* развертывание *любого* явления во времени есть не что иное, как последовательность, смена – так сказать «ряд» тех или иных его состояний, тех или иных его *объективаций*. Эта «череда» парциальных объективаций и образует в своей совокупности *объективное* (общее) бытие явления во времени. Далее, не менее очевидно, что сама эта «череда» – смена состояний явлений может быть либо менее, либо более организована, *упорядочена*. Так, в наиболее примитивной форме она представляет собой просто хаотическую, полностью рандомизированную смену различных состояний явления. Здесь, собственно говоря, ни о какой темпоральной организации просто еще не приходится говорить. Тем более не приходится говорить о наиболее совершенной форме организации, в том числе, и временной, то есть о системной форме. Наконец, понятно и то, что обязательным условием (необходимым атрибутом) и вообще – своего рода «залогом» возникновения временной организации

как таковой и темпоральной системности как ее разновидности является существование *связей* между различными – сменяющимися друг друга объективациями явления. Организация в целом, а затем и «вместе с тем» – структурность и, наконец, системность возникает лишь там и тогда, где и когда сами «компоненты организуемого», как минимум, *связаны* друг с другом. Следовательно, и временная форма, и временная организация объективно могут возникнуть лишь при условии взаимосвязи «компонентов организуемого» – отдельных состояний явления, его парциальных объективаций.

Однако, необходимо обязательно учитывать, что, как было показано нами в работе [114], сам характер такой взаимосвязанности – так сказать «склейки» этих состояний (объективаций) может быть двух *принципиально* разных типов. Соответственно, и «эволюция» временной организации также может в принципе осуществляться по двум совершенно различным направлениям. Первый тип заключается в том, что отдельные состояния – частичные, парциальные объективации связаны друг с другом обычными *детерминационными* отношениями. Это, прежде всего, отношения *каузальной* детерминации, то есть, фактически, причинно-следственные связи. Общий смысл такого рода связей заключается в том, что предшествующие состояния влияют не последующие – детерминируют их. Они, в свою очередь, выступают следствиями – продуктами и результатами детерминации со стороны предыдущих состояний.

Вместе с тем, существует и второй – принципиально отличный от этого тип взаимосвязей временных состояний «бытия явлений во времени». Он подробно охарактеризован, например, в работах [114, 118], а его смысл состоит в следующем. Существует целый класс систем, которые обладают принципиально новой и очень важной особенностью, точнее – способностью. Это – способность использовать *результаты*, полученные ими же самими на предшествующих фазах временного развертывания, в качестве *средств* для осуществления последующих фаз. Те результативные эффекты, которые объективно завершают предшествующие фазы функционирования, не только не «пропа-

дают зря» и даже не просто – и даже выступают не просто обычными детерминантами («причинами») последующих фаз. Дело в том и заключается, что эти «результативные эффекты» меняют свой статус: они становятся уже не «результативными», а «*посылочными*» факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Тем самым, системы, генерируя некоторый результат, затем используют его же, но в качестве его «противоположности» – уже не как *результата*, а как *исходного условия* для своего же функционирования, но на последующих временных этапах.

Представляется достаточно очевидным, что именно второй тип временных связей является не только более совершенным, но и открывает совершенно новые – поистине уникальные и беспрецедентные возможности для темпоральной организации как таковой. Те или иные системы, функционируя и, соответственно, – развертываясь во времени, получают возможность для осуществления так сказать своего «самостроительства», для самопорождения, а в конечном счете, – для самоорганизации. Они обретают возможность реализовать *инструментальные* функции по отношению к самим же себе и, соответственно, получают возможности для увеличения своего функционального потенциала. Наконец, по-видимому, вполне очевидно и то, что именно этот тип временных связей является объективно необходимым для возникновения уже не просто временной формы или временной организации, а именно темпоральной *системности*. Классическим и наиболее очевидным воплощением этого типа как раз и является система деятельности, о чем уже подробно было сказано в параграфе 2.3.

Действительно, как было показано в этом параграфе, деятельность – в ее собственно темпоральном аспекте – организована таким образом, что в каждом ее отдельном компоненте – «акте» (прежде всего, в действии) может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть «общего потенциала» субъекта. Вместе с тем, суть дела в том и состоит, что через механизм множественности этих актов и, соответственно,

их парциальных результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым – и для обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию и дифференциацию вдоль «оси времени», а также последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Точнее, оно и *является* такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования – «растягивания вдоль оси времени» при обязательном условии внесения в него соответствующей организации. Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии эффективной соорганизации отдельных временных «квантов» – действий.

Еще одной – также важной закономерностью процессуальной организации деятельности является не только то, в ходе ее развертывания происходит кумуляция «парциальных» результатов, полученных на каждом ее этапе (акте), то есть посредством каждого действия. Важно иметь в виду, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу «простого суммирования» (то есть агрегации) получаемых результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе – в процессе реализации последующих актов те результаты, которые получены на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, аккумулируются, сколько могут «представать в новом свете», то есть подвергаются качественным трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса деятельности, одна из ее атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение «базы результатов» деятельности, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении (то есть

содержательно) выступает не как их *агрегация*, а как их *интеграция*. Она включает в себя и количественное увеличение, и *качественные* трансформации. Данная закономерность была обозначена нами как принцип *трансформирующейся кумуляции*¹⁰⁰.

Наконец, необходимо учитывать, что все сформулированные выше положения основаны, прежде всего, на материале рассмотрения наиболее сложного и совершенного типа деятельности – трудовой, профессиональной. В ней они представлены в достаточно эксплицированном и рельефном виде – в виде именно *уже сформированных* и относительно наиболее развитых. Однако, в том случае, когда речь идет об игровой деятельности (и ее генезисе), возникает дополнительная и еще более сложная задача. Она связана с необходимостью выявления того, как и на основе чего они *возникают* – складываются и появляются (и лишь затем – развиваются и в организации деятельности). Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение столь сложной, а к тому же – и практически полностью неразработанной проблемы, попытаемся сформулировать один из возможных вариантов ее решения.

Прежде всего, обратим внимание на то, что в психологии (и в физиологии) существует целый ряд фундаментальных – основополагающих явлений и закономерностей, которые имеют самое непосредственное отношение к анализируемой здесь проблеме временной, темпоральной организации, а шире – и к «учету» параметра времени, «временной координаты» в организации психики (и ее физиологических основ). Более того, все эти явления и закономерности обнаруживают сходство своих принципиальных черт и своей главной функциональной направленности именно «сквозь призму» категории времени. Параметр времени – «временная координата» *объективной* реальности (и ее реализация в реальности *субъективной*) эксплицирует свою генетическую первичность и очень важную роль во всей функциональной организации психики, а также ее физиоло-

---

¹⁰⁰ Напомним также, что он уже был предметом рассмотрения в параграфе 2.4. данного тома.

гических основ. И наоборот, представляется не вполне естественным и даже – парадоксальным то, что до сих пор все эти явления и закономерности не были эксплицированы именно как функционально *сходные* в этом – собственно временном отношении, точнее – временном измерении. Речь при этом, разумеется, идет о таких классических феноменах и закономерностях, как феномен *условного рефлекса* (И. П. Павлов (180)); как очень близкий или даже во многом тождественный ему феномен «*сочетательного рефлекса*» (В. М. Бехтерев [25]); как феномен *оперантного обусловливания* (Б. Ф. Скиннер [330]); как – хотя и несколько более сложные, но функционально сходные с предыдущими феномены «первичных», «вторичных» и «третичных» *циркулярных реакций* (Ж. Пиаже [183]). Наконец, в этом же ряду должен быть отмечен и феномен *обратной связи* – как фундаментальный временной принцип организации функциональных физиологических систем (П. К. Анохин [9]). Он обеспечивает их важнейшее свойство – *итеративности* и, следовательно, лежит в основе их целенаправленного и целедостигающего характера.

Все указанные выше феномены и закономерности обладают важнейшей, хотя и достаточно имплицитной особенностью: в них и «через них» функциональные системы разного типа и разного уровня сложности (равно как и их компоненты) обретают новую и, по существу, уникальную способность, а соответственно, – и новую возможность. Это – возможность «распознавать», а затем и использовать полученные на тех или иных временных этапах *результаты* в качестве *средств* – в качестве новых возможностей для реализации последующих этапов. Действительно, сама суть феномена условного рефлекса состоит в трансформации исходно индифферентного внешнего стимула в биологически значимый стимул: он при этом становится, фактически, *средством* для последующего этапа – собственно условной реакции. С еще большей степенью очевидности и «технологичности» это представлено в феномене оперантного обусловливания. Здесь в качестве средства используется уже не внешний стимул, а собственная активность – точнее, тот результат, к которому и при-

вел «обуславливающий акт». Аналогичные – также временные по своей сути закономерности имеют место и во всех иных – отмеченных выше, в том числе – и более сложных феноменах [170, 183].

Таким образом, можно видеть, что в самом «фундаменте» психики – в ее собственно физиологических основах заложены необходимые и достаточные условия для возникновения и развития собственно временной организации. Кстати говоря, на важность и, более того, на объективную необходимость привлечения временных понятий, равно как и категории времени в целом в физиологическую проблематику указывал в свое время еще П. К. Анохин. Действительно, одним из важных и, более того, – во многом исходным положением разработанной им теории функциональных физиологических систем выступает следующая закономерность фундаментального характера. Формирование *инвариантов регуляции* поведения как таковых, выработка функциональных систем регуляции поведения в целом – именно как систем, то есть упорядоченных и скоординированных схем регуляции поведения, возможна лишь при соблюдении следующего важнейшего условия. Сама объективная среда – внешний мир также должны характеризоваться упорядоченностью, системностью – *инвариантностью его организации*. Факт ее существования – существования «объективной» организации, однако, совершенно непреложен. Эта организация, по мысли П. К. Анохина, определяется, в первую очередь, закономерностями пространственной и временной организации «среды» – прежде всего, повторяемостью, воспроизводимостью и цикличностью ее типичных воздействий на организм, инвариантностью или схожестью внешних, то есть объективных ситуаций. Следовательно, сама *объективная инвариантность* (пространственная и временная, содержательная и ситуационная) является аналогичной, то есть *онтологической* основой – необходимым и достаточным условием для формирования функциональной инвариантности регуляции [9]. Она и представлена – в ее простейшем виде в форме условного рефлекса. В более развернутом и совершенном с эволюционной точки зрения

виде она же лежит и в основе функциональных физиологических систем¹⁰¹.

В этой связи можно полагать также, что аналогичная – принципиальная и атрибутивно временная организация должна быть присуща не только *объективной* реальности (на что и указывают отмеченные выше исследователи), но и реальности *субъективной* – на ее различных уровнях, начиная от физиологического и даже морфологического и заканчивая психологическим. Обратим внимание и на то, что уже в этом пункте анализа с очевидностью вскрывается важнейший факт принадлежности организации физиологических основ, а далее – и психических образований ко *второму* из дифференцированных выше типов темпоральной организации. В связи со сказанным становится совершенно очевидным, что сам феномен *обусловливания* (как объективно – ситуационно, так и субъективно – психологически), наряду, разумеется, с его содержательными – субстанциональными

---

¹⁰¹ В еще более общем плане по отношению к анализу данной проблемы целесообразно привлечь и понятие *хронотопа*. Хроното́п (от др.-греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место») – «закономерная связь пространственно-временных координат» [18]. Он – в его собственно психологическом содержании представляет собой интегральное образование, синтезирующее комплекс средств, обеспечивающих репрезентацию в психике пространственно-временной организации объективной реальности, транспонирующего «хронологию» и «метрику» внешнего мира на мир внутренний [42]. Данный термин, был введен А. А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований [231], а затем распространен М. М. Бахтиным на гуманитарную сферу [18]. А. А. Ухтомский исходил из того, что гетерохрония событий есть условие их возможной гармонии. Увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия, а значит и в сроках выполнения отдельных элементов, образует из пространственно разделенных групп функционально определенных «центр» [231]. Он ссылается на А. Эйнштейна, упоминая «спайку пространства и времени» в пространстве Минковского. Однако он вводит это понятие в контекст человеческого восприятия: «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» (по [18]). В этом плане должны быть отмечены и работы, раскрывающие роль «феномена действия» в становлении *хронотопа личности* – интегрального образования, синтезирующего комплекс средств, обеспечивающих репрезентацию в психике пространственно-временной организации объективной реальности. Он транспонирует «хронологию» и «метрику» внешнего мира на мир внутренний [73]. См. подробнее об этом далее – в параграфе 3.3.

характеристиками, имеет и собственно *временную* природу. Более того, обусловливание и временная организация (в виде пока относительно простых ее проявлений – последовательности, следования) раскрываются с этих позиций как взаимопорождающие друг друга, как *объективно* предполагающие друг друга. Параметр времени, временная координата оказывается вплетенной в «основу основ» – в «фундамент» физиологической организации организма в целом и его поведенческой активности, в особенности.

Далее, необходимо обратить внимание и на еще один – чрезвычайно важный, на наш взгляд, факт, обнаруживаемый посредством анализа временной поведенческой организации активности. Он состоит в том, что *прямым* аналогом, даже – фактически, *эквивалентом* обусловливания (представленного, в основном, в физиологических исследованиях и на физиологическом уровне временной организации поведенческой активности организма) является уже преимущественно собственно психологический феномен – феномен *опосредствования*. Вместе с тем, важно и то, что он, действительно, во многом базируясь на первом, дополняется новыми – очень важными особенностями. Сохраняя свою исходно «временную природу», феномен опосредствования обогащается еще и тем, что он является уже не просто и не только временным – *темпоральным*, но и *инструментальным*. Это означает, что в нем полученные на предыдущих этапах поведенческой активности результаты не только «сохраняются», но и *используются* как *средства* (то есть, фактически, как «инструменты») для реализации последующих этапов. Разумеется, такое использование может носить совершенно разный по степени сложности характер. В своих простейших формах он представлен в виде *элементарного* использования мнемически зафиксированных «следов» тех или иных двигательных актов при организации других – следующих за ними актов. Однако в своих относительно наиболее развернутых проявлениях он обретает уже форму *произвольного* – целенаправленного и осознаваемого использования полученных результатов как средств организации

поведения¹⁰². В феномене опосредствования система – в данном случае система поведенческой активности (точнее, система ее психической регуляции) «распознает», а затем *использует* наиболее *общий* и важный – принципиальный механизм временной организации¹⁰³. Он лежит и в основе темпоральной системности, являясь ее атрибутом. Система «улавливает» возможность использования результатов своего собственного функционирования для его же организации, но на последующих временных интервалах. Тем самым, она обретает отмеченное выше атрибутивное свойство – свойство «самостроительства», самопорождения. Она выступает в *инструментальной* функции по отношению к самой себе. Причем, повторяем, все это эксплицируется с очень высокой степенью очевидности уже в плане наиболее общих (объективных) и глубинных – основополагающих физиологических закономерностей и механизмов организации психики. Вместе с тем, это же естественным образом приводит и к собственно психологическому по содержанию, но столь же общему по смыслу феномену, – к феномену опосредствованности.

---

¹⁰² В этом отношении очень интересно и показательно, что в самой этимологии термина «опосредствование» содержится так сказать собственно временная «составляющая». Действительно, одна из его морфологических частей («по») *прямо* указывает на отношения следования, точнее – *временного* следования: на то, что нечто следует *после* чего-либо другого.

¹⁰³ Данное заключение со всей отчетливостью и рельефностью эксплицирует ту фундаментальную роль, которую выполняет по отношению к организации поведения и деятельности, в частности, и игровой механизмы *опосредствующего* типа, «феномен опосредствованности» в целом. Однако, в резко противоречии с этим, степень его изученности в настоящее время, да и просто – внимание исследователей к нему явно недостаточны и не соответствуют его объективной значимости. Они носят либо очень общий и неконкретизированный, либо просто метафорический, но никак – не операциональный и конструктивный характер. Показательным в этом отношении является, например, название одной из работ, в которых используется данный термин – статьи А. Нельсона «Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект» [170]. Понятно, что речь здесь идет лишь именно о переносном и, скорее, метафорическом значении словосочетания «опосредствованное действие», но не о прямом его смысле, связанном с операционными средствами, выполняемыми механизмами опосредствования [266].

Констатируя указанные выше особенности и закономерности, эксплицируемые посредством анализа временной организации, необходимо, далее, обратить особое внимание и на еще одно обстоятельство. Оно представляется, пожалуй, наиболее значимым с точки зрения задач данной работы. Кроме того, если рассмотреть его в более широком и общем плане, то представляется не вполне естественным тот факт, что оно не было пока эксплицировано с достаточной отчетливостью. Действительно, с позиций представленных выше результатов трудно не видеть не только и не просто «сходства» или «аналогичности», но и, фактически, *атрибутивной общности* двух важнейших, основополагающих закономерностей, установленных в общей психологии в целом и психологической теории деятельности, в частности.

С одной стороны, это – разумеется, уже отмеченный феномен *опосредствования*. Во избежание недоразумений подчеркнем, что, естественно, мы отдаем отчет в том, что он сам по себе является разноплановым и многомерным; он не только допускает, но и требует его множественной экспликации. Здесь речь идет лишь о том, что одной из его важнейших и, более того – определяющих особенно в генетическом плане черт является то, что он, фактически, означает возникновение принципиально новой возможности, точнее, – способности. Это – способность к использованию *результатов* функционирования в качестве *средств* этого же функционирования, но на последующих временных этапах. Тем самым данный феномен раскрывается как своего рода «зачаток», как элементарный «квант» временной организации, а впоследствии – и временной (темпоральной) системности.

С другой стороны, это и еще более фундаментальный и основополагающий по своей значимости, а также по его месту и роли в психологических исследованиях феномен – феномен *действия*¹⁰⁴. Он, являясь, безусловно, еще более многомерным и многоаспектным, нежели феномен опосредствованности, также

---

¹⁰⁴ Как мы уже подчеркивали ранее, используя термин «феномен действия», мы не преследуем никакой иной цели, кроме той, которая заключается лишь в фиксации действия как *предмета* психологического изучения.

имеет целый ряд экспликаций и аспектов, сторон и граней. Здесь наиболее целесообразно выделить его собственно «деятельностную спецификацию» – тот смысл, который вкладывается в него именно с позиций психологической теории деятельности. В данной связи следует также особо акцентировать внимание на том «дифференцирующем признаке» – критерии, на основе которого действия вообще выделяется в общей структуре деятельности как ее «единицы». Известно, что таким признаком (и, соответственно, критерием) является *несовпадение* цели каждого отдельно взятого – конкретного действия с общей целью деятельности. В другой формулировке данное положение обозначается, например, как «феномен расхождения целей действия и деятельности». Оно же зафиксировано и в следующем выражении: «в действии не совпадает то, *почему* оно осуществляется, с тем, *зачем* оно осуществляется».

В свете всего этого трудно, однако, не видеть того очевидного обстоятельства, что атрибутивной особенностью любого действия, даже – общим критерием для их выделения как отдельных сущностей является именно их принципиально *опосредствованный* по отношению к деятельности в целом характер. Действие принципиально опосредствованно, а само опосредствование в деятельности обретает действенный характер. Но это же означает, что именно временная организация, приводя «на стыке» физиологического и психологического уровней организации поведенческой активности к феномену опосредствованности, далее – но уже в структуре собственно *психологического* обеспечения деятельности приводит и к возникновению самого феномена действия. Два фундаментальных феномена – опосредствованности и действия имеют общий «генетический корень»: он, в свою очередь, имеет временную, темпоральную, точнее – «организационно-темпоральную» природу.

Однако, еще более значимо то, что именно экспликация этой – «временной общности» вскрывает принципиальнейший факт. Он заключается в существовании их прямой и объективно необходимой генетической преемственности. Более того, он столь же естественным образом указывает и на *производность* –

на вторичность самого феномена действия от феномена опосредствованности. Становится более понятным, почему, как и из чего возникает фундаментальный психологический феномен действия. Более понятным становится также и то, почему он возникает «из» и «на основе» основных принципов именно временной организации физиологических основ психики. Еще более зримо и рельефно эксплицируется та – действительно, фундаментальная роль, которую во всем этом играет «временная координата» реальности (и объективной, и субъективной). Становится ясным и то, как сама субъективная реальность – в том числе, и представленная в форме поведенческой активности начинает «строиться» в соответствии с этой координатой. Наконец, в большей степени проясняется и то, как складывается – возникает, а затем совершенствуется временная, темпоральная системность в качестве средства организации внешней поведенческой активности, а затем и собственного – «внутреннего» содержания психики в целом.

Кроме того, с точки зрения сформулированного вывода становится очевидным и тот факт, что сам феномен действия, наряду, естественно, с его структурно-содержательными характеристиками, имеет и еще один очень важный и, не исключено, – генетически *первичный* модус. Действие раскрывается не только как основная «единица» структурной организации деятельности – не только как ее *субстанциональная* «единица», но также и как ее основная *темпоральная* «единица». При этом следует особо подчеркнуть, что «генетическая первичность» темпорального модуса феномена действия обусловлена тем, что именно он, как можно видеть из проведенного выше анализа, наиболее непосредственно связан с фундаментальными физиологическими особенностями и закономерностями организации поведения¹⁰⁵.

Все рассмотренные выше особенности и закономерности имеют самое непосредственное отношение именно к проблеме игровой деятельности по одной – достаточно простой, но очень важной причине. Дело в том, что все они не только разверты-

---

¹⁰⁵ К этому вопросу мы еще возвратимся ниже – в параграфе 3.1.3.

ваются наиболее интенсивно именно на тех этапах, на котором основным – ведущим типом деятельностной (и поведенческой) активности является именно игра, игровая деятельность, но и вообще являются *определяющими* на них. Вместе с тем, это – хотя, действительно, крайне важная, но все же не единственная причина такого рода. Наряду с ней, существуют и иные, более имплицитные факторы и детерминанты формирования и развития темпоральной системности как средства организации поведения и деятельности. Они, являясь, действительно, более глубинными и «скрытыми», выступают и более сложными для экспликации и интерпретации. Тем не менее, отчетливо сознавая всю их сложность, все же необходимо попытаться осмыслить некоторые из них, поскольку без этого трудно рассчитывать на сколько-нибудь полное решение основных задач данной работы.

Действительно, все рассмотренные выше базовые темпоральные феномены имеют место там и тогда, где и когда объективно представлены *внешние* по отношению к организации «способы воздействия». Они могут быть представлены либо в виде обусловливания, либо в виде моторных, то есть также внешних движений¹⁰⁶. Лишь при «размыкании» поведенческого кольца и при включении в него «внешних» факторов все эти феномены и могут возникать. Разумеется, все это совершенно справедливо и имеет огромное значение как для адаптации в целом, так и для организации деятельности, в том числе – игровой, а также для ее генезиса, в частности. Вместе с тем, даже с априорной точки зрения весьма трудно предположить, что детерминация генезиса игровой деятельности, равно как и фор-

---

¹⁰⁶ Напомним, что основными из них являются такие – классические феномены и закономерности, как феномен *условного рефлекса* (И. П. Павлов [180]); как очень близкий или даже во многом тождественный ему феномен *«сочетательного рефлекса»* (В. М. Бехтерев [25]); как феномен *оперантного обусловливания* (Б. Ф. Скиннер [330]); как – хотя и несколько более сложные, но функционально сходные с предыдущими феномены «первичных», «вторичных» и «третичных» *циркулярных реакций* (Ж. Пиаже [183]). Наконец, в этом же ряду должен быть отмечен и феномен *обратной связи* – как фундаментальный временной принцип организации функциональных физиологических систем (П. К. Анохин [9])

мирования темпоральной системности в ней, исчерпывается только так сказать «внешним управлением». Действительно, возникает вопрос: только ли внешние воздействия управляют формированием темпоральной организации поведения и направляют его? Или же у этого формирования есть и «внутренние» – так сказать аутохтонные причины и детерминанты? В еще более общем плане возникает и другой – не совсем обычный вопрос: почему все это, то есть *складывание* – возникновение темпоральной организации не только и не просто «имеет место» именно в игровой деятельности, но и *наиболее* выражено именно в ней. Достаточно отметить в этой связи, что именно в этой деятельности формируется наиболее фундаментальная, базовая и определяющая структурная «единица» деятельности (причем, не только субстанциональная, но и темпоральная) – действие. На наш взгляд, можно предложить следующий вариант решения этих принципиальных вопросов.

Для того чтобы возникли базовые физиологические механизмы, зафиксированные в указанных выше «временных феноменах», необходим, как минимум, факт *позитивного подкрепления*. Оно может быть любым по типу, форме, характеру и пр., но в любом случае оно, как минимум, объективно *должно быть*. Отсюда вытекает достаточно имплицитный, но необходимый вывод: оно может носить не только *внешний*, но и *внутренний* характер; иметь не только внешнюю, но и внутреннюю локализацию. На первый взгляд, представляется, что этого не может быть – хотя бы просто «следуя традиции». Однако, по-видимому, это не совсем так (точнее, совсем не так). В действительности, такое позитивное подкрепление может носить и внутренний характер. Для того чтобы обосновать данную точку зрения, необходимо вновь обратиться к основным психологическим свойствам – базовым атрибутам игровой деятельности (они были подробно рассмотрены в параграфе 1.1.2. второго тома). Важнейшими среди них как раз и являются самоценность *процесса* игры в сочетании с сугубо подчиненным значением получения в ней какого-либо результата. Отсюда вытекает и то, что удовольствие и удовлетворение – позитивная окраска и оценка

обусловлена именно процессом реализации игры, а не получением в ней результата. Но это же «на языке» теории мотивации означает, что очень характерным для игровой деятельности является именно *внутренняя*, а не *внешняя* мотивация.

Вместе с тем, следует обязательно учитывать важнейшую и, по существу, атрибутивную особенность самой внутренней мотивации как таковой. Она принципиально отличает ее от иных типов мотивации, прежде всего, – от внешней, «результативной». Как известно, внутренняя мотивация базируется не на *гомеостатическом* принципе, как многие иные типы мотивации, а на ином – *гетеростатическом*¹⁰⁷ [295]. В основе первого принципа (гомеостатического) лежит механизм *редукции* мотива и (или) потребности после их удовлетворения. В основе же второго (гетеростатического) принципа, напротив, лежит механизм *усиления* мотива после его удовлетворения. Система отнюдь не приходит к равновесию (гомеостазу) после «устранения возмущений», связанных с возникновением у нее дефицита в чем-либо, который и переживается как потребность, как мотив. Напротив, она проявляет активность, направленную на их усиление. Феноменологически это находит свои проявления в известных фактах, суть которых сводится к тому, что, например, познавательный или иной интерес к чему-либо после его удовлетворения может не только не ослабевать, но и наоборот усиливаться. Удовольствие, получаемое от игры, как мы уже подчеркивали выше, не только не приводит к редукции игровых мотивов, но и стимулирует их развитие и интенсификацию. Все это выступает следствием того, что внутренняя мотивация является «открытой» и, следовательно, труднонасыщаемой. Через нее и *в ней* действуют механизмы самодетерминации активности в целом и игровой активности, в особенности. Именно приоритет в игровой деятельности внутренней мотивации является решающим условием самодетерминации – как атрибутивно присущего этой деятельности свойства. Особо подчеркнем, что такая

---

¹⁰⁷ Напомним, что данный вопрос уже был достаточно подробно рассмотрен в параграфе 1.3.2. второго тома.

специфика вытекает из самой психологической природы игровой деятельности. Точнее – она сама обуславливает эту природу, детерминируя важнейшие атрибуты игровой деятельности.

Подчеркнем, что все отмеченные выше особенности мотивационной «составляющей» игровой деятельности в принципе не только хорошо известны, но и составляют самую ее *суть*. Дело, однако, заключается в том, что за «феноменологическим фасадом» этих особенностей необходимо видеть не только их более глубокий смысл и механизмы, лежащие в их основе. Необходимо установить также, каким образом они влияют на системогенез этой деятельности и, более того, – определяют его *общий* тип. Влияние же это носит очень мощный характер; оно приводит к тому, что весь процесс формирования и развития игровой деятельности обретает характер *автосистемогенеза*. Напомним, что аналогичное заключение уже было сделано выше в качестве необходимого следствия анализа специфики генезиса основных психологических «составляющих» игровой деятельности¹⁰⁸.

Из сказанного следует, однако, достаточно важный в плане рассматриваемой проблемы вывод: по отношению к игровой деятельности позитивные стимулы, то есть «подкрепляющие факторы», которые объективно необходимы для формирования базовых физиологических механизмов темпоральной (временной) организации поведенческой активности, заложены в ней *само́й*. Для формирования – складывания и развития темпоральной организации, строго говоря, вообще не нужно внешних средств, хотя, конечно, их наличие и крайне желательно. В основе игры лежит, в конечном итоге, просто двигательная активность как атрибутивная черта нормального организма. Она не требует для своего осуществления никаких иных причин – является самодостаточной и самопричиняемой, а организм получает удовольствие и удовлетворение от нее самой. Тем самым, «просто» функциони-

---

¹⁰⁸ В частности, практически все те закономерности, которые характерны для мотивационной «составляющей» игровой деятельности, обнаруживаются и по отношению к другой ее важнейшей «составляющей» – к процессам целобразования и к самой цели, а также к закономерностям их формирования и развития.

рование, приводя к тем или иным результатам (сначала – именно в движениях, а затем – и в более сложных проявлениях поведенческой активности) порождает «положительный эмоциональный отклик», то есть является позитивным стимулом для своего самоподкрепления.

Итак, игра и игровая деятельность «устроены» таким образом, что само по себе функционирование, то есть процесс их реализации, является *достаточным* условием для ее самоподдержания и самоподкрепления (то есть, фактически, самодетерминации). Соответственно, они же являются достаточными условиями и для ее развития – для генезиса. Функционирование с необходимостью приводит к определенному результату; он сам по себе, являясь «эмоционально позитивным», порождает реакцию гетеростатического типа и является стимулом для продолжения и развития процесса функционирования. Таким образом, именно гетеростатичность игры является объективным и важнейшим условием для того, чтобы она не только не заканчивалась на каком-либо – «достигнутом результате» функционирования, а наоборот, сам этот результат становился исходным условием и средством для ее дальнейшего функционального развертывания и развития. Другими словами, гетеростатичность организации игры и лежит в основе возникновения (и поддержания) механизма *обусловливания* (который, как можно видеть из сказанного, исходно имеет вид именно мотивационного обусловливания). Затем и «вместе с тем» на этой же функциональной основе возникает еще более общий и важный механизм (и феномен) *опосредствования*, а на его основе, в свою очередь – и феномен *действия*. Для их возникновения в игре заложены все необходимые – именно внутренние, аутохтонные средства и детерминанты. Она самой своей природой – психологической спецификой и особенностями организации порождает все эти феномены – обусловливания, опосредствованности и действия¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ Вместе с тем, подчеркнем еще раз, что и внешние воздействия также очень желательны в этом плане, поскольку они в значимой степени также содействуют формированию темпоральной организации деятельности.

Кроме того, из сказанного с логической необходимостью следует и еще один вывод, к более подробному рассмотрению мы возвратился ниже, а пока лишь зафиксируем его в общем плане. Он состоит в том, что все рассмотренные выше закономерности вскрывают основное направление генетического развития игры: это развитие не может осуществляться никак иначе, кроме преобразования *игры* в игровую *деятельность*. Причина этого состоит в том, что аутохтонные закономерности самой игры, а также закономерности придания ей темпоральной организации, с *объективной необходимостью* приводят к становлению вначале феномена опосредствованности, а затем (и на его основе) – феномена действия. Однако, именно возникновение этой базовой и определяющей структурной «единицы», причем, – что также важно, всегда не в единственном числе, как раз и является необходимым и достаточным условием для формирования деятельности как таковой.

Более того, сам «феномен действия» объективно может возникнуть лишь тогда, когда уже имеется их множество. Дело в том, что «критически значимым» признаком действия является *несовпадение* того, «почему» оно осуществляется и «зачем» оно осуществляется. Иначе говоря, цель действия не должна быть *идентичной* целям некоторой более *общей* целостности, в которую оно входит на правах компонента. Однако эта целостность может быть «более общей» лишь в том случае, если она будет состоять из «множества» компонентов. Несколько схематизируя, можно сказать, что через обретение темпоральной организации игра и трансформируется в игровую деятельность. Однако, поскольку она является лишь первым, но не единственным основным типом деятельности в целом, то можно сказать и так: через темпоральную организацию игра (как еще «не-деятельность») трансформируется в деятельность вообще. Именно через формирование темпоральной организации, осуществляющемся в процесс генезиса игры, во многом и *возникает* сама деятельность как таковая (вначале – игровая, а затем – учебная и трудовая).

Феномен опосредствованности имеет, однако, и еще одну важную грань; он приводит к еще одному крайне значимому

именно для *общей* организации психики и деятельности следствию. Выше уже отмечался один из возможных типов временной организации систем – *каузальная* детерминация, в основе которой лежит причинно-следственный принцип. Он имеет очень широкую сферу действия; в частности, на его основе организован целый ряд форм и уровней организации поведенческой и деятельности активности (особенно – игровой). На феноменологическом – собственно поведенческом уровне он проявляется (опять-таки, прежде всего, по отношению именно к игровой деятельности) в такой – очень характерной для нее особенности, как спонтанный и непредсказуемый, хаотичный и несистематический – «свободный» ее характер. Однако, не менее, а быть может и еще более характерной – особенно на ранних и наиболее примитивных этапах развития детской игры – ее чертой является ярко выраженный «стимул-реактивный характер». Она строится не как «организованная активность», направленная на достижение каких-либо целей и потому – подчиняющаяся какому-либо плану, а принципиально иначе. Игровые движения, действия и иные моторные акты – это, прежде всего, сугубо *реактивные* образования. Поведенческая и деятельностная активность при их реализации носит подчеркнуто реактивный характер; она просто не может носить на этих – ранних этапах никакой иной характер. Можно видеть, таким образом, что при этом имеет место принципиальная конгруэнтность, соответственно, каузального типа детерминации и реактивного принципа организации игры.

Вместе с тем, уже в этой – *первой*, но уже поэтому *не единственной* форме темпоральной организации заложены принципиальные возможности для решающего – поистине «революционного» шага, знаменующего выход организации поведенческой и деятельностной активности на совершенно новый уровень сложности организации. Действительно, как было показано выше, именно внутри каузального типа детерминации складываются три воедино связанных – «сцепленных» и генетических преемственных феномена – феномен *обусловливания*, феномен *опосредствованности* и феномен *действия*. Причем, наиболее радикальные трансформации имеют место при переходе от пер-

вого ко второму. Дело в том, что само возникновение феномена опосредствованности, фактически, равнозначно тому, что система (например, личность) оказывается в состоянии «распознавать», а затем – использовать *результаты* какого-либо предшествующего поведенческого акта в качестве *средств* организации последующих актов. Но в этом случае оказывается возможным *сначала* получать нечто такое, что *затем* и должно выступить этим средством. Система начинает стремиться к какому-либо результату уже не столько «как к результату», а именно «как к средству» для организации иных своих проявлений (например, средству организации последующих функциональных проявлений).

Трудно не видеть, однако, в этой – повторяем, кардинальной по своей значимости и последствиям трансформации более глубинного смысла. Дело в том, что это, по существу, и есть механизм перехода от *каузального* типа детерминации к *целевому* типу – к принципу «детерминации по цели». Последствия этого, действительно, велики и множественны; они будут более подробно рассмотрены ниже. Пока же зафиксируем наиболее общий факт: такая трансформация *реально существует* и реализуется именно «в» феномене действия и «через» него. Возникает не только новый тип детерминации – целевая, но на саму темпоральную организацию, равно как и на темпоральную системность, транспонируется основная функция цели как таковой. Это – ее роль как системообразующего фактора, но в данном случае – по отношению к системе темпорального типа¹¹⁰.

Наиболее принципиальной особенностью проведенного анализа является то, что для непротиворечивого объяснения смежны двух базовых типов детерминации (каузальной на целевую)

---

¹¹⁰ В данной связи возникает необходимость терминологического дополнения, вытекающая из результатов проведенного анализа. Действительно, хорошо известно, что формирование поведенческой активности реактивного типа осуществляется, помимо всего прочего, и за счет формирования ее специфической «единицы» – *реакции*. Однако, по отношению к другому основному типу активности – проактивному нет соответствующего и адекватного термина для обозначения его специфической «единицы». В этой связи, не исключено, что для ее обозначения может быть использован термин *проакции*.

он *не потребовал* никаких иных дополнительных объяснительных средств, кроме понятий временной организации и временной системности. Тем самым, это уже само по себе может рассматриваться в качестве свидетельства конструктивности использованных понятийных средств и, в первую очередь, самого понятия временной – темпоральной системности.

Констатация всех рассмотренных выше – действительно, достаточно сложных закономерностей и особенностей генетического плана, имеющих место в игровой деятельности, тем не менее, еще не исчерпывает всю реальную сложность ее генезиса. В целях более полной экспликации этой сложности необходимо привлечь еще одну группу данных. Как мы уже отмечали, недопустимым упрощением была бы трактовка формирования темпоральной организации с позиций известной парадигмы «усвоения и формирования»¹¹¹. С этой точки зрения, как известно, формирование темпоральной организации поведения, в том числе – и игрового, разворачивается именно как формирование тех или иных внешне представленных актов – движений, действий и пр., а затем – как их временное упорядочивание. В действительности, как показано во многих психологических и физиологических исследованиях, ни на одном – даже самом начальном этапе онтогенеза невозможно абстрагироваться (даже в так называемых «исследовательских целях») от исходной – атрибутивной процессуальности организации активности. Разумеется, она при этом носит предельно не-организованный, спонтанный, хаотичный, непреднамеренный и пр. характер, но она «уже и всегда есть». Поэтому темпоральной организации «исходно и изначально» подвержено не формирование и развитие поведенческих актов, движений, действий (хотя, конечно, и они тоже). Первоначально она складывается на основе базовой активности, носящей, повторя-

---

¹¹¹ Она, в свою очередь, негласно – «автоматически» предполагает трактовку самой временной организации, а впоследствии – и темпоральной системности как процесс интериоризации «внешнего упорядочивания» действий (и любых иных поведенческих актов) во «внутреннюю временную организацию».

ем, спонтанный и хаотичный характер и образованной элементарными поведенческими и даже организмическими реакциями. Но это означает, что «базис» – основа (так сказать, «материал») для темпоральной организации существует практически всегда – на всех онтогенетических этапах¹¹². Однако это же означает, что темпоральная организация не просто так сказать «накладывается» на формирование и развитие поведенческой и деятельностной активности. Дело еще и в том, что последняя – сама по себе, то есть будучи представлена исходно и онтологически первично, требует организации – причем, любой, в том числе, разумеется, и временной. Следовательно, сама темпоральная организация возникает не «вслед» и не «на основе» формирования и развития поведенческой активности, а *вместе* с ней и, фактически, *в ней* и, более того, *из нее*. Тем самым, темпоральная организация вступает объективным и необходимым следствием активности организма как таковой (хотя, конечно, и через целый ряд переходных этапов и трансформаций).

Итак, подводя промежуточные итоги проведенного анализа, можно, по-видимому, сделать вывод, согласно которому понятия темпоральной организации и темпоральной системности, действительно, являются достаточно конструктивными интерпретационными средствами для раскрытия особенностей и закономерностей игровой деятельности и ее генезиса. Вместе с тем, естественно, что эти понятия имеют целый ряд дополнительных содержательных граней, обладают дополнительным объяснительным потенциалом по отношению к общей проблеме детской игры в целом и ее генезиса, в частности. К их рассмотрению теперь и необходимо перейти.

---

¹¹² Более того, как показывают современные исследования, наиболее элементарные проявления такого рода активности имеют место еще в период внутриутробного развития плода.

2.5. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

2.5.1. Постановка проблемы исследования

В наиболее общем виде основная проблема, к рассмотрению которой теперь необходимо обратиться, может быть сформулирована следующим образом. Каким образом представления о темпоральных системах и темпоральной системности содействуют разработке проблемы детской игры в целом и ее генезиса, в особенности? Кроме того, на основе проведенного выше анализа можно предположить, что определяющее значение для ее решения может иметь раскрытие тех закономерностей и механизмов, которые образуют наиболее глубинный и, соответственно, наиболее важный уровень организации любой деятельности, в том числе – и игровой. Это, разумеется, уровень собственно *процессуально-психологического обеспечения* деятельности. Следовательно, его и необходимо сделать предметом приоритетного анализа. Предварительно, однако, следует сделать некоторые необходимые уточняющие замечания.

Во-первых, разумеется, представленный ниже вариант решения данной проблемы не претендует на то, чтобы охватить *всё* содержание чрезвычайно многообразных и очень сложных взаимосвязей двух рассматриваемых и предельно обобщенных самих по себе сущностей. Ими являются, с одной стороны целый *класс* систем – темпоральные, а с другой стороны, такая – не менее *обобщенная сфера* психического, каковой выступает ее процессуально-психологическое содержание. В связи с этим, мы и считаем необходимым подчеркнуть, что те аспекты реализации понятия темпоральной системности, которые будут рассмотрены ниже, являются именно *аспектами* – сторонами и гранями общей картины ее реализации в организации психики в целом и в ее процессуально-психологическом содержании, в частности, но не всей этой картиной. Одновременно и сам генезис процес-

суально-психологического обеспечения также не может быть, разумеется, сведен лишь к все более полной ассимиляции в них темпоральной системности; он включает в себя и иные, столь же существенные аспекты. Вместе с тем, именно такая ассимиляция является очень важной, поскольку, она *объективно* выступает одним из базовых механизмов генезиса психики. Однако она не только наименее исследована, но и сама проблема, связанная с ее изучением, ставится здесь, фактически, впервые.

Во-вторых, следует остерегаться опасности упрощенной трактовки возможной связи указанных сущностей. Действительно, эта связь – на первый взгляд, может быть представлена в достаточно простом и весьма «прозаическом» виде, смысл которого состоит в следующем. В ходе онтогенеза детской игры формируется и развивается в начале примитивная, а затем все более усложняющаяся деятельностная активность, то есть именно игровая *деятельность*. Она, в свою очередь, как показано выше, мультиплицирует в себе основные особенности темпоральной системности. Наконец, поскольку это, действительно, имеет место, то данные особенности *транспонируются* и на организацию основных «составляющих» психики – в том числе и психических процессов¹¹³. Собственно говоря, в этом и проявляется то, что обычно вкладывается в содержание принципа «единства психики и деятельности». Это – не что иное, как транспонирование складывающихся и формирующихся, развивающихся и эволюционирующих в ходе онтогенетического развития особенностей и закономерностей организации «внешней» деятельности на структурно-функциональную организацию «внутренне-го» содержания психики.

Безусловно, все сказанное также имеет место и по отношению к рассматриваемой здесь проблеме. Однако только такой – относительно простой «схемой» взаимодействия «внешней»

---

¹¹³ Причем, по отношению именно к психическим процессам такое транспонирование носит максимально полный, рельефный и, более того, принципиальный характер (см. об этом подробнее в [118], а также по ходу последующего анализа).

организации деятельности и ее «внутреннего», то есть процессуально-психологического, обеспечения дело не исчерпывается. Следует отдавать полный отчет в том, что и развитие самого процессуально-психологического («внутреннего») обеспечения имеет свои собственные – аутохтонные и потому наиболее важные закономерности. Оно имеет свою «внутреннюю логику», связанную со многими иными, а не только деятельностными факторами и детерминантами. В частности, одной из главных среди них выступает категория детерминант, которые связаны с психофизиологическим (и даже – морфологическим) созреванием мозговых структур, с физиологической эволюцией самих психических функций, на базе которых осуществляется генезис сферы психических процессов. В этом – сложнейшем по содержанию и двуедином по характеру онтогенетическом процессе и осуществляется общий генезис процессуально-психологического содержания психики в целом и игровой деятельности, в частности. В нем синтезированы и взаимопереплетены две генетические «линии». Первая связана с *деятельностной* детерминацией этого развития и носит так сказать «внешний» характер. Вторая связана с «внутренними» – *аутохтонными* закономерностями формирования и развития сферы психических процессов.

В-третьих, следует отдавать полный отчет и в том, что сама сфера процессуально-психологического обеспечения деятельности, психические процессы – и как предмет исследования, и как онтологическая реальность занимают совершенно исключительное положение как в истории психологического познания, так и в организации самой психики. Это, как известно, – «основа основ», базовое содержание всей ее структурно-функциональной организации. Вполне закономерно поэтому, что *основное* содержания предмета общей психологии составляют представления именно о системе психических процессов¹¹⁴. Кроме того, столь

---

¹¹⁴ Достаточно рассмотреть с этой точки зрения структуру практически любого учебника по психологии, в которых очень существенную часть занимают разделы, посвященные именно психическим процессам. Более того, изложение представлений о предмете психологии обычно с них и начинается.

же велика роль данной сферы и в *генезисе* психики и деятельности. В связи с этим, следует отдавать отчет, что, обращаясь к данной проблеме, исследователь встает на достаточно рискованный путь, обрекая себя на взаимодействие с безбрежной по масштабу и грандиозной по степени сложности проблемой. Он должен заранее «смириться» с фактической невозможностью ее полного раскрытия и со столь же неизбежными упреками в «неполноте» ее изучения. Вместе с тем, следует помнить и о другом: без и «вне» обращения к данной проблеме сколько-нибудь ощутимый прогресс в раскрытии особенностей и закономерностей детской игры и ее генезиса *объективно* невозможен.

В-четвертых, следствием предыдущего обстоятельства является и то, что в общей структуре данной проблемы объективно представлен целый ряд, точнее – множество ее более частных аспектов. Являясь, действительно, более локальными, нежели она сама в целом, они, тем не менее, выступают чрезвычайно важными и сами по себе – так сказать «в отдельности», а нередко носят и основополагающий характер. Все они настолько значимы, что них вообще очень трудно или даже практически невозможно выстроить так сказать по их приоритетной значимости. Вместе с тем, некоторые из них все же выделяются даже на фоне этой «равновеликости», выступая, в то же время, и наиболее трудными для психологического исследования (что уже само по себе свидетельствует об их особой важности). Именно на них и представляется целесообразным сфокусировать дальнейший анализ.

Наконец, в-пятых, и среди этих – теоретически приоритетных и «избранных» аспектов существует и достаточно отчетливо дифференцируется такой, который является определяющим и «критически значимым» – *объективно* основным. Все иные аспекты и планы анализа столь же объективно производны от него и «вторичны» по отношению к нему. Действительно, выше было подробно обосновано положение, согласно которому объективно основным аспектом общего функционального плана исследования тот его план, который направлен на раскрытие закономерностей «бытия системы во *времени*» – с ее «временной разверткой». Он тем самым онтологически включает «ось времени» в органи-

зацию систем, а гносеологически – предписывает дать объяснение формам и модусам такого включения. Следовательно, его и необходимо рассматривать в качестве «основного из основных». Кроме того, следует учитывать, что он во многом попросту *репрезентирует* весь функциональный анализ в целом. Поэтому его изучение в значительной степени содействует и раскрытию всех иных аспектов данного плана исследования.

В то же время, столь же общепризнанным и общепринятым является и еще одно фундаментальное общепсихологическое положение, сформулированное в русле исследования проблемы психических процессов и состоящее в следующем. Полагается (причем, совершенно обоснованно и справедливо), что сама *суть* любого психического процесса в целом и *специфика* каждого из них, в отдельности, определяется его собственно *операционным составом* [7, 29]. О психических *процессах* как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если в предмете того или иного психологического исследования феноменологически зафиксирован операционный состав как таковой. И наоборот, наличие операционного состава является «критически значимым» – атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования именно к категории психических *процессов*. Именно наличие операционного состава – операционность, то есть объективная представленность и специфичность самих операций как раз и составляет атрибутивную сущность любого психического процесса. Именно операционный состав вообще в определяющей мере конституирует *качественную определенность* содержания любого психического процесса. Он же обуславливает и *качественную специфичность* любого психического процесса по отношению ко всем иным процессам¹¹⁵. И наоборот, *отсутствие* этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором *не-принадлежности* того или иного предмета исследования к категории психических

---

¹¹⁵ Как отмечал еще Г. Гегель, именно качество – это то, «благодаря чему нечто является тем, чем оно является» [49].

процессов¹¹⁶. Следовательно, операционный состав, составляющий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только *объективно* основным, но и во многом *конституирует* его. Поэтому именно через обращение к понятию операционного состава и через его приоритетное исследование – в том числе и в плане понятия темпоральной системности открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования и генетической динамики психических процессов в целом, и роли этой динамики в развитии детской игры, в частности.

Таким образом, можно видеть, что *общая* проблема раскрытия функциональных закономерностей детской игры в целом и генезиса ее процессуально-психологического обеспечения, в частности, *конкретизируется* до следующего вида. Каковы особенности и закономерности взаимосвязи *темпоральной системности* и содержания (и генезиса) *операционного состава* психических процессов? Такая формулировка исходной проблемы носит уже значительно более определенный характер и, соответственно, допускает большие возможности для ее решения. Вместе с тем, даже в этом – конкретизированном и операционализированном виде она все же также очень сложна и весьма многоаспектна. Отчетливо сознавая данное обстоятельство и не претендуя, в силу этого, на его полное раскрытие, попытаемся, однако, сформулировать положения, способствующие такому раскрытию.

2.5.2. Закономерности генезиса темпоральной организации «первичных» психических процессов

Прежде всего, обратим внимание на фундаментальное по значимости и очень общее по характеру положение, которое

---

¹¹⁶ В частности, именно этот атрибут отсутствует у иных базовых «составляющих» психики – психических *свойств* и *состояний*, а потому может и должен быть проинтерпретирован и как достаточно глубинный критерий – как своего рода «демаркационный признак» дифференциации процессуальных образований психики от иных ее основных «составляющих».

уже не раз фиксировалось в ходе предыдущего анализа и суть которого заключается в следующем. В структурно-функциональной организации психики в целом, а также в содержании и составе ее процессуально-психологического обеспечения, в особенности, *онтологически*, то есть объективно, реализуется атрибутивная взаимосвязь двух важнейших ее уровней – собственно физиологического и психологического. Одним из базовых проявлений данной связи выступает, как известно, принципиальное и очень глубинное соответствие, доходящее до степени *изоморфизма*, между совокупностью психо-*физиологических* (и психических) функций и системой психических *процессов*¹¹⁷. Вообще говоря, именно эта связь, является, действительно, наиболее глубинной основой для организации психики в целом. Она выступает – и исторически, и традиционно, и – что еще более важно – по *существу* своего содержания предметом огромного числа исследований самого разного плана, начиная от сугубо методологических и заканчивая экспериментальными. Каждому профессиональному психологу давно и хорошо знакомы все те многочисленные перипетии и коллизии, которые сопровождали развитие данной проблемы, что, впрочем, уже само по себе является наиболее надежным индикатором ее истинной значимости и основополагающей роли для психологического познания в целом.

Кроме того, столь же важен и собственно *генетический* аспект данной проблемы, поскольку само формирование и развитие собственно психических *процессов* во многом и базируется на основе тех или иных психофизиологических функций – осуществляется «из них» и «через них». Вполне закономерно поэтому, что собственно генетические исследования в области психических процессов как раз и направлены на то, чтобы вскрыть и объяснить закономерности, которые лежат в основе качественных трансформаций, позволяющих функциям эволюционировать до уровня (и формы) психических процессов.

---

¹¹⁷ В этой связи приходится еще раз вспомнить уже отмечавшуюся мысль М. С. Роговина относительно принципиального подобия совокупности основных психических функций и системы базовых психических процессов [196].

Наконец, общеизвестно также, что наиболее обоснованным и развитым, а одновременно – и перспективным путем раскрытия того, как же конкретно это происходит и в чем состоит суть такого рода трансформаций, является дифференциация в структуре психических процессов двух категорий средств их реализации. Эти категории могут по-разному обозначаться, в них могут выделяться (и, далее, подвергаться приоритетному изучению) разные аспекты и проявления. Однако наиболее четкое и концептуально завершенное воплощение эта дифференциация получила, как известно, в работах Б. Г. Ананьева. В них сформулировано положение, согласно которому в структуре любого психического процесса представлены два типа механизмов – *функциональные* и *операционные* [6]¹¹⁸. Кроме того, согласно взглядам Б. Г. Ананьева, дифференцируется еще один тип механизмов – мотивационные, которые, к сожалению, не получили столь глубокого раскрытия, как первые два. Это, на наш взгляд, не только не является «случайным», и не заслуживающим особого внимания обстоятельством (или же следствием естественной неравномерности в разработке тех или иных проблем), а напротив, – очень показательным именно в плане развиваемых нами здесь представлений. Дело в том, что и функциональные, и операционные механизмы – по понятным и не нуждающимся в дополнительных комментариях причинам, объективно и самым непосредственным образом (даже – атрибутивно) сопряжены с параметром *времени*, с временной «координатой». Следовательно, они столь же атрибутивно воплощают в себе основную форму организации, свойственную именно для процессов как таковых, *темпоральную*. Мотивационные же механизмы напротив, «чужды» этой координате; они в существенно большей степени релевантны иной базовой категории – категории *энергии*.

Так, в структуре перцептивного процесса дифференцируются следующие операции: обнаружение, различение, категоризация, идентификация, опознание и др. [50]. Аналогичным

---

¹¹⁸ У Л. С. Выготского близкое по содержанию положение отражено в понятиях «натурального» и «культурного», а также в их генетической взаимосвязи [43].

образом, операционный состав другого психического процесса – воображения включает, например, такие – специфические для него операции, как агглютинация, гиперболизация, «шаржирование» и пр. В составе еще одного психического процесса – памяти также дифференцируется достаточно развернутая система операций; причем, сами они могут выделяться на основании разных критериев [244]. Наиболее полное выражение они обретают, например, в совокупности так называемых мнемотехнических средств (операций). Наконец, пожалуй, наиболее развернутым является операционный состав аналогичного по степени сложности, то есть также наиболее сложного, психического процесса – мышления. Он образован операциями анализа, синтеза, обобщения, конкретизации, абстрагирования, сравнения и др.¹¹⁹.

Далее, очень характерно и показательно с точки зрения данных представлений именно то, что генезис каждого психического процесса, равно как и их системы, с *содержательной* стороны во многом попросту и представляет собой формирование операционных механизмов на базе «уже имеющихся» функциональных механизмов. За счет этого, во-первых, расширяются возможности самих функциональных механизмов, а общий потенциал любого психического процесса также существенно возрастает. Собственно говоря, генезис психических процессов, согласно данному подходу, это и есть формирование операционных механизмов на основе функциональных, а также обогащение вторых первыми, а в результате – генезис общего процессуально-психологического содер-

---

¹¹⁹ Кроме того, в данной связи необходимо подчеркнуть обстоятельство еще более общего плана. Как показывают исследования последнего времени данная закономерность – наличие специфического операционного состава является, действительно, очень общей и присуща не только традиционно дифференцируемым классам процессов, но и процессам *иных* классов и иных уровней интегративности. Так, в частности, данная закономерность очень отчетливо эксплицируется при раскрытии психологического содержания класса *интегральных процессов* [88, 118] психической регуляции деятельности; она же установлена и по отношению к классу *метакогнитивных процессов* [104, 106].

жания¹²⁰. Все это, разумеется, не только совершенно справедливо, но и входит в «золотой фонд» психологического знания. Оно не на словах, а на деле (хотя, конечно, и в известных исторических и традиционных рамках) реализует то, что обычно лишь декларируется – провозглашается и закрепляется в известном *общеметодологическом* принципе «единства психики и деятельности». Дело в том, что данное положение, действительно, вскрывает некоторые *конкретные* закономерности и механизмы того, как *реально* действует данный принцип, как реально – онтологически реализуется данная связь и ее «генетическая развертка»¹²¹.

Вместе с тем, указанные представления, являясь, повторяем, безусловно, справедливыми и обоснованными, все же отнюдь не закрывают возможность их дальнейшего развития и углубления, а напротив, – предполагают это. Дело в том, что для раскрытия *общего* содержания и организации операционного состава любого психического процесса в целом необходимо решение *двух* (а не одной, как в концепции Б. Г. Ананьева) задач. Во-первых, это, разумеется, установление данного состава так сказать «самого по себе». Она включает определение его перечня – так сказать «номенклатуры», а также характеристику тех операций, которые его и образуют. Именно эта задача и была поставлена, а в значительной мере – и решена в концепции Б. Г. Ананьева. Однако, во-вторых, наряду с этим, необходимо отдавать отчет и в том, что сам этот операционный состав отнюдь не является (и, что еще более важно, *в принципе* не может и не должен являться) «простой суммой», «агрегативным множеством» – рядоположенной совокупностью отдельных операций. Как раз напротив, эта совокупность, а следовательно, и весь операционный

---

¹²⁰ Далее эта же «линия» генетического развития находит свое проявление и в генезисе иных классов психических процессов – метакогнитивных и интегральных; см. об этом подробнее в разделе.

¹²¹ При этом, однако, следует подчеркнуть, что по каким-то не вполне понятным причинам данная проблема, равно как и отмеченная выше концепция Б. Г. Ананьева в целом, во многом просто «обошла стороной» ранние онтогенетические периоды и, следовательно, никак не была востребована психологией игровой деятельности.

состав может обрести действенный характер лишь в том случае, если он будет *организован* – прежде всего, именно в плане его временной, темпоральной упорядоченности. Отдельные операции, входящие в состав любого психического процесса, – это не только «собственно операции», то есть *содержательные* образования, но и *этапы*, то есть образования собственно темпоральные.

Вообще говоря, любой психический процесс становится *психическим* процессом в силу формирования его операционного состава в плане содержания входящих в этот состав операций. Однако он же становится психическим *процессом* в силу того, что эти же операции упорядочиваются вдоль «оси времени», то есть подвергаются темпоральной организации. Проявления и иллюстрации этого множественны и повсеместны. Более того, как известно, в психологии существует и специальное направление, в котором углубленно исследуется данный круг вопросов – *актуалгенетическое* направление¹²². На наш взгляд, представляется не вполне естественным, что до сих пор в работах, направленных на раскрытие «диалектики взаимосвязи» операционных и функциональных механизмов психических процессов, этот – темпоральный аспект операционного состава практически никак даже не затрагивается. Однако, именно он, являясь атрибутивно присущим собственно *процессуальной* организации любого из них; следовательно, он должен быть обязательно рассмотрен в качестве столь же необходимого направления развития этих представлений.

---

¹²² Данное направление обычно связывается с работами Х. Д. Шмидта, который, в частности, указывал: «В зависимости от длины рассматриваемого интервала времени предмет психологии развития расчленяется на специальные области. Наидлиннейший временной интервал заполнен филогенезом организмов... Меньшим отрезком времени характеризуется антропогенез... Можно воспользоваться еще более ограниченным интервалом для изучения онтогенеза человека... Наконец, очень малые отрезки времени по сравнению с ранее названными приходятся на ту среду переживаний и поведенческих реакций, которую – расширяя первоначальное значение термина – нам хотелось бы назвать актогенезом (aktualgenese)» [328]. Близкими по смыслу с понятием актуалгенеза (или актогенеза) являются понятия функционального генеза и микрогенеза.

В свете всего этого трудно, однако, не видеть достаточно несложного, но крайне значимого обстоятельства, согласно которому любой психический процесс, фактически, и становится таковым, то есть процессом в строгом и наиболее непосредственном смысле данного понятия благодаря тому, что в нем – в его структуре и функционировании реализуется временная упорядоченность, темпоральная организация. Любой психический процесс, собственно говоря, и становится таковым лишь благодаря тому, что он воплощает в себе черты и закономерности именно темпоральной организации, а в наиболее развернутых и зрелых формах – и темпоральной системности. Психические процессы раскрываются в их истинном и наиболее полном, богатом содержанием и принципами организации виде – в качестве психологических систем, но уже не только, а быть может, и не столько *субстанционального* типа, сколько в качестве *темпоральных* систем.

Однако, если, действительно, операционный состав любого психического процесса обретает черты временной, собственно темпоральной организации и, если, действительно, отдельные операции «выстраиваются» в определенную последовательность вдоль «оси времени» и образуют его процессуальное, временное содержание, то *что* выступает *детерминантами* самой этой организации? На основе каких факторов и причин, благодаря каким особенностям и закономерностям происходит само временное структурирование, а затем – и общая темпоральная организация операционного состава каждого психического процесса? Наконец, если сами процессы рассматривать в уже сформированной и развитой форме, то есть в качестве процессуальных образований, приближающихся по мере своей организованности к собственно темпоральным системам, то возникает аналогичный, но еще более общий вопрос. *Что* именно выступает детерминантой формирования и развития темпоральной системности по отношению к сфере психических процессов в целом и к каждому из них, в частности? Почему они – повторяем, в развитой форме и должны быть поняты как частные экспликации темпоральных систем? Другими словами, *что* именно упорядочивает «временное развертывание» – последова-

тельность отдельных операций и «вытягивает» их в цепь таким образом, чтобы она была оптимальной с точки зрения обеспечения того результата, на обеспечение которого и направлен сам процесс?

Формулируя эти вопросы и переходя, далее, к попытке ответа на них, не будем, однако, забывать про два – уже проанализированных выше обстоятельства. Напомним, что первое из них состоит в том, что все указанные феномены и закономерности, равно как и все качественные трансформации, связанные с переходом от функций к процессам и с формированием операционного состава последних, наиболее интенсивно происходят на тех этапах онтогенеза, на которых основным типом деятельности является именно игра. Следовательно, само формирование операционного состава и его темпоральная организация также наиболее представлено именно в игре, в игровой деятельности. Второе обстоятельство заключается в том, что на *этом* же онтогенетическом этапе наиболее интенсивному складыванию, формированию и совершенствованию подвержена также и сама игровая деятельность. Фактически, здесь она возникает, а затем – и формируется. Другими словами, здесь осуществляется «переход» от «просто» *игры* к *игровой деятельности*.

Однако выше было показано также, что именно этот переход – трансформация игры в игровую деятельность, формирование самой этой деятельности именно как *деятельности* во многом просто *тождественен* тому, что исходно неорганизованная активность все более полно воплощает в себе черты и закономерности временной, собственно темпоральной организации. На эту поведенческую активность «накладывается» временная, темпоральная организация, а само «неорганизованное» – спонтанное и нерегулярное, хаотичное и неупорядоченное поведение все более полно и явно обретает организацию, в том числе собственно временную, темпоральную. При этом, далее, необходимо особо подчеркнуть и еще одно – несколько более сложное, но одновременно и более важное, даже *принципиальное* обстоятельство. Дело в том, что такое «наложение» – воплощение в поведенческой активности черт темпоральной организации ни в коем

случае нельзя трактовать как «привнесение» в поведение, а затем – в деятельность каких-либо *внешних* и, следовательно, искусственных средств (тем более таких абстрактных и «труднодостижимых» в этом возрасте, как средства временной организации). Не только дети – тем более, на ранних возрастных этапах, но и взрослые очень часто практически не способны на это. Сам же «параметр времени» является, как известно, одним из наиболее сложных в плане его субъектной репрезентации. Дело, на наш взгляд, обстоит совершенно иначе, а конкретные по содержанию, хотя и очень общие по смыслу механизмы такого «наложения» – воплощения в организации деятельности черт темпоральной организации состоят абсолютно в другом.

Действительно, выше мы уже отмечали, что о временной, темпоральной организации как таковой вообще можно говорить лишь в том случае, если какая-либо система (в данном случае – деятельность) обретает следующую – важнейшую и, по существу, атрибутивную особенность. Она заключается в том, что система начинает «распознавать», а затем – и использовать те или иные *результаты* своего собственного функционирования, достигаемые ей на каком-либо этапе такого функционирования, в качестве *средств*, в качестве своеобразного «материала» и «ресурса» для организации ее же функционирования, но на последующих этапах. Именно это свойство, точнее – атрибут не только присущ деятельности как таковой, но и представлен по отношению к ней с максимальной, – по существу, предельной степенью выраженности. Это свойство – свойство так сказать «самостроительства», «самоинструментальности» вообще лежит в *основе* ее организации как специфической формы активности. За счет него и «на его базе» обеспечиваются другие важнейшие атрибуты деятельности, прежде всего, продуктивность, целедостижимость, активность и др.

Констатируя это, необходимо подчеркнуть и еще одно – также очень существенное обстоятельство. Дело в том, что все указанные процессы и трансформации «организационного» (точнее – организационно-темпорального) характера исходно и «первоначально» осуществляются, во-первых, во *внешнем* поведении,

внешних действиях – в эксплицитном плане. Во-вторых, это реализуется совершенно *естественным* и достаточно несложным путем, а отнюдь не путем «искусственной» – «навязанной» извне детерминации (состоящей в «наложении» на поведенческую активность каких-либо «особых» средств временной организации). *Содержательные* компоненты деятельности – движения, а затем – действия просто «вытягиваются» и «выстраиваются» – организуются таким образом, чтобы обеспечить тот или иной результат. Затем они же подвергаются и дальнейшей временной организации и оптимизации с целью того, чтобы данный результат был обеспечен в возможно более эффективном виде. Деятельность структурируется и организуется, обретая, в том числе и черты процессуальности, именно на основе ее темпорального упорядочивания и временной организации, но под детерминирующим влиянием ее собственно *содержательных* характеристик – как в целом, так и отдельных «организуемых» компонентов (прежде всего, действий). В этом, собственно говоря, и состоит одна из ключевых особенностей темпоральной организации как таковой – ее своеобразная «хитрость» и причина того, что она обладает свойством «ускользаемости» от анализа. Темпоральная организация, имея, безусловно, свою логику и присущие ей закономерности, тем не менее, реализуется на основе не временных, а собственно *содержательных* характеристик и детерминант самого организуемого во времени явления.

Вместе с тем, как мы уже отмечали в данной связи, ее эффективность, в свою очередь, *решающим* образом зависит от того, насколько эта «цепь» – временная последовательность актов деятельности будет организована и, следовательно, насколько парциальные результаты этого взаимодействия обеспечат в своей совокупности их совместный, то есть кумулятивный эффект. Другими словами, эта последовательность должна быть представлена уже не просто как «поток», не как *сумма* отдельных «актов деятельности», а как их закономерно организованная последовательность, подчиненная общей логике и направленная на достижение единой цели (то есть фактически, как *система*). Следовательно, она должна быть подвергнута организации,

наиболее эффективной формой которой, по-видимому, и является организация именно системного типа, то есть воплощенность в последовательности отдельных актов осознания основных черт системности, но уже, разумеется, не субстанциональной, а временной – темпоральной.

Однако, развертывание всех этих – повторяем, исключительно внешне представленных качественных трансформаций, объективно приводит (и не может не приводить, в силу присущих психике механизмов обобщения и генерализации) к формированию определенного – именно *обобщенного* свойства. Это – свойство, состоящее в способности к временной, темпоральной организации своих не только общих, но и более частных «составляющих». Другими словами формирующаяся исходно и изначально во внешней деятельности временная, темпоральная организация, точнее – способность ней, транспонируется и на иные «составляющие» психики. Разумеется, это в первую очередь относится к наиболее важным и определяющим среди такого рода «составляющих», то есть к психическим процессам, прежде всего, конечно, к когнитивным. То, что было обозначено выше, как «самостроительство» и «самоинструментальность», а в более общем виде – и как темпоральная самоорганизация, транспонируется и на процессуально-психологическую сферу, становится атрибутом всех когнитивных процессов и каждого из них в отдельности. Однако, именно *за счет* этого и «на основе» этого (точнее – «через это») *процессы* и становятся именно таковыми. Они обретают процессуальность как таковую и предстают как явления, упорядоченные во времени и обладающие чертами временной – темпоральной организации; они тем самым становятся системами темпорального типа.

Итак, можно видеть, что одним из главных, а не исключено, – и определяющих механизмов складывания, а затем – формирования и развития психических *процессов* на базе психофизиологических функций является не только возникновение у них качественно специфического операционного состава, но и обретение им черт именно временной, темпоральной организации. В свою очередь, в «основе этой основы» лежит еще

более глубинный и имплицитный механизм – механизм «само-строительства», «самоинструментальности» – фактически, само-порождения.

Следует отметить также, что данный механизм, равно, как и иные – рассмотренные выше особенности и закономерности, лежит, по-видимому, в основе не только *генезиса* психических процессов и деятельности в целом, но и в основе функционального развертывания в их уже сформированных, зрелых проявлениях. Наиболее показательной в данном отношении является, по-видимому, структурно-функциональная организация системы *деятельности*, деятельность как специфическая система в целом. Действительно, сама ее суть, равно как важнейшая черта ее структурно-функциональной организации в том и, что она в целом образует именно скоординированную во временном плане последовательность (то есть организованных в темпоральном смысле) ее частных компонентов – действий. В силу этого, деятельность как раз и является атрибутивно временной – темпоральной системой. Цель деятельности (требуемый результат), как уже неоднократно подчеркивалось выше, в принципе не может быть достигнута посредством так сказать «однократного» взаимодействия субъекта и объекта, локального и «единичного» акта исполнения¹²³. Это воздействие всегда должно подвергаться дифференциации на частные компоненты, реализация каждого из которых осуществляется на каком-либо этапе и представлена в качестве компонентов деятельности – действия. Те парциальные результаты, которые достигаются в итоге их реализации, используются, однако, затем – в последующих действиях как предпосылки и основания для их осуществления. Происходит своеобразное «накопление результатов» – их кумуляция.

Однако, для того, чтобы эта кумуляция обрела наиболее эффективный и продуктивный характер, сама дифференциация системы (деятельности) на компоненты также должна быть

---

¹²³ Собственно говоря, именно дифференциация «целого» на «части», то есть дифференциация деятельности на ее отдельные компоненты – действия является ключевой и определяющей ее характеристикой.

не только осуществлена, но и организована. Другими словами, она должна быть представлена как развертывающаяся во времени система, то есть как система именно темпорального типа. Это означает, что каждый из парциальных результатов, получаемых в итоге реализации частных действий, должен быть не только использован как в ней в целом, так и при осуществлении иных действий, но и, по возможности, *спрогнозирован*, спланирован. Деятельность, как и любая иная система темпорального типа, строится по принципу дифференциации исходно нерасчлененной целостности лишь на те «части» (для темпоральных систем – на этапы, то есть действия), а также в таком их количественном составе, который необходим и достаточен для достижения общей цели деятельности. При любой степени дифференцированности деятельность, однако, сохраняет исходно присущие ей черты целостности и поэтому всегда выступает именно как организованная во времени система этих действий. Важной особенностью такого рода систем является не только использование ими своих частных, «парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно *порождаются* именно для обеспечения этого функционирования, а затем и на основе этого – *используются* в нем.

Вместе с тем, в более общем плане можно видеть, что такого рода функциональная организация характерна для процессуальной организации не только деятельностной формы активности, но и, по существу, для *любого* сколько-нибудь сложноорганизованного процесса взаимодействия со средой, для любого развернутого процесса переработки информации. Так, скажем, процесс *решения задач* строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах *результатов* в посылки – *условия* дальнейшего развертывания самого процесса. Любая сколько-нибудь сложная *поведенческая задача*, а также преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это «сразу» – симультанно. Напротив,

это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения, преодоления ситуации и пр. на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов и последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов, а также благодаря их использованию в качестве детерминант организации самого процесса функционирования.

Все это в совокупности позволяет полнее понять некоторые существенные, на наш взгляд, грани того поистине беспрецедентного по сложности и значимости процесса, который лежит в основе наиболее важной генетической трансформации. Она состоит в переходе от психофизиологических (и психических) *функций* как базы – как физиологической основы психического к психическим *процессам* – как уже собственно психическим образованиям. Подчеркнем, что чрезвычайная сложность и высокая значимость такого «перехода» связана со следующим принципиальным обстоятельством. Именно в нем имеет место, фактически, трансформация *«не-психического»* (следовательно, материального) в психическое (и значит – в идеальное). В этом состоит вообще одна из граней разгадки тайны известного «психофизиологического сечения», лежащая, как можно видеть из сказанного, именно в *генетической* плоскости. В еще более общем и, по существу, философском плане этот переход имеет непосредственное отношение и к «основному вопросу» философии – к вопросу о соотношении материально и идеального в целом, а также об их взаимодетерминационных связях, в особенности. В контексте основных задач данной работы очень показательным то, что все эти трансформации как раз и осуществляются именно в игровой деятельности и «через нее». Поэтому именно они, фактически, и лежат в основе формирования психики – в ее качественной определенности и в специфическом именно для человека виде и уровне сложности. И здесь, на наш взгляд, вполне уместна аналогия, которая, в действительности, является бóльшим, чем просто аналогия; она состоит в следующем.

Так, традиционно считается, что относительно наиболее «простым» среди всех психических процессов является ощущение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что,

в действительности, с определенной точки зрения оно является, наоборот, наиболее сложным, поскольку именно в нем и локализована та «тайна психофизиологического сечения», о которой шла речь выше. Это – «загадка» перехода от не-психического к *психическому*, от объективного к субъективному, от материального к идеальному, а в конечном счете, – и загадка порождения самого сознания и самого внутреннего мира в целом.

Вместе с тем, точно такую же ситуацию можно констатировать и в отношении игровой деятельности. Она – опять-таки, согласно традиционным представлениям, *считается* относительно наиболее простым типом деятельности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что именно в ней (но уже не в функциональном, а в генетическом плане) также локализована «наиболее жгучая» тайна. Это – тайна возникновения «того же самого» – психического из не-психического»; загадка трансформации психофизиологических функций в психические процессы. Показательно и то, что эта «тайна» становится чуть менее грандиозной в том случае, если к ее разгадке привлечь данные о роли временной, темпоральной организации и темпоральной системности, а также о фундаментальном свойстве, присущем любой темпоральной системе – способности к «самостроительству», «самопорождению». Становится более понятным и то, что механизмы, лежащие в основе самого этого свойства, являются исходно и изначально *внешне* локализованными – они имеют деятельностьную природу.

Тем самым, кстати говоря, наполняется вполне осязаемым содержанием и становится более понятным известный тезис, согласно которому «психика формируется в деятельности», а также о том, что «внутреннее рождается из внешнего». В действительности, речь должна идти не о «рождении» первого из второго, а о *транспонировании* тех организационных, точнее – темпорально-организационных средств и механизмов, которые исходно представлены во второй, на первую. В свою очередь, само это транспонирование оказывается объективно возможным и онтологически необходимым именно благодаря тому, что и деятельность, и любой из психических процессов являются, хотя и очень

общими и значимыми, но все же *частными* случаями *общего* класса систем – систем темпорального типа. Именно общность их базовых принципов и их основных атрибутов делают возможным транспонирование внешне представленных средств и механизмов временной организации на внутренние «составляющие» психики – прежде всего, на психические процессы. Понятно также, что в свете данной закономерности несколько по-новому решается одна из наиболее трудных и острых, но в то же время и неоднозначных, дискуссионных проблем психологии – проблема *интериоризации*. К ее анализу мы еще возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения (см. параграф 3.2. данного тома); однако, именно рассмотренная выше закономерность является, по-видимому, базовой для нее. «Внутреннее» отнюдь не рождается из «внешнего» и уж тем более не тождественно так называемому переходу второго в первое. «Внутреннее» – во всем богатстве и сложности его проявлений формируется на основе «наложения» на него же само, но представленном в исходно неразвитом виде, тех «организационных средств, которые, действительно, исходно представлены во «внешнем» плане и которые последовательно усложняются в онтогенезе. Наконец, подчеркнем, что все рассмотренные закономерности раскрывают лишь один из аспектов тех трансформаций, которые претерпевает психика в целом и психические процессы, в особенности, вследствие транспонирования на них темпоральной системности.

Действительно, наряду с ним, следует констатировать и еще одно – также достаточно значимое направление такого рода трансформаций. По ходу всего предшествующего изложения уже неоднократно возникала необходимость обращения к известному общеметодологическому принципу единства психики и деятельности. Подчеркнем также, что по отношению к нему в настоящее время сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, признавая за ним право на существование и, более того, фундаментальный характер, многие исследователи все же достаточно скептически и даже критически настроены относительно него – прежде всего, за его очень общий и потому не вполне конструктивный характер. Однако, с другой сто-

роны, нельзя не видеть и того, что на основе данного принципа уже получены многочисленные – причем, важнейшие результаты эмпирического и экспериментального плана, а также осуществлен целый ряд значимых теоретических и концептуальных обобщений. По-видимому, дело вовсе не в том, что сам этот принцип «страдает принципиальной ограниченностью» и неадекватен, а в том, что он достаточно часто реализуется не вполне корректно, поверхностно, а то – и просто лишь декларируется. В этих случаях можно говорить о его «квазиреализации», о его «приговаривании» к той или проблеме. По отношению к нему с полным правом можно применить известное выражение: исчерпал себя не сам этот принцип, а наши упрощенные (и, добавим, – «уплощенные») представления о нем. Поэтому гораздо более конструктивной является не позиция «критики и критиканства» – скепсиса и нигилизма относительно него, поскольку она вообще ни к чему не приводит, а попытка его операционализации и корректной реализации.

В самом деле, данный принцип имеет две основных стороны. Первая состоит в известном тезисе, согласно которому «внешнее» (деятельность) и «внутреннее» (психика) находятся в связях диалектического типа: деятельность является наиболее комплексной детерминантой структурно-функциональной организации и генезиса психики, а психика эксплицируется в деятельности. Вторая заключается в том, что это же «единство» характеризует и процессуальный план их взаимодействия, что также зафиксировано в известном выражении, согласно которому «психика формируется и развивается в деятельности, *через* деятельность и *посредством* деятельности. Вместе с тем, следует, конечно, согласиться с тем, что вопрос о *конкретных* закономерностях и механизмах такого развития, о том, как в действительности оно осуществляется, остается пока во многом открытым. Кроме того, второй – генетический аспект указанного «единства» изучен, в основном, на материале профессиональной и частично – учебной деятельности. При этом, действительно, получены очень значимые эмпирические и теоретические результаты. Достаточно отметить в данной связи, например,

концепцию «оперативности отражения и действия» Д. А. Ошанина [179]. В ней получили глубокое раскрытие достаточно общие механизмы и закономерности генезиса сенсорно-перцептивных и – частично регулятивных процессов под детерминирующим воздействием профессиональной деятельности¹²⁴.

Однако, еще один основной тип деятельности – игровая остается до сих пор, фактически, не охваченным исследованиями, реализуемыми с позиций данного принципа. Парадоксальность и даже неестественность такого положения уже была констатирована выше. Она состоит в том, что – по совершенно понятным и объективным причинам именно на тех фазах онтогенеза, на котором ведущей является игровая деятельность, происходит не только и не просто наиболее интенсивное *формирование* и *развитие* психических образований под влиянием факторов любого плана (в том числе, разумеется, и деятельности). Здесь имеют место процессы существенно более кардинального и радикального характера, которые связаны с их фактическим *складыванием*, с возникновением – *порождением*.

Далее, еще одним важнейшим аспектом данного принципа, который проходит «красной нитью» через подавляющее большинство выполненных на его основе исследований, является следующее положение. Все психические процессы – прежде всего, разумеется, когнитивные могут и должны быть проинтерпретированы в их двуедином виде. С одной стороны, это, естественно, собственно *процессуальные* образования, воплощающие в себе все атрибуты данной формы организации. Это – их исходный и базовый статус. С другой стороны, они же могут быть проинтерпретированы и как «вне-процессуальные» образования, носящие именно операционный – *действенный* и *деятельностный* характер. Хорошо известно, например, что очень конструктивным и перспективным является трактовка перцептивного акта

---

¹²⁴ Подчеркнем также, что в дальнейшем понятие оперативности было конструктивно реализовано и по отношению к иным, нежели указанные выше, психологическим проблемам – в частности, по отношению к проблеме профессиональных способностей и их генезиса под детерминирующим воздействием трудовой и учебной деятельности [245, 246, 251].

(как «составляющей» процесса восприятия) в качестве действия. Она получила развитие в известной «действенной парадигме» исследования процесса восприятия¹²⁵. Кроме того, и относительно еще более простой процесс – ощущение также допускает свою интерпретацию в качестве операционно-действенного образования – в частности, в тех случаях, когда речь идет о достаточно сложных формах и проявлениях данного процесса. Например, по отношению к деятельности оператора-акустика употребляется термин «*деятельность* слушивания». В деятельности дегустатора аналогичная – развернутая форма именно данного процесса является вообще ее основой и т. д. Однако отсюда следует несложный, но важный, а к тому же – подкрепленный многочисленными исследованиями вывод, состоящий в следующем. Если даже эти – относительно наиболее простые процессы могут реализовываться в форме действия, то и все иные – более сложные процессы *тем более* и с еще большей выраженностью могут реализовываться в форме действия.

Далее, не менее очевидным является и то обстоятельство, также многократно эксплицированное и проинтерпретированное в психологии психических процессов, согласно которому этот – «вторичный» их статус (действенный) не исчерпывается лишь собственно действенной формой реализации. Когнитивные процессы могут и, более того, как правило, реализуются и в более сложных, но также операционно-деятельностных формах. Они могут обретать, например, форму определенной совокупности, точнее – последовательности, а еще точнее – паттерна действий. Причем, наиболее характерно, а одновременно – и важно с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы то, что такого рода паттерны носят, прежде всего, характер *временной* упорядоченности, то есть, фактически, *темпоральной* организации. Такая форма организации очень характерна, как известно, для *мнемиче-*

---

¹²⁵ Очень детальную разработку данная трактовка получила в трудах А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, В. А. Барабанщикова и др. [16, 71, 73] Она, в частности, подробно охарактеризована в известных работах «Восприятие и действие» [41], «Восприятие и событие» [17].

ских процессов, которые с очень высокой степенью рельефности эксплицируют комплексный, составной характер своей реализации. Хорошо известно, например, что обычно актуализация информации из памяти не носит простого и одномоментного – *симультанного* характера, а выступает перед субъектом в форме определенной задачи и требует целой совокупности соподчиненных действий. Она принимает *сукцессивный* вид и, соответственно, требует темпоральной организации. Вообще говоря, усложнение любого когнитивного процесса означает, в первую очередь, именно его сукцессирование. В свою очередь, подвергаясь сукцессированию, когнитивные процессы начинают проявлять себя как совокупность действий, как их последовательность – как временная организация.

Наконец, столь же хорошо известно, что в *наиболее* сложных и развернутых случаях когнитивные процессы могут обретать и такую форму организации, которая, фактически, тождественна – по крайней мере, в аспекте ее «технологии» – *деятельностной* форме. Прежде всего, это, разумеется, относится к процессу мышления, а его изучение с позиций именно деятельностного подхода и вообще – трактовка мышления «как деятельности» является очень распространенной и достаточно конструктивной. В связи с этим, можно констатировать, что данная (деятельностная) форма организации – это своего рода «предел», так сказать «асимптота» эволюции и совершенствования степени сложности когнитивных процессов.

Обобщая представленные выше материалы, следует, прежде всего, видеть принципиальную общность их смысла. Она заключается в том, что практически все когнитивные процессы (хотя, конечно, и в разной мере) могут реализовываться и как *действия*, и как совокупности – *паттерны* действий, и как относительно самостоятельная *деятельностная* активность. К этому следует добавить, конечно, что все эти три формы конкретизации собственно деятельностного статуса когнитивных процессов «не отменяют» их исходного и базового статуса – процессуального. Другими словами, когнитивные процессы, естественно, реализуются и в собственно *операционной* форме – как совокуп-

ность характерных и специфичных для каждого из них *операций*, образующих его операционный состав. Отсюда, однако, следует достаточно значимый вывод, имеющий две основные стороны.

Во-первых, можно видеть, что в любом когнитивном процессе имеет место феномен «удвоения статусов» – в данном случае процессуального и деятельностного. Кроме того, во втором из них (деятельностном) когнитивные процессы также получают *множественную* экспликацию. Они могут существовать в большом *диапазоне* изменения степени сложности организации – от операционной до деятельностной формы.

Во-вторых, указанные особенности характерны, прежде всего, для зрелых, уже развитых форм их организации. Однако, в том случае, когда речь идет лишь еще о «развитии» и «становлении» психики, то *эти* же формы следует трактовать и в еще одном их модусе. Они раскрываются как *генетические стадии* формирования самих когнитивных процессов, как те – качественно своеобразные и глубоко специфичные по отношению друг к другу формы, которые проходит каждый из них в своем генетическом становлении. Исходно любой когнитивный процесс представлен, разумеется, как совокупность *операций*. Он образован определенным операционным составом, базирующимся, в свою очередь, на тех или иных психофизиологических (и психических) функциях. Интеграция операций и придание им организации – прежде всего, обретение их совокупностью целевого характера, обуславливает их перевод в новую форму и на качественно иной уровень – *действенный*. Он, в свою очередь, подвергаясь вполне естественному и закономерному – более того, жизненно необходимому усложнению, обретает, далее, форму совокупности действий – их «темпоральных паттернов». Наконец, в наиболее развернутых формах когнитивные процессы становятся, фактически, неотличимыми – по крайней мере, в аспекте их «технологии» от собственно деятельностной формы организации активности. Более того, не приходится, по-видимому, доказывать, что достаточно часто степень сложности такой организации может даже *превосходить* сложность широкого круга видов реализации деятельности.

Следовательно, истинная природа и сама суть того, что обычно обозначается как «деятельностная детерминация» генезиса психических процессов (прежде всего, – когнитивных), заключается не в абстрактном влиянии на них деятельностных детерминант. Она состоит в том, что основные уровни организации самой деятельности и присущие каждому уровню структурные единицы как раз и выступают ступенями и конкретными формами, которые обретают (и последовательно проходят) сами когнитивные процессы в своем генезисе. «Судьба» любого когнитивного процесса состоит в том, чтобы быть вначале совокупностью операций, а затем – поступательно трансформироваться вначале в действия, затем в организованные совокупности действий (паттерны) и, наконец, в их реализацию в деятельностной форме. Генезис когнитивных процессов – это во многом и есть их «прохождение» через основные формы и уровни самой деятельностной организации, через обретение ими таких форм организации, которые присущи основным структурным уровням организации деятельности.

Вместе с тем, констатация этого – очень важного, на наш взгляд, положения вновь приводит к постановке известного (и извечного) вопроса – почему? Как это оказывается возможным? Какие конкретные механизмы лежат в основе этих трансформаций? В силу каких причин генезис когнитивных процессов не только «в общем виде», но и в плане *конкретных* механизмов носит, действительно, деятельностный характер? Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение этих – предельно сложных вопросов, тем не менее, выскажем определенные соображения, содействующие этому. На наш взгляд, в основе всех рассмотренных выше генетических трансформаций как раз и лежит, прежде всего, то, что любой из когнитивных *процессов* и *процесс* деятельности являются, хотя и очень специфическими и важными, но все же *разновидностями одного* и того же *класса* систем – темпоральных систем. Они, следовательно, воспроизводят в своей организации *одни* и те же – наиболее характерные и *общие* для этих систем особенности и закономерности. Прежде всего, это закономерности собственно временной, то есть темпо-

ральной организации, а в идеале – и черт темпоральной *системности*. И деятельность, и каждый когнитивный процесс «проходит» одинаковый путь развития и формирования – начиная от относительно простейших и элементарных *симультаных* форм и проявлений к обретению ими все большей *сукцессированности* и, соответственно, – различных форм темпоральной организации. Поэтому именно временная, темпоральная системность является тем объяснительным средством, привлечение которого позволяет, на наш взгляд, существенно более глубоко и полно, а одновременно – и более конкретно раскрыть *действительные* механизмы генезиса когнитивных процессов «в деятельности» и «через деятельность». Причем, как можно видеть из сказанного, «*действительные*» не только в семантическом, но даже и в этимологическом смысле¹²⁶. Организация когнитивных процессов транспонирует на себя те формы организации – прежде всего, темпоральной, которые исходно складываются именно во «внешней» деятельности. Те «временные формы», которые возникают и развиваются в ней, постепенно и перманентно транспонируются на процессуальную форму организации, что и лежит в основе генезиса когнитивных процессов. Тем самым, выявляется еще одна грань того потенциала, которым обладает понятие темпоральной системности по отношению к сложнейшему психологическому понятию *интериоризации*.

В связи со сформулированными выше положениями, следует эксплицировать еще одну грань теснейшей взаимосвязи и, фактически, взаимообусловленности системы когнитивных процессов и структурной организации деятельности, вскрывающую их атрибутивное единство. Она, являясь не только очень важной и общей, до сих пор, однако, парадоксальным образом остается «нераспознанной» и не осмысленной в должной мере. Действительно, если вновь обратиться к рассмотренному выше вопросу о множественности деятельностных форм организации когнитив-

---

¹²⁶ И, добавим, – «посредством деятельности», то есть через использование в процессуальной организации собственно деятельностных средств и уровней ее собственной организации.

ных процессов, то можно зафиксировать следующее обстоятельство. Различные по степени сложности когнитивные процессы обладают существенно *разными возможностями* по обретению ими такого рода форм; они вообще так сказать конгруэнтны различным формам. Поясним сказанное.

Так, относительно наиболее простой процесс – ощущение чаще всего реализуется либо именно на операционном уровне, либо как «отдельное» – единичное действие и не требует иных, более развернутых, то есть сукцессированных форм организации. Другие – уже более сложные процессы (скажем, воображение, память), напротив, практически не допускают своей реализации в этой форме, а требуют осуществления целого ряда действий. Наконец, наиболее типичным и характерным для самого сложного когнитивного процесса – мышления является то, что он реализуется в аналогичной по степени сложности – то есть в *максимально* сложной форме; приближается по своей «технологии» к деятельностной организации. В то же время, ни память, ни тем более мышление не допускают реализации в форме «единичного» действия: они так сказать «неконгруэнтны» друг другу ни в структурном, ни в функциональном планах.

Далее, одним из основных положений теории психических процессов, особенно характерных для современной когнитивной психологии, является тезис, согласно которому базовые когнитивные процессы выступают не просто в качестве разных *видов* процессов, но также и в качестве различных *уровней* общей когнитивной иерархии. Когнитивные процессы – это качественно различные уровни единой структурно-уровневой организации, построенной по иерархическому принципу. Базу данной иерархии составляет процесс ощущения, а ее «вершину» – процесс мышления. Иерархическая трактовка когнитивной подсистемы психики, являясь, повторяем, наиболее распространенной в настоящее время, действительно, очень конструктивна.

Однако, аналогичная, то есть также иерархическая – структурно-уровневая трактовка еще раньше и с еще большей степенью рельефности и полноты оформилась, как известно, и по отношению к раскрытию закономерностей организации

деятельности. Положение о деятельности как о структурно-уровневом образовании, включающем сорганизованную совокупность целого ряда основных уровней, вообще является «основой основ» психологической теории деятельности, ее «сердцевиной». Вместе с тем, эти две иерархии (когнитивная и деятельностная) до сих пор рассматриваются «отдельно» друг от друга. Вопрос об их сопоставлении и, тем более, о *сравнительном* исследовании и возможном *сходстве* или даже подобии базовых принципов организации пока не ставится. Однако, если их рассмотреть именно в плане этой – возможной *общности* их принципов, то обнаруживается их удивительное подобие, доходящее до степени *изоморфизма*.

Действительно, очень трудно не видеть того фундаментального факта, согласно которому «низшие» уровни когнитивной иерархии (процессы ощущения и восприятия) соотносятся с аналогичными, то есть также «низшими» уровнями деятельностной иерархии (с уровнями операций и действий). Дальнейшее усложнение когнитивных процессов – переход к процессам представления, внимания, воображения и частично – памяти по своей «технологии» и механизмам аналогичен тем направлениям усложнения, которые характерны и для уровней организации деятельности. В ней *отдельные* действия синтезируются в паттерны, образующие инфрадеятельностный уровень ее организации¹²⁷. Одновременно, ни о внимании, ни о воображении, ни о памяти практически не приходится говорить «как о деятельности». Напротив, именно это характерно для исследований в области мышления (что и эксплицирует его «конгруэнтность» высшему уровню организации самой деятельности). Собственно деятельностный модус процесса мышления, вообще говоря, неоднократно фиксировал-

---

¹²⁷ Характеристика данного уровня была дана в параграфе 2.2.1. второго тома, а его главной чертой является то, что он образован целостными *подсистемами* – именно паттернами действий; поэтому он не сводится к уровню «отдельного действия», но и не возвышается и до уровня «автономной деятельности». Он локализуется между ними, заполняя собой огромный диапазон изменения степени сложности организации деятельности, заключенный между этими двумя – традиционно дифференцируемыми уровнями.

ся в целом ряде исследований, а трактовка мышления именно как деятельности является одним из основных и наиболее традиционных подходов в психологии мышления (см., например, в [68, 226]).

Кроме того, в данной связи сформулировано положение, существенно углубляющее эти общие представления и заключающееся в следующем. Как показано в работах А. М. Матюшкина, А. В. Брушлинского, М. С. Роговина и др., когнитивные процессы всех иных (кроме мыслительного) уровней организации могут строиться по «образу и подобию» самого мышления: они транспонируют на себя те средства и закономерности, которые характерны для него – так сказать «берут их взаймы» [25, 154, 197]. С точки зрения развитых выше представлений это выглядит не только совершенно естественным, но и предстает, фактически, как *частный* случай одной из наиболее *общих* закономерностей. Она состоит в том, что реализации когнитивных процессов возможна в различных деятельностных формах, в том числе, разумеется, и в форме относительно самостоятельной деятельности.

Таким образом, можно видеть, что, действительно, две иерархии – когнитивная и деятельностная во многом просто *изоморфны* друг другу. Они поэтому являются принципиально *подобными* – и по составу, и, что еще более существенно, по содержанию, то есть по «организационным механизмам» образующих их уровней. Это означает, что деятельность является той – исходно представленной (онтологически первичной, объективно существующей) основой, на базе которой складывается, а затем – совершенствуется сама когнитивная иерархия. Данное обстоятельство представляется принципиальным и еще по одной причине. Качественные трансформации когнитивных процессов осуществляются не «автономно» – не независимо друг от друга, а именно «в системе», то есть целостно. Целостность же эта и обеспечивается тем, что детерминантой качественных трансформаций всей системы когнитивных процессов является аналогичная по комплексности система – целостная организация деятельности.

Еще один важный аспект данной связи состоит в том, что указанные детерминанты отнюдь не даны так сказать

«в готовом виде»; напротив, они сами развиваются и, более того, возникают в ходе онтогенетического развития. Поэтому две указанные иерархии подобны не только в их уже *сформированном* – так сказать «ставшем» виде, но и в плане закономерностей их *генезиса*. Генезис уровней когнитивных процессов, являясь производным от генезиса уровней организации деятельности, в то же время выступает и детерминантой дальнейшего совершенствования и качественных трансформации самих деятельностных уровней. В этом состоит еще одна грань принципа единства психики и деятельности; еще один конкретный механизм, лежащий в основе генезиса игровой *деятельности*, а также ее *процессуального* обеспечения. Причем, следует особо подчеркнуть тот факт, что эти взаимодейстериационные отношения представлены в наиболее явном и рельефном виде именно на тех фазах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности как раз и является *игровая* деятельность. Следовательно, все эти трансформации, а также лежащие в их основе психологические механизмы, также представлены в наиболее выраженном виде именно в данной деятельности. *Игровая* деятельность раскрывается с этой точки зрения как комплексная детерминанта придания всей когнитивной подсистеме психики иерархичности организации, обретения ей черт структурно-уровневого строения, а через это – и как основной фактор ее развития.

Подчеркнем также, что принципиальное подобие закономерностей организации двух (когнитивной и деятельностной) иерархий носит совершенно естественный и объективный характер. Дело в том, что и та, и другая являются *необходимыми* следствиями – своего рода «результативными эффектами» эволюции и совершенствования форм собственно временной – темпоральной организации. Действительно, с одной стороны, все более усложняющиеся ее формы, как показано выше, обусловливают все бóльшую *сукцессированность* процессуальной организации. Однако, с другой стороны, они же приводят и к формированию все новых деятельностных образований, а в итоге – к становлению их *уровневой* структуры.

Наконец, необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство, которое также вскрывает глубинное подобие двух рассматриваемых иерархий. Дело в том, что в терминологическом аппарате и психологической теории деятельности, и теории психических процессов сложилось вполне определенное понятие для обозначения их относительно наиболее простых структурных образований – соответственно, образований деятельностного и процессуального планов. В психологической теории деятельности таким понятием является, как известно, понятие психологических *операций*. Их суть, как известно, состоит в том, что они носят автоматизированный, несознаваемый характер. Однако именно *этот* же термин используется и в теории психических процессов для обозначения также относительно простейших «единиц» – «частей», из которых и складывается содержание психических процессов, в особенности – когнитивных. Это, разумеется, также понятие операций, образующих *операционный* состав психических процессов¹²⁸.

Более того, в исследованиях и психических процессов сложились представления, согласно которым отдельные компоненты операционного состава, то есть сами операции (но уже не деятельностные, а именно процессуальные) имеют в качестве одной из своих основных особенностей *несознаваемый* – автоматизированный характер. В наиболее рельефном виде это представлено по отношению к относительно наименее сложным психическим процессам (например, по отношению к восприятию, в котором отдельные перцептивные операции практически никогда и никак не осознаются). Тем самым, вновь эксплицируется *удивительное* подобие базовых принципов организации двух иерархий – когнитивной и деятельностной. Действительно, можно видеть, что их базовый, а потому в известном смысле – главный и определяющий уровень образован такими «составляющими», которые не только атрибутивно и сущностно, то есть

---

¹²⁸ Необходимо подчеркнуть, что речь идет об идентичности именно терминов, а не понятий, поскольку в содержательном плане они, разумеется, не тождественны.

по самим своим механизмам, но даже этимологически являются подобными. Это – собственно *операционный уровень*¹²⁹. Кроме того, представляется важным, что и деятельностные, и процессуальные операции обладают общим для всех операций атрибутом – возможностью их трансформации в *осознаваемую* форму, то есть, фактически, возможностью их перевода на следующий уровень – действенный. Важность этого – именно по отношению к организации системы когнитивных процессов состоит в том, что на ее организацию транспонируется еще один механизм, который также исходно представлен во «внешней» (деятельностной) форме. Это механизм обратимого перевода действий и операций, то есть механизм *операционно-действенной обратимости*. Одновременно он же, фактически, лежит в основе *всего* дальнейшего усложнения самой когнитивной иерархии (равно как он же лежит и в основе деятельностной иерархии).

Тем самым эксплицируется зафиксированное в ряде исследований обстоятельство, согласно которому когнитивные процессы могут реализовываться и как операции, и как действия, и как совокупности действий, и как относительно автономная деятельность. Данный феномен был достаточно подробно рассмотрен нами выше, а также в работе [114] и получил обозначение явления «*процессуально-действенной*» обратимости. Благодаря ему, обеспечивается своеобразный «обмен» содержанием и принципами организации между деятельностью и когнитивными процессами.

Отметим также, что посредством данной закономерности открывается возможность для дальнейшей детализации рассмотренной выше детерминационной связи деятельностных и процессуальных образований психики, но уже в рамках общей проблемы детской игры. Действительно, исходно спонтанная и неорганизованная активность объективно порождает игру и лежит в основе ее относительно простейших форм (точнее,

---

¹²⁹ Общность «фундамента» этих иерархий является одним из важнейших условий аналогичной общности главных принципов их организации в целом.

она во многом и *является* самими этим формами). В свою очередь, она со столь же очевидной необходимостью предполагает внесение в ее содержание – пусть и элементарной, даже примитивной, но все же организации (прежде всего, временной – темпоральной). Тем самым, она, однако, и трансформируется в игровую *деятельность*. Наконец, в ней складываются те структуры – уровни деятельности, которые являются детерминантами усложнения форм организации когнитивных процессов. Однако, теперь «цепочку» этих детерминационных связей можно дополнить еще одним звеном. Взаимообусловленность процесса генезиса деятельностных уровней и уровней когнитивной иерархии предполагает и формирование практически *идентичного* – общего для них образования (операций). Именно они и образуют «нижний» уровень – базу, «фундамент» и той и другой.

На наш взгляд, данное обстоятельство имеет многочисленные и очень важные «последствия» для организации как деятельности, так и системы когнитивных процессов. Их анализ – это особая, очень сложная и самостоятельная тема, далеко выходящая за пределы задач данной работы. Вместе с тем, один из ее аспектов все же должен быть зафиксирован здесь, поскольку он имеет самое непосредственное отношение именно к временной, темпоральной организации как особой формы организации в целом. Действительно, одним из главных «предназначений» любой организации, в том числе, и темпоральной, является *оптимизация* той самой «организуемой» системы. В нашем случае это, естественно, именно временная – темпоральная оптимизация; она, в конечном итоге, направлена на то, чтобы повысить, расширить функциональные возможности какой-либо оптимизируемой системы. Временная оптимизация (психики в целом и каждого когнитивного процесса, в частности) направлена, прежде всего, на обеспечение возможности переработки все большего объема информации в «единицу времени», то есть, фактически, о повышении ее производительности. Известно, например, что именно количество обрабатываемой в «единицу времени» информации, а в целом – уровень «информационного обмена» со средой является одним из наиболее важных индикаторов и «предикторов»

интеллекта как такового. Более того, он вообще лежит в основе одной из главных «составляющих» интеллекта – его так называемого «скоростного фактора» (Г. Айзенк) (по [8]).

В этой связи, однако, возникает необходимость обратить особое внимание на одно из важнейших свойств любых деятельностных операций – на их автоматизированный, то есть *неосознаваемый* характер. Благодаря ему, операции не «загружают» уровень сознания, а тем самым – «не занимают» собой собственно субъективное время. Тем самым операции обретают поистине неосценимое с точки зрения временной оптимизации свойство: они одновременно и *реализуются*, и *не требуют* расходования временного ресурса на них. Это – вообще так сказать «идеальное», «лучшее из лучших» и вообще – «лучшее из всех мыслимых» средств временной оптимизации. Благодаря данному средству, операции «и есть», и «их нет»; точнее – они *объективно* есть, а *субъективно* их нет. Подчеркнем, однако, что чем полнее и богаче степень представленности операций (и в деятельности, и в реализации когнитивных процессов), тем выше будет и степень достигаемой временной оптимизации. Вследствие этого, сама оптимизирующаяся система обретает все большие возможности по переработке информации. В частности, при этом повышается и общий функциональный потенциал когнитивной подсистемы в целом, и каждого когнитивного процесса, в частности. Тем самым можно видеть, что «операционная оптимизация» – это и есть, прежде всего, именно временная – темпоральная оптимизация. Она темпоральна не только по самой своей сути и механизмам, но также и по своему функциональному предназначению, поскольку резко повышает «информационную емкость» системы (психики), уровень ее «информационного обмена» со средой.

2.5.3. Параметр времени в организации и генезисе системы психических процессов

Итак, выше были рассмотрены некоторые наиболее значимые и общие направления, по которым реализуются «генеративно-порождающие» функции деятельности в целом и игровой

деятельности, в особенности, по отношению к формированию и развитию когнитивных процессов. Естественно, только ими эта общая проблема далеко не исчерпывается. Более того, необходимо четко осознавать, что при ее рассмотрении естественным образом возникает необходимость специального обращения к еще более общей и, по существу, *фундаментальной гносеологической* проблеме – к *проблеме времени*, в том числе и субъективного. Она достаточно подробно рассматривается в целом ряде психологических и философских работ [53, 229]; в частности она была проанализирована нами, например, в работе [114]. По своему масштабу и уровню сложности она, разумеется, выходит далеко за пределы основных задач данного исследования. Вместе с тем, некоторые ее стороны, наиболее непосредственно связанные с этими задачами в целом и с ролью временной, темпоральной системности в организации когнитивных процессов и их генезиса, должны быть отмечены.

Так, в ее рамках целесообразно и, более того, – необходимо различать две ее очень разные по содержанию, но взаимосвязанные и общие по их глубинному смыслу стороны. Первая связана с тем, чтобы выявить и проинтерпретировать основные средства и механизмы, позволяющие личности так сказать «взаимодействовать» с параметром времени («отражать» его, «адаптироваться» к нему и т. д.). Вторая – более глубинная, на наш взгляд, сторона данной проблемы состоит в том, чтобы выявить, каким образом сам параметр времени, сама «временная ордината» реальности *воплощена* – так сказать «учтена» в организации психики в целом и системы когнитивных процессов, в особенности. Как и по каким направлениям формирующаяся и эволюционирующая психика «уловила» в процессе филогенеза (а затем – миллиарды раз «воплощает» в ходе индивидуального онтогенеза) в своей организации эту – фундаментальную «координату» реальности? В плане возможной разработки данной проблемы, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения.

Прежде всего, представляется очень значимым и показательным обстоятельство, согласно которому генезис субъектив-

ного времени, а также ассимиляция психикой «временной координаты» реальности в целом неразрывно сопряжены именно с генезисом деятельности и особенностями становления ее структурно-функциональной организации. Следовательно, именно в этом генезисе и в первую очередь – на его относительно наиболее ранних этапах и необходимо «искать» генетические корни» самого субъективного времени, а также средства экспликации тех механизмов и средств, которые обеспечивают приспособление к нему. Однако, именно эти – «наиболее ранние этапы» как раз и сопряжены с доминированием собственно игровой деятельности. Тем самым последняя «поворачивается» совершенно новой гранью; она раскрывается с новой и достаточно важной стороны – как комплексное средство и *объективная* детерминанта генезиса *субъективного* времени (равно, как и всей совокупности операционных средств приспособления к нему). Напомним в этой связи, что в параграфе 2.3.2. данного тома нами был сформулирован подход, согласно которому действие как базовая «составляющая» деятельности (ее основной компонент, «единица»), носит уже не только структурно-*субстанциональный*, но и, прежде всего, структурно-*временной* характер.

Однако именно такая трактовка позволяет выявить обстоятельство еще более имплицитного плана. В самом деле, согласно ей, действие выступает, с одной стороны, своего рода «временным квантом» деятельности, средством ее временной дифференциации (а на этой основе – и ее интеграции). В более широком плане это означает, что оно является и средством, обеспечивающим включение в организацию деятельности самого параметра времени как одной из базовых, фундаментальных «координат» объективной реальности; ее «ассимиляцию» деятельностью и адаптацию субъекта к ней. С другой стороны, «в» действии и «через» действие происходит, по-видимому, не только «приспособление» к параметру времени, а само оно выступает поэтому не только инструментальным образованием, но выполняет по отношению к данному параметру более важную функцию. Дело в том, что ключевым и «критически значимым» признаком дифференциации действия в структуре деятельно-

сти является наличие у него *осознаваемой* цели – причем, цели, не совпадающей с общей целью деятельности. Тем самым, на действие «автоматически» и совершенно объективно транспонируется само качество *осознаваемости, состояние* осознаваемого контроля – состояние сознания, взятое в его актуальном и конкретном бытии. В каждый отдельно взятый момент времени, соотносящийся с реализацией того или иного действия, осознаваемый контроль за ним, его осознаваемая репрезентация образует собой актуально переживаемое, осознаваемое содержание психики, всю *субъективную реальность* в ее актуальном проявлении. «Цепь» действий, точнее – их последовательность, а еще точнее – их временная организация, собственно говоря, и эквивалентна деятельности как таковой. Однако, тем самым *эта же* «цепь» (последовательность – временная структура) представит и как последовательность *состояний осознания*, то есть как его *собственная* – так сказать «внутренняя» динамика, которая, в свою очередь, во многом вообще и репрезентирует субъектность как таковую. Причем, подчеркиваем, сами действия, в силу также уже отмечавшейся «одноканальности», «однофокусности» сознания, строго говоря, не могут «запараллеливаться», а реализуются иным образом, то есть именно «одноканально» – согласно принципу *последовательности*.

Таким образом, можно видеть, что последовательность действий выступает и как последовательность *состояний сознания*. Это – последовательность, точнее, своего рода временная динамика состояний *самого субъекта*, само «бытие субъектности» в плане ее временного развертывания. При этом, однако, уже не «динамика субъективного мира» дробится на отдельные «кванты» (действия), а наоборот, они сами как раз и *порождают* ее. Тем самым, действия, а также их организация выполняют генеративно-порождающие функции; они в известной мере *порождают субъективное время*, а не только выступают *средством* адаптации к нему.

Далее, именно временная *последовательность*, точнее – временная структура действий, составляет саму *суть* деятельности как таковой; обуславливает существование *процесса*

деятельности проявление собственной временной организации. Тем самым эта организация в значительной степени транспонирует на себя и основные свойства параметра времени в целом. «Ось времени», с одной стороны, и временная структура деятельности, с другой, оказываются принципиально подобными; вторая, фактически, воспроизводит первую. Как мы уже отмечали, к чертам такого – принципиального подобия следует отнести, прежде всего, их одномерность, однонаправленность, а также непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальную квантифицируемость (дискретность), «длительность» (продолжительность, длительность) и др. Тем самым, «ось деятельности» оказывается, действительно, в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобна и даже *изоморфна* «оси времени»¹³⁰. *Деятельность* выступает и как *длительность*, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму деятельности, фактически, *является* ей. Деятельность эксплицируется и как средство *приспособления* к объективному времени, и как средство, *порождающее* субъективное время, а также – в определенной мере и как средство активного, субъективного контроля за ним.

Важность параметра времени, а также значимость субъективных, в том числе и деятельностных средств приспособления к нему (особенно тех, которые воплощают в себе черты системности) проявляется, однако, не только в отношении организации самой деятельности, но и в более общем плане – в плане организации психики в целом. В данном отношении наиболее показательными, на наш взгляд, являются две достаточно общие закономерности, присущие ее организации.

Первая из них состоит в следующем. Как было показано в параграфе 2.2.2. второго тома, ведущую и определяющую роль в функциональной организации деятельности (равно, впрочем, как и в ее структурной организации) играет особый,

---

¹³⁰ Хотя, конечно, в отличие о полной необратимости времени, деятельность характеризуется свойством – пусть и неполной, но все же, обратимости – компенсированности, корригируемости ее «последствий».

качественно специфический класс процессов – класс *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения. Он, однако, как это было подробно показано там же, фактически, *воспроизводит* в своем составе и содержании определенный – базовый *временной* регулятивный *инвариант*. Все эти процессы объективно очень естественным и даже необходимым образом распределяются – как бы «выстраиваются именно вдоль оси времени». Они организуются на основе так сказать хронологического, *темпорального критерия*.

Действительно, по отношению к реализации и отдельно взятого действия, и их комплексов, и деятельности в целом – то есть, фактически, по отношению к *любому* исполнительском, деятельностному акту их «временная развертка» является вполне определенной и инвариантной. Она как раз и представляет собой закономерную *последовательность* этих процессов: целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль. Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – *регулятивной*. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание.

Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно *процессуальной организации* одной из базовых подсистем психики – регулятивной органично воплощен и реализован в ней параметр времени. Он, точнее – его адекватная репрезентация собственно психическими средствами и механизмами (причем, основными для психики, то есть собственно процессуальными), следовательно, функционально включен и в ее общую организацию. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени» – это та базовая координата,

которая репрезентирована и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики¹³¹.

Можно видеть, что понятие регулятивного инварианта позволяет произвести дальнейшее углубление представлений о том, каким образом реализуется в организации деятельности временная – темпоральная системность, а в более общем плане – как воплощается в этой организации «временная координата» реальности в целом. Действительно, в параграфе 2.3. было показано, что одним из основных принципов структурной организации деятельности является ее последовательное сукцессирование на более «дробные» – и в содержательном, и во временном отношении «составляющие». Происходит ее дифференциация на компонент, а также сопряженная с ней их последующая интеграция – соорганизация (и структурно-содержательная – *субстанциональная*, и временная – *темпоральная*). Причем, во втором случае основным принципом и объективной основой такой соорганизации выступает то, насколько образованная «цепочка» – последовательность (временной паттерн) этих «составляющих», в качестве которых обычно выступают действия, является целеобусловленным и эффективным с точки зрения достижения тех или иных результатов. Метафорически выражаясь, можно сказать, что «в борьбе за существование выживают» – «побеждают» те последовательности, те временные паттерны, которые более эффективны и *действительны* (причем, опять-таки не только в содержательном, но даже и в этимологическом смысле.) «Неудачные», а тем более «неправильные»

---

¹³¹ Вместе с тем, такое подобие имеет и определенные границы; оно не доходит до степени тождества. Наиболее существенное различие между ними, дифференцирующее объективное и субъективное время в целом, состоит в том, что система интегральных процессов (как основа всего содержания регулятивной подсистемы психики) характеризуется свойством *обратимости*. В них заложена возможность принципиальной *компенсируемости* неправильно и или неудачно осуществленной регуляции. «Бытие деятельности», представленное как ее процессуальная организация, в известных границах «обратимо», тогда как «бытие во времени» – нет.

временные последовательности действий просто «не выживают» – не закрепляются и не фиксируются.

Следовательно, *наиболее* общим принципом такого «выстраивания», то есть хронологического упорядочивания», а шире – темпоральной организации является *принцип целесообразности* и эффективности. Он является наиболее общим, а потому воспроизводится на самых разных уровнях сложности поведенческих и деятельностных ситуаций; лежит в основе организации действий по «выходу из них». Однако необходимо подчеркнуть, что это именно наиболее общий, а в чем-то даже и формальный принцип. Он, будучи необходимым, все еще сам по себе еще недостаточен для эффективной временной – темпоральной организации деятельности. В этих целях и должны быть обязательно реализованы, на наш взгляд, также и те средства, которые заложены во временной структуре рассмотренного выше регулятивного инварианта. Именно он – тот состав и та последовательность, которые характеризуют его содержание и временную организацию, как раз и являются комплексным основанием для обеспечения темпоральной организации у любого деятельностного акта и деятельности в целом. Это – наиболее комплексное средство обеспечения их *оптимальной упорядоченности*, наилучшей организованности. В данном регулятивном инварианте (и это также было подробно рассмотрено выше – в разделе) реализованы все основные принципы и закономерности собственно временной – темпоральной организации и темпоральной системности в целом. Именно в силу этого он и выступает уже не только необходимым, но и достаточным условием для обретения деятельностными актами оптимальной темпоральной организации. Он является не только формальной, но и содержательной основой такой организации.

Далее, необходимо обратить внимание и на еще одно – также очень показательное с точки зрения развиваемых здесь представлений о темпоральной системности обстоятельство. Тот факт, что в темпоральной организации деятельности воплощен регулятивный инвариант, собственно говоря, и придает ей атрибут *процессуальности* – вообще эксплицирует ее как

процесс, как *длительность*. Вместе с тем, сам этот регулятивный инвариант образован совокупностью также процессуальных образований, в качестве которых выступают подробно рассмотренные выше интегральные *процессы* психической регуляции. Они являются, с одной стороны, собственно *операционными* образованиями, поскольку направлены на обеспечение вполне определенных функций по организации деятельности, а с другой стороны, выступают и в качестве вполне определенных *этапов* временного развертывания данного инварианта. Другими словами, они не только могут, но и *объективно* должны быть проинтерпретированы в качестве основных *операционных средств* организации деятельности. Они являются таковыми и в ее структурно-содержательном (субстанциональном) и во временном (темпоральном) планах. Тем самым они обнаруживают еще один свой модус – раскрываются в качестве компонентов *операционного состава* общего процесса деятельности, но взятой в ее «временной развертке», в ее собственно временной организации. Они эксплицируются в качестве операционного состава деятельности как системы темпорального типа.

Наконец, подчеркнем и еще одно обстоятельство. Данный инвариант может быть представлен с разной степенью развитости и полноты в зависимости от сложности самих деятельностных и поведенческих актов, на организацию которых он направлен. Причем, даже в относительно простых и симультанных актах он также представлен, хотя и может принимать при этом достаточно редуцированные формы. Так, в предельно неразвернутой из них он, по существу, представлен лишь так сказать «краями (полюсами) всего континуума» регулятивных процессов – постановкой *цели* и *контролем* за тем, достигнута она или нет. В связи с этим, можно, по-видимому, считать, что он последовательно усложняется и приобретает все более развернутый вид именно при переходе от одного структурным уровня организации деятельности к другому: от действенного (а в известной мере – даже операционного) уровня к уровню «автономной» деятельности. Так, на *операционном* уровне он, фактически, во многом полностью редуцируется как психологическое *субъективное* образование,

хотя, безусловно, представлен *объективно*. Он эксплицируется здесь в виде средств и механизмов собственно физиологического плана (то есть на уровне архитектоники физиологических функциональных систем). На *действенном* уровне он представлен уже в качестве собственно психологического образования, но данном лишь в указанной выше неразвернутой форме («локальная цель – текущий контроль»). На уровне целостных паттернов действий (то есть на *инфрадеятельностном уровне*) он уже обретает свой развернутый вид и представлен именно как «цепь» – последовательность всех указанных интегральных процессов. Наконец, на уровне *«автономной»* деятельности он вообще может трансформироваться в *основную* задачу – в задачу организации и построения всей деятельности в целом. Он становится при этом «технологически» подобным ей и приобретает достаточно специфическую форму, обозначенную нами понятием *квазидеятельностной* формы. В силу ее достаточно большой значимости в плане анализируемых здесь закономерностей, целесообразно остановится на ней несколько более подробно.

Действительно, данная форма занимает переходное место между собственно действенным уровнем организации и уровнем автономной деятельности, а ее суть состоит в следующем. С одной стороны, она – *формально* не может быть приурочена ни к уровню автономной деятельности, поскольку сохраняют свое положение как функциональной «составляющей» деятельности. Однако, с другой стороны, она несводима и к уровню действия, поскольку далеко выходят за пределы операционных средств этого уровня, качественно отличается от него по своей структуре и механизмам и фактически воспроизводит в своей «технологии» основные особенности деятельности организации в целом.

Так, в частности, данная форма проявляется достаточно отчетливо в организации процессов принятия решения (причем, в их наиболее сложных разновидностях). В силу их предельно высокой значимости и потенциально опасных последствий, при возникновении ситуаций такого рода, выполнение всех иных деятельностных задач и функций, как правило, попро-

сту утрачивает актуальность, а часто – и смысл до тех пор, пока не будет найдено и принято решение по выходу из них. Наиболее характерным для этих явлений выступает то, что в них процессы принятия решения репрезентируются и реализуются субъектом уже не как средство выполнения иных деятельностных задач и функций, а наоборот, все иные задачи и функции, все содержание деятельности подчиняется цели нахождения и принятия решения в создавшейся критической ситуации, переориентируется и трансформируется в направлении ее достижения. Поэтому и сама выработка решения, выходя на ведущий уровень регуляции деятельности, субъективно как бы отождествляется с ней в целом, выступает для субъекта, фактически, «деятельностью на критическом интервале ее развертывания». В силу этого, возникновение таких ситуаций, выработка решений в них практически всегда ведут к существенному переструктурированию нормативного способа деятельности вплоть до ее консервации и переключению субъекта исключительно на выработку решения [118]. В них возникает новое качество – деятельностной необратимости, некомпенсируемости, которое вполне осознается субъектом на стадии их подготовки, входит как важнейшее условие в сам процесс их выработки, придавая им существенную специфичность, качественно отличает их от всех иных типов решений.

Эти решения обладают также определенной двойственностью своей психологической природы. Оставаясь подчиненными общим целям деятельности и формально не выходя поэтому на уровень автономной деятельности, они, тем не менее, в определенные – критические периоды ее реализации субъективно идентифицируются с выполнением деятельности в целом, выступают ведущим уровнем ее регуляции. Не являясь, строго говоря, автономной деятельностью по выработке решений, они, вместе с тем, по сложности, степени развернутости, по психологическому обеспечению («по технологии») вплотную приближаются к уровню автономной деятельности. Их поэтому можно обозначить и как *квазиавтономные* решения. Существование этой формы весьма целесообразно и в общеадаптивном плане. Дело в том, что, выступая в ней, любая из основных регулятив-

ных функций приобретает качественно новые возможности, а в общей системе всех деятельностных функций возникает своеобразный феномен «умножения деятельностного потенциала», что расширяет адаптивные возможности субъекта.

Кроме того, это форма имеет и очевидные феноменологические референты, постоянно обнаруживаемые в ходе изучения профессиональной деятельности, а также эмпирически представленные в поведении. Выполняя деятельность и реализуя в ее целях какую-либо функцию, решая какую-либо сложную задачу, субъект может *полностью* включаться в процесс решения, поглощаться им, а его поведение и деятельностная активность, соответственно, полностью переключаются на частную функцию, частную задачу [93]. Оставаясь подчиненным по отношению к деятельности в целом (то есть, не будучи соотносимым с уровнем деятельности), этот процесс одновременно – с содержательной стороны разворачивается не как действие или «последовательность действий», а как «деятельность в целом», но на определенном этапе ее реализации. Сменяя друг друга, выполнение этих задач и функций и образует в своей совокупности реальный процесс деятельности. Иначе говоря, в плане диахронического развертывания система деятельности строится не аналитически, поскольку каждый ее основной и значимый этап реализуется не в действенной, а в квазидеятельностной форме [101]. Более того, в этой связи можно полагать, что сами – отмеченные выше и общепринятые с традиционной точки зрения структурные уровни организации деятельности как раз и являются *производными* от степени развитости и реализованности самого регулятивного инварианта.

Далее, очень показательно и доказательно, что наиболее общая закономерность, рассматриваемая здесь, – воплощенность параметра времени в собственно процессуальной организации психики обнаруживается не только по отношению к *регулятивной*, но и по отношению к другой, также основной подсистеме психики – *когнитивной*. Данный параметр не только совершенно естественным и непосредственным образом, то есть *объективно* воплощен в ней, но, не исключено, лежит *в основе*

ее процессуальной организации. Так, выше мы уже отмечали, что основные когнитивные процессы могут трактоваться и дифференцироваться с классификационных, таксономических позиций – как различные *виды* процессов. Они же могут рассматриваться и со структурно-уровневых, иерархических позиций – как различные *уровни* когнитивной иерархии. Существуют, естественно, и иные способы интерпретации совокупности когнитивных процессов – вплоть до полного отказа от возможности их какого-либо однозначного «упорядочивания» и даже их рассмотрения в качестве продукта «ложной систематизации» [188] или же как «продуктов несовершенства профессионального ума психологов» [241].

Вместе с тем, при всем разнообразии и кардинальности различий в подходах к данной проблеме, нельзя не отметить, что среди них отсутствует такой, который базировался бы именно на хронологическом, временном – *темпоральном* критерии. Это тем более труднообъяснимо, что вся известная совокупность когнитивных процессов достаточно четко, полно и совершенно естественным образом может быть упорядочена именно по данному критерию. Она вполне объективно и точно «выстроена вдоль оси времени». Действительно, этот – временной, своего рода «хронологический критерий» демонстрирует явную и, более того, по существу, *атрибутивную* соотнесенность *мнемических* процессов с категорией «прошлого». Он же эксплицирует аналогичную соотнесенность *сенсорно-перцептивных* и *аттенционных* процессов – с категорией «настоящего». Наконец, с его позиций выявляется соотнесенность и также – атрибутивная связь процессов *воображения* и *представления* с категорией «будущего». В результате все когнитивные процессы (подчеркиваем, – пока за исключением мыслительных процессов) «выстраиваются вдоль оси» времени; в соответствии с вектором «прошлое – настоящее – будущее».

Вместе с тем, собственно мыслительные процессы не могут быть четко и однозначно локализованы на каком-либо из его интервалов, поскольку сама суть этих процессов как раз и состоит в том, что они носят своего рода «распределенный» и синтети-

ческий характер. Это означает, что, с одной стороны, мышление обладает *временной обратимостью* и возможностью оперирования не только с актуальным, но и с ретроспективным, а также перспективным содержанием. С другой стороны, мыслительные процессы обладают и принципиальной возможностью синтеза различных временных категорий, а также информации и содержания, локализованного в разных частях хронологического континуума. На основе этого можно сделать, как минимум, два заключения. Первое: система основных когнитивных процессов может быть упорядочена не только на основе структурно-уровневого, иерархического принципа, но и на основе хронологического, точнее – темпорального принципа. Второе: если при иерархической экспликации роль мышления (как высшего уровня этой иерархии) заключается в интеграции всех иных уровней, то при его временной экспликации оно выполняет аналогичную, то есть также – синтетическую роль, выступая интегратором всех частей временного континуума.

При этом следует, конечно, отдавать отчет и в том, что при рассмотрении спектра анализируемых здесь вопросов мы вынуждены «вторгаться» в столь же общую и важную, сколь и беспрецедентно сложную проблему, каковой выступает проблема *субъективного времени* и его психической репрезентации. Анализ данной проблемы в целом, естественно, выходит далеко за пределы данной работы. Ранее мы уже отмечали, что параметру времени в организации деятельности и психики, равно как и категории времени в целом, вообще явно «не повезло» в психологии. Она разработана совершенно не в той степени, какой она заслуживает с точки зрения ее объективной значимости для всех сфер жизнедеятельности личности. Выше мы уже рассмотрели ряд важных, на наш взгляд, аспектов того, как данный параметр (и, соответственно, категория времени в целом) должны быть ассимилированы в психологических исследованиях; как они объективно входят в организацию субъективного мира в целом и организацию деятельности, в частности. Наряду с этим, в сходном направлении должны быть проинтерпретированы результаты, полученные в одной из наших работ [198].

Основным из этих результатов является обоснование *структурно-уровневой* трактовки самого традиционного понятия «приспособления ко времени» (как наиболее общего, но и наиболее концептуально аморфного, неопределенного по своей сути). Эта трактовка вполне созвучна тем представлениям, которые были сформулированы выше, а ее суть может быть резюмирована следующим образом.

Как известно, не только в тезаурусе психологии, но даже и в естественном языке сложился целый ряд так называемых «временных понятий», фиксирующих различные аспекты того, что обычно обозначается как «отражение времени», «приспособление к времени». Это, в частности, *ощущение* времени, *чувство* времени, *восприятие* времени, *представление* о времени, *память* на время, *ориентация* во времени (прежде всего, разумеется, когнитивная) и *планирование* времени, ведущую роль в которых, играет, естественно, *мышление*) и т. п. Вместе с тем, сколь очевидной является эта дифференциация понятий, столь же и труднообъяснимым выступает тот факт, что в ней не распознана следующая – фундаментальная закономерность. Все эти понятия, фактически, соотносятся с *различными уровнями* организации когнитивной подсистемы психики, с различными по сложности (и, соответственно, по их иерархическому месту в данной подсистеме) когнитивными процессами – начиная от ощущения и заканчивая мышлением. Тем самым общая структура «приспособления ко времени» включает в себя, фактически, всю когнитивную иерархию, но взятую в ее совершенно определенном функциональном назначении. Из этого следует, что в структуре психики нет (и, по-видимому, не может быть) какого-либо специфического «органа приспособления к времени», или специфических процессов, направленных только на такое приспособление. В этих целях используются, как показано в данной работе, те же операционные средства, которые заложены в каждом из основных когнитивных процессов. Однако, поскольку сами они организованы на основе структурно-уровневого принципа, постольку и то, что традиционно обозначается как «приспособление к времени», «отражение времени», также имеет аналогичную – струк-

турно-уровневую организацию. Можно видеть, следовательно, что «временная координата» как *объективно* представленное измерение реальности опять-таки органично сопряжена с базовыми принципами собственно *субъектной* организации – в частности, со структурно-уровневым принципом организации когнитивной подсистемы психики

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что в самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, «временная координата» как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности. Следовательно, в самой их темпоральной организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для «приспособления» ко времени, но и для активного использования самой временной системности как средства функциональной организации психики. Одной из важнейших, а не исключено – фундаментальных закономерностей психики в целом является то, что она базируется на такой «компонентной базе» (на совокупности основных когнитивных процессов), которая *уже* воплощает в себе временную «координату» реальности и ее организацию. Благодаря этому, система когнитивных процессов в целом и обеспечивает общую адаптацию к параметру времени как одному из основных «измерений» объективной реальности. Однако благодаря этому достигается и возможность порождения своего рода «внутреннего» – субъективного, психологического времени, а затем – его использования в целях своей же собственной функциональной организации. «Внутренний мир» строится и структурируется не только на основе содержательных, семантических оснований, но и на основе атрибутивной включенности в него «временной координаты». Это – своего рода «четвертое измерение» реальности, но уже не внешней (объективной), а внутренней (субъективной)¹³². Онтологи-

---

¹³² В данной связи, естественно, возникают вопросы еще более общего и, по существу, философского плана. Их смысл, в конечном итоге, сводится к

ческие основания для такого структурирования заложены в специфике самой «компонентной базы» когнитивной подсистемы психики. Дело в том, что в том, что в качестве этих компонентов выступают основные когнитивные процессы, воплощающие не только в своей организации, но даже – и в своей совокупности черты систем временного, темпорального типа. Вся система когнитивных процессов в целом сформировалась в ходе эволюции таким образом, чтобы адекватно учитывать фундаментальный и основополагающий параметр объективной реальности – параметр времени. Она позволяет не только обеспечивать адаптацию к нему, но и его использование в целях собственной функциональной организации.

Далее, дополнительные особенности того, каким образом ассимилирована «временная координата» реальности в организации психики, раскрываются при обращении к понятию (и, соответственно, – к феномену) *операций*. Действительно, как мы уж отмечали выше, одним из основных положений, сформулированных в психологии сознания, является тезис, согласно которому оно функционирует по так называемому «однофокусному», «одноканальному» принципу [167, 233]. Его смысл состоит в том, что одновременно, то есть одновременно в «фокусе» сознания может быть локализован лишь один произвольно контролируемый и регулируемый процесс¹³³. Данный принцип обозначается еще и как «принцип последовательной» (а не «параллельной») переработки информации. Он, как правило, распространяется и на организации психики *в целом*, поскольку полагается, что именно сознание является ее высшим уровнем и, следова-

---

проблеме «первичности – вторичности» двух модусов времени – внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного). В связи с этим, возникает и необходимость обращения к сформулированной И. Кантом проблеме «априорных категорий», одной из которых как раз и является категория времени [82].

¹³³ Часто отмечающиеся факты так называемого «нарушения» этого принципа объясняются, в действительности, не тем что он несправедлив, а тем, что сознание характеризуется, наряду с ним, еще и способностью к очень быстрой смене, то есть к чередованию этих «фокусов». Это и создает иллюзию его «неодноканальности», и, следовательно, приводит к этим «фактам».

тельно, те принципы, которым оно подчиняется, должны быть представлены и в психики в целом. Переводя все это на «язык» более современной терминологии, можно сказать, что в сознании (и, повторяем, психики в целом) реализован один из основных принципов организации систем – принцип *монопроцессорности*.

Вместе с тем, констатация данного обстоятельства сразу же приводит к достаточно трудному и острому вопросу. Действительно, почему психика, являющаяся *высшей* по степени сложности и эффективности формой организации, воплощает в себе именно этот – относительно *менее* совершенный и «мощный» принцип, а не гораздо более «выигрышный» принцип параллельной, то есть *полипроцессорной* организации переработки информации? Острота и очевидность данного вопроса такова, что невольно возникает «подозрение», состоящее в том, *действительно* ли, этот принцип «не воплощен»? Может быть, в действительности, он все-таки реализован в организации психики, но более имплицитно, чем первый? И, если да, то как именно?

На наш взгляд, предпосылки для ответа на данный вопрос как раз и содержатся в развитых выше представлениях о соотношении действий и операций как деятельностных образований, а также о взаимосвязи в них двух форм репрезентации информации и регуляции активности – осознаваемой и неосознаваемой. В самом деле, действие (по определению) – это такой структурный компонент деятельности, который не только имеет *осознаваемую* цель, но и вообще *выделяется* именно по критерию ее наличия. Однако, в том случае, если некоторая активность представлена в форме целенаправленного действия и подлежит осознанию, то само это его осознание репрезентируется субъективно как «*психологическое настоящее*». Оно представлено как актуально переживаемое субъектом состояние «настоящего», *заполняющее* собой тот или иной интервал развертывания активности. Другими словами, если некоторые «составляющие» деятельности осознаются, то они, действительно, переводят организацию деятельности в режим одноканальности, однофокусности. *Осознаваемая* регуляция, действительно, может реализовываться лишь на основе данного принципа.

Однако, по отношению к другим структурным «составляющим» – операциям дело обстоит не только существенно иначе, но и прямо *противоположным* образом. Они, в отличие от действий, уже не имеют осознаваемой цели и, следовательно, утрачивают атрибут осознаваемости. В силу этого, они никоим образом «не загружают» канал осознаваемой регуляции, произвольно контролируемой переработки информации – не включаются в него. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: они тем самым не входят в «психологическое настоящее», в содержание «состояния сознания» в тот или иной момент времени. Следовательно, и их *временная организация* является существенно иной: для нее отнюдь не обязательно их строго последовательное чередование. Напротив, они могут структурироваться на ином, нежели принцип *последовательности*, принципе переработки. Действительно, реализуясь «автоматически», в форме навыков, а потому не требуя «однофокусности» – концентрации сознания на них, они допускают принципиальную возможность их *синхронизации* – временного синтеза и, следовательно, реализации совмещенно друг с другом, одновременно. Иначе говоря, они вполне допускают по отношению к своей организации реализацию принципа *параллельности* переработки информации и организации деятельности в целом. Не будем забывать, однако, что все это оказывается возможным лишь при том условии, что сами операции (по определению) реализуются как бессознательные, неосознаваемые «составляющие».

Следовательно, отсюда с логической необходимостью вытекает вывод, согласно которому система операций, поскольку она реализуется в неосознаваемой форме, допускает организацию и реализацию на основе принципа параллельности (*полипроцессорности*). Но это же означает, что и само бессознательное, по-видимому, также функционирует, преимущественно именно на основе этого же принципа. В свою очередь, исходя из этого можно, по всей вероятности, сделать заключение еще более общего плана. С одной стороны, тот принцип, который традиционно рассматривается в качестве основного принципа организации

и функционирования сознания – принцип одноканальности, одноканальности, действительно, является правомерным. Психика функционирует *и по нему тоже* – но *лишь* на уровне сознания. С другой стороны, еще одна ее важнейшая сфера – бессознательное функционирует на основе качественно иного, противоположного принципа. Им является принцип *параллельной* переработки информации, что и обеспечивается в значительной степени именно через «феномен операций». Оба этих принципа являются, однако, не только «изолированными» друг от друга, но, напротив, они органично и теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, они, фактически, взаимопологают друг друга. Сама же эта взаимосвязь как раз и реализуется в организации действия, в его психологической природе. Ее главной чертой, как уже отмечалось, является именно то, что в нем как раз и реализуется обратимый перевод осознаваемой и неосознаваемой, сознательной и бессознательной форм психического.

Таким образом, во-первых, в психике реализован не один и притом относительно наименее «мощный» принцип (одноканальности, одноканальности, последовательной переработки информации). Он, в действительности, присущ лишь уровню сознания. В ней представлен и принцип *параллельной*, «полипроцессорной» организации. Во-вторых, оба этих принципа органически синтезированы друг с другом; более того, они находятся, по-видимому, в отношениях *синергии*, что эмпирически зафиксировано в известном феномене «обратимого перевода» осознаваемой и неосознаваемой форм репрезентации как *продуктивного* механизма переработки информации.

В связи со сказанным, можно, далее, сделать и еще одно предположение общего характера. По-видимому, важной стороной одновременной реализации принципов последовательности и параллельности является то, каким образом организована система когнитивных процессов и как они интегрированы в структуру сознания в целом. Известно, что последнее является именно «высшим уровнем», формой и продуктом их синтеза, интеграции. Оно включает их в себя как «*парциальные*» составляющие, но само характеризуется ярко и явно представленной

целостностью, подчиняющейся принципу однофокусности, одноканальности, монопроцессорности.

Вместе с тем, если это так, то есть, если в его обеспечении с необходимостью принимают участие *все* когнитивные процессы *одновременно*, то их организация (точнее – система) не может структурироваться никак иначе, чем на основе принципа *параллельности, полипроцессорности*. Когнитивные процессы в целом функционируют на основе именно данного принципа, поскольку лишь в этом случае сознание – как итоговый эффект, как феномен только и может быть обеспечено. Другими словами, на одном уровне интеграции (сознания *в целом*) «работает» принцип *монопроцессорности* – одноканальности. На другом уровне – уровне *совокупности отдельных* когнитивных процессов «работает» принцип *полипроцессорности*. Поскольку, однако, эти уровни синтезированы в целостность, то и указанные принципы также находятся в отношениях синергии. Отсюда, кстати говоря, следует и достаточно естественное решение одного из наиболее «старых», дискуссионных и острых вопросов психологии познавательных процессов. Это – вопрос о том, *существуют* ли они вообще как некоторые – даже относительно условные, но все-таки «самостоятельные сущности»; о том, каков должен быть критерий дифференциации друг от друга¹³⁴.

В свете вышеизложенного, можно полагать, что критерий такой дифференциации, в действительности, все же существует¹³⁵. Однако, дело в том, что он является *кардинально иным* по своей природе, нежели все те, которые предлагались ранее. Он является (и должен являться!) не структурным и уж тем

---

¹³⁴ По данному вопросу существует немало точек зрения, в том числе – и негативного плана, иногда носящих даже так сказать» радикально-отрицательный» характер. Например, совокупность психических процессов трактуется, как мы уже отмечали, и как «продукт ложной систематизации» (Я. А. Пономарев [188]), и как «следствие несовершенства профессионального ума психологов» (М. А. Холодная [241]) и т. д.

¹³⁵ О чем также «настойчиво» свидетельствует и постоянно «напоминает» вся история развития представлений в области психических процессов – их поразительная «резистентность» к любой, в том числе и отмеченной выше критике.

более не «морфологическим», и даже не функциональным, а *принципиально* иным, а его сущность заключаться в следующем. Любая осознаваемая, произвольно контролируемая переработка информации в ее основе базируется на принципе параллельности. Это означает, что информация *синхронно* перерабатывается в разных планах, в разных качественных «измерениях», каждое из которых и соотносится с тем или иным – традиционно дифференцируемым когнитивным процессом. Поэтому так трудно или даже невозможно «отделить» один процесс от другого; в любом из них представлены компоненты всех других, они взаимопроникают друг в друга. Все дело в том и заключается, что в действительности, они не просто «взаимосвязаны», а объективно и онтологически синтезированы, выступая «парциальными» составляющими полипроцессорной переработки информации. Все система когнитивных процессов – это, по существу, воплощение полипроцессорного принципа. Они потому и представлены во «множественном числе», что переработка информации может быть действенной лишь на основе принципа *полипроцессорности*, то есть также *множественности*.

При этом следует учитывать, что отношения между двумя основными принципами (последовательности и параллельности), носят, по-видимому, еще более сложный характер. Совершенно недопустимо полагать, что сознание, с одной стороны, базируется на принципе последовательности (и, следовательно, феноменологически очевидным образом дано одноканально, однофокусно), а система когнитивных процессов – на принципе параллельности, с другой. Такая точка зрения означала бы, по существу, автономизацию некоторой сущности – в данном случае сознания, его «отрыв» от системы тех средств и процессов, которые, собственно говоря, и обеспечивают его. Как раз наоборот, связи между ними носят отнюдь не «внешний» характер, а сами они не «внешнеположенны» друг другу. В тот или иной момент времени перед субъектом встает какая-либо когнитивная задача (вспомнить, представить, сосредоточить внимание, решить и пр.), предполагающая, соответственно,

доминирующую активацию вполне определенного когнитивного процесса. Он, соответственно, и оказывается «в фокусе» сознания, а его развертывание относительно автономизируется и реализуется согласно принципу последовательности. При этом все иные процессы, «обслуживающие» его и синтезированные в целостность, выступают как «фоновые». Они предстают как система «обслуживающих» процессов (то есть, фактически, как *операций*), не локализованных в этом «фокусе». Они поэтому функционируют на основе принципа параллельности. Тот или иной когнитивный процесс, становясь *действием*, переводит все иные процессы в статус операций.

Наконец, отметим, что с этих позиций получает свое объяснение и фундаментальный феномен «полносвязности» системы когнитивных процессов. Согласно ему, вся их совокупность представляет собой так называемое «абсолютное целое». В свете изложенного становится понятным, что это обеспечивается не только, а быть может – и не столько тем, что между отдельными когнитивными процессами существует развернутая совокупность структурных, функциональных и иных, так сказать, *субстанциональных* связей (хотя, конечно, и их тоже). Дело в том, что все они предельно сорганизованы и нерасторжимо взаимосвязаны еще и потому, что вся их совокупность является конкретным проявлением принципа полипроцессорности и соответственно принципа параллельности переработки информации. Их соорганизация носит поэтому не столько субстанциональный, сколько *временной* темпоральный характер. В связи с этим, вопрос о средствах и механизмах их интеграции и структурирования переносится в «плоскость» временной, собственно *темпоральной* организации. Он вплотную подводит к уже рассмотренной и очень характерной для всех систем со «встроенным» метасистемным уровнем типу системности – временной, *темпоральной* (а, повторяем, не субстанциональной)¹³⁶.

---

¹³⁶ В этой связи небезынтересно отметить, что аналогичная по смыслу проблема – проблема раскрытия механизмов временной, диахронической соорганизации и, соответственно, системности возникла в таком – очень далеком

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на проблеме, которую можно было бы обозначить как «деятельность и время», поскольку без раскрытия закономерностей генезиса и особенностей содержания субъективного времени, фактически, невозможно и сколько-нибудь полное раскрытие базовых закономерностей организации психики в целом. И наоборот, генезис субъективного времени и средств приспособления к нему в процессе формирования деятельностной формы активности (в том числе и «прежде всего, именно в игровой деятельности как генетически первичном основном типе деятельности) во многом может содействовать и более глубокому уяснению и объяснению этих закономерностей. Кроме того, необходимо еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что сам «феномен детской игры» раскрывается при этом в таком его аспекте, который до сих пор исследован крайне слабо – в его генеративно-порождающей функции по отношению к генезису субъективного времени в целом.

Подводя промежуточные итоги проведенного выше анализа, подчеркнем, что он, в основном, был направлен на раскрытие особенностей и закономерностей генезиса, прежде всего, *когнитивных* процессов под детерминирующим воздействием темпоральной формы организации в целом и деятельностной детерминации, в особенности. Вместе с тем, естественно, что, наряду с когнитивными, существуют и иные классы психических процессов, являющиеся также очень значимыми и в плане структурно-функциональной организации психики (и деятельности), и в плане их генезиса. Отсюда, кстати говоря, вытекает достаточно значимое в теоретическом отношении следствие, суть которого состоит в следующем. Точно так же, как формирование структуры деятельности последовательно обретает черты иерархичности организации, а точнее – параллельно этому и, более того, «на основе и вследствие этого» складывающаяся система когнитивных процессов также во все более полной мере воплощает в себе именно этот принцип. Собственно говоря,

---

от рассматриваемого направления исследований, как *процессный* подход в теории менеджмента.

иерархичность как главный принцип организации когнитивной подсистемы психики, равно как и сама эта подсистема как структурно-уровневое образование имеет в качестве своего «генетического корня» становление аналогичного принципа во «внешнем» плане – в плане формирования и развития деятельности. Иерархия когниции «рождается» из иерархии регуляции – на ее основе, точнее – посредством транспонирования второй на первую.

2.5.4. Закономерности генезиса темпоральной организации «вторичных» психических процессов

Представленные в предыдущем параграфе материалы раскрывают некоторые – достаточно существенные, на наш взгляд, особенности и закономерности процессуально-психологического обеспечения игровой деятельности, а также его генезиса в ходе ее развития. Вместе с тем, весь проведенный анализ был осуществлен дифференцированно – в соответствии с традиционно принятым выделением двух основных подсистем психики – *когнитивной* и *регулятивной*. Естественно, при этом необходимо принимать во внимание условность и относительность любого способа дифференциации такого сложнейшего предмета исследования, каковым выступает общая система психических процессов, любого критерия выделения тех или иных ее «составляющих» и тем более – его отдельных «единиц», компонентов. Психическое, в силу своей многомерности и многокачественности, не только допускает, но и требует его исследование в различных аспектах, в различных «срезах». Каждый из них является частным и лишь их синтез может считаться относительно полным. Так же обстоит дело и при разработке представлений о системе процессов психики. Их изучение в каком-либо одном аспекте (с точки зрения когнитивной функции) дает одну систему понятий, фиксирует одну группу процессов – когнитивных.

В свою очередь, не только возможна, но, на наш взгляд, и необходима дифференциация единого процессуального содержания психики по еще одному основанию – *регулятивному*,

по их отношению к организации деятельности и поведения. Она приводит к необходимости выделения и изучения другого класса процессов – обозначенных нами как *интегральные*¹³⁷. Такие процессы, действительно, не только реально существуют, но и, как отмечалось, достаточно давно известны в психологии; они получили также свое закрепление в естественном языке. Однако для того, чтобы их адекватно дифференцировать и осмыслить, необходимо расширить традиционную схему понятийного описания процессов психики, дополнить аналитико-когнитивную установку их изучения регулятивно-синтетической установкой. С ее позиций и становится очевидной необходимость дифференциации класса интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения – как «вторичных» и дополняющих собой совокупность традиционно выделяемых классов психических процессов (как «первичных»). Они были достаточно подробно рассмотрены в параграф 2.2.2. второго тома. Кроме того, именно с позиций необходимости в таком дополнении становится очевидным и главное направление последующего анализа особенностей и закономерностей организации (в том числе – и темпоральной) процессуального обеспечения деятельности и его генезиса.

Действительно, в связи с проведенным выше анализом процессуального содержания психики в целом и ее регулятивной подсистемы, в частности, должны быть привлечены и представления о еще одном классе именно «*вторичных*» психических процессов – о *метакогнитивных* процессах [114, 287, 296, 309 и др.]. Они также «выходят» за пределы когнитивных функций (отсюда, в частности, и происходит префикс «мета») и реализуют собственно *регулятивные* функции.

---

¹³⁷ Вообще говоря, в понятиях «когнитивная подсистема» и «регулятивная подсистема», в составляющих их процессах психики, по существу, зафиксированы два различных способа описания единого по сути процессуального содержания психики. Оно и в целом, и каждая его составляющая – на каком бы уровне анализа их ни выделять, не являются ни «чисто» когнитивными, ни «чисто» регулятивными, но и теми и другими одновременно. Следовательно, и их познание должно базироваться на общенаучном *принципе дополтельности*.

Правда – и в этом заключается их глубочайшая специфичность – они делают это не по отношению к «исполнению непосредственно», а по отношению к «первичным» процессам, то есть – к процессам, составляющим содержание когнитивной подсистемы. Как известно, *общий смысл*, фундаментальное предназначение и вообще – онтологические основания и детерминанты самого существования метакогнитивных процессов состоят в том, что они выступают средствами расширения *«ресурсных возможностей»* когнитивной подсистемы психики. Все они направлены на повышение «когнитивного потенциала» личности и, кроме того, локализируются на высшем уровне собственной организации самой когнитивной подсистемы. «Через них» и «в них» она эволюционирует, а формирующиеся и развивающиеся при этом отдельные – «первичные» психические процессы также становятся всё более развернутыми и богатыми содержанием. В том числе это проявляется и тогда, когда они выступают в качестве компонентов, включенных в реализацию собственно регулятивных функций по отношению к деятельности.

Вместе с тем, все это справедливо и по отношению к другому классу «вторичных» процессов – к интегральным процессам. Действительно, согласно одному из основных положений концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности, каждый из них выступает продуктом и эффектом соорганизации – координации и интеграции в их составе «первичных» психических процессов – прежде всего, именно когнитивных. Следовательно, от того, насколько богатой, развитой и совершенной будет так сказать «когнитивная база» такой интеграции (то есть от развития каждого из отдельных – «первичных» когнитивных процессов), в решающей степени будет зависеть мера развитости «вторичных» – интегральных процессов. Этим же будут определяться и их функциональные возможности по организации и регуляции деятельности. Следовательно, формирование и «вторичных» метакогнитивных процессов представляет собой объективную «составляющую» системогенеза деятельности в целом. Это непосредственно вытекает из важной роли

данных процессов в обеспечении процессов иного плана – уже собственно деятельностных, регулятивно-ориентированных, то есть интегральных процессов регуляции деятельности.

Далее, посредством обращения к закономерностям формирования и развития метакогнитивных процессов как одной из важных предпосылок генезиса системы деятельности (вначале учебной, а затем профессиональной, трудовой) достигается так сказать двоякий эффект. С одной стороны, в сферу изучения включается новая предметная область – когнитивные процессы и когнитивная подсистема психики в целом. Это не только расширяет анализ, но и позволяет включить в него уже не просто «какие-либо» из классов психических процессов, но, фактически, *важнейший* из них. С другой стороны, процессуально-психологический план анализа принципов системогенеза (их рассмотрение во взаимосвязи с генетической динамикой психических процессов) имеет и еще одно следствие. Сами принципы системогенеза получают свое объяснение в аспекте тех – *основных*, то есть именно *процессуальных* средств и механизмов, которые, собственно говоря, и лежат в основе их реализации, обеспечивают их так сказать «технологию» – *операционную* воплощенность.

Наконец, быть может, наиболее важным является еще одно следствие, точнее – общий итог проведенного анализа. Нетрудно видеть, что развертывание общей логики представленных в данной главе исследований привело к последовательной и закономерной смене основных «плоскостей изучения». Вначале это был переход от специфически *деятельностных* компонентов (функциональных блоков) к деятельностным же, то есть собственно *регулятивным* процессам. Затем – от изучения этих регулятивных процессов к исследованию генезиса *метакогнитивных* процессов. Наконец, сами они были проинтерпретированы и как органическая «составляющая» собственно *когнитивной* сферы – в контексте когнитивной подсистемы как таковой и в зависимости от тех закономерностей, которые ей присущи *в целом*. Тем самым, логика анализа приводит к необходимости раскрытия генезиса этой подсистемы во всей – истинной ее пол-

ноте и комплексности, с обязательным учетом включенности в нее и класса *метакогнитивных* процессов.

Вместе с тем, именно он выступает «ближайшим» по степени сложности (и по своей природе) классом по отношению к максимально интегративному процессуальному образованию психики – к *рефлексии*, равно как и к ее итоговому, «результативному» эффекту – к *сознанию*. Тем самым, анализ с логической необходимостью приводит к формулировке еще одной – предельно важной, прежде всего, в собственно теоретическом плане проблемы. Это, разумеется, *проблема сознания*; точнее – проблема соотношения сознания и деятельности, взятая в ее собственно генетическом аспекте, а еще более конкретно – проблема, которую можно обозначить как проблема «*системогенез и сознание*». Именно метакогнитивные процессы являются процессуальными образованиями «в» которых и «через» которые, как показано выше, обеспечивается фундаментальное свойство психики в целом и сознания, в особенности, составляющее самую его суть и уникальность – свойство *самосензитивности*, самопрезентированности [98].

Действительно, как можно видеть из вышеизложенного, основные метакогнитивные процессы выступают, фактически, основными «носителями» и, более того, парциальными аспектами наиболее обобщенного процессуально-психологического образования психики – *рефлексии*. Рефлексия, в свою очередь, является собственно *процессуальным* средством, обеспечивающим сознание как таковое. Она предстает с этих позиций как *результативный*, итоговый эффект разворачивания самих рефлексивных процессов. Уровень рефлексивной, то есть осознаваемой регуляции является, таким образом, *высшим* уровнем во всей иерархической организации структуры процессуально-психологической регуляции деятельности. И именно к нему *привела* логика разворачивания собственно генетического анализа процессуальной регуляции деятельности, проводимого с достаточной степенью его дифференцированности.

Вместе с тем, любой *дифференцированный* анализ является не только очень полезным, но и, по существу, *необходимым* гносеологическим средством – и в целом, и по отношению

к проблеме деятельности, а также ее генезиса, в особенности. Дело в том, что именно дифференциация исследуемого предмета создает необходимые условия для его соответствующего, то есть также – более дифференцированного и *углубленного* раскрытия; создает более широкую базу для последующего обобщения и экспликации закономерностей именно *общего* плана. Однако при этом нельзя забывать и еще об одном – не менее существенном обстоятельстве, которое также неоднократно фиксировалось по ходу проведенного анализа. Оно состоит в том, что *общее* содержание процессуально-психологического обеспечения деятельности – в том числе, и игровой, *общий* состав системы психических процессов в целом, конечно, не исчерпывается лишь теми двумя классами, которые были подвергнуты рассмотрению. Современная картина представлений в области психических процессов предполагает дифференциацию и иных их классов, которые, соответственно, также должны быть вовлечены в сферу рассмотрения при решении основных задач данной работы. Наконец, необходимо подчеркнуть и еще одно – также важное обстоятельство. Оно, однако, носит не характер *априорного* теоретического императива, который необходимо учитывать в ходе анализа, а напротив, логически *вытекает* из него – из проведенного рассмотрения двух основных классов процессуально-психологического обеспечения деятельности в целом и игровой деятельности, в частности; поясним сказанное.

Действительно, анализ этих двух классов психических процессов вскрыл как *общие* закономерности их организации и генезиса в ходе развития форм и видов игровой деятельности, так и *специфические* их черты. Причем, основной акцент – по понятным причинам – был сделан именно на вторых, постольку они более конкретно и, соответственно, содержательно раскрывают рассматриваемые классы процессов и их генезис. Вместе с тем, если теперь несколько сместить «призму видения» и попытаться выявить черты принципиальной общности организации и генезиса указанных классов, то с очевидностью эксплицируются два принципиальных обстоятельства. Выявляются две – по-видимому, важнейшие из всех закономерностей такого рода.

Прежде всего, это закономерность, согласно которой очень важную, а не исключено, и определяющую роль в их организации выполняют средства и механизмы *иерархического* типа, принцип *иерархичности* в целом. Так, по отношению к системе когнитивных процессов – к когнитивной сфере данная закономерность проявляется, прежде всего, в том, что эта система базируется, прежде всего, на *иерархическом* принципе¹³⁸. Когнитивные процессы – это качественно различные уровни единой организации, построенной по иерархическому принципу. «Фундамент» и база этой иерархии – процесс ощущения, а ее «вершина» – процесс мышления. Иерархическая трактовка когнитивной подсистемы психики является, как известно, наиболее распространенной в настоящее время и, действительно, очень конструктивной.

По отношению к регулятивным процессам – к регулятивной подсистеме в целом и в особенности, по отношению к каждому из входящих в нее интегральных процессов иерархичность проявляется уже несколько иначе. Дело в том, что каждый из них – по определению – является интегративным, то есть именно системно-организованным образованием. Следовательно, ведущую и *определяющую* роль в их организации и динамике выполняет определенный системообразующий фактор, в качестве которого и выступает та цель, точнее – та базовая регулятивная функция, на реализацию которой они и направлены. В силу этого, все они воплощают в себе иерархичность как принцип организации уже постольку, поскольку этот принцип как раз и является основным для системной формы организации как таковой, которую они, в свою очередь, воплощают в себе с максимальной эксплицированностью.

Вместе с тем, в данном контексте необходимо, конечно, учитывать, что *общая* система интегральных процессов в целом организована, как показано выше, на основе иного принципа –

---

¹³⁸ Как мы уже отмечали выше, одним из основных положений теории психических процессов, особенно характерных для современной когнитивной психологии, является тезис, согласно которому базовые когнитивные процессы выступают не просто в качестве разных *видов* процессов, а в качестве различных *уровней* общей когнитивной иерархии.

гетерархического. Действительно, очень специфической особенностью интегральных процессов, проявляющейся именно в плане их *целостной* структуры, является следующая закономерность их организации. Среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому принципу*. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также – наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно.

Таким образом, через становление системы интегральных процессов психика обогащает арсенал функциональных принципов своей организации. Принцип иерархии (на котором, в частности, базируется когнитивная подсистема) дополняется принципом гетерархии – на нем основана организация регулятивной подсистемы. Синтез же этих двух наиболее общих и мощных принципов – иерархического и гетерархического лежит в основе высочайшей организованности и координированности, эффективной управляемости и самоуправляемости психики.

Далее, необходимо констатировать и еще одну – также очень важную закономерность общего плана, которая явственно эксплицируется по отношению к когнитивным процессам, но становится особенно отчетливой по отношению к регулятивным процессам. Сутью данной закономерности является то, что в них очень полно воплощен в базовый принцип (а одновременно – и совокупность основанных на нем механизмов) организации – принцип *интегративности*. Все – и когнитивные, и регулятив-

ные процессы воплощают в себе интегративность организации как неотъемлемый атрибут, хотя и реализуют его в существенно разной мере, что, в свою очередь, обусловлено качественными различиями в их содержании и особенно, в их сложности. Кроме того, по отношению к этим классам достаточно различна и так сказать «база интеграции». Если для когнитивных процессов в качестве таковой выступает совокупность *операций*, характерных для каждого из них (то есть их операционный состав), то для регулятивных процессов в ее качестве выступает уже совокупность самих когнитивных *процессов* – наряду, естественно, с процессами всех иных классов – мотивационными, эмоциональными, волевыми. Когнитивные процессы выступают при этом, как известно, и в статусе «первичных» по отношению к интегральным процессам как «вторичным».

Таким образом, интегральные процессы в целом раскрываются в качестве своего рода «процессов с процессами», в качестве процессов «второго порядка» – «организационных процессов» и т. д., Они выступают процессами, принципиально синтетичными по своему содержанию и составу. Одновременно они предстают и как процессы столь же принципиально интегративные по средствам и механизмам их организации. Тем самым, однако, создается своеобразный «прецедент» (и об этом мы также писали выше): психически процессы «оборачиваются» на самоё себя – процессуальные средства психики транспонируются на ее *собственное* процессуально-психологическое содержание. Происходит своеобразное «удвоение процессов». Фиксируя все эти – важнейшие и принципиальные трансформации, обратим внимание на то, что их экспликация оказалась итогом анализа именно класса интегральных (регулятивных) процессов и выступила одним из основных положений разработанной нами концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения [96, 99, 103].

Вместе с тем, при этом трудно не видеть другого – также вполне очевидного и крайне демонстративного обстоятельства. Дело в том, что аналогичная «логика развертывания» представлений о процессуальном содержании является характерной

для особого – отдельного и вполне самостоятельного, очень крупного направления современно когнитивной психологии (и психологии в целом) – для *метакогнитивизма* [235]. Действительно, основной смысл и «пафос» данного направления как раз и заключается в том, что в нем был установлен и раскрыт особый, качественно специфический класс психических процессов также – «вторичных», то есть метакогнитивных. Эти процессы представляют собой, по существу, новую и во многом специфическую психическую реальность; они лишь сравнительно недавно стали предметом психологических исследований. Общим, то есть родовым их признаком является то, что все они направлены на организацию, регуляцию и координацию других – «первичных» когнитивных процессов. Тем самым они специфичны по своему, так сказать, «предмету – им выступает не объективная, а субъективная, точнее – субъектная реальность, а еще точнее процессы и структуры ее репрезентации. Метакогнитивные процессы одновременно «выходят» за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых *регулятивных* функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению к организации деятельности в целом. «Возвышаясь» над иерархией когнитивных процессов, они одновременно опосредствуют связь между когнитивными и регулятивными процессами деятельности и поведения.

Метакогнитивные процессы двуедины по своей психологической природе: являясь когнитивными по механизмам, они регулятивны по направленности, то есть по функциональному предназначению. В силу этого, проблема изучения метакогнитивных процессов органично включается в другую, более общую и фундаментальную психологическую проблему – проблему раскрытия основных принципов и закономерностей, процессов и феноменов, лежащих в основе регулятивных функций психики.

Развертывание исследований данного класса процессов привело к тому, что в русле когнитивной психологии оформилась достаточно мощная тенденция ее развития, которая может иметь (а точнее – фактически, уже имеет) не меньшие, а быть может, большие «методологические последствия», нежели сама «клас-

сическая» когнитивная психология. Это – зарождение и бурное развитие *метакогнитивизма* и различных его конкретных направлений (например, метакогнитивного обучения, исследования метакогнитивных процессов и метакогнитивного опыта, анализ проблемы метакогнитивных способностей и др.). Метакогнитивизм сегодня во многом олицетворяет «передний край» развития когнитивной психологии в целом, а та, в свою очередь, в столь же многом репрезентирует сегодня общую и экспериментальную психологию в их современном воплощении и основных достижениях. Логика развития самой когнитивной психологии привела к необходимости дифференциации и последующего изучения таких процессов, которые обеспечивают не «познание как таковое», не непосредственную реализацию познавательных функций, а регуляцию и организацию познания и для этого – «познание (точнее – самопознание) процесса индивидуального познания». Эти процессы, являясь именно познавательными – *когнитивными* по своему статусу, направленности и механизмам, одновременно очень специфичны по своему предмету [287, 288]. Им являются также психические процессы, причем, – опять-таки познавательные, когнитивные.

В результате складывается ситуация, при которой процессы, обозначаемые понятием метакогнитивных процессов, атрибутивно двойственны по своей психологической природе, а также по своему статусу. Они одновременно являются и *когнитивными* (по механизмам, содержанию, закономерностям, «носителю») и *регулятивными* (по тем функциям, которые являются для них главными). Происходит своего рода «удвоение качественной определенности», когда один и тот же процесс является одновременно и когнитивным и регулятивным. Вновь имеет место уже неоднократно рассмотренное нами явление «процессуальной обратимости». Один и тот же процесс может выступать не только в своем исходном модусе – как активный *оператор*, как инструментальное средство. Он же эксплицируется и в качестве так сказать «предмета» – в качестве относительно пассивно *операнда*: уже не того, «что отражает и регулирует», а того, «что отражается и регулируется». Даже в самой этимологии

понятия «метакогнитивный» содержится указание на *выход за пределы* когнитивной подсистемы психики («мета») момент выхода в иную качественную определенность – регулятивную. Поэтому метакогнитивные процессы – это не только и не столько «*сверх*-когнитивные» процессы, сколько «*пост*-когнитивные», то есть регулятивные.

В данной связи необходимо подчеркнуть принципиальную общность психологического статуса и организации метакогнитивных и интегральных процессов. Она, в конечном итоге, коренится в самой психологической природе тех и других. Все они являются атрибутивно *синтетическими* – составными. Так, метакогнитивные процессы выступают в качестве эффекта комплексирования, как минимум, двух процессуальных (и иных) образований или же эффекта «удвоения» какого-либо процесса. В частности, таковыми являются, как уже отмечалось, самые первые из дифференцированных метакогнитивных процессов – процессы метамышления («мышления о мышлении») и метапамяти («памяти относительно памяти»). Одновременно, таковыми же, то есть «составными», но в еще более выраженном проявлении, выступают и все иные процессы, образования и структуры, являющиеся предметом изучения в метакогнитивизме. Показательно и то, что его последовательное развитие характеризуется тенденцией к дифференциации все более комплексных, сложных, то есть именно «составных», синтетических образований метакогнитивного плана.

Таким образом, можно видеть, что атрибутивной особенностью всех метакогнитивных процессов (и иных образований данного плана – как принципиально «вторичных») является то, что в их *собственную качественную определенность* входит синтетичность состава и интегративность организации. Данная особенность базируется, в свою очередь, на механизмах и закономерностях *структурирования* в них более локальных, то есть «первичных» процессов. Этим они столь же принципиально отличаются от последних. Объективным следствием и результативным эффектом принципиальной «неаналитичности» метакогнитивных процессов является, как известно, их столь же

принципиально *осознаваемый* характер. Атрибутивно присущие им механизмы структурной организации, а значит – и комплексирования *с необходимостью* обуславливают их *интегративную* вовлеченность в регуляцию деятельности и поведения. Именно такое – интегративное включение является, однако, объективным условием возникновения аналогичного, то есть также интегративного феномена – феномена *сознания*, свойства осознаваемости [114]. В то же время и интегральные (регулятивные) процессы также характеризуются принципиальной синтетичностью своей организации, поскольку выступают продуктом комплексирования, результативным – синергетическим эффектом синтеза «первичных» процессов – как когнитивных, так и иных.

Итак, можно видеть, что важнейшую, а не исключено – и определяющую роль по отношению к метакогнитивным процессам и качествам играют именно механизмы и закономерности *структурной* организации. Они принципиально «неустранимы» ни из каждого из них «по отдельности», ни тем более – из их системы в целом. Однако, подвергаясь такой структурной организации, метакогнитивные процессы и качества порождают закономерные – интегративные по своей природе эффекты и синергетические по своему генезу феномены. В результате их структура оказывается нетождественной их простой – агрегативной сумме (то есть аддитивной совокупности). В ней возникают те многочисленные – эмпирически зафиксированные эффекты и феномены, о которых речь шла выше (в частности, феномены фасилитации, супераддитивности, инфрааддитивности и др.).

Кроме того, подчеркнем и еще одно обстоятельство, вытекающее из представленных выше материалов. Все они характеризуются так сказать взаимной *конвергенцией*, приведшей в итоге к постановке, по существу, идентичных вопросов теоретического плана. Так, с одной стороны, проведенный анализ показал очень высокую меру воплощенности в процессуально-психологическом обеспечении деятельности принципов иерархичности и итеративности. Кроме того, все большее возрастание этой меры как раз и является своего рода «магистральным» направлением развития и совершенствования этого обеспечения –

и в целом, и под детерминирующим воздействием смой игровой деятельности. Однако, с другой стороны, логика развития теоретических представлений в области психических процессов также со всей большей очевидностью демонстрирует необходимость обращения к таким процессуальным образованиям, в которых именно эти принципы воплощены с наибольшей полнотой, то есть к интегральным и метакогнитивным процессам.

В связи с такой – взаимной конвергенцией, собственно говоря, и возникает ключевая проблема, к рассмотрению которой теперь и необходимо перейти. Она состоит в необходимости раскрытия особенностей и закономерностей участия метакогнитивных процессов в процессуально-психологическом обеспечении игровой деятельности, а также их генезиса в ходе развития игровой формы активности ребенка. Эту проблему – в более лаконичном виде можно сформулировать следующим образом: *метакогнитивизм и игра* (или – «метакогнитивизм и игровая деятельность»). Констатируя это, приходится, к сожалению, признать, что данная проблема разработана в настоящее время крайне слабо и, более того, не зафиксирована в качестве самостоятельного, особого направления психологических исследований. Это тем более удивительно и даже – несколько неестественно, что не только развитие, но и само *возникновение*, то есть «первоначальное складывание» именно метакогнитивных процессов как раз и реализуется наиболее интенсивными темпами на тех стадиях онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является игра. В этом отношении метакогнитивное направление «разделило судьбу» – логику развития общей проблемы процессуально-психологического обеспечения деятельности и, в особенности, его *генезиса* в ходе развития личности. Она, как известно, также в основном разработана на материале изучения трудовой и учебной деятельности, но не деятельности игровой. Сам же принцип единства психики и деятельности, в основном, реализован по отношению к трудовой и учебной деятельности, а не по отношению к игровой деятельности (см. об этом подробнее в главе 4 четвертого тома).

Разумеется, отмеченная выше неразработанность данной проблемы не может не сказываться негативным образом на полноте и глубине ее раскрытия, а любые попытки ее изучения могут носить, в связи с этим, по необходимости лишь предварительный и частичный характер. Отчетливо сознавая это – объективно обстоятельство, мы, тем не менее, считаем, что начинать исследования в данной области рано или поздно придется, в силу того, что без этого общая картина генезиса процессуального содержания психики не может быть раскрыта с необходимой степенью полноты. Это же относится и к необходимости ее изучения в контексте более специального процесса – процесса генезиса игровой деятельности. Кроме того, необходимо учитывать и очень общий – комплексный характер данной проблемы, а также возможность ее разработки с различных теоретических позиций. В силу этого, представленный ниже вариант ее решения мы рассматриваем, конечно, не как «единственно возможный» и альтернативный по отношению к другим, а напротив, как требующий дополнительных исследований, осуществляемых с иных теоретических позиций. Он не «закрывает» возможности иных подходов, а наоборот – предполагает необходимость дополнения ими и синтеза с ними. Наконец, представляется необходимым подчеркнуть также, что данное решение основано на тех общих представлениях, которые были развиты выше о генезисе процессуально-психологического обеспечения деятельности и которые базируются, в свою очередь, на понятиях *временной* организации и *темпоральной системности*.

В силу этого, напомним, прежде всего, два ключевых положения, конкретизирующие эти общие представления по отношению к генезису процессуальной формы организации содержания психического как такового.

Во-первых, это наиболее общее положение о существовании, наряду с традиционно изучаемым типом системности – структурно-содержательной (*субстанциональной*), еще одного – качественно специфического типа системности – *временной, темпоральной*. Соответственно этим типам системности, дифференцируются и два класса систем – *субстанциональные*

и *темпоральные* системы¹³⁹. Наиболее принципиально то, что с этих позиций любой процесс, прежде всего, – психический рассматривается как одна из основных экспликаций темпоральных систем. Процессуальность как форма временной организации – это и есть одно из воплощений темпоральной организации.

Во-вторых, это положение, раскрывающее базовый атрибут, благодаря которому любой процесс обретает черты темпоральной системности, а в конечном счете, – обретает и способность к трансформации в систему собственно темпорального типа. Как уже отмечалось в главе 2 данного тома, общая способность к постановке, а затем и к решению всё более сложных общеадаптационных задач (как средства достижения высокого уровня самой адаптированности) имеет очень важные следствия для развития форм внешней активности в целом и деятельности, в особенности. Однако решение сложных задач (в отличие от простых), а также достижение при этом, действительно, значимых результатов по совершенно понятным и объективным причинам не может быть осуществлено по принципу, так сказать, *«разового»* – однократного взаимодействия со средой. Оно не может быть осуществлено в форме «единичного» – локального и, соответственно, симультанного приспособительного взаимодействия с ней и (или) воздействия на нее. Напротив, это может быть достигнуто лишь за счет *не-однократного*, а обычно *многократного* использования функциональных ресурсов организма в его взаимодействии со средой, «с задачей», то есть на основе целого ряда актов взаимодействия с ними.

Вместе с тем, именно вследствие этого объективно и возникает важнейшая задача, связанная с организацией такого – дифференцированного и включающего целый ряд актов взаимодействия. Объективно порождается также и принципиально новый, фундаментальный по своей значимости феномен – феномен *опосредствованности*. Он состоит в том, что отдельные акты –

---

¹³⁹ Подробная характеристика этих типов системности, а также двух – соответствующих им классов систем была дана в параграфе 2.1.2. данного тома; кроме того, он являются предметом самостоятельного анализа в работах [114, 118].

своего рода «кванты» взаимодействия (в том числе и действия) могут и не быть прямо – *непосредственно* связанными с конечным результатом. Напротив, они могут быть направлены на обеспечение какого-либо *другого* «кванта» (реакции, акта, действия) и лишь за счет этого, то есть опосредствованно, «работать» и на конечный результат. Однако, именно в этом случае, то есть при возникновении самого феномена опосредствования, как раз и возникает *объективная* необходимость в организации – прежде всего, временной, отдельных «квантов» взаимодействия, их упорядочивания вдоль «оси времени». В каждом «акте деятельности» объективно может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть общего «потенциала субъекта.

Вместе с тем, суть дела в том и состоит, через механизм множественности этих актов и, соответственно, их «парциальных» результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. В обобщенном виде данное положение можно сформулировать следующим образом. *Результат* каждого предыдущего акта функционирования системы (для деятельности – действия) «погружается в основание» ее последующего функционирования, то есть становится *условием, процессуальной* детерминантой этого функционирования. Лишь те системы, которые обрели эту способность – способность «погружения результата в процесс», точнее – трансформации результативных эффектов своего функционирования в условия дальнейшего процессуального развертывания, достигают достаточно высокого уровня сложности своей организации. Одной из наиболее типичных и показательных среди систем такого рода, повторяем, и является система деятельности. В ней данный механизм не только представлен максимально рельефно, но и вообще составляет ее *суть* – основу ее функциональной организации.

Действительно, взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Точнее, оно

и является такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования. Это означает, что она должна быть распределена – так сказать «растянутой» вдоль «оси времени». Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии, однако, эффективной организации отдельных временных «квантов» – действий.

На наш взгляд, именно эти положения, наряду, естественно, с иными – сформулированными выше закономерностями относительно специфики темпоральной системности, составляют необходимые и достаточные условия для решения рассматриваемых здесь проблем. Действительно, если «просто не нарушать» их, а следовать им, а также пытаться их развить и углубить, то с логической необходимостью можно сформулировать следующее положение теоретического плана. Как можно видеть из представленных выше материалов, второе из сформулированных положений состоит в том, что системы темпорального типа в целом и психические процессы, в частности, обладают уникальной возможностью «распознавать», а затем – использовать *результаты* своего же собственного функционирования в качестве *условий*, детерминант и факторов – так сказать «посылок» для его дальнейшей реализации. Процесс – именно как темпоральная система обретает, в силу этого, свойства «самостроительства», то есть «самопорождения» («самогенезиса»). Он начинает выступать и в *инструментальной* функции по отношению к самому себе.

Кроме того, в связи с этим возникает вопрос кардинальной важности, суть которого заключается в следующем. Исчерпывается ли такая способность процесса как темпоральной системы – «чувствительность», «сензитивность» к своей результативной стороне *только* ей, то есть *только* именно *результативной* стороной? Или

же она каким-либо образом (пока не ясным и, следовательно, требующим экспликации) распространяется и на его собственно *процессуальную* сторону – на процессуальное содержание как таковое?

В свете данной формулировки необходимо, однако, обратиться к исходному и «каноническому» – так сказать базовому определению самого понятия «метакогнитивные процессы». Это – такие процессы, «предметом» и «материалом» которых являются они же сами; в них происходит своего рода *«удвоение процессуальности»*: тот или иной психический процесс либо «оборачивается» сам на себя, либо направляется на какой-либо иной процесс. Трудно, однако, не видеть того очевидного обстоятельства, что в самой сути сложившихся традиционных относительно метакогнитивных процессов как раз и отражена идея о том, что они могут «улавливать» не только свои *итоговые* результаты, но и их же собственное *процессуальное* содержание. Действительно, скажем, один из наиболее традиционных процессов, дифференцированных уже на самых первых этапах развития метакогнитивизма – метамышление определяется это «мышление относительно *процесса* мышления» (а не только относительно *результатов*). Метапамять – это память не только об *итоговых* характеристиках памяти, но и о ее содержательных – в том числе, и процессуальных особенностях. Тем самым, в наиболее общем принципе и даже – атрибуте всех метакогнитивных процессов – в самой сути и главном признаке (критерии) их дифференциации как раз и зафиксировано, что отмеченное выше – основное свойство временных систем не только может трансформироваться и усложняться, но именно это реально и имеет место по отношению к ним.

Действительно, анализ класса метакогнитивных процессов со всей очевидностью вскрывает обстоятельство принципиального плана. Оказывается что они, проинтерпретированные с позиций понятия темпоральной системности, то есть в форме процессов *высокой* степени сукцессированности и расчлененности, могут «распознавать и улавливать», а затем – использовать в целях своего же собственного функционирования не только их *результативную* сторону, но и свое собственное *процессуальное*

содержание. Причем это, по-видимому, присуще не всем системам темпорального типа, а лишь наиболее сложным и развитым среди них. Одними из такого рода сложноорганизованных процессуальных систем и являются метакогнитивные процессы. В связи с этим, становится вполне очевидным, что они являются закономерным и очень естественным – фактически, непосредственным следствием общей эволюции средств и механизмов темпоральной системности как таковой. Качественные трансформации психических *процессов* во многом тождественны переходу от «первичных», то есть традиционных когнитивных процессов, к «вторичным» – метакогнитивным процессам. Однако сам этот переход раскрывается с позиций сформулированных выше представлений как необходимое следствие общей эволюции форм и уровней *темпоральных систем* (и, соответственно, как ее частный). В этом, собственно говоря, и заключаются наиболее имплицитные детерминанты становления и развития самих метакогнитивных процессов в онтогенезе в целом и в игровой деятельности, в частности.

Констатируя это – принципиальное, на наш взгляд, обстоятельство, недопустимо, вместе с тем, упрощать реальность и полагать, что оно *полностью* раскрывает суть и содержание происходящих трансформаций. Более того, – и это необходимо подчеркнуть со всей категоричностью – оно еще не решает основного, возникающего при этом вопроса (а частично даже «маскирует» отсутствие такого решения). Действительно, что означает и как надо понимать тезис: процесс обретает «чувствительность» не только к своим *результатам*, но и к своему *содержанию*, а следовательно – к средствам, операциям и механизмам, составляющим это содержание? Острота данного вопроса связана с тем, что одной из основных и, более того, – фундаментальных и до конца еще непонятых особенностей психики как раз и является ее «нечувствительность» к средствам и механизмам, лежащим в основе ее феноменологических, то есть осознаваемых проявлений как таковых. Именно эту особенность имели в виду Дж. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам, отмечавшие еще более полувека назад, что «психическое трагически невидимо» [159].

Однако в таком случае и возникает вполне закономерный вопрос: не входят ли тем самым базовые положения метакогнитивизма в радикальное противоречие и с основными общепсихологическими представлениями и со столь же фундаментальными основами организации самой психики? Это – действительно, сложный и, более того, принципиальный вопрос. Однако, к сожалению, в современном метакогнитивизме он практически не сформулирован как самостоятельный; он вообще обычно «обходится стороной» исследователями – в том числе, и ради сохранения исследователями «концептуального комфорта». Однако делать вид, что его не существует, совершенно недопустимо. Напротив, его следует осознать, а также попытаться сформулировать ответ на него – пусть и предварительный.

На наш взгляд, в сформулированном выше вопросе, в действительности, нет никакого противоречия с фундаментальными представлениями об организации психики в целом и о ее «нечувствительности» к собственным механизмам и наиболее глубинным средствам обеспечения. Дело, по-видимому, заключается в другом: любой процесс (в данном случае – психический, когнитивный) может быть представлен результативно – эксплицирован с разной степенью обобщенности. Действительно, он может эксплицироваться и быть представлен лишь в его в так называемом «общем виде», в его итоговых – результативных эффектах и проявлениях. Однако он может получать и более детальную, а притом, – и множественную «парциальную» экспликацию. При этом он репрезентируется и эксплицируется не только в его итоговых эффектах – в целом, а и в целом ряде *промежуточных* эффектах – частных результатах, получаемых при реализации тех или иных *подцелей*. В самом деле, очень хорошо известно, что именно дифференциация общей цели любого процесса (и особенно – процесса деятельности) на подцели является одним из важных и, что крайне значимо, – *объективных* условий, а также и основных механизмов придания ему возможно большей эффективности и организованности.

Однако в таком случае возникает аналогичная, то есть также *объективная* необходимость (а еще важнее – и *возможность*)

распознавания в целях контроля и последующего использования не только *конечного* результата, но и парциальных результатов, связанных с реализацией этих подцелей. «Улавливаются и распознаются», а затем используются опять-таки *продукты* и результаты, но не только процесса *в целом*, но и его *частных*, парциальных актов, связанных с реализацией его подцелей. Тем самым процесс просто дифференцируется, а вслед за этим повышается и «порядок контроля» – мера полноты и детализированности «распознавания и улавливания», а затем – использования его результатов. Этому подвергаются уже не только *итоговые* результаты процесса, но и его *промежуточные* результаты. По отношению к психическим процессам (как разновидностям темпоральных систем) данная – фундаментальная, на наш взгляд, закономерность феноменологически проявляется в повышении *меры осознаваемости* их реализации; в повышении меры полноты репрезентации в сознании его содержательных особенностей.

Вместе с тем, разумеется, сами средства и механизмы, а также наиболее глубинные детерминанты, составляющие функциональную основу процессуальной стороны, как были неосознаваемыми, так и остаются ими. Например, с этих позиций метамышление – это отнюдь не «процесс мышления с *содержанием* своего мышления». Он не может быть сведен лишь к использованию тех *результатов*, которые были получены, а потом оказались «распознанными» при его же реализации, но в других ситуациях. Общеизвестно, что в качестве важнейших компонентов, в качестве важнейших «составляющих» самого *операционного состава* данного метапроцесса входят также и специфические *стратегии* его реализации. Однако, столь же известно, что именно они как раз и выступают важнейшими собственно *процессуальными* образованиями. Точнее, они и составляют содержание этих процессов, а еще точнее – во многом просто *являются* им. В силу этого, достигая уровня метапроцессов (в особенности, – метакогнитивных) сама процессуальная организация психического обретает принципиально новое свойство – сензитивность не только к результативной стороне самих процессов, но и к их содержательной стороне, то есть, факти-

чески, к *самой себе*. Подчеркнем также, что это – важнейшая грань, а также ключевой механизм обретения психикой одного из ее наиболее важных ее свойств – свойства *самосензитивности* (см. об этом подробнее также в параграфе 3.4. четвертого тома). Вместе с тем, нельзя упускать из виду и то, что собственно процессуальная сторона остается все же в значительно меньшей мере доступной репрезентации – в том числе, и субъектной, осознаваемой.

В связи с этим, однако, возникает и еще более имплицитный и важный вопрос, состоящий в следующем. Почему именно процессуальная сторона – в ее истинном и полном содержании (в составе ее средств, механизмов, функциональных основ, психофизиологического «носителя» и пр.) все же репрезентирована на уровне сознания, на уровне субъективного контроля в меньшей мере, нежели результативная? Почему она требует для своей экспликации становления дополнительных и, как правило, достаточно сложных средств и механизмов? Почему, она все же остается в существенной своей части «неуловимой» – не репрезентируемой? Почему, собственно говоря, «кухня» психического так и остается «за закрытой дверью»? Почему психическое так и остается «трагически невидимым»? Почему субъективно репрезентируются лишь итоговые, результативные, а значит – феноменологические по своей сути эффекты функционирования психики, а то, что наиболее «интересно психологическому познанию» и вообще – составляет его основной предмет и главную задачу (то есть механизмы, закономерности, конкретные средства – а шире и онтология в целом) так и остаются не презентуемыми, скрытыми от самого субъекта?

В свете сказанного можно предположить, что любой психический процесс – в особенности, когнитивный, равно, как и процессуальная форма организации психического в целом, обладают так сказать «пределом» – *порогом* метакогнитивного контроля за ними и вмешательства в них. Это – тот «барьер», который ставит психика сама перед собой для вмешательства в нее же саму. Причины этого как раз и были рассмотрены выше. Такое «вмешательство» и «контроль» – в том числе, и в сфере метаког-

нитивных процессов является эффективным, и вообще допустимым лишь в определенных *границах*. И в этих границах он, действительно, эффективен; обладает так сказать «эволюционными преимуществами» и с данной точки зрения весьма целесообразен, с чем, собственно говоря, и связано его возникновение в ходе эволюционного развития психики. Если максимально упростить данный тезис, то можно сформулировать следующее утверждение. Метакогнитивные процессы возникают, а затем – закрепляются филогенетически (и впоследствии миллиарды раз повторяются онтогенетически) именно потому, что они позволяют получить *дополнительный эффект* с точки зрения результативности решения адаптационных и вообще поведенческих задач. Чрезвычайно показательно и доказательно в данной связи и то, что к аналогичному заключению приводит и собственная логика развития представлений в самом метакогнитивизме.

В данной связи целесообразно привести результаты одного из выполненных нами исследований [84]. В нем была изучена детерминационная роль метакогнитивных процессов и качеств личности по отношению к уровневым параметрам интеллекта. В результате было установлено, что при достаточно *высокой* степени выраженности метакогнитивных факторов происходит объединение двух типов их детерминационного влияния на реализацию интеллектуальных функций – *аналитических* и *структурных*. Первый тип – это влияние на него со стороны каждого метакогнитивного параметра «в отдельности» и их суммативного влияния. Второй тип – это обусловленность уровня интеллекта структурными эффектами их организации и интеграции. Как следствие этого, *общая* степень детерминирующего влияния метакогнитивной сферы на реализацию интеллектуальных функций становится очень высокой. Метакогнитивные процессы и качества, контроль ими интеллектуальными функциями выходит на первый план и начинает *ингибировать* их.

Кроме того, при этом следует учитывать и еще одну закономерность достаточно общего плана, установленную нами ранее. Она состоит в том, что, как правило, высокая степень интегрированности компонентов сопряжена и с относительно

более высоким уровнем их «автономного» развития [92]. Тем самым имеет место не просто суммирование аналитической и структурной детерминации, а возникает эффект *синергии* детерминации обоих типов.

Все это находит свое проявление (и подтверждение) в целом ряде важнейших результатов и феноменов, установленных в метакогнитивизме. В частности, это феномен «метакогнитивной петли» (metacognitive loop), эффекты метакогнитивного гиперконтроля, рефлексивного перфекционизма, гиперкоррекции, когнитивной ригидности и др. [85, 87, 282, 283, 289, 293, 300, 326]. Это вполне согласуется и с полученными нами ранее данными, согласно которым, эффективность управленческой деятельности связана с индивидуальной мерой развития рефлексивности именно «закономерностью оптимума» (а не максимума) [98]. Вместе с тем, данный результат одновременно и *объясняет*, почему именно они существуют, то есть позволяет дать им структурно-психологическую интерпретацию. Все они выступают с этих позиций как *частный* случай *общих* структурно-психологических закономерностей. Можно вполне обоснованно полагать, что аналогичные детерминационные влияния метакогнитивных процессов и качеств имеют место не только в отношении интеллектуальных функций, но и в отношении результативных параметров деятельности в целом.

Наконец, при осмыслении и объяснении всех этих результатов и закономерностей необходимо учитывать и еще одно обстоятельство достаточно общего, а потому – важного характера. Каким бы образом ни трактовать природу и сущность интеллекта, с одной стороны, и деятельности, с другой, с какой бы степенью полноты (и адекватности) ни были раскрыты механизмы и закономерности их организации, нельзя не признать того основополагающего факта, что они – эти его собственные, так сказать аутохтонные механизмы и закономерности *существуют*. Они являются онтологически представленными, то есть *объективно* существующими и характеризуют его как специфическую, качественно определенную систему. Они – именно как таковые функционирует именно «по ним» и «согласно им», а его

эффективность, в том числе и индивидуальная мера развития, определяется, главным образом, ими. Однако психологическая специфика всех метакогнитивных процессов и качеств состоит в том, что они являются *осознаваемо* регулируемыми (хотя иногда высказывается предположение, согласно которому некоторые из них могут носить и неосознаваемый характер [118]).

Вместе с тем, в любом случае нельзя отрицать важнейшего факта: они *в целом* и в основной своей массе не только и «не просто» направлены на контроль за реализацией интеллектуальных функций, но характеризуются именно осознаваемым, то есть *субъектно* контролируемым характером. Они – субъектны, а потому – и *субъективны*. Поэтому в самой их природе заложена принципиальная возможность «отхода» от объективности действия тех – повторяем, аутохтонных закономерностей и механизмов, по которым функционирует интеллект. Однако отсюда с необходимостью следует, что они могут быть либо более адекватны задачам организации и реализации интеллектуальных функций, либо менее адекватны им. Во втором случае *субъектный* контроль во все большей мере трансформируется в *субъективный*, а, следовательно, – и не вполне объективный. Две категории детерминант реализации интеллектуальных функций (собственные – аутохтонные, то есть *объективные*, и субъектные, а потому – *субъективные*) могут интерферировать друг с другом, что и выступает ингибитором интеллектуальных функций, равно как и интеллекта в целом. Именно это и эксплицируется при высокой степени метакогнитивного контроля – прежде всего, при высоких значениях структурной организации метакогнитивных параметров.

Метакогнитивный контроль интеллектуальных и деятельностных функций, являясь атрибутивно осознаваемым и выступая в целом «безусловным благом» на достаточно большом интервале меры его выраженности, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Фактически, имеет место ситуация, аналогичная той, которая была обозначена в свое время понятием «режима работы с двойной функцией». Реализация интеллектуальных функций «запараллеливается» с метакогнитивными

функциями за их же собственной реализацией, а в ряде случаев и выходит на первый план. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего интеллектуального ресурса, в том числе, и на реализацию метакогнитивного контроля, что оказывает негативное влияние на интеллектуальные функции. Если такая ситуация является характерной для личности и переходит так сказать в «хроническую форму», то метакогнитивный гиперконтроль становится, фактически, уже собственным, «внутренним» фактором самого интеллекта, обуславливая снижение индивидуальной меры его выраженности.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что в наиболее общем плане все вышеизложенное вплотную подводит к одной из наиболее имплицитных, но одновременно – и крайне значимых и сложных проблем, связанных с раскрытием специфики собственно психических закономерностей как таковых и своеобразия характера их действия. Это, естественно, проблема соотношения двух категорий закономерностей – *объективных* и *субъективных*. В данном случае они эксплицируются, соответственно, как собственные – аутохтонные закономерности организации и функционирования интеллекта (носящие *объективный* характер) и закономерности осознаваемого (метакогнитивного) контроля – субъектные по своей сути, а потому и *субъективные*. Истинная сложность данной проблемы состоит еще и в том, что вторые отнюдь не рядоположены первым, а напротив, – являются производными от них, ими же и порождаются. Если соотношение между ними является адекватным, то есть не характеризуется явным доминированием какой-то одной из них (и, соответственно, «подавлением» другой) то между ними складываются отношения *синергии*. Именно это и проявляется на тех значениях степени структурированности, интегрированности метакогнитивных параметров, которые являются, хотя и высокими, но все же не предельными. Подчеркнем также, что этот – *конкретный* по содержанию результат обретает в свете сказанного достаточно *общее* – методологическое звучание, поскольку он явным образом эксплицирует тот потенциал, который заложен в концептуальном синтезе психологии интеллекта и метакогнитивизма.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать и еще одно заключение. Как показал проведенный выше анализ, в положениях о «функциональной целесообразности» и «эволюционных преимуществах», возникающих посредством генезиса метакогнитивных процессов, сходятся – конвергируют два основных направления. Первое из них носит, в основном, гносеологический характер и связано с тем, каким образом и как конкретно в метакогнитивных процессах реализовано общее и атрибутивное свойство всех систем темпорального типа, состоящее в возможности трансформации *результатов* функционирования в *условия* и, соответственно, – в ресурсы и источники его последующего осуществления. Другими словами, данное направление состоит в усложнении самого этого свойства, и в порождении на основе такого усложнения новых форм процессуальной организации психики – метапроцессов, «процессов с процессами», то есть метакогнитивных процессов.

Второе направление носит уже, в основном, онтологический характер и связано с общей интерпретацией атрибутивной природы и самой сути метакогнитивных процессов как новых – дополнительных процессуальных средств, расширяющих общие функциональные возможности психики. Тем самым, «теоретические ожидания» и «практическая целесообразность» сходятся – находят друг друга в метакогнитивных процессах, а тем самым с двух сторон содействуют их объяснению. Одновременно с этим, и сами метакогнитивные процессы во многом утрачивают тот оттенок «необычности» и «непонятности», а иногда – и «флер таинственности», который еще нередко сопровождает их (и, кстати говоря, вызывает чувство отторжения со стороны ряда исследователей). Они эксплицируются и как совершенно понятные с точки зрения общей логики усложнения процессуальной (а шире, – и темпоральной) организации психики, и как совершенно естественные с точки зрения необходимости выработки и использования все более эффективных средств организации поведенческой и деятельностной активности.

Наконец, необходимо отметить, что, в действительности, *общая* картина генезиса данного класса процессов, конечно,

является еще более сложной и комплексной, в еще большей степени затрудняющей их исследование, в том числе и в ходе генезиса детской игры. Дело в том, что их генезис, конечно, совершенно недопустимо сводить к такому явлению, которое обусловлено *целиком* или даже – в основном именно *деятельностной детерминацией* (в данном случае со стороны игровой деятельности). В действительности, это лишь одна и, быть может, не главная «линия» их генезиса. Наряду с ней, существует, разумеется, и вторая «линия», связанная с *общим* онтогенетическим развитием ребенка – с теми глобальными и многочисленными качественными трансформациями, которые претерпевает психика в целом на данном онтогенетическом интервале. Эти две «линии» не только невозможно, но и нецелесообразно пытаться «аналитически экстирпировать» друг от друга, представить как относительно (подчеркиваем, даже как относительно) автономные. Как раз напротив, вся суть дела и состоит в том, что лишь в их взаимосвязи и, соответственно, в тех *синергетических эффектах*, которые возникают следствии этих взаимодействий, как раз и заложены наиболее мощные детерминанты возникновения и развития метакогнитивных процессов.

Именно это обстоятельство во многом объясняет и тот факт, что в современном метакогнитивизме тема взаимосвязи метакогнитивных процессов с игровой деятельностью, фактически, не разрабатывается. Исследования носят более *общий* характер и направлены на изучение развития этих процессов в более широком – онтогенетическом контексте. В этом отношении к настоящему времени получен ряд достаточно важных результатов, раскрывающих закономерности генезиса метакогнитивных процессов в детском возрасте¹⁴⁰. Естественно, что все эти данные также необходимо учитывать при разработке проблемы игровой деятельности и ее генезиса, равно как и роли становления в ней ее процессуально-психологического обеспечения. Вместе с тем, уже «сквозь призму» этих данных отчетливо

---

¹⁴⁰ Ниже мы рассмотрим некоторые наиболее существенные результаты такого рода.

просматривается и еще одна – важнейшая особенность современного метакогнитивизма, которую также необходимо учитывать при разработке проблемы игровой деятельности и ее генезиса и которая, в основном, носит негативный характер; поясним сказанное.

Как можно видеть из представленных выше данных, а также как это следует из специального анализа современного состояния метакогнитивизма, осуществленного нами в целом ряде работ (см., например [105]), ему сегодня присущ целый ряд особенностей, отнюдь не свидетельствующих о его высоком уровне развития. Напротив, он в настоящее время характеризуется многими особенностями, свидетельствующими о больших, но не реализованных пока перспективах его развития. Не вдаваясь подробно в данную тему (поскольку, повторяем, она уже была детально рассмотрена в работах [105, 108]) отметим лишь одно, но чрезвычайно принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что характерной чертой всего метакогнитивного направления является неопределенность и многозначность, противоречивость и аморфность представлений даже о самом *предмете* его изучения. Так, по ходу всего предшествующего изложения мы для его обозначения использовали лишь один термин, одно понятие – понятие метакогнитивных *процессов*, не углубляясь в его содержание, равно как и вообще – в корректность использования *только* его. В действительности же, именно здесь и кроется одна из основных проблем, состоящая в следующем. *Что* именно следует считать предметом метакогнитивизма в целом – только ли те образования, которые выступили *исходными* в нем (а это, действительно, лишь метакогнитивные процессы) или же и многие иные «составляющие» психики, принципиально сходные с ними?

В данной связи со всей остротой ставит один из основных вопросов всего метакогнитивизма – вопрос о содержании и границах его *предмета*, о *сфере* метакогнитивности в целом. Определение самого *предмета* данного направления – метакогнитивных процессов, а также их дифференциация от других предметов психологических исследований является одной из ключевых

задач, решаемых в его рамках. В этом отношении необходимо отметить двойственность сложившейся к настоящему времени ситуации. С одной стороны, эти процессы вполне отчетливо дифференцируются от всех других – традиционно изучающихся когнитивных процессов по четкому и вполне однозначному критерию. Все они направлены не на *объективную*, а на *субъективную* реальность. Они «имеют своим предметом и «материалом» не внешнюю, а внутреннюю информацию, а также процессы ее преобразования». Наиболее известными и широко изучаемыми среди них являются, например, такие процессы, как *метапамять* («память о памяти»), *метамышление* («мышление о мышлении»), *«метакогнитивный мониторинг»*, совокупность *рефлексивных* процессов и др. Эти, а также аналогичные им процессы и составляют предмет изучения в метакогнитивизме. Однако, с другой стороны, возникает иной – ключевой вопрос: исчерпывается ли содержание предмета метакогнитивизма лишь собственно *процессуальной* стороной психики – психическими процессами? Или же в него должны быть включены и многие иные образования и структуры, входящие в ее общий состав. Так, данная проблема была поставлена уже в ранних работах Дж. Флейвелла – одного из пионеров в области изучения метапознания. В его, ставшей уже классической теории, исходные положения которой были сформулированы в 1979 г. в статье «Метапознание и когнитивный мониторинг» (по [105]), впервые делается попытка дифференцировать компоненты метапознания посредством модели когнитивной регуляции. Эта модель, напомним, включает в себя следующие компоненты:

- 1) метакогнитивное знание;
- 2) метакогнитивный опыт;
- 3) когнитивные цели или задачи;
- 4) когнитивные действия или стратегии.

Согласно другому известному представителю метакогнитивного направления А. Брауну, общее содержание категории метапознания целесообразно разделить на две крупные составляющие [286]:

1. Знание о познании – совокупность видов деятельности, включающих сознательную рефлексию над когнитивными действиями и способностями.

2. Регуляция познания – совокупность видов деятельностей, требующих механизмов саморегуляции на протяжении обучения или решения проблем.

Наряду с этим, З. Тобиас и Г. Эверсон в разработанной ими иерархической модели метапознания выделяют такие компоненты метапознания, как мониторинг знания, оценивающее обучение, выбор стратегий, планирование и контроль (по [105]). Кроме этого, существуют, разумеется, и многочисленные иные подходы к дифференциации общего предмета исследования в метакогнитивизме (см. обзор, в [105]).

Констатируя это, еще раз подчеркнем, что анализ высочайшей и принципиальной гетерогенности метакогнитивной сферы – это особая и очень сложная, вполне самостоятельная задача. Она далеко выходит по своему объему за рамки данного исследования. Здесь данная проблема должна быть именно констатирована и зафиксирована, равно как эксплицированы и те попытки, которые предпринимались и предпринимаются в плане ее решения. Они также достаточно многочисленны, а их анализ осуществлен нами, в частности, в работах [105, 114]. Одним из главных результатов этого анализа является обоснование того, что все эти попытки, характеризуясь, действительно, разнообразием и конструктивностью, в то же время, не учитывают одну – важнейшую особенность всех образований метакогнитивного плана. И наоборот, ее экспликация во многом может содействовать такой систематизации – выявлению истинной специфичности и качественной определенности всех метакогнитивных образований; поясним сказанное.

Действительно, с позиций развитых выше представлений становится очевидным, что, несмотря на существенные различия в содержании и степени сложности, все метакогнитивные процессы обладают *принципиальной общностью* их психологической природы. Она заключается в том, что они глубоко специфичны, а одновременно – и сходны друг с другом по их направ-

ленности, по «предмету», на который они сориентированы. Этим «предметом» выступает не *объективная* – «внешняя среда», а *они же сами*, то есть *субъективная* реальность. В свою очередь, это, как было показано выше, становится возможным благодаря тому, что психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности, обладают свойством *обратимости*. Они могут выступать и в качестве операторов и в качестве операндов попеременно (и одновременно). И именно поэтому они могут реализовывать функции не только «отражения», но и «самоотражения», обеспечивать функцию самопрезентированности психики самой себе [114].

Вместе с тем, при этом происходит их любопытная трансформация, на которую обычно обращается незаслуженно малое внимание. Более того, эта трансформация имеет, на наш взгляд, принципиальное значение и раскрывает дополнительный – еще более глубинный смысл всего метакогнитивного подхода, который, правда, не эксплицируется обычно в нем самом. Действительно, в нем акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и реально выступают как «операторы» по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, по нашему мнению, не менее, а быть может, и более важно то, что, становясь «операторами» по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном, конечно, когнитивные) качественно меняют свой исходный и естественный статус. Они становятся уже не только «операторами» (как тем, *чем* познается), но и «операндами» (как тем, *что* познается, а шире – и репрезентируется в целом). Понимание природы и смысла синтеза этих двух модусов в *одних и тех же* когнитивных процессах является, по-видимому, одним из путей к решению одной из важнейших проблем психологии – к разгадке природы сознания, о чем мы уже подробно писали ранее [114]. В связи с этим, подчеркнем еще раз то обстоятельство, которое также уже обсуждалось выше и состоит в следующем.

На наш взгляд, действительное значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качествен-

но новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что *благодаря* им, сами «первичные» процессы стали доступными исследованию (по крайней мере, в принципе) в совершенно ином качестве – не как «операторы», а как «операнды». Реальная сложность психического в целом, а особенно психических процессов такова, что они принципиально *двуедины* по своей природе. Они выступают и как «операторы» и как «операнды»; и как «отражающее» и как «отражаемое»; и как «порождающее» и как «порождаемое» *одновременно*. Причем, эти модусы являются принципиально *динамическим*, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше *механизма операндно-операторной обратимости* указанных модусов. Вместе с тем, совершенно понятно и то, что лишь благодаря этому становится возможной реализация психикой и собственно регулятивных функций – причем, не только по отношению к «внешней» деятельности, но и по отношению к самой себе.

В таком случае совершенно понятно и естественно – даже необходимо, что в качестве таких «операндов» могут выступать и реально выступают не только собственно процессуальные образования (что отражено в «архетипических» определениях метапознания), но и *все иные* образования метакогнитивного плана. Именно трансформация многих «составляющих» психики из их «первичного» статуса во «вторичный» статус – в статус «операндов» как раз и позволяет самой психике осуществлять в отношении них метакогнитивные функции.

Вместе с тем, констатация данной закономерности позволяет, на наш взгляд, сделать заключение и еще более общего плана, связанное с раскрытием более имплицитных закономерностей организации психики и ее генезиса. «Первичные» когнитивные процессы могут выступать и реально выступают и как «операторы» и как «операнды»: они могут быть и «отражающим» и «отражаемым». Причем, данные модусы являются принципиально *динамическим*, что проявляется в возможности перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой

их смены. Это лежит в основе уже описанного выше *механизма операндно-операторной обратимости* указанных модусов и возможности реализации психикой регулятивных функций по отношению к самой себе (то есть, для механизмов *саморегуляции*). Данная закономерность имеет, на наш взгляд, принципиальный характер для раскрытия структурно-функциональной организации не только метакогнитивной сферы, но и психики в целом, равно как и ее генезиса – в том числе, и под детерминирующим влиянием игровой деятельности. В параграфе 3.3.2. данного тома и в главе 4 четвертого тома мы возвратимся к ней, поскольку она может содействовать решению ряда иных – связанных с основными задачами данной работы проблем. Пока же предварительно обратимся к еще одному вопросу, также необходимому с точки зрения дальнейшего анализа проблемы процессуально-психологического обеспечения игровой деятельности.

Его постановка связана со следующей – очень типичной, но не всегда позитивной традицией, сложившейся в психологии детской игры. Она касается как ее *общей* трактовки, так и понимания ее детерминирующей роли в *генезисе* психики в целом и состоит в следующем. Как уже неоднократно отмечалось, в научном обиходе сложилась устойчивая дифференциация трех *основных* типов деятельности (игровой, учебной, трудовой), которые обозначаются еще и как *ведущие* типы деятельности. Причем, сам термин «ведущий» содержит два основных семантических оттенка. Во-первых, это такой тип, который имеет ведущее – определяющее значение для психического (и не только) развития в том или ином конкретном возрасте. Это – тип, в котором происходит возникновение, формирование и развитие важнейших психических новообразований, соответствующих ему. Во-вторых, хотя на данное обстоятельство обычно обращается меньше внимание, – это и такой тип, который играет именно *ведущую*, но отнюдь не *исключительную* роль во всех указанных выше генетических трансформациях.

Однако если принимать во внимание только первое из указанных обстоятельств (что, как правило, обычно и делается), то вольно или невольно, но объективно – именно вследствие

этого складывается следующая исследовательская традиция. *Генетический потенциал* деятельности на каждом конкретном возрастном интервале связывается, как правило (или практически исключительно) с каким-либо *одним* – также конкретным, «отдельным» типом ведущей деятельности. В результате складывается впечатление (в действительности, иллюзорное), что «вначале» психика развивается только «в» и *через игровую* деятельность. Затем все это развитие осуществляется через *учебную* деятельность и, наконец, – через *трудовую*, профессиональную деятельность. В действительности, конечно, общая картина генетических трансформаций носит существенно более сложный и комплексный характер. Она более противоречива и неоднозначна, нежели указанная – так сказать «линейная», а потому – упрощенная и «уплощенная» схема. Дело в том, что отдельные – «основные» типы ведущей деятельности отнюдь не дизъюнктивны во временном отношении. Они не сменяют полностью друг друга, а напротив, «накладываются» друг на друга – пересекаются и содержательно, и хронологически.

В результате этого *общая* деятельностная детерминация генезиса психики и ее «составляющих» выступает *интегративным* эффектом со стороны влияния не какого-либо *одного* типа деятельности. Особо значимо данное обстоятельство по отношению к генезису именно игровой деятельности, а «в» ней и «через нее» и многих «составляющих», входящих в общее содержание психики. Действительно, трудно не видеть того очевидного факта, что уже *после* того, как в качестве ведущего «на онтогенетическую сцену» выступает учебная деятельности, сама игровая деятельность куда-то «исчезает» или даже просто «теряет свое значение». Как раз напротив, на очень длительной фазе онтогенеза, на которой ведущим типом принято считать именно учебную деятельность (или даже практически на всей этой фазе), роль игровой деятельности не только не редуцируется, а наоборот в известном смысле *возрастает*. И уж во всяком случае, она *продолжает* оказывать значимое детерминирующее влияние на генезис психики и ее «составляющих». Однако эта детерминация разворачивается уже в *сочетании* с учебной деятельностью.

В связи с этим, пора, наконец, четко осознать и реализовать в исследовательской практике важнейшее, на наш взгляд, положение, состоящее в следующем. На очень длительном онтогенетическом интервале генезис психики и ее основных «составляющих» осуществляется не под влиянием какого-либо одного – так называемого «ведущего» типа деятельности, а под влиянием *двух* типов одновременно. Этот генезис является «равнодействующей» – эффектом *синтетической* детерминации со стороны обоих типов одновременно. В процессе и в результате такого взаимодействия порождаются, однако, новые эффекты и закономерности, которые несводимы к эффектам и закономерностям детерминации генезиса психики со стороны каждого из этих типов по *отдельности*. Более того, анализ данной проблемы показывает, что именно при такой ее постановке могут быть эксплицированы закономерности, носящие достаточно неожиданный – не прогнозирующийся априорно характер. Кроме того, иногда они противоречат, – по крайней мере, на первый взгляд, традиционно сложившимся в этой области представлениям. Остановимся в данной связи лишь на одной, но достаточно показательной иллюстрации сказанного.

Действительно, с одной стороны, представляется достаточно очевидным, что постепенный и все более явный выход «на первый план» собственно *учебной* деятельности – обретение ей статуса ведущего типа деятельности создает все более полные и притом совершенно *объективные* предпосылки для приоритетного развития собственно *когнитивных* процессов и когнитивной сферы личности в целом. Это же относится и к наиболее сложным ее проявлениям – метакогнитивным процессам. Однако, с другой стороны, не менее очевидно и то, что именно на данном интервале онтогенеза игровая деятельность не только не редуцируется (и уж тем более – не «исчезает»), а напротив, получает дальнейшее развитие и усложнение. Хорошо известны те – действительно, радикальные трансформации, которые имеют место при этом и которые развертываются именно в направлении совершенствования ее структурной

и функциональной организации. Более того, игровая деятельность вообще выходит на *качественно новый* уровень ее организации; она становится несопоставимо более сложной, нежели на предыдущих стадиях онтогенеза. Поэтому было бы совершенно неправомерно считать, что она утрачивает здесь свои генеративно-порождающие функции, свой генетический потенциал по отношению к формированию и развитию психики в целом и ее основных «составляющих», в частности. Напротив, этот потенциал, существенно возрастает.

Вместе с тем, обратим внимание и на то, что *игровая* деятельность сохраняет при этом, разумеется, все свои базовые особенности – свою качественную определенность и специфичность. Одной из важнейших среди них, как показано выше, является ее так сказать исходно «*практическая* направленность» – ориентированность на действия, на активность как «самоценность» и «самоцель», приносящее удовольствие и удовлетворение от самого процесса ее реализации. Данное обстоятельство настолько очевидно и столь предельно выражено, что – именно в силу твоего так сказать «само собой разумеющегося» характера – почти перестало осознаваться и фиксироваться, замечаться и учитываться в исследованиях. Однако, именно эта исходная «практичность» и составляет неотъемлемую черту игровой деятельности как таковой. Игра *исходно* отнюдь не «когнитивна», а «регулятивна» – практична, а потому – и «прагматична». Однако, отсюда вытекает достаточно важное следствие: если она является *атрибутивно* «практичной», то ведущую роль и в ее реализации в целом, и в ее процессуально-психологическом обеспечении (а, соответственно, в его генезисе) играют уже не когнитивные процессы, а процессы иного плана – регулятивные, то есть *интегральные* процессы психической регуляции. Поэтому, «продолжая оставаться на сцене» и, более того, совершенствуясь, развиваясь, усложняясь, сама игровая деятельность также обеспечивает все необходимые и достаточные условия для дальнейшего развития, прежде всего, именно регулятивных, интегральных процессов.

Далее, при этом необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Дело в том, что «совмещение» этих двух типов деятельности приводит к возможности (и необходимости) так сказать «обмена» принципами организации, а частично – и содержанием между ними. Так, учебная деятельность, являющаяся объективно более сложной, нежели игровая, формируясь и развиваясь, создает новые условия и приводит к формированию новых средств, которые транспонируются на игровую деятельность. В результате последняя также получает дополнительные стимулы, а также новые средства и механизмы для ее собственного развития. Однако имеет место и так сказать «встречное движение»: все более полная «отработка» регулятивных, интегральных процессов в игровой деятельности, которая как только что было отмечено, сама существенно усложняется, приводит к их собственному развитию и усилению, а на этой основе – и к переносу их потенциала на учебную деятельность.

Другими словами, можно констатировать, что в результате всего этого, фактически, складываются *отношения синергии* между двумя основными типами деятельности. Они приводят к тому, что их взаимодействие обуславливает появление нового потенциала, несводимого к аддитивной совокупности тех потенциалов, которые присущи каждому из типов «в отдельности». Констатируя это, подчеркнем и еще одну – также значимую закономерность. Она состоит в том, что между двумя этими типами деятельности устанавливаются не только отношения синергии, но и своего рода *компенсаторные отношения*; поясним сказанное. Так, игровая деятельность атрибутивно «практична». Она «интересна» и «понятна» с точки зрения ее результатов, привлекательна и обладает так сказать «положительной валентностью». Другими словами, она (поскольку «интересна» и «практична») не требует никаких дополнительных стимулов для того, чтобы ребенок реализовывал ее. Напротив, эти стимулы нередко направлены на то, чтобы он ее *не* реализовывал, принимая форму различного рода запретов. Но в таком случае и развитие в ней регулятивных процессов, равно как и регулятивной подсистемы психики в целом, выступает как процесс, обладающий собственным *мотивационным потенциалом*.

По отношению к учебной деятельности, которая на данном онтогенетическом интервале *совмещена* с игровой деятельностью, все обстоит, как правило, противоположным образом. Как известно, одной из наиболее характерных особенностей этой деятельности нередко выступает достаточно сильная *антимотивация*, являющаяся следствием отсутствия у нее «видимых и понятных» результатов; следствием неясности и неочевидности того, «зачем все это (то есть учение) нужно». Она выступает также и следствием абстрактного, а нередко – чуждого ребенку характера ее целей и, соответственно, процесса их достижения. Все это и приводит к тому, что учебная деятельность, в отличие от игровой, зачастую выступает не *мотиватором*, а *антимотиватором* [125]. Однако, она все же *объективно* (но не субъективно) крайне важна, поскольку в ней и «через нее» происходит собственно когнитивное развитие и формирование, становление и совершенствование когнитивных процессов, когнитивной сферы личности в целом. В силу этого, ее *собственный* – недостаточный мотивационный потенциал (а нередко, повторяем, и потенциал антимотивационный) должен быть чем-то компенсирован. Поэтому она не только может, но и должна быть *совмещена* с таким типом деятельности, который позволял бы реализовать такого рода компенсацию.

Однако трудно не видеть того, что именно это и происходит за счет *совмещения* игровой и учебной деятельности на достаточно длительном онтогенетическом интервале. Они – в мотивационном плане, а также и во многих иных отношениях (например, в операционном) выполняют *взаимокомпенсаторные* функции по отношению друг к другу. Не только сохранение, но и усиление, а также, как правило, – и расширение сферы игровой деятельности на «этапе доминирования» учебной деятельности позволяет достичь двуединого эффекта. Во-первых, компенсировать «мотивационный вакуум» от недостаточности мотивационного потенциала учебной деятельности. Во-вторых, совершенствующиеся в игровой деятельности регулятивные (интегральные) процессы транспонируются и на учебную деятельность, выступая мощным фактором ее собственного развития и совершенствования.

В силу этого, реально имеющее место не только сохранение, но и усиление роли собственно игровой деятельности является мощнейшим стимулом и психологической основой для дальнейшего качественного развития *регулятивных* процессов, регулятивной подсистемы психики. Это, в свою очередь, является основой для развития самой учебной деятельности. Однако, и сама учебная деятельность, являющаяся наиболее мощным стимулом для развития собственно *когнитивных* процессов, создает все новые условия и средства для совершенствования регулятивных процессов. Таким образом, имеет место «кольцеобразная зависимость». Развитие регулятивных и когнитивных процессов носит взаимостимулирующий и *взаимосодетствующий* характер. Оно осуществляется соответственно, под детерминирующим влиянием игровой деятельности на первые и учебной деятельности на вторые. Расширение потенциала «процессуальности» (в учебной деятельности) создает объективные условия для расширения потенциала «действенности» (в игровой деятельности). Последний, в свою очередь, оказывает «обратное влияние» на расширение потенциала первой.

Экспликация рассмотренных выше – компенсаторных отношений между игровой и учебной деятельностью, а соответственно, и между процессами формирования когнитивной и регулятивной подсистем позволяет, далее, предложить достаточно естественное объяснение одного из установленных ранее эмпирических результатов. Он носит весьма общий, а потому – важный характер и состоит в следующем. В работе [125], в известном несоответствии с теоретическими ожиданиями и априорными предположениями, нами были получены данные, вскрывающие наличие *прямой*, то есть положительной (а не обратной – не отрицательной) связи между степенью развития мотивации учебной деятельности и так называемой «внеучебной» мотивацией, внеучебными мотивами личности. Данный результат, действительно, представляется достаточно неожиданным, поскольку длительное время полагалось и, казалось бы, небезосновательно, что между двумя этими категориями мотивов должны существовать именно обратные

и, более того, *антагонистические* отношения (что, к тому же, очень хорошо соответствует обыденным представлениям, так называемому «здравому смыслу»). В действительности же оказывается, что данная связь является именно прямой. Такой ее характер был обнаружен практически во всех возрастных группах (за исключением самого начального периода обучения в школе). В свете представленных выше данных теоретического плана этот результат становится, однако, не только совершенно понятным, но и, фактически, естественным и даже – необходимым.

Дело в том, что позитивное влияние на мотивацию учебной деятельности оказывают не сами по себе внеучебные мотивы, а то, что они – в случае высокого уровня их развития – обуславливают аналогичный, то есть также высокий уровень развития, сформированности внеучебной (то есть, фактически, игровой) *активности*. Однако именно это и является объективным условием для развития и совершенствования регулятивной подсистемы психики, для становления системы регулятивных, интегральных процессов, для обретения ими все большего «потенциала действия». Следовательно, именно во внеучебной сфере складываются и развиваются наибольшие предпосылки для развития так сказать «технологии» деятельности, для ее операционной стороны. Она, в свою очередь, развиваясь и совершенствуясь, самым положительным образом влияет и на степень сложности и меру организованности самой учебной деятельности. И наоборот, лишение ребенка «возможности играть», ограничения на игру, а тем более – запрет на игры, фактически, во многом просто блокирует формирование и развитие операционной – «технологической» стороны деятельности как таковой. При этом существенно затрудняется формирование тех регулятивных – интегральных процессов, которые и развиваются, прежде всего, именно в этом типе деятельности. Само же формирование учебной деятельности становится «гиперкогнитивным»; оно не подкрепленным должным уровнем развития операционных – действенных средств, что имеет многочисленные и в принципе хорошо известные

следствия и феномены негативного плана. Наиболее обобщенный среди них – это широко распространенное непонимание связи приобретаемых знаний с реальностью, отсутствие их действенных отношений с актуальными для данного возраста интересами и запросами и мн. др.

Продолжая анализ основных направлений качественных трансформаций процессуального обеспечения игровой деятельности и его генезиса, необходимо обратиться к еще одному вопросу. Он носит, быть может, наиболее принципиальный и глубинный характер и имеет две стороны. Во-первых, какие *механизмы* лежат в основе возникновения, а затем – формирования и развития самих метакогнитивных процессов? Как они вообще возникают и формируются? Во-вторых, можно ли вообще говорить о складывании – формировании и сколько-нибудь рельефном, явном развитии этих процессов как таковых на ранних этапах, то есть тех этапах онтогенеза, на которых игровая деятельность и выступает в качестве ее ведущего типа? Предпринимая попытку ответа на него, целесообразно начать со второй его части.

Действительно, по отношению к игровой деятельности складывается двойственная ситуация. С одной стороны, она – по самой своей природе отнюдь не содержит сильных и непосредственных стимулов для формирования и развития метакогнитивных процессов. Она является относительно простой – несложной и объективно, и субъективно; относительно неразвитой по структуре и пр. Однако, как показано выше, *основное* функциональное предназначение метакогнитивных процессов в том и состоит, что они выступают своеобразными «усилителями когнитивного потенциала». Соответственно, они формируются и развиваются, прежде всего, именно в сложных проявлениях деятельности активности. Однако, с другой стороны, не менее важно и то, что именно на тех стадиях онтогенеза, на которых ведущей деятельностью является именно игровой деятельности, *наиболее* интенсивными темпами происходит общее когнитивное развитие в целом, включающее, разумеется, и его метакогнитивный аспект. В связи с этим, собственно

говоря, само возникновение и развитие метакогнитивных процессов вообще имеет место именно в игровой деятельности, что зафиксировано, в частности, в целом ряде эмпирических и экспериментальных данных (см. далее). Вместе с тем, оно не столь выражено, как это наблюдается несколько позже – на тех стадиях онтогенеза, на которых ведущим типом выступает учебная деятельность¹⁴¹.

Несколько схематизируя ситуацию, можно сказать и так: хотя метакогнитивные процессы «не очень нужны» для игровой деятельности, они все же возникают – складываются и развиваются в ней. Однако это происходит, в основном, не под влиянием ее собственной – специфически деятельностной детерминации, а под влиянием детерминант более общего плана, связанными с факторами «внедеятельностного» плана, заложенными в общих закономерностях генезиса психики в целом.

В отношении первой части данного вопроса можно также предложить достаточно естественный, хотя и несколько более сложный вариант ответа. Прежде всего, необходимо зафиксировать то – наиболее общее и принципиальное положение, согласно которому это развитие вообще *имеет место* как таковое. Несмотря на, действительно, достаточно сложный характер метакогнитивных процессов и их, казалось бы, «несоответствие простоте» детского возраста и детской игры, они все же возникают и развиваются уже на очень ранних онтогенетических стадиях. Вместе с тем, чтобы эксплицировать и объяснить и сам этот факт, и закономерности их «раннего» развития, необходимо возвратиться к главной проблеме всего метакогнитивизма – к тому, *что* именно включается в само содержание понятия «метакогнитивные процессы»? Что именно с содержательно-психологической стороны они представляют? Каково должно быть их общее и принципиальное понимание? Это – действительно, вопрос столь же принципиальный, сколь

---

¹⁴¹ Как мы уже отмечали выше, именно это обстоятельство является одной из основных причин того, что тема «игровая деятельность и метакогнитивные процессы» остается до настоящего времени практически неразработанной.

и сложный. Он является предметом достаточно острых дискуссий, а однозначного его решения пока не выработано. Однако, по нашему мнению, к настоящему времени в метакогнитивизме уже сложились необходимые и во многом – достаточные условия для того, чтобы существенно прояснить данный вопрос. При этом, прежде всего, необходимо опираться на две группы данных: первая группа – это данные, преимущественно эмпирического и экспериментального плана, а вторая группа – данные собственно теоретического характера.

Так, согласно мнению ряда представителей американской школы метакогнитивизма (J. Metcalfe, В. Finn и др.), именно младший школьный возраст имеет решающее значение в формировании и развитии процессов метакогнитивного мониторинга и метакогнитивного контроля [326]. Экспериментальные исследования показывают, что у детей 3–5 классов активным образом реализуется два комплекса метакогнитивных умений, обозначаемых в американской литературе как *Judgments of Learning* – JOL (по [87]). Это комплекс метакогнитивных стратегий, используемых субъектом в процесс обучения; в другом понимании – это личностное внутреннее видение человеком процесса обучения. По мнению Дж. Меткалф, существует взаимосвязь между этим личностным отношением и распределением времени для обучения тому или иному материалу. Близкий термин – это *Judgments of Knowing* (JOK) – «суждения о знании» [326]. Они представляют собой суждения о собственном знании относительно чего-либо в сочетании с применением различных мнемотехнических приемов. Показано, что они в значительной степени содействуют эффективности процесса обучения в целом.

Необходимо также отметить, что современным исследованиям в области выявления особенностей метакогнитивной сферы у детей предшествовали некоторые существенные с теоретические предпосылки. Так, еще в начале 1990-х годов Nelson & Narens, Schraw & Moshman, Dunlosky & Hertzog, Mazzoni & Cornoldi, Metcalfe и др. указывали на прямую зависимость хорошо развитых метакогнитивных умений, навыков

и стратегий и процесса обучения (см. обзор в [325]). При этом, краеугольным камнем данной проблемы является как раз обращение к младшему школьному возрасту, как к начальному этапу их развития.

Вместе с тем, в отношении данной проблемы имеется и еще одна заслуживающая особого внимания точка зрения. Так, Ghatala, Reder, Tiede и др. распространяют основные положения, сформулированные в метакогнитивизме относительно детского возраста, на особенности развития когнитивных и метакогнитивных процессов у животных, в частности высших приматов (по [325]). В результате этого они приходят к выводу о решающей роли средовых факторов в процессе обучения. Развитие метакогнитивной подсистемы психики у младших школьников, по мнению авторов, напрямую зависит от располагающих к этому внешних условий, создаваемых для учащихся в процессе обучения. В соответствии с этим и животные демонстрируют в экспериментальных условиях намного более очевидную метакогнитивную активность, чем в естественной среде.

Именно на основании данного положения о влиянии средовых факторов в метакогнитивизме на сегодняшний день развиваются две научно-практические модели: модель «несоответствующего сокращения» D. Dunlosky [303] и более популярная в настоящее время модель «proximal learning», автором которой является J. Metcalf [326]. В содержание обеих моделей входит использование учащимися таких метакогнитивных умений как способность выбора тех или иных метакогнитивных стратегий и распределение времени в процессе освоения нового материала. При этом еще одной общей для данных моделей характеристикой является тезис о неэффективности реализации метакогнитивных умений и навыков на уже изученном и хорошо понимаемом учащимися материале.

Согласно модели «несоответствующего сокращения» D. Dunlosky, учащийся должен распределять свои усилия в течение освоения всего нового материала, но начинать обязательно с изучения наиболее сложных его частей, переходя постепенно

к самым легким [303]. В противовес этому, модель «proximal learning» предполагает необходимость с самого начала выделять и исключать максимальное число наиболее легких и уже знакомых элементов в задании, переходя затем к сложнейшим и ранее неизвестным.

Практическая реализация описанных моделей позволила выявить характерный именно для детей особый метакогнитивный феномен, получивший название «*сверхуверенность*». По мнению авторов, в силу особенностей кратковременной и оперативной памяти детей наблюдается неуверенность в корректности абсолютно правильно данных ими ответов в том или ином задании и, наоборот, чрезмерная уверенность в корректности неправильно данных ими ответов.

Вместе с тем, до сих пор не уделяется должного внимания очень значительной роли игровой деятельности в формировании и развитии метакогнитивных процессов и качеств личности. Возможным объяснением этого служит практически полное отсутствие в зарубежной психологической литературе и в американской психологической традиции, в частности, обращения к категории деятельности и, соответственно, к ее типам, а также к их генезису. Проблема метапознания в детском возрасте раскрывается при этом, в основном, лишь через прикладные вопросы обеспечения процесса обучения, но никак не через влияние особенностей игры, как ведущего вида деятельности в данном возрастном периоде.

Особой проблемой является остро дискуссионный вопрос относительно того, существуют ли метакогнитивные процессы так сказать и на «еще более ранних» генетических стадиях, то есть на уровне того, что обозначается в метакогнитивизме понятием «дочеловеческой» психики, а проще говоря, – у животных? В отношении данного вопроса представлены различные, в том числе – и диаметрально противоположные точки зрения. Вместе с тем, в данной связи можно, на наш взгляд, сформулировать следующее положение, которое способствует решению проблемы существования (или не-существования) метапознания у животных.

Действительно, общеизвестным является тот факт, что в основе организации и регуляции практически любого поведенческого (и даже – физиологического) акта лежит принцип *обратной связи*. В свою очередь, он является одним из фундаментальных регулятивных принципов организации любых систем, в том числе – и наиболее сложных, то есть живых организмов. Известно также, что для осуществления данного принципа, то есть для восприятия *полученных* результатов того или иного поведенческого (и любого иного) акта и их сличения с *ожидаемыми*, могут использоваться две категории средств. С одной стороны, это средства так называемого *внешнего* контроля, то есть, например, эталоны и критерии, которым должен удовлетворять получаемый результат. Однако, с другой стороны, в этих же целях могут использоваться и те средства (и все иные механизмы, способы, возможности и пр.), которые составляют содержание самого этого акта, являются *внутренними* компонентами этого содержания. В этом случае он как бы «оборачивается» сам на себя и реализует свой собственный потенциал в целях своей же собственной организации. При этом понятно также, что степень сложности тех контрольно-регулятивных функций, которые тот или иной акт оказывает в отношении самого себя, будет тождественной ему самому; она производна от него. Так, по отношению, скажем, к психике человека эти «контрольные процессы» обретают вид метакогнитивных процессов, поскольку каждый из них воспроизводит в своей организации содержание того или иного «первичного» когнитивного процесса, на контроль за которым она направлена. Однако, по отношению к более низшим эволюционным формам, то есть к психике животных, эти «контрольные процессы» будут воспроизводить в своем содержании лишь тот уровень организации, которым характеризуются они сами. В любом случае, однако, «вторичные», то есть контрольные процессы у них не могут выходить за этот уровень. Таким образом, эти контрольные процессы, реализующие общерегулятивный принцип обратной связи, являются лишь *функционально* сходными с метапознавательными процессами

у человека. В *содержательном* же плане – в плане средств и механизмов и реализации они глубоко различны.

Наряду с этим, необходимо обратить внимание и на *главный* атрибут метакогнитивных процессов – на то, что обычно обозначается как «удвоение процессуального статуса», а в результате – «обратимости процессуальности на самой себя» и, следовательно, формирование «вторичных» процессов как таковых. Но в таком случае возникает вопрос: где это *«впервые»* происходит? Где, то есть в каком процессе (или – процессах), *возникает* этот феномен «оборачивания»? Где сами когнитивные процессы трансформируются из статуса операторов в статус операндов и становятся *«ощущаемыми»*, то есть репрезентированными самому субъекту и – хотя, конечно, и частично, но подвластными контролю с его стороны? Обычно при ответе на них принято указывать на процессы метапамять и метамышления как наиболее ранние («архетипические») и, что еще более важно, – наиболее *репрезентативные* предметы исследования в метакогнитивизме. В них, действительно, указанный феномен (точнее – механизм) объективно представлен наиболее полно и явно. Однако, «полно и явно» вовсе не означает того, что в них он и *возникает* – появляется *впервые*. Как раз наоборот: в них данный феномен потому и представлен наиболее явно и полно, что они выступают относительно *поздними* продуктами развития механизмов метакогнитивного плана. В них – как именно в *итоговых* эффектах этого развития основные атрибуты метакогнитивных процессов представлены наиболее полно и потому – в более легком для обнаружения и исследования виде. Однако само возникновение данного феномена, метакогниция как базовый механизм организации процессуального содержания психики *впервые* появляется, на наш взгляд, не в них, а в аналогичном – по степени сложности (точнее – *несложности*) процессе – в *ощущении*.

В этой связи новым – достаточно неожиданным, на первый взгляд, но вполне естественным, в действительности, выводом и новым смыслом наполняется известный термин *«самоощуще-*

ние». Обычно его содержание трактуется как «ощущение себя» – во всей его полноте. Однако, возможно и иное его семантическое звучание: по аналогии со *всеми* иными метапроцессами, *процесс* ощущения также, по-видимому, может «оборачиваться» сам на себя что и приводит к описанному выше «феномену удвоения процессуальности», а также к механизму оперантно-операторной обратимости». Подчеркнем, что при такой интерпретации на процесс ощущения просто распространяется *общая* закономерность, являющаяся основной в метакогнитивизме. Кроме того, такое «включение» процесса ощущения в действие данной закономерности очень полно и естественно соответствует и феноменологическим данным, и эмпирическим фактам, и просто – «житейскому опыту». Более того, становится не вполне понятным, почему метакогнитивизм «обошел стороной» этот – неоспоримый факт и не включил уже изначально в состав метакогнитивных процессов относительно наиболее простой и базовый процесс – самоощущение? Почему он не дифференцировал, наряду с понятиями, например, метапамяти и метамышления, еще и процесс *метаощущения*¹⁴²?

Далее, из сказанного следует, что наиболее элементарная и, соответственно, ранняя форма метакогнитивности – это «просто ощущение (и как модальность, и как процесс ощущения какого-либо *другого* процесса)». Это – *сензитивность* к своим же собственным процессам, представленная, однако, изначально именно как *сензитивность*, то есть как *чувствительность* – например, как «ощущение памяти», «ощущение мышления» и пр. Для обозначения этих – уже синтетических, составных, то есть

---

¹⁴² В этом плане неожиданно новым и достаточно глубоким смыслом наполняется понятие «общего ощущения», введенное еще Аристотелем. Так, иллюстрируя его смысл, Аристотель вопрошал: как мы можем отличить, например, красное от горького? [12]. Иными словами, на основе чего мы можем осуществить акт межмодального (а иначе – интермодального или – метамодального) сравнения? Для того чтобы это сделать, необходимо, по крайней мере, чувственно идентифицировать сами по себе «модальностные различия», но не *внутри* того или иного типа чувствительности, а *между* ними. Иными словами, необходимо «чувствовать различия в типах своей чувствительности», что во многом и эквивалентно смыслу понятия метаощущения.

«вторичных», хотя еще и самых элементарных процессов, в настоящее время отсутствуют какие-либо специальные термины. Однако, сам факт того, что они не только существуют, но и вообще являются наиболее несомненной психической – субъективной реальностью, не подлежит сомнению. И именно эта «ощущаемая реальность» является той «первичной формой», в которой впервые и возникает метакогниция как таковая и на основе которой складываются и развиваются все иные – более сложные метакогнитивные процессы.

Кроме того, отсюда следует и еще один вывод: все метакогнитивные процессы не только могут, но, по нашему мнению, обязательно *должны* быть дифференцированы на две достаточно различные категории. Первая – это так сказать метакогнитивные «*автопроцессы*». Они являются наиболее традиционным предметом исследования в метакогнитивизме и формируются за счет «оборачивания» какого-либо «первичного» когнитивного процесса «самоё на себя». Однако наряду с ними, без сомнения, не только существует, но и является более ранней, нежели они, категория так сказать метакогнитивных «*гетеропроцессов*». Их суть состоит в том, что в них один какой-либо когнитивный процесс «направляется» не сам на себя, а на *другой* когнитивный процесс. Это, например, уже отмеченные процессы «ощущения памяти», «ощущения мышления», а также и иные процессы, – скажем, «представление о памяти», «представление о внимании» и др.

Наконец, именно данный вывод позволяет сформулировать и представления о так сказать «общем векторе», то есть о наиболее общей закономерности развития самих метакогнитивных процессов. По-видимому, этот «вектор» как раз и образован второй категорией метакогнитивных процессов – гетеропроцессами. Вначале возникают и развиваются гетеропроцессы, связанные с простым *ощущением* какого-либо другого когнитивного процесса [114]. Затем формируется относительно целостное и достаточно расчлененное представление об этих процессах, в связи с чем можно говорить уже не только о «способности ощущать» свои же собственные процессы, но и об их целостном субъективном *восприятии*. Далее метакогнитивные

процессы проходят все иные стадии усложнения их субъективной репрезентации, самопрезентации – от аутопредстваления до метамышления. Другими словами, в состав и в содержание метакогниции последовательно включаются все новые уровни когнитивной иерархии как таковой. В результате этого формируются такие «вторичные» процессуальные образования, в составе которых оказываются представленными процессы все более высоких иерархических уровней. С этой точки зрения становится очевидным также, что метакогнитивизм начал свое развитие «не сначала» – то есть не с наиболее простых, а потому объективно *исходных* экспликаций его базового предмета. Наоборот, он начал – «с конца», то есть с наиболее сложных его экспликаций (процессов метапамяти и метамышления).

Вместе с тем, пора, наконец, четко осознать, что «генетическим корнем» всех метакогнитивных процессов является отнюдь не их «вторичный» характер и, соответственно, – не статус метапроцессов, а свойство, точнее – атрибут *самосензитивности* психики. Он состоит в ее «самочувствительности» к своему же собственному содержанию, а частично – даже и к механизмам и *процессам* функционирования. Данный атрибут *исходно* представлен, однако, в рассмотренных выше метакогнитивных гетеропроцессах и, в особенности, в тех из них «оператором» в которых выступает наиболее простой из когнитивных процессов – ощущение. В связи с этим, следует специально указать и на то, что в данном пункте анализа со всей остротой возникает необходимость обращения к еще более общей и фундаментальной, а не исключено, – вообще основной и так сказать «наиболее жгучей» проблеме психологии. Это, разумеется, проблема сознания и его базового атрибута – самосензитивности, самоданности. Она станет предметом нашего специального рассмотрения в главе 3 четвертого тома; пока же зафиксируем сам ее факт, а также то, что именно к ее постановке приводит логика анализа проблемы процессуально-психологического содержания деятельности, в том числе – и игровой, а также его генезиса.

2.5.5. Темпоральная системность в генезисе рефлексии как «третичного» психического процесса

Одним из основных выводов проведенного в предыдущем параграфе анализа явилось обоснование тезиса, согласно которому суть метакогнитивных процессов состоит в том, что, благодаря им, в структуре психики возникает очень общий и, по существу, фундаментальный механизм операндо-операторной обратимости. В свою очередь, на его основе психика обретает свойство самосензитивности – «самоданности» и саморепрезентированности. Именно в данном направлении осуществляется формирование и развитие когнитивной сферы личности и в целом, и под влиянием детерминации со стороны *игровой* деятельности.

Вместе с тем, на основе этого следует констатировать и обстоятельство еще более общего и принципиального плана; его суть состоит в следующем. Возникновение – складывание и развитие метакогнитивных процессов именно как «вторичных», действительно, знаменует выход всей когнитивной подсистемы психики на качественно новый уровень организации. Кроме того, очень показательно, что именно в этом же направлении, то есть «по линии» формирования аналогичных – «вторичных» процессуальных образований осуществляется развитие и второй основной подсистемы психики – *регулятивной* (за счет формирования совокупности интегральных – специфически регулятивных процессов, рассмотренных выше). В результате формируется и получает развитие уровень «вторичных» процессов в целом, уровень так сказать *метапроцессуальной* организации психики.

Однако, с точки зрения современных представлений это лишь *первый* шаг качественных трансформаций процессуального содержания психики – именно первый, но отнюдь не «последний» и не завершающий. Одним из достаточно несложных, но важных и, более того, – *достаточных* аргументов в пользу этого является следующее обстоятельство. Хорошо известно, что и в понятийном аппарате психологии, и в ее теоретическом строе (причем, в самых фундаментальных и базовых – по существу «аксиоматичных» положениях) издавна сложилось и очень прочно

закрепилось, приобретя, к тому же, статус одной из ее основных категорий понятие *рефлексии*. В нем как раз и зафиксирована та *целостность* процессов, в которой они представлены именно в их *онтологически* данном виде. Это – целостность, в форме которой они существуют не как *гносеологическая* абстракция, не как тот или иной «срез» процессуального содержания, а в их «ннарушенном» виде – как *онтологическая* данность. В ней, по существу, синтезированы все психические процессы, то есть представлена их *общая* система, а организация процессуального содержания психики репрезентирована в ней на уровне его *общесистемной* организации [117]. Такой реальностью (и, соответственно, понятием, в котором она зафиксирована), повторяем, и является понятие рефлексии. Вместе с тем, до настоящего времени оно является достаточно неопределенным в концептуальном отношении, слабо дифференцированным и не имеющим четко эксплицированной структурной характеристики.

Следовательно, для раскрытия специфики и, соответственно, содержания общесистемного уровня организации процессуально-психологического обеспечения деятельности необходимо рассмотрение еще одной, более общей и не менее сложной проблемы. Она состоит в необходимости детализированного раскрытия содержания самой рефлексии, в ее дифференцированном изучении. Данное понятие должно быть наполнено содержательным смыслом в аспекте именно его собственно процессуальной организации, а также состава и структуры. Естественно, что эта проблема в ее полном объеме и истинном содержании выходит далеко за пределы непосредственных задач данной работы. Вместе с тем, все же «обойти» ее не представляется возможным, поскольку, без раскрытия содержания и структуры самих рефлексивных процессов общая проблема процессуального обеспечения деятельности не может быть решена в принципе. В связи с этим, необходимо специально остановиться на ней – разумеется, лишь в том аспекте и в тех «рамках», которые связаны с анализируемыми здесь вопросами¹⁴³.

---

¹⁴³ В достаточно развернутом виде данная проблема специально рассмотрена нами в работе [114].

При обращении к ней, однако, со всей остротой предстают очень большие трудности теоретической интерпретации беспрецедентно высокой гетерогенности содержательных и процессуальных форм рефлексии. Существует и эмпирически зафиксировано очень большое количество ее видов, типов, форм, средств, модусов и пр. Более того, эта гетерогенность ставит следующий – принципиальный по своей сути вопрос. Является ли рефлексия, хотя, естественно, и предельно сложным, многоаспектным, но все же – *унитарным* процессом? Или же сам термин «рефлексия» является *собирательным*, а в действительности существует некоторая *система* рефлексивных процессов, образующих специфический класс и, не исключено, – уровень в общей организации всей системы психических процессов?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, мы считаем необходимым сформулировать следующие основные положения. Действительно, при анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее, сама эта «разнородность» не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем, трудно не видеть, что мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что невольно возникает вопрос о наличии некоторых *существенных* причин, лежащих в ее основе. Диапазон различий рефлексивных процессов и феноменов поистине беспрецедентен: от элементарного смутного «самоощущения» до предельно развернутых, утонченных и даже изоциренных форм самопознания. И именно эта – чрезвычайно высокая степень гетерогенности рефлексивных процессов и феноменов служила и продолжает служить одной из главных причин, главных трудностей для адекватной концептуализации процесса рефлексии как такового, взятого в его полноте и качественной определенности.

На наш взгляд, именно в этой – повторяем, чрезвычайно высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается «разгадка» ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса. По нашему мнению, представляется достаточно

странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: *самоощущение*, *самовосприятие*, *аутопредставления*, «самонаправленное» *внимание*, «память о памяти» – *метапамять*, «мышление о мышлении» – *метамышление*. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории *метакогнитивных* процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть¹⁴⁴. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных – более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные *уровни*, соотносящиеся с различными видами *основных когнитивных процессов*. Последние, как известно, организованы на основе *уровневого принципа* и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно *уровнями*.

Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс, выступая одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по *уровневому принципу*. Она воспроизводит в своем *уровневом строении* основные уровни *когнитивной иерархии* в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и вообще – совершенно естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии. Когнитивная иерархия «в лице» рефлексии оборачивается на внутреннее содержание психики и выполняет те же са-

---

¹⁴⁴ Подчеркнем, что в данном контексте вновь возникает необходимость обращения к особому, качественно специфическому классу процессов (и, соответственно, к понятию, в котором он зафиксирован) – к классу *метакогнитивных* процессов. Именно эти процессы, которые обозначаются еще и как «вторичные» процессы, играют, согласно современным представлениям, очень большую роль в организации психики и деятельности.

мые функции, которые эта иерархия реализует по отношению к познанию внешней среды. В связи с этим, можно, по-видимому, говорить о двух формах, о двух модусах когнитивной иерархии в целом – «внешне-ориентированной» и «внутренне-ориентированной». Экономичность и «мудрость» организации психики проявляется в том, что в ней складываются не две разные системы ориентации во внешней и внутренней среде, а одна такая система, проявляющаяся, правда, в существенно разных формах.

Одной из очень значимых закономерностей организации рефлексии является то, что среди всех процессов, входящих в ее состав (начиная от самоощущения и кончая метамышлением), в принципе нельзя выделить какой-либо «наиболее важный» и потому – находящийся «на вершине» ее иерархии процесс. Для рефлексии как процессуального средства сознания (и для сознания в целом) *самоощущение* психикой самой себя не менее, а быть может, – и более значимо, нежели, например, способность «*помыслить* о себе» (то есть – метамышление). Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря ей, достигается ощущение *полноты* и как бы *исчерпанности* репрезентации внутреннего мира – во *всем* многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Эта репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы, взятые в их «вторичной» форме – в форме метапроцессов. Следовательно, в системе рефлексивных процессов уровни структуры (отдельные процессы) оказываются равнозначными (или, по крайней мере, однопорядковыми), а «полнота осознания Я» предполагает опору на все эти уровни *одновременно* и в *равной* степени. В силу этого, по отношению к собственно когнитивной рефлексии (как ее основному модусу) более адекватен уже не иерархический, а *гетерархический* принцип организации. Подчеркнем, что мысли о гетерархичности процессуальной организации уже высказывались ранее; однако это делалось по отношению к системе когнитивных процессов, но не по отношению к рефлексии. На наш взгляд, психологическая природа рефлексии такова, что по отношению к ней подобные мысли не только «могут быть высказаны»: они *не могут не быть*

высказаны. Рефлексия, действительно, выступает важнейшим интегратором системы психических процессов. Вместе с тем, суть этой интеграции заключается в том, что, с одной стороны, она развертывается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гетерархии. С другой стороны, «предметом» интеграции в ней выступают основные психические процессы в их так сказать «удвоенном бытии», в их превращенных формах – в виде метакогнитивных, «вторичных» процессов.

Таким образом, гетерархическая организация рефлексивных процессов включает совокупность разнородных процессуальных средств, сформировавшихся в ходе эволюции фундаментального свойства психики – свойства *сензитивности к самой себе*, к своему содержанию, то есть свойства *самосензитивности*. С этих позиций достаточно отчетливо раскрываются две важные психологические особенности самой рефлексии.

Во-первых, понятая в широком смысле, рефлексия обладает принципиальной гетерогенностью, поскольку ее процессы представлены в разных плоскостях метакогнитивной гетерархии. Традиционное понимание рефлексии фиксирует лишь ее наиболее развернутую (и уже поэтому – не единственную) форму, в основе которой лежит метамышление.

Во-вторых, само свойство рефлексивности (и процесс рефлексии как процессуальное проявление этого свойства) должно быть понято как *видовое* по отношению к более *общему* и атрибутивно присущему психике свойству *самосензитивности* – «чувствительности к себе» как *родовому*, элементарные проявления которого наблюдаются уже в самых простейших сенсорных процессах. С этой особенностью связано и то, что, как уже отмечалось выше, любой когнитивный процесс выступает не только в своей исходной форме и главном функциональном предназначении – как *средство* переработки информации. Он может выступать также и как *объект* активных трансформационных воздействий со стороны других психических процессов и даже – со стороны самого себя. В этом случае он предстает уже не как активный *оператор*, а как относительно пассивный *операнд*. Тем самым каждый процесс может быть представлен и в каче-

стве «оператора», и в качестве «операнда», и взаимобратимость этих модусов процессуального содержания психического и лежит в основе системы рефлексивных процессов.

Вместе с тем, следует, конечно, отдавать отчет и в том, что даже охарактеризованная выше – действительно, сложнейшая и внутренне дифференцированная картина организации рефлексивных процессов еще не исчерпывает всей ее реальной сложности. Дело в том, что проведенный анализ фиксировал пока лишь, в основном, так сказать «когнитивное измерение» рефлексивных процессов. Однако данное «измерение» – это, хотя, безусловно, важнейшая, но не единственная сфера действия рефлексивных процессов. Еще одной вполне очевидной и важной форм представленности рефлексивных процессов является, как мы отмечали выше, уже не собственно когнитивная, а *регулятивная* форма их существования. Именно процессы, составляющие содержание регулятивной рефлексии, обеспечивают, как известно, *осознаваемый, произвольно контролируемый* характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем, следует особо подчеркнуть, что данное свойство – свойство осознаваемости, произвольности, «субъектной управляемости» составляет *самую суть* процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения, общения. Любой, даже самый сложный из дифференцируемых ныне психических процессов – суть «срез», аспект (а строго говоря, и определенная абстракция) единого процессуально-психологического содержания, включенного, в свою очередь, в качестве важнейшего компонента в целостные деятельностные, поведенческие и общенческие метаконтексты. И лишь на уровне общей организации этих процессов, то есть при условии сохранения их целостности, преодолевается «гносеологическая аналитичность» любого – выделяемого познанием процесса и они предстают в их онтологическом единстве. Атрибутом последнего является свойство осознаваемости; сознание – это не только «феноменологическая данность», но и способ, механизм организации всей системы психических процессов, а в этом смысле – и их *онтология*.

Выше мы уже отмечали, что обращение к регулятивному «измерению» рефлексивных процессов, равно как и само понятие регулятивной рефлексии, в значительной мере содействует преодолению зауженного и потому – не вполне адекватного и полного понимания рефлексии в целом. Дело в том, что последняя обычно понимается лишь как «обращенность психики на *саму себя*», на *свое* собственное содержание, но никак – не на *внешнюю* активность (деятельность, поведение, общение). В действительности же, рефлексия не может быть сведена лишь к ее «внутреннему» плану – к «смотрению на себя», к самосозерцанию. Более того, это, по-видимому, – не только не единственная, но даже и не главная, а потому и генетически не первичная, не исходная ее функция. В конечном счете, сама эта функция сформировалась в филогенезе (а потом многократно воспроизводится в онтогенезе) как подчиненная, а значит и вторичная по отношению к другой функции – к функции обеспечения процессуально-психологической регуляции *внешней* активности (повторяем, любого типа – деятельности, поведения, общения и др.).

Процессуально-психологическая регуляция *внешней активности*, представленная в ее реальной, естественной полноте и многомерности, обязательно предполагает «*внутренний мониторинг*», рефлексивный контроль и за этой активностью, и за собой как ее реализатором. В психологии, как известно, существует немало понятий для обозначения этого, в общем-то, несложного, но важного обстоятельства. Это, в частности, понятия когнитивного мониторинга, рефлексивного контроля, осознаваемой регуляции, метакогнитивного слежения и др. В них рефлексия реализует свои специфические функции не для «внутренних целей» (целей самопознания, самоанализа, то есть – целей преимущественно *когнитивного* характера), а для «внешних целей». В этом плане, собственно говоря, и возникает необходимость дифференциации двух типов рефлексии как таковой (к данной дихотомии мы еще вернемся в ходе последующего изложения) – *когнитивной* рефлексии и *регулятивной* рефлексии.

Таким образом, весь проведенный выше анализ показывает, что рефлексия (в ее собственно процессуальном проявлении) должна быть, по всей вероятности, понята в качестве процесса еще более высокого уровня организации, нежели уровень, на котором локализованы отдельные метакогнитивные процессы (то есть – «вторичные» процессы). Она представляет собой поэтому специфический уровень организации процессуального содержания психики, выступая уже своего рода *«третьим»* процессом. Вместе с тем, возможность (и даже необходимость) такого понимания может быть обеспечена лишь в том случае, если расширить и сделать более адекватной исходную – традиционную трактовку самой рефлексии. Наряду со специфически когнитивной рефлексией, необходима дифференциация и регулятивной рефлексии. Лишь вторая, базируясь на потенциале когнитивной рефлексии, может обеспечить осознаваемый, рефлексивный мониторинг и контроль внешней активности субъекта.

В контексте основных задач проводимого анализа очень показательным (и доказательным) также то, что аналогичный вывод должен быть сделан и на основе базовых положений рассмотренной в параграфе 2.2.2. второго тома концепции интегральных психических процессов. Как было показано в данной концепции, все они, обладая существенными различиями, в то же время образуют *качественно специфический класс*, составляют психологическое «ядро» процессуально-психологического обеспечения деятельности. Вместе с тем, еще раз со всей категоричностью подчеркнем, что интегральные процессы образуют качественно специфический класс не только потому, что они обладают принципиальной общностью своего функционального предназначения. Не менее, а быть может, и более важным является и то, что все они – именно в пределах данного класса – структурированы и сорганизованы на основе ряда инвариантных закономерностей и принципов (прежде всего, гетерархического, хронологического, компенсаторного и др.). Иными словами, все они образуют не просто класс как «таксономическую единицу», служащую для описания процессуально-психологического содержания, а определенную и построенную на базе инвариантных принци-

пов *процессуальную систему*. Она представлена в деятельности (и поведении) в виде определенного *регулятивного инварианта* базовых средств и механизмов ее процессуально-психологического обеспечения.

Наконец, следует иметь в виду, что даже эта – существенно более сложная, нежели полагается традиционно, картина организации рефлексивных процессов, раскрывающая их в совокупности двух базовых «измерений» – когнитивном и регулятивном, все же не исчерпывает всей их реальной сложности и многомерности. Дело в том, что, как свидетельствуют многочисленные данные, представленные в современных исследованиях когнитивных и метакогнитивных процессов, наряду с указанными «измерениями», реально существуют проявления и, следовательно, процессы рефлексии, связанные с иными аспектами ее общего процессуально-психологического содержания. Рефлексивные процессы оказываются как бы распределенными, фактически, по всем основным функциям, реализуемым психикой, по всем основным видам личностной активности.

В этом плане следует отметить, что имеет место и дифференциация рефлексии на так называемую *«ауто»*- и *«социо-рефлексию»* (М. Грант (по [104])). Очевидно, что первая синтезирует в себе когнитивную и регулятивную рефлексию, а вторая соотносится с обеспечением еще одной базовой подсистемы психики – *коммуникативной*. Наряду с этим, традиционным является и выделение трех типов рефлексии по *«хронологическому критерию»* – *ретроспективной, актуальной и перспективной*. Имеют место также и попытки выделения типов рефлексии на основе критерия принадлежности к определенному *виду деятельности* («педагогическая рефлексия», «управленческая рефлексия и пр.).

В этом плане очень показательно, что по отношению к рефлексивным процессам (как «оператору») в качестве их «материала» («операнда»), как было показано в [64], могут выступать и реально выступают не только собственно когнитивные и регулятивные процессы и функции, но и процессы иных видов – прежде всего, мотивационные и эмоциональные. В связи со сказанным, появляются основания для дифференциации дополнительных

и качественно специфических классов процессуальных проявлений рефлексии. Это, в частности, «эмоциональная рефлексия» и «мотивационная рефлексия». Первая составляет, как известно, одну из проблем, сформулированных и изучаемых в контексте относительно нового направления психологических исследований – в психологии эмоционального интеллекта. Вторая составляет один из аспектов проблемы метамотивационной регуляции деятельности и поведения. В результате этого рефлексия как «третичный» психический процесс включает в свою сферу не только когнитивное и регулятивное «измерения» процессуального содержания психики, но также и ее эмоциональное и мотивационное «измерения», а тем самым, действительно, раскрывается как предельно обобщенный и генерализованный процесс. И лишь в этом своем статусе – статусе максимально обобщенного и генерализованного процесса она оказывается в состоянии выполнять аналогичные по статусу функции по отношению к процессуально-психологическому обеспечению деятельности – составлять именно *общесистемный* уровень его организации.

Итак, проведенный анализ вскрывает необходимость существенного переосмысления самого понятия рефлексии как процесса. Рефлексия, на наш взгляд, не является унитарным процессом; в то же время, она не может быть сведена к ее традиционной трактовке – когнитивной рефлексии, хотя, естественно, последняя образует основу, ядро всех рефлексивных феноменов. Рефлексия *принципиально гетерогенна* по своему процессуальному содержанию и образует целое «семейство», точнее – систему, а еще точнее – уровень метапроцессов (метакогнитивных, метарегулятивных и иных) в общей процессуальной организации психики. Последние же, на наш взгляд, могут и должны быть поняты как операционные средства реализации рефлексии. Поэтому она не может быть проинтерпретирована ни как унитарный процесс, ни как *монопараметрическое* (и, следовательно, *монометрическое*) свойство. Включая в себя целую систему операционных средств, рефлексия предстает как определенная структура этих процессов. Логично допустить поэтому, что ее основные содержательные и динамические ее характеристики определяются

не только (а, быть может, и не столько) ее компонентами, то есть метапроцессами по отдельности и их суммой, сколько особенностями их *структурной организации*.

В силу этого, современная ситуация требует перехода к новой парадигме исследования рефлексии – *структурно-полипроцессуальной*. Вместе с тем, недопустимо «растворение» в этой полипроцессуальности очевидной специфичности всех рефлексивных процессов (например, атрибута их самопрезентированности, непосредственной данности личности), а также их столь же реальной целостности. Будучи процессуально гетерогенной, рефлексия вместе с тем предстает как единство разнообразного, поскольку входящие в не метапроцессы репрезентированы субъективно и организованы объективно (онтологически) именно как целостность, как система. И как таковая эта система должна, по-видимому, обладать *инвариантными закономерностями* своей собственной *структурной организации*, которые обуславливают не только ее специфичность, но и целостность.

Таким образом, можно видеть, что анализ с объективной необходимостью – своей так сказать «внутренней логикой» приводит к фундаментальной общепсихологической проблеме рефлексии, а также ее генезиса в ходе развития форм деятельности активности личности в целом. Не менее (а быть может, – и более) существенно и то, что «через» эту проблему в данный анализ с необходимостью включается и еще более фундаментальная и продолжающая оставаться во многом «загадочной» проблема сознания (и «святая святых» самой этой проблемы – проблема *возникновения* сознания). Разумеется, обе эти проблемы являются не просто огромными и, по существу, беспрецедентными по масштабу и степени сложности, а также по количеству посвященных им исследований, но и вообще не имеют аналогов в психологической проблематике. В связи с этим, они, конечно, не могут и не должны выступать в данной работе в качестве предмета *специального* анализа. Однако, и «просто пройти мимо» них также недопустимо, поскольку в этом случае сам анализ будет по необходимости неполным, а главное, недостаточно глубоким – упрощенным и «уплощен-

ным». Отчетливо сознавая это, остановимся лишь на тех их аспектах, которые имеют наиболее непосредственное отношение к основным задачам данной работы.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на две – выявленные и охарактеризованные выше закономерности. Во-первых, это достаточно общая и, по существу, «сквозная» для всех процессуальных образований психики закономерность, согласно которой базовые психические процессы могут «оборачиваться» на самоё себя. В результате этого они трансформируются из статуса активного оператора в статус относительно пассивного операнда. Такая трансформация была обозначена нами как механизм *операндно-операторной обратимости*. Во-вторых, это ведущая и все возрастающая роль собственно *интегративных* средств и механизмов при повышении уровня сложности самих психических процессов. Более того, это, фактически, просто *взаимопологаемость* понятий «интегративности» и «сложности» по отношению к ним.

Синхронизированное действие этих механизмов лежит в основе *качественных* трансформаций уже не только отдельных видов или даже *типов* психических процессов, но и их обобщенных *классов* – *макроуровней* их организации. Действительно, механизм операндно-операторной обратимости, реализуясь по отношению к «первичным» когнитивным процессам, приводит к порождению «вторичных» процессов – метакогнитивных процессов. Однако этот механизм играет важную роль и в генезисе собственно регулятивных – интегральных процессов, являющихся также «вторичными» по своему психологическому статусу. В результате этого качественно повышается уровень интегративности процессуально-психологических образований. Кроме того, качественно трансформируется и также усложняется присущий им атрибут *самосензитивности*.

Оба этих механизма (и, соответственно, обе тенденции) находят свое дальнейшее «продолжение» при переходе от «вторичных» процессов к наиболее обобщенному процессуальному образованию психики – к рефлексии. Он, характеризуясь еще большей и, по существу, максимальной степенью интегра-

тивности (и столь же максимальной выраженностью атрибута самосензитивности); он является уже не «вторичным», а *«третичным»* психическим процессом. Собственно говоря, *именно поэтому* он и является *достаточным* для того, чтобы обеспечивать наиболее сложное правление психического в целом – *сознание*. В связи с этим, он и является комплексным – внутренне дифференцированным, но принципиально целостным средством его процессуально-психологического обеспечения.

Разумеется, все это не исчерпывает сложности рассматриваемой проблемы, хотя и способствует этому. Так, например, наряду с теми особенностями и закономерностями, которые уже получили выше свою возможную интерпретацию и объяснение, остается открытым, разумеется, еще целый ряд важных теоретических вопросов. Прежде всего, это, пожалуй, наиболее традиционный, но и самый важный вопрос – вопрос о сути, природе и детерминантах возникновения базового атрибута психики в целом и сознания, в особенности – свойства самосензитивности, самочувствительности, а также о его генезисе – возникновении и развитии в ходе фило- и онтогенеза. Одновременно не менее значимо и то, что представленные выше материалы не только «подводят» к этим вопросам, но и содержат определенные *предпосылки* для их решения. В связи с этим, ниже – в параграфе 3.4. четвертого тома мы вернемся к их рассмотрению. Предварительно, однако, необходимо рассмотреть некоторые иные – также значимые аспекты анализируемой проблемы.

Так, прежде всего, определенный интерес представляет следующий – важный, на наш взгляд, аспект данной проблемы, который обычно, к сожалению, не только не подвергается должному анализу, но и вообще – «обделен вниманием» со стороны исследователей. Он, фактически, не сформулирован в явном виде как проблема (и даже в известном смысле как *противоречие*); соответственно, не предложены варианты ответа на него.

Так, одним из наиболее общих и фундаментальных общепсихологических положений, составляющих, к тому же, основу методологического принципа единства психики и деятельности, является следующий тезис. Ведущую и определяющую – основ-

ную (и вообще – «критически значимую») роль в возникновении сознания в ходе *филогенеза* играет *трудовая* деятельность, труд как специфическая только для вида *homo sapiens* форма поведенческой активности. В целом и в самом общем виде это, разумеется, совершенно справедливо, хотя данное положение *само* по себе, конечно, еще не раскрывает *конкретных* механизмов и закономерностей данного процесса. Кроме того, сам он беспрецедентно сложен и многомерен, а в его структуре можно и нужно дифференцировать целый ряд достаточно разных планов, аспектов и пр. Вместе с тем, в наиболее общем виде данное положение, действительно, по-видимому, адекватно отражает реальный ход эволюционного развития и человека в целом, и сознания, в частности.

В несколько иной формулировке данное положение может быть представлено, однако, следующим образом. Становление и развитие сознания как *высшей* формы организации психики, характерной только для человека, оказывается возможным «в» и «благодаря» аналогичному по степени сложности, то есть также *высшему*, типу поведенческой активности. Другими словами, это становится возможным лишь благодаря трудовой деятельности. Вместе с тем, обратим внимание на следующее обстоятельство. Ни игра, которая, как известно, также характерна для иных живых существ (а не только для человека), ни научение, которое, как известно, также имеет место у них, сами по себе *не приводят* к возникновению и развитию сознания в ходе *филогенеза* всех живых существ, кроме человека. Эволюция форм поведенческой активности, исчерпанная игрой и научением и заканчивающаяся в своем развитии так сказать «не доходя до трудовой деятельности», не является *достаточным* условием для возникновения сознания в ходе *филогенеза*.

Все это является столь аксиоматичным и «само собой разумеющимся», что об этом, казалось бы, вообще не стоило говорить, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что сформулированное выше положение, действительно, безусловно, справедливо, но только так сказать «в одном измерении», с точки зрения одного эволюционно-генетического процесса – про-

цесса *филогенеза*. Однако если обратиться к другому генетическому процессу – *онтогенезу*, то эти же положения становятся не только «не выполняющимися», но и, фактически, неправильными. Действительно, по отношению к *индивидуальному* развитию, то есть к онтогенезу в целом и к возникновению сознания, в особенности, дело обстоит совершенно иначе. Для его возникновения в онтогенезе уже не только необходимо, но и *достаточно* лишь *игровой* деятельности, хотя и элементарная «учебная» деятельность (точнее – ее прототипы, «протоформы», в которых она представлена на ранних этапах онтогенеза) также, несомненно, способствуют этому. Вместе с тем, нельзя игнорировать фундаментальный по своей значимости факт. Он, однако, не только не концептуализирован в настоящее время, но и, фактически, даже не «зафиксирован». Согласно ему, в онтогенезе (в отличие от филогенеза) для возникновения *самой сложной* формы организации психики – сознания вполне *достаточно* формирования *самой простой* формы деятельности – игровой.

Однако в таком случае возникает острейшее *противоречие* двух генетических линий – филогенетической и онтогенетической. В наиболее же общем виде возникает вопрос – как это возможно? Почему для «человечества в целом» необходимым и достаточным условием и средством порождения сознания является *трудовая* деятельность, а для «отдельного человека» таким условием является «просто» *игровая* деятельность¹⁴⁵? Причем, здесь мы вновь сталкиваемся с тем – принципиальным по своей значимости обстоятельством, которое уже было зафиксировано выше. Оно состоит в том, что истинный масштаб важности и сложности проблемы детской игры, игровой деятельности определяется ее *решающей* ролью не только в развитии психики и личности в целом, но и в генезисе абсо-

---

¹⁴⁵ Иными словами, как возможно, чтобы наиболее *сложное* (сознание) рождалось бы в наиболее *простом* (игровой деятельности)? По-видимому, ответ на данный вопрос в принципе возможен лишь в том случае, если кардинально изменить саму оценку игровой деятельности как «простой», а точнее – отказаться от нее.

лютно нового и уникального образования, качественно отличающего психику человека от психики всех иных живых существ, – сознания. И здесь вновь возникает вопрос – как это возможно? Как устранить это противоречие? На наш взгляд, сделать это можно лишь в том случае, если радикально изменить трактовку самой игровой деятельности и понять ее отнюдь не как «самый простой» тип деятельностной активности, а как в известном смысле – наиболее *сложный*.

При этом, конечно, следует пояснить, что речь идет о «большей сложности» не ее структурно-функциональной организации, а о большей сложности тех генеративно-порождающих свойств и механизмов, которые заложены в игровой деятельности. Для «отдельного человека», то есть в каждом *конкретном* случае сознание «рождается» не в труде, а в игре, хотя, конечно, затем «развивается» и в труде тоже, но предварительно еще и в учебной деятельности. Сам принцип единства сознания и деятельности, акцентирующий внимание лишь на раскрытии роли трудовой и частично – учебной деятельности, по необходимости «имеет дело» лишь с уже достаточно сформированными и зрелыми уровнями сознания. На них предмет исследования представлен уже в значительной степени в сформированном виде. При такой постановке проблемы данный принцип может содействовать поэтому раскрытию лишь того, как сознание *развивается* в деятельности, но не тому, как оно *возникает* в ней. Следовательно, и сам этот принцип должен быть подвергнут определенному переосмыслению и расширению. Он должен быть реально (а не декларативно) распространен и на игровую деятельность – именно как на одну из основных форм деятельностной активности.

Сформулированные выше положения, фиксирующие указанную проблему и предоставляющие определенные методологически ориентиры для ее решения, все же пока недостаточны для *конкретного* – содержательного ее раскрытия. Оно в свою очередь предполагает выявление тех детерминант, а также тех средств и механизмов, на основе которых для порождения сознания достаточно потенциала игровой деятельности (а не обязательно трудовой). В плане их экспликации, на наш взгляд, могут быть сформулиро-

ваны следующие положения. Так, в главе 1 данного тома было показано, что одной из основных особенностей структурно-функциональной организации деятельности в целом, которая представлена особенно ярко и полно именно в *трудовой* деятельности, является то, что в ее основе лежит определенный *регулятивный инвариант*¹⁴⁶. В связи с понятием регулятивного инварианта особо важно подчеркнуть, однако, два следующих обстоятельства.

Во-первых, именно благодаря становлению – формированию и развитию данного инварианта в целом, а также входящих в него «составляющих» интегральных, регулятивных процессов, в частности, сама психическая регуляция обретает те свойства, которые характерны для осознаваемого уровня ее реализации и регуляции, а следовательно, – и для сознания как такового. Именно «через» данный инвариант и, по существу, «в нем» сознание и «рождается в деятельности». Однако, он сам – в том виде, в котором это *достаточно* для полноценной и эффективной организации деятельности – складывается и формируется именно в трудовой деятельности. Его формирование – это в значительной степени и есть «филогенез» самой трудовой деятельности, ее возникновения и совершенствования.

Во-вторых, не менее значимо и то, что данный регулятивный инвариант является именно *инвариантным*, то есть он *подобен* в своих главных чертах по отношению ко всем трем основным типам деятельности. Отсюда, однако, с необходимостью следует, что он же, хотя, конечно, и в относительно менее развитом виде, присущ не только трудовой, но и игровой деятельности. Следовательно, само его транспонирование из трудовой деятельности в игровую является не только необходимым, но и *достаточным* условием для того, чтобы сама игровая деятельность эффективно выполнила генеративно-порождающие функции по отношению к «задаче формирования сознания».

---

¹⁴⁶ Напомним, что он образован последовательностью следующей совокупности регулятивных процессов (представленных, к тому же, в их временной – темпоральной организации): целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль.

Другими словами, игра только тогда становится достаточным условием для порождения сознания, когда она трансформируется в игровую *деятельность*. В свою очередь, это происходит, когда на ее организацию транспонируются тот регулятивный инвариант, который характерен для всех трех основных типов деятельности. Однако, именно эта трансформация – придание игре все большей сложности и организованности, а в итоге – транспонирование на нее «технологии» собственно деятельностной организации, то есть регулятивного инварианта, как раз и является основным – «магистральным» направлением развития игры в целом. Таким образом, и по отношению к онтогенезу исходный тезис оказывается, действительно, справедливым: сознание «рождается» в деятельности, но в деятельности именно игровой и именно тогда, когда *игра* трансформируется в игровую *деятельность*. Отсюда следует, что решающим – «критически значимым» условием для возникновения сознания в онтогенезе как раз и является трансформация *игры* в игровую *деятельность*. Это, в свою очередь, становится возможным на основе того, что постепенно и последовательно исходно и изначально «неорганизованная» спонтанная и хаотичная игра во все большей степени транспонирует на свою организацию рассмотренный выше регулятивный инвариант, образованной системой интегральных процессов.

Констатируя это, необходимо напомнить, далее, и о том – общем по смыслу, но совершенно конкретном по содержанию комплексе механизмов, благодаря которым осуществляется указанная трансформация. Как мы уже отмечали параграфе 2.3. второго тома, онтогенетическое развитие, формирование психики и поведения, а затем (и вместе с тем) – деятельности объективно невозможны вне общения ребенка и взрослого, вне социальных контактов, вне социальных взаимодействий в целом. В общем плане данное положение зафиксировано в методологическом принципе социальной обусловленности психики. Подчеркнем, что эти контакты и взаимодействия осуществляются, прежде всего, именно в процессе игровой деятельности. В этом взаимодействии, в этих контактах ребенка и взрослого

проявляется соактивность как простейшая форма совместного поведения, а затем – и совместной деятельности. Причем, по совершенно естественным, понятным и даже – жизненно необходимым причинам взрослый реализует в этой соактивности направляющие, организующие, регулирующие и прочие воздействия на поведенческую активность ребенка. В определенном смысле взрослый выступает как «руководитель», а ребенок – как «руководимый». Вообще говоря, следует подчеркнуть, что между управленческой и педагогической деятельностями существует глубинное и даже атрибутивное сходство их психологической природы, обнаруживающееся именно сквозь «призму» понятия метадеятельности. Действительно, хорошо известно, что идеалом педагогической деятельности является не решение задачи просто «научить», а «научить учиться», то есть, по существу, выйти за пределы своей индивидуальной деятельности и сформировать «деятельность других» (учащихся). Даже в самом понятии «педагогика» отражена эта связь: педагогика – дословно «детовожделение», что этимологически практически эквивалентно понятию «руководство».

По отношению к поведению ребенка должны быть реализованы некоторые – вначале самые элементарные, а затем все более усложняющиеся организующие, корригирующие и направляющие функции. Взрослый учит, а ребенок учится в этом взаимодействии действовать, а *для этого* – предвидеть, ставить цель, элементарно планировать, делать выбор (принимать решения), контролировать себя, исправлять (корректировать) ошибки и др. Тем самым, в этом процессе взрослый – просто в силу того, что он объективно организует поведение ребенка, «следит за ним» и «контролирует его», естественным и необходимым образом реализует некоторую совокупность функций по управлению этим поведением. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев взрослый не ставит перед собой самостоятельную цель делать это и тем более – «реализовывать какие-либо управленческие функции». Суть дела в том, что такая реализация носит совершенно объективный характер и происходит «параллельно» соактивности ребенка и взрослого. При ближайшем рассмо-

тренинги оказываются, что по своему содержанию эти функции (повторяем, – направленные на управление поведением ребенка) очень близки к управленческим функциям как таковым, хотя они, разумеется, и представлены в относительно простейшем, элементарном виде. Вместе с тем, понимая их смысл, воплощая их требования в своем индивидуальном поведении, *подчиняясь* им, ребенок начинает строить свое поведение в соответствии с ними.

Таким образом, все эти функции и тот регулятивный инвариант, в виде которого они представлены в поведении и деятельности, начинает регулировать индивидуальное поведение, а затем и элементарные формы индивидуальной деятельности (подчеркнем, – прежде всего, именно игровой) ребенка. Этот инвариант был рассмотрен нами выше и включает в себя систему интегральных, регулятивных процессов организации деятельности – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля. Другими словами (так сказать, – исходно) этот инвариант представлен «со стороны взрослого» как совокупность «управленческих» – регулятивных *функций*. Через них он направляет, регулирует поведение ребенка. Однако эти функции, подчинения которым и добивается, прежде всего, взрослый, начинают «переходить во внутренний план» и принимать тем самым форму специфических – регулятивных процессов, направленных на организацию индивидуального поведения. Иными словами, формируются те процессуальные регуляторы, которые были обозначены выше понятием интегральных психических процессов. Их система, будучи исходно задана в качестве регулятивного инварианта, затем принимает внутреннюю форму – форму *саморегулятивного* инварианта.

Таким образом, подводя промежуточные итоги проведенному выше рассмотрению, можно сделать и еще одно заключение. Анализ процессуально-психологического содержания деятельности в целом и игровой, в особенности, а также ее генезиса, привел в итоге к тому, к чему и «должен был привести» – к феномену сознания. Эволюционное усложнение форм и уровней процессуального содержания психики и в ее когнитивном «измерении»,

и в ее регулятивном «измерении», равно как и во всех иных, последовательно, но с необходимостью приводит к «высшей по степени интегративности» форме организации этого содержания – к сознанию. Естественно, что данный феномен – сознание как предмет психологического исследования не исчерпывается только рассмотренными аспектами и к ним не сводится¹⁴⁷. Наряду с ними, существуют и иные планы организации и генезиса сознания – в том числе, и те, которые необходимо проанализировать с точки зрения основных задач данной работы. В связи с этим, в ходе последующего изложения мы еще не раз будем возвращаться к рассмотрению феномена сознания и особенностей его генезиса в игровой деятельности, в частности.

2.6. Темпоральная системность как детерминанта генезиса психики и деятельности

Действительно, одним из важных вопросов, возникающих в связи с данной проблемой и представляющим особый теоретический интерес, является вопрос о том, каким образом возникает и за счет каких средств обеспечивается *самосензитивность* – «самочувствительность», а на этой основе и способность психики к саморегуляции? Как данные свойства представлены на разных этапах онтогенетического развития и какова роль при этом собственно игровой деятельности? В плане возможного ответа на него, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения.

Как можно видеть из проведенного выше анализа, все представленные в нем материалы демонстрируют достаточно общую и очень значимую закономерность. Она заключается в том, что системогенез деятельности по своим так сказать «последствиям» постоянно *выходит* за свои собственные пределы и имеет значительно более обобщенные эффекты. «В нем» и «через него» осу-

---

¹⁴⁷ Вместе с тем, его собственно процессуальные основы и механизмы являются, все же, по-видимому, основными.

ществляется вполне закономерное, последовательно развертывающееся формирование и собственно *психических* образований. Он сам в известном смысле выступает комплексным средством, совокупностью механизмов их генезиса. Причем, это не какие-либо, хотя и важные, но все же «рядовые» образования и структуры, а образования *основные* – наиболее значимые в плане организации психики в целом. Напомним, что к ним относятся, прежде всего, регулятивная подсистема психики; действие как основная «единица» деятельности; основные классы психических процессов – как «первичных», так и «вторичных» и др.¹⁴⁸. Психика, как мы уже отмечали выше, «использует» деятельность в качестве очень комплексного и многопланового «инструментального средства», направленного на генезис ее структур и образований. Атрибутивно присущие самой деятельности «организационные средства» последовательно транспонируются и на организацию самой психики, качественно перестраивая ее «составляющие» и процессы. Тем самым вновь эксплицируется еще одно значение общего понятия метасистемогенеза – как «выходящего» (отсюда и префикс «мета») за пределы самой деятельности и распространяющегося на более широкую и общую сферу психического в целом. Такой выход, однако, и вполне закономерен, и необходим, и естественен. Он – в наиболее общем виде, собственно говоря, и соответствует известному положению согласно которому «психика развивается в деятельности».

Далее, обратим внимание и на то, что все рассмотренные средства генезиса «психики через деятельность», несмотря на их кардинальные содержательные различия, имеют одну *общую* по смыслу и фундаментальную по значимости черту. Они в той или иной форме реализуют по отношению к организации деятельности *системность*, заложенную в организации деятель-

---

¹⁴⁸ При этом необходимо особо подчеркнуть, что проведенный выше анализ раскрывает дополнительные грани общего «феномена действия»; с позиций этих результатов действия еще полнее и рельефнее предстают именно как базовые структурные «единицы» – содержания и генезиса уже не только деятельности, но и психики в целом. *Действие* раскрывается в качестве того, что во многом и *делает*, то есть осуществляет формирование психического.

ности. Сама системность деятельности и ее основные атрибуты (интегративные механизмы, синергетические эффекты, иерархичность организации и др.), объективно присущие деятельности, «эксплуатируются» психикой для ее собственного «строительства». Констатируя это, нельзя, однако, не видеть и другого – также очень значимого обстоятельства, состоящего в следующем. Все сказанное относится не только к *одному* из типов системности – *субстанциональной*, но и ко второму из ее типов – к *темпоральной* системности. Причем, очень важно, что последняя с высокой степенью полноты и рельефности реализована именно в функциональной организации деятельности. Тем самым данный тип системности раскрывается и в качестве наиболее комплексного, базового средства, через которое достигается объективно *главный* аспект всего функционального плана исследования. Он, напомним, состоит в раскрытии закономерностей «бытия явления во времени». В связи с этим – наиболее общим выводом, может быть сформулирован, однако, и ряд положений более конкретного плана. Они также направлены на выявление тех «последствий, которые» имеет данный тип системности и его освоения в ходе генезиса деятельности для генезиса уже собственно психических образований. Они же раскрывают и то, по каким закономерностям и на основе каких механизмов осуществляется его освоение в деятельности и к чему оно приводит.

Ключевую значение в плане их раскрытия имеет та – определяющая роль, которую играют в организации деятельности (и ее генезисе) *интегральные процессы* ее регуляции. Они уже не раз становились предметом нашего анализа, проявляясь при этом своими различными гранями и функциями в плане организации и генезиса деятельности. Вместе с тем, одна из них остается пока еще недостаточно эксплицированной, а ее суть заключается в следующем. Как было показано в параграфе 2.2.2. второго тома, *общая совокупность* интегральных процессов потому и является не просто их агрегативным объединением, а собственно системным образованием, что она построена на основе целого ряда соответствующих принципов и закономерностей. Все они являются специфически системными, а их рас-

крытие, собственно говоря, и составляли основу изложения в данном параграфе. Одной из основных среди них является то, что их совокупность закономерным и очень естественным образом воплощает в себе фундаментальный по своей значимости (и в целом, и по отношению к организации деятельности, в особенности) *параметр времени*. Это обеспечивается за счет того, что их совокупность представлена в форме определенного регулятивного инварианта, построенного, в том числе, и по собственно *хронологическому*, то есть специфически темпоральному принципу. Последнее означает, что все они «вытянуты» вдоль оси времени, организованы на основе собственно «временной координаты».

Действительно, очень трудно не видеть именно того, что вся их совокупность как раз и представляет собой определенную временную последовательность, точнее – временную организацию. Их совокупность – это и есть в известном смысле воплощение временной организации в общей структуре психической регуляции. И по отношению к реализации отдельно взятого действия, и по отношению к их комплексам, и по отношению к деятельности в целом – то есть, фактически, к *любому* деятельностиному акту их «временная развертка» является вполне определенной и инвариантной. Она (и это мы уже отмечали выше) как раз и представляет собой закономерную *последовательность* этих процессов: целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – *регулятивной*. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно *процессуальной организации* одной из базовых подсистем психики (регулятивной) органично воплощен параметр времени в целом. Его репрезентированность в регулятивной подсистеме (которая обеспечивается *основными* для психики, то есть собственно

процессуальными средствами), следовательно, обеспечивает его функциональное включение также и в общую организацию психики. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция, – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени – это та базовая координата, которая оказывается репрезентированной и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики.

Рассмотренная выше закономерность, являясь, разумеется, достаточно общей и значимой сама по себе, эксплицирует, однако, обстоятельство еще более обобщенного плана. Оно состоит в том, что влияние генезиса деятельности на формирование психических образований осуществляется по двум основным направлениям, с использованием двух базовых категорий средств. Во-первых, это все более полная реализация в формирующейся психике тех «организационных средств», которые присущи именно *содержательной*, то есть субстанциональной организации деятельности. Это означает, что на организацию деятельности транспонируется первый из двух основных типов системности – *субстанциональная*. Во-вторых, наряду с этим, на психику транспонируется и собственно временная – темпоральная организация, также атрибутивно присущая деятельности. Тем самым психика все более полно ассимилирует в своей организации и второй основной тип системности – *темпоральную*. В результате этого те базовые особенности и закономерности, которые присущи деятельности как системе временного, темпорального типа (и которые составляли предмет развернутого анализа в параграфе 2.3.1. данного тома), все более полно и последовательно транспонируются также и на организацию психики. Психика «эксплуатирует» не только *субстанциональную* системность, заложенную в деятельности, но и системность *темпоральную*, также атрибутивно присущую деятельности.

При этом, однако, вновь следует *особо* подчеркнуть, что именно деятельность выступает очень явным и ярким предста-

вителем систем темпорального типа. Именно в ней параметр времени не просто «реализован», а по существу лежит в *основе* всей ее организации. Поэтому, овладевая деятельностью, субъект во многом овладевает и временем, точнее – временной организацией как принципом построения и структурировании самого психического. При этом фактически, все особенности и закономерности временной организации, которые атрибутивно присущи деятельности (и которые эксплицируют ее в качестве системы временного типа), выступают и средствами временной организации самой психики. Их транспонирование из «внешнего» (из деятельностной формы их существования) во «внутреннее» – в содержание самой психики составляет одно из важнейших направлений собственного генезиса психического. С этих позиций открываются возможности для дифференциации двух основных, но существенно различающихся друг от друга направлений генезиса деятельности и психики, взятого в аспекте того, как в нем происходит становление темпоральной системности. Оба они, однако, имеют общий смысл, состоящий в том, что темпоральная системность во все большей степени начинает выступать в качестве операционного средства их организации и функциональной динамики.

Во-первых, в плане своей *макроорганизации* деятельность, как показано выше, действительно, воплощает в себе основные принципы и закономерности собственно временной организацией в целом и временной – темпоральной системности, в особенности. Она тем самым выступает *онтологически* представленной – объективно существующей и данной *исходно* основой для становления аналогичной организации и аналогичного типа системности также и у психического в целом. Временная организация и темпоральная системность транспонируются из деятельности в психику, составляя важную грань генезиса последней. Причем, по-видимому, – грань не просто «важную», но и *важнейшую*; поясним сказанное.

Как известно (и это было предметом специального рассмотрения в параграфе 2.5.3. данного тома), именно такую – во многом определяющую роль во всей организации психики

играет собственно *процессуальная* форма организации, организация «психического как процесса». Кроме того, общеизвестно и то, что среди всех «составляющих» психики аналогичный статус – статус важнейшего также имеют психические *процессы*. Однако, само понятие процесса (и это также подробно рассмотрено) в строгом и наиболее специфическом смысле как раз и представляет собой, фактически, систему темпорального, временного типа. Процесс – это и есть *организованное во времени* бытие явления. Он как таковой есть не что иное, как функционирование, организованное в соответствии с принципами темпоральной системности. Иными словами, процесс – это и есть система темпорального типа. Тем самым, однако, со всей очевидностью вскрывается фундаментальное, на наш взгляд, по своей значимости обстоятельство: *важнейшая* категория общего содержания психики – психические процессы как раз и представляют собой системы темпорального типа. «В них» и «через них» само психическое «строится» на основе принципов темпоральной системности. Оно тем самым ассимилирует уже не только субстанциональную системность (что было обосновано выше), но и системность темпоральную.

Наряду с этим, в контексте именно данного изложения важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Представленность темпоральной системности в психике не дана «сама по себе» – «исходно и изначально», автоматически. Такая представленность – это именно *результат*, в основе которого лежит определенный и достаточно комплексный *процесс* собственно генетического плана. Этот генезис во многом и разворачивается, как показано, выше, в процессе системогенеза деятельности; он является деятельностью-опосредствованным. Важнейшую роль в нем играет транспонирование на организацию психики *принципов* темпоральной – собственно процессуальной организации деятельности. Благодаря им, сама деятельность обретает основные черты собственно временной организации, а также атрибуты, раскрывающие ее принадлежность к системам темпорального типа. В качестве таких атрибутов и выступают основные *принципы*, лежащие в основе системной формы организации

как таковой. Они были подробно охарактеризованы в главе 1 первого тома; это принципы целевой детерминации, минимально достаточной дифференцированности, пропорциональной интегрированности, неравномерности, гетерохронности, реверсивности, кумулятивности, итеративности, трансформирующейся детерминации и др.¹⁴⁹.

Во-вторых, еще более глубинные процессы, связанные с временной организацией и темпоральной системностью, обнаруживаются в плане так сказать *микроструктуры* деятельности и ее базовых компонентов – *действий*. Сквозь «призму» категории времени и понятия темпоральной системности сам «феномен действия» обнаруживает свои дополнительные грани. Они – в *общем* плане были достаточно подробно проанализированы выше. Однако, они же не только могут, но и должны быть привлечены к раскрытию того, как *конкретно* темпоральная системность реализуется в функциональной организации деятельности, а также в генезисе на ее основе собственно психических образований и структур¹⁵⁰. В самом деле, с этих позиций становится очевидной необходимость в определенной корректировке общего статуса действия как базовой «единицы» деятельности. Как мы уже отмечали выше, одной из «аксиом» теории деятельности является положение, согласно которому ее основным – базовым

---

¹⁴⁹ Кроме того, как было показано нами в работах [91, 114], существует и особая категория *системных качеств – временные* системные качества, которые также раскрывают одну из важнейших граней темпоральной системности как такой. Их общая типология, а также конкретные формы их существования в деятельности как системе темпорального типа были также подробно рассмотрены в указанной работе.

¹⁵⁰ В связи с этим, однако, возникает определенная трудность «композиционного плана». Она состоит в том, что для детального и, по возможности, более полного анализа генезиса временной организации и темпоральной системности системности необходимо, фактически, полное воспроизведение того анализа, который уже был осуществлен в параграфе 2.3. Однако, совершенно понятно, что такое дублирование, конечно, совершенно недопустимо. Целесообразнее, по-видимому, просто отнестись к этим материалам как к составляющей части *и* данного раздела, ограничившись рассмотрением лишь некоторых – наиболее репрезентативных проявлений данной общей закономерности.

ее компонентом выступает *действие*. Оно трактуется при этом именно в качестве компонента деятельности, что, однако, – вольно или невольно, а чаще просто «следуя традиции» предполагает и его понимание в качестве именно *структурного*, точнее, практически исключительно – субстанционального компонента. Последнее связано с тем, что сами понятия компонента и структуры традиционно выступают как предполагающие друг друга. Вместе с тем, как показано выше, субстанциональная системность, – это, хотя и важный и, более того, по-видимому, основной тип системности, но всей же – не единственный ее тип. Наряду с ней, существует и временная системность, являющаяся объективным следствием временной организации. Она, как, впрочем, и любая иная организация, предполагает наличие самого «организуемого», то есть соответствующих ей специфических компонентов. Однако, это уже собственно *временные компоненты*, то есть компоненты временной системы.

С этих позиций трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что само понятие действия как наиболее традиционное и, по существу, «безоговорочно» принимаемое в качестве базового компонента деятельности не является *только* ее субстанциональным компонентом, а выступает и компонентом совершенно иной природы – *временным компонентом*. Более того, именно этот его временной модус является, по-видимому, генетически первичным. Действие *исходно* – в самых простейших (и даже примитивных) формах и проявлениях всегда, причем, – совершенно объективно представлено, прежде всего, именно в качестве, точнее в статусе *этапа*, в качестве звена временной последовательности любой формы активности. Эта последовательность образована вначале просто элементарными формами активности, а затем – все более усложняющимися типами деятельности и, наконец, – высшими формами социального поведения. Действие – исходно временная «единица», которая, однако, принципиально открыта для ее содержательного «наполнения».

С позиций такой трактовки становится очевидной недостаточность традиционно сложившихся представлений о действии как «единице», лежащей в основе *иерархической* организации

структуры уровней. Эта структура (например, в концепции А. Н. Леонтьева) предполагает понимание действия именно как субстанционального, а не временного ее компонента, что и приводит к ряду теоретических трудностей. В действительности же организация деятельности – это, прежде всего, *временная организация*. Реализуя данный тезис, в главе 2 данного тома мы показали, что та структурно-уровневая организация деятельности, которая традиционно рассматривается в качестве *субстанциональной*, в действительности, является генетически исходно временной, то есть собственно *темпоральной*. Основные же ее структурные уровни – это, в действительности, уровни различных степеней реализованности в организации деятельности именно темпоральной системности. Отсюда, однако, с логической необходимостью следует, что *генезис* структурно-уровневой, иерархической структуры деятельности – это, прежде всего, генезис системы темпорального (а не субстанционального) типа. Его смысл состоит в том, чтобы по возможности наиболее полно обеспечить реализацию в организации деятельности системности именно темпорального типа; в том, чтобы деятельность во все более полной мере воплотила бы в себе черты временной системы. Обретение ей этого типа системности, построение ее как временной системы является, таким образом, не только важнейшим, но и в известном смысле *первичным* аспектом всего ее системогенеза.

Интерпретация действия в качестве и структурно-временной «единицы» деятельности, позволяет, далее, выявить обстоятельство еще более имплицитного плана. Она показывает, что действие выступает своего рода «временным квантом» деятельности, средством ее временной дифференциации (а на этой основе – и ее последующей интеграции). В более широком плане это означает, что, как было показано выше, оно является средством, обеспечивающим включение в организацию деятельности самого параметра времени как одной из базовых, фундаментальных «координат» объективной реальности; ее «ассимиляцию» деятельностью и адаптацию субъекта к ней. Однако, «в» действии и «через» действие происходит, по-видимому, не только

так сказать «приспособление» к параметру времени, а само оно выступает поэтому не только инструментальным образованием, а выполняет по отношению к данному параметру более важную функцию. Поясним сказанное.

Как мы уже отмечали ранее, что ключевым и «критически значимым» признаком дифференциации действия в структуре деятельности, как известно, является наличие у него *осознаваемой* цели. Причем, это такая цель, которая не совпадает с общей целью деятельности. Тем самым, на действие «автоматически» и совершенно объективно транспонируется само качество *осознаваемости, состояние* осознаваемого контроля – состояние сознания, взятое в его актуальном и конкретном бытии. В каждый отдельно взятый момент времени, соотносящийся с реализацией того или иного действия, осознаваемый контроль за ним, его осознаваемая репрезентация образует собой актуально переживаемое, осознаваемое содержание психики, всю *субъективную реальность* в ее *актуальном* проявлении (так называемое «психическое настоящее», дифференцированное от «пошлого» и «будущего»). «Цепь» действий, точнее – их последовательность, а еще точнее – их временная организация, собственно говоря, и эквивалентна деятельности как таковой. Однако, тем самым *эта же* «цепь» (последовательность – временная структура) предстает и как последовательность состояний осознания, то есть как ее *собственная* – «внутренняя» динамика сознания. Причем, подчеркиваем, сами действия, в силу также уже отмечавшейся «одноканальности», «однофокусности» сознания, строго говоря, не могут «запараллеливаться», а реализуются иным образом, то есть именно «одноканально» – согласно принципу *последовательности*. Последовательность действий выступает и как последовательность *состояний сознания*. Эта последовательность – временная динамика состояний *самого субъекта*, собственно говоря, во многом и конституирует «бытие субъектности» в плане ее временного развертывания. При этом, однако, уже не «динамика субъективного мира» дробится на отдельные «кванты» – действия, а наоборот, они сами как раз и *порождают* ее. Тем самым, действия, а также их организация выполня-

ют генеративно-порождающие функции. Они в известной мере выступают средствами *порождения субъективного времени*, а не только средствами *адаптации* к нему. И в этом плане данная генеративно-порождающая функция действий не является чем-то исключительным, поскольку именно в действии, как известно, «рождаются» многие иные психические образования. Все сказанное демонстрирует дополнительные грани «генетического потенциала» действия. Данный потенциал предполагает и формирование самого феномена *субъективного* времени как производного от *объективного* времени.

Далее, следует отметить и тесную генетическую связь «феномена действия» с формированием (и в фило- и онтогенезе) одного из важнейших, а не исключенною – и основных принципов функциональной организации психики. Он обычно обозначается как принцип «одноканальности», «однофокусности» сознания (и уже был предметом нашего рассмотрения в параграфе 2.4. данного тома). Действительно, любое действие дифференцируется в структуре деятельности по «критически значимому» признаку – наличию у него *осознаваемой* цели. Вместе с тем, не менее фундаментальной является и закономерность, согласно которой именно эта осознаваемая цель определяет собой актуальное содержание сознания в каждый интервал времени – «психическое *настоящее*» субъекта. Однако, эта цель сама «должна быть целостна» – едина в пределах действия. В противном случае действие просто дифференцируется на два и более новых, относительно самостоятельных действия. Она требует полной включенности в нее субъекта и, следовательно, предполагает необходимость выделения действия в общем «деятельностном континууме» именно в качестве *автономного* временного *интервала*. Любое действие, сопряженное с достижением *осознаваемой* цели, объективно предполагает его *временную автономизацию* – представленность именно в качестве этапа (или – микроэтапа) деятельности, в качестве ее «временного кванта». В свою очередь, эти «кванты» также объективно подлежат временной организации и тем самым образуют временную последовательность. Поэтому общая временная организация последовательности

действий уже не просто воспроизводится в принципе «однотипности», но и, фактически, является ее генетическим «корнем», первопричиной. Сознание – в его «временной развертке, то есть в его функциональной организации «строится» так же, как и деятельность, взятая в плане временной организации ее основных «единиц» – действий.

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что и в собственно «временном измерении» имеет место всё та же – уже неоднократно констатированная выше наиболее общая закономерность. Согласно ей, психика «эксплуатирует» те особенности и принципы организации, которые атрибутивно присущи деятельности, в целях своей собственной организации. Причем, в свете изложенных материалов, данное общее положение наполняется именно реальным содержанием, поскольку раскрываются новые *конкретные* направления такого «генетического использования». Более того, в свете сказанного можно сделать и еще одно заключение – также обобщающего плана, состоящее в следующем: в ходе развития деятельности происходит транспонирование на психику в целом *обоих* основных типов системности – и субстанциональной, и темпоральной. Генетическое влияние деятельности на психику, действительно, осуществляется в аспекте важнейшего и наиболее обобщенного принципа ее организации – системности. Однако сам этот принцип транспонируется на организацию психики комплексно – в его двух базовых разновидностях (субстанциональной и темпоральной системности).

Вместе с тем, каким бы сильным и многоплановым ни было генетическое воздействие принципов собственно *системной* организации деятельности на ее формирование, *только* ими дело не ограничивается. Дело в том, что, как было показано в параграфе 2.1. первого тома, деятельность принадлежит к качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Она, следовательно, обладает не только собственно системной, но и *метасистемной* специфичностью, подробно рассмотренной, в указанном параграфе. Это также имеет очень существенные и многоплановые «последствия» для генетической

детерминации развития психики со стороны деятельности. Важнейшее из них обусловлено следующим обстоятельством. Метасистемная специфичность деятельности проявляется, прежде всего, в глубоком своеобразии ее иерархической организации, поскольку высшим уровнем в ней выступает *метадеятельностный* уровень. Его подробная характеристика была дана в параграфе 2.3. первого тома, а его определяющей и атрибутивной чертой является то, что на нем имеет место феномен (и механизм) деятельностного рефлексирования – «оборачивания» деятельности на самоё себя. Происходит своего рода «удвоение» статуса самой деятельности. Она, не переставая быть собственно системным образованием (активным *оператором*), одновременно выступает и в качестве предмета – «материала» оперирования (то есть *операндом*)¹⁵¹. Следовательно, «технология» и атрибутивно присущие деятельности черты («продуктивность», результативность, трансформационность и др.), которые в принципе хорошо известны, но рассматриваются лишь по отношению к обеспечению какого-либо «внешнего» эффекта, могут транспонироваться и на нее саму. Деятельность выступает тем самым не только средством организации самой себя, но и средством своего же собственного генезиса. В конечном итоге, данное свойство деятельности и, соответственно, – возможность ее существования в так сказать «удвоенном бытии» (в виде метадеятельности) коренится в еще более глубинном ее атрибуте – свойстве *саморегулятивности*. Это свойство «пронизывает» все уровни ее организации, достигая, однако, апогея именно на высшем – метадеятельностном уровне. На нем совокупность механизмов саморегуляции обретает, фактически, деятельностный статус – именно в плане своей сложности, «технологии» и, что наиболее существенно, в плане самого их «предмета». Им выступает сама «первичная» деятельность в целом.

Все это и обуславливает возникновение новых, качественно специфических черт у самого генезиса деятельности: он, как

---

¹⁵¹ В свою очередь, это является частным случаем общего и имеющего множество проявлений механизма *операндно-операторной обратимости*.

было показано в параграфе 2.3. второго тома, трансформируется в метасистемогенез. Его определяющей чертой, в свою очередь, выступает то, что он регулируется и контролируется – управляется, в основном, средствами и механизмами *осознаваемого* плана. Это имеет как позитивные (в основном), так и негативные последствия для самого формирования деятельности. Вместе с тем, сама метадеятельностная организация, лежащая в основе саморегулируемости, выступает не только как *«вторичная»* деятельность, но и как *«вторичная деятельность»*. Другими словами, она также строится на тех же самых принципах, которые присущи и «первичной» деятельности. Одними из важнейших среди них, как показано выше, являются механизмы субстанциональной и темпоральной системности. Однако в таком случае складывается следующая ситуация. Закономерности и механизмы, принципы и средства, атрибутивно присущие системности как таковой, начинают реализовываться *в отношении их же самих*. Системность вступает средством развития самой же себя, причем, представленной в одной и той же форме – в форме деятельности. Происходит уже не только «рефлектирование деятельности», но и «рефлектирование системности»; порождается *метасистемность* как таковая.

В генетическом плане важность данного явления состоит в том, что с его позиций несколько в новом свете должен быть проинтерпретирован и общий характер генезиса деятельности. Он раскрывается уже не только как процесс, в котором реализована системность, то есть как нечто такое, в чем используются принципы системоегенеза. Одновременно он предстает и в качестве процесса, в котором сами эти принципы (и системность как общий атрибут организации) также подвержены формированию. Они не «даны исходно», а развиваются и трансформируются в его процессе. Причем, важным средством такого развития системности выступает она же сама. Системность, «оборачиваясь» самоё на себя, порождает системность так сказать «второго» порядка, то есть метасистемность как таковую. Вместе с тем, такое «оборачивание» выступает, возможно, лишь первым шагом на пути ее качественных трансформаций, является лишь прецедентом.

Не исключено, что могут происходить и дальнейшие трансформации, приводящие к становлению системности иных порядков сложности. На наш взгляд, именно этот наиболее общий механизм системной организации, суть которого состоит в качественной трансформации ее самой под влиянием механизмов ее же собственной организации, как раз и лежит в основе генезиса психических явлений и процессов, структур и образований. Вся эта – действительно, более сложная, но и более богатая содержанием и более близкая к реальности картина, адекватнее и полнее раскрывает истинный характер и содержание генетических трансформаций деятельности и психики в ней.

Вместе с тем, если справедлива многократно проявившаяся выше закономерность, согласно которой психика в своем развитии «эксплуатирует» принципы и средства организации деятельности, то эта закономерность должна распространяться и на охарактеризованную выше «вторичную» системность. Другими словами, согласно данной закономерности, эта «вторичная» системность не просто транспонируется из деятельности в содержание психики в целом. Она же, по-видимому, выступает и «генетически корнем» – истоком и источником тех базовых принципов (не исключено – наиболее общих), на основе которых построена и психика в целом. Очень показательным, что именно это, действительно, и является очень характерным для организации психики в целом и ее высшего уровня – *сознания*, в особенности; поясним сказанное.

Атрибут саморегулируемости, базирующийся на охарактеризованном выше механизме «вторичной» системности, исходно – «генетически первично» складывается, как показано выше, именно в деятельности. Он объективно имеет *регулятивную* природу, а ведущую роль в нем играет детерминация именно деятельностного плана. Она столь же объективна, сколь объективна и сама деятельностная активность – начиная от ее элементарных проявлений и заканчивая зрелыми формами. Вместе с тем, этот – складывающийся исходно в деятельностной активности атрибут «подчиняется» общим закономерностям транспонирования принципов генезиса деятельности на организацию психики.

Он выступает поэтому и как базовый, генетически первичный по отношению к ее организации. В результате этого он «выходит» за границы лишь регулятивной специфичности и обретает более общий характер, выступая в качестве феномена (и комплексного механизма) *самоорганизации*. Собственно говоря, самоорганизация – это и есть саморегуляция, взятая в ее высшей форме и на высшем ее уровне, когда «регулятор» и «регулируемое» («организатор» и «организующее») реализуются *одной и той же* сущностью. Наиболее полное и очевидное воплощение данный механизм и находит, как известно, в «феномене сознания», в сознании как таком уникальном образовании, которое как раз и характеризуется, прежде всего, тем, что в нем возникает атрибут самопрезентированности, самосензитивности («самоданности»). Следовательно, можно констатировать, что «генетически корнем» самоорганизации как наиболее общего атрибута психики в целом и сознания, в особенности является то важнейшее свойство, которое исходно присуще именно деятельности. Оно носит специфически деятельностный характер и представлено в комплексном механизме саморегулируемости. Этот механизм транспонируется на содержание психики в целом. Он претерпевает при этом закономерные качественные трансформации и выступает в своем итоговом виде как механизм (точнее – совокупность механизмов) *самоорганизации*.

По отношению к зрелой, сформированной психике все это, собственно говоря, и приводит, как было показано выше, к становлению в ее структуре метасистемного уровня. Он, в свою очередь, создает условия для того, чтобы стала возможной *объективация* психики самой же себе – в качестве некоторого оппозиционированного, «условно внешнеположенного» объекта. Психика обретает способность отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на всю систему – психику в целом. Все это, повторяем, не только наиболее рельефно проявляется в «феномене сознания», но и составляет его сущность. Становится возможным своеобразный выход за ее

собственные пределы, а тем самым и становление атрибута самоорганизации. Зрелая, сформированная психика – благодаря сформированности именно метасистемного уровня, не только *базируется* на системных закономерностях, но и активно *использует* их же в отношении своей собственной организации в качестве *операционных средств*. «Управлять собой» и регулировать себя (то есть – *саморегулировать*) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как *средства* саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, и генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем – это не просто системогенез в его «классическом» понимании – как развитие системы. Он обязательно предполагает не только *формирование системы*, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции. Другими словами, он означает и *развитие системности как механизма* этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения и было предложено понятие *метасистемогенеза*. В своем «широком» значении данное понятие фиксирует общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Данное понятие, как показано выше, фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковое, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции – повторяем, развитие системности как механизма этой регуляции. Оно, свою очередь, обязательно предполагает и возможность использования системности в отношении *самой же себя* – как в плане генезиса, так и в плане организации. По отношению к деятельности он представлено в качестве становления и развития атрибута саморегуляции, а по отно-

шению к психике в целом – в виде формирования и совершенствования атрибута ее самоорганизации. Причем, в контексте тех общих закономерностей, которые являются основным предметом рассмотрения в данном параграфе, наиболее показательно и характерно то, что второй из них во многом выступает как *генетически вторичный* по отношению к первому. В свою очередь, первый должен быть рассмотрен как «генетический корень» – как исток и источник для развития второго, равно как и постоянный стимул его совершенствования в ходе онтогенетической смены основных типов деятельности.

2.7. Темпоральная системность в генезисе самопрезентированности психики

Представленные выше материалы позволяют, далее, сформулировать один из возможных вариантов решения наиболее сложного, а одновременно – и важного вопроса, связанного с раскрытием закономерностей и механизмов базового и во многом определяющего, фундаментального свойства психики – свойства *самопрезентированности*, самосензитивности. Оно феноменологически максимально полно и ярко эксплицируется в сознании как таковом, образуя одну из важнейших граней его качественной определенности. Для этого, однако, необходимо дополнить уже проанализированные материалы еще одной группой представлений теоретического плана. Они связаны со сложившимися в методологии системности представлениями о существовании трех базовых категорий *качеств* – материальных, функциональных и системных¹⁵². Эти категории исходно возникли, а затем длительное время разрабатывались и применяются в настоящее время исключительно по отношению лишь к одному типу систем – к *субстанциональным* системам. Вместе с тем, как было подробно обосновано выше, наряду с субстанци-

---

¹⁵² Эти категории впоследствии еще станут предметом специального и достаточно развернутого анализа (см. главу 3 четвертого тома).

ональными системами, существует и еще один, столь же фундаментальный тип систем – *темпоральные*. Кроме того, основное внимание при их исследовании уделяется тому, каким образом на базе функциональных качеств возникают качества принципиально иного уровня, то есть системные качества. Однако, как было показано нами в работе [118], не меньшее значение, нежели генетически-порождающий переход функциональных качеств в системные, имеет и «обратная» трансформация – системных качеств в функциональные. Несмотря на то, что и темпоральная системность, и «обратный» переход системных качеств в функциональные изучены в настоящее время очень слабо, именно они играют определяющую роль в генезисе базового атрибута психики – свойства саморепрезентированности. Одновременно – и это также чрезвычайно показательно в контексте основных задач данной работы – они же «критически значимы» для объяснения сути структурно-функциональной организации деятельности в целом и игровой деятельности, в частности.

Действительно, эволюция системной формы организации привела к тому, что так сказать «прямой» механизм – механизм порождения системных качеств на основе функциональных был дополнен своего рода «симметричным» по отношению к нему механизмом. Это – механизм «обратной трансформации» системных качеств в функциональные. Общенаучный *принцип симметрии* оказывается тем самым реализованным и в самой системной форме организации как таковой, что еще раз подтверждает не только возможность и правомерность этой «обратной трансформации», но и ее, фактически, *объективную необходимость*. Такого рода «обратная» трансформация имеет множество своих проявлений. Однако все они имеют принципиально общий смысл, состоящий в следующем. Тот или иной *результат*, достигаемый системой на каком-либо интервале ее функционирования и характеризующий это функционирование именно *в целом*, не только может, но и должен быть проинтерпретирована как ее – системы именно *целостное* проявление и «выражение», то есть как ее интегративное свойство – как *системное качество*. Однако, как было показано выше и в общем плане

и на материале функциональной организации деятельности, ряд систем организован таким образом, что они могут использовать *результаты* своего функционирования в качестве исходных *условий* и *средств* для него же, но на *последующих* интервалах его развертывания. Другими словами, результаты, представленные в виде системных качеств, трансформируются в статус условий. Тем самым, однако, сами системные качества начинают использоваться в собственно *инструментальной* функции – как средства, то есть, фактически, они становятся собственно *функциональными качествами*.

Вместе с тем, – и это, пожалуй, наиболее принципиально, подчеркнем следующее обстоятельство. Такая трансформация возможна только в том случае, если в системную форму организации обязательно «включен» новый параметр, если эта форма дополняется еще одним – не просто «важным и базовым», но и фундаментальным механизмом, новым атрибутом. Это – включенность в нее параметра *времени*, «временной координаты» реальности. Действительно, без и «вне» данной координаты «обратная трансформация» вообще невозможна, что объясняется следующим. То, что выступало системным качеством на каком-либо интервале, стадии, то есть в тот или иной момент времени, может становиться *затем*, то есть уже *принципиально* в другой момент функциональным качеством. «Обратная трансформация» – переход системных качеств в функциональные, как и любой иной *переход*, это всегда – именно «ход», течение, процесс, временное развертывание, «бытие во времени». Тем самым, однако, можно видеть, что *субстанциональные* системы самой «логикой» своего эволюционного развития, то есть своим усложнением и совершенствованием порождают принципиально иной тип систем – *темпоральные*, временные посредством включения в первые самой временной координаты, параметра времени как такового. Посредством этого субстанциональная системность дополняется темпоральной, а действительно сложноорганизованные системы воплощают в своей организации оба этих типа системности. Они, не переставая, разумеется, быть субстанциональными

системами, обретают еще и статус темпоральных систем. В представленных выше материалах как раз и было подробно обосновано, каким образом это происходит и по отношению к психике в целом, и по отношению к деятельности, в частности.

Далее, следует, конечно, иметь в виду, что с *содержательной* стороны, то есть в плане конкретных средств – «реализаторов» данного перехода он может характеризоваться глубокими различиями в каждом отдельном случае. Так, по отношению к организации деятельности он может иметь одно содержание, а по отношению к организации психики в целом – другое. Общность данного перехода, равно как и реализующих его «организационных» механизмов, состоят не в «содержательном сходстве», а в инвариантности именно общих *принципов организации*. Они, в свою очередь, потому и являются общими, что выступают частными экспликациями темпоральной системности как таковой. Действительно, именно этот принцип и эта форма и является подобными в обоих случаях. По отношению к деятельности он представлен в охарактеризованном выше «механизме погружения результата в процесс». Он представляет собой трансформацию содержательных характеристик системы из статуса ее *результативных* эффектов в статус *процессуальных* условий детерминант ее же собственного функционирования, то есть процессуальной организации.

По отношению к организации психики в целом и ее процессуального содержания, в особенности, имеет место принципиально сходный механизм, но представленный в несколько более сложном виде. Действительно, в главе 2 данного тома было показано, что механизм операндно-операторной обратимости, лежащий в основе генезиса «вторичных» и «третичных» психических процессов может обеспечивать сензитивность не только к *результативной* стороне «первичных» психических процессов, но и их собственно *процессуальному* содержанию. Напомним, что его суть состоит в следующем. Первые, характеризуют результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, а потому являются именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть

его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих этапах «фиксируются» системой и используются как операционные средства его дальнейшей функциональной организации. Тем самым они начинают выступать уже как собственно функциональные качества.

Сказанное можно проиллюстрировать следующей, хотя по необходимости упрощенной, но показательной схемой (напомним, что данный вопрос уже был частично рассмотрен в разделе). Допустим, на каком-либо интервале функционирования (t_1) система, состоящая из n компонентов, достигла в результате их интеграции некоторого результата. Он, будучи именно итоговым, результативным эффектом функционирования системы, в принципе несводим к аддитивной совокупности изначально включенных в интеграцию компонентов, а характеризует новые – атрибутивно системные качества. Вместе с тем, как неоднократно подчеркивалось выше, процесс функционирования сложных систем потому и является именно процессом, то есть организованным во времени функционированием, что общий – конечный результат не может быть получен в общем случае «за один раз», посредством так сказать «однократной» интеграции ее компонентов. Напротив, он может быть получен через целый ряд – через организованное множество, то есть скоординированную последовательность такого рода «парциальных» интеграций. Это означает, следовательно, что на следующем интервале функционирования (t_2) достигнутый на предыдущем этапе «парциальный» результат и характеризующие его системные качества, начинает использоваться системой уже в качестве одного из условий, в качестве одного из операционных, функциональных средств. Этот результат «распознается» системой и фиксируется ей, а затем используется ей в качестве просто еще одного компонента, составляющего общее содержание процесса, но на новом «такте итерации» – развертывания этого процесса.

Наиболее непосредственные референты сказанного представлены именно по отношению именно к психике. Это – прямая воспринимаемость именно результата, содержания того или иного процесса, но и столь же принципиальная «скрытость» многих иных его сторон и механизмов. Тем самым результат транспони-

руется в содержание системы, выступая в качестве еще одного ее компонента. База интеграции расширяется и включает уже $(n + 1)$ компонент, что объективно требует новой интеграции, которая, соответственно, приводит к новому результату. Далее аналогичные по своей сути трансформации могут многократно повторяться. Это происходит до тех пор, пока интеграция все более обогащающихся компонентов системы не станет достаточной для реализации ее конечной цели функционирования.

Следовательно, можно видеть, что сама суть функциональной организации сложных систем, позволяющая обрести ее черты необходимой организованности, то есть выступить в собственно процессуальной форме, обязательно и объективно предполагает наличие двух взаимосвязанных механизмов. Первый – это механизм транспонирования результатов процесса, достигаемых на том или ином этапе его развертывания, в его содержание и в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последующих этапах. Из статуса «следствий» (результатов) они трансформируются в статус «причин» (детерминант). Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, суть которого состоит в способности системы использовать первые в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, именно механизм трансформации системных качеств в функциональные как раз и выступает, по всей вероятности, основой для трансформации «парциальных» результатов процесса в само содержание этого процесса. Это – основа для порождения им же самим все новых условий, средств, посылок для его же собственного развертывания.

На основе проведенного анализа можно сделать, заключение, непосредственно связанное с целью основного, рассматриваемого здесь вопроса. Действительно, этот анализ вскрыл существование механизма трансформации системных качеств в функциональные. Он не только имеет место, но и составляет основу функциональной организации систем. На его основе системы обретают принципиально новое свойство, новую

способность – сензитивность к своим же собственным системным качествам. Она означает их «восприимчивость» и последующее использование этой категории качеств как операционных средств функциональной организации. Именно оно и лежит, на наш взгляд, в основе базового атрибута психики – свойства ее самопрезентированности и самосензитивности, феноменологически проявляющемся в сознании как таковом.

В связи со сказанным, далее, возникает еще один – принципиальный вопрос, имеющий наиболее непосредственное отношение основным задачам проводимого здесь анализа. Если две отмеченные выше экспликации единого и, по-видимому, базового, фундаментального механизма организации психики и деятельности, действительно, существуют, то какой из двух его модусов является «первичным» – генетически исходным? Вообще, в каких отношениях, в том числе (и прежде всего) – *генетических* они находятся между собой? При такой постановке проблемы, точнее при такой – очень детализированной и конкретизированной степени ее операционализации ее решение представляется уже достаточно очевидным.

Действительно, есть все основания считать (а вся богатейшая феноменология общей и генетической психологии убедительно подтверждает это) что «первичным» является именно деятельностный модус указанного механизма. Именно деятельность в целом и основные принципы ее структурно-функциональной организации являются, как показано выше, максимально полным и явным, а в то же время – и достаточно простым и даже так сказать «прозаическим» воплощением данного принципа. Более того, в ней он воплощен не только максимально полно, но и представлен, по существу, в наименее сложном из всех возможных виде. Он тем самым максимально «адаптирован» к тому, чтобы быть «распознанным» и «уловленным» психикой уже на самых ранних этапах ее онтогенетической эволюции, в том числе – и тогда, когда многие иные ее структуры и механизмы еще просто отсутствуют. Именно деятельностный модус данного механизма является поэтому *генетически первичным*. И именно поэтому временная, темпоральная системность воз-

никает и первоначально формируется во «внешней» активности в целом и деятельностной организации активности, в особенности (прежде всего, в игре). Вместе с тем, «возникнув и будучи распознанной», эта темпоральная системность – именно как процессуальное средство – «попадает под действие» одной из наиболее фундаментальных закономерностей психики: она *обобщается* и на иные ее «составляющие», сферы, модусы, а также на ее организацию *в целом*. Тем самым, возникая исходно во «внешнем» – деятельностном плане, темпоральная системность транспонируется и во «внутренний» план. Она переносится на организацию психики в целом и на ее наиболее интегративное образование – сознание. Таким образом, с указанных позиций и оно в целом, и его наиболее «таинственный» атрибут (самосензитивность) во многом просто перестают быть такими «загадочными»¹⁵³. Они выступают как естественные и необходимые следствия – как результаты транспонирования на организацию психики тех атрибутов «внешней» активности, которые имеют очень «прозаический» и в принципе относительно несложный характер. Именно эта «внешняя» активность, начиная последовательно во все большей степени «вбирать» в себя – строиться в соответствии с темпоральной системностью, тем самым и обеспечивает формирование базового и фундаментального механизма – механизма трансформации системных качеств в функциональные.

Он, далее, генерализуясь и транспонируясь на организацию психики в целом, переходит – как это обычно обозначается – во «внутренний» план. Тем самым он в еще большей степени содействует раскрытию того, в чем же именно состоит во многом непонятное пока «явление интериоризации». Необходимо обратить внимание и на то, что сама темпоральная организация

---

¹⁵³ Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что рассмотренный механизм имеет и еще более общую сферу своего действия. Более того, как будет показано в параграфе 3.4. четвертого тома, он во многом обеспечивает возможность, пожалуй, наиболее сложного и до сих пор во многом «непонятного» атрибута психического – свойства *идеальности*; он позволяет раскрыть, каким образом формируется как само это свойство, так и сензитивность к нему.

и темпоральная системность могут складываться и развиваться во «внешней» активности лишь в том случае, если последняя, действительно, во все большей степени становится упорядоченной, скоординированной, целеобусловленной и целенаправленной и т. д. Другими словами, темпоральная системность может складываться лишь в том случае, если исходно спонтанная и хаотичная «поведенческая активность» будет обретать противоположные черты – целенаправленности, организованности, системности и т. д. Но это, фактически, тождественно трансформации «просто» поведенческой активности» в деятельностьную форму организации, в деятельность как таковую. Отсюда, однако, следует важнейшее, на наш взгляд, заключение, суть которого состоит в следующем. Все указанные выше средства и механизмы, все трансформации принципиального плана, приводящие в итоге к возникновению атрибута самопрезентированности психики и «феномена сознания» объективно возможны лишь при условии того, что сама игра трансформируется в игровую *деятельность*. Лишь «становясь деятельностью» (пусть и в достаточно элементарном виде) игровая активность обретает черты временной организации, а постепенно – и темпоральной системности. И именно это обстоятельство объясняет, почему именно игровая форма организации поведенческой активности оказывается *достаточной* для возникновения сознания в онтогенезе. Более того, с этих позиций его возникновение эксплицируется как совершенно естественное и необходимое следствие эволюции организации самой «внешней» поведенческой активности, исходно представленной в форме игры.

Наряду с этим, указанные генетические трансформации имеют и еще один – значимый, на наш взгляд, аспект. Как показано в параграфе 3.3.2. третьего тома, в основе обретения «внешней» активностью собственно деятельностьной формы лежит то, что эта активность во все большей степени начинает строиться на базе совершенно определенной совокупности процессуальных средств – интегральных процессов психической регуляции поведения деятельности. Они образуют рассмотренный в том же параграфе *общерегулятивный инвариант*. Он обладает, наряду,

естественно, со многими иными свойствами и особенностями двумя очень важными атрибутами. Во-первых, он характеризуется тем, что в нем очень полно и явно представлена временная организация – собственно темпоральная системность. Собственно говоря, он сам и является одним из конкретных по содержанию, но общих по смыслу и сфере действия средств ее обеспечения по отношению психической регуляции деятельности. Во-вторых, как показано выше, те свойства (точнее, атрибуты), которые являются основными по отношению к сознанию, во многом и складываются, а затем – становятся очень характерными и для данного инварианта процессуальных средств. Тем самым, реализуясь во все более полном виде в организации поведенческой, а затем деятельностью активности, именно этот инвариант во многом и обеспечивает формирование базовых атрибутов самого сознания в целом. Темпоральная системность и атрибутивная сущность сознания вновь эксплицируют свою глубинную связь. И именно через эту связь вновь обнаруживается решающая роль игры, а затем – и игровой деятельности в генезисе темпоральной организации (а затем – и темпоральной системности), в возникновении и формировании сознания в целом и его базового атрибута (идеальности), в особенности.

Наконец, отметим и еще одно обстоятельство также итогового, «резюмирующего» плана, состоящее в следующем. Так, анализ процессуального содержания психики и деятельности, а также закономерностей его генезиса, привел в итоге – через ряд «переходных» фаз – к феномену *сознания* как «высшей интегративной целостности» организации всей системы психических процессов. В качестве таких «фаз» выступают стадии развития «первичных», «вторичных» психических процессов (как метакогнитивных, так и интегральных), а также генезис рефлексии как «третичного» психического процесса. Однако, и другая «линия» анализа, связанная с деятельностью «измерением» генетических трансформаций, также приводит к необходимости формулировки аналогичного вывода. Дело в том, что главным – «магистральным» направлением и сутью этого «пове-

денческого генезиса» является трансформация *игры* в игровую *деятельность*, то есть обретение первой черт и закономерностей собственно деятельностной организации (прежде всего, – транспонирования на нее регулятивного инварианта). Таким образом, обе эти «линии» в совокупности приводят к становлению и развитию двух наиболее обобщенных «составляющих» субъективной реальности – сознания и деятельность.

Вместе с тем, именно в данном пункте анализа необходимо, на наш взгляд, возвратиться к его исходным фазам. Напомним, что он в целом был сконцентрирован на одном, но важнейшем аспекте функционально-генетической организации игровой деятельности – ее временной, *темпоральной* организации. Кроме того, необходимо учитывать, что *общая* функциональная организация включает и иные – также основные аспекты. Во-первых, это аспект, связанный с изучением «результативных эффектов», к которым приводит само функционирование – функциональных новообразований. В них «кристаллизуются» закономерности и содержательные особенности самого процесса функционирования (иногда для их обозначения используется понятие так называемых «функциональных органов» системы). Во-вторых, это аспект, связанный с выявлением и интерпретацией состава, содержания и специфики системы тех закономерностей, по которым функционирует объект исследования, то есть его собственно *функциональных закономерностей*.

Однако, очень закономерно и то, что именно эти два – основных аспекта получают свое вполне естественное разрешение именно с позиций тех результатов, которые были получены именно в наиболее общем аспекте – временном, темпоральном. И основные новообразования, и базовые закономерности организации психики, взятые в их специфичности, как раз и являются следствиями – «вторичными» по отношению к формированию двух указанных целостностей – деятельности и сознания; поясним сказанное. Так, с одной стороны, сама деятельностная форма поведения, возникая и развиваясь в игре (через придание ей черт игровой *деятельности*) под детерминирующим воздействием внутренних – аутохтонных закономерностей психики, затем сама

начинает выполнять аналогичную – генеративно-порождающую роль в отношении ее же структур и образований. Тем самым, формирование деятельности (игровой) вступает своего рода «макросредством», через которое происходит формирование основных психических новообразований. С другой стороны, сама суть и истинная специфичность собственно психологических закономерностей состоит в том, что они допускают «вмешательство» в них субъектного, а значит – и субъективного контроля. Они сами становятся поэтому подверженными действию самих же себя; в результате этого возникают «закономерности трансформации закономерностей», то есть те варианты, по которым субъективные факторы могут видоизменять «первичные» закономерности. Другими словами, возникает новая – дополнительная категория самих психологических закономерностей – *метазакономерности*.

Тем самым, и деятельность, и сознание раскрываются в еще одном своем – причем, *общем* для них модусе – в качестве своеобразного «инструментального» (точнее – макроинструментального) средства генезиса психики и личности. Формируясь как закономерные *продукты* онтогенеза, они сами начинают выступать как *факторы* и комплексные детерминанты, как системы средств и механизмов, то есть как *основа* его дальнейшего развертывания. Формируясь в онтогенезе, сознание и деятельность, затем сами в известной степени – «управляют» этим формированием. Решающую роль при этом выполняют те трансформации генетического плана, которые сопряжены именно с игровой деятельностью, а также ее развитием.

2.8. Генезис основных принципов системной формы организации в игровой деятельности

Вся совокупность представленных выше материалов позволяет сформулировать еще одну группу положений, носящих, преимущественно, обобщающий характер и раскрывающих наиболее глубинные аспекты функциональной организации

деятельности – в том числе и игровой, а также закономерности ее генезиса. Подчеркнем, что все эти материалы были получены при реализации одного из основных гносеологических планов – функционального. Причем, такая реализация была произведена выше не столько «в целом», сколько в его объективно *главном* и определяющем аспекте. Он связан с выявлением и интерпретацией закономерностей временной – темпоральной организации изучаемого предмета. В результате были сформулированы представления об особом типе системности (темпоральной) и, соответственно, о качественно специфическом классе систем – временных, темпоральных. С этих позиций становится очевидным, что общая функциональная организация деятельности включает в себя системные механизмы двух основных типов.

Во-первых, – это те «организационные средства», которые присущи именно *содержательной*, то есть субстанциональной организации деятельности. Другими словами, на организацию деятельности транспонируется первый из двух основных типов системности – *субстанциональная*.

Во-вторых, – это временная, то есть темпоральная организация, также атрибутивно присущая деятельности. Психика все более полно «вбирает» в себя и второй основной тип системности – *темпоральную*. В результате этого те базовые особенности и закономерности, которые присущи деятельности как системе временного, темпорального типа (и которые составляли предмет развернутого анализа в разделе), все более полно и последовательно транспонируются также и на организацию психики. Психика «эксплуатирует» не только *субстанциональную* системность, заложенную в деятельности, но и системность *темпоральную*, также атрибутивно присущую деятельности.

Далее, очень показательно и то, что все эти – атрибутивно системные закономерности и механизмы не «даны» так сказать в готовом виде, а проходят достаточно сложный и внутренне дифференцированный процесс их становления, а затем формирования и развития. Именно это, собственно говоря, и составляет один из важнейших аспектов общего системогенеза деятельности и психики на ранних фазах онтогенеза. Более того, как уже неод-

нократно отмечалось выше, генезис именно игровой деятельности достаточно специфичен по отношению к генезису двух других – основных типов деятельности (учебной и трудовой). Эта специфика состоит, прежде всего, в том, что в его ходе формируется не какая-либо ее «жесткая» структура и тем более – не ее психологическая *система*. В ней складывается (и даже – *закладывается*), а впоследствии и развивается сама *структурность*, а затем – и *системность* как форма организации ее психической регуляции. Суть генезиса игровой деятельности, а затем и «вместе с тем» – и важнейших психических образований и структур состоит в том, что формируется именно *системность как форма организации*, которая впоследствии – на других фазах онтогенеза выступит основой для организации многих иных образований и структур, а также и для организации иных типов деятельности. Это – формирование *системности* как комплексного средства, как формы организации, которая в дальнейшем обеспечит полноценное формирование «истинных» систем – психологических систем учебной и трудовой деятельности. Потому по отношению к игровой деятельности точнее было бы говорить не столько о системогенезе (как процессе генезиса системы), а о *системногенезе* (как процессе генезиса самой системности в качестве универсальной формы организации в целом).

Кроме того, все представленные выше материалы как раз и позволяют «наполнить» данное – общее заключение конкретными закономерностями и механизмами, особенностями и феноменами. Они показывают, как конкретно в процессе генезиса игровой деятельности происходит формирование самой системности – как универсальной формы организации. При этом определяющую – основную роль играют, как, впрочем, это и «положено» на основе даже их этимологического смысла, – именно те *принципы*, которые и составляют основу самой системности как универсальной формы организации (и деятельности, и психики)¹⁵⁴.

---

¹⁵⁴ Подчеркнем еще раз, что сам термин «принцип» (от лат. «principium») как раз и имеет в качестве своего основного этимологического смысла «основу», «основной».

Действительно, развитие представлений о темпоральной системности по отношению к деятельности, в том числе – и игровой, а также к ее генезису своей *собственной* логикой с необходимостью потребовала обращения к одному из основных механизмов (и принципов) системной организации в целом – *иерархичности*. Другими словами, со всей очевидностью эксплицируется положение достаточно общего и принципиального плана, состоявшее в том, что и темпоральная системность (а соответственно, – и темпоральные системы) также базируются на закономерностях и механизмах иерархии, а в их развитых и *сформированных* проявлениях находит свое воплощение структурно-уровневая организация. Очень характерно и то, что и *процесс* их формирования также с необходимостью эксплицируется как становление и развитие закономерностей и механизмов темпоральной системности в целом и ее структурно-уровневой организации, в частности. Однако, еще более характерно и специфично относительно ранним фазам онтогенеза (тем, которые и соотносятся с генезисом игровой деятельности) то, что на них складывается, а затем – совершенствуется и развивается не структурно-уровневая, то есть *иерархическая* организация той или иной конкретной системы, а именно *иерархичность* как общий *принцип* организации систем. Тем самым, функциональный аспект генезиса деятельности – и в плане ее субстанциональной характеристики, и в плане ее темпоральной организации с необходимостью приводит к принципу иерархии, точнее – к закономерностям его возникновения и становления, формирования и экспликации в структурной организации деятельности.

Далее, очень показательно, что, наряду с принципом иерархичности, в ходе генезиса игровой деятельности – хотя пока и в несколько менее выраженной форме, складывается и еще один важнейший принцип, лежащий в основе системной формы организации в целом, – принцип *гетерархичности*. Конкретным по содержанию, но очень общим по смыслу и «сфере действия» механизмом такого формирования выступает развитие и совершенствование особого, качественно специфического класса психической регуляции деятельности – интегральных процессов (они

подробно рассмотрены в параграфе 2.2.2. второго тома). Дело в том, что одной из основных закономерностей, которая обнаруживается, однако, не у каждого из них «по отдельности», а характеризует их общую организацию, является то, что вся их совокупность как раз и организована на основе данного принципа. Действительно, среди них, как уже отмечалось выше, нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельности и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому принципу*. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также – наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно. В силу этого, *через* формирование системы интегральных процессов в организацию и психики, и деятельности «проникает» еще один важнейший принцип, лежащий в основе системной формы организации как таковой – принцип гетерархности.

Вместе с тем, очень показательны и то, что становление двух общесистемных принципов (иерархичности и гетерархичности) является, хотя, разумеется, и крайне значимым, но еще не исчерпывает всех аспектов функциональной организации систем, эксплицируемых «сквозь призму» понятия темпоральной организации. Наряду с ним, в ходе генезиса темпоральной системности (и темпоральных систем), а особенно в ходе онтогенетического развития деятельности (прежде всего, разумеется, игровой), происходит становление и развитие еще одного – аналогичного по статусу, то есть также общесистемного принципа –

принципа *целевой детерминации*. Не только *субстанциональные*, но – причем, в еще более явном и эксплицированном виде – *темпоральные* системы также предполагают его формирование и развитие в своей общей организации (точнее – именно как средство этой организации). Цель выступает системообразующим фактором не только по отношению к системам субстанционального типа, но и по отношению к темпоральным (временным) системам. Характерно и то, что степень полноты и «совершенства» – развитости и действенности данного принципа также закономерно меняется и прогрессивно возрастает по мере и онтогенетического развития как такового, и развития форм и видов самой игровой деятельности. При этом следует учитывать также, что данный принцип и системная форма организации как таковая являются, как известно, вообще в значительной мере взаимополагаемыми и взаимообусловленными.

Следовательно, со всей очевидностью вскрывается обстоятельство еще более принципиального плана, которое выше было констатировано и по отношению к принципу иерархичности. Оно состоит в том, что на этапе доминирования игровой деятельности – «в ее недрах» данный принцип не только и не просто «действует» а именно *складывается* – возникает и формируется, развивается и совершенствуется. Само же это складывание и развитие как раз и составляет еще одну (не исключено, – важнейшую) грань становления системности как формы организации психики и деятельности в целом. Иными словами, приходится констатировать то же самое обстоятельство, которое явилось следствием анализа и предыдущего принципа (иерархичности). На ранних этапах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является игра, данный принципа не просто «действует», а цель не только «выполняет» свои функции в качестве системообразующего фактора; он – этот принцип именно возникает и получает свое первоначальное развитие, а затем – и совершенствование. Формируется не только целеобразование как таковое, но и сама *способность* к нему. Складывание и эволюция данного принципа, в свою очередь, составляет, в свою очередь, еще одну важную грань становления и развития систем-

ности как общей и основной формы организации психики и деятельности. При этом еще раз подчеркнем, что данный вывод с необходимостью вытекает из логики анализа именно временной, темпоральной системности, из особенностей и закономерностей собственно темпоральной организации деятельности. Если традиционно понятие целеобразования, равно как и принцип целевой детерминации (а также функция цели как системообразующего фактора) соотносятся лишь с содержательной – субстанциональной системностью, то теперь – в свете результатов проведенного выше анализа – они с необходимостью должны быть транспонированы и на собственно темпоральную системность. Наконец, отсюда же следует, что не только становление и развитие, но и возникновение принципа целевой детерминации по отношению именно к темпоральной организации также выступает еще одной гранью общего процесса системогенеза деятельностиной формы активности.

Далее, очень показательно, что проведенный выше анализ особенностей и закономерностей именно *темпоральной* организации и темпоральной системности как формы организации позволил раскрыть критически значимую роль еще одного – достаточно общего принципа этой организации. Причем, данный принцип опять-таки сущностно, атрибутивно связан именно с темпоральной системностью, с темпоральными системами и является, фактически, их alter ego. Речь, разумеется, идет о таком важнейшем и определяющем принципе, лежавшем в основе системной формы организации в целом, как принцип *обратной связи*, точнее – «обратносвязевой регуляции». Обычно и данный принцип также, в основном (или даже – полностью) соотносятся лишь с содержательно-структурной – субстанциональной системностью. Однако, совершенно очевидно, что он может быть реализована лишь в том случае, если сама система воплощает в своей организации и, особенно, в своем функционировании еще один базовый принцип (и механизм) – принцип *итеративности*, множественной «повторяемости», цикличности. Лишь при условии итеративности функциональной организации сам принцип обратной связи может реализовывать свои

основные – контрольные и коррекционные функции. Лишь в этом случае функционировании систем обретает характер «замкнутости» и «кольцеобразности». Лишь в этом случае их функционирование трансформируется из «просто» повторения в известную организацию по типу «повторения без повторения» – со всеми вытекающими отсюда и также хорошо известными «последствиями» (Н. А. Бернштейн [22]). Наконец, лишь в этом случае функционирование систем обретает, наряду с атрибутом *целенаправленности*, еще и атрибут *целедостигаемости*.

Одновременно, «на фоне» всех этих – достаточно общих и важных, а одновременно и вполне очевидных обстоятельств представляется еще более парадоксальным и не вполне естественным, что они явно недостаточно эксплицированы по отношению именно к темпоральной организации систем, по отношению к атрибутивной взаимосвязи принципа итеративности и темпоральной организации как таковой. Более того, если принцип целевой детерминации и *субстанциональная* системность – это, как отмечалось, своеобразные alter ego друг друга, то и принцип итеративности и сама темпоральная системность в целом это также alter ego друг друга, но по отношению уже к временной организации систем. Наконец, подчеркнем, что и этот принцип не дан – не «предзадан» так сказать «сразу и полностью». Напротив, он также подвержен и «первоначальному складыванию», и достаточно развернутому развитию в большом диапазоне его содержательных и функциональных характеристик. Другими словами, на относительно ранних этапах онтогенеза, на которых, собственно говоря, и доминирует игровая деятельность, данный принцип (равно как и два других, уже рассмотренных принципа – иерархичности и целевой детерминации) не только и не «просто действуют», а именно *складываются* и формируются. Само же это «складывание и формирование» данного принципа составляет еще одну грань *генезиса системности* (причем, не только и даже – не столько субстанциональной, но и темпоральной) на относительно ранних фазах развития деятельностной формы активности в целом.

Далее, в свете результатов проведенного выше анализа сходные по смыслу выводы должны быть сделаны и по отношению к еще одному – быть может, наиболее общему и важному принципу организации систем в целом, как и системной формы организации как таковой. Известно, что в качестве такового обычно трактуется способность к *самоорганизации*, принцип самоорганизации, саморегуляции. Причем, он, конечно, не рядоположен другим принципам – в том числе даже таким общим, которые были рассмотрены выше, а выступает в качестве принципа еще более высокого уровня обобщенности. Дело в том, что он сам в значительной мере базируется на них, точнее – выступает продуктом их интеграции – совместного (и, добавим, – синергетического) действия. Вместе с тем, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что данный принцип вообще может существовать и «работать» лишь в том случае, если в организации систем воплощена еще более имплицитная – глубинная, но и фундаментальная закономерность. Это – подробно рассмотренная выше способность систем использовать *результаты* своего же собственного функционирования, достигаемые на тех или иных его этапах, в качестве *условий* и факторов – детерминант это функционирования, но на его последующих этапах.

Другими словами, это – способность к *трансформации* результатов в процесс; способность не только к использованию, но и к накоплению – «аккумуляции» результатов своего же собственного функционирования. На определенном уровне эволюции системная форма организации делает «качественный скачок». Системы не только «приводят к тем или иным результатам», но и обретают способность к распознаванию возможности их использования в целях своего же развития, генезиса. В предельно отчетливом и рельефном виде это как раз и представлено по отношению к деятельности. Деятельность «продуктивна и конструктивна» не только в плане обеспечения посредством нее тех или иных *внешних* результатов и эффектов. Она обладает аналогичным потенциалом и в отношении так сказать «*внутреннего результата*» – в плане «самостроительства», «самогенезиса». Она, метафорически выражаясь, обладает не только внешней

инструментальностью, но еще и «самоинструментальностью». Все эти особенности и атрибуты с необходимостью вытекают из наиболее общего принципа системной формы организации – принципа самоорганизации. Причем, – даже не только и не столько «вытекают», сколько развивают и углубляют его содержание. Очень важно и то, что все эти связи и детерминационные отношения между ними с наибольшей очевидностью проявляются именно в ходе анализа именно темпоральной (временной) организации систем.

Наконец, по отношению и к данному принципу имеет место та же самая – наиболее общая закономерность, которая уже была установлена к трем рассмотренным принципам. Она состоит в том, что данный принцип не просто «действует» на том онтогенетическом интервале, на котором ведущим типом деятельности является игра, но именно *складывается* на нем. В свою очередь, именно его складывание и лишь затем – развитие и совершенствование выступает еще одной – очень важной гранью возникновения и развития самой *системности* как формы организации. Он не просто и не только «реализуется» в построении и организации тех или иных систем, а сам «еще только» становится – складывается и эволюционирует.

Таким образом, можно видеть, что анализ темпоральной системности как формы организации с необходимостью приводит к экспликации очень важной и, более того, атрибутивной роли в функциональной организации систем четырех базовых принципов (иерархичности, итеративности, обратной связи, самоорганизации). Причем, наиболее важно то, что все они не только и не просто «действуют», воплощаются, «лежат в основе» и пр. временных систем и темпоральной системности, но сами возникают – складываются, а затем – совершенствуются на ранних этапах онтогенеза, на которых, собственно говоря, и доминирует сама игровая деятельность. Тем самым, генезис этой деятельности раскрывается и как своеобразное «горнило», в котором «выплавляются» сами эти принципы как основные атрибуты системной формы организации в целом. Они, находясь в основании генезиса игровой деятельности, сами складываются и разви-

ваются «в» и «через» этот генезис. Генезис игровой деятельности выступает с этих позиций и в качестве генезиса самой *системности* как формы организации.

В генетическом плане значимость охарактеризованных выше закономерностей обусловлена еще и тем, что с их позиций несколько в новом свете должен быть проинтерпретирован *общий* характер генезиса деятельности. Он раскрывается уже не только как процесс, в котором реализована системность, то есть как нечто такое, в чем используются принципы системогенеза. Одновременно он предстает и в качестве процесса, в котором сами эти принципы (и системность как общий атрибут организации) также подвержены формированию. Они не «даны исходно», а развиваются и трансформируются в его процессе. Причем, важным средством такого развития системности выступает она же сама. Системность, «оборачиваясь» самоё на себя, порождает системность так сказать «второго» порядка, то есть метасистемность как таковую. Вместе с тем, такое «оборачивание» выступает, возможно, лишь первым шагом на пути ее качественных трансформаций, является лишь прецедентом. Не исключено, что могут реализовываться и дальнейшие трансформации, приводящие к становлению системности иных порядков сложности. На наш взгляд, именно этот наиболее общий механизм системной организации, суть которого состоит в качественной трансформации ее самой под влиянием механизмов ее же собственной организации, как раз и лежит в основе генезиса психических явлений и процессов, структур и образований. Вся эта – действительно, более сложная, но и более богатая содержанием и более близкая к реальности картина, адекватнее и полнее раскрывает истинный характер и содержание генетических трансформаций деятельности и психики в ней.

Далее, на основе представленных в данном параграфе материалов необходимо, на наш взгляд, формулировать и еще одно заключение обобщающего плана, состоящее в следующем. Проведенный выше анализ показал, что главным – «магистральным» направлением генезиса самой функциональной организации в целом является все более полное и действенное воплощение в ней

закономерностей и принципов собственно темпоральной, временной организации, а в наиболее развитых проявлениях – и темпоральной системности. Однако тем самым и функционирование во все большей степени обретает черты и закономерности собственно системной формы организации, взятой в ее темпоральном модусе. Функционирование во все большей степени «вбирает» в себя атрибуты системной организации; оно во все большей степени обретает черты «упорядоченности и организованности» – прежде всего, конечно, временной. Вместе с тем, суть дела в том и заключается, что *через* все это само *функционирование* качественно трансформируется и обретает все атрибутивные характеристики собственно *процессуальной* организации. Собственно говоря, сама процессуальная организация – это и есть функционирование, подвергнутое организации и упорядочиванию – в том числе и, прежде всего, именно временной, темпоральной. Сама процессуальность – это и есть функционирование, «обогащенное» системно-организационными средствами, принципами и механизмами.

Другими словами, можно видеть, что само понятие *процесса* в его строгом и непосредственном смысле как раз и фиксирует в себе, прежде всего, собственно системную форму организации, но взятую в ее темпоральном модусе. Несколько схематизируя, можно сказать и так: процесс – это и есть наиболее общая экспликация систем темпорального типа; процессуальность – это и есть временная системность «в действии». Процесс – это и есть система темпорального типа¹⁵⁵. Тем самым, можно видеть, однако, что логика проводимого здесь анализа темпоральной системности с необходимостью подводит и требует обращения к одному из важнейших общенаучных понятий – к понятию *процесса*. Причем, очень важно и то, что данное понятие имеет особую, можно сказать исключительную и беспрецедентную

---

¹⁵⁵ Напомним в данной связи, что необходимо дифференцировать два основных значения общего понятия процесса – «широкое» и «узкое». Они – и в целом, и в плане их дифференцирующих признаков были рассмотрены в параграфе 2.3.1. третьего тома.

по значимости роль именно по отношению психологической проблематике. Эта роль, а также основные направления конкретизации данного – общего понятия по отношению к психологической проблематике уже были рассмотрены нами в параграфе 2.5. данного тома. В связи с этим, можно сказать и так: *функциональная* организация «в лице» темпоральной системности и «через» нее трансформируется в *процессуальную* организацию; функционирование обретает черты процессуальности как конкретной по смыслу, но предельно общей по сфере действия формы организации. Собственно говоря, вся грандиозная по объему и масштабу, по разнообразию и сложности картина *психических процессов* и есть не что иное, как система психических *функций*, обогащенных принципами и закономерностями темпоральной системности и, следовательно, обретших атрибуты собственно *процессуальной* организации. Данная закономерность, однако, со всей остротой и во всем ее истинном масштабе ставит задачу, являющуюся уже собственно *генетической* по своему смыслу и содержанию. Это, как известно, задача, связанная с выявлением особенностей и закономерностей формирования и развития основных психических процессов и их системы в целом на основе совокупности психических функций. Тем самым, и в этом отношении логика функционального анализа, проведенного в данном параграфе, с необходимостью требует перехода к следующему основному гносеологическому плану – *генетическому*. Он поэтому и составит основной предмет рассмотрения в следующей главе.

Глава 3. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Постановка проблемы исследования

3.1.1. Общая характеристика генетического плана исследования

Представленные в предыдущей главе материалы позволили реализовать по отношению к исследованию игровой деятельности один из основных гносеологических планов исследования, предписываемых общим «алгоритмом системного исследования», – функциональный. В результате этого, с одной стороны, получен ряд данных, раскрывающих особенности и закономерности данной деятельности в целом, а также ее генезиса, в частности. Однако, с другой стороны, его реализация своей собственной – «внутренней логикой» постоянно приводила к постановке таких вопросов, которые носят иной характер – уже не функциональный, а собственно *генетический*. Тем самым она обуславливает необходимость обращения к следующему основному гносеологическому плану исследования – генетическому. Впрочем, это не только вполне закономерно, но и совершенно естественно, поскольку именно генетический план (и, соответственно, этап) как раз и локализуется в общем «алгоритме системного исследования» непосредственно вслед за функциональным. Он вообще во многом базируется на результатах последнего, выступая комплексным средством его дальнейшего развития и углубления. К нему, следовательно, теперь и необходимо перейти.

Вместе с тем, прежде чем непосредственно обратиться к его реализации, необходимо, на наш взгляд, зафиксировать следующее положение методологического плана, которое должно выступить одним из главных императивов всего последующего анали-

за. Оно состоит в том, что реализация данного гносеологического плана (равно, впрочем, как и всех иных) сопряжена с необходимостью соблюдения определенных – сложившихся исторически и прочно закрепившихся традиций методологического характера. Кроме того, наряду с *общими* традициями и требованиями, необходимо учитывать еще и ряд *специфических* особенностей реализации генетического плана исследования. Они сложились по отношению к одному – хотя и очень общему по «сфере действия», но все же конкретному по содержанию предмету исследования – к деятельности в целом, а также к ее генезису, в частности. Далее, необходимо принимать во внимание и еще один так сказать источник и «уровень спецификации»; он состоит в существовании специфики не только у «деятельности *в целом*», но и у *игровой* деятельности как одного из основных ее типов. Соответственно, необходим учет тех требований, которые вытекают из этой специфики¹⁵⁶.

Что касается *общих* традиций и императивов, которые сложились при реализации данного гносеологического плана, то они уже были достаточно подробно рассмотрены в параграфе 2.1.1. второго тома. Причем, они были проанализированы не только в общем, а потому – по необходимости достаточно абстрактном плане, но и с учетом двух обстоятельств *конкретизирующего* характера. Во-первых, они были специфицированы по отношению к проблеме деятельности как, хотя и очень общей и значимой, но все же лишь «одной из» проблем, которые могут и должны быть рассмотрены с позиций генетического исследования. Во-вторых, эти требования были специфицированы и с учетом того, что сам генетически план также может быть реализован в нескольких различных вариантах, что и предполагает выбор

---

¹⁵⁶ Кроме того, при реализации генетического плана исследования необходимо, разумеется, руководствоваться и теми результатами, которые были получены в предыдущей главе при осуществлении функционального плана изучения игровой деятельности и ее генезиса. Причем, это относится не только к использованию полученных *результатов* как таковых, но и к тому, чтобы в качестве приоритетных рассмотреть именно те *вопросы*, к которым привела логика реализации функционального анализа.

какого-либо вполне *определенного* из них. В его качестве нами реализован подход, сложившийся в русле системогенетической концепции. Наконец, необходимо учитывать, что на современном уровне развития системных представлений, на которых и базируется данная концепция, они должны быть взяты в таком их варианте, который отвечает этому уровню. Им как раз и выступает один из современных вариантов реализации принципа системности – *метасистемный* подход. В силу этого, не дублируя, разумеется, здесь уже рассмотренных вопросов, связанных со спецификацией реализации генетического плана исследования по отношению к игровой деятельности, отметим лишь главные моменты. Они выступают, с одной стороны, так сказать «установочными» для всего дальнейшего анализа. С другой стороны, они являются своеобразными «переходными» звеньями между функциональным и генетическим планом исследования.

Трактовка генетического исследования как, хотя и вполне самостоятельного, но все же именно *этапа* – одного из планов более *общей* исследовательской стратегии имеет двоякий смысл. С одной стороны, именно с этих позиций генетический аспект на паритетных правах входит в общий гносеологический инвариант с такими основополагающими исследовательскими планами, каковыми являются онтологический, структурный и функциональный планы. Тем самым он обретает аналогичный с ними статус – статус *базового* в гносеологическом отношении. Это и естественно, поскольку именно он направлен на установление, раскрытие и интерпретацию особой, самостоятельной и, повторяем, одной из *важнейших* категорий закономерностей любого предмета исследования – собственно *генетических закономерностей*. Их роль заключается не только в том, что они позволяют выявить и объяснить особенности собственно генетического плана, но и в том, что с их позиций оказывается возможным дать более полную и комплексную характеристику закономерностей уже сформированных, «развившихся» объектов исследования. Следовательно, их раскрытие выступает не только как задача исследования и как его *предмет*, но и как *метод* исследования иных категорий закономерностей.

Данное обстоятельство имеет, на наш взгляд, принципиальный характер и оно должно быть учтено и реализовано в ходе последующего анализа. Кроме того, оно со всей отчетливостью и полнотой проявилось в одном из выполненных нами исследований, посвященном общепсихологическим аспектам проблемы деятельности [118]. Осуществленный в нем анализ структурно-функциональной организации деятельности – прежде всего, трудовой (то есть взятой в ее наиболее развернутом и генетически зрелом проявлении) своей *собственной* логикой постоянно приводил к необходимости включения в его сферу комплекса вопросов генетического характера. Вместе с тем, и сам генетический анализ, реализованный в его методологической и методической функции – в качестве *метода познания*, столь же закономерно приводил к необходимости его трансформации в статус *предмета* исследования. В итоге его реализации – именно в качестве предмета был получен достаточно развернутый комплекс результатов собственно генетического плана [118]. В связи с этим в ходе последующего анализа мы будем широко использовать полученные в этом исследовании результаты. Данное исследование вообще можно рассматривать как логическое продолжение – как развитие и углубление указанной работы [118]¹⁵⁷.

С другой стороны, необходимо учитывать, что генетический план имеет вполне определенную локализацию в рамках данной стратегии. Он располагается после трех первых базовых планов (метасистемного, структурного и функционального). В силу этого, он с необходимостью должен базироваться на тех результатах, к которым приводит их реализация. Более того, эти результаты должны составлять его основу, а он, в свою очередь, должен выступать как их дальнейшее развитие их углубление; он является гносеологически *преемственным* по отношению к ним. Другими словами, эти результаты должны служить необходимой теоретико-методологической и эмпирико-экспериментальной

---

¹⁵⁷ Этим обусловлена и необходимость прямого переноса некоторых фрагментов тех материалов, которые представлены в работе [118], в данное исследование.

базой для осуществления собственно генетического плана (этапа) исследования. Все эти общие методологические положения справедливы и по отношению к разработке проблемы деятельности в целом и игровой деятельности, в частности. Это означает, что реализация генетического плана ее исследования также должна базироваться на тех данных, которые были получены и охарактеризованы в предыдущих разделах данной работы в трех других основных гносеологических планах – метасистемном, структурном и функциональном.

Следует также учитывать, что именно генетический план исследования по отношению к проблеме деятельности является одним из наиболее разработанных и традиционных для психологии в целом, и отечественной – в особенности. В результате этого получили интенсивное развитие целые отрасли, направления и предметные области психологии. В частности, это психология профессиональной подготовки, психология профессионального обучения, психология профессионального становления и др. Сказанное относится и к теснейшей взаимосвязи генетического аспекта проблемы деятельности с комплексным направлением психолого-педагогических исследований деятельности. Одной из его основных проблем является раскрытие закономерностей именно того типа деятельности, который наиболее непосредственно сопряжен с генезисом психики и деятельности – учебной. Генетический аспект выступает «концептуальным мостом» между психологией профессиональной и учебной деятельности; между очень многими отраслями так сказать «психологии *взрослого* человека» и «психологией *взрослеющего* человека» (включающую целый комплекс дисциплин – в частности, *возрастную* психологию, психологию обучения, психологию развития и воспитания и пр.).

Далее, следует, конечно, учитывать, что деятельность, в особенности – профессиональная, является «высшим типом» активности личности. Следовательно, именно в ней многие (если не все) закономерности психики представлены наиболее полно и рельефно. Тем самым, она, а также ее генезис, и, соответственно, его изучение выступают не только *предметом* изучения,

но и *методом* психологических исследований, точнее – общеметодологическим походом к раскрытию психологических закономерностей как таковых. Объективным следствием этого выступает и то, что сами – раскрываемые таким образом общепсихологические закономерности эксплицируют свое наиболее полное содержание и истинный смысл именно в целостном деятельностном контексте. Однако именно на это и направлены любые «деятельностно-ориентированные» исследования. Собственно говоря, именно данным обстоятельством во многом и объясняется богатство и разноплановость эмпирики и феноменологии, описанной и проинтерпретированной в психологических исследованиях деятельности¹⁵⁸.

Далее, необходимо видеть и принципиальные *сложности*, затрудняющие реализацию генетического исследования деятельности в целом и игровой деятельности – в особенности. Так, безусловно, одной из основных среди них является то, что деятельность – в силу ее комплексного и интегративного характера, а также системности ее организации, является предельно гетерогенным, полиструктурным образованием. В ней синтезированы, а в процессе ее генезиса – взаимопереплетены многочисленные генетические линии. Они связаны с формированием существенно разных психических образований – например, мотивации, информационной основы, профессионально-важных качеств и др. Тем самым, этот генезис всегда выступает как *полигенезис*, что (по определению) делает его раскрытие задачей, обладающей более высоким порядком сложности, нежели раскрытие генезиса отдельных, входящих в него «составляющих».

Кроме того, поскольку в организацию и регуляцию деятельности вовлечены практически все основные «составляющие» психики, то очень трудно разделить «два ряда» генетических процессов и закономерностей. С одной стороны, – развертывающийся при этом генезис психики в целом и ее основных

---

¹⁵⁸ В этом положении, фактически, проявляется хорошо известная и очень общая гносеологическая закономерность, согласно которой «познание высшего – ключ к пониманию низшего» (но не наоборот).

«составляющих» как таковых, взятых в их качественной *определенности*. С другой стороны, генезис – *их же*, но «в деятельности», то есть под влиянием специфически деятельностной детерминации, то есть в их «деятельностном измерении», в деятельностной *специфичности*. Другими словами, возникает важный и сложный вопрос, состоящий в том, *что* именно следует рассматривать в качестве собственно генетических закономерностей *деятельности*, а что – в качестве закономерностей *общепсихологического плана*? Какие именно генетические закономерности являются деятельностно-специфическими, а какие – нет? Трудность этого вопроса состоит в том, что две данные категории закономерностей вообще, по-видимому, не допускают дизъюнктивного разделения. Они принципиально «недихотомичны», а выступают разными гранями, уровнями проявления одних и тех же базовых генетических закономерностей, различных форм их спецификации.

Наряду с этим, необходимо отметить и еще одну особенность данной проблемы, которая также имеет в целом негативный характер и затрудняет ее дальнейшую разработку. Она, следовательно, также должна быть осознана и, по возможности, преодолена или, по крайней мере, минимизирована. Так, полагается, что генетические закономерности, имеющие место в ходе становления и развития трех указанных выше – основных типов деятельности (игровой, учебной и трудовой), характеризуются, прежде всего, доминированием черт *различия*. Соответственно, существуют три группы генетических закономерностей, присущих относительно *отдельно* для развития игровой, учебной и трудовой деятельности. Однако есть все основания предполагать, что, будучи, действительно, глубоко специфичными по отношению друг к другу, эти группы закономерностей тесно и вполне объективно взаимосвязаны; более того, они, по-видимому, характеризуются и чертами *преемственности*. Другими словами, у генезиса основных типов деятельности (игровой, учебной, трудовой), не исключено, могут существовать аналогичные – *общие* закономерности. Соответственно, возникает важная в теоретическом отношении задача раскрытия и интерпретации такой их

глубинной общности. Кроме того, в связи с этим, можно, на наш взгляд, высказать предположение, согласно которому, не исключено, существуют и генетические закономерности еще более общего плана – те, которые и *обеспечивают преемственность* и смену самих этих типов¹⁵⁹. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, подчеркнем следующее обстоятельство. Данная проблема, в силу ее, действительно, принципиального, а также очень *общего* характера и высокой значимости для разработки иных проблем психологической теории деятельности, будет специально рассмотрена не только в этой главе, но и в следующем томе. Он посвящен реализации аналогичного по статусу, то есть также наиболее *обобщенного* гносеологического плана – интегративного.

Далее, при реализации генетического плана исследования необходимо, разумеется, руководствоваться и теми положениями, которые являются наиболее общими и естественными, а в то же время – и наиболее характерными для данной работы в целом. Они уже были охарактеризованы выше, в связи с чем напомним лишь их общий смысл. Первое из них базируется на основном и, пожалуй, – самом общем и главном положении системогенетической концепции в целом и заключается в следующем. Поскольку деятельность принадлежит к категории сложноорганизованных системных образований, то ее формирование и развитие представляет собой специфический именно для образований такого рода процесс – процесс *системогенеза*. В настоящее время данное положение является доказанным и всесторонне обоснованным и в его общем плане, и по отношению к целому ряду основных психологических «составляющих» деятельности (это, собственно говоря, и явилось предметом специального рассмотрения в первом томе данной работы). Вместе с тем, это не означает, что эвристический потенциал данной концепции является

---

¹⁵⁹ Подчеркнем, что данное предположение составит основу для одной из главных гипотез всего представленного в данной главе исследования. К нему, соответственно, мы будем еще не раз обращаться в ходе последующего рассмотрения.

уже полностью реализованным. Как раз наоборот, одной из характерных черт данной концепции является, как было показано выше, ее открытость по отношению к новым данным и предметным сферам исследования. В силу этого, она не только может, но и обязательно должна быть распространена и на тот основной тип деятельности, который пока «не охвачен» системогенетическими исследованиями. В результате этого, не исключено, могут быть установлены новые собственно системогенетические закономерности, равно как и иные особенности генетического плана, в том числе, не исключено, – и достаточно общие.

Вместе с тем, следует учитывать, что данное положение, будучи совершенно *необходимым* для раскрытия генетических закономерностей деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, само по себе еще *недостаточно* для этого. Наряду с ним необходимо учитывать и еще одно – второе положение общего плана, состоящее в следующем. Дело в том, что деятельность «как система», сохраняя в себе базовые и *общие* атрибуты любых сложноорганизованных системных образований, характеризуется, однако, выраженной *спецификой*, обусловленной ее принадлежностью к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Следовательно, есть все основания предполагать, что эта специфика будет обуславливать наличие в общем процессе системогенеза деятельности также и дополнительных – не исключено, *качественно* новых закономерностей генетического плана. В более общем плане это означает, что по отношению к рассматриваемой здесь проблеме, по существу, должны быть привлечены те представления о специфике генетического плана исследования деятельности, которые сформулированы в рамках метасистемного подхода в целом. Эта общая задача предполагает необходимость учета, наряду со многими иными, трех следующих положений. Они создают своего рода «стартовые позиции» для ее анализа и поэтому должны быть обязательно учтены в его ходе.

Во-первых, в принципе системного подхода (независимо от его конкретных вариантов), а также в общей теории систем этот план изучения не только практически всегда представлен, но и выступает как один из основных. Вместе с тем, степень его

разработанности и в методологическом, и в конкретно-научном отношении заметно *уступает* другим базовым аспектам – прежде всего, структурному и функциональному. Это не может не сказываться на «уровне зрелости» методологических и теоретических представлений о генезисе системных образований в целом, а также на уровне развития методологии их познания.

Во-вторых, «на фоне» предыдущей черты особняком стоят физиологические и собственно психологические исследования, реализующие данный аспект исследования. Дело в том, что именно в этих дисциплинах были сформулированы, а затем получили широкое признание и оказали большое влияние как на развитие собственно теоретических представлений, так и на методологию системности три специальные теории. Это – теория функциональных систем П. К. Анохина [9, 10]; теория системогенеза, разработанная К. В. Судаковым и носящая подчеркнуто физиологический характер; теория системогенеза деятельности, сформулированная В. Д. Шадриковым в работе [243]. В первой из них было предложено и обосновано само понятие *системогенеза*. Оно направленное на то, чтобы зафиксировать специфически системные закономерности генезиса и, прежде всего, – его принципы. Во второй из них данное понятие получило всестороннее исследование, но практически полностью на основе *физиологической* проблематики. Наконец, в концепции системогенеза деятельности данное понятие было наполнено уже собственно *психологическим* содержанием. В ней вскрыты и изучены принципы, закономерности и особенности системогенеза как деятельности в целом, так и целого ряда основных «составляющих» психики – в частности, способностей.

В-третьих, необходимо учитывать, что в собственно *психологических* исследованиях в целом и в новейших из них (выполненных в русле метакогнитивизма), в частности, генетический аспект всегда занимал и занимает очень важное место. Поэтому те концептуальные традиции и тот богатейший материал, который накоплен при реализации принципа развития в психологических исследованиях, также должны быть обязательно ассимилированы в целях дальнейшей разработки методологии системного подхода. В этом плане мы считаем необходимым со всей опре-

деленностью подчеркнуть следующую – очень важную особенность современных генетических исследований. Именно они, то есть исследования, выполненные в традициях и на основе «идеологии» генетической психологии и восходящие к известным исследованиям Ж. Пиаже, привели, в конечном итоге, к возникновению особого и одного из *наиболее развитых* направлений современного метакогнитивизма – генетического (см. обзор в [87]). Оно, начиная с классических работ Дж. Флейвелла, традиционно занимает в общей структуре метакогнитивизма ключевое место, а доминирующую роль в общей проблематике метакогнитивизма играют вопросы, связанные с возможностью и конкретными средствами *формирования* и развития метакогнитивных процессов, навыков и умений, а также – формирования так называемого «метакогнитивного пространства» в целом [307]. В этой связи очень закономерно, в частности, что в настоящее время в метакогнитивизме лидирующее положение занимают исследования, лежащие «на стыке» его традиционной проблематики и проблемы оптимизации процесса *обучения*. Все это, на наш взгляд, совершенно естественно, поскольку именно метакогнитивные процессы как «вторичные», а потому – в наибольшей степени «развиваемые» и формируемые, в наибольшей степени доступны осознаваемому контролю. Более того, строго говоря, они во многом и составляют само содержание этого контроля. Поэтому они являются очень конструктивной основой для генетических – формирующих воздействий.

3.1.2. Специфика метасистемогенеза как типа развития

Учитывая все отмеченные выше особенности современной ситуации, связанной с реализацией генетического принципа в системно-ориентированных психологических исследованиях, возвратимся к исходной задаче проводимого анализа, смысл которой состоит в следующем. Могут ли и, если да, то как конкретно, способствовать сформулированные в параграфе 2.1.1. представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем разработке

проблемы генезиса деятельности в целом и игровой деятельности, в частности? Характеризуется ли их генезис дополнительными – новыми по отношению к установленным в концепции системогенеза, закономерностями? Решение этих вопросов является важным не только в *общем* – методологическом отношении. Оно необходимо также и в более частном, хотя также – достаточно *общем* плане – в плане исследования генетических закономерностей деятельности в целом и игровой деятельности, в частности. Последнее как раз и связано с тем, что именно деятельность, как показано в параграфе 2.1.2., является одним из наиболее типичных представителей систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Следовательно, она допускает свое наиболее полное и корректное раскрытие именно как таковая – то есть с позиций реализации по отношению к ней метасистемного подхода. Отдавая полный отчет в масштабе данной проблемы, мы все же считаем возможным сформулировать некоторые положения, направленные на ее решение.

Прежде всего, по отношению к генезису систем со «встроенным» метасистемным уровнем в целом можно констатировать следующую, довольно своеобразную, если не сказать – эксклюзивную ситуацию. Дело в том, что важнейшим звеном этого генезиса является, как показано выше, формирование особого – метасистемного уровня организации в общей структуре психики. По своему содержанию, а частично и по закономерностям он, как опять-таки показано и доказано ранее, представляет собой «удвоенное бытие» метасистемы объективной реальности в целом, ее «превращенную» – идеальную форму. Более того, чем полнее и адекватнее, точнее и детализированнее, будет содержательное соответствие метасистемного уровня с ней, тем большие предпосылки складываются для решения индивидом практически любых деятельностных и поведенческих задач, для реализации им общеадаптационных функций.

Следовательно, с собственно содержательной точки зрения генезис метасистемного уровня – это в значительной степени *вос-создание* в психике объективной реальности, построение ее моделей, синтезированных в общую «картину мира», в «образ мира».

Поэтому и сам генезис метасистемного уровня как «встроенного» в структуру психики является в определенном смысле процессом формирования того, что *уже существует*, но одновременно и процессом превращения этого «уже существующего» в его инобытие – в идеальную форму. В данном процессе имеет место достаточно специфическое соотношение *продуктивных* и *репродуктивных* тенденций генезиса. Вместе с тем, следует учитывать, что обычно само понятие генезиса (формирования, порождения) принято ассоциировать именно с *продуктивными* процессами, с генеративным началом в развитии психики. Генезис – это и есть создание, порождение, возникновение и развитие (закономерно, что понятия *генезиса* и *генеративности* обладают очевидным этимологическим родством). Вместе с тем, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем традиционная трактовка генезиса должна быть, по-видимому, расширена. Он не только может, но и обязательно должен быть также и *репродуктивным*, воссоздающим. Лишь при условии такой «воссоздаемости», внутренняя модель мира – его репрезентация в психике будет адекватной внешнему «оригиналу». Собственно говоря, эта «воссоздаемость» внешнего мира в мире внутреннем и лежит в основе формирования системы *знаний* о первом во втором, феноменологически представленной как сознание.

Однако – и в этом проявляется истинная диалектика и реальная сложность рассматриваемого генезиса он, в действительности, двойственен. Будучи воссоздающим – *репродуктивным* по содержанию формирующегося метасистемного уровня и по отношению к связи этого содержания с содержанием объективной реальности, он, в то же время, без сомнения *продуктивен*. Более того, именно благодаря репродукции объективной реальности «внутри себя», развитие субъекта и приобретает продуктивный, генеративный характер. Сам же генезис метасистемного уровня поэтому является и продуктивным и репродуктивным, и воссоздающим (объективный мир) и создающим (субъективный мир) *одновременно*. Чем более полно представлены в нем эти два диаметрально противоположные начала, тем

он в целом более совершенен. Во всем этом проявляется истинная сложность, противоречивость и своеобразие генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем [103].

В целях выявления специфики генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем необходимо, разумеется, также учесть тех результатов, которые получены в концепции системогенеза. Мы уже отмечали, что в данной концепции дана наиболее полная, содержательная и концептуально завершенная реализация принципа системного подхода по отношению к собственно психологической проблематике. Так, в частности, в ней на материале различных психологических образований было установлено, что их развитие осуществляется в соответствии с некоторыми общими генетическими закономерностями – *принципами системогенеза*. Они в значительной мере подобны общим системогенетическим принципам, описанным в теории функциональных систем, хотя и имеют вполне естественную специфику, характеризуются более богатым содержанием. Такими принципами являются, как известно, принципы неравномерности, гетерохронности, обеспечения минимального эффекта целевой детерминации, консолидации и др. В связи с тем, что именно принципы имеют основополагающее значение для характеристики системогенеза как такового, они должны быть использованы и для выявления возможной специфичности генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что именно их совокупность наиболее целесообразно использовать в качестве основы для сравнительного анализа генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем и генезиса систем всех иных типов. Такой анализ был проведен нами, в частности, в [114, 118], а его основные результаты могут быть резюмированы в следующих обобщающих положениях.

Прежде всего, генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем характеризуется тем, что в нем в значительной степени *сохраняются* принципы, описанные в концепции системогенеза. Вместе с тем, наряду с ними, сами эти принципы раскрываются новыми, *дополнительными* гранями; выходят

за рамки своего исходно установленного содержания, а иногда и приобретают инверсионную форму; поясним сказанное. Так, в частности, принцип неравномерности генезиса компонентов означает, что общей закономерностью развития систем являются существенно разные темпы формирования тех или иных ее компонентов на всем интервале ее развития. Другой принцип – гетерохронности означает, что различные компоненты системы развиваются наиболее интенсивными темпами на разных временных интервалах ее общего генезиса, а для каждого из них существует «сензитивный период». Иными словами, оба этих принципа являются частными аспектами временной дифференцированности, «хронологической специализированности» общего процесса генезиса. Они, разумеется, сохраняются и в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Вместе с тем, по отношению к ним общий «вектор» генетических тенденций существенно изменяется. Дело в том, что генезис метасистемного уровня и генезис всех иных уровней теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодетерминированы; степень их сформированности напрямую зависит друг от друга. В связи с этим, существенно бóльшую роль в общем процессе генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем играют не механизмы временной *специализации* и *дифференциации* (которые проявляются в принципах неравномерности и гетерохронности), а механизмы *интеграции* – прежде всего, метасистемного уровня со всеми иными уровнями, а также их *взаимодетерминации*. Например, когнитивный потенциал субъекта, развиваясь и совершенствуясь, создает вполне конкретные предпосылки для развития метакогнитивных процессов (которые, в свою очередь, составляют важную часть всех операционных средств метасистемного уровня). Эти процессы, в свою очередь, в зависимости от меры своего потенциала, создают те или иные условия для собственно когнитивного развития. В силу этого, чем более взаимосвязанными и взаимозависимыми будут процессы генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней, тем эффективнее будет и общий генезис психики. Таким образом, в плане обеспечения синергетичности генезиса

метасистемного уровня и иных уровней на первый план выступает уже не их неравномерность, а наоборот – *равномерность*; не их гетерохронность, а наоборот, – *синхронность*. Лишь при такой трансформации и даже – инверсии исходного смысла системогенетических принципов неравномерности и гетерохронности возможно обеспечение синергетических отношений метасистемного и иных уровней, итеративность (спиралевидность) их взаимного развития.

Аналогичная по своему общему смыслу ситуация имеет место и по отношению к иным системогенетическим принципам – в частности, по отношению к принципу консолидации. Его смысл общеизвестен и состоит в том, что по ходу генезиса системы имеет место прогрессирующая тенденция к интеграции, к синтезу ее компонентов в плане достижения того или иного результата. Полагается – и не без основания, что чем более интегрированной, консолидированной является система, тем выше уровень ее зрелости, сформированности. Все это *в целом* – в наиболее общем виде справедливо по отношению к генезису структурно-уровневой организации психики и ее отдельных подсистем.

Вместе с тем, по отношению к частному, но важнейшему, во многом определяющему аспекту этого генезиса – к генезису межуровневых связей метасистемного уровня и всех иных уровней имеет место существенно иная закономерность. Она состоит в том, что метасистемный уровень, будучи органично включен в структуру всех остальных уровней, в то же время должен сохранять выраженную *дифференцированность* от всех других уровней. Последнее связано с тем, что именно благодаря метасистемному уровню становится возможной *объективация* психикой самой себя в качестве «условно внешнеположенной» реальности; обеспечивается ее отношение к себе как бы «извне», то есть механизмы рефлексии и феномен сознания как таковые. Поэтому залогом совершенства и критерием развитости психики будет являться как раз то, насколько метасистемный уровень и иные уровни, сохраняя единство, в то же время могут оппозиционироваться друг к другу; насколько они функционально дифференцированы, а не только консолидированы.

Не останавливаясь подробно на анализе других принципов («обеспечения минимального эффекта компонентов в функционировании систем», «одновременности закладки компонентов» системы, целевой детерминации и др.), подчеркнем, что и по отношению к ним имеет место та же самая общая закономерность. А именно, сохраняясь в своем обобщенном виде, они могут специфицироваться и приобретать новые грани в контексте генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней. Так, в частности, как мы уже отмечали выше, *смысл* генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем состоит в том, что их компонентный состав складывается и эволюционирует на основе принципа заведомой избыточности – принципа *максимизации*, а не принципа обеспечения «*минимальной достаточности*». Другой из отмеченных принципов – целевой детерминации также подвергается своеобразной инверсии, поскольку психика как система со «встроенным» метасистемным уровнем формируется не на основе соответствия какой-либо конкретной цели (или даже – их множества), а на основе иного – *ситуационного* принципа. Он, однако, означает их отсутствие в предзаданной форме и необходимость их формирования всякий раз – в зависимости от конкретно складывающейся ситуации. Этот принцип требует генезиса соответствующей – фундаментальной характеристики такого рода систем, которая на «психологическом языке» обозначается как *способность к целеобразованию*.

Таким образом, можно видеть, что по отношению к основному аспекту сравнительного анализа генезиса «традиционных» систем и систем со «встроенным» метасистемным уровнем – их принципам имеет место следующая общая закономерность. Основные принципы системогенеза в целом выполняются и по отношению к последним. Вместе с тем, – но уже не «в целом» для генезиса системы психики и ее основных подсистем, а *конкретно* – по отношению к *взаимосвязи* генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней они существенно модифицируются и частично и инвертируются. Неравномерность и гетерохронность развития уступает доминирующую роль итеративности и синхронности развития; консолидация – дифференциации;

обеспечение минимального (или даже достаточного) эффекта – максимизации эффекта; целевая детерминация – ситуационной детерминации.

Сформулированные выше представления, а также их методологическое обобщение, проведенное выше, позволяют, далее уточнить, конкретизировать само *понятие системогенеза*, а также конкретизировать, а в определенном смысле и расширить некоторые положения системогенетической концепции. Действительно, как было только что показано, для генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем существенно трансформируются установленные в этой концепции *принципы*. Вместе с тем, сколь бы ни были значимы эти трансформации (а они, действительно, очень значимы, поскольку именно *принципы* по определению являются *основными* закономерностями генезиса) только ими дело не ограничивается. Появление нового уровня, обуславливая, в свою очередь, возникновение качественно иного типа систем, ведет также и к тому, что в определенном смысле изменяется *общий тип* их генезиса, его общий характер. Если по отношению к «классическим» системам, то есть к системам *без* «встроенного» метасистемного уровня, действительно, наиболее обоснованным и конструктивным является понятие системогенеза (и концепция, базирующаяся на нем), то по отношению к рассматриваемому здесь типу систем оно уже недостаточно. При этом «работает» то общее правило, которое уже не раз было констатировано в данной работе и которое характеризует отношения системного и метасистемного подходов в целом, закономерности соотношения «классических» систем и систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Выявленные в системном подходе генетические закономерности (то есть закономерности системогенеза) в целом – при известных модификациях и трансформациях – необходимы и для понимания генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Однако, – именно *необходимы*, но еще *недостаточны*. Последние, наряду с ними, имеют дополнительные – специфические особенности и закономерности генезиса.

Итак, важнейшая специфическая и, в то же время, – очень общая особенность генезиса деятельности как одного из представителей класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем состоит в том, что в его ходе формируется и развивается особый уровень ее организации – метасистемный. Данное важнейшее обстоятельство определяющим образом влияет на весь процесс ее генезиса. В связи с этим, можно допустить, что процесс формирования и развития деятельности – это, действительно, процесс системогенеза; в нем должны соблюдаться все основные системогенетические закономерности и особенности. Вместе с тем, поскольку деятельность принадлежит к системам со «встроенным» метасистемным уровнем и обладает совокупностью качественно новых закономерностей, то и общий процесс его генетического развития также будет «выходить» за рамки системогенеза и выступать как *метасистемогенез*. Обоснование данного положения было специальноосуществлено в параграфе 2.3.2 второго тома.

Однако, и данное положение, будучи также совершенно необходимым для раскрытия содержания и специфики генетического развития деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, также пока еще недостаточно для этого, что объясняется следующим. Трактовка деятельности в качестве специфической системы со «встроенным» метасистемным уровнем, действительно, является более полным приближением к ее реальной сложности и специфики ее структурно-уровневой и функциональной организации. Однако, сам метасистемный статус, то есть «выход» деятельности за пределы собственно системного модуса, является лишь *одним* из проявлений ее «пост-системной» организации. Для того чтобы, по возможности, более полно и корректно раскрыть ее истинную психологическую природу и ее реальный статус, необходимо, как было показано выше, учитывать, по крайней мере, еще одно основополагающее обстоятельство. В целом ряде работ, в том числе и наших [117, 118], а также в параграфе 2.1.2. второго тома было подробно обосновано, что деятельность не является «моносистемным образованием». Она синтезирует в себе достаточно развернутую совокупность таких

образований, которые и по степени их сложности, и по принципам организации, и по своему статусу, и др. являются вполне самостоятельными (хотя, конечно, и в известных пределах), качественно специфическими и гетерогенными по отношению друг к другу системами. Это означает, что деятельность в целом выступает как *полиметасистемное* образование. Поэтому и ее генезис также должен каким-либо образом структурироваться и воплощать в себе эту ее принципиальную гетерогенность. Другими словами, он выступает не просто как метасистемогенез, а как *полиметасистемогенез*.

Далее, в качестве исходных и своего рода «установочных» для последующего генетического анализа должны быть реализованы и некоторые из основных результатов, которые были получены при осуществлении функционального плана исследования. Главными из них являются, на наш взгляд, два следующих положения.

Во-первых, поскольку определяющую роль в функциональной организации деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, играет принцип иерархичности, структурно-уровневой организации, то и реализация генетического плана исследования должна обязательно быть направлена на раскрытие закономерностей, прежде всего, данного типа организации. В свою очередь, это предполагает рассмотрение особенностей и закономерностей формирования как самих основных структурных уровней организации деятельности, так и закономерностей их соорганизации в целостную иерархию. Однако именно для этого необходимо привлечь те данные, которые сложились в наиболее традиционном варианте психологической теории деятельности – в структурно-уровневой парадигме ее разработки. И, если при реализации предыдущих гносеологических планов исследования мы, в основном, базировались на второй – более современной и в целом более совершенной парадигме исследования деятельности (структурно-морфологической), то теперь необходимо вовлечь в сферу анализа и первую из указанных парадигм.

Во-вторых, необходимо напомнить, что проведенный в предыдущем параграфе анализ был специально сконцентрирован не на всем содержании и объеме функционального плана исследования деятельности, а на вполне определенном его аспекте.

Однако именно он является, с одной стороны, объективно главным и определяющим все остальные, а с другой стороны, парадоксальным образом остается и наименее исследованным в настоящее время. Напомним, что таким – важнейшим и определяющим является аспект, связанный с «бытием системы во времени» – с его «временной разверткой», то есть с его собственно *темпоральной* организацией. Он тем самым онтологически включает «ось времени» в организацию систем, а гносеологически – предписывает дать объяснение формам и модулям такого включения. В результате его раскрытия были сформулированы представления о качественно своеобразном типе системности – *темпоральной*, временной, а также о соответствующем ему – также качественно своеобразном классе систем – о темпоральных системах. В свою очередь, логика их анализа с необходимостью привела к обращению к такому понятию (точнее – категории), которая вообще имеет основополагающее гносеологическое значение. Более того, для предметов психологического исследования оно, к тому же, является и наиболее важным. Речь идет о понятии процесса, о процессуальности как особой и качественно специфической форме организации. Причем, – и это наиболее показательно в плане характеристики общего смысла полученных выше результатов – сама процессуальность как раз и является воплощением темпоральной (временной) системности. Процесс в непосредственном и строгом смысле данного понятия – это и есть система темпорального, временного типа.

Следовательно, приоритетное место в ходе дальнейшего анализа в целом и при реализации генетического плана исследования, в особенности, должно иметь раскрытие и объяснение закономерностей процессуальной формы организации как таковой, а также того, каким образом она реализована в организации деятельности и психики. Кроме того, отсюда следует, что в ходе последующего анализа должны быть рассмотрены и те *генетические* закономерности, которые лежат в основе трансформации психических *функций* в собственно процессуальные образования, то есть в психические *процессы*. Тем самым, функциональ-

ный анализ деятельности и ее психической регуляции – по мере его углубления – с необходимостью трансформируется в анализ сначала *временной*, а затем – *процессуальной*. В свою очередь, реализация процессуального анализа, то есть выявления тех закономерностей, по которым психические функции трансформируются в психические процессы, объективно невозможна «вне» и «без» решения вопросов генетического характера.

Наконец, подчеркнем и еще одно обстоятельство, носящее также установочный характер. Оно является достаточно «неудобным» – затрудняющим анализ и, на первый взгляд, нарушающим принятую в данной работе его общую логику. Вместе с тем, несмотря на такое «неудобство», его ни в коем случае нельзя замалчивать: наоборот, его следует эксплицировать с максимальной отчетливостью и наметить пути его преодоления. В противном случае, оно будет постоянно давать о себе знать, затрудняя дальнейшее рассмотрение. Действительно, основным и наиболее специфическим предметом данной работы является не столько сама игровая деятельность, сколько особенности и закономерности ее *генезиса*. Собственно говоря, именно поэтому все уже осуществленные гносеологические планы были реализованы не по отношению к игре и игровой деятельности *в целом*, а по отношению именно к тому, как она формируется и развивается. Конечно, это не означает, что по ходу такого рассмотрения не возникала необходимость в постоянном и систематическом обращении и к более общим вопросам, связанным с закономерностями структурно-функциональной организации игровой деятельности в целом. Как раз наоборот, такая необходимость не только возникала, но и вообще являлась определяющим условием для решения вопросов и собственно генетического плана. Тем не менее, общий «вектор» и главный смысл проведенного анализа был, повторяем, специфически генетическим. Поэтому все уже осуществленные гносеологические планы, имея разную «фокусировку», в то же время имели сходную – именно генетическую ориентацию.

Однако в таком случае и возникает вполне обоснованный вопрос: каким образом в этом – общем по направленности

(то есть генетическом) спектре можно выделять еще какой-то так сказать «особо генетический» аспект? Как внутри генетического исследования выделять аналогичный – также генетический аспект? Нужно ли это, а главное – возможно ли это в принципе? Не является ли своеобразной «научной тавтологией»? Это – действительно, принципиальная сложность гносеологического плана и ее, повторяем, нельзя замалчивать. Наоборот, попытки ее преодоления способствуют, на наш взгляд, существенному уточнению и углублению как самой постановки проблемы исследования, так и возможных вариантов ее решения. На наш взгляд, несмотря на ее очевидную сложность и остроту, – даже так сказать антиномичный характер, она решается вполне естественным и даже необходимым образом. Согласно этому решению, генетический план исследования игровой деятельности должен быть дифференцирован не по принципу его «выделения» и относительной автономизации от всех иных планов (что, действительно, практически невозможно), а иным путем. Он должен быть эксплицирован принципиально иначе – на основе *углубления* и развития тех результатов (также носящих генетический характер), которые были получены во *всех* предыдущих планах и, прежде всего, – в функциональном.

Конкретно это означает следующее. Реализация функционального плана исследования привела к выводу, согласно которому, определяющую роль и в его реализации и в развитии поведенческой и деятельностной форм активности играет темпоральная организация. В результате ее «наложения» вначале на примитивное и элементарное, а затем на всё более усложняющееся поведение ребенка оно (в том числе – и представленное в игре) приобретает все более упорядоченный и организованный характер. Поведение во все большей степени начинает воплощать в себе основные особенности и закономерности собственно деятельностной организации. Несколько схематизируя эту ситуацию, можно сказать, что «магистральным» направлением генезиса *игры* является ее трансформация в игровую *деятельность*. Собственно говоря, именно поэтому деятельность и формируется в игре и «через» игру. Наряду с этим, необходимо

учитывать и главный смысловой оттенок самого понятия «*ведущего* типа деятельности» – в данном случае игровой. Как известно, это такой тип деятельности, который является наиболее адекватным какому-либо конкретному онтогенетическому этапу в плане того, что именно он создает наиболее благоприятные условия для развития и формирования «в нем» и «через него» важнейших психических структур и процессов, свойств и новообразований. Другими словами, это такой тип деятельности, в котором на каждом онтогенетическом этапе наиболее интенсивно осуществляется генезис всех иных «составляющих» психики.

Однако в таком случае объективно складывается следующая картина. С одной стороны, в ходе предыдущего анализа было показано, что основным итогом всех генетических процессов является трансформация игры и игровую деятельность, то есть придание самой игре структурно-функциональных характеристик деятельности как таковой. Однако, с другой стороны, сама складывающаяся и развивающаяся деятельность выступает очень мощным и, более того, – определяющим фактором психического развития в целом.

Таким образом, возникает новая и специфическая по отношению ко всем уже реализованным планам задача. Она связана уже не только и даже не столько с тем, чтобы выявить и объяснить, по каким закономерностям складывается и формируется игровая деятельность (то есть, как она «вызревает» в ходе игры как таковой), сколько с тем, чтобы выявить, как сама игровая *деятельность* влияет на генезис иных «составляющих» психики». Это – задача экспликации *генетической функции* самой игровой деятельности по отношению к формированию и развитию психики. В параграфе 2.3.1. мы уже отмечали, что данная задача является одной из конкретизаций общего методологического принципа «единства психики и деятельности», который, как это ни странно, в гораздо большей степени реализован по отношению к учебной и трудовой, а не игровой деятельности. Парадоксальность и неестественность этого состоит в том, что именно на тех этапах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является игра, само развитие психики как раз и осуществляется

наиболее интенсивными темпами. Более того, здесь имеет место не просто ее «формирование и развитие» (что как раз и характерно для двух других основных типов деятельности), а именно ее «первоначальное складывание». По существу, здесь и происходит, фактически, ее *возникновение* – по крайней мере, в том виде, который впоследствии станет наиболее характерным для личности на ее зрелых онтогенетических стадиях.

Вместе с тем, сколь бы ни был значим этот – второй аспект реализации генетического плана исследования генезиса игровой деятельности, он еще не исчерпывает всего содержания такого рода исследования. Дело в том, что, наряду с ним, необходимо дифференцировать еще, как минимум, три аспекта его реализации. Суть первого из них состоит в следующем. Как мы уже отмечали выше, в генетических исследованиях основных типов деятельности (которые и обозначаются понятием «ведущих» типов деятельности – игровой, учебной и трудовой) сложилась вполне определенная, но далеко не во всем позитивная традиция. Причем, она – даже в еще большей степени – характерна не только для генетических исследований этих типов, но и для их изучения *в целом*. Данная традиция состоит в том, что акцент делается, преимущественно, на экспликации – на выявлении и подчеркивании *различий* (желательно, конечно, – глубоких и принципиальных) между ними и их дальнейшей интерпретации. Однако, то, что является *общим* у них, что их объединяет и обуславливает их принадлежность в качестве *видовых* образований к более общей, то есть *родовой* сущности (то есть к деятельности как таковой), остается «на втором плане».

В свою очередь, это имеет множественные негативные последствия – прежде всего, именно генетического плана. Главное из них состоит в том, что до сих пор слабо изученными являются закономерности *взаимопереходов* и *преемственности* этих типов деятельности в процессе их смены в онтогенезе. Явно недостаточно эксплицированными выступают закономерности трансформации одних («предыдущих») типов деятельности в другие («последующие»). Вместе с тем, свершено понятно, что исходным – так сказать «первичным и инициационным» типом деятельности в общей их «онтогенетической цепочке» (игра –

учение – труд) как раз и является игровая деятельность. Именно в ней, как уже неоднократно отмечалось выше, не только формируются и развиваются, но и, фактически, *складываются* и даже – *закладываются* многие важнейшие образования, структуры и процессы, на основе которых впоследствии будут организованы два других основных типа деятельности. Тем самым и игровая деятельность в целом, и ее генезис, в особенности, раскрываются в еще одном своем модусе – специфически *генетическом*, но уже не столько по отношению к ней самой, сколько по отношению к двум другим основным типам деятельности. Игровая деятельность выступает «генетическим корнем» и своеобразным «горнилом» формирования и развития деятельности в целом – как специфической формы активности, как *родового* образования, частными, то есть *видовыми* экспликациями которого и выступают учебная и трудовая деятельность.

Другими словами, для того, чтобы понять истинное и, по возможности, наиболее полное значение генетического аспекта самого генезиса игровой деятельности, необходимо «выйти» за его собственные пределы. Следует рассмотреть генезис игровой деятельности как мощный и объективно необходимый фактор генезиса *других* основных типов деятельности, самой деятельностной формы организации активности в целом – именно как родового образования. В этом случае можно говорить и о том, что генезис игровой деятельности выступает «составляющей» более общего процесса «деятельностного генезиса», содержанием которого как раз и является закономерная трансформация трех основных типов деятельности. Этот *макропроцесс* может быть проинтерпретирован и как своеобразный «генезис генезисов», то есть как развитие и усложнение трех различных генетических процессов, каждый из которых сопряжен, соответственно, с одним из трех основных типов деятельности. Это – так сказать «генезис второго порядка», то есть *метасистемогенез*.

Кроме того, несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что именно в этом более общем, но, по существу, едином и целостном макропроцессе складывается, а затем развивается та общая и онтологически представленная основа –

та база, которая является «фундаментом» реализации всех типов деятельности. Ей выступает формирование и развитие собственно психологических средств и механизмов регуляции деятельности. Все они, как известно, синтезируются в специфическое образование, которое принято обозначать понятием *регулятивной подсистемы* психики (к этому – важнейшему, на наш взгляд положению мы также, разумеется, возвратимся в ходе дальнейшего анализа). Итак, можно видеть, что «генетический аспект самого генетического плана» исследования игровой деятельности – это вовсе не «научная тавтология», а совершенно конкретная по содержанию, хотя и общая по смыслу исследовательская *реальность*. Ей выступает изучение макропроцесса «онтогенеза основных типов деятельности» в целом и той роли, которую выполняет в нем сама игровая деятельность, в особенности.

Наконец, можно (а на наш взгляд, – и нужно) дифференцировать еще один смысл «генетического аспекта генетического плана» исследования игровой деятельности, равно как и общего макропроцесса формирования и развития всех трех основных типов деятельности. Его сущность может быть эксплицирована следующим образом. Генезис каждого из этих трех типов с очевидностью характеризуется определенными особенностями и закономерностями, являющимися *специфическими* именно для каждого из этих типов. Однако, не менее важно и очевидно (а также – и подкреплено многочисленными эмпирическими данными), что эти особенности и закономерности являются именно специфическими, то есть они *различны* для каждого из этих типов. Однако именно в связи с этим следует, по нашему мнению, предположить, сами изменения – трансформации особенностей и закономерностей генезиса трех основных типов деятельности также не являются «случайными и неупорядоченными». Напротив, они, вероятно, также подчиняются определенным закономерностям. Это – закономерности, по которым изменяются сами – уже установленные по отношению к генезису каждого типа закономерности. Другими словами, это «закономерности трансформации закономерностей» их генезиса. Или – по-другому: «закономерности генезиса самих «первичных» генетических закономерностей. Тем самым, можно

видеть, что вновь возникает необходимость обращения к уже использованному в параграфе 2.3.2. понятию закономерностей «второго порядка» – *метазакономерностей*.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующее заключение. Специфика *генетического* плана исследования самого *генезиса* игровой деятельности определяется целым рядом важных аспектов. Их экспликация, в свою очередь, не только раскрывает истинное, то есть полное значение данного плана исследования (и, соответственно, смысл и содержание самого генезиса игровой деятельности), но и задает вполне определенные ориентиры для проведения ее генетического исследования.

Во-первых, необходимо продолжить и углубить анализ тех особенностей и закономерностей, на основе которых игра трансформируется в игровую деятельность.

Во-вторых, пожалуй, еще больше внимание необходимо уделить выявлению тех особенностей и закономерностей, на основе которых игровая деятельность реализует свои *генетически-порождающие* функции по отношению к иным «составляющим» психики, а также и к ее развитию в целом.

В-третьих, в качестве предмета рассмотрения должны выступить и те закономерности, по которым изменяются – трансформируются сами «первичные» закономерности генезиса каждого из трех основных типов деятельности – генетические метазакономерности.

В-четвертых, следует рассмотреть генезис игровой деятельности как мощный и объективно необходимый фактор генезиса *других* основных типов деятельности. Его следует понять и раскрыть как объективную «составляющую» более общего макропроцесса «деятельностного генезиса», содержанием которого как раз и выступает закономерная трансформация трех основных типов деятельности. Этот *макропроцесс* может быть проинтерпретирован и как своеобразный «генезис генезисов», то есть как развитие и усложнение трех различных генетических процессов.

Наконец, в-пятых, необходимо рассмотреть и то, как в этом макропроцессе осуществляется формирование и развитие собственно психологических средств и механизмов регуляции деятельности – то есть *регулятивной подсистемы* психики в целом.

3.1.3. Процессуальные детерминанты в генезисе деятельности

Руководствуясь сформулированными выше положениями методологического характера (а одновременно – и установочного плана), перейдем к рассмотрению основных задач, предписываемых генетическим планом исследования игровой деятельности. При этом, однако, формулируется еще одна – также своего рода «предварительная» и вспомогательная задача, которую нельзя обойти вниманием. Она связана с определением тех *приоритетов* и, соответственно, – той логики и *последовательности*, в которой должны рассматриваться сформулированные выше проблемы, составляющие содержание данного плана исследования. При этом, разумеется, критерии и основания для определения таких приоритетов могут быть самыми разными. Вместе с тем, наиболее логичным и обоснованным будет использование такого критерия, который является, пожалуй, наиболее естественным. Это – критерий сравнительной *значимости* тех или иных аспектов и проблем, входящих в общее содержание генетического плана исследования. Если руководствоваться им, то выбор главного и основного – определяющего среди такого рода аспектов становится вполне очевидным. Им, естественно, должен выступать собственно *процессуальный* аспект, к которому с логической необходимостью привела, по существу, вся логика развертывания предыдущего – функционального плана исследования игровой деятельности. К нему, следовательно, и необходимо перейти.

Данный аспект, как было подробно показано в параграфе 2.5. данного тома, является, с одной стороны, весьма гетерогенным и сложным, а с другой – и очень обобщенным. Он – в наиболее принципиальном виде – предполагает конкретизацию категории функционирования до понятия *процесса*, взятого в его строгом и непосредственном смысле – именно как *временной организации* явления, как его «упорядоченного во времени» развертывания¹⁶⁰.

---

¹⁶⁰ В этом плане необходимо, конечно, учитывать, что понятие процесса характеризуется очень высокой степенью полисемичности и многозначности

Функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория *функционирования* и понятие *процесса*, фактически, взаимопологаемы и взаимообусловлены. В этом плане со всей определенностью необходимо подчеркнуть следующее важнейшее обстоятельство. Взаимопологаемость общей категории функционирования и понятия процесса является наиболее явной и, по существу, фундаментальной, *прежде всего*, именно для психологии. Она проявляется в ряде *основных* модусов психического¹⁶¹.

Так, во-первых, пожалуй, одно из наиболее важных психологических понятий – понятие *психических процессов*, по существу, непосредственно базируется на общем понятии *процесса*. На нем же естественным образом основана и аналогичная по значимости, то есть также *главная* дифференциация содержания психики – ее дифференциация на классы и виды психических *процессов*.

Во-вторых, все это, в конечном счете, связано с тем, что «психическое существует лишь в форме *процесса*»; что «процесс – это и есть способ существования психического» [203]¹⁶². Другими словами, в одной из *основных* психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возмож-

---

смысловых оттенков – степени, вполне сопоставимой с той, которая характерна и для понятия функционирования. Как мы уже отмечали выше, процессом может обозначаться и совершенно неупорядоченное, неструктурированное на фазы и этапы, по существу – хаотическое, но развертывающееся во времени явление (это своего рода «широкое» значение данного понятия). Однако процессом может обозначаться и структурированное – организованное и упорядоченное протекание явления во времени (это своего рода «узкое», но и более строгое его значение).

¹⁶¹ Напомним, что эти модусы уже были достаточно подробно проанализированы в параграфе 2.4. этого тома., в связи с чем здесь будет указан из наиболее общий смысл.

¹⁶² Представления о процессуальности как атрибутивной форме существования психического имеют, как известно, глубочайшие – и исторические и гносеологические корни. Эта традиция особенно характерна для отечественных исследований и восходит к взглядам И. М. Сеченова, отмечавшего, что «мысль о психическом как о процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» (по [114]).

ности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная *онтология* психического. В силу этого, и сам этот, повторяем, базовый атрибут функциональной организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. По отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме деятельности, в частности, это означает, что изучение функциональной организации является, фактически, во многом эквивалентным раскрытию закономерностей собственно *процессуальной* организации.

В-третьих, не менее важно и показательно, что именно в психологии понятие процесса органичным и естественным образом сопряжено с понятием психических *функций*. Действительно, сами психические процессы, как известно, чаще всего вообще выделяются – дифференцируются как относительно самостоятельные на основе критерия их соответствия с теми или иными психическими функциями¹⁶³. В качестве последних (по определению) выступают, однако, те или иные частные, «парциальные» проявления общей функциональной организации психики в целом.

Таким образом, один из важнейших модусов категории функционирования предполагает рассмотрение собственно *процессуальной* организации. По отношению к психологической проблематике в целом и проблеме деятельности, в частности, он предполагает обращение к *процессуально-психологическому* плану изучения. В свою очередь, это требует реализации по отношению к ним всего потенциала, который заложен в понятии психических процессов, а также использование того материала, которым располагает соответствующее направление психологических исследований. Функциональный анализ деятельности может претендовать на достаточную полноту и глубину лишь

---

¹⁶³ В этом плане уместно еще раз напомнить известную мысль М. С. Роговина, отмечавшего, что «создававшаяся веками система знаний в области психических процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить тот или иной из них с психическими функциями» [193].

в том случае, если он, действительно, будет базироваться на категории *психических процессов*, то есть будет процессуально-психологическим.

Таким образом, можно видеть, что одно из наиболее важных психологических понятий – понятие *психических процессов*, по существу, непосредственно базируется на общем понятии *процесса*. На нем же естественным образом основана и аналогичная по значимости, то есть также *главная* дифференциация содержания психики – ее дифференциация на классы и виды психических *процессов*. Психическое существует лишь в форме *процесса*; «процесс – это и есть способ существования психического» [203]. Другими словами, в *основном* психологическом понятии – понятии психических процессов воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации как таковой. Процессуальная форма существования – это и есть реальная *онтология* психического.

Все сформулированные выше положения не только должны обязательно учитываться и при реализации собственно генетического плана исследования игровой деятельности, но и составить *основу* для этого.

3.2. Закономерности генезиса интегральных процессов психической регуляции деятельности

Одним из основных положений современных представлений, сложившихся при исследовании психических процессов, является дифференциация, наряду с когнитивной подсистемой, еще и *регулятивной* подсистемы. При этом следует, конечно, иметь в виду чрезвычайную сложность проблемы дифференциации общей системы психических процессов на какие-либо «составляющие» – части, подсистемы, группы и т. д. (она подробно проанализирована нами, например, в работе [114]). Эта сложность проявляется постоянно и повсеместно. Так, в частности, уже само по себе выделение собственно регулятивных процессов является относительным и достаточно ус-

ловным, поскольку, как известно, и все основные когнитивные процессы также могут выступать и реально выступают не только в их непосредственной (когнитивной), но и в собственно регулятивной функции.

Вместе с тем, все же вполне отчетливо дифференцируются и такие процессы, для которых именно регулятивная функция – регулятивное предназначение является исходным и основным (атрибутивным). В результате их исследования нами была сформулирована концепция *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения, подробно охарактеризованная в параграфе 2.2.2. второго тома, а также в работах [88, 101 и др.]. Тем самым мы вновь приходим к необходимости обращения к данному классу процессов, который уже был предметом нашего рассмотрения – причем, при анализе достаточно разных по содержанию проблем. В частности, они играли важную роль при реализации *структурного* плана исследования игровой деятельности и ее генезиса. Это объясняется их объективно определяющей ролью именно в плане структурной организации любой деятельности, в том числе – и игровой. Они же являлись определяющими и при реализации функционального плана ее исследования, поскольку именно они и выступают собственно функциональной основой – «динамическим аспектом» деятельности как таковой. Однако они же являются и базовым средствами, благодаря освоению которых в онтогенезе, происходит формирование деятельности в целом – вначале, разумеется, игровой¹⁶⁴.

Действительно, в концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения была обоснована необходимость дифференциации двух форм, двух классов (и уровней) организации процессов психики. Во-первых, основных – традиционно выделяемых процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) как своего рода процессов «первого

---

¹⁶⁴ Данный аспект также затрагивался в параграфе 2.2.2. второго тома; теперь, однако, его необходимо сделать предметом более углубленного, специального анализа.

порядка». Во-вторых, синтетических, регулятивных процессов как своего рода процессов «второго порядка»; они и были обозначены нами как *интегральные процессы* регуляции деятельности и поведения. Данные процессы выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной структурой регуляции деятельности и поведения.

С этих позиций становится очевидным, что деятельность как целостная система, имеющая свою собственную логику и структуру, объективно невозможна без специальных процессов, направленных на ее организацию и регуляцию – без интегральных процессов. С той же объективной необходимостью, с какой в онтогенезе формируется сама деятельность (вначале, разумеется, в ее элементарной, «практической» – внешней форме), формируется и система указанных интегральных процессов. Более того, само формирование и последующее усложнение деятельности с содержательно-психологической стороны – это и есть становление и развитие процессов ее регуляции, то есть интегральных процессов. В их системе воспроизводятся все основные особенности строения и содержания самой деятельности. В концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности показано, что они обладают как *общими* со всеми иными категориями процессов свойствами, так и *специфическими* характеристиками. Именно они и требуют их понимания в качестве однородной в некоторых существенных отношениях группой процессов. Наконец, на фоне общих и особенных характеристик, каждому из процессов этой группы присущи и свои собственные (*единичные*) характеристики, описывающие их собственное качественное своеобразие¹⁶⁵.

Действительно, обобщение результатов работ, посвященных исследованию целеобразования, антиципации, принятия решения, планирования, прогнозирования, программирования,

---

¹⁶⁵ Тем самым, вся совокупность психологических особенностей интегральных процессов воплощает в себе известное гносеологическое положение о «единстве категорий общего, особенного и единичного».

контроля и самоконтроля вскрывает ряд ключевых особенностей всех этих процессов, аналогичных в целом ведущим характеристикам других, традиционно выделяемых процессов психики [88, 89, 92, 101]. Так, все они, безусловно, являются психическими по механизмам своей реализации; характеризуются свойствами субъективности, идеальности, целенаправленности, предметности; имеют специфический операционный состав; направлены на обеспечение наиболее общих адаптивных функций; являются сложными, многоуровневыми и системно-организованными образованиями; допускают реализацию и в собственно процессуальной форме и в форме относительно автономной, развернутой деятельности. Наличие этих – общих с другими процессами особенностей, собственно, и позволяет считать, что все эти процессы являются, хотя и специфическим, но все же одним из классов процессов, реализуемых психикой. Наряду с этими особенностями, всем интегральным процессам, присущи, однако, и некоторые важные черты, являющиеся специфическими лишь для данного класса процессов.

Прежде всего, одной из важнейших среди них является следующая закономерность их организации. Как было показано в параграфе 3.1.3. этого тома, данный класс процессов, фактически, *воспроизводит* в своем составе и содержании определенный – базовый *временной регулятивный инвариант*. Все они объективно – очень естественным и даже необходимым образом распределяются, как бы «выстраиваются именно вдоль оси времени». Они сорганизуются на основе так сказать хронологического, *темпорального критерия*. Данный инвариант, напомним, образован следующей хронологически упорядоченной «цепочкой» процессов. Целеобразование → антиципирование будущих результатов → принятие решения о способах и средствах деятельности → прогнозирование возможных изменений условий деятельности, своих действий, их результатов → планирование деятельности (включающее ряд возможных сценариев, вариантов ее развертывания) → программирование деятельности (предполагающее уже выбор какого-либо одного варианта действий, его временную органи-

зацию) → собственно исполнение → контроль (текущий и заключительный) исполнения → самоконтроль (также текущий и результативный) → коррекция посредством сличения реально полученных результатов с идеальной целью и антиципированными результатами). Кроме того, он является замкнутым, то есть построенным «кольцеобразно» – на основе принципа обратной связи, а потому обеспечивает саморегулируемость и целедостигающий характер поведенческих и деятельностных актов.

Действительно, по отношению к реализации и отдельно взятого действия, и их комплексов, и деятельности в целом – то есть, фактически, по отношению к *любому* деятельностному акту их «временная развертка» является вполне определенной и инвариантной. Она как раз и представляет собой закономерную *последовательность* этих процессов, указанную выше. Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – *регулятивной*. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно *процессуальной организации* одной из базовых подсистем психики – регулятивной органично воплощен и реализован в ней параметр времени. Он, точнее – его адекватная репрезентация собственно психическими средствами и механизмами (причем, основными для психики, то есть собственно процессуальными), следовательно, функционально включен и в ее общую организацию. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени» – это та базовая координата, которая репрезентирована и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики.

Кроме того, очень важно подчеркнуть, что система интегральных процессов, образующая его, является именно инвариантной, то есть носит устойчивый, объективный характер и присуща любому поведенческому или деятельностному акту. Вместе с тем, степень полноты и развернутости процессов, входящих в него, в каждом конкретном случае может быть очень различной. Это зависит не только от ситуативных факторов, но и той или иной онтогенетической стадии развития личности. Более того, именно в ходе онтогенеза и, в особенности, на относительно ранних его этапах, характеризующихся выраженным доминированием *игровой* формы активности, происходит не только его наиболее интенсивное формирование и развитие, но и, по существу, его *фактическое складывание*.

Действительно, на этих ранних генетических стадиях о данном инварианте практически еще невозможно говорить как о некоторой развернутой регулятивной системе. Он представлен в неразвитом виде, аппроксимируясь в пределе (на самых ранних онтогенетических стадиях), фактически, до уровня «рефлекторного кольца». Несколько позже он переходит на стадию «первичных» и «вторичных круговых реакций». Вместе с тем, уже в этом – так сказать исходном и относительно примитивном виде он уже обладает ключевым для любой регуляции свойством – замкнутостью, «кольцеобразностью». Иными словами, он воплощает в себе фундаментальный принцип обратной связи. Затем он все более дифференцируется и усложняется, принимает различные по степени сложности формы и проходит тем самым закономерные стадии своего развития. Наиболее характерно то, что весь его генезис происходит именно в русле развития и становления игровой деятельности.

Итак, можно видеть, что общая совокупность интегральных процессов потому и является не просто их агрегативным объединением, а собственно системным образованием. Она построена на основе целого ряда соответствующих принципов и закономерностей, характерных для системной формы организации в целом. Одной из основных среди них является то, что их совокупность закономерным и очень естественным образом воплощает в себе

фундаментальный по своей значимости (и в целом, и по отношению к организации деятельности, в особенности) параметр времени. Это реализуется за счет того, что их совокупность представлена в форме определенного регулятивного инварианта, построенного, в том числе, и по собственно хронологическому, темпоральному принципу. Последнее означает, что все они «вытянуты» вдоль оси времени, организованы на основе собственно «временной координаты». Вся их совокупность представляет собой определенную временную последовательность, точнее – временную организацию. Их совокупность – это и есть в известном смысле воплощение временной организации в общей структуре психической регуляции. Через нее временная организация воплощается и по отношению к реализации отдельно взятых действий, и по отношению к их комплексам, и по отношению к деятельности в целом – то есть, фактически, к любому деятельностному акту. Именно через формирование и развитие класса интегральных процессов осуществляется становление – складывание и совершенствование целого ряда важнейших атрибутов собственно системной формы организации в целом, а также ее специфического типа – темпоральной системности. Следовательно, овладевая системой интегральных процессов, субъект *тем самым* во многом овладевает и самой системностью (и субстанциональной, и темпоральной) как наиболее комплексным, совершенным и действенным средством организации как самой деятельности, так и психики в целом.

Обращение к особенностям развития класса интегральных процессов, позволяет констатировать, однако, генетические закономерности и еще более общего порядка. Действительно, с одной стороны, как мы уже отмечали, формирование совокупности интегральных процессов означает, по существу, становление и развитие одной из основных подсистем психики – регулятивной. Именно интегральные процессы, являясь атрибутивно регулятивными, выступают «процессуальным ядром» этой подсистемы психики. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Собственно говоря, именно поэтому их формирование

и обеспечивает возможность развития сложных по своей архитектонике и комплексных по составу средств – прежде всего, самой психологической системы деятельности. В связи с этим, и сама суть прото-системогенеза состоит, прежде всего, в первоначальном «складывании» и развитии самой *регулятивной подсистемы психики*. Оно в значительной степени синхронизировано по времени с онтогенетическим периодом доминирования игры как формы активности и во многом, фактически, совпадает с ним.

Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно процессуальной организации одной из базовых подсистем психики (регулятивной) органично воплощен параметр времени в целом. Его репрезентированность в регулятивной подсистеме (которая обеспечивается основными для психики, то есть собственно процессуальными средствами), следовательно, обеспечивает его функциональное включение и в общую организацию психики. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция, – деятельность.

Наряду с этим, представляется важным учитывать и еще одну основную (помимо свойства регулятивности) атрибутивную характеристику интегральных процессов. Она состоит в их составном и синтетическом характере, а также в интегративном типе строения. Как показано в концепции интегральных процессов, каждый из них базируется практически на всей совокупности основных когнитивных и иных психических процессов – эмоциональных, мотивационных и волевых. Разумеется, мера развернутости и полноты представленности в интегральных процессах может существенно варьировать зависимости от многих факторов, прежде всего – ситуативных и деятельностных. В самом деле, как постоянно подчеркивалось по ходу всего предшествующего рассмотрения, они принадлежат к такой категории психических процессов, которая обозначается в настоящее время термином «*вторичных*» процессов. Будучи интегральными по структуре и механизмам своей

организации, а значит синтетическими и составными по своему содержанию, они локализуются на ином, нежели «первичные» процессы, «уровне сложности». Они тем самым «возвышаются» над всей совокупностью традиционно дифференцируемых классов «первичных» психических процессов. Однако это же означает, что и их формирование (генезис), который, прежде всего, сопряжен именно с генезисом деятельности, также представляет собой, фактически, качественное усложнение средств самой процессуальной организации психики в целом. Организация психических процессов обретает «через них» и «в них» свой качественно иной, более сложный вид. Она – через их генезис еще более комплексно и многопланово воплощает в себе особенности и принципы структурно-уровневой, иерархической организации как таковой. Более того, в ней складываются и начинают играть важную роль принципиально новые уровни организации психических процессов.

Безусловно, при этом нельзя игнорировать и тот факт, что предпосылки такого генезиса заложены и в иерархичности организации самих «первичных» психических процессов. Однако нельзя не видеть и того, что именно деятельность, а также та система специфически деятельностных – регулятивных, то есть интегральных процессов в очень существенно степени содействует генезису уровневой дифференциации. Следовательно, она же выступает и стимулом (а одновременно и операционным механизмом) обретения психическими процессами именно структурно-уровневого принципа организации в его развернутом виде. «Через» интегральные процессы, через их модус как «вторичных» происходит качественное – очень значимое развитие уровневого строения всей системы психических процессов. Еще выше их роль в становлении аналогичной, то есть также структурно-уровневой организации процессов, непосредственно направленных на реализацию регулятивных функций. Фактически, они и лежат в основе того, что сама регулятивная подсистема психики организуется на основе структурно-уровневого, иерархического принципа регуляции.

Кроме того, в свете сформулированных положений необходимо акцентировать внимание и на обстоятельстве еще более принципиального, на наш взгляд, плана. Дело в том, что посредством именно этих процессов во многом вообще создается «прецедент» (а одновременно – и предоставляются конкретные возможности) для выхода всей организации процессуального содержания психики на *качественно* иной уровень – на уровень «вторичных» процессов. Усложняется и качественно трансформируется вся процессуальная организация психики. Она получает мощный – объективный и онтологически заложенный в психической организации деятельности стимул для своего развития. При этом очень показательны, что аналогичные по смыслу закономерности были установлены и в таком важном направлении современной психологии, каковым выступает метакогнитивизм. Его основной смысл и «пафос» как раз в том и состоит, что он раскрыл новый класс процессуальных образований психики – метакогнитивные процессы, которые также являются атрибутивно «вторичными»¹⁶⁶.

Тем самым, но уже в более общем плане, этот класс эксплицировал новые грани сложности и иерархичности, структурно-уровневой организации психических процессов в целом. Из всего сказанного с необходимостью следует, что само формирование интегральных процессов означает (причем, совершенно объективно) также развитие и совершенствование *интегративных механизмов* психики как таковых, повышение ее собственно интегративного потенциала. Через интегральные процессы и «в них» психика в целом повышает уровень своей собственной системной организованности и целостности. Это также осуществляется наиболее интенсивными темпами на том интервале онтогенеза, на котором ведущим типом деятельности является именно *игровая деятельность*.

Вместе с тем, именно на данном интервале и именно в игровой деятельности интегральные процессы в целом и их

---

¹⁶⁶ Показательно, что сам термин «вторичные» психически процессы также оформился именно в метакогнитивизме.

генезис, в особенности, характеризуется явной специфичностью; поясним сказанное. Как следует из их психологической характеристики, представленной выше (см. параграф 2.2.2. второго тома), основной и, фактически, атрибутивной чертой этих процессов является интегративный, синтетический принцип организации. Закономерности и феномены, средства и механизмы именно интегративного плана не только принципиально «неустранимы» из них, но и вообще составляют их сущность; они атрибутивно присущи им. В свою очередь, это означает, что их столь же принципиально недопустимо трактовать никак иначе, кроме собственно *системных* образований – в качестве очень типичных разновидностей психологических систем в целом. Они принципиально не допускают своего раскрытия вне этого – собственно системного статуса; не могут быть адекватно поняты и объяснены как «компоненты», как аддитивные «части» чего-либо и пр. Однако, если это так (а иного варианта просто «не остается»), то на становление, а затем – и на формирование и развитие *каждого* из них с необходимостью транспонируется общий для всех собственно системных образований тип развития – системогенетический. Другими словами, это означает, что формирование и развитие не только *деятельности* в целом (в данном случае – игровой) и не только всей *совокупности* этих процессов, но и *каждого* из них в отдельности также разворачивается по системогенетическому типу, представляет собой процесс системогенеза. К данному – принципиальному, на наш взгляд, положению мы возвратимся чуть позже; пока же лишь зафиксируем его в качестве одного из необходимых для последующего анализа.

Дело в том, что оно должно быть дополнено еще одним – специфичным именно для игровой деятельности (и ее генезиса) положением. Как мы уже отмечали выше (см. главу 1 данного тома), одной из наиболее характерных особенностей формирования и развития именно *игровой* деятельности, то есть одной из наиболее рельефных черт ее системогенеза, является следующая особенность принципиального характера. При рассмотрении основных положений концепции интегральных процессов

психической регуляции деятельности мы уже отмечали, что их совокупность принципиально подобна совокупности основных психологических «составляющих», образующих общую архитектуру деятельности и обозначаемую понятием психологической системы деятельности. Такое подобие выражено настолько явно и носит настолько естественный и органичный характер, что оно доходит, фактически, до степени изоморфизма. Вместе с тем, не менее принципиально, что такое подобие существует – в наиболее выраженном виде – прежде всего, для относительно наиболее «зрелых» и совершенных типов деятельности (учебной и особенно трудовой), для более поздних онтогенетических этапов развития. Поэтому, собственно говоря, их системогенез и раскрывается наиболее полно и адекватно как формирование основных функциональных блоков, составляющих в своей совокупности психологическую систему деятельности.

Однако по отношению к более ранним возрастным этапам такое утверждение является некорректным в силу того, что на них еще отсутствуют сами эти функциональные блоки; они находятся еще в стадии становления (и даже – просто возникновения) и первоначального развития. Поэтому по отношению к игровой деятельности ее формирование и развитие может быть эксплицировано более корректно как процесс *протосистемогенеза*. Его суть состоит в том, что здесь основным содержанием генезиса являются не те явления и закономерности, которые развертываются так сказать «в пространстве» функциональных блоков системы деятельности, а те, которые сопряжены с формированием и развитием его *отдельных «составляющих»* – самих этих блоков. Формируются и развиваются, прежде всего, сами интегральные процессы как «составляющие» регулятивной подсистемы психики и как своеобразные предшественники – «протоблоки», которые в дальнейшем и выступят в качестве онтологической – процессуальной основы самих функциональных блоков психологической системы деятельности.

Наконец, очень важно учитывать также и еще одну – предельно специфичную именно для игровой деятельности ее психологическую особенность. Она также была неоднократно

отмечена и рассмотрена выше и заключается в явном приоритете *процесса* ее реализации по отношению к ее *результатам*. Однако такой приоритет процесса по отношению к результату может иметь место лишь в том случае (причем, совершенно объективно), когда второй не только не имеет «довлеющего», но и просто – доминирующего положения по отношению к процессу. В свою очередь, это возможно лишь тогда, когда результат и, соответственно, – цель, связанная с необходимостью его осознания и реализации, не будет так сказать «абсолютно *обязательной*». Как раз наоборот, он вполне может и «не быть достигнут» (или же достигнут с существенными модификациями, изменениями, трансформациями и пр.). «Необязательность» получения результата, а соответственно, – и «нестрогость» формулируемых целей – очень характерная и, более того, – во многом определяющая черта именно игровой деятельности. Именно это во многом вообще и отличает ее от учебной и трудовой деятельности.

Констатируя это, необходимо, однако, учитывать следующее – одно из основных положений системной методологии. Оно состоит в том, что именно цель выступает в качестве *системообразующего* фактора формирования и функционирования любой системы [9]. Это означает, однако, что формирование и последующее совершенствование целей, фактически, во многом просто эквивалентно формированию и развитию всей системы – именно как *целостности*¹⁶⁷. Далее, это же означает, что существует прямая и непосредственная связь (более того, – зависимость) между качественными параметрами целей и степенью развитости систем как таковых. Чем более сформирована цель (то есть чем более она содержательна и инвариантна, дифференцирована и «обязательна» и пр.), тем совершеннее и сама «формирующаяся под нее» система. Фактически, сама степень ее организации

---

¹⁶⁷ Данное обстоятельство, как мы уже отмечали ранее, нашло свое отражение и в естественном языке, поскольку существует глубинное этимологическое родство понятий «цель» и «целостность»; оно, конечно, отнюдь не является случайным, а напротив, свидетельствует об их взаимополагаемости.

есть прямая функций от степени совершенства цели. В связи с этим, можно сказать и так: достигаемый системой уровень организации, степень обретения ей статуса именно системно-организованного образования определяется именно характером тех целей, которые имеют место в каждом конкретном случае. Поэтому формирование процесса целеобразования в значительной мере – это и есть процесс формирования всей системы.

Вместе с тем, существует и так сказать «встречное движение»: цель может эффективно реализовывать свои интегративные, то есть системообразующие функции лишь в том случае, если в самой формирующейся «под нее» системе (целостности) существуют достаточные условия и средства для такой интеграции и организации. Не приходится, однако, подробно обосновывать, что именно эти возможности как раз и характеризуются принципиальной ограниченностью на ранних (впрочем, – не только ранних) этапах онтогенетического развития ребенка. В результате этого «двуединого» процесса складывается следующая – по существу, императивная картина. В игровой деятельности у цели (и у целеобразования как процесса, лежащего в основе ее формирования), объективно представлены такие принципиальные – атрибутивные характеристики, которые еще *не позволяют* ей реализовывать свои основные, то есть *системообразующие* функции. В результате этого по отношению к игровой деятельности вообще, по-видимому, не вполне корректно употреблять термин «психологическая *система* игровой деятельности» (в отличии, повторяем, от психологической системы трудовой и учебной деятельности). Цель игровой деятельности такова, что она еще не в состоянии полностью обеспечить формирование какой-либо завершенной и оформленной системы. Напротив, она, как правило, такова, что в состоянии обеспечить лишь то или иное *приближение* к этому. В результате этого цель игровой деятельности обеспечивает не формирование целостной и завершенной ее структуры (и тем более – системы), а лежит в основе лишь той или иной – достигаемой на каждом возрастном этапе и постоянно возрастающей структурности и системности ее организации. В конечном итоге,

это и приводит к тому, что по отношению к игровой деятельности корректнее считать, что формируется не какая-либо ее «жесткая» структура и тем более – не ее психологическая *система*. В ней складывается (и даже – *закладывается*), а впоследствии и развивается сама *структурность*, а затем – и *системность* как форма организации ее психической регуляции.

Все сказанное означает, что по отношению к структурной организации данной деятельности степень ее так сказать «свободы», а следовательно – спонтанности, «необязательной жесткости», изменчивости оформленности и пр. является не только очень высокой, но и принципиальной. В силу этого, вообще не совсем корректно говорить том, что игровая деятельность в целом и каждого из ее вида, в частности, обладает инвариантной структурой, характеризуется выраженной структурностью, а на этой основе – и системностью. Напротив, принципиальной и, по-видимому, атрибутивной чертой именно игровой деятельности является «нежесткость», изменчивость и аморфность ее структуры – так сказать ее принципиально неустраняемая «аструктурность». Лишь благодаря этому (и на основе этого), она является столь же принципиально динамичным, изменчивым и генетически трансформирующимся образованием. В силу этого, она и оказывается в состоянии выполнять те основные – генеративно-порождающие функции, для которых она, собственно говоря, и «предназначена».

Вместе с тем, эта же – принципиальная особенность игровой деятельности приводит к тому, что ее отдельные «составляющие» такого (как атрибутивно еще недостаточно структурированного образования) в значительно меньшей степени подвержены влиянию известных феноменов «системной ограниченности», суть которого состоит в следующем. При наличии «жесткой» цели все компоненты системы, как известно, переводятся в режим *взаимосодействия* в плане ее достижения. Это, как известно, являясь существенным преимуществом самой системы, выступает вообще одним из главных механизмов системообразования. Однако при этом они утрачивают многие «степени свободы» – многие потенциально присущие им стороны,

возможности, проявления и становятся «заточенными» под конкретную цель. В результате и возникает известный и очень широко представленный феномен «системной ограниченности».

По отношению к игровой деятельности это же означает, что ее отдельные «составляющие» (первоначально складывающиеся и развивающиеся в ней регулятивные процессы) обладают значительно большей степенью *функциональной автономности*, нежели это имеет место при формировании более структурированных систем – систем учебной и особенно трудовой деятельности. Благодаря такой автономности достигается, однако, принципиальный и важнейший результат, особенно значимый с точки зрения последующей эволюции форм деятельностной активности. Отдельные «составляющие» игровой деятельности (интегральные, регулятивные процессы) получают значительно большие возможности для своего *собственного* развития. Создаются более благоприятные «режимы» для их генезиса как таковых – как самостоятельных и качественно определенных сущностей, не связанных непосредственно с той или иной конкретной деятельностью, а имеющих общее значение для генезиса деятельностной формы активности как таковой, а также для генезиса регулятивной подсистемы психики в целом.

Кроме того, относительно большая функциональная автономия позволяет им формироваться и развиваться не только в рамках какой-либо одной формы или одного вида игровой деятельности, а в очень большом их спектре. Данное явление, впрочем, очень хорошо известно в психологии детской игры. Оно зафиксировано в положении, согласно которому, чем выше разнообразие и просто – количество игр, тем выше и их развивающий эффект по отношению к личности ребенка и ее отдельным проявлениям. И наоборот, «дефицит» этого приводит к резко негативным последствиям, главным из которых является известный *феномен «недоигранности»* – малого числа и бедного, однообразного содержания игр. Причем, еще более негативное значение в плане детерминации данного феномена является раннее (причем, очень часто – «насильственное») вытеснение игры из жизни ребенка и «преждевременная» ее замена на учебную деятельность.

Данное обстоятельство приобрело в последнее время достаточно выраженный характер, в силу чего на нем необходимо акцентировать специальное внимание. Действительно, в последнее время все чаще раздаются тревожные сигналы, свидетельствующие о том, что в силу разных причин объективного и субъективного свойства у многих детей наблюдаются достаточно выраженные симптомы «игровой дистрофии» [214]. Несмотря на длительность периода детства, современный ребенок-дошкольник зачастую не успевает «наиграться», «выиграться».

Даже за последние 5–6 лет в играх детей произошли определенные изменения и наиболее явное из них: воспитанники детских садов стали меньше играть, особенно в сюжетно-ролевые игры (и по количеству, и по продолжительности). Основной причиной тому является, по мнению педагогов и родителей, недостаток времени на игру.

Настораживает и то обстоятельство, что в сохранившихся ролевых детских играх практически отсутствуют «профессиональные сюжеты», которые, как традиционно считалось, в наибольшей мере способствуют вхождению ребенка в мир взрослых. На смену им приходят достаточно оторванные от реальной детской жизни сюжеты, заимствованные из телевизионных сериалов, видео- и мультипликационных фильмов. Игра постепенно перестает быть «способом освоения социальных отношений» и происходит это потому, что дети все более отдаляются от взрослых, например, не видят и не понимают профессиональной деятельности родителей. «В результате всего этого, – заключает Е. О. Смирнова, – дети растут среди взрослых, а взрослым некогда играть... В результате игра уходит из жизни ребенка, а вместе с ней уходит и само детство» [211]. Игнорирование игры в дошкольных учреждениях и семье в угоду так называемому «раннему обучению» приводит к тому, что ребенок-дошкольник, пресытившись принудительными учебными занятиями, не хочет идти в школу или быстро утрачивает к ней интерес. Тем самым затягивается, становясь более сложным и болезненным, процесс изменения социальной

ситуации развития, связанный с поступлением ребенка в школу и адаптацией его к новым условиям жизни и деятельности.

В еще более общем плане во всех этих феноменах и закономерностях, по-видимому, проявляется одна из наиболее важных и принципиальных – глубинных закономерностей системной формы организации в целом, а также ее генезиса, в особенности. Еще важнее то, что именно эта закономерность позволяет перейти от их *констатации* к возможному *объяснению*, то есть перейти от феноменологического уровня исследования на уровень существенных механизмов самих исследуемых явлений. Она состоит в том, что степень сложности и совершенства «будущих» – формирующихся систем является тем более высокой, чем в более совершенном виде сформированы те предпосылки – компоненты, «составляющие», на основе которых и будут формироваться сами эти системы. Это означает также, что этап, так сказать «собственно системного генезиса», должен быть объективно подготовлен и «предварен» этапом преимущественно «асистемного» развития, суть которого состоит в становлении компонентов, «составляющих» будущих систем. Вместе с тем, констатируя это, необходимо видеть и еще бóльшую сложность происходящих общей картины генетической динамики такого рода. Дело в том, что обеспечение существенной функциональной автономии отдельным «составляющим», из которых в дальнейшем и будет синтезирована та или иная система имеет следующее – очень важное следствие. Дело в том, что в этом случае сами «составляющие» формируются и развиваются не просто относительно автономно, «сами по себе», но и – именно поэтому как вполне самостоятельные и самодостаточные образования.

Однако нельзя не учитывать и того, что большинство из них также имеют свое достаточно сложное строение и организацию. Более того, в целом практически все они также являются образованиями системного типа (хотя и относительно более низкого уровня организации – так сказать иного «порядка системности»), нежели та система, которая в дальнейшем и будет синтезирована из них. В силу этого, этап системогенеза, на котором он представлен в форме своей противоположности, в своей так сказать «превраще-

щенной» форме – как этап «асистемного» формирования, как фаза функционально автономного генезиса отдельных «составляющих», в действительности, но на более глубоком уровне рассмотрения, также эксплицируется как системогенез. Однако, это более сложный системогенез, поскольку он складывается как продукт *суперпозиции* целого ряда частных, парциальных системогенезов, каждый из которых фиксирует формирование той или иной отдельной «составляющей», из которых и будет синтезирована формирующаяся система в целом. Таким образом, в этом смысле системогенез сколько-нибудь сложных систем – даже на этапах своего «первоначального развертывания» раскрывается как процесс *полисистемогенеза*. К данному – принципиальному обстоятельству мы еще возвратимся в ходе последующего анализа. Пока же зафиксируем его как таковое и, наряду с ним, сформулируем одно из следствий, вытекающих из него.

Таким образом, в свете представленных данных становится очевидным, что именно на этапе доминирования игровой деятельности приоритетное значение имеет складывание и развитие *отдельных* «составляющих» регулятивной подсистемы психики. Причем, *объективно* главными из них как раз и являются основные интегральные процессы ее психической регуляции. Формирование «целостности» и «системности» находится здесь пока как бы «на втором плане»; оно представлено как необходимый фон. Кроме того, очень важно, что формирование *каждого* из них также осуществляется по системогенетическому типу (что объективно вытекает из основного принципа их организации – интегративного). Следовательно, о системогенезе игровой деятельности более корректно говорить не как об унитарном процессе системогенеза, а как о целой совокупности так сказать «парциальных» – частных системогенезов. Каждый из них развертывается в направлении становления и развития того или иного из регулятивных, интегральных процессов. Тем самым еще одна грань глубочайшей специфичности системогенеза игровой деятельности состоит в том, что он представляет собой, фактически, *полисистемогенез*. Он дает «на выходе» не формирование той или иной «фиксированной» психологической системы

деятельности (в данной случае – игровой), что является характерным для двух других типов деятельности, а приводит в итоге к иному результату. Смысл последнего как раз и состоит в формировании *регулятивной подсистемы* психики в целом, включающей в себя совокупность основных интегральных процессов.

При формулировке данного заключения, необходимо, однако, со всей определенностью подчеркнуть следующее обстоятельство. Как можно видеть из представленных выше материалов, логика проводимого анализа привела к рассмотрению особого класса процессов регуляции деятельности – интегральных, а также их генезиса и роли этого генезиса в формировании и развитии деятельностной формы активности в целом и игровой – в частности. Тем самым, однако, с необходимостью формулируется еще один вопрос. Если, действительно, эти процессы составляют онтологическую основу функциональных блоков системы деятельности и если они также закономерным образом формируются в ходе онтогенетического развития, то подчиняется ли их формирование и развитие общему – системогенетическому типу развития? Представляет ли и их генезис также процесс системогенеза. Если да, то в таком случае генезис игровой деятельности в плане ее процессуально-психологического обеспечения эксплицирует свою общность с генезисом этого обеспечения в других основных типах деятельности (но в таком случае утрачивается специфика генезиса самой игры). Если нет, то почему и как, в действительности, он осуществляется?

Основываясь на достаточно развернутом цикле исследований, можно предложить следующий вариант этого – действительно, принципиального вопроса (см. обзор в [118]). В этих исследованиях было показано, что в ходе формирования интегральных процессов психической регуляции деятельности, действительно, воплощены все основные принципы системогенеза. Следовательно, становление и развитие их общей совокупности, действительно, представляет собой процесс системогенеза. Однако это имеет место, прежде всего, по отношению именно к трудовой деятельности, а также – но уже в менее рельефном виде – по отношению к учебной деятельности. В связи с этим, можно считать, что

системогенезе интегральных процессов можно и нужно говорить лишь в том случае, когда сами они так сказать «по отдельности», по крайней мере, *«уже есть»*. Об этом можно говорить, когда они уже представлены – сформированы как некоторая психическая реальность, «в пространстве» которой возможно их развитие, в том числе – и подчиняющееся системогенетическому типу.

Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что все эти процессы – даже «по отдельности», не говоря об их системе, являются чрезвычайно сложными образованиями, причем, такими, которые формируются в сколько-нибудь оформленном виде лишь на достаточно поздних онтогенетических этапах развития ребенка. Следовательно, по отношению к тому интервалу онтогенеза, на котором ведущим типом деятельности является именно игровая деятельность, более обоснованно и корректно говорить не о системогенезе интегральных процессов, а об их своеобразном *«протосистемогенезе»*. Его суть состоит именно в «первоначальном складывании» – в возникновении интегральных процессов, и лишь затем – в их развитии и совершенствовании (как «по отдельности», так и всей их системы). По существу, на достаточно длительном интервале онтогенетического развития, связанном с игровой деятельности, вообще нельзя говорить о каких-либо «сформированных» интегральных процессах. Здесь фиксируются лишь те или иные их так сказать – протоформы, которые, всё более усложняясь, постепенно приближаются к их зрелому и развитому виду.

В связи с этим, однако, возникает еще достаточно принципиальный вопрос, суть которого состоит в следующем. Если эти – интегральные и *специфически регулятивные* процессы, направленные на организацию деятельности и вообще – являющиеся объективной, обязательной основой ее осуществления, еще не сформированы, то каким же образом она сама становится возможной? Ответ на данный вопрос, однако, представляется достаточно естественным, поскольку на этих генетических стадиях регуляция деятельности осуществляется, главным образом, не на основе «вторичных», то есть интегральных процессов. Она реализуется на основе того регулятивного потенциала, кото-

рый заложен в «первичных» психических процессах – когнитивных, а еще раньше – эмоциональных и мотивационных. В связи с этим, можно, очевидно, считать, что онтогенетическая эволюция средств и форм процессуально-психологической регуляции активности, в том числе – и деятельностной (в частности, игровой) проходит два этапа, реализуется на двух сменяющих друг друга уровнях сложности. На первом этапе и, соответственно, – уровне регуляция осуществляется посредством совокупности «первичных» психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных). Причем, здесь эти процессы реализуют свой регулятивный потенциал либо, в основном, аналитически, то есть «по отдельности», что отражено во многих эмпирических фактах и закономерностях; либо как агрегативная совокупность, то есть – в недостаточной синтезированнойности друг с другом. На втором этапе и, соответственно, – уровне регуляция осуществляется на основе «вторичных» психических процессов, наиболее важными среди которых по отношению к деятельности являются интегральные психические процессы ее регуляции.

Действительно, по отношению к наиболее ранним онтогенетическим фазам, на которых еще отсутствует игровая деятельность, взятая даже в ее наиболее элементарных проявлениях, как известно, констатируется следующая ситуация. С одной стороны, поскольку здесь игровая *деятельность* как таковая, фактически, еще отсутствует или же представлена в наиболее примитивных проявлениях, то ни о каких-либо специфически регулятивных – *деятельностных* процессах (то есть интегральных процессах) говорить попросту не приходится. Их – как базовых компонентов регуляции, обладающих специфически регулятивно качественной определенностью, просто еще нет. С другой стороны, и по отношению к этим фазам *активность* самого ребенка как таковая, без сомнения, существует; она составляет основную форму его жизнедеятельности (но еще не основной тип деятельности в строгом и полном смысле слова). В связи с этим, и возникает формулированный выше вопрос: что же, собственно говоря, регулирует эту активность так сказать

«в отсутствии» собственно регулятивных процессов? Предложенный выше вариант ответа на него может быть представлен и в более дифференцированном виде.

Действительно, как отмечалось выше, определенным и – добавим, немалым регулятивным потенциалом обладают сами «первичные» процессы (хотя, конечно, он и не так значителен, как регулятивный потенциал интегральных процессов). Активность строится и развивается здесь на основе регулятивного потенциала, заложенного в «первичных» процессах как исходных и выступающих «элементной базой» для становления впоследствии собственно регулятивных (интегральных) процессов. Активность и ее регуляция, как известно, строится здесь преимущественно не на основе принципа *про*-активности, а на основе принципа *ре*-активности. Первый, действительно, предполагает развернутую и сложную систему процессуальных средств, направленных на построение активности. Он предполагает также (причем, даже – в первую очередь) необходимость отчетливо осознаваемой *цели* (и, соответственно, процесса целеобразования как одного из интегральных, регулятивных). Второй же не требует этого и реализуется, в основном, посредством так называемого «стимул-реактивного поведения». Оно носит характер прямых ответов – реакций либо на внешние стимулы, либо на внутренние детерминанты. В качестве последних чаще всего как раз и вступает динамика факторов, непосредственно связанных с мотивационными и эмоциональными процессами.

Фактически, на данном интервале онтогенеза игра выступает именно как *игра*, а не как игровая *деятельность*; она является еще так сказать «не настоящей деятельностью», «не совсем деятельностью» – своего рода *протодеятельностью*. Она при этом атрибутивно двойственна. С одной стороны, это «еще не деятельность» в полном и строгом смысле слова, поскольку в ней регулятивный инвариант представлен не в его «подлинных единицах» (интегральных процессах), а в тех *элементах*, из которых синтезированы сами эти «единицы» – в «первичных» психических процессах. Другими словами, ее регуляторами и «организаторами» выступают не сами интегральные процессы,

а то, из чего они состоят. Ими являются «первичные» психические процессы – когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые. С другой стороны, это такие «регуляторы», благодаря которым (и *только* благодаря которым) впоследствии станет возможным и формирование самих интегральных процессов. Тем самым они обнаруживают свою *объективную* необходимость для всех последующих фаз генезиса основных типов деятельности. Как и всякий «*прообраз*», *протодеятельность* – это *еще* не сама деятельность; однако, это *уже* именно то, без чего она впоследствии объективно не станет возможной. Поэтому в ней деятельность так сказать одновременно «и есть, и ее нет»: она отсутствует *реально*, но присутствует *виртуально*. Активность ребенка, регулируемая «первичными» психическими процессами, разумеется, существует и «до деятельности»; но она еще не является собственно деятельностью. Вместе с тем, она содержит необходимые условия и предпосылки для перехода к ее регуляции на основе «вторичных» процессов, поскольку они как раз и синтезируются на основе «первичных» процессов. Тем самым, она, однако, и трансформируется в плане ее психологической архитектоники и специфики процессуального обеспечения в деятельностьную форму организации.

Наряду с этим, существует и дополнительный – также очень существенный аргумент в пользу правомерности сформулированного положения относительно системогенетического характера формирования интегральных процессов. Им является фундаментальная по своей значимости закономерность, согласно которой существует отчетливая *гетерохрония* формирования когнитивной и регулятивной подсистем психики. Когнитивное созревание и развитие *принципиально* опережает регулятивное развитие, чему существует масса свидетельств и экспликаций¹⁶⁸. В плане рассматриваемых здесь вопросов это означает, что, действитель-

---

¹⁶⁸ В частности, это *опережающий* характер развития сенсорной системы по отношению к формированию элементарных моторных схем; это, далее, – и феномен *запаздывания* регулятивного освоения поведения по отношению к его когнитивному освоению и др.

но, когнитивные процессы как «первичные» (и, соответственно, выступающие как элементы по отношению к «вторичным» – интегральным, регулятивным процессам) формируются раньше них. Поэтому они могут функционировать и эксплицитировать свой регулятивный потенциал и тогда, когда самих регулятивных процессов еще нет (то есть на стадии протодейтельности).

В еще более явной форме всё сказанное относится к другим основным классам «первичных» психических процессов – эмоциональным и мотивационным. Степень, с которой они «уже представлены» – даны и выступают в их регулятивной функции на самых ранних этапах онтогенеза, существенно выше, нежели у когнитивных процессов. Если последние *еще должны* сформироваться и развиваться – хотя бы до их минимально достаточного уровня, то мотивационные и эмоциональные процессы уже, фактически, изначально обладают регулятивным потенциалом. Они сами и *являются* регуляторами как таковыми, причем – данными исходно, то есть, фактически, *врожденными*. И, хотя, конечно, их регулятивное действие достаточно специфично по отношению к характеру регулятивной роли других процессов, но *именно поэтому* очень часто и более сильно, чем у них. Так сказать «первичнее этих первичных» процессов в психике, фактически, ничего более нет. И в этой своей «наипервичной» – побудительной, мотивационной, оценочной и пр. роли они *уже* выступают как относительно наиболее элементарные регуляторы активности на самых ранних этапах ее онтогенетического развития.

Далее, необходимо отметить еще одну важную и специфическую психологическую особенность интегральных процессов. Это – двойственность, точнее, двуединство их психологического статуса: они являются и процессами, и действиями одновременно¹⁶⁹. Действительно, как следует из проведенного выше анализа, они, с одной стороны, обладают собственно процессуальным статусом. Однако, с другой стороны, они всегда строятся и организуются по типу целенаправленного действия. Все это зафик-

---

¹⁶⁹ Данная особенность уже была предметом анализа в параграфе 2.2.2. второго тома, в связи с чем ниже будут использованы результаты этого анализа.

сировано и в синонимичности выражений типа «процесс контроля» и «действие контроля»; «процесс принятия решения» и «действия по принятию решения» и т. д. Другими словами, операционный состав этих процессов обусловлен структурой и функциональной организацией действия. Следовательно, они одновременно являются и процессами, и действиями, а их адекватнее и полное описание предполагает использование принципа *дополнительности* их понимания и как процессов и как действий. Тем самым потенциал процессуальности «работает» на развитие собственно операционных, то есть действенных и деятельностных механизмов. В свою очередь, и формирующиеся структуры действенной, а затем – деятельностной организации мультиплицируются в организации процессуальных «составляющих» психики, повышая их потенциальные возможности. В конечном счете, это является конкретизацией и очень важным проявлением одного из наиболее общих принципов – принципа единства психики и деятельности. Причем, – таким проявлением, которое имеет не абстрактный и потому не вполне конструктивный характер, а которое раскрывает конкретные механизмы его действия.

Итак, все интегральные процессы обладают принципиальной двойственностью, точнее – двуединством их психологического статуса. С одной стороны, они, безусловно, являются собственно процессуальными образованиями, *психическими* процессами в непосредственно смысле данного понятия. С другой стороны, они характеризуются и очевидным собственно *деятельностным* статусом. Он проявляется и в том, что основные интегральные процессы соотносятся с функциональными блоками психологической системы деятельности, а также в том, что они реализуются в форме специфически *деятельностных* операционных средств (как действия, как системы действий)¹⁷⁰. Тем

---

¹⁷⁰ Выше мы также уже отмечали, что данный факт отражен и в этимологическом плане. Так, в частности, принято говорить и о «*процессах* контроля», и о «*контрольных действиях*»; о «*действиях*, направленных на *принятие решения*» и о «*процессах* принятия решения» и др. Кроме того, выше было отмечено также, что аналогичная закономерность характерна и для процессов, составляющих когнитивную подсистему психики

самым, однако, через это двуединство достигается то, что было обозначено как *процессуально-действенная обратимость*. Ее содержанием выступает возможность транспонирования принципов и закономерностей процессуально-психологической организации на деятельностную организацию, и обратно. Эта обратимость давно и хорошо известна на эмпирико-феноменологическом уровне; она не только наиболее отчетливо проявляется в интегральных процессах, но и составляет самую их суть. И именно поэтому они выступают ведущими операционными средствами, через которые оказывается возможным «обмен» принципами и закономерностями организации, а частично и содержанием между психическими и собственно деятельностными образованиями и структурами.

Кроме того, важно учитывать, что и в своем собственно деятельностном статусе они могут реализовываться в принципиально разной форме, точнее – на качественно разных уровнях своей организации. Причем, как мы уже отмечали выше, данный факт также достаточно хорошо эксплицирован и зафиксирован на эмпирико-феноменологическом уровне и даже зафиксирован этимологически (в естественном языке) и терминологически (в психологических понятиях). Так, в частности, процесс планирования (как один из класса интегральных) может быть представлен и как простейшее – предвосхищение возможных вариантов, реализуемое зачастую на «фоновых» уровнях деятельности, то есть в форме психологических *операций*; и как относительно локальное *действие*, и как организованная *совокупность* действий (их паттерн); и как относительно самостоятельная *деятельность*. Это означает, что они сами, по существу, воспроизводят в себе тот основной принцип, на базе которого построена и сама деятельность – *структурно-уровневый*, иерархический. Они мультиплицируют ее структурно-уровневую организацию и воспроизводят тем самым в своей уровневой структуре основные уровни организации деятельности.

В собственно генетическом плане это же означает, что и их формирование, равно как и последовательное развитие их в качестве операционных средств деятельности, выступает одним из конкретных по содержанию, хотя и очень общих по значимости, *механизмов* становления собственно уровневой структуры

самой деятельности. Объективная необходимость формирования и последующего развития интегральных процессов в разных их формах и на разных уровнях организации является одним из механизмов (и, добавим, – стимулов) для развития структурно-уровневой организации всей деятельности. На основе уровневой дифференциации интегральных процессов складываются *объективные* и во многом – достаточные предпосылки для дифференциации и уровней самой структуры деятельности. Кроме того, есть основания считать, что именно уровневая дифференциация интегральных процессов является генетически первичной и выполняет «иницирующую» роль по отношению к дифференциации уровней самой деятельности. Дело в том, что, как известно, *исходно* представлена генетическая динамика относительно более *простых* сущностей (то есть *компонентов* самого *целого* – деятельности) – интегральных процессов. Затем эта же динамика (то есть генетическое усложнение) распространяется и на все «целое» (деятельность). Генезис интегральных процессов вновь раскрывается и в качестве *механизма* генезиса деятельности в целом.

Наконец, очень важно учитывать и то, что в плане своей *собственной* организации вся совокупность интегральных процессов *в целом* также обладает определенной и очень явной специфичностью. Действительно, если каждый из них «по *отдельности*» имеет, как показано выше (и в разделе), *иерархическую* организацию, то их *общая* организация базируется на ином, более совершенном и сложном принципе. В качестве такого принципа выступает принцип *гетерархии*, суть которого, как известно, состоит в наличии не одного, а нескольких паритетных «управляющих центров» одновременно, а также в возможности их динамичного перераспределения – смены в зависимости от конкретной ситуации. Так, в разделе было показано, что среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, *устойчиво*, то есть инвариантно, находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять

их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельности и поведенческой задачи.

Таким образом, через становление системы интегральных процессов психика обогащает арсенал функциональных принципов своей организации. Принцип иерархии (на котором, в частности, базируется когнитивная подсистема) дополняется принципом гетерархии. На нем основана организация регулятивной подсистемы. Синтез же этих двух наиболее общих и мощных принципов – иерархического и гетерархического лежит в основе высочайшей организованности и координированности, эффективности управляемости и самоуправления психики.

Данный принцип, впрочем, лежит в основе не только организации совокупности интегральных процессов, но и ряда иных психических образований (см. обзор в [114]). Последовательное раскрытие средств и механизмов их организации дает, соответственно, новые и всё более существенные основания для того, чтобы считать данный принцип, действительно, *общим* по отношению к организации психики в целом. Вместе с тем, представленные выше материалы, демонстрирующие его воплощенность в системе интегральных процессов, имеют непосредственное отношение к собственно *генетическому* аспекту ее организации. Дело в том, что формирование и развитие этой системы (которая базируется на гетерархическом принципе) *одновременно* означает *становление самого этого принципа* как базового средства организации психики.

Следовательно, именно через становление системы интегральных процессов психика обогащает арсенал принципов своей организации качественно новым (и, повторяем, по-видимому, более сложным, совершенным и «мощным») принципом организации – гетерархическим. В организации *первой* основной подсистемы психики – *когнитивной*, как это следует из обобщения результатов, полученных в современном метакогнитивизме, явно доминирует иерархический принцип, а ее процессуальное содержание образовано когнитивной иерархией. В организации

второй основной подсистемы – *регулятивной*, как показывают выполненные нами исследования [118], доминирует принцип гетерархии. Однако наиболее принципиальным обстоятельством является то, что именно неразрывный синтез обеих этих подсистем – их онтологическое единство является объективной основой *синтеза* в структуре психики и двух наиболее мощных принципов – иерархического и гетерархического. При этом не исключено, что именно это единство двух базовых принципов как раз и является одним из основных средств самого синтеза когнитивной и регулятивной подсистем в целом. Тем самым истинная роль системы интегральных процессов заключается еще и в том, что ее генезис, осуществляющиеся, прежде всего, «в» и «для» деятельности, приводит к обогащению психики новым принципом организации – гетерархическим. В итоге она синтезирует в себе два наиболее совершенных принципа – иерархический и гетерархический, а тем самым и обретает статус, действительно, сложнейших из известных систем.

Наконец, на основе проведенного в данном параграфе анализа необходимо сформулировать и еще одно положение. Оно, с одной стороны, носит *итоговый* – по отношению к нему характер. В то же время, оно позволяет определить конкретные и наиболее важные направления его *дальнейшего* развертывания и углубления. Дело в том, что при той постановке проблемы игровой деятельности (и ее генезиса), которая была обоснована выше, возникает объективная необходимость расширения сферы анализа. В его сферу должны быть включены особенности и закономерности генезиса уже не только игровой деятельности, но и генезиса двух иных основных типов – *учебной* и *трудовой* (они были подробно рассмотрены в первом томе). Поэтому и все проводимое ниже – в следующем параграфе рассмотрение с необходимостью должно носить, так сказать, «синтетический» характер. Оно должно выходить за пределы проблематики игровой деятельности и ее генезиса и включать в себя основные закономерности организации и генезиса иных типов деятельности. В силу этого, и сам этот параграф в целом не может быть посвящен только проблеме игровой деятельности,

а должен включать и те материалы, которые связаны с исследованием учебной и особенно трудовой деятельности (и их генезиса)¹⁷¹.

3.3. Формирование и развитие игровой деятельности в структуре макрогенеза основных типов деятельности

3.3.1. Формирование интегральных процессов как фактор генезиса регулятивной подсистемы психики

Руководствуясь всеми этими положениями, обратимся теперь непосредственно к рассмотрению сформулированных выше вопросов. В плане их решения вновь – как это не раз приходилось делать выше – необходимо обратиться к одному из классов специфически деятельностных, регулятивных процессов – к интегральным процессам психической регуляции. Действительно, их важнейшая роль постоянно эксплицировалась ранее в целом ряде основных исследовательских планов, при решении целого ряда уже рассмотренных задач. Причем, наиболее ярко и явно это происходило именно в важнейших и объективно основных аспектах организации игровой деятельности – метасистемном, структурном и функциональном.

Так, было показано, что в первом из них (метасистемном) именно они выступают теми операционными средствами, благодаря интериоризации которых происходит функциональное включение – своеобразное «встраивание» метасистемы совместной деятельности взрослого и ребенка в индивидуальную деятельность последнего. В результате формируются зачатки того, что обозначается в психологии традиционными терминами «вну-

---

¹⁷¹ В связи с этим, как мы уже отмечали выше, возникает необходимость в широком использовании в ходе проводимого ниже анализа материалов одного из выполненных нами ранее исследований, специально направленных на реализации генетического аспекта общей проблемы деятельности [118].

трений план деятельности», «саморегуляция» и т. п. Исходно совместная деятельность (как метасистема по отношению к индивидуальной деятельности ребенка – но уже как к системе) оказывается функционально включенной, «встроенной» во вторую. Более того, она на основе этого и за счет этого, собственно говоря, формируется, и даже, фактически, складывается.

В другом важнейшем плане – структурном интегральные процессы также играют определяющую роль. Дело в том, что, как было показано выше, их совокупность изоморфна комплексу основных «составляющих» психологической системы деятельности – ее функциональных блоков. Следовательно, именно они лежат в основе всей психологической архитектоники системы деятельности. Они обеспечивают сам процесс функционирования этих блоков, составляя поэтому собственно процессуальное содержание деятельности. Следовательно, они во многом образуют саму *онтологию* деятельности.

Наконец, именно этим же обусловлено и то, что они играют важнейшую роль и в еще одном базовом плане организации деятельности – функциональном. Реальное функционирование системы деятельности, ее так сказать «процессуальное бытие» – это, прежде всего, «процессуальная развертка» совокупности самих интегральных процессов.

Все эти и многие иные аспекты той роли, которую играют интегральные процессы в организации деятельности и ее генезисе, а также их основные особенности и закономерности, были обобщены нами в специальной концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности. Ее развернутое изложение представлено в параграфе 2.2.2. второго тома, а также в работах [81, 103]. Конкретизируя ее содержание по отношению к рассматриваемым здесь вопросам, необходимо выделить следующие ее положения. Если обратиться к зрелым стадиям онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является трудовая деятельность, то с достаточной очевидностью эксплицируется важное в теоретическом отношении обстоятельство. Так сказать «в массовом случае» (то есть, *как правило*) личность в процессе своей жизнедеятельности осуществляет

не какую-либо одну, а несколько деятельностей, причем – совмещающая и чередуя их осуществление¹⁷². Кроме того, она реализует и еще большее количество различных видов поведенческой активности, которые также объективно строятся по деятельностному типу – по типу целенаправленной деятельности. В результате всего этого формируется не только совокупность интегральных процессов *конкретной* деятельности, а такая их совокупность, которая достаточно «резистентна» к различиям в содержании, условиях и даже видах и типах той или иной конкретной деятельности. Собственно говоря, именно это во многом и обеспечивает возможность эффективного освоения личностью всё новых видов деятельности, а также новых форм поведенческой активности.

Итак, можно видеть, что по отношению к системогенезу именно трудовой деятельности, то есть на тех онтогенетических фазах, которые соотносятся с относительно зрелыми возрастными периодами, имеют место два основных – взаимодополняющих, но все же качественно различных типа процессов. Во-первых, происходит развитие интегральных процессов психической регуляции той или иной *конкретной* профессиональной деятельности, поскольку именно они и лежат в основе собственно процессуально-психологического обеспечения любой из них. Они образуют ее подлинную онтологию и основное ее содержание, взятое в аспекте средств и механизмов. Во-вторых, имеют место и процессы генерализации и *обобщения* этих средств и механизмов, связанных с реализацией интегральных процессов в *различных* видах и типах деятельности (и поведения) личности. Таким образом, можно заключить, что в ходе системогенеза и отдельно взятой деятельности, и особенно – совокупности деятельностей развертываются процессы достаточно имплицитного плана. Их суть состоит в том, что на основе обобщения

---

¹⁷² В этой связи, по-видимому, уместно вспомнить одну из трактовок самой личности, сформулированную А. Н. Леонтьевым и рассматривавшим ее как «систему осуществляющихся ее деятельностей». Сама же деятельность с этих позиций определялась им как «молярная, неаддитивная *единица* личности» (выделено нами – А. К.) [137]. Однако, если это «единица», то она (по определению) не может быть представлена в самом «целом» в *единственном* числе.

и генерализации обеспечивающих их интегральных процессов, фактически, формируется *регулятивная подсистема* психики как таковая в целом.

Действительно, как отмечалось выше и как это показано нами в работах [81, 103], именно интегральные процессы составляют «процессуальное ядро» данной подсистемы (наряду, естественно, с регулятивным потенциалом, присущим всем иным классам психических процессов). Однако именно они и формируются в ходе освоения любой конкретной деятельности, а также подвергаются обобщению и генерализации при осуществлении личностью всех реализуемых ей деятельностей. Следовательно, на зрелых возрастных стадиях, связанных с освоением трудовой деятельности (как одного из трех ее основных типов), генезис совокупности интегральных процессов – это, фактически, и есть генезис регулятивной подсистемы психики, также взятой в ее относительно зрелых проявлениях. Именно на уровне, точнее – на фазе системогенеза трудовой деятельности и именно «в лице» интегральных процессов формируется сама регулятивная подсистема психики. Она обретает при этом и относительно наибольшую степень своего развития, содержательности и развернутости. Таким образом, поскольку интегральные процессы составляют процессуальное содержание системы деятельности, то «через них» эксплицируются генетические закономерности более общего плана. Это закономерности формирования и развития одной из базовых подсистем психики в целом – регулятивной подсистемы.

Вместе с тем, эти же процессы, равно как и закономерности их генетического развития, обнаруживают, как показано выше, свою ключевую роль и на относительно ранних периодах онтогенетического развития. Именно они складываются и достаточно интенсивно эволюционируют в ходе освоения и развития другого основного типа деятельности – игровой. Она, будучи не только игрой, но и *деятельностью*, также объективно предполагает наличие своего собственного – специфического процессуально-психологического обеспечения. В его качестве также выступает совокупность интегральных процессов ее психической регуляции. Она, однако, в своих принципиальных чертах

изоморфна той, которая обнаруживается и по отношению к более зрелым типам деятельности (трудовой и учебной). Более того, игра, как показано в главе 1 данного тома, не только требует этих процессов, но и создает объективно наиболее благоприятные возможности для их развития. Сама природа детской игры и ее атрибутивные свойства таковы, что они очень благоприятны для прогрессивного развития именно совокупности интегральных процессов.

Не менее существенно, далее, и то, что в рамках собственно игровой деятельности еще не приходится, разумеется, говорить о зрелых функциональных блоках психологической системы деятельности. Речь может идти лишь о тех или иных их «проборах» и функциональных аналогах, об их предпосылках – так сказать о «протоблоках». В их качестве выступают постепенно складывающиеся и развивающиеся процессы ее психической регуляции, то есть интегральные процессы. В свою очередь, необходимость их формирования именно как операционных средств психической регуляции деятельности означает, что уже в рамках этого типа деятельности также осуществляется формирование и самой регулятивной подсистемы психики в целом.

Наконец, отсюда вытекает и еще одно значимое следствие, являющееся так сказать «двуединым» по своему содержанию. С одной стороны, само понятие интегральных процессов является тем «ключом», который позволяет увидеть за генезисом системы деятельности генетическую динамику более глубинного плана. Она связана с формированием и развитием одной из базовых подсистем психики – регулятивной. Генезис типов и видов деятельности, действительно, предполагает развитие ее основных психологических «составляющих» – функциональных блоков. Для этого он же требует становления и развития совокупности обеспечивающих их процессуально-психологических средств – интегральных процессов. Однако, с другой стороны, анализ генезиса игровой деятельности как раз и показывает, что именно для нее существенно более выраженным (исходным, «первичным») является, конечно, не становление самих функциональных блоков, а генезис обеспечивающих их процессуальных

средств – интегральных процессов. Он имеет место и на тех онтогенетических фазах и по отношению к такому типу деятельности (игровой), когда ни о каких функциональных блоках в строгом и полном смысле говорить еще нельзя. Поэтому и генезис процессуально-психологических средств в очень существенной степени является *первичным* по отношению к генезису собственно деятельностных «составляющих» (функциональных блоков). Формирование совокупности этих процессуально-психологических средств (интегральных процессов) в дальнейшем постоянно и последовательно, но именно «вторично», обогащается операционными средствами всё новых и более сложных типов и видов деятельности, осваиваемых личностью. Происходит их интериоризация и обогащение совокупности формирующихся интегральных процессов всё новыми и всё более действенными операционными средствами.

Таким образом, можно видеть, что системогенез типов и видов деятельности, с одной стороны, и системогенез регулятивной подсистемы психики, с другой, это, фактически, двуединый процесс. Однако все же определяющим и генетически первичным выступает отнюдь не то развитие, которое осуществляется на уровне так сказать «средств» – функциональных блоков. Генетически *первичным* выступает развитие, осуществляющееся на уровне процессуального обеспечения самих этих средств, то есть развитие регулятивной подсистемы, образованной, в основном, совокупностью интегральных процессов. Причем, особо следует подчеркнуть следующий – принципиальный момент. Дело не только и даже не столько в том, что формирование системы деятельности и регулятивной подсистемы – это «двуединый» процесс; что «одно невозможно без другого» и пр. Такое утверждение было бы, разумеется, правильным, но недостаточно глубоким и не вскрывающим истинное положение вещей. Дело еще и в том, что сама формирующаяся регулятивная подсистема, как показано выше, как раз и образована в своей значительной части совокупностью интегральных процессов. Они, в свою очередь, структурируются и функционально организуются в соответствии с психологической архитектурой самой деятельности. В осно-

ве такого соответствия лежит подробно рассмотренный в главе 2 второго тома изоморфизм их структуры и совокупности основных функциональных блоков психологической системы деятельности.

Синтез этих двух (подчеркнем – уже доказанных) положений с необходимостью приводит, однако, к выводу, согласно которому психологическая архитектоника регулятивной подсистемы, фактически, *изоморфна* архитектонике самой деятельности. Другими словами, регулятивная подсистема складывается, формируется и эволюционирует в таком виде и в такой организации, которая *мультиплицирует* в себе архитектонику самой деятельности. Регулятивная подсистема деятельностна по своей природе – причем, не только в смысле ее функционального предназначения (направленности на регуляцию деятельности, что, собственно говоря, и является критерием самой ее дифференциации). Еще более важно, что она является таковой и в «технологическом», операционном отношении – в смысле содержания тех принципов и той структурной организации, которые лежат в ее основе.

В свете данного заключения наполняется конкретным содержанием известное положение, которое, однако, к сожалению, обычно лишь декларируется и не становится предметом достаточно глубокого рассмотрения. Это – положение о так называемой «внутренней деятельности», состав и структура, содержание и принципы организации которой остаются, однако, до сих пор не вполне ясными и определенными. В действительности эта «внутренняя деятельность» является таковой в строгом смысле самого этого понятия. Такой ее статус объясняется тем, что она мультиплицирует в своей организации базовые принципы и структурную организацию «внешней деятельности». Она – именно через *изоморфизм* интегральных процессов и функциональных блоков психологической системы деятельности – обретает ту же архитектонику, которая присуща и самой «внешней деятельности». Тем самым, «регулятор» (регулятивная подсистема психики) обретает изоморфизм с «регулируемым» (деятельностью и поведением). «Регулятор» становится не только адекватным «регулируемому», но и принципиально подобным,

а потому – «равномощным» ему. Это, в свою очередь, обеспечивает и саму возможность регуляции, и ее эффективность, а в целом – является объективным основанием для обеспечения базового атрибута деятельности (и поведения) – саморегуляции. Формирование психологических систем деятельностей (не только разных видов, но и типов – игровой, учебной, трудовой) посредством их обобщения и генерализации приводит к формированию психологической системы регуляции. Ее архитектура лежит в основе содержания и организации всей регулятивной подсистемы психики. Итак, можно видеть, что на основе результатов собственно генетического изучения деятельности, действительно, оказывается возможным сделать заключения и более общего плана. Они выходят за пределы самой деятельности и позволяют установить закономерности генезиса самой психики, в частности, одной из ее основных подсистем – регулятивной.

Вместе с тем, сформулированное заключение создает необходимые предпосылки и для того, чтобы вновь обратиться к закономерностям системогенеза деятельности, но уже на более глубоком уровне их осмысления; поясним сказанное. В своем наиболее общем виде развитие трудовой деятельности представляет собой системогенез. С внутренней, собственно психологической стороны оно разворачивается как закономерная генетическая динамика основных «составляющих» – функциональных блоков психологической системы деятельности. Однако в свете полученных выше результатов эти общие положения должны быть дополнены еще двумя обстоятельствами принципиального плана.

Во-первых, закономерности генетической динамики функциональных блоков имеют место не только в ходе развития собственно трудовой деятельности. Как показано в главе 1 данного тома, они имеют место и по отношению к учебной деятельности (как ее второму основному типу). Далее, наиболее принципиальным в плане задач данного изложения представляется то, что аналогичные – очень общие закономерности имеют место, как показано выше, и по отношению к третьему основному типу деятельности – игровой. Конечно, при этом имеют место и до-

статочны специфические по отношению именно к игровой деятельности особенности и закономерности системогенетического плана. Более того, они в ряде случаев феноменологически, казалось бы, несколько противоречат известным системогенетическим принципам, хотя, в действительности, – на более глубоком уровне вполне согласуются с ними (см. подробнее об этом в параграфе 2.3.2. второго тома). Тем самым, однако, эксплицируется достаточно значимый в теоретическом отношении результат. Действие основных принципов системогенеза, соотносящихся с общей архитектурой ПСД, обнаруживается и по отношению к такому ее типу (игровой), который до сих пор не был предметом изучения в концепции системогенеза. Они демонстрируют свой, уже не только общий, а *всеобщий* характер. Другими словами, имеет место включение в сферу действия этих принципов не просто «еще одного» типа деятельности. Дело еще и в том, что охваченными действием указанных принципов в результате оказываются *все* основные типы деятельности – игровая, учебная и трудовая.

Во-вторых, можно видеть, что генезис функциональных блоков ПСД принципиально изоморфен генезису класса интегральных процессов регуляции деятельности. Более того, второй лежит в основе первой, образует ее собственное содержание – процессуально «наполняет» ее. Поэтому данные процессы выступают и в качестве основы – своеобразной «сердцевины» всей регулятивной подсистемы психики в целом. Следовательно, «на уровне *сущности*» (то есть на уровне собственно психических процессуальных средств и механизмов) системогенез деятельности представляет собой генетическую динамику совокупности интегральных процессов, а значит – и регулятивной подсистемы в целом. Отсюда следует, далее, что для адекватного и достаточно полного понимания сути системогенеза трудовой деятельности необходим выход за пределы его самого. Необходимо его включение в контекст системогенеза других основных типов деятельности (игровой и учебной), а также его интерпретация на основе общих для этих типов закономерностей генетического порядка. Однако требуется и выход за пределы рассмо-

трения генезиса функциональных блоков самой деятельности (и игровой, и учебной, и трудовой); требуется обращение к динамике обеспечивающих их интегральных, собственно регулятивных процессов. Они, в свою очередь, образуют «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы психики.

Итак, синтезируя все сформулированные выше положения, можно сделать следующее обобщающее заключение. В основе системогенеза деятельности, причем, не только одного из основных ее типов – трудовой, но и других основных типов лежит формирование и развитие качественно определенного класса процессов – интегральных процессов психической регуляции деятельности. Оно также разворачивается по основным системогенетическим принципам и закономерностям. В свою очередь, оно во многом эквивалентно генетической динамике всей регулятивной подсистемы психики, поскольку интегральные процессы и образуют ее «процессуальное ядро», выступают основой ее содержания. Эти процессы, хотя и представлены в трех основных типах деятельности на качественно разных уровнях сформированности («совершенства» и, соответственно, мощности), в любом из них, однако, составляют процессуальную основу их регуляции.

В свою очередь, с этих позиций сами основные типы деятельности раскрываются как различные формы и уровни развитости, сформированности данного класса процессов, а, следовательно, и всей регулятивной подсистемы психики. Каждый из основных типов деятельности создает те или иные «режимы» и условия для последовательного развития этих процессов – причем, такие, которые адекватны тому или иному онтогенетическому периоду и тем психическим возможностям, которыми эти периоды характеризуются. Выше мы достаточно подробно обосновали данное положение на материале генетического анализа игровой деятельности, показав, как конкретно она своей психологической природой и своими атрибутами создает условия для генетической динамики интегральных процессов и как эта динамика сопряжена с возрастными особенностями – с возможностями и ограничениями данной стадии развития.

В результате всего этого и общая система интегральных процессов, фактически, воспроизводится в каждом из трех основных типов деятельности, хотя каждый раз и на качественно новом уровне. С этих позиций смена основных (ведущих) типов деятельности раскрывается как последовательность качественных трансформаций системы интегральных процессов ее регуляции, как возрастание уровня их генетической сформированности.

Подчеркнем также, что в этом обнаруживается всё та же логика научного познания, которая в свое время обусловила необходимость (и возможность) разработки представлений о системогенетическом типе развития деятельности. Эта необходимость была сопряжена с решением фундаментальной задачи перехода от «уровня явления» (на котором была представлена богатейшая феноменология и эмпирика генетического направления теории деятельности и вообще психологии научения) к «уровню сущности». На нем генезис деятельности был эксплицирован в качестве закономерно организованной, развертывающейся по системным принципам трансформации ее основных психологических «составляющих» – функциональных блоков. Вместе с тем, в настоящее время, по-видимому, складываются условия, которые уже не только позволяют, но и требуют сделать еще один «шаг» в этом направлении, то есть «шаг вглубь» предмета – в его сущность. Он сопряжен с решением вопроса о том, что же именно лежит в основе генетической динамики самих функциональных блоков и, следовательно, генезиса всей ПСД?

Ответ на него как раз и был обоснован выше: этой основой является генетическая динамика системы интегральных процессов психической регуляции деятельности, а в конечном итоге – генетическое развитие регулятивной подсистемы психики. При этом следует особо подчеркнуть, что неправомерно рассматривать генезис психологической архитектоники деятельности изолированно от генезиса системы интегральных процессов. И уж тем более неправомерно пытаться определить однозначные, то есть «однонаправленные» детерминационные отношения между ними: выявить, что из них выступает «первичным», а что «вторичным»; что является причиной, а что – следствием.

Здесь, как и во многих иных случаях, справедливо не правило «или - или», а правило «и - и». Другими словами, их генетическая динамика носит «двунаправленный» – взаимообусловленный и взаимодетерминирующий характер.

3.3.2. Общесистемный регулятивный инвариант как латентная структура генезиса основных типов деятельности

Вместе с тем, эта же логика углубления представлений о генезисе деятельности предписывает необходимость сделать и еще один «познавательный шаг». Он сопряжен с решением вопроса о том, что же именно лежит в основе генетической динамики самих интегральных процессов? Чем она сама обусловлена и генетически иницирована? Чем она координируется и регулируется? В чем состоит так сказать сущность «второго порядка», то есть чем детерминируется генезис интегральных процессов? Они, в свою очередь, лежат в основе генезиса функциональных блоков системы деятельности и, следовательно, – всей ее психологической архитектоники.

Осознавая предельную сложность данного вопроса, а также его истинный масштаб, можно, однако, сформулировать некоторые положения, содействующие его решению. Их суть состоит в следующем. В главе 2 второго тома, а также в работах [81, 103, 107] были подробно раскрыты основные положения сформулированной нами концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности. Одним из главных среди них выступает положение, согласно которому в их системе очень полное и органичное – естественное воплощение находит определенный общесистемный *регулятивный инвариант*. Он образован такими средствами, которые необходимы и достаточны для обеспечения эффективного взаимодействия систем со «средой» в беспрецедентно широком диапазоне изменений как самих типов систем, так и разнообразия «сред взаимодействия». Другими словами, он является атрибутивно общесистемным, а его экспликация в психологической системе деятельности (как одном из типов

систем в целом) является частным случаем и конкретной формой его проявления. Он – причем, не только в его содержательном аспекте, но и в его темпоральном плане, то есть во временной «развертке», образован определенной совокупностью регулятивных процессов. Он включает в себя следующие процессы: целеобразование, антиципацию, прогнозирование, принятие решения, планирование, программирование, контроль, самоконтроль.

Следует специально подчеркнуть, что данный регулятивный инвариант потому и является *инвариантом*, что в значительной степени «безразличен» к содержанию и даже к типам систем, в которых он может реализовываться. Он выступает как необходимый и достаточный для их регуляции. Но это означает, в свою очередь, что он обладает и очень высокой степенью обобщенности; он носит, действительно, общий, точнее – общесистемный характер. Собственно говоря, именно поэтому он и является не просто «регулятивным инвариантом», а именно *общесистемным* регулятивным инвариантом. Проявления такого общего (или даже всеобщего) характера данного инварианта многочисленны и в принципе достаточно хорошо известны; они, фактически, повсеместны. Они зафиксированы и подробно изучены и в общей теории систем, и в теории организаций, и в теории координации, и в психологии управления, и в общей психологии (равно, как, впрочем, и в целом ряде иных научных дисциплин). Отметим лишь некоторые из них.

Так, в работе [93], а также в главе 2 данного тома нами был рассмотрен сложившийся в теории управления и менеджмента (а также в психологии управления) инвариант совокупности основных *управленческих функций*. Они, согласно традиционной точке зрения, образуют «ядро управления»; характеризуются инвариантностью по отношению к различиям в видах и типах, управленческой деятельности, а также в уровнях ее осуществления. Кроме того, они же были дифференцированы А. Файолем уже в самом первом из подходов к исследованию управленческих функций – в так называемом «классическом» (функциональном) подходе к исследованию управленческой деятельности (по [93]). Они обеспечивают регуляцию совместной деятельно-

сти иерархического типа, которая, собственно говоря, и составляет психологическое содержание деятельности руководителя как таковое. Однако трудно не заметить того, что совокупность, точнее – система базовых, «классических» управленческих функций удивительно близка по содержанию к составу класса интегральных процессов; они, фактически, изоморфны. Вместе с тем, в свете вышеизложенного такой изоморфизм предстает не только как закономерный и вполне объяснимый, но и как *необходимый*. Дело в том, что в основе совокупности управленческих функций (равно как и состава интегральных процессов) лежит один и тот же регулятивный инвариант базовых процессов и иных средств взаимодействия систем с их «окружением». Разница лишь в том, что в случае интегральных процессов он направлен на организацию регуляцию *индивидуальной* деятельности, а в случае совокупности управленческих функций – на организацию и регуляцию *совместной* деятельности иерархического типа. Она и оставляет психологическое содержание управленческой деятельности.

Аналогичная закономерность, как известно, существует и по отношению к функционированию целых организаций, то есть на *институциональном*, собственно организационном уровне. Общая структура организаций, равно как и совокупность их основных функциональных служб (отделов, подразделений, «дивизионов» и др.), дифференцируется, как правило, таким образом и в таком составе, которые также соответствует «составляющим» рассматриваемого здесь регулятивный инвариант. Так, любая организация объективно вынуждена решать задачи, связанные с формулировкой и выработкой целей ее функционирования; с прогнозированием своего будущего развития и изменений «среды»; с определением и выбором (принятием решений) стратегий и способов своего функционирования, а также с его планированием, с контролем за ним и др. Другими словами, состав регулятивного инварианта не только имеет место и на этом (институциональном, общеорганизационном уровне), но и представлен на нем еще более явно и эксплицированно. Здесь вновь уместно еще раз вспомнить известный тезис Ч. Барнарда, согласно которому «функция определяет

структуру» [277]. Действительно, совокупность базовых регулятивных функций (точнее, основных функциональных задач, решаемы организацией) определяет ее структуру – состав, содержание и организацию тех регулятивных средств, которые и обеспечивают решение этих функциональных задач.

Вместе с тем, трудно не видеть и еще одного – достаточно очевидного обстоятельства (оно уже было частично рассмотрено в параграфе 2.4. третьего тома). Этот же регулятивный инвариант, хотя и в относительно неразвернутом виде, представлен и по отношению к ранним стадиям онтогенеза. Причем, и на отдельных стадиях самого «раннего онтогенеза» он также представлен в различных – последовательно усложняющихся формах. Так, на наиболее ранних из них он, как известно, имеет форму так называемых «круговых реакций» (Ж. Пиаже [183]). В еще более элементарном виде – на уровне собственно физиологической регуляции он же сопряжен с известным принципом «рефлекторного кольца». Подчеркнем, что первый из указанных феноменов («круговых реакций») имеет особенно большое значение в плане рассматриваемых здесь вопросов. Отметим два – наиболее принципиальных момента, связанных с данным феноменом.

Во-первых, он является внутренне гетерогенным, а потому – весьма сложным и комплексным и, следовательно, оказывающим аналогичное, то есть также комплексное, многоплановое воздействие на генезис поведенческих форм активности ребенка и его психики. Так, в его структуре дифференцируются «первичные круговые реакции» – те, которые направлены на самого ребенка (на его тело). Далее, дифференцируются «вторичные» и «третичные» круговые реакции, ориентированные уже вовне, но существенно различающиеся между собой по степени сложности. Во-вторых, их наиболее общим смыслом выступает то, что во всех разновидностях дети «упражняют» все навыки, которыми они обладают в данный период развития. В этом же ряду должны быть отмечены и известные феномены «переключения» потребностных установок на те формы поведения (и соответственно, – на стремление к их повторению), которые приносят удовольствие от их результативного исполнения,

то есть от простого умения их выполнять. На более поздних возрастных периодах аналогом этих же явлений выступает и так называемая «радость узнавания» – прежнего, знакомого, «уже бывшего», а также стремление его повторить еще и еще.

Наконец, следует обязательно подчеркнуть, что все рассмотренные – в том числе и ранние онтогенетические фазы и уровни регулятивного инварианта объективно сопряжены с одним из наиболее фундаментальных регулятивных принципов – с принципом обратной связи. Более того, в известной мере этот принцип и является очень существенной детерминантой состава и структуры самого регулятивно инварианта. В данной связи, далее, совершенно закономерно, что свое, пожалуй, максимальное раскрытие данный инвариант получил именно в таких обобщающих научных дисциплинах, как общая теория систем и теория регуляции (в ее различных вариантах – например, в теории координации). Регулятивный инвариант – это так сказать «основа основ», «альфа и омега» организации общего процесса функционирования систем как таковых.

Наконец, отметим, что еще одним важнейшим проявлением данного регулятивного инварианта является его представленность и на собственно физиологическом уровне. Данное положение является, как известно, основным в разработанной П. К. Анохиным теории физиологических *функциональных систем* [9]. Оно как раз и состоит в том, что принципиальная архитектоника этих систем образована совокупностью тех регулятивных по своей сути функций, которая, фактически, изоморфна составу самого регулятивного инварианта. Точнее было бы сказать, что она не просто изоморфна, а производна от его состава. Дело в том, что, согласно П. К. Анохину, сами функциональные физиологические системы и складываются как «конstellация» некоторых собственно регулятивных функций, обеспечивающих жизнедеятельность организма. В этом плане необходимо также подчеркнуть, что практически все структурно-функциональные экспликации деятельности, образующие в своей совокупности структурно-морфологическую парадигму теории деятельности, во многом базируются на тех представлениях, которые сфор-

мулированы в концепции физиологических функциональных систем¹⁷³. Все они в той или иной форме и с той или иной степенью эксплицированности воплощают в себе именно этот регулятивный инвариант. Более того, их глубинная общность, которая также была отмечена выше, как раз и объясняется тем, что все они являются, фактически, различными «версиями» и экспликациями по отношению к деятельности именно этого регулятивного инварианта.

Можно видеть, таким образом, что понятие регулятивного инварианта является тем «концептуальным мостом», который позволяет органично синтезировать психологическую теорию деятельности с общенаучными представлениями о природе регуляции, а также с общей теорией систем и с теорией регуляции. Психологическая система регуляции выступает с этих позиций как *частный*, специальный случай регуляции как таковой с присутствующими ей *общими* закономерностями. Одной из основных среди них и является то, что она базируется на вполне определенном инварианте базовых средств ее реализации. И наоборот, теория систем и теория регуляции выступают как совокупность более общих положений и закономерностей, которые не только могут, но и должны вступить в качестве объяснительных средств по отношению к психологической теории деятельности.

Наконец, с этих позиций понятие регулятивного инварианта раскрывается и в качестве общего по смыслу (но одновременно – и очень конкретного, хотя и комплексного по содержанию), направления транспонирования общих системных закономерностей и принципов организации на специфический тип систем – на психологическую систему деятельности. Более того, сама деятельность в ее различных видах и типах, на разных

---

¹⁷³ Такая преемственность, впрочем, отмечалась нами уже достаточно давно (например, в [101]). При этом, однако, следует видеть и глубокие – *качественные* различия в содержательной наполненности физиологического и психологического уровней анализа. К этому принципиальному, на наш взгляд, положению – к положению о генетической преемственности физиологических функциональных систем и психологической системы деятельности мы еще возвратимся в ходе последующего изложения.

уровнях ее развития раскрывается с этих позиций в качестве различных форм воплощенности данного регулятивного инварианта. Психика «использует» тот же самый «универсальный механизм», который сложился и существует по отношению ко всем иным типам и классам систем и который зафиксирован в данном регулятивном инварианте. Психологическая архитектура деятельности – это и есть его конкретная реализация на уровне психического. Вместе с тем, он «воплощается и реализуется» в ней (и в деятельности) не «автоматически», а требует сложного процесса формирования, «складывания» (и в фило-, и в онтогенезе) совокупности специфических именно для психики процессуальных средств. В их качестве как раз и выступают рассмотренные выше интегральные процессы психической регуляции деятельности и поведения. Совокупность этих процессов и является конкретно-психологической формой реализации данного инварианта.

На основе сформулированных положений можно, далее, высказать ряд дополнительных суждений относительно характера и общего смысла генезиса форм и типов деятельности в процессе возрастного развития. Действительно, с одной стороны, не подлежит сомнению, что три основных – традиционно дифференцируемых типа деятельности (игровая, учебная, трудовая) характеризуются глубокими, то есть именно качественными различиями в уровне сформированности данного регулятивного инварианта. Они глубоко различны по мере его развитости и, соответственно, совершенства. Это означает, что в каждом из них он представлен на качественно разном уровне сформированности системы интегральных процессов в целом и каждого из них в отдельности. Однако, с другой стороны, с этих же позиций и сами основные типы деятельности раскрываются в несколько ином свете и в ином «предназначении». Они эксплицируются в качестве средств и организационных форм, в качестве общего – комплексного контекста для формирования и развития самого регулятивного инварианта. Данный инвариант, повторяем, представлен на уровне психики не в его «абстрактно-всеобщей» форме, а в форме совершенно конкретной – в качестве класса

интегральных процессов. Эти процессы, в свою очередь, образуют «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы в целом. С этих позиций закономерности последовательной смены основных типов деятельности (игра – учение – труд) предстают как обусловленные логикой развития системы интегральных процессов, логикой развития и совершенствовании регулятивного инварианта.

Эту же мысль можно сформулировать и несколько по-другому. Логика смены основных типов деятельности, равно как и сама их дифференциация, является не только генетически обусловленной (и, следовательно, и генетически относительной). Она имеет в своей основе также и наиболее общие, глубинные закономерности генезиса самой регулятивной подсистемы психики. Несколько схематизируя, можно сказать и так: необходимость формирования и совершенствования регулятивной подсистемы «диктует» состав и логику смены основных типов деятельности. Игра, учение и труд выступают с этих позиций как объективно необходимые, последовательно сменяющие друг друга этапы качественного совершенствования регулятивного инварианта и, следовательно, всей регулятивной подсистемы психики. Процесс генезиса регулятивной подсистемы, в основе которого, в свою очередь, лежит генезис регулятивного инварианта, выступает как более общий. Он задает собой метаконтекст для развития каждого из основных типов деятельности и даже для их совокупного – общего развития, для их последовательной и закономерной смены.

3.3.3. Проблема основных типов деятельности

Данная закономерность, непосредственно вытекающая из сформулированных в предыдущем параграфе положений, находит свое дополнительное подтверждение при обращении к еще одному значимому теоретическому вопросу. Необходимость в его решении, равно как и сама его постановка, становятся все более очевидной и настоящей, что, кстати

говоря, уже было обосновано нами в работе [118]¹⁷⁴. Суть данного вопроса – причем, не в абстрактном и общем виде, а в конкретной форме, базирующейся на результатах проведенного выше анализа, может быть сформулирована следующим образом. С одной стороны, основные типы деятельности (игровая, учебная, трудовая) являются качественно различными формами и уровнями сформированности и, следовательно, – воплощенности регулятивного инварианта. Поэтому они же выступают и различными уровнями сформированности совокупности интегральных процессов, обеспечивающих данный инвариант и составляющих регулятивную подсистему психики. Они – *частные* случаи, отдельные (хотя, разумеется, и основные) проявления действия данного инварианта как *общего*. С другой стороны, если они – именно частные случаи, то с объективной необходимостью возникает логически обоснованный вопрос: *исчерпывают* ли они собой *все* такие – возможные «частные» случаи и проявления? Только ли в них (то есть только ли в форме игры, учения и труда) данный инвариант представлен на всем интервале онтогенетического развития? Если да, то почему? Иначе говоря, каков критерий достаточности выделения этих форм и, соответственно, – дифференциации основных типов деятельности? Если нет, то какие, возможно, дополнительные формы деятельностной активности должны быть дифференцированы и как в их свете должно выглядеть так сказать «расширенное множество» основных типов?

При постановке этих вопросов, однако, вновь возникает необходимость обращения к одной из острых проблем теории деятельности, которая анализировалась выше, – к проблеме определения объективного *критерия* для дифференциации основных типов деятельности. Одновременно это – и проблема *достаточности* состава самих дифференцируемых основных типов. Повторяем, что не только решение, но даже и ее постановка

---

¹⁷⁴ Подчеркнем при этом, что он затрагивает «основы основ» традиционных представлений в области психологической теории деятельности. Причем, – затрагивает настолько, что его постановка представляется, на первый взгляд, «надуманной» и даже искусственной, если не «крамольной».

не просто тормозится, а фактически, блокируется мощнейшей инерцией традиционных представлений о постулируемой (но, строго говоря, пока не доказанной) «невозможности» существования никаких иных основных типов деятельностной активности, кроме уже дифференцированных¹⁷⁵. Вместе с тем, достаточно давно существуют, а по мере развития по психологии деятельности – становятся все более явными и определенные предпосылки для корректировки этих традиционно сложившихся и ставших аксиоматичными представлений. Причем, некоторые из них носят так сказать «застарелый и хронический» характер; они являются наиболее дискуссионные и часто обсуждаемыми вопросами психологии деятельности (и психологии в целом)¹⁷⁶.

Предпринимая попытку их решения, необходимо, на наш взгляд, привлечь результаты, полученные в параграфе 2.2.2. второго тома. Одним из основных среди них является положение, согласно которому психологическая архитектура игровой деятельности не только изоморфна совокупности интегральных (регулятивных) процессов, но обусловлена ей и производна от нее. В игровой деятельности эти процессы представлены в относительно неразвитом – еще несформированном виде; они, однако, уже представлены в ней. Более того, они потому и представлены в ней (точнее обеспечивают ее и создают возможности для нее), что на самых ранних, так сказать – «до-игровых» стадиях онтогенеза уже существуют определенные, в том числе – и генетически обусловленные задатки

---

¹⁷⁵ Причем, эта традиция входит в острое противоречие с рядом принципиальных теоретических трудностей, связанных с данной дифференциацией. Так, до настоящего времени не сформулирован четкий критерий дифференциации этих типов; не определены общие основания для выделения именно их; характеристика этих типов проводится, в основном, на базе эмпирико-феноменологических критериев и особенностей, а не на основе сопоставления их глубинных механизмов и закономерностей.

¹⁷⁶ Это, как известно, проблема дифференциации понятий активности и деятельности, а также понятий поведения и деятельности. Теория деятельности не включает должным образом ни первое, ни второе не только в свой концептуальный состав, но и вообще испытывает очень большие трудности с их ассимиляцией, трудно с ними «уживается». К этим вопросам мы возвратимся несколько позже.

для развития именно этой совокупности регулятивных средств. В наиболее общем случае все это объясняется тем фундаментальным фактом, что сама активность ребенка – причем, повторяем, уже на очень ранних онтогенетических стадиях, строится и реализуется отнюдь не только «спонтанно и хаотично». Напротив, она очень рано начинает «вбирать» в себя – воплощать элементы того регулятивного инварианта, который охарактеризован выше. Несомненными эмпирико-феноменологическими референтами этого являются многочисленные данные возрастной психологии. Например, это уже отмеченные первичные и вторичные «циркулярные реакции».

Вместе с тем, за всеми этими их проявлениями эмпирико-феноменологического плана (точнее – во всех них) необходимо видеть обстоятельство существенно более принципиального характера, состоящее в следующем. На каком бы уровне и в какой бы степени сформированности ни была представлена простейшая – до-игровая (а затем и элементарная игровая) активность ребенка, в любом случае она реализуется на основе собственно физиологических средств и механизмов ее организации и регуляции. Причем, чем более элементарными в психологическом плане являются эти уровни и формы, тем выше удельный вес последних. Столь же хорошо известно (и об этом мы уже говорили выше), что в их собственной основе, согласно современным представлениям, лежат такие – опять-таки специфически регулятивные образования, каковыми и выступают функциональные физиологические системы. Данное понятие и, соответственно, та реальность, которая им обозначается, вообще явилось основой для разработки системной психофизиологии как направления, дающего наиболее адекватное объяснение физиологических и психофизиологических основ поведенческой активности (как животных, так и человека).

Однако наиболее принципиальным и имеющим ключевое значение в данном контексте является то, что в архитектонике этих систем предельно четко, полно и явно воплощен как раз именно тот регулятивный инвариант, о котором здесь и идет речь. Более того, сами эти системы, точнее – их общая архитектоника

в значительной мере и являются производными от него; а еще точнее – они просто являются его развернутыми и обогащенными некоторыми иными механизмами экспликациями. Тем самым, в любом случае – даже, повторяем, на самых ранних (до-игровых, а затем и элементарных игровых) стадиях развития активности, а также на аналогичных – элементарных уровнях генезиса психической регуляции в целом данный инвариант уже представлен, хотя и на ином (физиологическом) уровне его реализации. Можно видеть, таким образом, что он выступает тем «переходным» средством, которое обеспечивает преемственность качественно, принципиально разных уровней регуляции – физиологического и психологического. Он же показывает и объясняет как именно «рождается» сама психическая регуляция из физиологической регуляции. Это происходит за счет обогащения одного уровня существования данного инварианта (физиологического) новыми – специфическими уже психологической регуляции операционными и иными средствами. Физиологические функциональные системы выступают тем самым в качестве *задатков* для развития собственно психической регуляции.

Данное положение – в целом известное и не вызывающее возражений, может быть, однако, существенно конкретизировано в свете представленных выше материалов. Сами эти задатки потому и оказываются в состоянии столь эффективно реализовывать свою «генетическую роль», что они имеют принципиально ту же архитектуру, что и формирующиеся на их основе вначале простейшие (до-игровые), а тем все более усложняющиеся формы поведенческой и деятельностной активности ребенка. Поэтому само понятие регулятивного инварианта является тем концептуальным средством, которое раскрывает и позволяет объяснить принципиальную инвариантность общей архитектуры разных уровней (и онтогенетических стадий) поведенческой и деятельностной регуляции. Показательно также, что и сам П. К. Анохин рассматривал понятие физиологической функциональной системы в качестве (по его же собственному выражению) «концептуального моста» между физиологическим и психологическим уровнями исследования активности организмов.

Вместе с тем, это такой «мост», благодаря которому регулятивный инвариант организации активности (а затем и поведения, а впоследствии – и деятельности) трансформируется качественно. Он обретает на основе физиологической формы своего существования собственно психическую форму его бытия. Поведение, деятельность «рождается» (и в фило-, и в онтогенезе) а затем и развивается на его основе и посредством именно его качественных трансформаций. В данном отношении мы, разумеется, вплотную подходим к одному из наиболее принципиальных и трудных вопросов. Он связан с раскрытием механизмов и средств, обеспечивающих взаимосвязь и взаимодействие физиологического и психологического уровней деятельности (и психики), а в более широком плане – и механизмов, лежащих в основе соотношений психического и не-психического в целом. Показательно также, что и сам автор теории функциональных физиологических систем, а в еще большей мере – и исследователи, работающие в русле «системной психофизиологии» [178] также акцентируют внимание именно на этом обстоятельстве. Наконец, напомним, что, как уже отмечалось, и ряд исследователей, в работах которых были предложены системные экспликации структуры деятельности (их анализ см. в [118]), также обращают внимание на принципиальную инвариантность архитектоники физиологических и психологических систем.

Таким образом, рассматриваемая фаза – это такой этап развития, на котором поведенческая активность (в основе которой также уже лежит определенный регулятивный инвариант) «уже есть», но деятельности (даже игровой) «еще нет». Вместе с тем, как можно видеть из вышеизложенных материалов, наиболее значимым является то, что и в первой из них уже представлены важные задатки – так сказать «протоэлементы» того регулятивного инварианта, который станет в дальнейшем объективной основой для собственно деятельностной формы активности.

Таким образом, на ранних онтогенетических этапах – на этапах так сказать «до-игровой» (и до-деятельностной – в ее традиционном понимании) активности определенные задатки

регулятивного инварианта и, следовательно, регулятивной подсистемы уже существуют. Однако, сама деятельность, по крайней мере, повторяем, – в ее традиционной трактовке еще не представлена. Тем самым, становится очевидным, что регулятивный инвариант имеет и такую форму существования (а, соответственно, и уровень развития), который выходит за рамки традиционно дифференцируемых основных типов деятельности. Эта форма обладает принципиальной двойственностью.

С одной стороны, она выступает «до-деятельностной», поскольку предшествует даже первому из традиционно дифференцируемых основных типов деятельности – игровой. Она лежит «за» пределами совокупности этих типов (точнее – «до» этой совокупности). С другой стороны, в собственно содержательном – операционно-психологическом плане она строится принципиально подобно всем иным типам деятельности, хотя, конечно, и в несопоставимо менее сложном виде. Эта «до-игровая», а значит – и «до-деятельностная» форма лучше всего характеризуется нейтральным понятием активности. Однако, это активность не в абстрактном смысле, а активность поведенческая – уже подверженная, хотя и относительно минимальной, но все же организации со стороны регулятивного инварианта. В силу этого она является его, хотя, повторяем, еще и простейшим, но все же уже частным случаем.

Если попытаться осмыслить эту форму реализации регулятивного инварианта в терминах, соотносимых с понятийным аппаратом теории деятельности, то ее можно было бы обозначить как *протодеятельность*. Она, безусловно, лишена многих важнейших атрибутов «зрелой» (и даже – не очень) деятельности. Данная форма, однако, уже воплощает в себе наиболее фундаментальные принципы организации активности, заложенные в архитектонике регулятивного инварианта. Она тем самым включает в себя определенные задатки, на основе которых в дальнейшем получают свое развитие интегральные процессы. Эти процессы – именно в силу их еще несформированности – обладают очень малой «мощностью» и выступают онтологической основой для развития на их основе лишь простейшего из типов

деятельности (игровой). Тем самым, «протодеятельность» локализуется «до» традиционно дифференцируемых видов самой деятельности и их же подготавливает.

Более того, сама игровая деятельность строится таким образом и имеет такие особенности и закономерности, которые непосредственно сопряжены с характеристиками регулятивного инварианта на «протодеятельностной» фазе. Игра со всеми ее атрибутами коренится в них; но одновременно и создает «подходящие» и наиболее «удобные» для них «режимы» и условия (данный вопрос уже был подробно рассмотрен нами выше). И именно поэтому сам регулятивный инвариант, с одной стороны, несомненно, представлен в игровой деятельности – хотя, разумеется, также в его относительно простейших формах, на низком уровне развития. Однако в ней же он обретает и адекватные такому уровню детерминанты дальнейшего развития, находит достаточно сильные стимулы и средства для совершенствования, а тем самым – и для качественной трансформации. Он постепенно выходит на совершенно иной, существенно более высокий уровень своей сформированности. Соответственно, качественно изменяется и кардинально повышается уровень сформированности и самих интегральных процессов, а потому – и регулятивной подсистемы психики. При этом наиболее общим положением, вытекающим из данного рассмотрения, явилось обоснование подчиненности этого развития именно системогенетическому типу.

В дальнейшем, на последующих стадиях онтогенеза развитие регулятивного инварианта осуществляется уже в рамках иных основных типов деятельности, приходящих на смену игровой, – учебной и трудовой. Особенности и закономерности такого развития достаточно подробно охарактеризованы в концепции системогенеза (что в наибольшей мере относится ко второй из них). Эти закономерности, а также их интерпретация и объяснение, собственно говоря, и составляют основное содержание данной концепции.

Вместе с тем, здесь-то вновь и возникает тот вопрос, который уже был сформулирован выше и который заключается в следующем. Завершается ли на этой стадии, связанной с генезисом

собственно трудовой (профессиональной) деятельности общая эволюция ее основных типов? Данный вопрос может быть уточнен и конкретизирован в свете представленных выше материалов и сформулирован следующим образом. Завершается ли на этой стадии общий процесс развития и качественных трансформаций самого регулятивного инварианта, лежащего в основе реализации этих типов (и феноменологически проявляющегося в них)? Это – действительно, сложный и очень принципиальный вопрос, имеющий существенное значение для развития психологической теории деятельности в целом.

Предпринимая попытку ответа на него, подчеркнем, что его действительная сложность связана с тем, что он имеет два противоположных, но – как это ни парадоксально, одинаково верных варианта решения. Действительно, если оставаться в рамках традиционной парадигмы, предполагающей дифференциацию только трех основных типов деятельности (игровой, учебной, трудовой), то, разумеется, ответ на него должен быть отрицательным. И именно такой отрицательный вариант в данной – традиционной «системе координат» будет верным. Однако, если за «точку отсчета» взять не трансформацию самих типов деятельности, а лежащее в ее основе развитие регулятивного инварианта базовых процессуальных средств и механизмов деятельности – интегральных процессов, то ответ на него будет существенно иным. Поясним сказанное.

Как было показано в работе [118], одной из характерных черт развития представлений, сложившихся в рамках системогенетического подхода, в особенности – на относительно ранних стадиях их развития, является то, что можно обозначить как «двойное абстрагирование». Данная особенность является вполне объяснимой и, более того, совершенно естественной и даже необходимой с точки зрения общей логики развития системогенетических представлений и состоит в следующем. С одной стороны, исследованию подвергался, в основном, один из трех основных типов деятельности (трудовая), взятый в относительной абстрагированности от иных типов. Данная черта, впрочем, в значительной мере была преодолена впоследствии посредством

включения в концепцию системогенеза и учебной деятельности. Однако, с другой стороны, исследования строились и таким образом, что в них практически всегда изучалась какая-либо одна конкретно взятая деятельность. И это также вполне допустимо в определенных гносеологических рамках, на определенной стадии развития концептуальных представлений.

Вместе с тем, рано или поздно, но обязательно должно быть преодолено и это – «второе» абстрагирование. Дело в том, что в реальности – в естественных условиях общего процесса жизнедеятельности личности наиболее характерной и типичной, а потому и репрезентативной является, разумеется, существенно иная картина. Общим и так сказать «массовидным» является отнюдь не тот случай, когда человек осуществляет лишь одну деятельность, данную «раз и навсегда» и к тому же в единственном числе и изолированно от других видов (и, добавим, – типов). Как раз напротив, реальные – жизненные, естественные (то есть *экологически валидные*) условия развертывания онтогенетического и профессионального развития личности на очень большом интервале таковы, что ей приходится осваивать и реализовывать не одну, а большее число видов деятельности. Важно и то, что очень типичным является также необходимость совмещения – своего рода «параллельного» осуществления ряда видов профессиональной деятельности.

Следовательно, те закономерности, которые раскрыты и описаны в концепции системогенеза, в действительности, в реальной жизнедеятельности личности представлены не в «единственном воплощении», а имеют целый ряд своих конкретизаций – в тех видах и типах деятельности, которые она осваивает и реализует. На этапе «зрелого возраста», соотносящегося со становлением и развитием трудовой деятельности, имеет место не только системогенез *деятельности* (в единственном числе), но и системогенез *деятельностей*. Следовательно, формированию подлежит не только одна, отдельно взятая психологическая система деятельности, но и психологическая система деятельностей, синтезирующая в себе целый ряд таких систем. В свою очередь, это означает, что те интегральные

процессы, которые составляют содержание регулятивного инварианта, также – причем, совершенно объективно складываются и развиваются не только в «единственном числе» (хотя, разумеется, и так тоже). Имеет место, по-видимому, более сложная генетическая картина. С одной стороны, было бы в целом правильным, но все же недостаточно точным и, главное, – не вполне глубоким следующее утверждение (которое, впрочем, согласно традиционной точке зрения, рассматривается как «аксиоматичное»). В ходе системогенеза формируются и развиваются основные функциональные блоки ПСД и, соответственно, лежащие в их основе процессы – интегральные процессы регуляции деятельности. В действительности, однако, все эти процессы, как показано выше, являются уже достаточно сформированными и до этого – в рамках генезиса игровой и особенно учебной деятельности. Поэтому и речь идет не столько о «формировании и развитии» так сказать в его «полном цикле», а о том, что уже существующие интегральные процессы (составляющие в своей совокупности регулятивный инвариант) подвергаются деятельностной спецификации. Они насыщаются операционными средствами и возможностями конкретной деятельности, а на этой основе подвергаются дальнейшему развитию. Это имеет место по отношению к каждой отдельно взятой – осваиваемой личностью деятельности.

С другой стороны, такая «деятельностная спецификация» – насыщение и обогащение, а следовательно, и развитие каждого интегрального процесса и всей их совокупности происходит не в одной, а в нескольких деятельностях. Кроме того, все это разворачивается не только, а нередко – и не столько последовательно, сколько синхронизировано, «параллельно». В результате и эволюция интегральных процессов осуществляется не по типу «деятельностной спецификации», а по типу «деятельностных спецификаций» (во множественном числе). Между деятельностями, реализуемыми личностью, осуществляется «обмен» операционными средствами реализации интегральных процессов, равно как и обобщение – интеграция и комплексирование этих средств. В результате формируются не только

и не столько интегральные процессы регуляции той или иной *конкретной* деятельности (хотя, повторяем, и они тоже), сколько *обобщенные* интегральные процессы, имеющие так сказать «наддеятельностный» характер. Они выступают результатом и итоговым эффектом генерализации частных проявлений интегральных процессов, каждое из которых обеспечивает регуляцию того или иного конкретного вида деятельности. Формируется так сказать своего рода «наддеятельностный фонд» базовых процессуальных средств регуляции – основных интегральных процессов ее обеспечения и реализации. Тем самым, формирующиеся интегральные процессы, сохраняя свою конгруэнтность и адекватность ко всем реализуемым личностью деятельностям, одновременно «освобождаются» от тесной «привязки» к ним. Они обретают именно «наддеятельностный», а значит – и своего рода мета-деятельностный характер; становятся резистентными к различиям в видах деятельности.

Кроме того, они обретают и свойство транспонируемости на иные – еще не освоенные виды деятельности. Формирующийся «арсенал» интегральных процессов, имеющих метадеятельностный характер, собственно говоря, во многом просто эквивалентен регулятивной подсистеме психики как таковой. Эти процессы оказываются легко переносимыми с одних видов деятельности на другие, что и лежит в основе возможности быстрой смены различных видов деятельности. Тем самым в очень существенной степени облегчается и освоение зрелой – уже владеющей «арсеналом» этих регулятивных средств личностью новых видов деятельности. Такое освоение практически никогда не осуществляется так сказать «с нуля» и не разворачивается по типу «складывания» и только – потом развития операционных основных средств деятельности – интегральных процессов. Оно протекает существенно иначе – как конкретизация и спецификация по отношению к осваиваемой деятельности уже имеющегося операционного арсенала. Он, в свою очередь и в своей очень существенной части представлен именно в совокупности обобщенных – метадеятельностных интегральных процессах ее организации.

Таким образом, на той фазе онтогенеза, которая обычно соотносится с формированием трудовой деятельности, имеют место достаточно сложные процессы, «выходящие» за рамки «отдельно взятого» системогенеза. Их суть состоит в том, что базовые процессуальные средства организации деятельности (интегральные процессы) подвергаются обобщению и генерализации. Они формируются не только в том виде, который релевантен одной, отдельно взятой деятельности, а именно в их обобщенном виде. Формируются не только конкретно-деятельностные интегральные процессы, но и «наддеятельностные» – метадеятельностные интегральные процессы. Они утрачивают непосредственную «привязку» к конкретной деятельности и оказываются конгруэнтными широкому спектру ее конкретных видов; к трудовой деятельности в целом как ее основному типу. В результате формируется их обобщенная совокупность, точнее – система, то есть регулятивный инвариант, релевантный не только отдельной деятельности, но и представленный в его обобщенном, «наддеятельностном» виде. Арсенал «наддеятельностных» интегральных процессов синтезируется в аналогичный, то есть метадеятельностный регулятивный инвариант.

Подчеркнем, что данный инвариант, будучи исходно сформированным под влиянием конкретно-деятельностной детерминации, утрачивает затем непосредственную связь с каждым из видов деятельности; точнее – «освобождается» от необходимости в ней. Он становится именно обобщенным и, следовательно, – обладающим общей сферой действия. Он обретает резистентность к различиям в конкретных видах, типах и условиях реализации деятельности. И в этом своем статусе, точнее, на этом уровне развития, зрелости он становится, фактически, во многом просто эквивалентным процессуальному содержанию регулятивной подсистемы психики (точнее – ее «процессуальному ядру»). Имея исходно деятельностную природу и детерминацию, инвариант процессов ее организации (интегральных процессов), обретают наддеятельностный статус. Однако тем самым они трансформируются из специфически деятельностных образований в образования иного уровня

обобщенности и, соответственно, локализации: они становятся основой для одной из базовых подсистем психики – регулятивной. Тем самым, они обретают статус собственно психических образований. Таким образом, вновь обнаруживается ситуация, уже не раз констатируемая нами выше. Деятельность порождает такой «инструмент», который изначально носит именно специфически-деятельностный характер. Он, однако, затем транспонируется на уровень психического; становится собственно психическим образованием и составляет содержание одной из основных подсистем психики (регулятивной). Сама же эта подсистема в значительной степени выступает как процессуальное содержание данного инварианта. Она образована совокупностью интегральных процессов в их обобщенном, то есть «наддеятельностном» виде.

Далее, очень важно иметь в виду, что развитие «наддеятельностных» интегральных процессов осуществляется не только «по отдельности – «изолированности» друг от друга. В действительности, являясь производными от функциональных блоков психологической системы деятельности, они воспроизводят в своем общем составе и структуру связей между ними. Другими словами, формируются не «отдельные» интегральные процессы обобщенного характера, а именно их совокупность. Она воплощает в себе принципы структурной и функциональной организации, свойственные психологической системе деятельности в целом. Поэтому на уровне всей совокупности «наддеятельностных» интегральных процессов, фактически, воспроизводится и организация последней. В результате эта совокупность, а следовательно, и формирующаяся на ее основе регулятивная подсистема мультиплицирует в своей организации принципы и механизмы организации самой деятельности. Однако тем самым и вся регулятивная подсистема психики также обретает собственно деятельностьную организацию.

Таким образом, фактически, имеет место формирование того, что можно было бы обозначить (по аналогии с понятием психологической системы деятельности) как *психологическая система регуляции*. Она, выступая производной от психологи-

ческих системы всех деятельностей, реализуемых личностью, характеризуется (именно в силу этой генетической производности), принципиальной той же самой архитектурой и закономерностями организации. По существу, она и представляет собой деятельность как таковую, взятую в ее динамическом – процессуальном проявлении, а также в плане основных принципов ее структурно-функциональной организации. Точнее было бы сказать так: это – *превращенная форма* деятельности, поскольку речь идет об ином модусе самого ее «носителя». Это уже не так называемая «внешняя деятельность», а то, что обозначается производным от данного словосочетания (и подчеркнуто оппозиционным ему) термином «внутренняя деятельность». Последняя, однако, является именно деятельностью – в прямом и непосредственном смысле данного слова, а не только в переносном и метафорическом плане. Дело в том, что она, действительно, мультиплицирует все базовые принципы и закономерности организации первой. Регулятивный инвариант, образованный совокупностью интегральных процессов, обретает в ней форму и статус собственно деятельностной организации. Он сам начинает выступать как «носитель» этой организации. Складываясь изначально как средство деятельности (игровой, учебной и трудовой), он – на зрелых этапах своего генезиса и в своих наиболее развитых формах, сам оказывается в состоянии транспонировать на себя собственно деятельностную организацию. Он тем самым мультиплицирует ее в себе. Это, фактически, равнозначно тому, что уже сама деятельность выступает средством его собственной организации. Вновь имеет место, хотя и в существенно ином проявлении, уже неоднократно констатированный нами механизм «деятельностной обратимости».

Отсюда следует, что и формирующаяся на основе этого регулятивная подсистема психики в целом также представляет собой «превращенную форму» деятельности. Она является подчеркнуто деятельностной по принципам и закономерностям своей организации. Это, в свою очередь, объясняется не просто и не только тем, что в основе ее архитектуры лежит регулятивный инвариант, имеющий, как показано выше,

деятельностную форму организации. Суть дела состоит в том, что она сама и является этим инвариантом, взятым на высшем уровне его развития.

Вместе с тем, совершенно естественно, что именно такая – наиболее зрелая форма регулятивного инварианта, которая и составляет процессуальное содержание регулятивной подсистемы психики; она обеспечивает все иные сколько-нибудь сложные проявления активности личности. Она же лежит в основе не только деятельностной, но и любой иной ее – повторяем, сколько-нибудь сложной поведенческой активности. Однако, если все эти – «внедеятельностные» формы регулируются такой подсистемой, которая имеет специфически деятельностную организацию, то они объективно обретают все атрибуты самой деятельности, все ее психологические характеристики. Всё то, что обеспечивается регулятивной подсистемой и в основе чего она лежит, начинает «нести печать» ее самой, то есть быть деятельностно-организованным. В силу этого, и иные зрелые, сложные формы поведенческой активности личности, также организуются по принципам, лежащим в основе деятельности. Причем, хорошо известно и то, что все эти формы «внедеятельностной» активности не только крайне многообразны, но ничуть не проще, нежели сама профессиональная деятельность (хотя именно она практически всегда рассматривается как высший тип деятельностной активности). В их качестве можно отметить, скажем, играющее огромную роль в жизнедеятельности любого человека «рекреационное поведение» («досуговую деятельность»). Далее, в этом же ряду необходимо отметить, конечно, и сложнейшие поведенческие формы активности, связанные с преодолением личностных кризисов (в том числе и экзистенциального уровня сложности). Нельзя не отметить и аналогичные по степени сложности формы поведенческой активности, связанные с преодолением конфликтов самого разного типа и уровня, а также с организацией межличностного взаимодействия в целом. Можно отметить и такую специфическую, очень сложную форму, каковой выступает так называемое манипулятивное поведение.

К анализируемой здесь категории организации личностной активности не только может, но и обязательно должно быть привлечено также понятие «внутренней деятельности», которое, как известно, имеет достаточно многочисленные экспликации в психологических исследованиях. В частности, как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, это и его использование в контексте анализа деятельности переживания критических ситуаций (Ф. Е. Василюк); и понятие работы сновидения (З. Фрейд); и понятие работы горя (Э. Линдеман); и понятие труда восприятия искусства (Л. С. Выготский); работы суицида (Л. Фарбер); деятельности мировоззрения (Д. А. Леонтьев); работы личности (П. Жане, М. Ш. Магомед-Эминов) [140]. Наконец, и просто – подавляющее большинство случаев так называемого «бытового поведения» (при условии, разумеется, достаточно высокого уровня его сложности) также организуется в этой форме.

В целом, по-видимому, любое сколько-нибудь сложное взаимодействие с той или иной ситуацией, адаптация к ней и выход из нее практически всегда организуется в этой форме, по этому же типу. Лежащее в их основе функционирование регулятивной подсистемы, которое само организовано в деятельностной форме, организует «внешнее» поведение личности. Поэтому оно также разворачивается как деятельностно-организованное, точнее – как обретающее деятельностную форму организации. В основе этого лежит то, что данная организация осуществляется посредством все того же регулятивного инварианта (образованного совокупностью интегральных процессов), который составляет суть психической регуляции деятельности.

Итак, можно видеть, что по отношению к зрелой, сформировавшейся личности, то есть на «продвинутых» стадиях ее онтогенетического развития, любое ее сколько-нибудь сложное поведение разворачивается именно в деятельностной форме. На его организацию транспонируются и в нем мультиплицируются принципы и закономерности собственно деятельностной организации. Вся та огромная по объему и крайне значимая для личности сфера ее жизнедеятельности, которая выходит за пределы собственно профессиональной сферы (то есть

за пределы третьего основного ее типа, считающегося, однако, «последним»), также представляет в собственно психологическом плане деятельностьную организацию. Она выступает как деятельность, хотя уже и существенно иная, нежели трудовая, профессиональная. Она носит принципиально «пост-профессиональный, «пост-трудовой» и в этом плане – «постдеятельностный» в целом характер (поскольку трудовая деятельность и считается традиционно «высшим и последним» ее видом).

Вместе с тем, по отношению к этой форме можно констатировать и закономерность еще более глубокого порядка, состоящую в следующем. С одной стороны, она, безусловно, организована таким образом, что в ней используется тот регулятивный инвариант, который изначально получил развитие в трех предыдущих типах деятельности (игровой, учебной, трудовой). Он, однако, по самой своей природе, как было показано выше, фактически воспроизводит архитектонику деятельности в целом, вообще – является ее «превращенной формой» (в традиционной терминологии – «внутренней деятельностью»). С другой стороны он реализуется, к таким сферам активности личности, которые уже выходят за пределы этих трех основных типов, но которые по своей структуре и организации не только «не проще» любого из них, но зачастую – намного сложнее и «изошреннее», нежели они. Поэтому «внешне» они строятся принципиально так же, а нередко – и еще более сложным образом, нежели наиболее сложный из традиционно дифференцируемых типов деятельности (трудовая). Но тем самым эксплицируется достаточно значимый феномен: это феномен *деятельностного рефлексирования*, своего рода – «удвоения деятельностного контура». Регулятивный инвариант, выступающий одной из форм деятельностной организации, взаимодействует с другой аналогичной, то есть также деятельностной формой (в которой развертывается «внешнее» сложноорганизованное поведение). В силу этого, фактически, любое сложное поведение обретает форму «деятельности с деятельностью», то есть становится своего рода метадеятельностной формой организации поведенческой активности личности. Оно как бы «преодолевает» совокупность традиционно

дифференцируемых основных типов деятельности и начинает «обслуживать» иные сферы и формы активности личности. Оно тем самым локализуется вне собственно профессионально-деятельностной сферы.

«Внепрофессиональные» формы поведенческой активности личности «строятся по образу и подобию» самой деятельности – на основе атрибутивно присущей ей психологической архитектоники. Причем, очень характерно и то, что их круг не только предельно широк, но и в принципе очень хорошо известен. Это, разумеется, все то, что обозначается в психологии понятием поведения¹⁷⁷. Таким образом, в известной степени и само поведение раскрывается с этих позиций как еще один тип деятельности – деятельности в прямом, то есть взятом в аспекте ее механизмов, смысле. Вместе с тем, поведение как тип – это, разумеется, не какая-либо конкретная форма активности и уж тем более – не какая-либо конкретная деятельность. Оно тем и отличается от них, что «освобождается» от обязательной «привязки» не только к какому-либо конкретному виду деятельности, но и к любому из ее основных типов. Оно носит поэтому «постдеятельностный» характер; является поэтому своего рода метадеятельностью. Его суть состоит в том, что регулятивный инвариант, имеющий деятельностьную организацию, «накладывается» на любую иную сложную активность личности, предстает в форме «внутренней деятельности». Тем самым, практически любое сложноорганизованное (но именно поэтому – и экологически валидное) поведение всегда строится как «деятельность с деятельностью», то есть как метадеятельность.

Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. В основе любого сложноорганизованного поведения личности, безусловно, лежит функционирование регулятивной под-

---

¹⁷⁷ Вместе с тем, мы, конечно, отдаем отчет в крайней полисемичности этого понятия. В данном контексте речь идет лишь о сложных, специфически личностных формах и уровнях поведенческой активности, связанной с организацией ее взаимодействия со средой – прежде всего, разумеется, социальной, с включением ее в общий метакоконтекст ее бытия.

системы психики. Она, однако, как показано выше, организована таким образом, что в ней мультиплицируется психологическая архитектоника деятельности как таковой. Поэтому и само ее функционирование разворачивается как «внутренняя деятельность» – как деятельность, взятая именно на уровне механизмов и средств ее организации. Она, в свою очередь, направлена уже на организацию «внешней деятельности», то есть самой поведенческой активности. Тем самым и возникает взаимодействие двух «деятельностных контуров» (внешнего и внутреннего), то есть имеет место феномен «деятельностного рефлексирования». Он, в свою очередь, придает любому сложноорганизованному поведению характер метадеятельностной организации. Более того, это же самое может иметь место и по отношению к тем ситуациям, когда регулятивная подсистема «обслуживает» и так называемую «внутреннюю деятельность» (например, интеллектуальную). Здесь опять-таки имеет место удвоение «деятельностного контура», а сама «ментальная» деятельность выступает в качестве метадеятельностного образования. Показательно (и доказательно) в этом плане также и то, что именно такая трактовка интеллектуальной деятельности соответствует, как известно, основным тенденциям ее исследования в русле современного метакогнитивизма.

Подчеркнем, что в понятии метадеятельностной организации нет ничего необычного и эксклюзивного. Дело в том, что оно фиксирует достаточно общий и в принципе известный (хотя лишь только в плане его феноменологической констатации) факт, состоящий в следующем. По отношению к организации «внешней деятельности» (представленной в различных модулях, в том числе – и в форме поведенческой активности личности) должны быть привлечены средства собственно психической регуляции, то есть «задействована» регулятивная подсистема психики. Она, однако, как показано выше, она сама функционирует именно как деятельностно-организованное образование, составляя содержание так называемой «внутренней деятельности». Однако тем самым «внутренняя деятельность» взаимодействует с «внешней», что и дает так сказать «деятельность

с деятельностью» (деятельность «второго порядка»), то есть именно метадеятельность. Фактически, это означает, что через указанные выше трансформации обнаруживает свое действие (а одновременно – и получает свое раскрытие) фундаментальный механизм организации деятельности, обозначаемый как атрибут ее саморегулируемости. Деятельность начинает выступать средством организации самой себя; она транспонирует свою «технологию» (заложенные в ней операционные средства) на себя саму – «оборачивается» на самоё себя. В результате этого и возникает фундаментальный механизм саморегуляции. Он, собственно говоря, и лежит в основе метадеятельностной организации как таковой, а она, в свою очередь, является конкретным по содержанию, но очень общим по смыслу операционным средством его реализации.

Далее, необходимо подчеркнуть еще два следствия из проведенного выше рассмотрения. Так, представленные выше материалы в определенной мере содействуют решению одного из наиболее запутанных и дискуссионных вопросов – вопроса о соотношении понятий деятельности и поведения. Не вдаваясь во все нюансы этих дискуссий, отметим следующее. Если рассматривать поведение в его относительно наиболее сложных разновидностях и проявлениях, характерных для взрослой личности и уже «прошедших опосредствование» процессом овладения трудовой деятельностью, то достаточно очевидным становится следующее обстоятельство. Оно (поведение) очень часто связано с решением таких задач и с преодолением таких жизненных ситуаций, которые не только не уступают по сложности и комплексности собственно профессиональным ситуациям, но и превосходят их (нередко – существенно). Кроме того, по степени своей значимости, по их роли и смыслу для личности они также очень часто превосходят собственно профессиональные ситуации. Можно, по-видимому, сказать и более категорично: эти – жизненные, то есть собственно поведенческие, «внепрофессиональные» ситуации играют для личности в общем случае существенно бóльшую роль, нежели ситуации профессионального плана. Нельзя закрывать глаза на то,

что для большинства индивидов «жизнь важнее деятельности» (и сложнее нее). Соответственно и их поведенческая активность «важнее и сложнее» профессиональной деятельности.

Пора, наконец, отказаться от положения, которое до сих пор господствует в психологии (особенно в отечественной) и согласно которому именно профессиональная сфера, а соответственно – и трудовая деятельность является «важнейшей, сложнейшей и главнейшей» для личности. В реальности именно внепрофессиональная сфера очень часто (или даже – как правило) является существенно более важной и сложной, а нередко – и вообще «единственно значимой», определяя экзистенциальные основы для всего бытия личности в целом [118]. Совершенно понятно, однако, что на нее не могут не переноситься и все те средства, весь тот потенциал, в том числе – и регулятивный, которым располагает личность. Следовательно, и само это «внепрофессиональное» поведение (поведение как таковое – в целом) не может не строиться как деятельность. Оно, выходя за пределы профессиональной деятельности, тем не менее, строится принципиально так же как деятельность, но уже качественно иного типа. В основе психической регуляции поведения лежат обобщенные и генерализованные интегральные процессы, сформировавшиеся в рамках освоения предыдущих типов деятельности (игровой, учебной и особенно трудовой). Они, однако, утрачивают «привязку» к ее конкретным видам и становятся «наддеятельностными» (метадеятельностными) образованиями.

В силу этого, и само сложноорганизованное поведение по механизмам и операционным средствам своей организации также обретает статус метадеятельностного образования. Оно становится метадеятельностью в прямом и непосредственном значении данного понятия. Поэтому и соотношение понятий «деятельность» и «поведение» раскрывается как соотношение двух уровней, а соответственно, – и двух типов самой деятельности: деятельности «первого» и «второго порядка» (метадеятельности). Поведенческая активность личности, развертывающаяся по отношению к сложным внепрофессиональным ситуациям, раскрывается как метадеятельность.

Наконец, обратим внимание и на еще одно обстоятельство. Как можно видеть из вышеизложенного, логика генетического анализа основных типов деятельности привела к необходимости трактовки сложноорганизованных – «постпрофессиональных» форм поведения в качестве метадеятельности, то есть в качестве еще одного ее типа. Она является именно деятельностью по всем своим атрибутивным характеристикам и особенностям, средствам и механизмам. Вместе с тем, она не может быть соотнесена ни с одним из видов профессиональной (и уж, тем более, игровой и учебной) деятельности, ни даже ни с одним ее основным типом. Тем самым она эксплицируется в качестве еще одного – пятого ее основного типа. И, если ранее была обоснована необходимость дифференциации своего рода *протодеятельности*, то теперь возникает необходимость дифференциации *метадеятельности*. В итоге общая совокупность основных типов деятельности расширяется с трех традиционно дифференцируемых (игровая, учебная, трудовая) до *пяти* таких типов. Причем, такое расширение не является ни искусственным, ни абстрактным. Дело в том, что, во-первых, оно связано с причинами очень глубинного характера, корнящимися в закономерных трансформациях тех механизмов, которые лежат в основе психической регуляции деятельности. Во-вторых, такое расширение позволяет, наконец, преодолеть существенную концептуальную неполноту традиционной теории деятельности и даже ее определенную неспособность включить в свой состав те сложнейшие и важнейшие для личности формы и уровни ее активности, которые, собственно говоря, и составляют, как правило, основу всего ее бытия – ее активность во внепрофессиональной сфере.

Итак, с позиций развитых выше представлений три основных – традиционно дифференцируемых в настоящее время типа деятельности, а также еще два – дополнительных и обоснованных выше типа (протодеятельность и метадеятельность) эксплицируются и в качестве различных форм и уровней общесистемного регулятивного инварианта. Эти типы раскрываются и в качестве различных по мере своего совершенства и развитости степеней его реализованности в организации активности личности. Такая

трактовка, наряду с иными – рассмотренными выше следствиями, позволяет органично включить категорию деятельности (даже, несмотря на ее предельно высокую степень обобщенности и, более того, ее категориальный статус) в контекст еще более общих теоретических представлений. Она позволяет эксплицировать ее как частный случай общерегулятивных закономерностей взаимодействия открытых систем с внешней средой. Это объясняется тем, что лежащий в основе организации индивидуальной деятельности регулятивный инвариант, образованный совокупностью интегральных процессов, фактически, полностью тождественен (изоморфен) тем организационным средствам, которые регулируют взаимодействие со средой и многих иных классов систем. В частности, выше это было показано на примерах организации физиологических функциональных систем, системы совместной деятельности, структурной организации управленческой деятельности и др.

Таким образом, деятельность раскрывается в качестве частного случая общих регулятивных закономерностей, характеризующих процессуальный – собственно функциональный аспект взаимодействия систем как таковых с их «окружением». Деятельность в плане своей «технологии» – совокупности организационных и операционных средств «подчиняется» им и объективно строится в соответствии с ними. Однако это же означает, что в организации деятельности, взятой в ее собственно функциональном плане, реализованы и общесистемные закономерности. Иначе говоря, приходится вновь сталкиваться с не раз уже констатированной выше закономерностью, согласно которой деятельность «использует» общие принципы и механизмы, присущие системной форме организации как таковой. Она реализует в себе системность как одно из наиболее общих и комплексных операционных средств своей организации.

С позиций сформулированных выше положений, далее, не только эксплицируется, но и в существенной степени преодолевается одна из главных причин, сдерживающих разработку психологии деятельности. Она состоит в том, так сказать, «общем отношении» к самой категории деятельности, которое

исторически сложилось и продолжает доминировать в психологии (впрочем, не только психологии). Понятие деятельности трактуется именно в качестве категории (то есть конструкта, обладающего максимальной степенью обобщенности). Согласно такому видению, «выше» и «дальше» деятельности нет никаких более обобщенных конструктов и, соответственно, их не надо и искать. Известно, однако, что одним из важнейших гносеологических условий и даже – средств решения той или иной научной проблемы, разработки того или иного понятия является их включение в какой-либо – более общий концептуальный контекст. Поэтому, если просто не нарушать эту общую гносеологическую закономерность, а следовать ей, то не только можно, но и необходимо рассматривать саму деятельность не как «верховную инстанцию», не как родовое понятие, а как «составляющую» чего-либо более общего. Необходимо трансформировать категорию деятельности из родового образования (и, соответственно, понятия) в видовое – в образование и понятие, являющиеся частными случаями более общих сущностей.

Понятно, что такая – достаточно кардинальная смена точки зрения на деятельность достаточно непривычна; она не вполне согласуется с традиционной парадигматикой теории деятельности. Однако она – и это вполне очевидно в свете рассмотренной общей гносеологической закономерности – объективно необходима в качестве условия дальнейшего развития самой психологии деятельности. Вместе с тем, конечно, в таком случае возникает очень сложный вопрос о том, что же именно является этим «более общим случаем»? Что выступает *родовым* образованием (и понятием) по отношению деятельности (и как образованию, и как к понятию) как к *видовому*? Разновидностью чего является деятельность? Отчетливо сознавая очень высокую степень сложности данного вопроса, его (точнее, необходимость его решения) также следует зафиксировать в качестве одного из методологических оснований для реализации основных целей данной работы. На наш взгляд, вопреки сложности исходной постановки данного вопроса,

возможный ответ на него (конечно, лишь в первом приближении) достаточно естественно вытекает из сути развитых выше представлений¹⁷⁸.

Действительно, с их позиций деятельность как таковая – в ее строгом и непосредственном, то есть именно конкретно-научном, собственно психологическом смысле есть не что иное, как частный случай, одна из разновидностей и форм регуляции взаимодействия двух (или более) систем. По отношению к деятельности это регуляция взаимодействия, прежде всего, двух совершенно определенных систем – субъекта и объекта, что, кстати говоря, и зафиксировано в классической «деятельностной триаде». Однако, если это так, то на данный случай – именно как частный должны быть перенесены (хотя, не исключено, и специфицированной форме) общие закономерности, представления о которых разработаны в теории регуляции и теории координации. Общерегулятивные закономерности должны выступать поэтому в качестве интерпретационного средства для объяснения закономерностей организации деятельности. Если до сих пор одним из основных аспектов психологии деятельности является изучение закономерностей ее психической регуляции, то теперь необходимо дополнить данный аспект и необходимостью изучить саму деятельность как регуляцию, точнее – как один из ее частных случаев. Пора, наконец, со всей определенностью осознать, что конкретно-научный, то есть собственно психологический аспект закономерностей деятельности – это частная экспликация (на уровне психического) общих регулятивных закономерностей. В силу этого, последние не только могут, но и обязательно должны быть привлечены к разработке психологической теории деятельности.

Понятно, что при такой постановке проблемы возникает объективная необходимость достаточно широко привлечения по отношению к развитию психологии деятельности тех общих

---

¹⁷⁸ Напомним в данной связи, что этот – принципиальный вопрос уже был предметом нашего рассмотрения (правда, в несколько ином контексте) в параграфе 3.2. данного тома.

и, по существу, междисциплинарных по своему характеру представлений об основных закономерностях процессов регуляции и координации систем. Для того, чтобы нагляднее и «зримее» продемонстрировать важность этого, необходимо, на наш взгляд, просто вспомнить о той революционной роли, которую сыграло в свое время распространение принципов обратной связи как одного из базовых общерегулятивных принципов на психологическую проблематику (впрочем, не только психологическую, но и – даже еще раньше – на физиологическую). Вместе с тем, данный принцип – это, хотя и основополагающий, но все же именно один из целой совокупности общерегулятивных принципов. Наряду с ним, как показано в теории регуляции и теории координации, существуют также иные принципы и иные процессы, имеющие статус именно общерегулятивных. Они «индифферентны» к различиям в содержании и даже типах тех систем, которые подвергаются регуляции и организации посредством них. Они носят так сказать «надсистемный» характер; являются столь же инвариантными, сколь и объективными. Представленные выше материалы как раз и наполняют конкретным содержанием это общее положение о деятельности как частном случае общерегулятивных процессов.

3.3.4. Закономерности взаимосвязи и взаимопереходов основных типов деятельности

В свете сказанного становится существенно более понятной и еще одна особенность, а одновременно – и принципиальная трудность развития теории деятельности. Она состоит в том, что очень трудно или даже невозможно провести четкую дифференциацию основных типов деятельности; установить, так сказать, «демаркационные линии» между ними. Как отмечалось выше, их дифференциация носит, в основном, подчеркнуто эмпирико-феноменологический характер, а поиск четких и теоретически обоснованных критериев их разделения, как правило, либо не выступает в качестве самостоятельной задачи, либо (если выступает), то не приводит обычно к успеху. В реальности эти типы

постоянно и систематически «взаимопроникают» друг в друга; они «накладываются» друг на друга и не являются так сказать «дизъюнктивно отчлененными» сущностями. Вместе с тем, с позиций развитой выше интерпретации этих типов – в качестве различных форм (и степеней совершенства) регулятивного инварианта данная трудность в значительной мере преодолевается. Основные типы деятельности эксплицируются в качестве различных – *частных* проявлений некоторой *общей* сущности, а потому их принципиальная недизъюнктивность становится не только совершенно объяснимой, но и вполне естественной и даже – необходимой. Они не могут не «пересекаться» и не «взаимопроникать» друг в друга, поскольку являются, фактически, хотя и качественно своеобразными, но все же именно спецификациями единой сущности – общесистемного регулятивного инварианта.

Далее, немаловажно подчеркнуть, что с позиций сформулированных выше представлений онтогенетическая смена основных типов деятельности предстает, фактически, как единый процесс, характеризующийся принципиальной общностью его смысла и ведущей направленности. Он раскрывается в качестве последовательной и закономерной смены различных степеней совершенства (и, соответственно, – «мощности») единого по своей сути и функциональному предназначению общесистемного регулятивного инварианта. В связи с этим, можно говорить о некотором общем онтогенезе деятельности, точнее – о ее *макрогенезе* в ходе общего онтогенетического развития личности. Он представляет собой единый и внутренне организованный процесс, включающий как формирование отдельных типов, так и общую организацию их последовательной смены на всем продолжении онтогенеза. В связи с этим, становится очевидным следующее обстоятельство. Общее содержание и наиболее принципиальный смысл онтогенетического развития деятельности не может быть сведено лишь к тому, что в ходе этого развития формируются сами основные типы деятельности. Тем более оно не может быть понято и в плане того, что «общим вектором» такого развития является направленность их смены по отношению к формиро-

ванию трудовой деятельности как «высшему и последнему» ее типу. И уж тем более оно не сводится к эволюционному развитию отдельных видов (а не типов) деятельности – в особенности, трудовой.

Общее содержание и наиболее принципиальный смысл макропроцесса онтогенеза деятельности состоят не только, а быть может, – и не столько в этом. Дело еще и в том, что в ходе данного процесса осуществляется последовательное формирование и развитие общесистемного регулятивного инварианта взаимодействия личности со «средой», человека с миром. Оно, в свою очередь, подчиняется общим закономерностям системного типа. Данный инвариант принимает в ходе развертывания данного процесса различные формы и степени своей воплощенности в активности личности и, следовательно, различные уровни его совершенства. Эти формы и уровни составляют суть того, что на эмпирико-феноменологическом уровне эксплицируется как основные типы деятельности. В данном контексте несколько по-новому предстает и само понятие деятельности. Она раскрывается в качестве одной из экспликаций действия общесистемного регулятивного инварианта; в качестве очень комплексного, но все же так сказать «технологического», организационного средства, направленного на регуляцию взаимодействия «человека и мира». Наряду, разумеется, с сохранением всех иных своих атрибутов, которые очень подробно охарактеризованы и в психологии, и в философии, она обретает и более конкретный по содержанию, хотя и очень общий по значению, статус. Она эксплицируется и в качестве системы операционных средств, в качестве так сказать «технологии» взаимодействия «человека и мира». Поэтому и ее онтогенетическое развитие означает (и включает в себя) не только формирование основных типов деятельности (и уже тем более – ее конкретных видов), но и формирование Деятельности как наиболее обобщенного операционно-регулятивного средства («технологии») взаимодействия «человека и мира».

Другими словами, формируется так сказать абстрагированная по отношению к типам и видам, но совершенно конкретная

по психологическому содержанию форма организации субъектного взаимодействия. Ей и выступает система интегральных процессов, синтезированная в единый общесистемный регулятивный инвариант. Он лежит в основе деятельности, взятой в ее максимально обобщенном статусе – в статусе, который реализует на уровне психического само понятие регулятивного инварианта и наполняет его конкретно-психологическим содержанием. Это содержание, взятое в аспекте его психологических механизмов и процессуальных средств, как раз и составляет «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы психики в целом. Она, как показано выше, на онтогенетически зрелых стадиях своего развития обретает специфически деятельностьную организацию, то есть мультиплицирует в себе психологическую архитектонику деятельности. Такая мультипликация, в свою очередь, осуществляется посредством того, что в качестве основы регулятивной подсистемы начинает выступать совокупность специфически деятельностьных, регулятивных процессов – интегральных процессов. Они, в свою очередь, образуют содержание самого регулятивного инварианта.

В плане углубления анализа общих закономерностей, присущих онтогенезу основных типов деятельности, представляется необходимым обратиться, далее, и к еще одному вопросу. Он, однако, обычно не только не формулируется в явном виде, но и вообще представляется, на первый взгляд, несколько необычным, а его смысл состоит в следующем. Само существование и последовательная смена основных типов деятельности традиционно рассматривается как некоторая «данность», как нечто «уже существующее» и, собственно говоря, не нуждающееся ни в осмыслении, ни в обосновании и пр. Даже в том случае, если эту традиционную «триаду» расширить до «пентады» за счет ее дополнения двумя другими типами (протодеятельности и метадеятельности), то данный вопрос все равно сохраняет свою правомерность. Наряду с этим, не только не исключена, но, напротив, вполне правомерна постановка вопроса и о том, почему существуют именно такие, а не иные основные типы деятельности? Почему в ходе филогенетического

развития возникли и оформились именно они и почему они же миллиарды раз воспроизводятся в ходе онтогенетического развития? Не лежат ли в основе такой их «номенклатуры», равно как и их онтогенетической последовательности, причины достаточно глубинного и принципиального порядка, которые нельзя свети только к известным объяснениям типа «от простого к сложному», «от менее совершенного к более совершенному» и т. д.?

Понятно также, что этот наиболее имплицитный и принципиальный вопрос тесно сопряжен с другим, также общим (и нерешенным в теории деятельности) вопросом – о базовом и объективном критерии дифференциации самих основных типов деятельности. До настоящего времени на фоне поистине «безбрежного» объема материалов по различным аспектам игровой, учебной и трудовой деятельности данный вопрос парадоксальным образом всё еще «ускользает» от своего решения. Он «сопротивляется» любым попыткам его решения, а предлагаемые в этом направлении варианты, как правило, порождают новые принципиальные трудности; они всё более полно эксплицируют его действительную сложность и неоднозначность. В результате этого, сами критерии дифференциации основных типов деятельности сохраняют свой, в основном, эмпирико-феноменологический, описательный (а не сущностный) характер.

Предпринимая попытку формулировки одного из возможных вариантов решения данного вопроса, необходимо обратить внимание на следующее принципиальное обстоятельство. Согласно сформулированному выше подходу, основные типы деятельности, наряду, разумеется, с сохранением всех их атрибутивных особенностей и глубоких – качественных различий, выступают, тем не менее, различными формами и степенями воплощенности общесистемного регулятивного инварианта. Тем самым они с очевидностью выступают и в качестве частных – так сказать парциальных проявлений некоторой единой, общей сущности (самого регулятивного инварианта). Однако, если это так, то сами «частные» проявления и аспекты некоторой «единой» сущности объективно должны быть организованы в ее рамках. Иначе говоря, возникает вполне обоснованное и – подчеркиваем,

объективно-обусловленное предположение, согласно которому все «частные», парциальные проявления регулятивного инварианта, феноменологически представленные как основные типы деятельности, могут и должны выступать в качестве определенных «составляющих» некоторой более общей целостности. Следовательно, они должны быть скоординированными и организованными в ней, для чего, соответственно, также должны существовать определенные средства и механизмы.

В пользу правомерности данного предположения свидетельствует также и не раз констатированная по ходу предыдущего изложения логика развития научного познания в целом и психологического, в частности. Она состоит в том, что вся *совокупность* представленных исходно в качестве рядоположенных частных проявлений и разновидностей какой-либо сущности на определенном этапе развития познания имеют тенденцию перехода к их экспликации в *континуальной* форме. Они тем самым упорядочиваются «вдоль» какого-либо параметра – в соответствии с тем или иным критерием (вначале – обычно лишь с одним и, к тому же, как правило, относительно несложным).

Вместе с тем, как было подробно обосновано нами выше, такая континуальная экспликация является далеко не «окончательной» и отнюдь не самой совершенной. На смену ей приходит существенно более адекватная и глубокая *уровневая* экспликация. Согласно ей, «частные», парциальные проявления некоторой общей сущности (ее виды, типы и вообще – любые иные ее таксономические единицы, уже обнаруженные эмпирическим путем) репрезентируются уже в качестве различных уровней. Они синтезированы в некоторую обобщенную структуру, построенную, как правило, на основе иерархического принципа. Однако иерархия уже сама по себе является достаточным средством не только для их гармоничной соорганизации, но и для их объяснения именно в качестве структурных «составляющих» некоторой общей целостности. В ее рамках они, обретая свой истинный смысл, одновременно получают и основания для их адекватной интерпретации, для их существенно более полного понимания и глубокого объяснения.

В свете вышеизложенного вполне очевидно, что существующая в настоящее время трактовка совокупности основных типов деятельности (игровой, учебной и трудовой), дополненная выше двумя иными типами – протодеятельностью и метадеятельностью, представляет собой яркий пример и даже «образец» именно такой – сугубо континуальной экспликации. Наиболее четким и, фактически, «бесспорным и прозрачным» дифференцирующим признаком этих типов является именно то, что они как раз и «выстроены» вдоль определенного и предельно очевидного континуума – временного. Это, собственно говоря, и есть сам ход, сам процесс онтогенетического развития как таковой в его временном измерении. Более того, этот атрибут общей совокупности основных типов деятельности (континуальность) во многом как раз и является самым онтогенетическим развитием. «Ось времени» выступает тем объективным основанием, которое придает их совокупности континуальный характер, а сами они адекватно и естественно отображаются на нем как части этого континуума. Вместе с тем, если следовать общей закономерности, указанной выше, то следует поставить вопрос о том, не является ли, в действительности, данный континуум лишь этапом, лишь приближением к реальной и наиболее глубокой их организации? Не выступает ли и по отношению к дифференциации основных типов деятельности их континуальная экспликация переходной и промежуточной на пути к более глубокой и адекватной – *уровневой* экспликации? И, если да, то какой вид должна иметь такая их – *уровневая* экспликация?

Сознавая очень высокую степень сложности этих вопросов, необходимо все же попытаться сформулировать возможный вариант их решения, поскольку без него дальнейшее ощутимое «продвижение» в рассматриваемой проблеме вряд ли возможно. Подчеркнем также, что степень их сложности все же несколько минимизируется в свете сформулированных выше представлений, поскольку они содержат определенную «подсказку» для решения этих вопросов.

Действительно, по отношению к основным типам деятельности речь идет о таких «частных», парциальных проявлениях,

которые, в конечном счете, и в своих наиболее глубинных основаниях выступают как различные степени и уровни совершенства регулятивного инварианта. Данный инвариант (по отношению к его воплощенности в деятельности) является, однако, частным случаем более общей системной закономерности. Согласно ей, именно он и выступает наиболее комплексным и универсальным «организационным средством» взаимодействия систем с их «окружением». Он имеет чрезвычайно общий, то есть именно общесистемный характер. Следовательно, для того, чтобы произвести дифференциацию его «частных случаев» (то есть для того, чтобы дифференцировать в нем качественно различные проявления – уровни) необходимо привлечь адекватные им концептуальные средства. В качестве таких средств выступает рассмотренный нами в работе [101] *общесистемный критерий-дискриминатор* уровневой дифференциации.

Согласно данному критерию, любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками¹⁷⁹. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Напомним, что, согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множе-

---

¹⁷⁹ Данный критерий уже был предметом достаточно подробного рассмотрения в параграфе 2.2.1. второго тома, в связи с чем в ходе дальнейшего анализа мы будем опираться на полученные в нем результаты.

ство различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими)¹⁸⁰. Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [132]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано в разделе, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к

---

¹⁸⁰ Необходимость выделения этих двух уровней, как мы отмечали выше, была обоснована Ф. де Соссюром [219] и развита по отношению к психологической проблематике Л. С. Выготским [43].

эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена. Пять указанных уровней (элементный, компонентный, подсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями».

Кроме того, в плане обоснованности данного критерия важно подчеркнуть, что эти же пять уровней «исчерпывают» собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит как бы «отрицание» общего качества системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект – *эффект исчерпанности качеств* системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, сама выступает как их составляющая и также во многом утрачивает статус автономной. Тем самым диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно – полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве *общего основания* для дифференциации уровней в структурной организации систем. Та мера, с которой предполагаемые в ходе исследования уровни удовлетворяют этим представлениям, является показателем правомерности самого их выделения. На основе этого можно предположить, что данный инвариант из пяти основных макроуровней характеризует, в частности, и структурную организацию деятельности.

Наряду с этим, следует специально зафиксировать и то, что в результате проведенной выше интерпретации традиционная «триада» основных типов деятельности обнаружила свою очевидную концептуальную неполноту и, соответственно, – необхо-

димось ее дополнения еще двумя типами. Тем самым она была трансформирована до «пентады», включающей пять основных типов деятельности, что также должно быть обязательно учтено в ходе дальнейшего анализа.

Итак, можно видеть, что складывается следующая ситуация. С одной стороны, по отношению к возможной уровневой экспликации совокупности основных типов деятельности необходимо реализовать общесистемный критерий-дискриминатор. Он, в свою очередь, включает *пять* основных значений. С другой стороны, в ходе проведенного анализа установлено, что исходная совокупность «частей возможного целого» (то есть возможных – предполагаемых уровней единой иерархии) также включает *пять* основных «составляющих». И уже само по себе такое – своего рода «формальное» (количественное) сходство является достаточно демонстративным; оно выступает первым, но, естественно, лишь поверхностным и отнюдь не единственным аргументом в пользу правомерности обосновываемого здесь варианта решения. В содержательном плане его сущность заключается в следующем.

Онтогенез основных типов деятельности, согласно развитой выше точке зрения, представляет собой закономерную последовательность смены пяти таких типов. Однако таковым он выступает именно на феноменологическом уровне – на уровне так сказать результативных, итоговых проявлений. За ними, по-видимому, стоит действие причин и детерминант существенно более глубокого порядка. В их качестве выступает то, что все эти пять типов являются принципиально различными формами, в существенно разной степени, воплощающими определенный регулятивный инвариант. Он, в свою очередь, носит общий характер и действует не только по отношению к деятельности, но и по отношению ко многим иным системам. Вместе с тем, по отношению к деятельности, то есть по отношению к организации собственно психического взаимодействия, он представлен, как показано выше, совершенно определенным – «двудинным» образом. С одной стороны, он представлен как совокупность основных функциональных блоков, образующих архитектуру

деятельности (это его – так сказать «результативное измерение»). С другой стороны, – на более глубоком уровне он представлен и в качестве особого класса специфических регулятивных процессов организации деятельности – в качестве интегральных процессов ее психической регуляции. Именно они и составляют субъектную (процессуальную) основу психической регуляции деятельности. Следовательно, они и их генетические трансформации лежат в основе развития системы деятельности.

Таким образом, можно видеть, что исходная задача существенно операционализуется и несколько упрощается; она конкретизируется до следующего вида. Каким образом и в каком качестве на разных этапах онтогенеза, то есть по отношению к сменяющим друг друга основным типам деятельности, представлена совокупность интегральных процессов, а также их организация? Как по отношению к ней могут быть реализованы сформулированные выше нами представления о критерии-дискриминаторе уровневой дифференциации? Предпринимая попытку ответа на него, обратим внимание, прежде всего, на следующее принципиальное обстоятельство.

Общеизвестно, что сама суть одного из значений данного критерия – элементного состоит в том, что под элементами какой-либо системы понимаются образования, характеризующиеся двуединством их атрибутивных свойств. С одной стороны, они объективно необходимы для конституирования на их основе (то есть в прямом смысле – на их «элементной базе») системы в целом. Однако, с другой стороны, сами по себе они еще не «несут» на себе ее качественной определенности, а потому – не являются ее так сказать «подлинными единицами». Такое противоречивое «двуединство» – критически значимое условие для дифференциации и самих элементов, и элементного уровня в дифференцируемой целостности. Констатируя это, трудно, однако, не видеть другого – столь же принципиального обстоятельства, уже непосредственно содействующего решению рассматриваемых здесь проблем. Основная – атрибутивная, то есть критически значимая черта качественной определенности всех интегральных процессов состоит в их собственно регулятивной

направленности. Они тем и отличаются от всех иных классов психических процессов, что носят исходный и атрибутивно-регулятивный характер. Все иные их особенности являются производными, а в этом смысле – и «вторичными» по отношению к ней.

Вместе с тем, все эти процессы, конечно, имеют и еще одну – также базовую особенность, состоящую в их принципиально интегративном строении. Они атрибутивно столь же регулятивны, сколь и синтетичны. Они выступают как интеграция иных основных классов психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых). На уровне их интеграции формируются новые – системные по своей природе качества; формируется новое процессуальное содержание, являющееся синергетическим эффектом их интеграции. Это содержание, собственно говоря, и не позволяет редуцировать любой из интегральных процессов (как «вторичный») к аддитивной совокупности входящих в них «первичных» процессов.

Однако, в таком случае вполне очевидно, что отношения между интегральными процессами (как «вторичными») и психическими процессами всех иных основных классов (как «первичными») принципиально тождественны тем, которые имеют место между компонентами той или иной системы и ее элементами. Дело в том, что компоненты, в отличие от элементов, уже «несут» на себе основные черты ее качественной определенности. Именно сохранение «частью» (компонентом) качественной определенности «целого» (в данном случае – регулятивной подсистемы), то есть свойства регулятивности как таковой, можно констатировать по отношению к интегральным процессам. Однако, по отношению к тому, из чего они сами синтезируются (то есть к отдельным процессам основных традиционно дифференцируемых классов), этого сказать нельзя. Как раз напротив, сами они и дифференцируются именно постольку, поскольку каждый из этих классов эксплицирует совершенно иную – присущую только ему качественную определенность. Собственно говоря, именно различия в качественной определенности – это и есть основной дифференцирующий критерий основных, традиционно выделяемых классов психических

процессов. Ни один из них, однако, не дифференцируется по параметру регулятивности как ведущему атрибуту такой качественной определенности. Напротив, все они имеют иную определенность, связанную с их функциональной ориентацией – на познание (когнитивные процессы), на активацию и побуждение (мотивационные процессы), на оценивание (эмоциональные процессы), а также на стабилизацию активности (волевые процессы).

Далее, по отношению к наиболее ранним онтогенетическим фазам, на которых еще отсутствует игровая деятельность, взятая даже в ее наиболее элементарных проявлениях, необходимо, как известно, констатировать следующую ситуацию. С одной стороны, поскольку здесь игровая деятельность как таковая, фактически, еще отсутствует, то ни о каких-либо специфически регулятивных – деятельностных процессах (то есть интегральных процессах) говорить попросту не приходится. Их – как базовых компонентов регуляции обладающих специфически регулятивно качественной определенностью, просто еще нет. С другой стороны и по отношению к этим фазам активность самого ребенка, без сомнения, существует и составляет основу – основную форму его жизнедеятельности (но еще не основной тип деятельности в строгом и полном смысле слова). В связи с этим, и возникает вопрос: что же, собственно говоря, регулирует эту активность так сказать «в отсутствии» собственно регулятивных процессов? Ответ на него, однако, достаточно несложен¹⁸¹.

Дело в том, что определенным регулятивным потенциалом обладают и сами «первичные» процессы, хотя, конечно, и не таким значительным, как сами интегральные процессы. Активность строится и развивается здесь на основе регулятивного потенциала, заложенного в самих «первичных» процессах как именно исходных и выступающих «элементной базой» для становления впоследствии собственно регулятивных (интегральных)

---

¹⁸¹ Данный вопрос уже частично рассматривался нами в параграфе 3.1.3. данного тома, в связи с чем в ходе дальнейшего изложения будут использованы некоторые – получены в нем результаты.

процессов. Она, как известно, строится здесь преимущественно не на основе принципа про-активности, а на основе принципа ре-активности. Первый, действительно, предполагает развернутую и сложную систему процессуальных средств, направленных на построение активности. Он предполагает также (причем, даже – в первую очередь) необходимость отчетливо осознаваемой цели (и, соответственно, процесса целеобразования как одного из интегральных, регулятивных). Второй же не требует этого и реализуется, в основном, посредством так называемого «стимул-реактивного поведения». Оно носит характер непосредственных ответов либо на внешние, либо на внутренние детерминанты. В качестве последних чаще всего как раз и выступает динамика факторов, связанных с самими мотивационными и эмоциональными процессами.

Таким образом, можно видеть, что имеет место прямое и непосредственное – естественное соответствие первого из значений общесистемного критерия-дискриминатора (элементного) с одним из дифференцированных выше основных типов – с протодеятельностью. Сама она атрибутивно двойственна. С одной стороны, это «еще не деятельность» в полном и строгом смысле слова, поскольку в ней регулятивный инвариант представлен не в его «подлинных единицах», а в тех элементах, из которых синтезированы сами эти «единицы», то есть компоненты. Ее «регуляторами и организаторами» выступают не сами интегральные процессы, а то, из чего они состоят. Состоят же они, разумеется, из «первичных» психических процессов – когнитивных, эмоциональных, мотивационных и волевых. С другой стороны, это такие «регуляторы», благодаря которым (и только благодаря которым) впоследствии станет возможным и формирование самих компонентов. Тем самым они обнаруживают свою объективную необходимость для всех последующих фаз генезиса основных типов деятельности. Как и всякий «прообраз», протодеятельность – это еще не сама деятельность; однако, это уже именно то, без чего она впоследствии объективно не станет возможной. Поэтому в ней так сказать деятельность одновременно «и есть, и ее нет»: она отсутствует реально, но присутствует

виртуально. Активность ребенка, регулируемая «первичными» психическими процессами, существующая и до деятельности, одновременно как бы «чревата» вторичными, то есть собственно регулятивными (интегральными) процессами. Именно это и обнаруживается на всех последующих онтогенетических фазах.

Дополнительным и также очень существенным аргументом в пользу правомерности сформулированных положений является фундаментальная по своей значимости закономерность, согласно которой существует отчетливая гетерохрония формирования когнитивной и регулятивной подсистем психики. Когнитивное созревание и развитие принципиально опережает регулятивное развитие, чему существует масса подтверждений и частных проявлений¹⁸². В плане рассматриваемых здесь вопросов это означает, что, действительно, когнитивные процессы как «первичные» (и, соответственно, выступающие как элементы) по отношению к «вторичным» – интегральным, регулятивным процессам (как компонентам) формируются раньше них. Поэтому они могут функционировать и эксплицировать свой регулятивный потенциал и тогда, когда самих регулятивных процессов еще нет (то есть на стадии протодеятельности).

В еще более явной форме всё сказанное относится к другим основным классам «первичных» психических процессов – эмоциональным и мотивационным. Степень, с которой они «уже представлены» – даны и выступают в их регулятивной функции на самых ранних этапах онтогенеза, существенно выше, нежели у когнитивных процессов. Если последние еще должны сформироваться и развиваться – хотя бы до их минимально достаточного уровня, то мотивационные и эмоциональные процессы уже, фактически, изначально обладают регулятивным потенциалом. Они сами и являются регуляторами как таковыми, причем – данными исходно, то есть, фактически, врожденными. И, хотя, конечно,

---

¹⁸² В частности, как мы уже отмечали ранее, это опережающий характер развития сенсорной системы по отношению к формированию элементарных моторных схем; это – и феномен запаздывания регулятивного освоения поведения по отношению к его когнитивному освоению и др.

их регулятивное действие достаточно специфично по отношению к характеру регулятивной роли других процессов, но именно поэтому очень часто и более сильно, чем у них. Так сказать «первичнее этих первичных» процессов в психике, фактически, ничего более нет. И в этой своей «наипервичной» – побудительной, мотивационной, оценочной и пр. роли они уже выступают как относительно наиболее элементарные регуляторы активности на самых ранних этапах ее онтогенетического развития.

Далее, переходя ко второму основному значению критерия-дискриминатора – *компонентному*, подчеркнем следующее. Оно предполагает дифференциацию таких «единиц целого» (и, соответственно, такого уровня его организации), которые уже «несут» на себе его качественную определенность. Они уже являются его «подлинными» составляющими. По отношению к задаче уровневой дифференциации основных типов деятельности это означает, что, возможно, существует такой уровень ее организации, на котором доминирует ее представленность именно в качестве такого рода «единиц» – отдельных «составляющих», то есть именно компонентов. Напомним, однако, что в их качестве как раз и выступают основные функциональные блоки деятельности, а также обеспечивающие их интегральные – специфически регулятивные процессы. Следовательно, согласно данному значению, должен существовать уровень, на котором уже представлены именно компонентные составляющие деятельности – и в аспекте совокупности ее основных функциональных блоков, и в аспекте совокупности интегральных, регулятивных процессов.

Вместе с тем, необходимо помнить и о другом важном обстоятельстве. На компонентном уровне система представлена еще отнюдь не во всей полноте ее структуры и организации – интегрированности и целостности, а как пока еще, преимущественно, агрегативная совокупность. Данный уровень еще не фиксирует средства и механизмы интеграции отдельных компонентов, хотя и содержит сами эти компоненты. Они представлены здесь, в основном, в их так сказать «автономизированном» режиме, в относительной несинтезированной друг с другом.

Констатируя все эти характеристики компонентного значения критерия-дискриминатора (и, соответственно, – характеристики самих компонентов) трудно, однако, не видеть их прямого и естественного соответствия с одной из базовых особенностей игровой деятельности как таковой, состоящей в следующем. Действительно, как было показано выше, одна из характернейших и, более того, атрибутивных черт игровой деятельности как раз в том и заключается, что она предоставляет максимально благоприятные возможности для складывания и развития именно ее *отдельных* «составляющих». Игра «мягкостью» своих условий и «режимных» факторов, легкостью ее освоения и реализации, обратимостью последствий и крайне слабой мерой ответственности (и даже вообще их фактическим отсутствием) – всей своей так сказать «невсамделешностью» отнюдь не требует обязательного и непротиворечивого «синтеза и интеграции» «частей в целое». Напротив, сама ее природа такова, что она позволяет и допускает (а нередко и «заставляет») существовать ее компонентам и, соответственно, – развиваться им, так сказать, «по отдельности».

Так, в главе 1 третьего тома было показано, что в игровой деятельности содержание каждой из ее основных психологических «составляющих» (компонентов) обладает не только глубокой, но и очень характерной и, что наиболее принципиально, общей по смыслу спецификой. Игровая деятельность и ее функциональные «протоблоки» формируются таким образом, чтобы выполнять по отношению к самим себе самостимулирующую, самодетерминирующую роль. Деятельность и ее компоненты формируются и развиваются в рамках ее игрового типа не для «внешнего использования», а для своей собственной реализации. Формирование деятельности включает тем самым мощный механизм саморазвития. Объективным и естественным – фактически, необходимым следствием этого является приоритетность самого процесса их функционирования по отношению к его результату¹⁸³. Однако тем самым отдельные «составляющие»

---

¹⁸³ Именно доминирование процесса над результатом вообще рассматривается, как уже не раз подчеркивалось выше, в качестве одного и основных –

деятельности – ее функциональные блоки характеризуются явно представленными чертами автономности функционирования, его самодостаточности и самооценности. Они реализуются, прежде всего, для самой этой реализации, для ее процесса и, следовательно, в существенно меньшей степени, чем это имеет место в трудовой деятельности, интегрированы друг с другом «через» обязательность получения некоторого итогового результата.

Далее, необходимо учитывать и то, что одной из ярчайших особенностей игровой деятельности, как отмечалось выше, является и наличие у нее собственного мотивационного потенциала, удовольствие и удовлетворение от самого процесса ее осуществления. Но это, однако, означает, что ее мотивы лежат «внутри» нее самой; он самодетерминирует себя. Удовольствие, получаемое от игры, не только не приводит к редукции игровых мотивов, но и стимулирует их и т.д. Все это выступает следствием того, что внутренняя мотивация является как бы «открытой», труднонасыщаемой. Через нее и в ней действуют механизмы самодетерминации активности в целом и игровой активности, в особенности. Именно приоритет в игровой деятельности внутренней мотивации является решающим условием самодетерминации, как атрибутивно присущего этой деятельности свойства.

Очень показательным в данном отношении является один функциональных блоков этой деятельности – блок исполнительских действий. Так, общеизвестно, что важной и очень характерной чертой игровой деятельности (особенно на ранних этапах онтогенеза) является ее по преимуществу спонтанный и достаточно свободный характер. Она допускает достаточно широкие возможности «отклонений и уклонений» от правил и предписаний организации действий. Кроме того, она характеризуется и фактическим отсутствием строгой и жесткой (а тем более – многоуровневой, иерархической) структуры исполнительских действий. Они организованы на основе так называемой «линейной структуры» (но отнюдь не иерархической). Известно, однако,

---

представленных, в том числе, и феноменологически признаков игровой деятельности; ее так сказать «*differentia specifica*».

что именно линейная структура характеризуется значительно большей легкостью реализации, меньшими субъективными затратами, а потому и большей привлекательностью. Обладая по этому сама по себе так сказать «положительной валентностью» она обретает самостоятельный мотивационный потенциал. Объективным следствием этого и выступает, что само исполнение, то есть именно процессуальная сторона обретает самооценку и в существенной степени автономизируется от обязательной связи с результатом. Аналогичные по смыслу спецификации, как было показано нами в разделе [155], имеют место и по отношению ко всем иным функциональным составляющим деятельности (блокам программирования, планирования, контроля и др.).

Следовательно, сама суть игровой деятельности во многом в том и состоит, что она является наиболее благоприятным «полем» для отработки, для развития именно «частей» целого (деятельности), взятой в ее имплицитном содержании – в форме регулятивного инварианта, то есть совокупности интегральных процессов. Они в ней «оттачиваются», совершенствуются посредством их «тренинга» в заведомо относительно наиболее легких режимах. И эти – не только объективно «легкие», но и окрашенные в субъективно позитивные эмоциональные тона (то есть самоподдерживающиеся) режимы невозможно так сказать «проскочить», поскольку именно на них и происходит «первичное складывание» самих интегральных, регулятивных процессов. В этом, собственно говоря, и заключается наиболее глубинный смысл самой игровой деятельности, а также ее определяющее место в общем онтогенезе типов деятельности – *после* «протодеятельности», но *до* учебной деятельности. Все рассмотренные особенности игровой деятельности позволяют, таким образом, констатировать полное и естественное – объективное соответствие второго основного значения общесистемного критерия-дискриминатора (компонентного) со вторым основным типом деятельности – игровой.

Далее, несколько более сложной и имплицитной, но одновременно – и более богатой по содержанию является картина, обнаруживающаяся по отношению к третьему базовому значе-

нию критерия-дискриминатора (субсистемному) и его возможному соответствию с каким-либо основным типом деятельности. Действительно, сама суть данного значения состоит в том, что он предполагает дифференциацию такого уровня организации системы, на котором она представлена в виде отдельных субсистем. В их качестве выступают, однако, уже не относительно наиболее простые ее «составляющие» (компоненты), а их комплексные, синтетические объединения (паттерны). В таком случае, следуя «духу» данного значения, следовало бы, на первый взгляд, искать такой тип деятельности, который был бы направлен не на формирование всей системы функциональных блоков (то есть не полной совокупности всех «частей» регулятивного инварианта), а лишь тех или иных их подмножеств. Понятно, что в такой формулировке утрачивается сам смысл деятельности (любого типа) именно как внутренне целостной и организованной формы активности. Складывается ситуация, при которой, казалось бы, данное значение не только не может быть эксплицировано во множестве основных типов деятельности, но и противоречит самой психологической природе любой деятельности (именно как целостного, то есть системно-организованного образования).

Вместе с тем, это, конечно, не так, а субсистемное значение критерия-дискриминатора эксплицируется в одном из основных типов деятельности достаточно явно, хотя и более опосредствованно. Для того чтобы установить такое соответствие, необходимо, прежде всего, обратиться к основным – атрибутивным особенностям самого этого уровня. Во-первых, как известно, данный уровень предполагает дифференциацию таких образований, которые, с одной стороны, выходят за пределы компонентов «по отдельности» и выступают в качестве продуктов синтеза ряда компонентов. Однако, с другой стороны, они не «возвышаются» до общесистемного уровня, поскольку предполагают интеграцию не всех входящих в нее компонентов, а лишь какого-либо их подмножества. Они тем самым уже синтетичны – системны; однако, они еще пока частично, так сказать «парциально» системны. Во-вторых, они в наибольшей степени функциональны,

то есть складываются и развиваются в составе любой системы «в ответ» на необходимость реализации ей тех или иных функций. Они являются средствами решения тех или иных ее основных функциональных задач¹⁸⁴. В-третьих, они обладают наибольшей степенью внутренней гетерогенности, поскольку очень существенно различаются по степени своей сложности – комплексности и мере интегрированности. Наконец, в-четвертых, именно данный уровень характеризуется и наибольшим диапазоном своего генетического развития. Именно «в нем» и «через него» эволюционирующая система развивается наиболее полным и явным образом, а одновременно – столь же отчетливо эксплицирует свои генетические закономерности.

Все эти основные особенности субсистемного уровня с наибольшей полнотой и естественностью соответствуют психологической природе и основному смыслу еще одного основного типа деятельности – *учебной*; поясним сказанное. Во-первых, учебная деятельность, в отличие от трудовой, все еще характеризуется определенной, причем, – достаточно выраженной и очевидной «парциальностью», которая, в свою очередь, проявляется в двух основных аспектах. С одной стороны, она, повторяем, – по самой своей сути, направлена, в основном, на когнитивное освоение ее предмета; на решение задач, связанных с когнитивным развитием личности. Собственно регулятивные аспекты деятельности и личности находятся в ней «на втором плане», а по отношению к собственно образовательной сфере вообще не являются основными. Тем самым, в учебной деятельности (в случае, когда речь идет не о профессиональном обучении, а об общем образовании) имеет место не формирование системы деятельности в целом, а ее формирование лишь, в основном, в плане ее когнитивного освоения, то есть частичное, «парциальное» формирование. Это означает, что каждый ее функциональный блок (и, соответственно, обеспечивающий его интегральный процесс) формируется не в его полном объеме, а преимущественно лишь в плане его

---

¹⁸⁴ Напомним, что формирующиеся в результате этого подсистемы обозначаются понятием «функциональных органов».

собственно когнитивных средств. Кроме того, еще более существенно, что в учебной деятельности явно приоритетное формирование и развитие получают не все функциональные блоки психологической системы деятельности, а те из них, которые имеют так сказать собственно когнитивную ориентацию, точнее – ориентацию «до-реализационную». Собственно же регулятивные блоки и, прежде всего, блоки исполнительской части и контроля не являются ее самостоятельной целью. Тем самым, учебная деятельность опять-таки обнаруживает себя как направленная не на формирование всего состава психологической системы деятельности, а лишь определенной его части, что вновь эксплицирует ее так сказать «парциальность».

Во-вторых, следует учитывать, что учебная деятельность может быть представлена в двух основных вариантах – собственно образовательном (точнее – общеобразовательном) и собственно профессиональном. Во втором случае она обнаруживает еще одну свою атрибутивную особенность, которая также естественным образом эксплицирует ее соответствие с подсистемным значением критерия-дискриминатора. Дело в том, что процесс профессионального обучения по самой своей сути как раз в том и состоит, что предполагает постепенное и все более полное освоение состава, структуры и способов реализации той или иной профессиональной деятельности. Само обучение – это и есть все более полное приближение к системной организации деятельности в целом. Однако ни на одном из его этапов не является такой ее реализацией в целом. Далее, учебная деятельность и строится – организуется также подчеркнуто «парциально», поскольку на каждом из ее этапов отрабатывается не вся деятельность, а тот или иной ее фрагмент. Она же и реализуется на отдельных этапах ее освоения также «парциально», поскольку на них предполагается реализация не ее «полного цикла», а лишь его фрагментов (которые, однако, все более укрупняются по ходу обучения).

Можно видеть, таким образом, что сама суть учения как деятельности в том и состоит, что оно принципиально «парциально» – и по организации, и по уровню воспроизведенности

в учебной деятельности на каждом этапе его развертывания полноты той деятельности, освоение которой и является его задачей. Более того, если учебная деятельность начинает развертываться таким образом, что в ней воспроизводится уже весь состав осваиваемой профессиональной деятельности, то она «перерастает» – отрицает себя, становясь именно этой – осваиваемой деятельностью. Обучение (учебная деятельность) «заканчивается» и начинается профессиональная деятельность. Наконец, сама суть субсистемного уровня заключается еще и в том, что он соотносится с так называемыми «функциональными органами» системы, которые складываются и эволюционируют в процессе ее генезиса как средства обеспечения ее базовых функций. И именно поэтому он характеризуется наибольшей генетической динамикой, что вновь эксплицирует его атрибутивную связь (и, соответственно, того значения критерия-дискриминатора, на основе которого он дифференцируется – субсистемного) именно с сутью психологического содержания учебной деятельности.

В-третьих, необходимо отметить еще одну принципиальную черту учебной деятельности, отличающую ее от трудовой деятельности и эксплицирующую ее связь с субсистемным значением критерия-дискриминатора. Так, общеизвестно, что трудовая деятельность тем и «выделяется» среди всех иных основных типов деятельности, что направлена исключительно на реализацию какой-либо цели, имеющей собственно продуктивный характер. Она связана с созданием – продуцированием чего-либо и поэтому является атрибутивно результативной, продуктивной. Она – так сказать «насквозь» практична и прагматична. При этом ее отчетливо «практико-ориентированная» цель с наибольшей полнотой и «жесткостью» выступает в ней в качестве ее системообразующего фактора. Обязательность достижения результата, причем, – в конкретной, «осязаемой» форме является «законом» организации трудовой деятельности, а системообразующая роль цели выражена в ней с наибольшей полнотой. В итоге степень системности, обеспечиваемая в трудовой деятельности, является максимальной. Она по самой своей природе синтетичная, целостная. Это, кстати говоря, вообще очень характерно для практиче-

ской деятельности, для практических задач, являющихся атрибутивно комплексными – «ориентированными на результат».

В то же время, по отношению к учебной деятельности все это выражено в существенно меньшей степени. Она, хотя, конечно, также направлена на достижение определенной цели и на получение конкретного результата, все же характеризуется явной спецификой последних. Они, как известно, носят не практико-ориентированный, а познавательный характер. Они направлены на получение таких результатов, которые по своей природе являются не какими-либо продуктами, а носят подчеркнуто когнитивный характер. Ее цели и результаты не «практичны», а, скорее, «теоретичны»; не регулятивны, а когнитивны. Такой их характер опять-таки обуславливает явную аналитичность учебной деятельности. Она, равно, как и научная, познавательная деятельность, аналитична по своей природе, тогда как профессиональная деятельность столь же органично синтетична. Учебная деятельность – это (впрочем, как и игровая деятельность) постепенное «восхождение» к системности, но еще не сама эта системность в ее полном объеме. Тем самым вновь обнаруживается определенная «парциальность» учебной деятельности, а потому – ее еще несоответствие с общесистемным значением критерия-дискриминатора. Она, в силу этой особенности, в существенно большей мере адекватна иному его значению – субсистемному. Причем, такое соответствие определяется не какими-либо, хотя и важными, но так сказать «рядовыми» особенностями данной деятельности, а именно ее атрибутивными, объективно главными особенностями. Поэтому и соответствие учебной деятельности данному значению носит столь же естественный – именно атрибутивный, а потому и объективный характер. Вместе с тем, как можно было видеть из проведенного выше анализа, это соответствие является достаточно имплицитным, что связано, прежде всего, со сложностью и определенной двойственностью самой учебной деятельности¹⁸⁵.

---

¹⁸⁵ Эта двойственность, впрочем, очень хорошо известна; она имеет целый ряд экспликаций. В частности, это сложность ее дифференциации от тру-

Далее, по отношению к следующему значению критерия-дискриминатора – *общесистемному* и его возможному соответствию с каким-либо основным типом деятельности можно констатировать следующую, уже существенно более очевидную ситуацию. Данное значение фиксирует такое «измерение» систем, в котором они представлены во всей полноте их состава и содержания, структуры и механизмов их организации. Однако, именно это – представленность системы деятельности в наиболее развернутом виде, то есть во всей ее полноте как раз и имеет место в том типе деятельности, который традиционно рассматривается (и совершенно по праву) в качестве высшего, а значит и максимально развитого и потому «полносоставного» типа – в трудовой. Такое соответствие настолько очевидно, что, по-видимому, не нуждается в дополнительной развернутой аргументации. Более того, именно оно как раз и послужило основанием и исходным моментом для введения самого понятия психологической системы деятельности, а ее архитектоника и была изначально определена на материале изучения именно трудовой деятельности. В ней полностью «оживается», утрачивается та атрибутивная парциальность (частичность), которая свойственна учебной деятельности. Ее «законом» становится обязательная «продуктивность», «результативность», а для этого – столь же обязательная целостность и интегрированность, «полносоставность». Роль цели и результата как ее системообразующего фактора становится определяющей, а мера достигаемой в ней системности организации – максимальной.

Итак, можно видеть, что «не охваченным» анализом остается лишь одно значение критерия-дискриминатора (*метасистемное*) и лишь один тип деятельности, обозначенный выше понятием метадеятельностного типа. И уже это само по себе выступает определенным – причем, очень существенным аргументом в пользу того, что между ними также существует атрибутивное

довоей деятельности, поскольку сама учебная деятельность в значительной степени – это и «есть труд»; она «трудна» и вообще – во многом структурируется по типу трудовой деятельности. Это, далее, и существование двух основных разновидностей самой учебной деятельности – общеобразовательной и профессиональной.

соответствие. Вместе с тем, такой «остаточный принцип» аргументации не является, конечно, основным для строгого доказательства такого соответствия и требует дополнения содержательной аргументацией. Переходя к ней, следует дифференцировать, на наш взгляд, два различных «слоя» такого соответствия – относительно более поверхностный и существенно более глубокий. Действительно, с одной стороны, как было показано выше, вне сферы традиционной дифференциации основных типов деятельности до сих пор не вполне естественным образом остается огромная область человеческой активности. Она связана с теми ее сложными поведенческими проявлениями, которые не соотносятся непосредственно с профессиональной сферой и выходят за рамки трудовой деятельности. Вместе с тем, они не только ничуть не проще нее, но зачастую и более сложны, и более ответственны, и более лично значимы¹⁸⁶. Эти поведенческие проявления выходят за рамки третьего из дифференцирующихся традиционно основных типов деятельности (трудовой), который, однако, традиционно считается «последним» среди всех типов. Они были обозначены выше понятием метадеятельности – в его прямом и непосредственном этимологическом значении (как «выходящим за пределы»); в данном случае – за пределы традиционной классификации основных типов деятельности.

С другой стороны, необходимо, конечно, учитывать и существенно бóльшую сложность понятия метадеятельности, которое было предметом специального рассмотрения в работе [118], а также в параграфе 2.2. второго тома. Так, в частности, вся регулятивная подсистема психики, являющаяся по своему содержанию интернализированной формой регулятивного инварианта и образованная совокупностью интегральных процессов, мультиплицирует в своей организации деятельностьную форму. Она сама развивается и реализуется «по образу и подобию» деятельности. Тем самым она становится деятельностью, но «внутренней», то есть направленной на регуляцию и организацию

---

¹⁸⁶ Причины этого широко и хорошо известны; основные из них рассмотрены выше.

«первичной» деятельности, связанной с достижением тех или иных целей субъекта. В силу этого, и организация регулятивной подсистемы психики в ее собственно функциональном проявлении также выступает как деятельность. Вместе с тем, она выступает как «деятельность с деятельностью» (как «вторичная»), то есть именно как метадеятельность. Однако все это как раз и эксплицирует очень явное и полное соответствие метасистемного значения критерия-дискриминатора с этим основным типом организации деятельностной активности.

Таким образом, можно видеть, что все пять основных значений критерия-дискриминатора, действительно, находят свое очень полное и органичное – естественное воплощение в совокупности пяти основных типов деятельности. Причем, речь идет о двойном соответствии. С одной стороны, это *локальное* – так сказать «поточечное» соответствие каждого из значений с тем или иным типом деятельности. Однако, с другой стороны (и это, пожалуй, еще более существенно) имеет место и *комплексное* соответствие всей совокупности значений этого критерия со всеми основными типами деятельности. Критерий-дискриминатор во всем своем объеме «находит» себя в совокупности основных типов деятельности. В свою очередь, типы раскрываются на его базе в качестве, действительно, частных случаев некоторой единой, общей сущности. Они выступают в своем атрибутивном качестве – как видовые образования по отношению к образованию родовому, то есть к феномену деятельности, в его, действительно, полном объеме, то есть во всех его частных экспликациях. Вместе с тем, из доказательства такого соответствия вытекает ряд существенных, на наш взгляд, следствий теоретического плана.

Во-первых, с позиций обнаруженного соответствия все дифференцированные ранее основные типы деятельности раскрываются в существенно ином статусе – *уровневом*. Они, взятые в этом статусе и в их общей совокупности, образуют, в свою очередь, некоторую – закономерным образом организованную целостность, иерархию. Вместе с тем, подчеркнем, что обнаружение этого оказывается возможным лишь в том случае, если расширить традиционную дифференциацию основных типов

деятельности (включающую лишь три типа) до иной – включающей пять основных типов. Тем самым, оказывается возможным сделать достаточно важный и в принципе известный в гносеологии «познавательный шаг». Он предполагает переход от континуальной трактовки частных экспликаций предмета изучения к его собственно уровневой экспликации. Действительно, выше было показано, что существующая в настоящее время дифференциация основных типов деятельности является подчеркнута континуальной. Все они очень явно «выстраиваются» в определенный континуум – «вдоль оси времени». Однако на основе проведенного выше анализа появляются все основания для того, чтобы «перевернуть» континуум из его «горизонтального вида» в «вертикальный», то есть дать ему уровневую, собственно иерархическую экспликацию.

Во-вторых, очень важно и то, что в основе этой структурно-уровневой, иерархической организации лежит не какой-либо, хотя и обоснованный, но все же частный критерий, а именно *общесистемный* критерий-дискриминатор. Выполненные ранее исследования вскрыли его, действительно, общий и универсальный характер. Он был обнаружен по отношению к организации многих иных систем, прежде всего, – собственно психологических (см. обзор этих исследований в работе [114]). Тем самым, с одной стороны, эксплицируется общность уровневого принципа, лежащего в основе организации совокупности основных типов деятельности, со всеми иными, изученными ранее психологическими системами. Посредством этого данная совокупность включается в «общую сеть» закономерностей структурно-уровневой организации психики. С другой стороны, получает новое и очень значимое направление развития общее положение о том, как конкретно в организации психики реализованы принципы системности. Детализируется и обогащается общий тезис, согласно которому базовые закономерности организации систем, системность как таковая выступает по отношению к психике (и регулируемой ей деятельной активности) в качестве комплексного операционного средства. Организация совокупности основных типов деятельности – их иерархия высту-

пает еще одним «каналом» для воплощения принципов системности в организации психики и регулируемых ей форм активности личности.

В-третьих, обнаруженное соответствие выступает не только доказательством структурно-уровневого принципа организации совокупности основных типов деятельности. Оно же является и объективным основанием для того, чтобы считать пять выделенных типов полностью охватывающими всю их совокупность. Другими словами, совокупность именно из пяти (а не из трех) основных типов следует рассматривать не только в качестве просто «более полной» (что естественно), но и в качестве *«действительно полной»* – исчерпывающей. Дополнительным и очень существенным аргументом в пользу ее полноты и, фактически, ее исчерпывающего характера является и то, что по отношению к дифференцированной «пятичленной» совокупности действует известное «правило исчерпанности качественной определенности». Оно, как известно, состоит в том, что «полярные» уровни иерархии одновременно приводят к выходу за пределы качественной определенности самого представленного в ней целого. Действительно, на уровне, соответствующем «протодеятельности», еще не обнаруживаются базовые атрибуты деятельностной организации, поскольку здесь еще не представлены основные «составляющие» регулятивного плана – интегральные процессы. Тем самым качественная определенность «целого» подвергается здесь редукции – «исчерпывается» так сказать «снизу». В то же время, но уже не «снизу», а «сверху» (на метадеятельностном уровне) деятельность также качественно трансформирует свой исходный статус. Точнее – она отрицает свой статус как «первичной» (направленность на достижение какого-либо лежащего за ее пределами результата). Она трансформируется в процессуальную организацию регулятивной подсистемы психики и становится направленной на самоё же себя – на организацию той или иной «результативно-направленной» деятельности (как «первичной»). Содержанием деятельности становится ее же собственное построение – организация; тем самым трансформируется и ее качественная определенность.

В-четвертых, с позиций структурно-уровневой, иерархической экспликации совокупности основных типов деятельности становится очевидным и еще одно обстоятельство. Оно заключается в том, что эти типы являются уже не только разновидностями, «частными» проявлениями, но именно уровнями организации определенной целостности. Следовательно, они эксплицируют через свой уровневый статус и объективность существования самой этой целостности. Им, на наш взгляд, ей и является деятельность в том – дополнительном и обоснованном выше понимании, согласно которому она выступает как некоторая унитарная и достаточно инвариантная по составу и механизмам форма взаимодействия «человека и мира».

Причем, сама эта форма, будучи, действительно, очень общей по сфере действия, является совершенно конкретной по содержанию. В ее качестве выступает система интегральных процессов, синтезированная в специфический для нее регулятивный инвариант. Он и является объективной основой для существования всех основных типов деятельности. Эти типы, в свою очередь, выступают различными степенями, то есть уровнями его «зрелости» и меры воплощенности в активности личности. В силу сказанного, именно этот базовый, универсальный регулятивный инвариант и является тем *родовым* образованием, *видовыми* – частными, «парциальными» случаями и проявлениями которого выступают основные *типы* деятельности. И именно он позволяет раскрыть и обосновать их понимание в качестве «частей целого», «разновидностей единого». Он позволяет говорить о *Деятельности* как о некоторой общей организационной форме взаимодействия «человека и мира». Деятельность раскрывается не как тот или иной ее вид или даже – тип, а как механизм, как комплексное организационное, операционное средство взаимодействия «человека и мира». Она раскрывается и как некоторая специфическая «технология» организации этого взаимодействия. Данная «технология» базируется на рассмотренном выше регулятивном инварианте, образованном интегральными процессами. Точнее говоря, она и является самым этим инвариантом в его процессуальной «развертке».

В-пятых, с позиций развитой выше трактовки становится очевидным и то, что на общую организацию совокупности основных типов деятельности должна быть распространена и еще одна общая закономерность. Согласно ей, в ходе развития сложных и суперсложных систем (впрочем, как и любых иных) его основные этапы, фазы выступают в уже сформировавшейся целостности в качестве ее основных уровней. Имеет место эволюционно-генетическая трансформация *этапов* развития в структурные *уровни* организации систем¹⁸⁷. «Низшее» отнюдь не «пропадает в высшем», не растворяется и не редуцируется в нем; напротив, оно в нем сохраняется, хотя, конечно, и в качественно трансформированном виде. Такое сохранение, безусловно, является очень позитивным и просто – «выгодным» во всех отношениях, поскольку обогащает саму «зрелую целостность» всё более расширяющимся арсеналом операционных и иных средств его функционирования. Очень отчетливо и демонстративно это проявляется именно в организации совокупности основных типов деятельности. «Высшее» (то есть относительно более сложные и поздние в онтогенетическом плане типы деятельности) не только сохраняет в себе «низшее» (менее сложные и генетически предшествующие типы), но и делает это именно затем, чтобы использовать его в качестве своих же собственных операционных средств.

В-шестых, с позиций развитых представлений существенно иначе ставится и решается и еще один очень острый в теоретическом отношении вопрос. Это вопрос о соотношениях и связях между основными типами деятельности, об их так сказать «демаркации», с одной стороны, и взаимной преемственности, с другой. Он трансформируется из вопроса об их связях, носящих так сказать «внешний характер», в вопрос о закономерности

---

¹⁸⁷ Одной из экспликаций этой закономерности является известный «принцип ЭУС», предложенный Я. А. Пономаревым, а также сопряженная с ним теория «предельных состояний» [188]. Согласно данному принципу, отдельные этапы (Э) развития как раз и трансформируются в основные уровни (У), а они в свою очередь, реализуются в качестве ступеней (С) функционирования целостности.

стях *межуровневых* отношений внутри определенной целостности, то есть о связях внутреннего плана. Однако, если отношения основных типов деятельности – это отношения, свойственные межуровневым взаимодействиям, то на них переносятся все те базовые закономерности, которые свойственны такого рода закономерностям в целом. Тем самым в значительной мере проясняется весьма запутанная ситуация, связанная с нерешенностью вопроса о критериях дифференциации основных типов деятельности. Они настолько «взаимопроникают» друг в друга, что становится, фактически, невозможной их строгая «демаркация и дизъюнкция». Выделения каждого из них в «чистом» виде является в результате крайне затруднительным. В свете сформулированных выше представлений становится понятной и даже – естественной основная причина всех этих, действительно, принципиальных трудностей. Дело в том, что в реальности основные типы деятельности имеют собственно *уровневый* статус в общей – иерархической организации всей их совокупности. Поэтому и отношения между ними таковы, что в зрелом виде они могут существовать лишь именно в таком качестве, то есть в качестве *уровней*, а значит и во взаимной *полагаемости* – так сказать в «связанном» виде, а не как «чистые формы».

В-седьмых, на основе всего вышеизложенного обнаруживается еще один – быть может, наиболее обобщенный смысл структурно-уровневой экспликации типов деятельности. Она, имея «генетические корни» и охватывая всю совокупность основных типов деятельности, сменяющих друг друга в ходе онтогенеза, предстает на зрелых стадиях онтогенеза как *пятиуровневая* структура. Те пять основных типов деятельности, которые сменяют друг друга, не редуцируются «один за другим», а напротив, фиксируются, но уже не столько как типы (хотя и так тоже), сколько именно как *уровни*. Причем, очень существенно, что эта генетически-складывающаяся структура (точнее – макроструктура) исчерпывающим образом соответствует общесистемному критерию-дискриминатору *уровневой* дифференциации как таковой. Поэтому совокупность основных типов деятельности не только может быть охарактеризована как их структур-

но-уровневая организация, а именно *является* ей. Она объективно представлена на зрелых стадиях онтогенеза в качестве таковой и в качестве таковой же и функционирует.

Необходимо подчеркнуть, далее, что рассматриваемая здесь иерархическая организация основных типов деятельности, по-видимому, подчиняется очень общему правилу, которое само во всё большей степени обретает черты, действительно, некоторой обобщенной закономерности и заключается в следующем. Наряду с системами «классических» типов, существует и еще один качественно специфический их класс – системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Деятельность, рассмотренная и в аспекте ее наиболее обобщенной структуры (точнее – макроструктуры), образованной всей совокупностью сменяющих друг друга в онтогенезе основных типов, также, на наш взгляд, может и должна быть проинтерпретирована именно как таковая. Поясним сказанное.

Действительно, как можно было видеть из вышеизложенного, ее высший уровень – уровень метадеятельности обладает принципиальной двойственностью, поскольку она представлена в двух основных модусах. С одной стороны, регулятивная подсистема психики мультиплицирует в себе принципы и закономерности структурно-функциональной организации деятельности. Она, в силу этого, строится как деятельность и, фактически, является ей по своим операционно-процессуальным средствам. Однако, это – именно «внутренняя», «вторичная» деятельность, а ее предметом выступает «первичная» деятельность. Она тем самым выступает специфически деятельностью образованием. С другой стороны, она же является и неотъемлемой частью собственного процессуального состава регулятивной подсистемы и, следовательно, – «составляющей» самой психики, собственно психическим образованием.

Тем самым, «через нее» и «в ней» само процессуальное содержание психики и, следовательно, она сама (как метасистема для деятельности) функционально включается, «встраивается» в деятельность (как систему). Причем, такое «встраивание» носит совершенно естественный и очень органичный характер,

выступает основой всей организации деятельности. Сама регулятивная подсистема, равно как и ее основные компоненты – интегральные процессы в такой же мере являются и собственно психическими образованиями, в какой они выступают специфически деятельностными средствами. Они, следовательно, являются тем «каналом», посредством которого осуществляется это «встраивание». Основные же атрибуты деятельности не только неразрывно связаны с базовыми характеристиками самих интегральных процессов, но ими же и порождаются. Уровень, на котором локализована трудовая деятельность (и который соподчинен уровню метадеятельности), практически полностью регулируется совокупностью интегральных, специфически регулятивных процессов. Вместе с тем, именно они и составляют основное содержание самого метадеятельностного уровня. Тем самым и имеет место функциональное включение – «встраивание» второго в первый.

В то же время очень показательно, что подобное «встраивание» не ограничивается детерминирующим влиянием метадеятельностного уровня только на уровень, соотносящийся с трудовой деятельностью. Оно осуществляется и далее – «проникает» на все иные, «нижележащие» уровни. Причем, сам факт такого «проникновения», равно как и его эмпирико-феноменологические референты в принципе давно и хорошо известны в психологии. Так, это в частности, это фундаментальная по своей значимости дифференциация двух качественно различных вариантов игровой деятельности. С одной стороны, она может носить и реально носит так сказать «первичный», непосредственный характер. Это свойственно относительно ранним онтогенетическим этапам, еще предшествующим формированию трудовой деятельности. На них представлена игра, еще «не прошедшая опосредствование» трудовой деятельностью. С другой стороны, это так называемые «игры взрослых» – в частности, спортивные, игры как профессиональное занятие в целом. Они – в аспекте своей психологической архитектоники, то есть в плане их так сказать «технологии» не только практически не отличаются от трудовой, профессиональной деятельности, но и нередко существенно

превосходят по сложности и изощренности многие из разновидностей последней. Это – своего рода «вторичная» игра; игра, уже «прошедшая опосредствование» трудовой деятельностью (точнее – сформировавшейся для нее психологической архитектоникой и мультиплицировавшей ее в целях своей собственной организации). Регулятивная подсистема психики «в лице» совокупности интегральных процессов становится и ее «процессуальным ядром», лежит в основе и ее организации.

Аналогичная закономерность, но с еще большей степенью очевидности и демонстративности представлена, далее, и по отношению к другому основному типу деятельности – учебной (точнее – к тому, как он взаимодействует с метадеятельностным уровнем). С эмпирико-феноменологической, да и просто – житейской точки зрения эта взаимосвязь зафиксирована в выражениях, общий смысл которых сводится к тому, что «учеба – это тоже труд». В содержательном плане она проявляется в принципиальных сложностях дифференциации психологической архитектоники учебной и трудовой деятельности. Они, как известно, вообще дифференцируются по совершенно иным – преимущественно «внешним» критериям, но не по критериям содержательного, структурного плана. С позиций развитых выше представлений это не только объяснимо, но и совершенно естественно. Дело в том, что в психологическую архитектонику учебной деятельности функционально включается, «встраивается» в нее метадеятельностный уровень рассматриваемой здесь макроструктуры типов деятельности. Причем, поскольку уровень учебной деятельности локализован непосредственно «под» уровнем трудовой деятельности, это «встраивание» представлено еще более очевидно и полно, нежели это имеет место по отношению к игровой деятельности. Более того, и сама мера такого «встраивания» (то есть мера, с какой учение вступает именно как труд) является одним из основных критериев развитости самой учебной деятельности.

Далее, следует акцентировать внимание и на том, что анализируемая здесь макроструктура основных типов деятельности, конечно, никак не противоречит другой – более привычной и тра-

диционной ее иерархической экспликации [137]. И уж тем более она не должна рассматриваться в качестве альтернативной ей. Обе они одинаково правомерны, поскольку фиксируют различные «измерения» сложнейшего и многомерного «феномена деятельности» в целом. Более того, между двумя иерархическими, структурно-уровневыми экспликациями деятельности (традиционной и охарактеризованной выше) существует и принципиальное соответствие.

Действительно, операционный уровень традиционной иерархии имеет в качестве своего главного атрибута автоматизированный, неосознаваемый характер реализации. Однако именно это же и является одной из наиболее характерных черт «до-деятельностного», протодеятельностного уровня организации активности. Она носит, как правило, характер неосознаваемых – спонтанных и произвольных реакций на изменения внешней и внутренней среды.

Далее, ведущими атрибутами другого основного типа деятельности – игровой являются, как известно, доминирование процесса над результатом; самоценность и самодостаточность первого и подчиненность второго, равно как и в получении удовлетворения от первого. Деятельность не имеет «жесткой» ориентации на результат; она, в силу этого, зачастую выполняется «ради самой себя». Деятельность выполняется ради процесса деятельности, а ее «составляющие» – действия поэтому также нередко осуществляются ради самих себя (что зафиксировано, в частности, в известных феноменах «радости делания», «радости движения» и пр.). Само их выполнение, то есть процесс их реализации могут становиться и самоцелью и самоценностью. Трудно, однако, не видеть, подобия этих особенностей данного типа с еще одним основным уровнем структурной организации деятельности – действенным.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что сама суть (равно как и специфичность, а также функциональное предназначение учебной деятельности), атрибутивно связаны, в конечно счете, с ее содействием генетическому развитию личности как таковому (как в плане ее когнитивного, так и в плане собствен-

но личностного развития). Вместе с тем, выше мы неоднократно отмечали, что важнейшей – атрибутивной чертой еще одного уровня структурной организации деятельности (субсистемного) как раз и является его максимально выраженная генетическая специфичность, наибольший диапазон его генетических трансформаций. Тем самым обнаруживается глубинная связь еще одного основного типа деятельности (учебной) с еще одним структурным уровнем организации деятельности – субсистемным.

Еще более очевидна взаимная конгруэнтность другого основного уровня – уровня так называемой «автономной деятельности» и еще одного основного типа деятельности – собственно трудовой. Дело в том, что в традиционной иерархической структуре именно уровень автономной деятельности рассматривается в качестве высшего. Однако и в аналогичной – также традиционно принятой классификации основных типов деятельности именно трудовая деятельность также трактуется как высший тип ее организации. И на уровне автономной деятельности, и в форме трудовой деятельности деятельность эксплицируется принципиально подобно – в качестве системы, взятой в ее полном объеме и на высшем уровне ее развития, а также организации.

Наконец, столь же очевидна и конгруэнтность метадеятельностного уровня и самого понятия метадеятельностного типа ее организации. Дело в том, что и тот и другой обладают общим ключевым, «критически значимым» атрибутом – свойством саморегулируемости, самонаправленности, «вторичности». В них обеих имеет место феномен (и механизм) «деятельностного рефлексирования». Он, собственно говоря, и составляет самую суть их психологического содержания. Деятельность «оборачивается» на самой себя; формируется «деятельность с деятельностью» – метадеятельность, что составляет специфику и метадеятельностного уровня и метадеятельности как еще одного ее типа.

В-восьмых, как было показано выше, уровни, дифференцируемые в общей иерархии основных типов деятельности, принципиально различаются по критерию качественных различий в степени реализованности в них одного и того же – базового регулятивного инварианта. Он, свою очередь, образован систе-

мой интегральных процессов. Однако можно видеть, что именно его последовательное развитие (при переходе от одного основного типа деятельности к другому) приводит на завершающем этапе и уровне (метадеятельностном) к тому, что данный инвариант практически полностью утрачивает непосредственную связь с какой-либо конкретной деятельностью. Он обретает «наддеятельностный» и тем самым становится, фактически, процессуальным содержанием регулятивной подсистемы психики как таковой. Он также обретает «резистентность» по отношению к различиям в видах и типах реализуемой деятельности; выступает универсальным по отношению к ним. Другими словами, последовательное формирование основных типов деятельности (через ряд переходных форм) приводит к формированию уже не собственно деятельностного, а подчеркнуто психического образования. Им и является регулятивная подсистема психики как одна из ее собственных содержательных «составляющих». Однако на основе этого становится столь же очевидным, что основные типы деятельности, проинтерпретированные в качестве уровней образований, фактически означают различные фазы и формы формирования самого психического.

Тем самым в определенной мере проясняется и наполняется конкретным содержанием фундаментальное (но до сих пор во многом неясное и даже отчасти парадоксальное) явление интериоризации. В его основе лежит отнюдь не так называемый «переход внешнего во внутреннее», а закономерные трансформации базового регулятивного инварианта. Комплексным средством таких трансформаций, в свою очередь, и является смена основных типов деятельности. Каждый из них, с одной стороны, требует качественно различных уровней степеней сформированности общего регулятивного инварианта, а с другой, (и это наиболее важно), – позволяет реализовывать эти степени в них. Регулируемые формы активность (вначале – элементарное поведение, а затем все более усложняющиеся типы деятельности), действительно, являются внешне представленными (но никак не «внутренними»). Вместе с тем, в любой из их форм, на любом уровне их сформированности (то есть уже исходно и изначально)

они все же регулируются исключительно внутренними средствами и механизмами, синтезированными в общий регулятивный инвариант. То, что традиционно обозначается как интериоризация, означает поэтому вовсе не «переход внешнего во внутреннее», а качественные трансформации самой внутренней регуляции. Однако, сама эта трансформация, действительно, осуществляется вследствие изменений внешнего характера, связанных с генетической динамикой – последовательной сменой основных типов деятельности.

Психика, порождая те или иные – усложняющиеся формы взаимодействия с «окружением» и предоставляя онтологические условия для них, затем использует эти же формы в качестве операционных средств своей же собственной организации. Каждый уровень «зрелости» психики объективно обеспечивает условия для того или иного основного типа деятельности. Однако имеет место и так сказать «встречное движение»: эти – усложняющиеся типы сами начинают «строить», структурировать психическую регуляцию. Ключевым звеном в этом сложнейшем процессе является формирование регулятивной подсистемы психики, причем, не в ее «абстрактном» виде, а в виде совершенствования конкретного по содержанию, но общего по сфере действия регулятивного инварианта. Он, в свою очередь, образован совокупностью интегральных процессов, взятых в их структурной и функциональной (а потому – и хронологической, временной) организации. Тем самым психика «использует» деятельность – через последовательность смены ее основных типов – в качестве своего рода «строительных лесов» своего собственного развития. Та системность, которая исходно присуща психике (так сказать «первичная»), порождает столь же атрибутивно системное образование – деятельность. Она, однако, характеризуется и своими собственными – уже новыми системными характеристиками и возможностями. И в этом – обладающем уже так сказать «дополнительной системностью» (вторичной) виде она используется психикой для повышения уровня ее собственной системной организации. Основную роль во всех этих генетических трансформациях играет особый, качественно специфический класс процессуальных образований

психики – интегральные процессы психической регуляции деятельности, составляющие «процессуальное ядро» ее регулятивной подсистемы. Эта роль становится, однако, еще более очевидной и значимой в свете тех ее существенных аспектов, которые были охарактеризованы выше в плане закономерностей онтогенетической смены основных типов деятельности. Более того, оказывается, что сами эти типы в значительной мере и являются различными формами, точнее – уровнями воплощенности общего регулятивно-инварианта как такового, различными уровнями его собственной сложности, степени совершенства.

3.4. Специфика формирования и развития игровой деятельности как процесса метасистемогенеза

Реализация генетического аспекта исследования проблемы структурно-функциональной организации игровой деятельности и ее формирования будет неполным, если в его сферу не включить еще один вопрос. Он связан с выявлением и интерпретацией тех закономерностей, которые обусловлены своеобразием *общего* характера этого формирования. В свою очередь, само это своеобразие определяется, наряду, разумеется, со многими иными обстоятельствами, специфичностью общего статуса «деятельности как системы», раскрытой нами в работе [118] и подробно рассмотренными в параграфе 2.1.2. второго тома. Суть сформулированных в них представлений состоит в том, что деятельность, проинтерпретированная в качестве системного образования, не может и не должна быть отнесена к категории систем «классического» типа. Она принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем¹⁸⁸.

Соответственно этому, процесс ее формирования и развития в онтогенезе, в том числе – и на тех его стадиях, на которых

---

¹⁸⁸ В параграфе 2.1.2. второго тома была дана подробная характеристика деятельности именно в этом ее – наиболее общем статусе.

ведущим типом деятельности является игра, также принадлежит к достаточно своеобразному и качественно глубоко специфичному типу – к *метасистемогенезу*. Его общая характеристика представлена в параграфе 2.3.2. второго тома. Естественно, что в своем общем и *полном* виде процесс метасистемогенеза не исчерпывается лишь теми особенностями и закономерностями, которые были констатированы в нем. Более подробная характеристика такого рода особенностей и закономерностей представлена также в работах [114, 118]. Привлекая представленные в них материалы в целях решения основных задач данного изложения, недопустимо, однако, «замалчивать» следующее – «неудобное», на первый взгляд, обстоятельство. Напротив, следует намеренно акцентировать внимание на нем, а само оно заключается в следующем. Не является ли чрезмерным преувеличением и вообще – «искусственной и надуманной», не вполне обоснованной трактовка формирования относительно *наиболее простого* типа деятельности (игровой) с позиций *наиболее сложного* типа генезиса, каковым и вступает процесс метасистемогенеза? Нет ли здесь какой-либо «концептуальной избыточности», а то и просто – «натяжки»? В действительности, однако, общий ответ на данный вопрос уже, фактически, был дан в параграфе 2.3.2. второго тома. Более того, с позиций сформулированных в нем представлений эксплицируется то – важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство, согласно которому генезис деятельности именно на этапе доминирования ее «игрового типа» является *максимально* полным и очевидным появлением метасистемогенетического типа развития.

Действительно, как мы уже подчеркивали в данном разделе, онтогенетическое развитие, формирование психики и поведения, а затем (и вместе с тем) – деятельности объективно невозможны вне общения ребенка и взрослого, вне социальных контактов, вне социальных взаимодействий в целом¹⁸⁹.

---

¹⁸⁹ В контексте рассмотрения данного вопроса целесообразно (и даже необходимо) воспроизвести один из фрагментов тех материалов, которые уже были представлены в параграфе 2.3. второго тома.

В общем плане данное положение зафиксировано в общеметодологическом принципе социальной обусловленности психики. Подчеркнем, что эти контакты и взаимодействия осуществляются, прежде всего, именно в процессе игровой деятельности. В этом взаимодействии, в этих контактах ребенка и взрослого проявляется соактивность как простейшая форма совместного поведения, а затем – и совместной деятельности. Причем, по совершенно естественным, понятным и даже – жизненно необходимым причинам взрослый реализует в этой соактивности направляющие, организующие, регулирующие и прочие воздействия на поведенческую активность ребенка. В определенном смысле взрослый выступает как «руководитель», а ребенок – как «руководимый».

По отношению к поведению ребенка должны быть реализованы некоторые – вначале самые элементарные, а затем все более усложняющиеся организующие, корригирующие и направляющие функции. Взрослый учит, а ребенок учится в этом взаимодействии действовать, а *для этого* – предвидеть, ставить цель, элементарно планировать, делать выбор (принимать решения), контролировать себя, исправлять (корректировать) ошибки и др. Тем самым, в этом процессе взрослый – просто в силу того, что он объективно организует поведение ребенка, «следит за ним» и «контролирует его», естественным и необходимым образом реализует некоторую совокупность функций по управлению этим поведением. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев взрослый не ставит перед собой самостоятельную цель делать это и тем более – «реализовывать какие-либо управленческие функции». Суть дела в том, что такая реализация носит совершенно объективный характер и происходит «параллельно» соактивности ребенка и взрослого. При ближайшем рассмотрении оказывается, что по своему содержанию эти функции (повторяем, – направленные на управление поведением ребенка) очень близки к управленческим функциям как таковым, хотя они, разумеется, и представлены в относительно простейшем, элементарном виде. Вместе с тем, понимая их смысл, воплощая их требования в своем индивидуальном поведении, *подчиняясь* им, ребенок начинает строить свое поведение в соответствии с ними.

Таким образом, все эти функции и тот регулятивный инвариант, в виде которого они представлены в поведении и деятельности, начинает регулировать индивидуальное поведение, а затем и элементарные формы индивидуальной деятельности (подчеркнем, – прежде всего, именно игровой) ребенка. Этот инвариант уже неоднократно и в различных аспектах анализировался нами выше и включает в себя систему интегральных, регулятивных процессов организации деятельности – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля. Другими словами (так сказать, – исходно) этот инвариант представлен «со стороны взрослого» как совокупность «управленческих» – регулятивных *функций*. Через них он направляет, регулирует поведение ребенка. Однако эти функции, подчинения которым и добивается, прежде всего, взрослый, начинают «переходить во внутренний план» и принимать тем самым форму специфических – регулятивных процессов, направленных на организацию индивидуального поведения. Иными словами, формируются те процессуальные регуляторы, которые были обозначены выше понятием интегральных психических процессов. Их система, будучи исходно задана в качестве регулятивного инварианта, затем транспонируется во «внутренний план».

Индивидуальное поведение, а затем и деятельность начинают строиться «по образу и подобию» совместной деятельности. Тем самым в структуру индивидуальной деятельности (хотя, конечно, и очень специфическим образом) включается совместная деятельность: *регулятивный инвариант* функций, обеспечивающий возможность управления совместной деятельностью, трансформируется в *саморегулятивный инвариант* процессов, реализуемых по отношению к управлению собственным поведением. Метасистема совместной деятельности воплощается – «встраивается» в структуру системы индивидуальной деятельности. Сама же индивидуальная деятельность тем самым формируется, а затем – функционирует как систем со «встроенным» метасистемным уровнем. С этих позиций можно высказать общее предположение, согласно которому то, что традиционно обозначается

в психологии как «интериоризация» (независимо от трактовок этого явления), в плане его *механизмов* как раз и представляет собой *процесс встраивания* метасистемного уровня в структуру индивидуальной деятельности, процесс формирования данного уровня в целом в общей структуре деятельности.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует важный в плане решаемых здесь задач и обобщающий по своему содержанию вывод. Системогенез деятельности по самой своей природе и смыслу представляет собой генезис системы со «встроенным» метасистемным уровнем. При этом данная метасистема (то есть совместная деятельность), действительно, функционально включается – «встраивается» в систему индивидуальной деятельности и образует в итоге ее иерархически высший уровень (метасистемный). Следовательно, он является не традиционно описанным – «классическим» системогенезом, а его более сложной разновидностью: его более корректно трактовать посредством понятия «*метасистемогенез*».

Следовательно, на генезис деятельности в целом и игровой деятельности, в частности, распространяются те – общие особенности и закономерности, которые присущи метасистемогенезу как таковому¹⁹⁰. Проводя их дальнейшую экспликацию по отношению к генезису игровой деятельности, необходимо, на наш взгляд, выделить следующие основные особенности и закономерности.

Так, традиционно принято считать, что сама суть генетического развития систем (именно как системогенеза) состоит в обретении ей все большей организованности, структурированности, упорядоченности и целостности. Иными словам, доминирующий акцент традиционно делается на так сказать «позитивном» аспекте системогенеза, связанном с приданием формирующимся образованиям системности и интегрированности, с обретением ими все большей организованности. Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, нельзя не видеть и того, что по отношению к системам со «встроенным» метасистемным

---

¹⁹⁰ Они в наиболее общем плане были выявлены и охарактеризованы нами в [118] и, кроме того, частично рассмотрены в параграфе 2.3.2. второго тома.

уровнем имеет место несколько иная – существенно более сложная картина их генетического развития.

Действительно, с одной стороны, их генезис разворачивается под мощным, а нередко и определяющим воздействием той метасистемы, в которую они онтологически включены. Метасистема своими собственными генетическими закономерностями и особенностями, детерминируя развитие включенной в нее системы, тем не менее, может вносить и реально вносит в процесс ее формирования не только черты «организованности и упорядоченности», но и противоположные черты – черты дезорганизованности, *асистемности*. Вместе с тем, еще более существенным и специфическим именно для систем со «встроенным» метасистемным уровнем является то, что и сама метасистема оказывается функционально представленной в их собственном содержании, локализуясь на ее высшем уровне. Поэтому те детерминанты и взаимодействия метасистемы и системы, которые по отношению ко всем иным классам систем имеют «внешнюю локализацию», транспонируются в их собственное содержание, становятся *внутренними* детерминантами их развития. При этом следует учитывать, что именно метасистемный, то есть высший уровень является, как известно, принципиально *открытым*. Это означает, в свою очередь, что именно через него система не только наиболее активно взаимодействует с другими системами, но в нее постоянно вносятся «возмущения», элементы неупорядоченности, хаоса. Они тем самым становятся и *внутренними* факторами их собственного развития.

Другими словами, те объективно складывающиеся противоречия, которые для всех иных типов систем характеризуют *внешнюю* детерминацию их развития, трансформируются по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем в их собственные *внутренние противоречия*. На основе этого системы данного класса обретают новый и очень мощный источник возникновения *противоречий* как факторов развития в целом. Эти – ставшие уже внутренними противоречия, а также элементы дисгармоничности и постоянного внесения дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, то есть асистемности становятся тем самым важнейшей категорией факторов собственного

генезиса данного класса систем. Такого рода системы характеризуются поэтому не только, а в ряде случаев и не столько доминирующей и прогрессирующей тенденцией к нарастанию их организованности и к приданию черт все большей системности, скоординированности, упорядоченности, целостности и пр., сколько перманентным внесением в их собственное функционирование и развитие противоположных черт – дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, то есть асистемности. Эти черты, порождаемые самой системой, затем, однако, выступают в качестве того, что должно быть преодолено в процессе генетического развития, – в качестве внутренних факторов этого развития. Система тем самым, как мы уже отмечали, «движется» в своем генезисе не только от «неорганизованности к «организованности», но и сама может порождать и реально порождает принципиальную дезорганизацию, асистемность как средство придания ей качественно новых и, по-видимому, еще более совершенных форм самой организации. Порождение, а затем преодоление этой асистемности является поэтому не только атрибутом метасистемогенеза, но и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового.

Вместе с тем, это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для внутреннего развития системы деятельности. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью придания формирующемуся образованию системности выступает тем самым мощным эмерджентным фактором системогенеза. Вообще говоря, представляется не вполне правомерным, а частично – и парадоксальным то обстоятельство, что фундаментальная категория *противоречия* как объективного и важнейшего стимула развития как такового все еще явно недостаточно привлекает внимание исследователей, занимающихся разработкой проблемы системогенеза. И наоборот, осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности как атрибутивной особенности системогенеза позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность системогенеза.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в традиционно сложившемся понятии системогенеза акцент делается именно на том, что общим смыслом и своего рода конечной целью всего генезиса является обретение развивающимся объектом черт целостности, организованности, упорядоченности, то есть именно системности. Последняя рассматривается как цель всего генезиса и так сказать «высшей из возможных» форм организации, на достижение которой этот генезис и направлен. Вместе с тем, нельзя не видеть и другого обстоятельства. Наибольшими перспективами и возможностями для развития и для качественных трансформаций обладают те системы, которые не только обладают внутренним потенциалом к становлению самого атрибута системности. Это – те системы, которые характеризуются еще и способностью к постоянному «выходу» за уже достигнутый уровень системности; к продуцированию асистемности и затем к ее преодолению путем достижения новых ступеней системности. Проводя аналогию между известным выражением о том, что «покой относителен, а движение абсолютно», можно сказать, что «системность относительна, а асистемность абсолютна».

Кроме того, можно, по-видимому, сформулировать и предположение еще более общего плана. Как мы уже отмечали выше, сама системность как форма организации не является, так сказать, безусловно «высшей и последней» (в смысле степени совершенства). Над ней, возможно, надстраивается и такая форма организации, которая предполагает продуцирование и порождение ее антитезы – асистемности, но не как средства дезорганизации, а наоборот, как средства достижения еще большей организованности. Это, собственно говоря, и проявляется в самой сути метасистемогенеза, то есть в процессе содержания процесса развития систем со «встроенным» метасистемным уровнем. И именно поэтому сам метасистемогенез выступает более общим и более мощным типом развития системных образований.

Безусловно, механизм продуцирования противоречий, возникающих в ходе развития, является характерным не только для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а имеет достаточно общую сферу действия. Однако, именно по отноше-

нию к этому классу систем в целом эта, действительно, общая закономерность обретает новый статус. Она трансформируется из *закономерности* (то есть того, чему система объективно подчиняется) в *операционное средство* генезиса: система не только «подчиняется» этой закономерности, но и сама *порождает*, а затем – *использует* ее в целях своего функционирования и генезиса. Данную особенность генетического развития можно, на наш взгляд, обозначить как *механизм продуктивной асистемности*. Он является одним из базовых механизмов генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем¹⁹¹.

Констатируя наличие рассмотренной выше – достаточно общей закономерности метасистемогенеза, необходимо обратить внимание и на следующее очень показательное в контексте основных задач данной работы обстоятельство. Оно состоит в том, что данная закономерность была первоначально установлена и проинтерпретирована в качестве результата теоретического анализа системной формы организации и ее типов в целом, а также их *специфики* по отношению к организации «деятельности как системы». При этом последняя была рассмотрена в ее совершенно конкретной экспликации – в качестве *трудовой*, профессиональной деятельности. Данный вывод, казалось бы, не вполне соответствует общей природе именно этого типа деятельности, а в еще меньшей степени – традиционно сложившимся представлениям о ней. Действительно, с точки зрения данных представлений именно этот тип деятельности (как «высший», а потому – *наиболее* организованный и совершенный), наоборот, должен, казалось бы, максимально полно воплощать черты «организованности» и «упорядоченности», но никак – дезорганизации, хаотичности, внутренней противоречивости. Соответственно, и ее генезис также, на первый взгляд, не должен характеризоваться отмеченными выше «асистемными» проявлениями. Вместе с тем, детальное раскрытие системогенеза *уже этого* типа

---

¹⁹¹ В связи с этим механизмом необходимо отметить также и исследование В. А. Лефевра, в которых сформулирован «принцип активной неадаптивности» (по [140]).

деятельности достаточно отчетливо и полно эксплицирует указанные выше закономерности. В то же время, очень показательно, что они, будучи характерными для деятельности в целом, максимально полно и явно эксплицируются именно по отношению к игровой деятельности. Они вообще составляют один из ее базовых атрибутов, одну из определяющих ее особенностей, без раскрытия которых ни ее специфичность в целом, ни ее генезис, в особенности, не могут быть раскрыты полно и адекватно.

Действительно, по ходу всего предшествующего изложения постоянно – в различных аспектах и проявлениях констатировалась одна из определяющих особенностей игровой деятельности, один из ее атрибутов, состоящий – в наиболее общей, хотя и упрощенной трактовке – в ее «недостаточной организованности». Он имеет более частные, но в то же время и более конкретные, а значит и более содержательные проявления. Прежде всего, это такая – в целом очень хорошо известная особенность, как ее «свободный» характер, «спонтанность». Далее, это и отсутствие жесткой необходимости получения результата, выраженная аморфность структурной организации («аструктурность»). Наконец, это и принципиальная возможность изменения условий и правил по ходу самой игры (а нередко и практически полно отсутствие или полна «изменяемость»), зачастую – вообще так сказать «контрфактичность» и т. д. Конечно, сказанное вовсе не означает так сказать «отсутствие регуляторов» у игровой деятельности вообще. Напротив, именно наличие «правил игры», ее условий и необходимости их подчинению – это очень специфический атрибут игры в целом. Речь идет о другом – о том, какой *характер* они носят и как они *соблюдаются* в осуществлении игры. Именно эти два обстоятельства и придают специфику как самой игровой деятельности, так и ее генезису, а также обуславливают ее общую – структурно-функциональную организацию; поясним сказанное.

Действительно, трудно не видеть достаточно очевидного обстоятельства, состоящего в следующем. Сама *суть* детской игры как раз и заключается в том, что любые – «внешние» предписания, регламентации, требования и пр., существуя, разумеется, объективно, очень часто (или даже – преимущественно),

соблюдаются далеко не в полной мере и видоизменяются по ходу самой игры. Кроме того, – и это еще более характерно и типично для детской игры, они (правила) по ходу игры могут не только видоизменяться, но и «выдумываться», то есть – создаваться новые правила. Все это, разумеется, накладывает очень существенные и очень специфические особенности не степень организованности – так сказать «регулярности» и инвариантности всех аспектов детской игры. Наиболее общим эффектом всего этого как раз и выступает неоднократно рассмотренные выше «аструктурность», «деорганизованность», аморфность и пр. детских игр. Соответственно, эти и другие ее особенности являются объективным и очень сильным фактором внесения «перманентных изменений» в процесс и в содержание игры, придавая ей черты «внутренней противоречивости», «асистемности». При этом, однако, следует дифференцировать два аспекта данного феномена.

Во-первых, он проявляется «просто» в недостаточной развитости структуры игровой деятельности, в ее так сказать «несовершенстве и несформированности», в ее *объективно* представленной «еще незрелости» – как одной из основных деятельностных форм активности. Разумеется, это само по себе выступает аналогичным, то есть также объективным фактором «внутренней противоречивости» игры как таковой, ее недостаточной организованности, хаотичности.

Однако, во-вторых, суть именно *детской* игры – в отличие от многих иных, более зрелых» и особенно так называемых «взрослых игр» – состоит в том, что ее процесс и условия, содержание и ход – вообще «всё в ней» вполне доступно изменению со стороны самого играющего (ребенок решает: «а пусть будет лучше так»). На «языке теории систем» это означает, что тем самым в игру вносятся перманентные изменения, порождающие ее дезорганизованность, поскольку они входят в *противоречие* с уже существующими – изначально принятыми правилами, требованиями и т. д. Более того, как известно, очень характерной чертой детских игр является именно «*придумывание* новых правил», «*изобретение* условий» – вообще так сказать «*конструирование* игровой реальности». К тому же, оно обычно и приветствуется

со стороны взрослых (если, конечно, они являются грамотными воспитателями), поскольку именно это в очень существенной степени стимулирует «детскую фантазию», то есть содействует развитию одного из базовых когнитивных процессов – воображения. Следовательно, наряду с отмеченной выше объективной противоречивостью, порожденной недостаточной еще степенью организованности детской игры, существуют и факторы *субъективного* плана, также приводящие к порождению «внутренней противоречивости», к перманентному внесению в игру противоречий и, следовательно, приданию ей черт дезорганизации – «хаотичности» (точнее – способствующие приданию «свободного характера»).

Все рассмотренные особенности, конечно, вполне осознаются исследователями, но рассматриваются при этом, все же, недостаточно глубоко. Они трактуются, в основном, как «*несовершенства*» детской игры. Вместе с тем, такая трактовка является, хотя в целом и правильной, но, по-видимому, все же несколько поверхностной и не вскрывает всей сути детских игр. На наш взгляд, у данной особенности существуют гораздо более глубокие причины и столь же значимые «последствия». Более того, они носят *принципиальный* характер, прежде всего, по отношению к формированию других – следующих за игровой типов деятельности (учебной и трудовой). Остановимся несколько более подробно на основных из них.

Так, прежде всего, выше уже неоднократно констатировалась так сказать «аструктурность», «асистемность» игровой деятельности, жесткость ее организации и подвижность ее архитектоники, лабильность, а нередко – и аморфность. Все эти особенности приводят к тому, что очень трудно, если вообще возможно, говорить о какой-либо психологической *системе* игровой деятельности (в отличие от полной правомерности конструкторов «психологическая *система* трудовой деятельности» и «психологическая *система* учебной деятельности»). Еще одним очень существенным фактором, не позволяющим говорить о существовании инвариантной психологической системы игровой деятельности, является также подробно рассмотренная выше резкая минимизация функция цели в качестве *системо-*

образующего фактора. Такая минимизация объективно сопряжена с одним из основных атрибутов игровой деятельности – с необязательностью получения какого-либо результата, а тем более, результата, носящего так сказать «продуктивный» характер. Ее результаты не носят характер предназначенных для «внешнего использования» и, соответственно, отнюдь не удовлетворяют каким-либо «жестким» критериям. Более того, игровая деятельность вообще во многом *определяется* именно этим обстоятельством. Все это в совокупности и придает детской игре «асистемность». О ней вообще очень затруднительно говорить как о «системе» и, следовательно, – трактовать ее генезис именно как системогенез (по крайней мере, в его классическом понимании). Однако при этом и возникает ключевой вопрос: является ли это только так сказать недостатком – «дефицитом», обусловленными еще недостаточной зрелости игровой формы организации деятельности? Или же в этом коренятся причины более глубокого порядка? На наш взгляд, можно предложить следующий вариант решения данного вопроса.

Как известно из системной методологии, своего рода «обратной стороной» и, в то же время, – объективным следствием недостаточной выраженности самой системной формы организации является то, что отдельные «составляющие» систем имеют относительно большую *автономность*, самостоятельность своего функционирования. Они характеризуются большей *функциональной автономностью* и предстают не столько как «части целого», сколько как *самостоятельные* и самодостаточные сущности, образования. В свою очередь, столь же общим и также известным из методологии системности положением является и то, что при этом условии отдельные «составляющие» в меньшей степени подвержены так называемой «системной ограниченности». Они в меньшей степени утрачивают потенциально присущие им возможности – степени свободы своего функционирования. Формируясь и развиваясь не как «части целого», то есть – в данном случае не как составляющие определенной целостности – деятельности, а как относительно *самостоятельные* и обладающей большой функциональной

автономией сущности, компоненты этой системы обретают и существенно бóльшие возможности для их развития *самих* по себе. Их формирование и развитие «не сковано» изначально какими-либо «шорами» и ограничениями, которые с необходимостью порождаются любой организацией, тем более – системной. В этом проявляется одна из наиболее общих закономерностей системной формы организации как таковой.

Данная – *общесистемная* закономерность находит свое *конкретное* воплощение и проявление в одной из основных механизмов генезиса деятельности. Он, в свою очередь, наиболее специфичен важнейшей и во многом определяющей психологической «составляющей» деятельности – процессам целеобразования в ней. Так, в параграфе 1.3.1. третьего тома было показано, что принципиальной особенностью данного процесса (равно как и самого «феномена цели») на тех фазах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является игра, выступает его неполная, недостаточная, а зачастую – и вообще примитивная степень сформированности. В результате этого она не может эффективно реализовывать свою важнейшую функцию – выступать в качестве системообразующего фактора. Однако, как это ни парадоксально, именно это обстоятельство является не «недостатком», не негативным фактором, а фактором, безусловно, позитивным и даже – объективно необходимым.

Действительно, именно принципиально недостаточный уровень сформированности процесса целеобразования приводит к тому, что отдельные компоненты, «составляющие» психики и деятельности получают относительно большую функциональную *автономию* своего развертывания. При наличии развитого процесса целеобразования и, соответственно, при наличии «жесткой» цели все компоненты системы, как известно, переводятся в режим взаимодействия в плане ее достижения. Известно также, что это, являясь существенным преимуществом самой системы, выступает вообще одним из главных механизмов системообразования. Однако при этом они утрачивают многие «степени свободы», многие потенциально присущие им стороны, потенции, проявления и становятся «заточенными» под конкрет-

ную цель. Тем самым, данное обстоятельство является и тормозом для развития и совершенствования отдельных компонентов, на основе которых и структурируется система. В результате возникает известный феномен «системной ограниченности». Понято, что данное обстоятельство – так сказать «системная блокада» развития отдельных компонентов психики и деятельности является особенно негативным именно на относительно ранних онтогенетических этапах развития, то есть тех на которых ведущим типом является игровая деятельность. И именно несформированность процесса целеобразования «оберегает» формирование психики и деятельности от данного негативного обстоятельства. Прежде чем, и «для того, чтобы» те или иные системы оказались наиболее эффективными, должны быть сформированы объективные – онтологически предпосылки – прежде всего, компоненты, которые и являются основой этих систем. Однако, для их формирования необходимы «режимы» их относительно свободного, автономного функционирования, открывающие наибольшие возможности именно для их развития.

При дальнейшем углублении анализа этой базовой особенности обнаруживается, что все рассмотренные закономерности сопряжены с наиболее принципиальным *противоречием* системной формы организации как таковой – с ее наиболее общей, то есть атрибутивной особенностью. Ее сущность заключается в следующем. В методологии системного подхода, наряду, естественно, с целым рядом ее позитивных сторон, сложилась и одна – не вполне позитивная традиция. Она приняла, к сожалению, характер определенного «штампа», «общего места» – само собой разумеющегося положения. Так, и в общем плане, связанном с трактовкой понятия системы, и в плане развертывания конкретных исследований обычно принято делать основной акцент на тех *преимуществах* – «положительных» сторонах и следствиях «конструктивного» характера, к которым приводит системная форма организации. Конечно, она имеет вполне естественные и обоснованные причины – «гносеологические корни». Она и вполне понятна «здравому смыслу», и «приятна исследователю», поскольку ориентирует его на раскрытие

механизмов порождения принципиально нового – на раскрытие интегративных, синергетических эффектов. Одновременно она и задает ориентиры для этого.

Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что «за все приходится платить» и что все имеет обратную сторону. Необходимо помнить, что выигрыш в одном аспекте сопряжен проигрышем в другом и, более того, как правило, именно за счет него и достигается. Это означает, что системная форма организации как, действительно, *в целом* существенно более эффективная, а также лежащий в ее основе принцип интегративности, не лишены и определенных негативных сторон. Напротив, эта форма и этот принцип также содержат в себе определенные слабости и ограничения. Именно они и являются той «платой», которая необходима для обретения системной формой ее позитивных сторон. Другими словами, возникает вопрос о том, какими атрибутивно присутствующими ей «негативными» сторонами – ограничениями и «слабостями» характеризуется сама системная форма организации как таковая? Данный вопрос логически ведет, далее, и к постановке еще одного, также значимого, причем, уже не только с теоретической точки зрения, но и в практическом отношении вопроса. Он связан с выявлением тех средств и механизмов, посредством которых возможна *компенсация* «негативных» сторон системности. На наш взгляд, в плане решения этих вопросов необходимо исходить из следующих основных положений.

Прежде всего, следует, конечно, обратить внимание на наиболее общее и, по существу, фундаментальное обстоятельство, обусловленное самой природой системной формы организации как таковой, то есть имеющей для нее атрибутивный характер. Более того, оно в известной мере является так сказать «первичным», поскольку многие иные важнейшие стороны системности так или иначе производны от него. Оно является типичным проявлением того случая, когда сам недостаток является «продолжением достоинства», его следствием, а одновременно – и своеобразной «платой» за него. Действительно, любая система реализуется, как известно, на определенном множестве компонентов и выступает, в конечном итоге, продуктом их закономерной организации

и интеграции. Системообразующим фактором такой интеграции является цель функционирования той или иной системы. Она, согласно термину П. К. Анохина, переводит отдельные компоненты в режим *взаимосодействия* в плане ее достижения [8, 9]. Это означает, что каждый компонент, будучи переведенный в такой режим и начиная функционировать «под цель» (в соответствии с теми требованиями, которые обусловлены именно ее достижением) начинает проявлять себя и вообще – функционировать в совершенно определенном аспекте, который специфичен именно требованиям достижению цели. Тем самым любой компонент, подвергающийся такой закономерной спецификации, обретает в составе системы свою качественную специфичность, обусловленную ее содержанием и целями.

Однако необходимо помнить, что «вне» ее, то есть «сам по себе» любой компонент обладает, как правило, значимо бóльшим объемом качественных характеристик, нежели это проявляется в составе системы и требуется для достижения ее цели. «Самость» компонентов – их *качественная определенность* обычно шире и богаче (причем, нередко, – очень существенно), нежели их *качественная специфичность*, обусловленная их включенностью в систему и требованиями ее цели. Обычно при этом принято опираться на тезис, согласно которому «включаясь в систему, компоненты, *наряду* со своей качественной определенностью, обретают еще и качественную специфичность». Вместе с тем, нельзя не видеть и того – более важного факта, что обретение компонентами качественной специфичности, то есть экспликация каких-либо их сторон, фактически, ингибирует его же проявления во многих иных аспектах – переводит их в латентное состояние, в имплицитную форму.

Другими словами, речь идет о том, что, «обретая нечто новое», компоненты и «теряют» также достаточно многое. Причем, это относится, разумеется, ко *всем* компонентам, интегрируемым в систему. Собственно говоря, за счет этого и достигается сама реализуемость цели – согласование компонентов, перевод их в «синергетический режим» функционирования. Он и позволяет системе как *интеграции* компонентов достичь ее цели. При

этом возникают хорошо известные синергетические эффекты, интегративные феномены, смысл которых как раз и заключается в «выходе за наличное», за пределы простой суммы компонентов. Это, собственно говоря, и проявляется в возникновении на уровне «целого» системных качеств. Однако всё это становится возможным лишь благодаря тому, что сами компоненты *утрачивают* существенную долю своих возможностей. Сама организация в целом и системность как одна из ее форм не только приводят к определенному обеднению компонентов, редукции их возможностей, но, фактически, во многом и достигается именно *за счет* этой редукции. Система не только эксплицирует новый, дополнительный потенциал *всей* совокупности компонентов, но и обуславливает редукцию возможностей *каждого* из компонентов. Любая сущность, не включенная в систему, то есть взятая в ее «самости», более богата и многомерна, чем она же, но включенная в систему и выступающая как ее компонент. Повторяем, именно за счет этого и достигаются те эффекты, которые, на первый взгляд, кажутся не вполне понятными. Это – эффекты и феномены супераддитивности, феномены «выхода за наличное», «эффекты системности», «синергетические эффекты и пр. Их общая сущность заключается в том, что у «системы есть то, чего нет у суммы ее компонентов». Именно на этой основе и возникают системные качества как таковые. Однако повторяем, трудно не видеть, что все это достигается за счет определенной «платы», цены – за счет возникновения эффектов *инфрааддитивности*. Они сопряжены с *утратой* компонентами многих своих потенциальных характеристик, с их переводом в имплицитную форму, трансформацией в латентное состояние. Причем, скорее всего, такие «потери» содержания, как минимум, сопоставимы с масштабом самих «эффектов системности», со степенью «синергетических эффектов» (а не исключено, и более выражены, чем они).

В связи с этим, можно, по-видимому, говорить о некотором общем правиле – так сказать о «законе организации». Согласно ему, возникновение у компонентов организованности в определенном аспекте не только приводит к ней, но и обуславливает невозможность их организации во многих иных аспектах. Супер-

аддивность «уравновешивается» инфрааддивностью, и наоборот. С этой точки зрения в значительной степени проявляется достаточно трудная теоретическая проблема, заключающаяся в том, почему и за счет чего в системе появляется нечто принципиально новое – ее системные качества? В чем заключены онтологические основания и вообще – «ресурсы» для этого? Эти ресурсы как раз и заключаются в том, что «возникновение нового» обусловлено «утратой уже существующего» – редукцией многих реальных и, тем более, потенциальных возможностей интегрируемых компонентов. Компоненты, вовлекаемые в интеграцию, одновременно утрачивают многие свои возможности; точнее, эти возможности переходят в латентное состояние, а сам факт включенности в систему, по существу, блокирует их экспликацию.

Итак, в данной связи можно дифференцировать два аспекта преимущественно негативного плана, атрибутивно связанных с системной формой организации как таковой. Первый заключается в том, что любая интеграция (как основной механизм системообразования) приводит к возникновению не только *новых* возможностей, но и к *редукции* многих иных – уже имеющихся возможностей, многих сторон содержания и функционирования каждого из интегрируемых компонентов. Второй аспект заключается в том, что компоненты, имея исходно достаточно большое количество «степеней свободы», подвергаясь интеграции, утрачивают многие из них. Это вытекает из необходимости их согласования – «работы на цель» и тем самым во многом утрачивают свои характеристики.

Данная – фундаментальная, на наш взгляд, закономерность имеет многочисленные эмпирические и феноменологические «индикаторы». Они многократно описаны и исследованы в различных направлениях психологических исследований, хотя, как правило, и зафиксированы при этом в иной терминологии. Так, например, в социальной психологии данная закономерность представлена как известный и очень общий феномен «замораживания потенциала» членов группы. Здесь основными компонентами выступает каждый член группы, а аналогом системной формы организации – сама группа (при условии,

конечно, достаточно высокого уровня ее развития). Групповое функционирование не только приводит к усилению возможностей, что отражено в феномене «социальной фасилитации» (эффекте Н. Триплета) (по [93]), но, как правило, имеет и обратную сторону. Это – феномен «социальной ингибиции» (эффект М. Рингельмана – по [96]), смыслом которого является снижение или даже блокада проявления индивидуального потенциала каждого члена группы.

Другая иллюстрация – это известнейший феномен (точнее, по-видимому, механизм), лежащий в основе динамической организации процесса мышления, установленный в общем плане гештальтпсихологами. На одном и том же множестве компонентов – на так сказать одной и той же «компонентной основе» знаний возможно, как известно, очень большое количество различных форм их структурной организации – как «хорошей», так и «плохой». Причем, сама эта организация (структура) определяется целью – искомым решением, способом ее достижения. «Плохая», то есть не адекватная цели – искомому решению как таковому структура не приводит к нему, а «хорошая» позволяет обеспечить его. Она и образует собой тот «гештальт», который является основой решения как такового. Сам же процесс мышления разворачивается как смена различных способов структурирования исходных компонентов – частных знаний, как процесс их перманентного переструктурирования. Он, соответственно, предстает как раскрытие в этих – меняющихся структурах компонентов знаний их *разных* сторон, разных содержательных характеристиках. И он продолжается до тех пор, пока их собственное – эксплицируемое таким образом содержание не станет достаточным для решения, не приведет к такому объему и качеству знаний, которые будут достаточными для решения.

Рассматривая данную проблему, нельзя, конечно, упрощать всю сложность реальной ситуации, имеющей место в действительности. Дело в том, что перевод компонентов в режим взаимодействия далеко не обязательно означает, что каждый из них начинает проявлять себя лишь в каком-либо *одном* аспекте. Таких аспектов может быть и больше. Речь идет о другом:

сколько бы их ни было, всё же это множество меньше того потенциально возможного, которое характеризуют компоненты «сами по себе», то есть в любом случае сам феномен редукции имеет место. Следует учитывать и то, что в самой системной форме также заложены определенные механизмы «учета» этой негативной особенности. Дело в том, что наиболее эффективные и совершенные системы организованы такими образом, чтобы минимизировать эффект редукции качественной определенности. В них предусмотрены определенные средства, специально направленные на обеспечение максимальной «свободы» своим компонентам и, следовательно, на минимизацию редукции «степеней их свободы». Так, в частности, одним из наиболее эффективных принципов построения систем управления организациями является, как известно, идеология *партиципативности* в целом и соответствующий ей стиль реализации управленческой деятельности. В конечном счете, его природа как раз и базируется на том, чтобы минимизировать «редукцию» степеней свободы (и вообще – свободу как таковую) отдельных участников совместной деятельности, сохранить, а по возможности, – и активизировать их собственный потенциал.

Далее, необходимо акцентировать внимание и на еще одной особенности системной формы организации, носящей, преимущественно, негативный характер и атрибутивной присущей ей¹⁹². Хорошо организованная и эффективная система, в основе которой лежит аналогичная, то есть развитая ее структура, характеризуется тем, что в ее рамках достигается высокая степень *гармонизированности* самих компонентов. Их «нестыковки», противоречия, а нередко – и противоположность между ними устраняются. Они «снимаются» в рамках «хорошей организации», составляющей суть системной формы организации как таковой (или, как минимум, существенно уменьшаются). Причем,

---

¹⁹² Следует подчеркнуть, что, используя здесь традиционные термины – «преимущества» и «недостатки», необходимо отдавать отчет в их условности. Будучи таковыми в одном отношении, они являются совсем иными в другом. Поэтому корректнее использовать термины «возможности» и «ограничения» как более нейтральные и безоценочные по своей сути.

здесь вновь приходится констатировать некоторое двуединство возникающих феноменов (точнее – механизмов). С одной стороны, хорошая – эффективная организация, гармонизирующая компоненты, объективно необходима для достижения цели системы. Она вообще является атрибутивно необходимым средством обеспечения этого. С другой стороны, *она же* и именно в силу *этого же*, во многом лишает саму систему моментов противоречивости, «выдавливает» из нее противоречия как таковые. Вместе с тем, хорошо известно, что именно последние (и, следовательно, имеющая место вследствие них мощная динамическая тенденция к их преодолению) являются основным фактором и главной движущей силой *развития* как такового, а следовательно, – качественного совершенствования и прогрессивной эволюции систем.

В результате этого, однако, складывается достаточно парадоксальная ситуация, при которой, чем выше степень организованности системы, тем меньше в ней представлены стимулы и средства ее дальнейшего прогрессивного развития. Конечно, и в этом плане реальная ситуация является более сложной. Дело в том, что в системной форме организации «учитывается» и эта особенность. Она, как уже отмечалось выше, заключается в том, что определенные классы систем и, в особенности, системы со «встроенным» метасистемным уровнем как раз и характеризуются предусмотренностью в них средств и механизмов внесения асистемности в сам процесс их функционирования. Действительно, как было показано выше, уже само по себе «встраивание» метасистемы в систему перманентно порождает элементы дезорганизации – асистемности. Оно нарушает ее «хорошую организацию», а тем самым выступает аналогичным, то есть также постоянным стимулом, обеспечивающим и ее динамику, и главное, – ее развитие. Однако, этот механизм присущ не всем классам систем, а лишь наиболее сложноорганизованным – прежде всего, повторяем, системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Для иных классов эта негативная особенность системной формы организации представлена в существенно более выраженной

форме¹⁹³. В них системность, обеспечивая максимальные условия для *функционирования*, минимизирует возможности их *развития*. Данный механизм также имеет свои многочисленные эмпирико-феноменологические «индикаторы», общий смысл которых заключается в том, что системы, достигая высокого уровня организации (и характеризуясь, как правило, достаточно долгим временем существования), начинают обретать выраженные элементы *стагнации*, косности, «незаинтересованности» в дальнейшем развитии и пр.

Наконец, негативные особенности системной формы организации проявляются и в их функциональном аспекте, что также зафиксировано в многочисленных эмпирико-феноменологических «индикаторах». Дело в том, что сама эта системность, то есть мера организованности может быть, как известно, очень разной. Системы формируются «под» цель и, соответственно, – под некоторое множество обусловленных ей функциональных задач и потому – под *определенное множество* наиболее характерных, типичных «режимов функционирования». Они тем самым складываются под сильной детерминацией принципиально *повторяющихся*, воспроизводящихся, а нередко и достаточно стереотипизированных условий – «приспосабливаются» к ним. В результате этого возникает своеобразный аналог явления *оперативности* – так сказать «системная оперативность». Однако, «обратной стороной» высокой степени приспособленности к чему-то *одному* является, как известно, снижение степени приспособляемости ко *многому другому*. «Платой» за эффективность функционирования является снижение адаптируемости. Кроме того, очень высокая степень организованности является не предпосылкой, а тормозом уже не только для развития, но и для эффективности функционирования (это – так называемая «заорганизованность»). Как известно, сама эффективность

---

¹⁹³ Так, в частности, по отношению к системам организационного типа в целом и управленческим системам, в частности, ее классической и наиболее демонстративной иллюстрацией является известный феномен бюрократизации, «заорганизованности», приводящей, наряду со многими иными негативными последствиями, также и к организационной стагнации.

связана с мерой организованности «законом оптимума», а не «законом максимума»¹⁹⁴. Вместе с тем, необходимо все же помнить, что именно тенденция к обретению возможно большей организованности – это атрибутивно присущая системной форме особенность, ее важнейшая черта. В связи с этим, можно констатировать определенную внутреннюю противоречивость самой системной формы организации: совершенствуя себя, системы одновременно и дезоптимизируют свое функционирование.

Из сформулированных выше приложений вытекает ряд следствий более конкретного, хотя также значимого плана. Во-первых, для *игровой* деятельности, в отличие от учебной и особенно – трудовой, формирование какого-либо совершенной и развитой системы ее психологического обеспечения не является объективно главной и первоочередной задачей. Это объясняется тем, что одним из ее атрибутов как раз и является «ненацеленность» на результат, отсутствие необходимости в получении некоторого «полезного продукта». Игра «не скована» необходимостью в нем, а следовательно – не столь выражена и необходимость в «хорошей организации», в придании именно системной формы ее организации. Одновременно, – «на фоне» этого – гораздо более значимым является формирование и развитие именно того, «из чего состоит» это обеспечение и что в дальнейшем обретет форму функциональных блоков психологической системы и учебной, и трудовой деятельности. Приоритетным является формирование того, что представлено на этапе игровой деятельности в форме рассмотренных выше интегральных процессов ее организации (пока, конечно, еще только в их относительно элементарном и неразвитом виде). Наиболее принципиальным при этом является следующее обстоятельство. Чем бóльшие

---

¹⁹⁴ Суть этих двух существенно разных «законов» (точнее, конечно, – закономерностей) заключается, как известно, в следующем. Согласно первой из них, чем больше значения какого-либо одного из двух взаимосвязанных параметров, тем больше и значения другого. Согласно второй, значения второго параметра являются максимальными не при аналогичном, то есть также максимальном значении первого, а при некоторых его средних – «промежуточных» значениях.

возможности будут предоставлены их *собственному* формированию и, соответственно, чем более богатыми по содержанию и совершенными по организации они окажутся уже на этапе доминирования игровой деятельности, тем большие предпосылки и возможности будут созданы и для последующего формирования на их основе уже *собственно системных* образований (психологической системы учебной деятельности и психологической системы трудовой деятельности). Несколько «заостряя» данное положение, можно сказать и так: чем более «асистемный» характер будет носить формирование игровой деятельности и чем большая функциональная автономия предоставляется тому, «из чего она состоит» (отдельным регулятивным процессам и образованиям), тем более эффективными и совершенными окажутся впоследствии тем «истинные» системы, которые и будут образованы посредством их интеграции. Причем, речь идет не о каких-либо «абстрактных составляющих», а о вполне конкретных процессуальных образованиях – об интегральных процессах психической регуляции деятельности и поведения. Они и их формирование не должно «связываться» какой-либо одной системой; оно не должно подвергаться «системной ограниченности», а напротив, им должна быть предоставлена «свобода» – обеспечена функциональная автономность их формирования. И лишь в этом случае они окажутся сформированными и в более богатом психологическом содержанием виде, и в более совершенной организации. Можно сказать и так: «судьба» любой системы – в плане ее возникновения, формирования и развития – быть вначале не только «не-системой», но даже «анти-системой». Соответственно и «судьба» системогенеза – быть вначале своим «антиподом» – так сказать «антисистемогенезом». Он «подготавливает» собой «истинный» системогенез; выступает при этом и как *суб*системогенез.

Кстати говоря, эта глубинная закономерность имеет феноменологически очень явные и в целом – достаточно несложные проявления, эксплицируясь, в частности, в известном «феномене правил детской игры». Он, впрочем, уже сам по себе носит достаточно противоречивый – двойственный характер и состоит

в следующем. С одной стороны, известно, что само по себе «следование правилам» переживается ребенком в эмоционально позитивном тоне, является и эмоционально привлекательным, и даже выступает как своего рода квазипотребность. С другой стороны, это справедливо в отношении далеко не всех правил, а лишь тех, которые ребенок понимает и принимает как «свои» и уже тем более тем, которые он «сам придумал». Понятно, что в результате следования не всем правилам, а лишь их части, а также в результате «придумывания» все новых правил обеспечивается базовый атрибут игры – ее «свободный» характер и, следовательно, обеспечение достаточно высокой функциональной автономии ее отдельных «составляющих» – в частности, регулятивных процессов. Отсюда следует, что системность не ранних стадиях ее становления – это, как ни парадоксально звучит, «асистемность», поскольку лишь благодаря этому могут быть сформированы в действительно развитом виде те «составляющие», которые в дальнейшем и обеспечат полноценный состав и эффективность организации собственно системной формы. Причем, данный вывод носит не «абстрактный» характер (хотя он и является достаточно общим), а вытекает из совершенно конкретной закономерности и, более того, – атрибутивной особенности игровой деятельности. На этой стадии формируется не столько система, сколько *условия* для нее; складывается не *система*, а *системность*, хотя, пока лишь в форме тех необходимых для нее «составляющих», которые затем и будут интегрированы в нее.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что именно это является очень целесообразным и в плане общего развития психики в целом и деятельности, в частности. Действительно, несопоставимо более важным является не формирование той или иной – «завершенной и законченной» психологической системы игровой деятельности (тем более – по отношению к обеспечению какой-либо конкретной игры), а формирование тех процессуально-психологических образований, которые ее обеспечивают – интегральных процессов ее психической регуляции. Именно они в дальнейшем составят онтологическую основу для формирования более совершенных и важных структур и систем психической регуляции.

Наконец, отсюда следует, что именно исходная «дезорганизованность» – это *необходимое* средство для последующей *организации*. Достаточно выраженная степень первой на известных этапах генезиса систем является важным условием для формирования второй в действительно полноценном и эффективном виде. И именно в этом заключается истинный смысл видимой «неорганизованности», «хаотичности» и противоречивости детской игры, принимаемой, повторяем, нередко просто за ее «несовершенство», неразвитость.

Продолжая анализ специфических особенностей генезиса игровой деятельности, обусловленных ее метасистемной природой, необходимо, далее, обратиться к еще одной – также важной ее особенности. При этом с самых первых шагов ее рассмотрения необходимо подчеркнуть то же самое – принципиальное обстоятельство, которое было констатировано для предыдущей особенности. Во-первых, она также является не только прямым следствием и воплощением одной из наиболее общих закономерностей метасистемогенеза как такового (рассмотренной в параграфе 2.3.2. второго тома), но и выражена по отношению к игровой деятельности с очень высокой степенью очевидности. Во-вторых, она одновременно столь же характерна и специфична самой игровой деятельности – ее базовым атрибутам, ее психологической природе, имея при этом целый ряд эмпирических референтов. Вначале напомним суть данной закономерности в общем виде, а затем раскроем, как конкретно она получает воплощение в генезисе игровой деятельности.

Действительно, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем можно констатировать следующую особенность их генезиса, которая является также не просто очень специфической, но и, по существу, уникальной. По ходу всего предшествующего изложения мы постоянно подчеркивали, что «встроенность» метасистемного уровня в содержание и структуру какой-либо системы не означает, конечно, *онтологической* представленности метасистемы в ней. Речь идет лишь о том, что метасистема определенным образом, в определенной форме – *функционально* получает в системе свою *репрезентацию*,

отображение. Эти репрезентации множественны и разнотипны; они являются образными и концептуальными, модальными и амодальными. Однако всем им присуще общее, родовое свойство – свойство *идеальности*. Иначе говоря, процесс генезиса метасистемного уровня возможен только при условии и на основе *радикальной трансформации* исходных компонентов – их превращения из материальной формы в идеальную. Более того, можно видеть, что такого рода трансформации – это вообще *наиболее* радикальная трансформация из всех, которые в принципе возможны. Благодаря ней, генезис метасистемного уровня реализуется не как процесс структурного или морфологического развития, а как специфически *информационный процесс*. Таким образом, еще одна специфическая особенность генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем состоит в том, что в результате этого генезиса исходные компоненты – его «строительный материал» подвергаются наибольшей из всех возможных и по существу – *предельной*, полной трансформации. Они меняют форму своего существования, переходя из материального модуса в идеальный. Ни один иной тип генезиса не предполагает столь радикальной трансформации тех компонентов, тех «носителей», на базе которых он разворачивается.

Вместе с тем, сколь бы радикальными ни были указанные трансформации, имеющие место в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем, только ими он все же не исчерпывается. Дело в том, что представленные исходно и первично в виде компонентов объективной реальности («внешнего мира»), *они же*, но, принимая идеальную форму, становятся компонентами метасистемного уровня, компонентами субъективной реальности (знаниями, репрезентациями, «моделями, «единицами» опыта и мн. др.). Наиболее существенно то, что они не просто подвергаются указанной трансформации и становятся идеальными образованиями. Необходимо учитывать также, что, становясь ими, они одновременно составляют содержание – «материал» вполне определенного *структурного уровня* в общей организации системы – психики. Тем самым знания, репрезентации, «модели», вообще – все идеальное, информационное содержание

обретает статус *структурного* компонента системы – ее уровня. И в качестве такового – в качестве структурного уровня (причем, высшего, то есть метасистемного) *содержание* обретает принципиально новую способность – оно оказывается *в состоянии управлять структурой*; идеальное оказывается в состоянии влиять на сами механизмы психики, регулировать их.

Данный аспект анализа имеет, по-видимому, и более общее значение, поскольку он достаточно непосредственно связан с очень общей, фундаментальной и, по существу, общенаучной проблемой, обозначаемой как *психофизиологическая проблема*. Обычно данная проблема формулируется как проблема трансформации материального в идеальное, «внешнего» во «внутреннее», «непсихического» в психическое. Тайна «психофизиологического сечения» все еще существует и пока не ясно, как она может быть разгадана. Вместе с тем, нельзя не видеть и другой стороны данной проблемы¹⁹⁵. Она состоит в том, чтобы выяснить, каким образом осуществляется «*обратный* переход» – переход идеального в материальное? Этот переход объективно необходим, поскольку без него невозможна регуляция идеальными образованиями вполне материального объекта – организма и в частности, его моторики, поведения и деятельности в целом. Как и где, когда и за счет каких средств идеальное вновь «материализуется» и в этом – материализованном виде осуществляет свои эффекторные функции, в том числе «моторную», поведенческую и деятельностьную регуляцию?

В свете сформулированных представлений о принадлежности психики к системам со «встроенным» метасистемным уровнем данная проблема получает новый импульс к решению. Предпосылки для «обратного перехода», то есть для трансформации идеального в материальное возникают тогда, когда само идеальное (знания, репрезентации и т. д.) обретают структурный статус – *статус структурного уровня* и соответствующий ему потенциал. Это происходит тогда, когда «содержание становится структурой», когда знания (как идеальное) становится регулятив-

---

¹⁹⁵ О чем, правда, – лишь в плане постановки данной проблемы, в свое время писал В. Н. Дружинин [62].

ным механизмом. Именно это и происходит, благодаря «встроенности» метасистемного уровня в общую структурно-уровневую организацию психики.

Констатируя наличие и, действительно, очень общий характер данной закономерности, трудно не видеть того обстоятельства, согласно которому именно она как раз и является чрезвычайно характерной для игровой деятельности. Она выступает, по существу, одной из атрибутивных характеристик этой деятельности и вообще – во многом репрезентирует саму ее суть, а также функциональное предназначение. Действительно, не только хорошо известно, но и является одной из «аксиом» психологии детской игры следующее положение: ее основное функциональное предназначение как раз и заключается в том, что она является главной формой (способом и механизмом, средством и «каналом») освоения социального опыта. Однако совершенно понятно, что такое освоение – именно как освоение, то есть «присвоение» как обретение, точнее «приобретение» чего-либо уже *существующего* не только не должно, но и объективно не может носить исключительно, так сказать, «продуктивного» характера. Освоение не может осуществляться по типу формирования чего-либо *нового*. Вместе с тем, вольно или невольно, гласно или нет, но традиционно понятие генезиса в целом и системогенеза, в частности, трактуется, прежде всего, именно как генеративно-порождающий, то есть именно *продуктивный* процесс. Пора, на наш взгляд, предельно четко осознать, что суть и смысл генезиса психики в целом, деятельности, в частности и игровой деятельности, в особенности, состоит в том, что он не только не может, но и не должен носить исключительно продуктивного, генеративно-порождающего характера. Как раз напротив, если последовательно придерживаться известного (и правильного) принципа социальной обусловленности, социальной детерминации психики (и деятельности), то во главу угла должна быть поставлена именно его *репродуктивная* природа. Она заключается в направленности на освоение, присвоение, «встраивание» в содержание и структурную организацию психики *уже* существующих – уже социально выработанных знаний, представлений, способов действий и мн. др.

В данной связи, однако, необходимо привлечь одно из сформулированных нами в главе 2 второго тома положений. Оно состоит в том, что все системы могут быть дифференцированы на две – существенно разные категории. Первая включает те системы, которые в своем развитии реализуют, в основном, заложенный в них *самых* – так сказать «аутохтонный» потенциал. Так, в частности, по отношению к живым организмам такой тип генезиса характеризует, по существу, всех животных на стадии «до-человеческой» психики. Действительно, их генезис в целом и генезис психической регуляции их поведения носят практически исключительно характер накопления *индивидуального* опыта. На этом уровне организации, фактически, не предоставлен «наиндивидуальный» опыт и, соответственно, – возможность (и необходимость) его транспонирования от одних поколений к другим. Соответственно, очень ограниченным оказывается и тот диапазон, в котором осуществляется развитие каждого отдельного организма. Их системогенез носит именно *продуктивный* характер.

Вторая категория систем образована такими из них, которые могут в целях своего формирования и развития активно *использовать* содержание и структуру, закономерности и принципы организации *иных* систем (носящих обычно более общих и, следовательно, более «мощный» по отношению к ним характер). Они обретают новые и, по существу, уникальные по своим «эволюционным преимуществам» возможности по отношению к системам первой категории. Это – способность так сказать «эксплуатировать» другие системы в целях своего же собственного развития. Более того, как показано в параграфе 2.3.2. второго тома, такое «использование» может в максимально совершенном и развитом виде обретать характер функционального включения – «встраивания» этих «иных» систем (то есть, по существу, метасистем) в содержание самих формирующихся систем. Переводя данную общую закономерность «на язык» психологии и конкретизируя ее по отношению к процессу формирования психики в целом и деятельности, в частности, трудно не видеть, что она, фактически, эквивалентна возникновению в этом формировании «наиндивидуального» опыта. Суть и специфика генезиса психики и деятель-

ности, в частности, как раз и состоит в том, что он во многом просто тождественен транспонированию «наиндивидуального» опыта в индивидуальный опыт. Однако тем самым со всей очевидностью раскрывается, что данный тип генезиса никак не может быть проинтерпретирован как собственно продуктивный процесс. Как раз напротив, он атрибутивно *репродуктивен* и только при этом условии могут быть обеспечены, действительно, беспрецедентные возможности генезиса психики и деятельности, которые являются неоспоримым эмпирическим фактом.

Наряду с этим, следует особо подчеркнуть, что именно эта – общая закономерность имеет очевидные эмпирически референты в детской игре, а игровой форме активности в целом. Среди всего их многообразия можно выделить два достаточно репрезентативных и показательных феномена – один более общий, а другой более частный. Так, суть первого из них состоит в том хорошо известном факте, согласно которому очень часто (или даже – в подавляющем большинстве случаев) игра – это обязательно «игра во что-то» или «в кого-то». Тем самым, она, фактически, *воссоздает* – дублирует то, что *уже есть* в реальности и что *субъективно* (и, добавим, *объективно*) должно быть транспонировано, то есть «перенесено во внутренний план»¹⁹⁶. Следовательно, игра и является тем «каналом» – тем средством и той формой посредством которого «наиндивидуальный» опыт трансформируется в индивидуальный.

Этот – в общем-то, очевидный и даже тривиальный факт позволяет, однако, вскрыть существенно менее очевидное обстоятельство. Генезис детской игры, проинтерпретированный с позиций понятия системогенеза, существенно отличается от его канонического – «классического» вида. Он носит не столько продуктивный, сколько *репродуктивный* характер (причем, не только «носит», но и *должен* носить). Констатируя это, необходимо, конечно, сделать следующее пояснение. Фиксация репродуктивного характера генезиса игровой деятельности вовсе не означа-

---

¹⁹⁶ В этом плане уместно вновь вспомнить известное выражение С. Л. Рубинштейна «Игра – дитя труда» [202].

ет, что он является таковым *в целом*. Речь идет лишь об одном, хотя и очень важном, его аспекте – процессе освоения «социального опыта», а также о его *направленности*, о его так сказать «целевом назначении». Многие иные аспекты генезиса – прежде всего, связанные с формированием и развитием *онтологических* основ – психофизиологических и биологических средств и механизмов обеспечения психики и деятельности, разумеется, носят принципиально иной – продуктивный характер. Более того, продуктивный характер имеет и формирование большинства собственно психических структур и образований. Тем самым, наиболее корректно было бы говорить о том, что в процессе формирования и развития детской игры синтезированы, взаимпереплетены и вступают в синергетические отношения друг с другом две генетические линии, две тенденции – продуктивная и репродуктивная. Системогенез игровой деятельности представляет собой интегративный эффект взаимодействия этих линий. Он *одновременно* и продуктивен, и репродуктивен; в этом заключается одна из его специфических особенностей, а не исключено – и его основной атрибут.

Второй – также широко известный феномен обозначается понятием «гиперподражания»¹⁹⁷. На наш взгляд, данный феномен, наряду с его традиционной трактовкой, имеет две дополнительные и очень существенные грани. С одной стороны, он в *предельно* явной форме эксплицирует рассмотренный выше – именно репродуктивный тип генезиса, характерный для игровой деятельности (и, добавим, для «раннего когнитивного развития» в целом). Пожалуй, нигде более столь явно не выражена «репродуктивность как таковая» – выражаясь метафорически «бездумное» и «безоговорочное» освоение. Это – освоение без осмысления, даже без попытки обнаружения сути осваиваемого. Причем, на первый взгляд, может сложиться впечатление «глупости» данного феномена (что было рассмотрено в параграфе 1.3.1. второго тома). Однако, это, разумеется, совершенно не так, а сам он отнюдь «не так глуп». Дело в том, что «параллельно» с освоением

---

¹⁹⁷ Он частично уже был рассмотрен в разделе 1.1.3. второго тома.

каких-либо действий, способов поведения в тех или иных ситуациях и, соответственно, фиксацией знаний о том, «как надо действовать» автоматически и объективно происходит аккумуляция очень больших объемов знаний, опыта, «кристаллизованных» в них. Эти знания и этот опыт представлены имплицитно, они «скрыты» в способах действий, а тем самым – осваиваются и усваиваются автоматически – не как самостоятельная задача (которую на ранних онтогенетических этапах нельзя не только решить, но и просто – понять), а как средство реализации действий, как следствие освоения способов его реализации.

Данный феномен является, по-видимому, *частным* случаем *общей* закономерности, согласно которой освоение очень существенной части всего «социального опыта», формирование способов взаимодействия с реальностью, а тем самым – и знаний о ней осуществляется несколько иначе, чем это традиционно принято считать. Субъективная репрезентация «социального опыта», освоение знаний как таковых осуществляется отнюдь не по принципу интернализации знаний *декларативного* типа (то есть знаний по типу «что?»), а по принципу интернализации знаний *процедурального* типа (то есть знаний по типу «как?»). И лишь затем – по мере и на основе обобщения «первично процедуральных» знаний происходит их обобщение – «экстрагирование» из них собственно содержательных компонентов и становление «декларативных знаний». Такой принцип не только более прост, но и более «выгоден» с прагматической точки зрения, поскольку он *изначально* обеспечивает именно практический эффект, что крайне важно с прагматической, чисто адаптационной точки зрения. Подчеркнем при этом, что данный принцип имеет атрибутивно действенную и деятельностьную природу, поскольку той «онтологической базой», которая его обеспечивает, является именно поведенческая, а затем – и деятельностьная активность. Однако понятно, что первичной ее формой как раз и является игра, игровая деятельность. Тем самым и общий – репродуктивный характер генезиса психики и личности в целом обеспечивается атрибутивными характеристиками самой игры, игровой деятельности, а она, в свою очередь, и является комплексным

средством обеспечения принципа репродуктивности. В еще более общем плане необходимо подчеркнуть, что лишь благодаря данному принципу психика человека «как система» эксплицирует свою принадлежность к системам второй из отмеченных выше категорий.

Наконец, в плане общей характеристики особенностей генезиса игровой деятельности, эксплицируемых с позиций ее принадлежности к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем, необходимо остановиться и на еще одной закономерности. В плане ее общей характеристики показательно уже то, что она не только непосредственно связана с предыдущей – также общей закономерностью, но и является, фактически, ее развитием, а в определенной мере – и своеобразным механизмом, средством ее обеспечения. Действительно, как показано выше, одной из атрибутивных черт генезиса игровой деятельности, в частности, и психики в целом является его принципиально репродуктивный характер (точнее – синтезированность в едином генетическом процессе продуктивного и репродуктивного «начал»). Такой тип генезиса носит именно принципиальный характер, что означает, в частности, следующее. Чем более полно будет реализован именно репродуктивный тип в генезисе, то есть чем более полно «внешние» средства транспонируются в средства «внутреннего» плана, тем совершеннее окажется и итог генезиса. Тем большей организованностью будет характеризоваться и психика в целом и деятельность, в частности.

Однако здесь-то и возникают два принципиальных вопроса, две – казалось бы, «непреодолимые трудности» реализации данной фундаментальной особенности системогенеза. Во-первых, обнаруживается острое противоречие между принципиальными и достаточно выраженными – объемными *ограничениями* психики (тем более – детской), ее явно ограниченной так сказать «информационной емкостью». Причем, масштаб этих ограничений таков, что он, фактически, делает *несопоставимыми* количественные характеристики «внешней» информации – знаний о мире и его «внутренней» репрезентации. Во-вторых, возникает

вопрос, связанный и с тем, как конкретно осуществляется такое транспонирование – *репродуцирование*, поскольку оно явно не может носить так сказать «прямого», то есть субстанционального – «материализованного» характера. Оно может быть лишь *функциональным*, что, однако, ставит еще один вопрос – о механизмах самой функциональности, о конкретных средствах, обеспечивающих ее. Вместе с тем, несмотря на, действительно, принципиальный характер этих вопросов, они получают свое достаточно естественное решение с позиций рассмотренного в разделе принципа метасистемности. Благодаря именно ему, генезис метасистемного уровня реализуется не как процесс структурного или морфологического развития, а как специфически *информационный процесс*. В результате этого исходные компоненты генезиса – его «строительный материал» подвергаются наибольшей из всех возможных и по существу – *предельной*, полной трансформации. Они меняют форму своего существования, переходя из материального модуса в идеальный. В связи с этим, следует вновь сформулировать заключения, к которому ранее уже приводил генетический анализ: ни один иной тип генезиса не предполагает столь радикальной трансформации тех компонентов, тех «носителей», на базе которых он разворачивается.

Среди всего комплекса представленных выше результатов, раскрывающих информационный характер генезиса психики в целом и ее процессуального обеспечения, в частности, особо следует выделить еще две его черты. Первая связана с тем, что уже *исходно* освоение социального опыта, как показано выше, носит именно *действенный* характер поскольку оно осуществляется «в» игровой *деятельности* и «для» нее. Сами знания не являются поэтому *исходно декларативными*, а выступают именно как *процедуральные*; они вообще изначально «неотрывны» от действий, от активности ребенка. Это – не просто «знания в действии» или даже «знания для действия», на что нередко указывается в литературе, а «знания *как* действия». Они уже *исходно* несут в себе «потенциал действия», обладают «действенностью» – причем, не только в содержательном, но даже

и в этимологическом смысле. Однако именно это обуславливает у них еще одну не менее важную особенность, состоящую в следующем.

Как известно, одним из основных положений психологической теории мотивации – одной из ее своеобразных «аксиом» является тезис о существовании так называемой «познавательной потребности», о «познавательном интересе» как базовом – фактически, о наличии у знаний как таковых определенной «положительной валентности». Причем, подчеркнем, что она носит именно базовый – первичный, то есть, по существу, *врожденный* характер. Вместе с тем, при углубленном анализе данного тезиса (а не только при его простом «привлечении» и достаточно поверхностном использовании) возникает ряд достаточно трудных вопросов. В чем *причины* и механизмы обеспечения этой потребности – именно как потребности, носящей первичный, базовый характер? Естественно, что в наиболее *общем* виде на этот вопрос можно дать ответ, суть которого состоит в апелляции к тому, что организм как *открытая* система в целом и психика как его важнейшая «составляющая» *должны* обладать некоторой *атрибутивной* характеристикой, обеспечивающей эту «открытость». Он должен обладать исходно присущей тенденцией к возможно более полному информационному взаимодействию с «внешней средой». Однако, – это очень общее и не вполне конкретное, хотя в принципе и правильное положение. В силу этого, оно должно быть (и, добавим, – может быть) конкретизировано – причем, что характерно, именно на основе учета специфических особенностей детской игры.

Действительно, почему о «потребности в информации», о «познавательной потребности» можно говорить именно как о *потребности*, то есть образовании, обладающим *динамическим* потенциалом, *побудительной* силой? Почему ребенок *хочет* получать нечто «новое», любит это делать и получает от этого удовольствие и удовлетворение? В данном контексте необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство, точнее – определенное противоречие. Дело в том, что любая – именно *врожденная*, то есть так называемая организмическая потребность носит

по необходимости *биологический* характер, является биологически детерминированной. Однако в этом случае она никак не может распространяться на такой специфически *социальный* феномен, каковым выступают знания – в их исходном смысле. Однако в таком случае и возникает вопрос – как же это все же возможно? Почему «потребность в знаниях», в информации является базовой и исходной? Ответ на данный вопрос, впрочем, достаточно несложен и вполне естественен. Дело в том, что, как показано выше, «осваиваемые» в игре знания атрибутивно вплетены в нее, фактически, неотрывны от нее и, следовательно, «окрашены» всеми ее характеристиками, в том числе и *прежде всего* исходно позитивным эмоциональным тоном. Они, равно как и процесс их приобретения поэтому столь же «потребностны», сколь «потребностна» и сама игра, поскольку она имеет атрибутивно позитивную эмоциональную окраску. И эта – *исходно* заложенная в освоении знаний «потребностность» является «генетическим корнем» того, что в дальнейшем составит (а соответственно, – и обозначается) как «познавательный интерес». Именно «игровая природа» знаний, точнее – их формирования и выступает генетической первопричиной феноменологически эксплицированной «потребности в знаниях», так характерной уже для ранних онтогенетических стадий.

Кстати говоря, постепенная и все более явная редукция игровой формы освоения знаний (равно как игровой формы активности в целом), которая происходит впоследствии – особенно в учебной деятельности, является основной причиной так называемой «утраты познавательного интереса», познавательной потребности как таковой. И наоборот, организация обучения в целом и построения его дидактических основ, в частности, по типу установления и подчеркивания его связи с игровой формой активности (например, посредством дидактических игр) препятствует этому. Такая организация является действенным средством поддержания познавательной потребности и, следовательно, оптимизации всего обучения.

Наконец, в заключение анализа метасистемогенетического типа развития в целом и его спецификации по отношению к формированию игровой деятельности, в частности, необходимо

подчеркнуть следующее. Как было показано выше, возникновение, формирование и развитие систем без «встроенного» метасистемного уровня – это, действительно, процесс системогенеза. Он, протекая по определенным – системогенетическим принципам, имеет свое специфическое содержание, свою закономерную этапность и др. В конечном итоге, он приводит к развитию зрелой системы (в частности, психики), которая функционирует по атрибутивно присущим ей закономерностям – также системным по своей природе. Эти собственно системные закономерности структурной и функциональной организации становятся ведущими, а психика в целом и ее основные подсистемы базируются на них как на своих главных механизмах.

Вместе с тем, возникновение метасистемного уровня создает условия для того, чтобы стала возможной объективация психики для самой себя – в качестве некоторого оппозиционированного, «условно внешнеположенного» объекта. Психика становится в состоянии отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на систему – психику; оказывается возможным своеобразный «выход» за ее собственные пределы. Зрелая, сформированная психика – благодаря именно сформированности метасистемного уровня, не только базируется на системных закономерностях, но и активно использует их в отношении себя как *операционные средства*. «Управлять собой» и регулировать себя (то есть – саморегулировать) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как *средства* саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем это не просто системогенез в его «классическом» понимании – как развитие системы. Он обязательно предполагает не только *формирование системы*, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные зако-

номерности в качестве операционных средств саморегуляции, то есть *развитие системности как механизма* этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения более адекватным, на наш взгляд, является не понятие системогенеза, а понятие *метасистемогенеза*. В своем «широком» значении данное понятие фиксирует общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В его основе лежит формирование и развитие целостной иерархии пяти базовых макроуровней, в том числе и, прежде всего, – метасистемного уровня их организации. В своем более конкретном – «узком» и производном от первого значения данное понятие фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковое, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции – *развитие системности как механизма* этой регуляции. Именно данное понятие и, соответственно, данный тип генезиса позволяют поставить и в определенной мере решить ряд достаточно значимых в теоретическом отношении вопросов, раскрыть новые грани и закономерности развития систем – в частности те, которые были охарактеризованы выше.

Далее, все представленные материалы, раскрывающие специфику метасистемогенетического типа развития в целом, а также само это понятие, в особенности, позволяют сформулировать и еще одно положение, носящее, правда, пока характер *предположения*. Действительно, в свете этих материалов становится очевидным, что по отношению к определенному качественно специфическому *классу* систем со «встроенным» метасистемным уровнем имеет место столь же качественно специфический, фактически, особый и «несводимый» к классическим представлениям, то есть новый *тип* системогенеза – *метасистемогенез*. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Традиционно сложившееся и используемое в настоящее время понятие системогенеза соотносится, в основ-

ном, с «классическими» типами систем, то есть с системами без «встроенного» метасистемного уровня. Вместе с тем, обнаружение и доказательство существования *нового класса* систем – систем со «встроенным» метасистемным уровнем объективно требует дифференциации и *нового типа* самого системогенеза – метасистемогенеза. Однако было бы, по всей вероятности, совершенно неоправданным и преждевременным полагать, что дальнейшее развитие методологии системности не приведет к установлению еще каких-либо – также качественно новых типов системных образований. Соответственно, не только не исключено, но напротив, весьма вероятно и обнаружение качественно новых типов самого системогенеза.

В связи с этим, можно допустить также, что сам системогенез как специфический тип развития имеет два основных плана – два «слоя», уровня. Первый из них образован наиболее *общими* принципами и закономерностями, характеризующими развитие системной формы организации как таковой – безотносительно к различиям ее основных классов. Это – базовый уровень системогенеза. Второй уровень образован теми принципами и закономерностями, которые являются *специфическими* по отношению к тому или иному основному классу систем. Так, например, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем ими выступают основные закономерности и принципы, составляющие содержание понятия метасистемогенеза. Но это же означает, что само понятие метасистемогенеза имеет еще более общее и широкое методологическое значение. Дело в том, что оно, фиксируя качественно особый тип общего системогенетического развития, одновременно создает и своего рода *прецедент*, вскрывающий тот важный факт, что само понятие системогенеза отнюдь не является «унитарным» и единственным для объяснения всего многообразия типов развития систем. По-видимому, существует целое множество типов системогенеза – множество столь же гетерогенное, сколь гетерогенен и сам «мир систем».

Наконец, в свете сказанного можно предложить и вариант решения достаточно острой в теоретическом отношении проблемы, к постановке которой, как было показано выше, при-

вела в настоящее время логика развития системного подхода. Это – проблема *достаточности* уже эксплицированных принципов системогенеза для раскрытия всей полноты их реального множества, а также связанная с ней проблема нахождения *критерия* определения такой достаточности и полноты. По нашему мнению, их решению могут содействовать два следующих вывода, базирующихся на результатах проведенного выше анализа.

Во-первых, он показал, что те принципы системогенеза, который описаны к настоящему времени, по-видимому, недостаточны для раскрытия всего их реального множества. Дело в том, что все они соотносятся лишь с первым из двух констатированных выше уровней, «пластов» самого системогенеза – базовым. Однако, поскольку существует и второй уровень, образованный новыми и специфическими по отношению к тому или иному классу систем принципами, то совокупность последних также должна входить в общее множество системогенетических принципов. Вместе с тем, они, в основном, остаются пока не раскрытым и не изученными. Исключение в этом плане составляет ряд принципов метасистемогенеза, установленных нами и охарактеризованных, в частности, в параграфе 2.3.2., а также в работах [114, 118].

Во-вторых, существует и еще одна веская причина, не позволяющая считать совокупность уже известных принципов системогенеза полной и завершенной. В свою очередь, она имеет две важные предпосылки. С одной стороны, вся история развития концепции системогенеза, большое количество полученного в ней материала, убедительно свидетельствует о фундаментальном и неоспоримом факте – факте явной согласованности, координированности, организованности и вообще – синхронизированности действия всех базовых принципов. У этой важнейшей закономерности (а скорее – даже метазаконмерности) объективно должны существовать какие-либо веские и глубокие детерминанты. Другими словами, по-видимому, должны существовать какие-либо средства и механизмы *общего* плана – то есть именно *принципы*, обеспечивающие само это согласование, организацию, координацию. Но это означает, что совокупное развертывание принципов также должно «чем-то орга-

низовываться»; что должны существовать своего рода принципы «второго порядка», управляющие развертыванием совокупности уже известных принципов – своего рода *метапринципы*. С другой стороны, приходится констатировать, что та совокупность принципов системогенеза, которая определена к настоящему времени, по каким-то – причем, не вполне ясным и объяснимым причинам не учитывает и не эксплицирует в себе *важнейшую* характеристику практически всех систем как таковых – *иерархичность* их организации, их структурно-уровневое строение в целом. Ни один из существующих принципов не направлен прямо и непосредственно (специально) на раскрытие закономерностей становления и развития иерархичности как «стержня» системных образований как таковых.

Предпринимая попытку компенсации этих «концептуальных пробелов», в параграфе 1.2. первого тома мы предложили дополнить совокупность известных системогенетических принципов еще тремя принципами. Они непосредственно соотносятся, с одной стороны, с констатированной выше – объективной необходимостью согласования и координации всех иных принципов, а с другой, – с необходимостью учета тех закономерностей, которые обусловлены иерархической организацией систем. Эти принципы были обозначены, соответственно, как принципы *конкордантности*, *иерархизации* и *гетерархизации*.

Таким образом, в заключение проведенного выше анализа можно сделать следующий основной вывод. По отношению к генезису систем со «встроенным» метасистемным уровнем традиционно описанные системогенетические закономерности в целом сохраняются и должны быть учтены при их исследовании. Вместе с тем, их учет, хотя, безусловно, необходим, но еще недостаточен для полного и адекватного понимания сути генезиса этих систем. Наряду с ними, возникают новые – качественно специфические *закономерности* развития, трансформируются *принципы* системогенеза, меняется сам *тип* их генезиса. Все это требует понимания развития такого рода систем уже не как системогенеза, а как *метасистемогенеза*.

3.5. Исследование генезиса игровой деятельности как условие разработки общей теории системогенеза

В завершении анализа, проводимого в данной главе, представляется необходимым сделать еще ряд заключений обобщающего плана. Причем, все они имеют так сказать общий – двуединый смысл. С одной стороны они, действительно, носят обобщающий характер по отношению к реализации собственно генетического аспекта общей проблемы игровой деятельности и ее формирования – как основной и *непосредственной* для данной работы. Однако, с другой стороны, они одновременно и «выходят» за ее пределы, поскольку в определенной мере содействуют разработке иных – более общих проблем, составляющих концептуальное содержание теории системогенеза. Кроме того, они содействуют и решению некоторых общепсихологических вопросов, связанных с раскрытием закономерностей генетического плана. При этом следует подчеркнуть также, что, формулируя их, необходимо базироваться и на тех результатах, которые были получены при реализации всех иных основных платов анализа – метасистемного, структурного и функционального.

Прежде всего, наиболее очевидным и «простым» среди этих заключений является констатация того факта, что в результате проведенного анализа с позиций системогенетического подхода изучен такой основной тип деятельности, который до настоящего времени не был подвергнут рассмотрению в рамках данного подхода – игровая деятельность. В результате было обосновано наиболее общее положение, согласно которому формирование и развитие – генезис и этого типа деятельности *в целом* также подчиняется основным системогенетическим закономерностям и в наиболее общем плане представляет собой системогенез. Вместе с тем, он подвергается по отношению к данному типу деятельности достаточно глубокой и многоаспектной спецификации – спецификации, быть может, еще более выраженной, нежели по отношению к учебной деятельности. Тем самым можно видеть, что в результате этого происходит «концептуальное

расширение» самой теории системогенеза; она распространена на такую сферу – на такую предметную область, которая до сих пор не была охвачена данной теорией.

Далее, следует обязательно учитывать еще и то, что в результате такого расширения было осуществлено не только и не просто включение в данную теорию «еще одного» основного типа деятельности. Принципиальное значение имеет то, что за счет этого в данную теорию включается *последний* – так сказать «оставшийся» из трех традиционно выделяемых основных типов деятельности. Однако это же означает, что в теорию системогенеза оказываются включенными не «те или иные» типы деятельности, а *все существующие* типы. Следовательно, она обретает не только полноту и завершенность в плане охвата ей типов деятельности, но и, фактически, *исчерпывающий* в этом отношении характер. «Синтетическое», то есть обобщенное рассмотрение особенностей и закономерностей генезиса всех трех основных типов деятельности в их взаимосвязи и взаимопреemptственности является объективно необходимым (и, соответственно, гносеологически императивным) условием формулировки аналогичных, то есть также *обобщающих* представлений о системогенезе деятельности в целом. Лишь при этом условии концепция системогенеза обретает необходимую степень полноты и завершенности, поскольку включает в себя *все* основные типы деятельности, а не только их часть. Другими словами, включение в сферу системогенетической теории игровой деятельности – это не просто ее «дополнение», а в известном смысле – и *завершение* (разумеется, не в плане глубины ее концептуального содержания, а в плане охвата предметной области исследования).

Еще более принципиальным и имплицитным является, на наш взгляд, следующее обстоятельство, которое также необходимо сформулировать в качестве обобщающего заключения из проведенного выше анализа. Оно состоит в том, что генезис игровой деятельности, равно как и сам «феномен детской игры» помимо, разумеется, своего собственного – огромного значения, раскрывается еще одной его важнейшей гранью, предстает в еще одной своей функции. Он раскрывается в качестве объективно

необходимого этапа генезиса иных – последующих за игровой деятельностью ее основных типов (учебной и трудовой). Это означает, что он, фактически, выступает в *инструментальной* функции и по отношению к ним. В связи с этим, можно сказать и так: генезис игровой деятельности – это конечно, ее собственное формирование и развитие. Однако этот же генезис является и этапом, уровнем и комплексным средством, а потому – и органической составной частью генезиса двух иных основных типов деятельности.

Отсюда вытекает и еще одно следствие. Генезис трех основных типов деятельности раскрывается в качестве трех основных *макроэтапов* общего процесса формирования и развития – генезиса деятельностной формы активности личности в целом. Данные этапы образуют в своей совокупности *макрогенез* этой формы – становление и развитие деятельностной формы активности. Это – процесс формирования и развития не тех или иных *типов* деятельности (пусть – и основных) как *видовых* образований, а генезис общей психологической архитектоники *Деятельности* как *родовой* сущности по отношению к своим частным – видовым экспликациям. В этом глобальном процессе макрогенеза особое место как раз и принадлежит формированию и развитию игровой деятельности. Она является *первым* из формирующихся в процесс ее онтогенеза типом деятельности, в которой осуществляется не только формирование и развитие важнейших психических образований, но и их возникновение – фактическое *складывание* (и даже *закладывание*). Кроме того, именно *поэтому же* ее собственный генезис выполняет очень важную – инструментальную функцию по отношению к генезису двух других основных типов деятельности. Естественно, мы отдаем полный отчет в том, что формулировка данных выводов сразу же порождает вполне закономерный вопрос относительно самого конструкта «деятельности как родового образования», то есть о некоторой обобщенной деятельности – деятельности так сказать «надтиповой». В связи с этим, по-видимому, необходимо сделать некоторое отступление от собственно «генетической линии» анализа и разъяснить суть данного конструкта.

Как уже отмечалось выше, одной из главных причин, сдерживающих разработку психологии деятельности, является так сказать «общее отношение» к самой категории деятельности. Точнее говоря, это трактовка понятия деятельности именно в качестве *категории* (то есть конструкта, обладающего *максимальной* степенью обобщенности). Известно, однако, что одним из важнейших гносеологических условий и даже – средств решения той или иной научной проблемы, разработки того или иного понятия является их *включение* в какой-либо – более *общий* концептуальный контекст. Если последовательно реализовать данную – *общую* гносеологическую закономерность, то не только можно, но и необходимо рассмотреть саму деятельность не как «верховную инстанцию», не как родовое понятие, а как «составляющую» чего-либо более *общего*. Необходимо трансформировать категорию деятельности из *родового* образования (и, соответственно, понятия) в *видовое* – в образование и понятие, являющиеся *частными* случаями чего-либо более общего.

С этих позиций деятельность как таковая в ее строгом и непосредственном, то есть именно *конкретно-научном* – собственно психологическом смысле раскрывается, однако, как *частный* случай, как одна из разновидностей и форм *регуляции* взаимодействия двух (или более) систем. По отношению к деятельности, это, разумеется, регуляция взаимодействия двух совершенно определенных систем – субъекта и объекта, что, кстати говоря, и зафиксировано в «классической деятельностной триаде» (*субъект* деятельности – *процесс* деятельности – *объект* деятельности). Однако, если это так, то на данный случай – именно как *частный* должны быть перенесены (хотя, не исключено, и в специфицированной форме) *общие* закономерности, представления о которых разработаны в теории регуляции и теории координации. *Общерегулятивные закономерности* должны выступать поэтому в качестве интерпретационного средства для объяснения закономерностей организации деятельности.

Для того чтобы более наглядно и зримо продемонстрировать важность этого, необходимо, на наш взгляд, просто вспомнить о той революционной роли, которую сыграло в свое время

распространение принципов обратной связи как одного из базовых общерегулятивных принципов на психологическую проблематику (впрочем, не только психологическую, но и – даже еще раньше – на физиологическую). Вместе с тем, данный принцип – это, хотя и основополагающий, но все же именно *один* из целой совокупности общерегулятивных принципов. Наряду с ним, как показано в теории регуляции и теории координации, существуют также иные принципы и иные процессы, имеющие статус именно *общерегулятивных*. Они «индифферентны» к различиям в содержании и даже типах тех систем, которые подвергаются регуляции и организации посредством них; носят так сказать «надсистемный» характер, являясь столь же инвариантными, сколь и объективными.

В плане сказанного очень показательной является уже рассмотренная в данном разделе аналогия – «параллель» (которая, в действительности, является, конечно, бóльшим, чем просто аналогия). Как известно, одной из наиболее конструктивных попыток построения *общей теории* психических процессов (особенно – когнитивных) явился подход к решению этой проблемы, осуществленный Л. М. Веккером [34]. Его суть состояла именно в том, что не только отдельные виды процессов, но и сама категория психических процессов была проинтерпретирована как частный случай общих информационных взаимодействий сигнального типа. Вместе с тем, по-видимому, аналогичный концептуальный «ход» должен быть реализован уже не только к процессуально-психологическому (и, повторяем, прежде всего, когнитивному, информационному) взаимодействию, но и к взаимодействию в еще более прямом и непосредственном смысле этого слова – деятельностному, специфически *регулятивному*. Деятельность в целом, а также ее отдельные классы и виды, по-видимому, допускают свое существенно более полное раскрытие и глубокую интерпретацию именно с позиций их трактовки как частных случаев общерегулятивных закономерностей.

При этом – во избежание недоразумений – необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Формулируя данные положения, мы отнюдь не призываем к «отмене» всех иных планов

изучения деятельности. Подход к деятельности как к частному случаю общерегулятивных процессов не является альтернативным по отношению к иным подходам – например, подходу к ее изучению как общественно-исторической категории, а также к иным – достаточно многочисленным ее методологическим экспликациям. Речь при этом идет совершенно другом – о том, что «вне» рассмотрения деятельности с позиций общерегулятивных закономерностей, взятых, конечно, в их собственно психологической спецификации, дальнейшая разработка теории деятельности очень затруднительна, если вообще возможна.

Далее, с позиций материалов, представленных в данном параграфе, становится более понятным и то, почему, собственно говоря, генезис трех основных типов деятельности синтезирован в данный *единый* макропроцесс, точнее – в процесс макрогенеза. Это вытекает из обнаружения той реальной – онтологически представленной основы, которая и составляет латентную структуру организации и регуляции всех трех основных типов деятельности. Именно она, являясь общей для всех трех типов деятельности, и подлежит, в конечном итоге, формированию и развитию в ходе данного макропроцесса. И именно ее развитие – это *сущностная* основа генезиса каждого из трех главных типов деятельности «по отдельности» и всех их вместе. В свою очередь, тот богатейший эмпирический материал, который существует в генетических исследованиях деятельности, в значительной мере выступает как *следствие* трансформаций этой сущностной основы и является их *проявлениями*, то есть эксплицируется именно как уровень явления. В качестве такой латентной структуры выступает, как показано в данном параграфе, базовый *регулятивный инвариант*, образованный совокупностью интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения.

В свою очередь, это означает, что в ходе онтогенеза, наряду с формированием психологической архитектоники, обеспечивающей регуляцию, соответственно, каждого из трех основных типов деятельности, с необходимостью развертывается и более глубокий – так сказать «наддеятельностный» (точнее метаде-

тельность) генетический процесс. Его суть состоит в том, что это – не процесс формирования психологической *системы деятельности* (любого основного типа), а процесс формирования *психологической системы регуляции*. Другими словами, это означает, что содержанием данного процесса, точнее – его наиболее имплицитной сущностью как раз и выступает складывание, а затем формирование и развитие *регулятивной подсистемы психики*. Именно это и осуществляется наиболее интенсивными темпами на том интервале онтогенеза, на котором ведущим типом деятельности является игра. Этим и определяется ее кардинальная роль в становлении данной подсистемы психики. Кроме того, следует, конечно, учитывать, что само формирование и развитие данной подсистемы неотделимо от формирования всех иных важнейших подсистем психики. Следовательно, через раскрытие закономерностей ее генезиса отрывается прямой путь к раскрытию закономерностей генезиса многих иных психических структур и образований.

Далее, раскрытие особенностей и закономерностей генезиса игровой деятельности, а также их сопоставление с аналогичными закономерностями, установленными по отношению к двум другим основным типам деятельности, позволяет выявить принципиально *новый* тип самих генетических закономерностей. Их сущность состоит в следующем. По отношению ко всем трем основным типам деятельности в ходе их генетического развития имеет место формирование инвариантного набора их основных психологических «составляющих». Однако по отношению к каждому из них формирование каждой из этих «составляющих» протекает существенно по-разному. Так, в частности, выше мы достаточно подробно рассмотрели различия – специфику формирования важнейшей психологической «составляющей» любого типа деятельности – ее мотивации в игровой и трудовой деятельности. Аналогичным – то есть также глубоким спецификациям подвержены все иные «составляющие» деятельности. Сами же эти различия отнюдь не носят так сказать *произвольного* характера, но напротив, – они *производны* от специфики каждого возрастного этапа. Следовательно, то, как они трансформируются

от возраста к возрасту – от одного типа деятельности к другому, само подчиняется определенным и вполне естественным закономерностям. Однако, это – уже так сказать «закономерности трансформации закономерностей», «закономерности второго порядка», то есть *метазакономерности* генетического плана.

Наряду с этим, реализация генетического плана исследования игровой деятельности позволяет сделать и еще одно заключение обобщающего плана. Так, выше мы уже констатировали, что, благодаря обращению к игровой деятельности, теория системогенеза не просто «концептуально расширяется», но в ней оказываются охваченными именно *все* основные типы деятельности. Вместе с тем, «выход» на такую степень «полноты и исчерпанности» охвата позволил сформулировать и еще одно предположение. Согласно ему, возможно, эта «триада» основных типов является неполной и, следовательно, существуют иные – также базовые типы деятельностной активности. Данное предположение также получило всестороннюю верификацию, в результате чего были сформулированы представления о «протодеятельности» и «метадеятельности» как глубоко специфических типах организации деятельностной активности. Тем самым концепция системогенеза эксплицирует не только свой эвристический потенциал, но и свои *предсказательные* возможности.

Еще одно – быть может, наиболее обобщенное и принципиально заключение, которое также необходимо сформулировать по результатам проведенного анализа, состоит в следующем. С одной стороны, он позволил охватить системогенетическим подходом тот основной тип деятельности, который пока не был изучен с его позиций. В результате оказалось, что и он тоже подчиняется системогенетическим закономерностям. Следовательно, *все* известные основные типы деятельности эксплицируют свою подчиненность именно системогенетическому типу формирования и развития. С другой стороны, анализ показал также, что они их генезис синтезирован в более общий процесс *макрогенеза* всех этих трех основных типов деятельности. Он – и это наиболее принципиально – также разворачивается как процесс системогенеза. Тем самым, можно, а на наш взгляд, – и нужно

дифференцировать два уровня обобщенности теоретических представлений в рамках системогенетического подхода. Во-первых, – это уровень частных, специальных теорий, каждая из которых раскрывает закономерности формирования и развития того или иного основного типа деятельности. С этих позиций можно и нужно говорить о концепции системогенеза профессиональной деятельности, а также об аналогичных концепциях системогенеза учебной и игровой деятельности. Они тем самым эксплицируются как частные, специальные системогенетические концепции. Во-вторых, – это уровень обобщенных представлений, в которых синтезированы закономерности генезиса всех трех основных типов деятельности, а также раскрыты закономерности их макрогенеза в целом. На этом уровне теория системогенеза обретает качественно новый уровень полноты и обобщенности и эксплицируется уже как *общая теория* системогенеза.

Наконец, можно зафиксировать и еще одно – достаточно любопытное и показательное, прежде всего, с точки зрения общей гносеологической логики развития научных представлений обстоятельство. Оно состоит так сказать в «разнонаправленности» генезиса онтологии предмета исследования и последовательности его гносеологического раскрытия. Действительно, генезис предмета в его *онтологическом* «измерении» по отношению к деятельности представлен вполне определенной последовательностью. Она в качестве своего первого звена имеет формирование и развитие игровой деятельности, затем – учебной деятельности и, наконец, – трудовой деятельности. Однако, генезис предмета (точнее – его раскрытия) в *гносеологическом* «измерении» является прямо противоположным. Первым из раскрытых в теории системогенеза явилась трудовая деятельность; затем был осуществлен переход к раскрытию генетических закономерностей учебной деятельности и, наконец, завершающим этапом ее развития стало обращение к генезису игровой деятельности. Причины такой «противоположной» направленности также были рассмотрены выше. Не дублируя, разумеется, их здесь подчеркнем лишь одну из причин такого рода, являющуюся, на наш взгляд, очень важной и, более того, имеющей принципиальный

характер. Логика гносеологического «развертывания предмета» со всей убедительностью свидетельствует о том, что, по-видимому, следует отказаться от представлений, согласно которым игровая деятельность является относительно наиболее простым типом деятельности. Если бы это было так, то она, скорей всего, была бы изучена «в первую очередь» и «с наибольшей полнотой», чего, однако, не только не наблюдается в действительности, но имеет место прямо противоположная ситуация. Психологическое познание не *исходит* из нее» (как из начального пункта исследования, направленного на раскрытие наиболее простых экспликаций предмета), а *подходит* к ней – как, возможно, наиболее сложной в плане ее сущности и организации, а также в плане ее роли и даже «миссии» в становлении и развитии психики и личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаева Е. А., Смирнова О. Е. Роль динамических игрушек в развитии ребенка / Психологическая наука и образование. – 2011. – № 2. – С. 46–54.
2. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 334 с.
3. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Питер, 2003. – 296 с.
4. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – М.: Мир, 1974. – 272 с.
5. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. – СПб.: ДНК, 2000. – 518 с.
6. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977.
7. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1986. – 368 с.
8. Анастаси А. Психологическое тестирование. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1 – 316 с.; Т. 2 – 292 с.
9. Анохин П. К. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – 399 с.
10. Ансимова Н. П. Психология постановки учебной цели: психологический анализ деятельности целеполагания. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, 2011. – 189 с.
11. Ансимова Н. П. Психология постановки учебных целей. – Ярославль: ЯГПУ, 2006. – 280 с.
12. Аристотель. Этика. – М.: АСТ, 2002. – 470 с.
13. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976. – 158 с.
14. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопр. психол. – 1978. – № 1. – С. 70–80.
15. Аткинсон Р. Человеческая память. – М.: Прогресс, 1980. – 528 с.
16. Барабанщиков В. А. Системогенез чувственного восприятия. – Воронеж: МПСИ, 2000. – 460 с.

17. Барабанщиков В. А. Восприятия и событие. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
18. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. – М.: Русские словари, 2002. – 800 с.
19. Бергсон А. Материя и память. Собр. соч. – Т. 3. СПб., 1913. – 391 с.
20. Берлянд И. Е. Игра как феномен сознания. – Кемерово, 1992. – 92 с.
21. Берн Э. Люди, которые играют в игры, и игры, в которые играют люди. – М.: Эксмо, 2008. – 576.
22. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
23. Бергаланффи Л., фон. Общая теория систем. Критический обзор. // Исследования по общей теории систем: сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969. – С. 28–61.
24. Бессознательное. Матер. междунар. симп. В 3-х т. – Тбилиси, Мецниереба, 1978.
25. Бехтерев В. М. Сознание и его границы. – Казань, 1888. – 32 с.
26. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
27. Болдачёв А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. – М.: УРСС, 2011. – 211 с.
28. Брунер Дж. Психология познания. – М.: Прогресс, 1977. – 378 с.
29. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003. – 269 с.
30. Брэддик У. Менеджмент в организации. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 312 с.
31. Букатов, В. М. Секреты дидактических игр. Психология. Методика. Дисциплина. – М.: Педагогика, 2010. – 240 с.
32. Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. – М.: Новая Москва, 1924. – 556 с.
33. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 2000. – 685 с.
34. Веккер Л. М. Психические процессы. – Л.: ЛГУ, 1974. – Т. 1 – 334 с.; Т. 2 – 341 с.

35. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Академия, 2006. – 448 с.
36. Венгер Л. А., Марцинковская Т. Д., Венгер А. Л. Виды компьютерных игр // Готов ли ваш ребенок к школе. – М.: Знание, 1994. – 192 с.
37. Вересов Н. Н. Ведущая деятельность в психологии развития: понятие и принцип // Культурно-историческая психология. – 2005. – № 2. – С. 76–86.
38. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И. М. Фейгенберга. – М.: Наука, 1979. – 389 с.
39. Вершловский С. Г. Учитель о себе и профессии. – Л.: Наука, 1979. – 275 с.
40. Винникова И. В. Влияние игры на развитие психических процессов // Начальная школа. – 2007. – № 3. – С. 25–28.
41. Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. – М.: Наука, 1966. – 322 с.
42. Вульфов Б. З., Харькин В. Н. Педагогика рефлексии. – М.: Педагогика, 1995. – 172 с.
43. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3.
44. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 62–68.
45. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка. – Собр. соч.: в 6-ти томах. – Т. 6. – М.: Педагогика, 1984. – С. 5–90.
46. Газман О. С., Харитоновна Н. Е. В школу – с игрой. – М.: Педагогика, 1991. – 96 с.
47. Галигузова Л. Н. Развитие игровой деятельности: игры и занятия с детьми 1–3 лет. – М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 64 с.
48. Гаупп Р. Психология ребенка. – Ленинград : Гос. Изд-во, 1928. – 270 с.
49. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1977. – Т. 3. Философия духа. – 471 с.
50. Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 462 с.
51. Гилбрет Ф. Б. Азбука научной организации труда. – М.-Л.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1925. – 120 с.

52. Грегори Р. Разумный глаз / пер. с англ. – Изд. 2-ое. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
53. Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени. – СПб., 1889. – 140 с.
54. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. – М.: Педагогика, 1972. – 423 с.
55. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – СПб.-М.: Типография М. О. Вольфа, 1882.
56. Декарт Р. Сочинения. В двух томах. – Том 1. – М.: Мысль, 1989. – 810 с.
57. Детская игра: теория, практика, дидактические материалы / под. ред. Е. В. Карповой. – Ярославль: ЯГПУ, 2013. – 430 с.
58. Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – 359 с.
59. Джеймс У. Психология сознания. – М., 1914. – 250 с.
60. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 316 с.
61. Дональдсон М. Мыслительная деятельность детей. – М.: Педагогика, 1985. – 192 с.
62. Дружинин В. Н. Онтология психической реальности // Проблемы субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского и др. – М.: Академический проект, 2000. – С. 64–75.
63. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – М.: Лантерна, 1995. – 243 с.
64. Драммонд У. Введение в изучение ребенка. – М.: Московское книгоиздательство, 1910. – 370 с.
65. Жане П. Психологическая эволюция личности. – М.: Академический проспект, 2009. – 300 с.
66. Жуковская Р. И. Игра и её педагогическое значение. – М.: Педагогика, 1975. – 263 с.
67. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психология управления совместной деятельностью. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 460 с.
68. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. – М.: Наука, 1985. – 219 с.

69. Зайцева О. В., Карпова Е. В. Игры для всей семьи. – Ярославль: Академия развития, 1997. – 240 с.
70. Зайцева О. В., Карпова Е. В. Игры в школе, дома, во дворе. – Ярославль: Академия развития, 1997. – 192 с.
71. Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. – М.: АПН РСФСР, 1960. – 429 с.
72. Зарубежные теории игры [Электронный ресурс]. – URL : <http://murzim.ru/nauka/pedagogika/didaktika/26780-zarubezhnye-teorii-igry.html>.
73. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – М.: ВШЭ, 2010. – 582 с.
74. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 82–127.
75. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. – М.: АПН РСФСР, 1969. – 471 с.
76. Игровые технологии обучения в начальной школе / авт.-сост. Е. В. Калмыкова. – М.: Педагогика, 2007. – 60 с.
77. Игрунов Н. И. Большая энциклопедия детских игр. – М.: Рипол-классик, 2008. – 384 с.
78. Игры и упражнения по развитию умственных способностей у детей дошкольного возраста / под ред. Л. А. Венгера, О. М. Дьяченко. – М.: Педагогика, 1989. – 127 с.
79. История дошкольной зарубежной педагогики. Хрестоматия / сост. Н. Б. Мчедлидзе, А. А. Лебеденко, Е. А. Гребенщиков. – М.: Просвещение, 1974. – 463 с.
80. История дошкольной педагогики в России / П. Ф. Лесгафт. Об играх в семье / под ред. М. Ф. Шабаевой. – М.: Просвещение, 1976. – С. 309–313.
81. Калмыкова Е. В. Игровые технологии обучения в начальной школе. – М.: Генезис, 2007. – 60 с.
82. Кант И. Собрание сочинений. – Т. 6. – М.: Наука, 1994. – 612 с.
83. Карпов А. А. Взаимосвязь общих способностей и метакогнитивных качеств личности. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 270 с.

84. Карпов А. А. Карпов А. В. Взаимосвязь психометрического интеллекта и метакогнитивных качеств личности // Вестник Ярославского отделения РПО. – 2010. – № 24. – С. 78–86.
85. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 300 с.
86. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 186 с.
87. Карпов А. В. Исследование деятельности человека-оператора в условиях информационного дефицита. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: Институт психологии АН СССР, 1980. – 24 с.
88. Карпов А. В. К проблеме психических процессов // Психол. журн. – 1986. – Т. 7. – № 6. – С. 21–31.
89. Карпов А. В. Психологические основы принятия решения в профориентационной работе. – М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1986. – 98 с.
90. Карпов А. В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. – 180 с.
91. Карпов А. В. Проблемы принятия решения в трудовой деятельности // Психол. журн. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 3–14.
92. Карпов А. В. Психологи принятия управленческих решений. – М.: Юристъ, 1997. – 496 с.
93. Карпов А. В. Психология менеджмента. – М.: Гардарики, 1999. – 546 с.
94. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 358 с.
95. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 283 с.
96. Карпов А. В. Психология групповых решений. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 552 с.
97. Карпов А. В. Перспективы развития обобщающей психологической теории деятельности // Проблемы субъекта профессиональной деятельности / под ред. А. В. Брушлинского, А. В. Карпова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. – С. 23–54.

98. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 320 с.
99. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психол. журн. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.
100. Карпов А. В., Ященко Е. Ф. Психология способностей. – Челябинск: ЮГУ, 2007, 2003. – 325 с.
101. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 423 с.
102. Карпов А. В. О метасистемном подходе в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. – Т. 2. – Ярославль, 2004, ЯрГУ. – С. 21–34.
103. Карпов А. В. Структурно-функциональная организация процессов принятия групповых решений // Вопр. психол. – 2004. – № 1. – С. 126–136.
104. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 450 с.
105. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 325 с.
106. Карпов А. В. Метапроцессы как предмет психологического исследования // Матер. IV Съезда РПО. – Ростов н/Д, 2007. – С. 81–90.
107. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта. – Ярославль: ЯрГУ, 2007. – 325 с.
108. Карпов А. В. Закономерности метакогнитивной регуляции психологической системы деятельности // Психологические проблемы изучения профессиональной деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 90–112.
109. Карпов А. В. О некоторых закономерностях взаимосвязи мышления и метамышления // Практическое мышление: теоретические основы и прикладные аспекты. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – С. 31–86.

110. Карпов А. В. Метаэмоциональные процессы как предмет психологического исследования // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2008. – № 7. – С. 42–49.

111. Карпов А. В. Перспективы разработки проблемы принципов системогенеза деятельности // Матер. всерос. конф. «Системогенез учебной и профессиональной деятельности». – Ярославль, 2009. – С. 17–22.

112. Карпов А. В., Башаева Т. В. Метасистемный подход в исследовании генезиса когнитивных способностей. – Владимир: ВГУ, 2009. – 230 с.

113. Карпов А. В. Методологические аспекты экспериментального исследования процессов принятия решения / Глава «Современная экспериментальная психология: в 2 т. / под ред. В. А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – Т. 1. – 555 с. – С. 89–114.

114. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. – М.: Изд. дом РАО, 2011. – 1080 с.

115. Карпов А. В., Карпова Е. В. Закономерности системогенеза игровой деятельности // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 14–24.

116. Карпов А. В. Принцип метасистемности в организации личности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 96–103.

117. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – М.: Изд. Дом РАО, 2013. – 600 с.

118. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. – М.: РАО, 2015.

119. Карпова Е. В. Дидактические игры в начальный период обучения. – Ярославль: Академия развития, 1997. – 237 с.

120. Карпова Е. В., Образцова Е. А. К вопросу о взаимосвязи дидактических игр и мотивации учения // Проблемы развития ребенка в дошкольном возрасте. – Ярославль: Академия развития, 1997.

121. Карпова Е. В. Учебная деятельность // Общая психология. – М.: Гардарики, 2002.

122. Карпова Е. В. Игра как вид деятельности // Общая психология. – М.: Гардарики, 2002.

123. Карпова Е. В. Игры на уроках «Основы безопасности жизнедеятельности». – Ярославль: Академия развития, 2005. – 108 с.
124. Карпова Е. В., Малегон А. В. Игровые классные часы. – М.: Пед. Об-во России, 2007. – 108 с.
125. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 560 с.
126. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.
127. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
128. Комарова Н. Ф. Диагностика игры детей. – Н. Новгород, НГПИ им. М. Горького, 1992. – 23 с.
129. Конопкин О А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
130. Короткова Н. А. Современные исследования детской игры // Вопросы психологии – 1985. – № 2. – С. 163–168.
131. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
132. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1984. – 464 с.
133. Кукушкин В. С. Современные педагогические технологии в начальной школе. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 384 с.
134. Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С., Зырянова Н. Г. Индивидуально-психические особенности мыслительной деятельности // Развитие психофизиологических функций взрослых людей. – М.: Педагогика, 1972. – 170 с.
135. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
136. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
137. Леонтьев А. Н. Деятельность: Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1972. – 304 с.
138. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2007. – 422 с.
139. Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры. Проблемы развития психики. – М.: МГУ, 1972. – С. 472–499.

140. Леонтьев Д. А. Психология выбора. – М.: Смысл, 2015. – 450 с.
141. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
142. Ломов Б. Ф., Сурков Е. А. Антиципация в структуре деятельности. – М.: Наука, 1980. – 180 с.
143. Луковников Н. Н. Интеграция и дифференциация в развитии психических процессов. – Калинин: КГУ, 1984. – 79 с.
144. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
145. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 791 с.
146. Макклеланд Д. Мотивация человека / науч. ред. и пер. Е. П. Ильина. – СПб.: Питер, 2007. – 669 с.
147. Малиновский А.А. Основные понятия и определения теории систем // Системные исследования, 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 78–90.
148. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 412 с.
149. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
150. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. – М.: Просвещение, 1990. – 192 с.
151. Маркова Е. В., Карпов А. В. Психология стилей управленческих решений. – Ярославль: ЯрГУ, 2002. – 102 с.
152. Маркс К. Капитал. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1, 2. – 1952 с.
153. Маслоу А. Психология бытия. – М.: Рефл-бук; Киев, Валкер, 1997. – 304 с. – 304 с.
154. Матюшкин А.Н. Основные направления исследований по психологии мышления // Психол. журн. – 1985. – Т. 6. – № 1. – С. 3–14.
155. Меджеричкая Д.В. Воспитателю о детской игре. – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.
156. Ментальная репрезентация. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 320 с.
157. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 334 с.

158. Мескон М., Альберт М., Хедури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1992. – 620 с.
159. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. – М.: Прогресс, 1965. – 192 с.
160. Миллер С. Психология игры. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 320 с.
161. Минский Е. М. Игры для детей и подростков. – М.: Педагогика, 1976. – 72 с.
162. Михайленко Н. Я., Короткова Н. А. Как играть с ребенком. – М.: Просвещение, 1990. – 160 с.
163. Михайленко Н. Я., Короткова Н. А. Организация сюжетной игры в детском саду. – М.: Просвещение, 1997. – 96 с.
164. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
165. Мухина В. С. Возрастная психология. – М.: Академия, 1998. – 456 с.
166. Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А. В. Брушлинский. – М.: Наука, 1982.
167. Найссер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
168. Недоспасова В. А. Растём играя. – М.: Просвещение, 2002. – 94 с.
169. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М.: Наука, 1970. – 601 с.
170. Нельсон А. Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 2. – С. 93–101.
171. Нечаев Н. Н. Избранное. Работы разных лет. – М.: Логос-Принт, 2013. – 226 с.
172. Нижегородцева Н. В. Системогенетический анализ готовности к обучению. – Ярославль: Аверс Пресс, 2004. – 266 с.
173. Нижегородцева Н. В., Карпова Е. В., Ансимова Н. П. Проблемы системогенеза учебной деятельности / под науч. ред. А. В. Карпова. – Ярославль, ЯГПУ, 2009. – 360 с.
174. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. – Л.: ЛГУ, 1988. – 157 с.

175. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
176. Одаренные дети / пер. с англ. / общ. ред. Г. В. Бурменской и В. М. Слущкого. – М.: Прогресс, 1991. – 383 с.
177. Олпорт Г. Становление личности: избр. труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 463 с.
178. Основы психофизиологии. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 480 с.
179. Ошанин Д. А. Концепция оперативности в инженерной и общей психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 134–139.
180. Павлов И. П. Полное собрание трудов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951. – Т. III.
181. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – М.: Новый хронограф, 2010. – 424 с.
182. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – М.: ВШЭ, 2010. – 560 с.
183. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969. – 660 с.
184. Пидкасистый П. И., Хайдаров Ж. С. Технология игры в обучении и развитии. – М.: Педагогика, 1999. – 189 с.
185. Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений. – М.: Экономика, 1984. – 187 с.
186. Познавательные процессы. – М.: Педагогика, 1982. – 321 с.
187. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
188. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – М.: Наука, 1983. – 205 с.
189. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. – М.: Прогресс, 2008. – 256 с.
190. Прибрам К. Языки мозга. – М.: Прогресс, 1975. – 428 с.
191. Психологический анализ трудовой деятельности / под ред. А. В. Карпова. – Ярославль: ЯрГУ, 1987. – 183 с.
192. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. – М.: Владос, 2004. – 349 с.
193. Пушкин В. Н. Оперативное мышление в больших системах. – М.: Энергия, 1965. – 451 с.

194. Регуш Л. А. Структура и возрастная динамика способности к прогнозированию // Психол. журн. – 1981. – Т. 3. – № 5. – С. 31–40.
195. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. – М.: Высшая школа, 1977. – 183 с.
196. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Наука, 1982. – С. 213–273.
197. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.
198. Роговин М. С., Карпова Е. В. Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 98–108.
199. Росс А., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
200. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М.: АН СССР, 1957. – 310 с.
201. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. – М.: АН СССР, 1958. – 98 с.
202. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 1999. – 720 с.
203. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
204. Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии. – М.-Воронеж: Институт практической психологии, 1996. – 280 с.
205. Салмина Н. Г., Тиханова Н. Г. Психолого-педагогическая экспертиза настольных игр // Психологическая наука и образование. 2011. – № 2. – С. 29–35.
206. Сапогова Е. Е. Психология развития человека. – М.: Педагогика, 2001. – 406 с.
207. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. – М.: Наука, 1992. – 300 с.
208. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 462 с.
209. Системогенез / под ред. К. В. Судакова. – М.: Наука, 1978. – 404 с.

210. Скитяева И. М., Карпов А. В. Понятия метакогнитивных и интегральных процессов как концепты психологической теории принятия решения // Психологические проблемы принятия решения / под ред. А. В. Карпова. – Вып. II. – Ярославль: Аверс-Пресс, 2002. – С. 31–50.

211. Смирнова Е. О. Психология ребенка. Учеб. для пед. училищ и вузов. – М.: Школа-пресс, 1997. – 384 с.

212. Смирнова Е. О., Соколова М. В., Шеина Е. Г. Исследование феномена игрушки в западной психологии // Современная зарубежная психология. – 2012. – № 3.

213. Смирнова Е. О., Рябкова И. А. Структура и варианты сюжетной игры дошкольника // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 3.

214. Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. – М.: Владос, 2005. – 158 с.

215. Совместная деятельность. – М.: Наука, 1988. – 228 с.

216. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2006. – 586 с.

217. Сорокина А. И. Батурина Е. Г. – Игры с правилами в детском саду: сборник дидактических и подвижных игр. – М.: Педагогика, 1962.

218. Сорокина А. И. Дидактические игры в детском саду. – М.: Педагогика, 1982. – 98 с.

219. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

220. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. – М.: Академия, 2001. – 200 с.

221. Субботина Л. Ю. Игры для развития и обучения: дети 5–10 лет. – Ярославль: Академия развития, 2001. – 128 с.

222. Сэйфер С. Высокоразвитая игра и ее роль в развитии и обучении // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 3. – С. 48–61.

223. Теория игры Ф. Бойтендайк. URL : <http://www.detki-mama.ru/bonteydayk>.

224. Теория систем с переменной структурой. – М.: Наука, 1970. – 290 с.
225. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 452 с.
226. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. – М.: МГУ, 1969. – 400 с.
227. Тода М., Шуфорд Э. Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 320–383.
228. Удальцова Е. И. Дидактические игры в воспитании и обучении дошкольников. – Минск, 1976. – С. 78–127.
229. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: Прогресс, 1964. – 302 с.
230. Усова А. П. Роль игры в воспитании детей. – М.: Просвещение, 1976. – 96 с.
231. Ухтомский А. А. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – 360 с.
232. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. – Т. 5 / сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – 528 с.
233. Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 230–313.
234. Фрейд А. Введение в психоанализ. Норма и патология детского развития. «Я» и защитные механизмы. Сборник. – М.: ООО «Попурри», 2004. – 448 с.
235. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
236. Фридман Л. М., Пушкина Т. А., Каплунович И. Я. Изучение личности учащегося и ученических коллективов. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
237. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 373 с.
238. Хаустова В. Основные этапы и особенности развития игровой деятельности в норме и при аутистических нарушениях / Аутизм и нарушения развития. – 2004. – № 3.
239. Хейзинга Й. Homo Ludens: Опыт преодоления игрового элемента культуры // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М.: 1999. – С. 61–87.

240. Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
241. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – М.: «Барс», 1997. – 391 с.
242. Чемберлен А. Ф. Дитя. Очерки по эволюции человека. – М.: Московское книгоиздательство, 1904. – 378 с.
243. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза деятельности. – М.: Наука, 1982. – 182 с.
244. Шадриков В. Д., Черемошкина Л. В. Мнемические способности: развитие и диагностика. – М.: Педагогика, 1990. – 176 с.
245. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. – М.: Логос, 1994. – 320 с.
246. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. – М.: Логос, 1995. – 405 с.
247. Шадриков В. Д. Происхождение человечности. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
248. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – М.: Логос, 2006. – 402 с.
249. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 288 с.
250. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 640 с.
251. Шадриков В. Д. Профессиональные способности. – М.: Университетская книга, 2010. – 315 с.
252. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 419 с.
253. Шапкин С. А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 1. – С. 6–19.
254. Шекспир В. Собр. соч. : в 14 т. – Т. 8. – М.: Терра, 1996.
255. Шамаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. – М., 1994. – 240 с.
256. Шамаков С. А. Игры, развивающие психические качества личности школьника. – М.: ЦГЛ, 2004. – 122 с.
257. Шамаков С. А. Игры-шутки, игры-минутки. – М.: Педагогика, 1993.

258. Шмаков С. А. Каникулы: прикладная энциклопедия: учителю, вожатому, воспитателю. – М.: Педагогика, 1997.
259. Штерн В. Умственная одаренность / пер. с нем. А. П. Болтунова. – СПб : Союз, 1997 – 128 с.
260. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М.: Дело, 1995. – 560 с.
261. Щедровицкий Г. П. Психология и педагогика игры дошкольника. – М. 1966.
262. Эйнштейн А. Мир, каким я его вижу. – М.: АСТ, 2013. – 390 с.
263. Экслейн В. Игровая терапия в действии. – М.: Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с. URL : http://naturalworld.ru/kniga_igrovaya-terapiya-v-deystvii.htm.
264. Экспериментальная нейрофизиология эмоций / под ред. П. В. Вальдмана. – М.: Наука, 1972. – 272 с.
265. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. – М.: Педагогика, 1994. – 168 с.
266. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. Хрестоматия по психологии. / под ред. А. В. Петровского. – М.: Просвещение, 1977.
267. Эльконин Д. Б. Основная единица развернутой формы игровой деятельности. Социальная природа ролевой игры // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / под ред. И. И. Ильсова, В. Я. Ляудис. – М. : МГУ, 1981.
268. Эльконин Д. Б. Психология игры. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Владос, 1999. – 360 с.
269. Эльконин Б. Д. Опосредствование. Действие. Развитие. – ERGO, 2010. – 279 с.
270. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностр. лит., 1959. – 429 с.
271. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – 246 с.
272. Яновская М. Г. Творческая игра в воспитании младшего школьника. – М.: Просвещение, 1974. – 128 с.
273. Allport, G. W. Pattern and growth in personality. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – 593 p.

274. Atkinson T. W. Motivational determinants or risk taking behavior // *Psychol. Rev.* – 1957. – P. 359–372.
275. Atkinson, J. W., Raynor, J. O. Motivation and achievement. – Washington, 1974. – 480 p.
276. Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. – Cambridge: Cambridge University Press. 1988. – 520 p.
277. Barnard Ch. The Function of the Executive. – Cambridge, 1938. – 620 p.
278. Bateson G. A theory of play and fantasy. – In: *Play, its role in development and evolution.* – N.Y., 1976. – P. 119–129.
279. Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 520 p.
280. Bergen, D. The role of pretend play in children's cognitive development // *Early Childhood Research and Practice.* – 1985. – 4 (1).
281. Bertalanffy L. von General system theory // *Gen. Syst.* 1956. – V. 1. – P. 90–97.
282. Bogdan R. J. (ed.). *Minding Mind.* – MIT Press, London, 2000. – 215 p.
283. Borkowski J., Carr M., Pressely M. «Spontaneous» strategy use: Perspectives from metacognitive theory // *Intelligence*, 1987. – V. 11. – P. 61–75.
284. Borkowski J., Muthukrishna R. Components of Children's Metamemory // *Memory development.* – N. Y., 1992. – P. 142–158.
285. Brehm J. W. A theory of psychological reactance. – N. Y.: Morristown, General Learning Press, 1970. – 287 p.
286. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.). *Metacognition, motivation, and understanding.* – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1987. – P. 65–116.
287. Brown A. L., Bransford J. D., Ferrara R. A., Campione J. C. Learning, remembering, and understanding. In J. H. Flavell and E. M. Markman (Eds.), *Handbook of Child Psychology Vol. 3: Cognitive Development.* – Fourth edition. – New York: Wiley, 1983. – 321 p.
288. Bruner J. S. Play is serious business. – *Psychol. Today.* – 1975. – V. 8. – P. 81–83.

289. Campione J. C., Brown A. L. Toward a theory of intelligence: Contributions from research with retarded children. In R. J. Sternberg, L. K. Detterman (Eds.). *Human intelligence: Perspectives theory and measurement*. – Norwood, N. Y.: Ablex, 1979. – P. 90–98.

290. Carlson R. A. Starting with consciousness // *Amer. Journ. of Psychol.* – 1992, 105. – PP. 598–604.

291. Carver C. S., Scheier M. F. *Attention and self-regulation a control approach to human behavior*. – Springfield, 1981. – 224 p.

292. Catrambon R., Hobjoak K. Learning subgoals and methods for solving probability problems // *Met. And Cognit.*, 1990. – 18. – № 6. – P. 593–603.

293. Cavanaugh J. C., Perlmutter M. *Metamemory: A critical examination* // *Child Development*. – 1982. – N 53. – P. 11–28.

294. Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. – Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press, 1996. – 328 p.

295. Deci E.L. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. – N. Y. 2001. – 221 p.

296. Deci E.L., Ryan R.M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. – N.Y.: Morristown, 1985. – 371 p.

297. Desmarais S. *Play as Education versus Play as Repair: A Qualitative Study of Adoptive Parents' Attitudes Towards Play in the Coram Parent Training Study: Unpublished MSc dissertation, Anna Freud Centre / University College London, 2004.*

298. Deuser D. E., & R. J. Sternberg. The role of metacognition in problem solving. In: Metcalfe & Shimamura (eds.) *Metacognition*. Cambridge: MIT press, 1994. – P. 207–226.

299. Dienes Z., Perner J. A theory of implicit and explicit knowledge // *Behavioral an Brain Studies*, 1999. – Vol. 22. – N 5. – P. 735–808.

300. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood / R. A. Dixon // *Journ. of Gerontology*. – 1983. – № 38. – P. 682–688.

301. Donaldson M. *Children's Minds*. – N. Y., 1988. – 162 p.

302. Dörner D. *Problemlösen als Informationsverarbeitung*. – Stuttgart, 1977. – 387 s.

303. Dunlosky J., Nelson T. Importance of the kind of cue for judgment of learning (JOL) and the delayed – JOL effect // *Memory and Cognition*, 1992. – N 12. – P. 355–360.

304. Elder J. L., Pederson D. R. Preschool children's use of objects in symbolic play. – *Child Devel.* 1978. – V. 49. – P. 500–504.

305. Erikson E. N. Life history and the historical moment. – N.Y.: Norton, 1975. – 283 p.

306. Fein G. G. Pretend play in childhood. – *Child Devel.* – 1981. – V. 52. – PP. 1095–1118.

307. Flavell J. H. Metacognition: answered and unanswered questions. *Educational Psychology*, 1989. – V. 24. – P. 143–158.

308. Freud A. Normality and pathology in childhood. – N.Y.: Internet. Univ. Press, 1965. – 273 p.

309. Garner R. and Alexander P.A. Metacognition: answered and unanswered questions. *Educational Psychology*. – 1989. – V. 24. – PP. 143–158.

310. Garvey C. Play. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1977. – 133 p.

311. Garvey C. Some properties of social play. – In: *Play, its role in development and evolution*. – N.Y., 1976. – P. 570–583.

312. Grief E. B. Sex role playing in pre-school children. – In: *Play, its role in development and evolution*. – N. Y., 1976. – P. 385–391.

313. Haack V., Halm K., Wagner K.-V. Programmieren also Schematisches Problemlösen // *Z. Psychol.* 1989, 197, № 3. – S. 217–262.

314. Hacker D.J. Metacognition: Definition And Empirical Foundation [Электронный ресурс] // The University Of Memphis. URL : <http://www.psyc.Memphis.edu/trg/meta.htm>.

315. Janét P. L évolution de la memoir et le notion de temp. – Paris, 1928. – 400 p.

316. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. – Cambridge, CVP, 1982. – 555 pp.

317. Kamfer F., Grimm L. Freedom of choice and behavioral change // *J. of Consulting and Clinical Psychol.*, 1978, 46. – P. 41–48.

318. Kaplan C. A., Simon H. A. In search of insight // *Cognitive Psychology*, 1990, 22. – P. 374–419.

319. Kegan R. The evolving self. – Harvard University Press. 1993. – 318 pp.
320. Kelly, K. J., Metcalfe, J. Metacognition of emotional face recognition. – *Emotion*, 2011, 11. – P. 86–96.
321. Kuhl J., Blankenship V. The dynamic Theory of achievement motivation: From episodic to dynamic thinking / *Psychological Review*. – 1979, 86.
322. Maslow, A. H. Motivation and behavior. – New-York: Harper & Row, 1954. – 620 p.
323. Maustakas G. Theory and Method of Phenomenological Research. – N.Y.: Press, 1998. – 241 p.
324. Meier H. W. Three theories of child development. – N.Y.: Harper & Row, 1965. – 314 p.
325. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al. SAGE Publications. 2002. – 253 p.
326. Metcalfe J. Shimamura A. P. Metacognition: Knowing about Knowing / Cambridge: MIT Press, 1994.
327. Nelson T. O., Narens L. Metamemory: a theoretical framework and new findings // In G. Bower The Psychology of Learning and Motivation, Vol. 26. – New York: Academic Press, 1990. – P. 125–141.
328. Schmidt H. D. Psychologie. Allgemeine Entwicklungspsychologie. – Berlin, 1970.
329. Simon H. A. Administrative behavior / H. A. Simon – N. Y., 1947. – 236 p.
330. Skinner, B. F. Baby in a box: The mechanical baby-tender. – *The Ladies Home Journal*, 1945, 62. – P. 131–138.
331. Stagnitti K. Understanding play: The implications for play assessment [Electronic resource]: Karen Stagnitti // *Australian Occupational Therapy Journal*. – 2004. – № 51. – P. 3–12.
332. Theresen C. E., Mahoney H. J. Behavioral self-control. – N. Y., 1974. – 242 p.
333. Tomasello, M. A Natural History of Human Thinking. – Harvard University Press, 2014.
334. Tulving E. Madigan E. Memory and Consciousness // *Review of Psychology*. – Vol. 26. – 1972. – P. 1–12.

335. Ungerer J., Zelazo P., Kearsley R., O'Leary K. Developmental changes in the representation of objects in symbolic play from 18 to 34 months of age. – *Child Devel.* 1981. – V. 52. – P. 186–195.

336. Winnicott D.W. Playing: Its theoretical status in the clinical situation // *International Journal of Psychoanalysis.* 1968. № 49. – 591 p.

337. Winnicott D.W. Metapsychological and clinical aspects of regression within the psychoanalytical setup // *Through Pediatrics to Psychoanalysis: Collected Papers.* – London: Karnac Books. – 2002. – Vol. 36.

338. Yussen S.R. (Ed.). *The Growth of Reflection in Children.* – Orlando, FL: Academic Press. 1985. – 280 p.

339. URL : <http://www.essex.univ.psy.com>.

340. URL : <http://www.hok.no/marias/memetics/>

341. PsyJournals.ru. URL : http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n1/50107_full.shtml [Портал психологических изданий. Подходы к пониманию игры в современной западной психологии // Современная зарубежная психология. – 2012. – Том. 1. – № 1].

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Структурный план исследования игровой деятельности и ее генезиса	5
1.1. Специфика структурного плана исследования игровой деятельности и ее генезиса	5
1.2. Психологическая архитектоника игровой деятельности как основа ее системогенеза	19
1.3. Закономерности генезиса основных психологических «составляющих» игровой деятельности	41
1.3.1. Особенности формирования целеобразования в игровой деятельности	42
1.3.2. Закономерности генезиса мотивационного обеспечения игровой деятельности	58
1.3.3. Формирование и развитие информационной основы игровой деятельности	73
1.3.4. Закономерности генезиса процессов принятия решения в игровой деятельности	86
1.3.5. Специфика генезиса процессов прогнозирования, планирования и программирования в игровой деятельности	106
1.3.6. Формирование и развитие индивидуальных качеств в игровой деятельности	116
1.3.7. Генезис исполнительской части игровой деятельности	127
1.3.8. Специфика генезиса контрольно-коррекционных процессов в игровой деятельности	143
1.3.9. Общие особенности генезиса игровой деятельности	147
Глава 2. Функциональный план исследования игровой деятельности и ее генезиса	157
2.1. Постановка проблемы исследования	157
2.1.1. Общая характеристика функционального плана исследования	157
2.1.2. Специфика функционального исследования систем со «встроенным» метасистемным уровнем	169
2.2. Архитектоника временной системности	186
2.3. Деятельность как система темпорального типа	209

2.3.1. Темпоральная системность в структурно-функциональной организации деятельности	209
2.3.2. Действие как структурная «единица» темпоральной организации деятельности	221
2.3.3. Темпоральная системность в структурно-уровневой организации деятельности	227
2.4. Генезис темпоральной организации деятельности	250
2.5. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности	288
2.5.1. Постановка проблемы исследования	288
2.5.2. Закономерности генезиса темпоральной организации «первичных» психических процессов	293
2.5.3. Параметр времени в организации и генезисе системы психических процессов	323
2.5.4. Закономерности генезиса темпоральной организации «вторичных» психических процессов	347
2.5.5. Темпоральная системность в генезисе рефлексии как «третичного» психического процесса	399
2.6. Темпоральная системность как детерминанта генезиса психики и деятельности	420
2.7. Темпоральная системность в генезисе самопрезентированности психики	438
2.8. Генезис основных принципов системной формы организации в игровой деятельности	449

Глава 3. Генетический план исследования игровой деятельности	462
3.1. Постановка проблемы исследования	462
3.1.1. Общая характеристика генетического плана исследования	462
3.1.2. Специфика метасистемогенеза как типа развития	472
3.1.3. Процессуальные детерминанты в генезисе деятельности	490
3.2. Закономерности генезиса интегральных процессов психической регуляции деятельности	493
3.3. Формирование и развитие игровой деятельности в структуре макрогенеза основных типов деятельности	523

3.3.1. Формирование интегральных процессов как фактор генезиса регулятивной подсистемы психики	523
3.3.2. Общесистемный регулятивный инвариант как латентная структура генезиса основных типов деятельности	534
3.3.3. Проблема основных типов деятельности	541
3.3.4. Закономерности взаимосвязи и взаимопереходов основных типов деятельности	567
3.4. Специфика формирования и развития игровой деятельности как процесса метасистемогенеза	607
3.5. Исследование генезиса игровой деятельности как условие разработки общей теории системогенеза	650
Список литературы	660

Научное издание

СИСТЕМОГЕНЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игра. Учение. Труд

Том III

Карпов Анатолий Викторович

Карпова Елена Викторовна

СИСТЕМОГЕНЕЗ

ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Структурно-функциональная организация
и генетическая динамика**

Монография

Авторская редакция

Компьютерная вёрстка М. В. Бакаевой,
издательское бюро «Филигрань».

Подписано в печать 27.04.17. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 42,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 17060.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.
pechataet@bk.ru